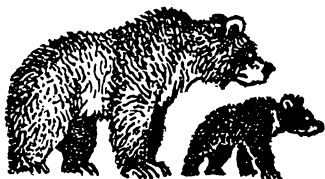

ДЖЕЙМС
ОЛИВЕР
КЕРВУД

БРОДЯГИ СЕВЕРА

ДЖЕЙМС ОЛИВЕР КЕРВУД

ГРИЗЛИ

КАЗАН

**БРОДЯГИ
СЕВЕРА**

**В ДЕБРЯХ
СЕВЕРА**

84.7 США
К 36

Переводы с английского

Иллюстрации
Л. Т. Кузнецова

К $\frac{4703040100-2528}{080(02)-91}$ 2528—91

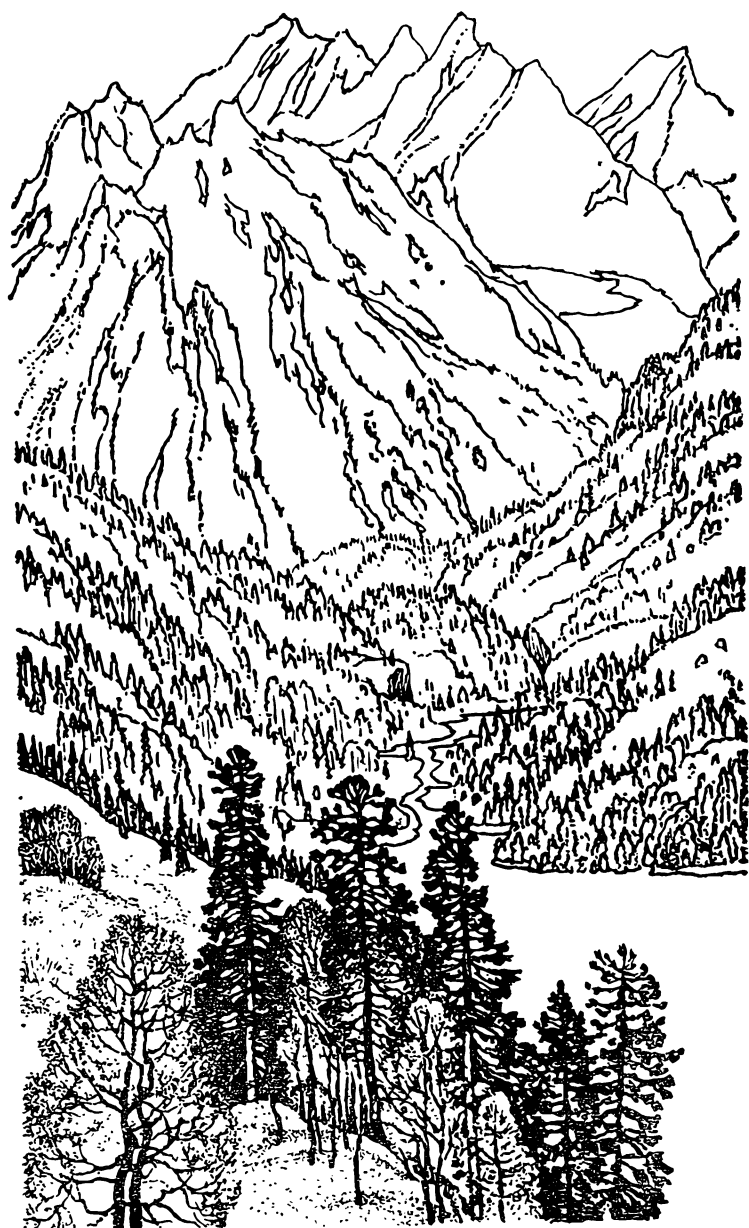
ISBN 5—253—00450—5

© Издательство «Правда».
Составление. 1988.
© Кузнецов Л. Т. Иллюстрации. 1988.

ГРИЗЛИ

ПОВЕСТЬ

ОТ АВТОРА

Предлагая читателю свою книгу о жизни природы, я тем самым выступаю со своего рода исповедью и выражением надежды. Это исповедь человека, который много лет охотился и бил зверя, прежде чем ему открылось, что дебри могут предоставить более захватывающее развлечение, чем убийство. И это надежда, что написанное мной, возможно, заставит и других почувствовать и понять, что больше всего охота захватывает не тогда, когда бьешь зверя, а когда оставляешь ему жизнь.

Само собой разумеется, на «больших открытых пространствах», чтобы жить, приходится бить зверя. Человеку нужно мясо, без мяса не проживешь. Но когда бьешь зверя для пропитания, то ты еще неповинен в грехе убийства. Это не тот грех, о котором мне всегда напоминает один день в горах Британской Колумбии, когда меньше чем за два часа я подстрелил на одном и том же склоне горы четырех гризли. Это было истреблением, может быть, целых ста двадцати лет живой жизни за какие-нибудь сто двадцать минут. И это только один пример из многих, которые заставляют меня смотреть на себя, каким я был в те времена, почти как на преступника, потому что когда бьешь зверя только ради охотничьей страсти и азарта, то это немногим отличается от настоящего убийства.

В какой-то очень малой степени мои книги о животных являются возмещением того ущерба, который я жаж-

ду искупить. Самым большим моим желанием было не только написать увлекательный роман, но и сообщить ему фактическую достоверность.

В жизни диких зверей, как и в человеческой жизни, есть свой трагизм, свой особый юмор, свой пафос. Есть множество необыкновенно интересных фактов, действительных событий и действительных персонажей, написать о которых просто необходимо, и вряд ли кому-нибудь нужно, чтобы при этом что-то выдумывали.

В «Казане» я пытался изобразить ту пору моей жизни на Севере, когда мне довелось близко узнать диких собак.

В «Гризли» я скрупулезно придерживался фактов, с какими сталкивался, наблюдая жизнь зверей, о которых пишу. Малыш Мусква пробыл со мной в Канадских Скалистых горах все лето и осень. Пипунескус похоронен в районе Файерпенских гор, и в головах у него, совсем как на могиле белого человека, положена большая каменная плита. Двое медвежат, которых мы откопали из берлоги на Атабаске, умерли. А Тэр все еще живет, потому что его владения лежат в местах, куда охотники не забираются. И так оно и было: когда наконец представился удобный случай убить его, мы этого не сделали. В этом году (в июле 1916 года) я собираюсь еще раз побывать в стране Тэра и Мусквы. Думаю, что если опять увижу Тэра, то узнаю его, потому что это подлинное чудовище. Но Мусква за два года превратился из медвежонка во взрослого медведя. И все-таки я верю, что он узнает меня, если нам придется еще раз встретиться. Лышу себя надеждой, что он еще не забыл сахар и то, как бессчетное множество раз спал по ночам со мной в обнимку, совместные наши походы по ягоду и за кореньями и те веселые дружеские потасовки, которыми мы с ним так часто развлекались в лагере. Не исключено, однако, что и он не простит мне тот последний день, когда мы сбежали от него, оставив медвежонка в горах одного со своей свободой.

Джеймс Оливер Кервуд

Оуоссос, Мичиган
5 мая 1916 года

Глава I

КОРОЛЬ И ЕГО ВЛАДЕНИЯ

Безмолвно и неподвижно, словно огромный красный утес, стоял Тэр, оглядывая свои владения. Маленькие и широко поставленные глаза его, как и у всех гризли¹, видели плохо. На расстоянии трети или полумили ему еще удавалось рассмотреть козу или горного барана, но дальше все исчезало либо в сверкающем солнечном мареве, либо в непроглядном мраке ночи, и только по запахам и звукам Тэр догадывался о том, что творится вокруг. Он и теперь не мог видеть, что происходило внизу, в долине. Ветер приносил оттуда странный и непонятный запах, который беспокоил Тэра. Именно это и насторожило его, и теперь Тэр стоял тихо, не шевелясь. Тщетно ум животного бился над разрешением загадки. Пахло не карibu² — их-то он убивал немало, — не козой и не горным бараном. Это не был запах ленивых толстых сурков, нежащихся на согретых солнцем скалах, — сурков он ел сотни раз... Этот запах не вызывал у него ни злобы, ни страха. Тэра разбирало любопытство, и все же он не решался спустить-

¹ Г р и з л и — одна из пород крупных медведей, по расцветке серый, живет в Северной Америке.

² К а р и б у — некрупный канадский олень.

ся вниз. Удерживала на месте осторожность. Но, даже если бы у Тэра было прекрасное зрение, он все равно не узнал бы больше того, что рассказал ему ветер.

Тэр стоял у самого края уступа скалы. В одной восьмой мили ¹ под ним расстилась долина, а на таком же расстоянии вверх от него шла расщелина, по которой медведь спустился сюда вчера днем. Ложбинка на уступе горы, не более акра ² величиной, заросла по краям роскошной мягкой травой и цветами: пестрели фиалки, лоскутки незабудок, дикие астры и гиацинты. А посредине ее была жидкая грязь, и место это, футов ³ в пятьдесят шириной, Тэр посещал всякий раз, когда у него начинали болеть ноги.

На север, восток и запад в золотистом свете июньского утра распахнулась удивительная панорама Канадских Скалистых гор. Отовсюду — из прорезанных в сланце ложинок и узких теснин, со скал, подбирающихся в линии вечных снегов, из долин — несло, наполняя округу, монотонное, ласкающее журчание. Реки, потоки и ручьи стекали вниз из-под самых облаков, оттуда, где лежали вечные снега, и в воздухе, не умолкая, звучала музыка бегущей воды. Все благоухало. Последний месяц северной весны, июнь, шел на убыль, уступая место первому месяцу горного лета.

Ранние цветы уже покрыли солнечные склоны яркими коврами — красными, белыми, пурпурными. И все живое пело: толстые сурки на скалах, важные гоферы ⁴ на своих холмиках, огромные шмели, перелетающие с цветка на цветок, ястребы, орлы, парящие над вершинами. Даже Тэр и тот по-своему пел: когда он всего несколько минут назад топтался в вязкой грязи, из огромной груди гризли вырывалось какое-то странное урчанье, не похожее ни на его воркотню, ни на рев. Это значило, Тэр доволен — это была его песня.

И вот прекрасный день вдруг как-то сразу померк. Не шевелясь, Тэр все еще принюхивался к ветру. Он был озадачен. Запах волновал его, хотя и не вызывал тревоги. Незнакомый запах действовал на гризли так же, как первый обжигающий глоток бренди на ребенка.

¹ М и л я — английская мера длины, равная приблизительно 1,852 километра.

² А к р — мера земли, равная 4046,86 м²

³ Ф у т — английская мера длины, равная 30 сантиметрам.

⁴ Г о ф е р — мешетчатая крыса, североамериканский грызун.

И низкое, зловещее, как отдаленный гром, рычание вырвалось у него из груди. Сознание подсказало наконец, что владыка этих просторов не кто-нибудь, а он, гризли, и появление здесь какого бы то ни было непонятого ему запаха — вещь просто недопустимая.

Медленно поднялся он во весь свой десятифутовый рост и, как дрессированная собака, уселся, уронив на грудь отяжелевшие от облепившей их грязи передние лапы. Десять лет прожил Тэр здесь, в горах, а такого запаха ему не довелось слышать. И никак нельзя было примириться с этим. Он ждал, пока запах усилится.

Тэр не прятался. Резко выделяясь на фоне гор, стоял он, не заботясь, что его увидят. Размеры его казались чудовищными, а новая июньская шуба отливала на солнце золотисто-коричневым блеском. Передние лапы его толщиной были почти с туловище человека, из них торчали огромные когти-ножи, по пяти с половиной дюймов¹ каждый. Лапы гризли пропахали в грязи две параллельные борозды, расстояние между которыми было не меньше пятнадцати дюймов. Он был толстый, гладкий и могучий. Глазки, не больше мелких орехов гикори², сидели в восьми дюймах один от другого. Два верхних клыка, острые как кинжалы, были длиной с большой палец мужчины, а огромным челюстям ничего не стоило перегрызть шею карибу.

Тэру еще не приходилось встречаться с человеком, и еще ничто не могло ожесточить его. Подобно большинству гризли, он никогда не убивал ради удовольствия убить. Из целого стада выбирал он одного карибу, которого и съедал без остатка, высосав мозг из каждой косточки. Царствовал Тэр мирно. И требовал он только одного: «Не тронь меня». Это же самое говорила и вся его поза, когда, сидя на задних лапах, он принюхивался к незнакомому запаху.

Неприступные вершины гор вздымались высоко в небо. Могучий, одинокий, величественный, гризли был под стать этим горам. Равных ему не было в горных долинах. Гризли неразлучны с горами — так повелось из века в век, — и Тэр был весь плоть от плоти и кровь от крови этих гор. Среди них начиналась, среди них и угаснет вся его родословная.

¹ Д ю й м — мера длины, равная приблизительно 2,54 сантиметра.

² Г и к ó р и — дикий орешник с мелкими орехами.

До сих пор не случалось такого, чтобы кто-нибудь мог усомниться в могуществе и правах Тэра, разве только его же сородичи. Но с ними он обычно дрался по всем правилам и нередко — насмерть... И он готов был к новым схваткам, пусть только посягнут на его права. А пока его не свергли, он здесь властелин, вершитель судеб и — захоти только им быть — деспот.

Династия, к которой принадлежал Тэр, царила здесь, в долинах, и на склонах гор испокон веков, и все живое было послушно ее велениям. Правил здесь и Тэр. Делал он это попросту. Его ненавидели, перед ним трепетали. Но сам он не знал ни ненависти, ни страха и действовал в открытую. Ему ли было прятаться от того неизвестного, что надвигалось на него снизу, из долины?

Пока он сидел, поводя острым коричневым носом, какая-то неясная нить протянулась в сознании гризли к далеким поколениям предков. Тэр никогда раньше не слышал подобного запаха, и все же теперь тот не казался ему совершенно незнакомым. Запах не находил себе названия и не вызывал никакого определенного образа, но Тэр уже знал, что это — угроза.

Минут десять сидел гризли, словно каменное изваяние. А потом ветер переменялся, и запах стал слабеть, пока не исчез совсем. Плоские уши Тэра слегка приподнялись. Медленно повернул он свою огромную голову и оглядел зеленый склон и уступ. И теперь, когда воздух был снова чист и свеж, он сразу забыл этот беспокоивший его запах. Гризли опустил на четвереньки и возобновил прерванную охоту на гофера.

Зрелище получалось довольно забавное. Тэр весил добрую тысячу фунтов¹, а горный гофер не больше шести дюймов величиной весит шесть унций². Но Тэр мог без усталости копать землю хоть час, чтобы достать маленького, толстого гофера и проглотить его, как пилюлю. Это было лакомство, на поиски которого Тэр не жалел ни трудов, ни времени.

Облюбовав нору, расположение которой его устроило, гризли принялся разгребать землю, как собака, охотящаяся за крысой. Тэр находился на самом верху склона. Еще раз или два в последующие полчаса поднимал он голову, но странный запах из долины больше не беспокоил его.

¹ Ф у н т — мера веса, равная 409 граммам.

² У н ц и я — мера веса, равная приблизительно 30 граммам.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

А тем временем милей ниже, в долине, там, где ель и пихта, подступая к оврагу, начинали редеть, Джим Ленгдон придержал лошадь. Долго смотрел он перед собой, затаив дыхание. Потом вздохнул с наслаждением и, подогнув правую ногу, удобно уперся коленом в луку седла. Он ждал. Отстав от него ярдов¹ на двести — триста, Отто, все еще не выбравшийся из леса, никак не мог справиться с Дишпен, упрямой вьючной кобылой.

Ленгдон улыбался, прислушиваясь к выкрикам спутника, грозившего Дишпен всевозможными карами, начиная с обещания немедленно вспороть ей брюхо и кончая посулом более милосердной смерти — от удара дубинкой. Дух захватывало от всех этих обещанных ужасов, на выдумку которых разъяренный Отто бывал неистощим. Однако на лошадей они не производили никакого впечатления. У Ленгдона же вызвали улыбку и восхищение. Он прекрасно знал, что, как только огромный, добродушный Брюс Отто упрется плечом в тюк на спине лошади, желая помочь ей, именно в этот момент Дишпен опрометью кинется вперед, а уж после этого бедняге не останется ничего другого, как разразиться такими проклятиями, от которых кровь стынет в жилах.

Но вот одна за другой все шесть вьючных лошадей экспедиции выбрались из чащи. Здоровенный детина верхом на индейском горном пони замыкал шествие. Он сидел в седле согнувшись, подтянув колени почти к самому подбородку: такая посадка выработалась у него за долгие годы жизни в горах, да и то потому, что нелегко, конечно, человеку шести футов и двух дюймов ростом ехать верхом на пони.

Ленгдон спешил и осмотрелся. Его отросшая светлая борода подчеркивала густой загар лица. Расстегнутый ворот рубашки открывал обветренную и загорелую шею. Серо-голубые глаза его, острые и проницательные, изучали окрестность с веселым упорством охотника и искателя приключений.

Ему было тридцать пять лет. Половину своей жизни он проводил в диких местах, а все остальное время писал об увиденном.

¹ Яр д — английская мера длины, равная 91 сантиметру.

Спутник его был лет на пять старше, но зато на шесть дюймов выше, если, конечно, лишние шесть дюймов можно считать преимуществом. Брюс полагал, что никакого преимущества здесь нет. «Вся беда в том,— говаривал он,— что я никак не перестану расти».

Он подъехал к Ленгдону и спешился.

— Видел ты что-нибудь подобное? — спросил Ленгдон.

— Недурное местечко,— согласился Брюс.— И самое подходящее для лагеря. Здесь тебе и карибу и медведи. Свежее мясо нам не помешает. А ну-ка, дай спичку, Джим.

У них вошло в обычай раскуривать трубки от одной спички. После первой глубокой затяжки Ленгдон кивнул в сторону леса, из которого они только что выбрались.

— Здесь бы и разбить лагерь,— сказал он.— Сухой хворост, проточная вода и пихта; из пихты можно устроить хорошие постели. А лошадей стреножим и выпустим на ту лужайку в миле отсюда, через которую мы проезжали. Там и травы и дикой тимофеевки край непочатый.— Он взглянул на часы.— Еще только три. Можно отправляться дальше... Но... Как, по-твоему, может быть, задержимся на денек-другой, посмотрим, что здесь хорошего?

— Что ж, пожалуй,— отозвался Брюс.

Он сел, прислонившись спиной к скале, и пристроил на коленях длинную подзорную трубу из меди. Труба эта была реликвией еще времен гражданской войны.

Ленгдон отстегнул от седла бинокль, привезенный из Парижа.

Они сидели плечо к плечу, внимательно исследуя холмистые склоны и зеленые скаты гор, возвышавшихся перед ними.

Вот она, дикая, «неведомая страна», как окрестил ее Ленгдон. Ведь к этим местам невозможно было подступиться; непроходимые дебри окружали их со всех сторон, и, насколько можно было судить, нога человека еще не ступала здесь. Двадцать дней продирались Брюс и Ленгдон сквозь эту чащу и прошли всего сто миль; каждая миля досталась им с трудом. Вчера днем перевалили через гребень Великого Водораздела, который, казалось, расколол самые небеса надвое, а теперь они рассматривали первые зеленые склоны и величавые вершины Файерпенских гор.

На севере — а они направлялись на север — протекала река Скина; на западе и юге лежала горная страна Бэбин с бесчисленными реками и озерами; на востоке, за Великим Водоразделом, — горный район реки Оминеки и притоки Финлея.

Охотники ушли из обжитых мест десятого мая, а сегодня уже тринадцатое июня. Теперь они наконец у заветной цели. Два месяца пробирались они в эти края, куда еще не проникал человек. И их старания увенчались успехом. Сюда не забредал ни охотник, ни старатель. Сказочная долина расстилалась перед ними. И сейчас, на пороге ее тайн и чудес, Ленгдон испытывал ту особую радость и упоение, которые понятны только людям одного с ним душевного склада.

Его друг и товарищ Брюс Отто, с которым он пять раз забирался на север, считал, что все горы совершенно одинаковы. В горах он родился и прожил жизнь. В них же, скорее всего, и умрет.

Брюс вдруг резко толкнул Ленгдона локтем в бок. — Вижу трех карибу, — сказал он, не отрываясь от подзорной трубы. — Идут поперек склона милях в полутора вверх от долины.

— А я — козу с козленком. Вон там, на черном сланце первой горы справа, — отозвался Ленгдон. — Бог ты мой! А вот и «батюшка» смотрит на нее вверх, с утеса... Да у него борода в целый фут длиною! Ставлю что хочешь, Брюс, — мы очутились в настоящем райском саду.

— Пожалуй, — рассеянно сквозь зубы процедил Брюс, пристраивая подзорную трубу повыше на колене. — Здесь полным-полно горных баранов и медведей, уж поверь моему слову.

Минут пять они молча наблюдали. Позади них лошади жадно щипали густую, сочную траву. Долина, казалось, спала, затопленная морем солнечного света. И только голос воды, бегущей с гор, звенел в ушах Ленгдона и Отто. И Ленгдон подумал, что так бывает только во сне. Долина напоминала огромную, уютно свернувшуюся кошку. А все звуки, слившиеся в их ушах в одно мелодичное журчание, были ее блаженным сонным мурлыканьем.

Ленгдон все еще наводил бинокль, чтобы поближе разглядеть козла, застывшего на утесе, когда Отто снова заговорил.

— Вижу гризли, здоровенного, как дом, — сообщил он бесстрастно.

Редко кому удавалось нарушить его невозмутимость. Разве что вьючным лошадям и особенно этой Дишпен. Самые же волнующие сообщения, вроде последнего, Брюс делал с такой небрежностью, словно речь шла о букетике фиалок.

Ленгдон резко выпрямился.

— Где? — спросил он и нагнулся над плечом товарища, проследживая направление подозрительной трубы. Нервы его напряглись.

— Видишь, вон там склон у второго отсюда перевала... прямо за ущельем? — сказал Брюс, прищуривая глаз. — Он как раз на полпути к этому перевалу. Выкапывает гофера.

Ленгдон навел бинокль на склон и ахнул.

— Видишь? — спросил Брюс.

— Как будто перед самым носом, — отозвался Ленгдон. — Брюс, да ведь это самый большой медведь во всех Скалистых горах!

— Если не он, то его двойник, — усмехнулся невозмутимый Брюс. — Он больше твоего восьмифутового на добрую дюжину дюймов, Джимми! И... — на самом интересном месте Брюс умолк, вытащил из кармана плитку черного «макдональда»¹ и откусил добрый кусок, не отрываясь при этом от подозрительной трубы, — ...и ветер нам благоприятствует, а он сейчас так увлекся, что ничего не замечает, — закончил Брюс и поднялся.

Вскочил и Ленгдон. В такие минуты товарищи понимали друг друга без слов. Они завели лошадей обратно в лес и привязали их там. Из кожаных чехлов вытащили ружья и зарядили их крупным зарядом. После этого оба минуты две изучали склон и подступы к нему невооруженным глазом.

— Можно пробраться по ущелью, — предложил Ленгдон.

Брюс кивнул.

— По-моему, оттуда можно стрелять ярдов с трехсот, — сказал он. — Лучшего не придумаешь. Если подходить снизу, он почует нас. Эх, будь это часа на полтора раньше!

— Тогда мы бы залезли на гору и свалились прямо на него! — со смехом отозвался Ленгдон. — Когда дело доходит до лазанья по горам, то второго такого сумасшедшего, как ты, Брюс, днем с огнем не сыщешь. Ведь

¹ «Макдональд» — название жевательного табака.

ты способен перевалить хоть через Хардести или Джикай, лишь бы подстрелить козла сверху, пусть даже ты мог бы с тем же успехом сделать это и не забираясь на гору. Хорошо, что сейчас не утро. Нам удастся добратсья до этого медведя и по ущелью.

— Возможно,— сказал Брюс.

И они отправились.

По зеленым, цветущим лугам они шли не скрываясь, пока не приблизились к гризли примерно на полмили. Дальше он уже мог увидеть их. Ветер переменился и задул прямо в лицо. Они заторопились и не сбавляли хода, пока почти вплотную не подошли к склону, скрывавшему медведя. Теперь до него идти было всего минут пятнадцать. Еще через десять минут они вышли к ущелью, заваленному камнями; весенние потоки, веками падающие со снеговых вершин, промыли его в склоне горы. Здесь они внимательно огляделись вокруг. Великан гризли находился сейчас от них ярдах в шестистах вверх по склону и меньше чем в трехстах от ближайшего к нему выхода из ущелья. Поэтому Брюс заговорил шепотом.

— Ты поднимаешься наверх и подкрадешься к нему, Джимми,— сказал он.— Если промажешь или только ранишь его, то он сделает одно из двух... а то и из трех: займется тобой, или удерет через расщелину, а то и спустится в долину... вот здесь. Помешать ему уйти через расщелину мы не сможем. А если он кинется на тебя... останется одно — прыгать в ущелье. Скорей же всего, если ты не убьешь его сразу, он кинется сюда. Здесь-то я его и буду стеречь. Желаю удачи, Джимми!

С этими словами он выбрался из ущелья и притаился за скалой, откуда можно было наблюдать за гризли. Ленгдон же стал осторожно взбираться по отвесной стене ущелья.

Глава III ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Во всей этой сонной долине ни одно живое существо не было занято так, как Тэр. Медведь этот был, так сказать, личностью весьма своеобразной. Подобно иным людям, он очень рано укладывался спать. В октябре его начинало клонить ко сну, а в ноябре он уже заваливался на боковую в долгую спячку. Спал до апреля и поднимался на неделю, а то и дней на десять позже остальных медведей. Сон у него был богатырский. Но зато, когда он

вставал, сна не оставалось ни в одном глазу. В апреле и мае он позволял себе вздремнуть лишь считанные минуты на согретых солнцем скалах. Но с июня и до середины сентября уже дважды в сутки спал часа по четыре, и спал по-настоящему.

В то время как Ленгдон начал осторожно подниматься из ущелья, Тэр был занят по горло. Он поймал того гофера, которого откапывал, и слопал одним духом этого толстого, почтенного вида патриарха. А теперь с увлечением заканчивал свою трапезу случайно попавшейся толстой белой гусеницей и несколькими кислыми муравьями. Он вылавливал их под камнями. В поисках этого лакомства Тэр орудовал правой лапой, переворачивая ею огромные глыбы. Девяносто девять медведей из ста, а то и все сто девяносто девять из двухсот — левши. Тэр же все делал правой лапой! Это давало ему большое преимущество в драках, так легче было ловить рыбу, да и раздирать мясо тоже было сподручней. Дело в том, что правая передняя лапа у гризли намного длиннее левой. Она настолько длиннее, что если бы гризли вдруг лишился своего шестого чувства — чувства ориентации, то ходил бы, как привязанный, по кругу.

Продолжая свои поиски, Тэр двигался в сторону ущелья. Огромная голова была низко опущена. На близком расстоянии его зрение по своей остроте могло поспорить с микроскопом. А обоняние было настолько тонким, что ему ничего не стоило поймать красного горного муравья даже с закрытыми глазами. Тэр выбирал гладкие, плоские камни. Его огромная правая лапа с длинными когтями действовала столь же совершенно, как и рука человека. Приподнимет ею камень, потянет раза два носом, лизнет горячим плоским языком — и пошел к следующему. Он относился к своему делу чрезвычайно серьезно, как слон, ищущий земляные орехи в стоге сена, и не видел в своих действиях ничего смешного. Ведь не для смеха же, на самом деле, выдумывала все это сама природа. Уж она-то знала, что делала!

Временем своим Тэр располагал более или менее свободно и за лето, действуя по своей системе, добывал добрую сотню тысяч кислых муравьев, сладких гусениц и разных сочных насекомых, не говоря уж о целых полчищах гоферов и маленьких горных кроликов. Вся эта мелюзга помогала ему нагулять впрок необходимые запасы жира, за счет которых он жил во время долгой зимней спячки. Вот поэтому-то природа и превратила его зе-

леновато-карие глазки в пару микроскопов, безошибочных на расстоянии нескольких футов и почти бесполезных на расстоянии в тысячу ярдов.

Только он собрался перевернуть новый камень, как вдруг замер на месте и целую минуту простоял, почти не шелохнувшись. Потом голова его медленно наклонилась к самой земле. Чуть внятный, необычайно привлекательный запах доносился до него. Запах был до того слаб, что Тэр боялся шевельнуться — как бы не потерять его направление. Так и стоял, пока не убедился, что не ошибается. Поводя носом и принюхиваясь, он спустился на два ярда ниже. Запах усилился. Еще два ярда — и запах привел его к каменной глыбе. Она была огромна и весила фунтов двести. Но правая лапа Тэра отшвырнула ее, словно мелкую гальку. Сейчас же из-под нее раздалось яростное, протестующее верещанье, и маленький полосатый горный бурундук метнулся оттуда. Он угодил прямо под левую лапу Тэра, которая обрушилась на него с силой, способной сломать шею карибу. Но Тэра привлек сюда не запах самого бурундука, а аромат припасов, которые тот хранил под камнем. И все это сокровище — с полпинты¹ земляных орехов, заботливо сложенных в небольшой впадине, выстланной мхом, — досталось ему в целости и сохранности. Орехами их, собственно говоря, только называют. А походили они скорее на картофелины размером с вишню и были крахмалистыми, сладкими и очень питательными. И Тэр, урча, лакомился ими в полном упоении. Поиски его завершились пиршеством.

Гризли не слышал Ленгдона, подбиравшегося к нему по расщелине все ближе и ближе, и не чуял его — ветер, как на грех, дул в сторону человека. О ядовитом запахе, так обеспокоившем его час назад, Тэр уже забыл. Настроение у гризли было самым радужным. Ведь природа наделила его добродушным нравом. Потому-то Тэр и был таким толстым и гладким. Раздражительные медведи со злобным, вздорным характером всегда тощие. И настоящий охотник отличит такого с первого же взгляда — он все равно что взбесившийся слон, отбившийся от стада.

Тэр продолжал свои поиски пищи, подвигаясь все ближе к расщелине. Он был уже всего в каких-нибудь полутораста ярдах от нее, когда услышал шум, заставивший сразу насторожиться.

¹ Пинта — английская мера емкости, равная 567 кубическим сантиметрам.

Взбираясь по отвесной стене ущелья, Ленгдон нечаянно столкнулся с камнем. Тот сорвался и, падая, увлек за собой другие, которые с грохотом обрушились вниз. Притаившийся внизу оврага Брюс беззвучно выругался. Он увидел, как Тэр сел на задние лапы, и приготовился стрелять, если гризли пустится наутек.

Секунд тридцать Тэр сидел на задних лапах, а затем неторопливой рысцой решительно направился к ущелью. Тем временем Ленгдон, задыхаясь и проклиная в душе свое невезение, из последних сил старался одолеть десять футов, оставшихся до края ущелья. Он слышал крик Брюса, но не понял предупреждения. Он цеплялся за скалу, силясь как можно быстрее покрыть последние три-четыре фута, и был уже почти наверху, когда, замешкавшись на миг, поднял глаза. Сердце его забилося так, что, казалось, выскочит. Секунд десять он не в силах был шевельнуться. Взгляд его остановился...

Прямо над ним нависали невероятных размеров голова и огромное плечо чудовища. Тэр смотрел на Ленгдона сверху, разинув пасть и оскалив клыки. Глаза медведя горели зелеными и красными огнями. В этот миг гризли впервые воочию увидел человека. Всей своей огромной грудью вдохнул он горячий человеческий запах и вдруг кинулся от этого запаха прочь, как от чумы.

Ружье оказалось прижатым грудью Ленгдона к скале, и о стрельбе нечего было и думать. С бешеной энергией карабкался охотник вверх, преодолевая последние фута. Камни и щебень скользили и сыпались вниз. Но только через минуту удалось ему подтянуться к краю обрыва и взобраться на него.

Тэр был уже на расстоянии доброй сотни футов. Вперевалку, катясь, как шар, мчался он к расщелине. Снизу, из оврага, резко ударило ружье Отто. Упав на правое колено и облокотившись на левое, Ленгдон открыл огонь с полутора-двух ярдов.

...Случается порой, час, а то и всего минута изменит вдруг судьбу человека. За десять секунд, промелькнувших после первого выстрела из лощины, изменился и Тэр. Он надыхался человеческим запахом. Он увидел человека. А теперь почувствовал, что такое человек, на собственной шкуре. Точно одна из тех молний, которые так часто на его глазах раскалывали темные небеса, сверкнув, обрушилась на него, войдя в тело раскаленным ножом. И одновременно с болью ожога, пронизавшей все тело гризли, до него докатился непонятный грохот,

отдавшийся эхом в горах. Тэр уже взбирался по склону горы, когда пуля ударила его, расплющившись о жесткую шкуру и пробив мякоть предплечья. Кости она, однако, не задела.

Он был в двухстах ярдах от ущелья, когда первая пуля угодила в него, и почти в трехстах, когда его настигла вторая. На этот раз пуля попала в бок.

Ни один выстрел пока еще не ранил эту громадину всерьез. Ее не уложили бы и двадцать таких выстрелов. Но второй остановил медведя. С яростным ревом зверь обернулся назад. Громовый голос раскатился на четверть мили по долине, точно рев бешеного быка.

Брюс услышал медведя одновременно со своим шестым, совершенно бессмысленным выстрелом с семисот ярдов. Ленгдон в эту минуту перезаряжал ружье. Секунд пятнадцать Тэр, подставляя грудь под пули, бросал своим ревом вызов. Он вызывал на бой врага, которого ему уже не было видно. Но вот по спине зверя огненным кнутом хлестнул седьмой выстрел Ленгдона, и, подстегнутый неодолимым ужасом перед молниями, сражаться с которыми было ему не под силу, Тэр кинулся дальше, через расщелину.

Он слышал и другие выстрелы, звучавшие, как гром, но не похожие на тот гром, что ему приходилось слышать в горах. Пули уже не доставали медведя. Преодолевая боль, он стал спускаться в лощину.

Гризли знал: он ранен, но никак не мог разобраться, что это за раны. Когда во время спуска он задержался ненадолго, на земле под его передней лапой быстро набежала небольшая лужица крови. Недоверчиво, с изумлением обнюхал он ее и зашагал на восток. Вскоре на него снова резко пахло человеком. Теперь запах доносил переменившийся ветер. И, хотя Тэру очень хотелось лечь илизать раны, он припустился вперед еще быстрее. За это время зверь крепко усвоил: человеческий запах и боль неразлучны.

Спустившись в низину, гризли скрылся в густом лесу. Сотни раз Тэр поднимался и спускался по этому ручью. Здесь пролегал главный путь, ведущий из одной половины его владений в другую. Инстинктивно зверь выбирал эту дорогу всякий раз, когда бывал ранен или нездоров, а также и тогда, когда наступало время залечь в берлогу. На то у него была особая причина.

Здесь, в этих почти непроходимых чащах у истоков ручья, он родился. И медвежонком пасся на здешней ку-

манике и дикой смородине, на мыльнянке¹ и сумахе². Здесь был его дом. Здесь ему никто не мешал. Это было единственное во всех его владениях место, вторгаться в которое не разрешалось ни одному медведю. Вообще же он относился к своим собратьям вполне терпимо, какими бы они ни были: черными ли, бурыми или гризли. Пусть себе греются на самых вольготных солнечных склонах в его угодьях, лишь бы проваливали при его приближении. Пусть ищут пропитание и спят на солнышке, пусть живут в мире и согласии, лишь бы только не посягали на его владычество. Тэр был настоящим медведем и не прогонял сородичей из своих угодий, разве что (тут уж ничего не поделаешь!) приходилось иногда напоминать, кто здесь является Великим Моголом³. Случалось время от времени и такое. Тогда разгоралась битва. И каждый раз после боя Тэр спускался в эту долину и шел к ручью подлечить свои раны.

Сегодня он брел знакомым путем медленней, чем обычно. Страшно болело предплечье. Минутами боль была так сильна, что лапы его подгибались и он спотыкался. Несколько раз гризли заходил в ручей по плечи, давая холодной воде хорошенько промыть раны. И малопомалу кровотечение прекратилось. Но боль стала еще нестерпимей.

Была и другая причина, почему Тэр избирал этот путь, когда бывал нездоров или получал какие-нибудь увечья. Путь вел к зеленой лужайке с жидкой грязью — его лечебнице.

Солнце садилось, когда медведь наконец добрался туда. Нижняя челюсть его отвисла. Голова все ниже склонялась к земле. Он потерял много крови и выбился из сил, а боль в плече мучила так сильно, что гризли хотелось только одного — вцепиться зубами в этот непонятный огонь и рвать, рвать его в клочья.

Грязевая ванна имела футов двадцать — тридцать в диаметре. Посредине отстоялось зеркальце чистой воды... Грязь была жидкой, прохладной, золотистого цвета, и Тэр погрузился в нее по плечи. Затем он осто-

¹ Мыльнянка — многолетнее травянистое растение из семейства гвоздичных. Мыльнянка лекарственная обладает целебными свойствами.

² Сумах — кустарник, листья которого содержат дубильное вещество.

³ Великий Могол — титул бывших монгольских властителей Индостана. Здесь в значении — властный, могущественный.

рожно привалился на раненый бок. Прикосновение прохладной глины к больному месту действовало, как целебный бальзам. Она залепила рану, и Тэр почувствовал облегчение.

Долго еще лежал он на этом мягком и прохладном ложе. Солнце зашло, сгустились сумерки, яркие звезды высыпали на небе, а Тэр все еще лежал, исцеляя первые раны, нанесенные ему человеком.

Глава IV ПЛАНЫ ОХОТНИКОВ

На опушке леса, в котором ель перемешалась с пихтой, сидели Ленгдон и Отто и курили трубки. Костер уже догорал, и последние красные угольки тлели у их ног. В горах на этой высоте по ночам бывает холодно, и предусмотрительный Брюс поднялся и подбросил новую охапку сухих еловых веток. Затем снова поудобнее улегся, растянувшись во весь свой рост, положил голову на корни ближнего дерева и рассмеялся.

— Смейся, смейся, черт побери! — проворчал Ленгдон. — Говорят же тебе, я дважды попал в него, Брюс. Уж дважды-то как пить дать! А ведь я был в чертовски незавидном положении!

— Особенно когда он смотрел сверху и ухмылялся тебе в лицо, — возразил Брюс, не упускавший возможности посмеяться над неудачей товарища. — Джимми, ведь на таком расстоянии ты бы мог и камнем его пристукнуть.

— Но ружье-то было подо мной! — в который уж раз оправдывался Ленгдон.

— Что и говорить, самое подходящее место для ружья, когда идешь на гризли, — не унимался Брюс.

— Тебя бы на эту кручу! Цеплялся и руками и ногами... Еще немного, и пришлось бы пускать в ход зубы. — Ленгдон сел и, выколов пепел из трубки, заново набил ее. — Брюс, а ведь это самый большой гризли в Скалистых горах!

— И его шкура уже могла бы стать украшением для твоего рабочего кабинета, Джимми, если бы ружье не оказалось под тобой.

— Она и будет его украшать. Я не отступлюсь, — торжественно объявил Ленгдон. — Решено. Разбиваем здесь лагерь. Я доберусь до него, пусть придется потратить хоть

целое лето. Я не променяю его и на десяток других. Девять футов, а то и больше! Голова в бушель¹. А шерсть на плечах дюйма на четыре. И мне, пожалуй, даже не жаль, что я не убил его. Ему всыпали, и впредь он будет держать ухо востро. Теперь охота становится по-настоящему интересной.

— Безусловно,— подтвердил Брюс.— Особенно если снова повстречаться с ним в ближайшие дней семь, пока раны у него еще побаливают. Только смотри, Джимми, лучше уж не прячь тогда ружье под себя... Не стоит...

— А как ты смотришь на то, чтобы стать здесь лагерем?

— По мне, так лучше и не придумаешь: дичи сколько угодно, хорошее пастбище, чистая вода.

Помолчав, Брюс добавил:

— Рана у него нелегкая. Когда он был на вершине, кровь из него так и хлестала.

При свете костра Ленгдон взялся за чистку ружья.

— А как, по-твоему, он не удерет?.. Не может случиться, что он уйдет отсюда совсем?

Брюс даже крикнул от негодования.

— Удерет?.. Чтоб он да сбежал? Он, может, и удрал бы, будь он черным медведем. Но он — гризли. Хозяин в этих местах. Может статься, он некоторое время и будет избегать этой долины, но бьюсь об заклад, уходить отсюда и не подумает. Чем сильнее донимаешь гризли, тем больше он лезет на рожон. Ты гоняешь его, не давая ему передышки, а он лезет на рожон все отчаянней. Пока не сдохнет. И если тебе так приспичило, то мы его, конечно, заполучим.

— Да, приспичило,— повторил Ленгдон с ударением.— Его размеры побивают все рекорды, или я ничего не смыслю. И он нужен мне, Брюс. До зарезу... Как ты думаешь, удастся нам выследить его утром?

Брюс покачал головой.

— Дело не в том, чтобы выследить,— заметил он,— а в самой охоте. После того как на него нападут, гризли все время переходит с места на место. Из этой округи он не уйдет, а вот на открытых склонах больше уже не покажется. Метусин должен быть здесь с собаками дня через три-четыре. Вот когда мы пустим в дело свору эрделей², тогда пойдет потеха.

¹ Б у ш е л ь — мера сыпучих тел, около 35 литров.

² Э р д е л и — порода охотничьих собак.

Ленгдон взглянул на огонь через отполированный канал прочищенного ствола и сказал с явным сомнением: — Не верится мне, чтобы он нагнал нас и через неделю. Уж очень гиблыми местами мы шли...

— Ну, этот старый индеец не сбился бы с нашего следа даже на голых скалах,— убежденно заявил Брюс.— Он будет здесь дня через три, не больше, разве что собаки по глупости будут слишком уж лезть в драку с дикобразами и перекалечатся. А когда они придут...— Брюс встал и потянулся всем телом,— вот тогда-то и пойдет потеха,— закончил он.— По-моему, медведей в этих горах такая пропасть, что не пройдет и десяти дней, как все наши собаки будут перебиты... Хочешь пари?

Ленгдон щелкнул замком, ставя ствол ружья в боевое положение.

— Я доберусь до этого медведя,— сказал он, пропуская предложение Брюса мимо ушей,— и, думаю, мы сделаем это завтра же. Ты, Брюс, конечно, собаку, съел по части охоты на медведя, но мне все-таки кажется, что рана у него слишком тяжелая, чтобы он забрел очень уж далеко.

Около костра у них были устроены постели из мягких веток пихты, и, последовав его примеру, Ленгдон расстелил одеяла.

День выдался трудный, и усталость взяла свое. Не прошло и пяти минут, как Ленгдон уснул.

Он все еще спал, когда на рассвете Брюс выбрался из-под одеяла. Тихо, чтобы не разбудить товарища, натянул сапоги и четверть мили прошагал по густой росе за лошадьми. Через полчаса он вернулся, ведя Дишпен и верховых лошадей. Ленгдон уже был на ногах и разводил огонь. Ленгдон часто думал, что именно такие вот утра, как это, и помогли ему в свое время разочаровать врачей. Ровно восемь лет назад он впервые попал на север. У него была впалая грудь и больные легкие. «Ну что ж, поезжайте, молодой человек, раз уж вы так настаиваете,— сказал один из врачей,— но вы отправляетесь туда на собственные похороны». Теперь же его грудная клетка стала шире на целых пять дюймов, а мускулы — железными.

Из-за гор просочились первые розовые лучи восходящего солнца. Ленгдон всей грудью вдыхал воздух, напоенный ароматом цветов, росы, растений, и вливающее новые силы благоухание пихты. Он не мог, подобно Брюсу, сдерживать радость, доставляемую ему жизнью на

лоне природы. Ему хотелось кричать, петь, свистеть. Но сегодня он держал себя в руках, хотя его и трясла охотничья лихорадка. То же самое, правда, не так бурно, переживал и Отто.

Пока Брюс седлал лошадей, Ленгдон замесил пресные лепешки. Он освоил до тонкостей всю премудрость пекарного искусства охотника. И его метод заключал в себе двойное преимущество: избавлял от хлопот и экономил время. Он развязал один из тяжелых брезентовых мешков с мукой, примял верхний слой кулаками и сделал углубление в муке; влил pintу воды, полчашки жира карибу, добавил вместо дрожжей столовую ложку пекарного порошка, щепотку соли и принялся месить тесто прямо тут же, в мешке. Не прошло и пяти минут, как пресные хлебцы лежали на большом цинковом противне, а еще через полчаса завтрак был готов: поджарилась баранина, сварился картофель, а пресный хлеб так пропекся, что стал золотисто-коричневым.

Когда охотники тронулись из лагеря, на востоке уже показалось солнце. Они проехали долину и, спешившись, стали подниматься по склону горы. Лошади послушно шли за ними.

Выйти на след Тэра было делом нетрудным: большие пятна крови оставались на земле в тех местах, где гризли задерживался, вызывая ревом врагов на честный бой. До вершины горы они шли по оставленному медведем кровавому следу. Трижды за время спуска в долину обнаруживали охотники места, где останавливался Тэр. И на каждом из них видели следы крови, впитавшейся в землю или запекшейся на скале. Миновали лес и вышли к ручью. И здесь, на длинной и узкой песчаной косе, следы лап Тэра заставили их замереть на месте.

Брюс не мог отвести от них глаз. Из груди Ленгдона вырвался возглас изумления. Ни тот, ни другой не произнесли ни слова. Ленгдон вытащил из кармана рулетку и опустился на колени рядом со следами.

— Пятнадцать дюймов... с четвертью! — с трудом говорил он, задыхаясь от волнения.

— Измерь еще раз, — сказал Брюс.

— Пятнадцать... с половиной!

Брюс посмотрел на узкую теснину.

— У самого большого, какого я видел на своем веку, было четырнадцать с половиной, — произнес он, и что-то вроде благоговейного ужаса прозвучало в его голосе. — Его пристрелили на Атабаске, и он считался крупнейшим

гризли, которого случалось убивать в Британской Колумбии... но этот, Джимми... этот еще больше!

Они отправились дальше и еще раз измерили расстояние между следами у края первого из водоемов, в котором Тэр промывал свои раны. Размеры почти полностью совпадали. Теперь пятна крови попадались им лишь изредка. К десяти часам они наконец добрались до лужайки и отыскиали место, где Тэр принимал грязевую ванну.

— Туго же ему пришлось,—негромко заметил Брюс.— Почти всю ночь провалялся здесь.

Движимые одной и той же догадкой, оба посмотрели вперед. В полумиле от них горы образовали узкое ущелье. Туда не проникало солнце, мрак притаился в нем.

— Туго же ему пришлось,—повторил Брюс, не отрывая глаз от ущелья.— Пожалуй, привяжем-ка лошадей. Лучше уж идти дальше без них. Кто знает — может, он и здесь...

Они привязали лошадей в молодой поросли кедра и сняли с Дишпен поклажу. Затем, взяв ружья на изготовку, настороженно вглядываясь и прислушиваясь, вступили в безмолвие и мрак ущелья.

Глава V

МУСКВА

До этого длинного тесного ущелья Тэр добрался еще на рассвете. После грязевой ванны все тело ломило, но рану жгло уже меньше и саднила она слабей, чем вчера. Мучила уже теперь не столько боль в плече, сколько общее недомогание. Медведь был болен, и будь он человеком, то лежал бы сейчас в постели с градусником и врач склонялся бы над ним, подсчитывая пульс.

Медленно, еле волоча ноги, тащился Тэр по ущелью. Обычно такой неутомимый в поисках съестного, сейчас он и думать не мог о еде. Есть не хотелось. То и дело гризли лакал горячим языком холодную воду из ручья. Но еще чаще оборачивался назад и принюхивался. Он знал, что человеческий запах, загадочный гром и необыкновенная молния притаились где-то у него за спиной. Всю ночь он глаз не сомкнул. Настороженность не покидала его и сейчас.

У Тэра не было рецептов для каждой отдельной болезни, и премудрость ботанической науки была ему не-

доступна. Но, создавая его, природа предназначала гризли быть самому себе лекарем. И, как кошка ищет мяту, так же точно и Тэр, когда ему нездоровилось, искал свои лекарственные травы.

Горький вкус имеет не только хина. Все лекарства Тэра были тоже горькими. Пробираясь по ущелью, гризли, не поднимая низко опущенной головы, внимательно обнюхивал молодую поросль и частый кустарник, то и дело попадавшие на пути. Так он набрел на небольшой зеленый участок, заросший кинникеником — красной толкнянкой, этим низко стелющимся по земле растением не выше двух дюймов, с красными ягодами с горошину величиной. Сейчас они были еще зеленые. Горькие, как желчь, эти ягоды содержали вяжущее подкрепляющее вещество. И Тэр поел их. Потом он отыскал ягоды мыльнянки, растущие на кустах, напоминающих смородиновые; на них ягоды уже начинали краснеть и были значительно больше смородиновых. Индейцы едят мыльнянку при лихорадке. Прежде чем продолжать свой путь, Тэр обобрал их немного. Они тоже были горькие. Наконец, пригнувшись к каждому дереву, он нашел то, что ему было нужно: сахарную сосну, из ствола которой местами сочилась свежая смола. Редкий медведь не задержится у сахарной сосны, когда на ней выступает смола. Это и было основное лекарство Тэра, и он принялся ее слизывать. Поглощая смолу, гризли поглощал вместе с ней и все известные медицине лекарства, которые готовят из этого вещества. К тому времени, когда Тэр подошел к концу ущелья, его брюхо было набито разными снадобьями, словно аптекарский склад. В число лекарств входила также хвоя ели и пихты. Больная собака ест траву, больной медведь — хвою пихты, если только ему удастся разжиться ею. Медведь набивает ею весь желудок и кишечник также и за час до того, как завалится в берлогу.

Солнце еще не взошло, когда Тэр добрался до конца ущелья, задержавшись ненадолго у входа в низкую пещеру в отвесной стене горы. С тех пор как он помнил себя, только эту пещеру считал он своим родным домом. Пещера была небольшая, но очень глубокая. Весь пол ее был устлан мягким белым песком. Когда-то, давным-давно, весенний поток просочился через трещину и выточил в горе эту пещеру, в глубине которой так сладко спится, даже когда снаружи температура опускается до пятидесяти градусов ниже нуля.

Десять лет назад мать Тэра забралась сюда и проспала в пещере всю зиму. А когда вышла весной, то за ней неуклюже ковыляло трое маленьких медвежат. Одним из них был Тэр. Он был еще полуслепым и тельце его было почти голым — ведь медвежонок начинает видеть только через пять недель после появления на свет и в это же время начинает обрастать шерстью. С тех пор Тэр уже восемь раз отсыпался в родной пещере.

Захотелось войти и отлежаться в глубине, пока не станет лучше. Минуты две-три гризли постоял в нерешительности у входа в свою пещеру, с наслаждением втягивая знакомый запах, затем принялся к ветру, потянувшему снизу из ущелья. Что-то подсказывало, что лучше не задерживаться.

С западной стороны ущелья начинался крутой подъем на вершину скалы, и Тэр стал взбираться по нему. Солнце уже успело взойти довольно высоко, когда гризли добрался до вершины. Он задержался там, чтобы перевести дух и оглядеть сверху свои владения по ту сторону горного хребта.

Перед ним открылась долина, еще более сказочная, чем та, в которую недавно пришли Брюс и Ленгдон. С того места, где стоял Тэр, вся она казалась каким-то волшебным садом. В ширину она достигала добрых двух миль. Ее обступали зеленые горы. До их середины, до той границы, выше которой деревья уже не растут, были разбросаны причудливыми, живописными группами на фоне ярко-зеленых трав ель и пихта. Одни — не больше декоративных кущ, искусственно высаженных в городском саду. Другие тянулись на целые акры и даже десятки акров. А у подножия склонов — непрерывная кайма леса. И в этих естественных границах простиралась холмистая, пересеченная равнина, вся пестрящая розовыми зарослями иван-чая и горного шалфея, зарослями шиповника и боярышника. По ее ложине бежал ручей.

Спустившись ярдов на четыреста, Тэр повернул на север. Теперь он двигался по зеленому склону, переключаясь от одного перелеска к другому, проходя в полутор-двух сотнях ярдов над опушкой леса. Обычно в таких местах он охотился за мелкой дичью.

Толстые сурки уже вылезли погреться на солнышке. И их протяжный, ласкающий слух посвист уже слышался сквозь журчание горных потоков и наполнял воздух музыкой. Где-то рядом, рукой подать, то и дело раздавался резкий предостерегающий свист, и сурки распла-

стывались на земле, ожидая, пока огромный медведь не пройдет своей дорогой. Посвистывание разом умолкало, и некоторое время слышалось одно только безмятежное бормотание дремлющей долины.

Но Тэру и в голову не приходила мысль об охоте. Дважды повстречался дикобраз — любимейшее лакомство, а гризли прошел мимо, даже не взглянув. Из чащи пахло теплым, свежим запахом карибу, а он и шагу не сделал к зарослям. Проходя мимо темной и узкой расщелины, Тэр услышал запах барсука.

Два часа, не останавливаясь, он все шел и шел на север по горным склонам, а потом спустился к ручью.

Залепившая рану грязь начинала твердеть; отыскав заводь, медведь зашел в воду по плечи и постоял так несколько минут. Вода промыла раны. Еще два часа брел он по ручью, то и дело припадая к воде. И вот наступил, как говорят индейцы, с а п у с у и н — прошло шесть часов после грязевой ванны. Ягоды кинникиника и мыльнянки, смола сахарной сосны, хвоя пихты и ели, вода — все вместе наконец-то оказало свое действие. Тэр почувствовал облегчение. Стало настолько лучше, что впервые за все это время гризли обернулся в сторону, где остались враги, и зарычал.

Плечо все еще саднило, но недомогание как рукой сняло. Несколько минут простоял гризли не двигаясь, раз за разом оглашая округу рычанием, раскаты которого приобрели теперь новый смысл.

До сих пор зверь ни разу не испытывал настоящей ненависти... Он бился с медведями, но его ярость в бою не была ненавистью. Она начиналась у гризли мгновенно и так же быстро проходила, не оставляя после себя теперешней непрерывно нарастающей злобы. Он просто зализывал раны, нанесенные вражескими когтями, и испытывал полное блаженство, стоило только унять боль. Новое же чувство было совершенно иным.

Ненависть к вчерашним врагам сейчас была так велика, что он не мог забыть о ней ни на минуту. Он ненавидел и запах человека и само странное существо с белым лицом, карабкающееся по расщелине. Его ненависть простиралась на все, что было связано с тем и другим.

Это чувство пробудил в нем инстинкт, а только что пережитое не давало ему задремать. Хотя до этого он ни разу в глаза не видел ни одного человека, гризли

сразу же понял, что перед ним — самый заклятый враг, и притом страшнее всех зверей в горах.

Он схватится с любым медведем. Не уступит самой бешеной из волчьих стай. Но от человека нужно бежать! Прятаться! Быть все время настороже и в горах и в долинах! Нужно постоянно присматриваться, прислушиваться, принюхиваться!

Почему Тэр сразу же, как только это существо ничтожных размеров ворвалось в его жизнь, почувствовал и понял, что перед ним враг, страшнее которого быть не может, остается загадкой природы...

В Тэре заговорил инстинкт, который выработался у медведей с незапамятных времен. Человек с дубиной, а позднее — человек с копьем, закаленным на огне, человек со стрелами с кремневыми наконечниками, человек с капканом и западней и, наконец, человек с ружьем — на протяжении веков человек был единственным властелином и повелителем гризли. Сама природа внушила это Тэру через сотню, тысячу, десяток тысяч поколений предков. И теперь впервые в его жизни этот дремавший в нем инстинкт проснулся, предостерегая и настораживая, и гризли все понял. Он, возненавидел человека. Отныне и впредь он будет ненавидеть все, что имеет запах человека. Но вместе с этой ненавистью родилось то, чего он не знал раньше: страх. И если бы человек не донимал Тэра и весь его род, то мир так никогда бы и не узнал гризли под его теперешним родовым именем: Страшный медведь.

А он все шел вдоль ручья своей неуклюжей, но твердой походкой. Голова его была низко опущена. Задними лапами он переступал вперевалку, как все медведи, только у гризли это получается особенно смешно. Клик-клик-клик! — стучали его длинные когти по камням и резко скрежетали по гравии. На мягком песке он оставлял огромные следы.

Та часть долины, в которую он сейчас вступил, имела для него особое значение, и здесь он замешкался, то и дело останавливаясь и поводя носом из стороны в сторону.

Тэр не приносил обета единобрачия, но вот уже много брачных сезонов подряд являлся сюда в поисках своей Исквау. Он всегда мог рассчитывать, что найдет ее здесь в июле. Это была великолепная медведица, приходившая с запада, крупная и сильная, с золотисто-коричневой шкурой. Красивей медвежат, чем у них с Тэром, не было в этих горах.

Исквау расставалась с Тэром еще задолго до их появления на свет, и они рождались, прозревали, жили и дрались в долинах и на горных склонах где-то далеко на западе. Проходили годы. И если Тэру случалось потом преследовать кого-нибудь из них, выгоняя из своих охотничьих угодий, или разукрасить как следует в схватке, то природа милостиво оставляла его в неведении на этот счет.

Он был таким же, как и большинство раздражительных старых холостяков,—недолюбливал малышей. Он был снисходителен к медвежатам лишь настолько, насколько способен какой-нибудь закоренелый женоненавистник быть снисходительным к розовому младенцу. Но жестоким он не был и за всю свою жизнь не убил ни одного медвежонка. Трепал он их немилосердно, когда они набирались нахальства и приближались к нему совсем близко. Но колачивал их при этом только мягкой подушечкой лапы и не сильно—так, чтобы медвежонок только отлетел, перекувыркаясь, как пушистый маленький мячик. Этим и ограничивалось выражение неудовольствия Тэра, когда какая-нибудь случайно забредшая медведица-мать вторгалась со своими чадами в его владения. Во всех же остальных отношениях он вел себя безупречно, как истый джентльмен. За ним никогда не водилось такого, чтобы он стал прогонять медведицу с медвежатами, как бы она ни была ему неприятна. Даже если заставлял их поедаящими убитую им добычу, и то ограничивался только тем, что давал медвежатам шлепка.

Отступить от этого правила ему пришлось лишь однажды. Год назад он с позором изгнал отсюда одну форменную Ксантиппу¹. Эта медведица упорно старалась внушить ему, что никакой он не хозяин здесь. Гризли для поддержания своего мужского достоинства пришлось задать ей основательную взбучку. Она удирала из его царства со всех ног, и трое злых медвежат неслись за ней, подпрыгивая, как черные игрушечные шары, надутые воздухом.

Рассказать об этом следовало, так как иначе читателю будет непонятно то внезапное раздражение, которое охватило Тэра, когда он, огибая кучу валунов, почувствовал этот теплый и, главное, так хорошо знакомый ему

¹ К с а н т и п п а — жена греческого философа Сократа, имя которой стало нарицательным для обозначения злой, сварливой женщины.

запах. Остановившись, он повернул голову и негромко проворчал какое-то свое медвежье ругательство.

В шести футах он него находился медвежонок, один-единешенек. Раболепно распростершись на белом песке, извиваясь и дрожа, он не знал, друг перед ним или враг. Ему было не больше трех месяцев. Он был еще слишком мал, чтобы странствовать одному, без матери. Острая рыжая мордочка и белое пятно на грудке свидетельствовали о его принадлежности к семейству черных медведей, а не к гризли. Всем своим видом он старался дать понять: «Я потерялся... Не знаю, то ли заблудился, то ли меня украли... Я голоден, и мне в пятку попала игла дикобраза». Но Тэр, не обращая на это никакого внимания, снова сердито заворчал и принялся осматривать скалы, отыскивая мать.

Ее нигде не было видно. Не слышно было и ее запаха. Поэтому гризли снова повернул свою огромную голову к медвежонку.

Мусква — так называли бы его индейцы — подполз на своем животике на фут или два поближе и ответил Тэру, дружелюбно изогнувшись в знак приветствия. Потом прополз еще полфута. Раздалось ворчание. «Ни шагу дальше,— говорило оно достаточно ясно,— а то полетишь у меня вверх тормашками!» И Мусква понял и замер на месте, прижавшись к земле.

Тэр еще раз огляделся кругом. Когда же глаза его снова обратились к Мускве, то между ними оставалось уже меньше трех футов. Мусква смущенно ерзал по песку и жалобно хныкал. Тэр замахнулся правой лапой. «Еще один дюйм, и ты у меня получишь!» — проворчал он. Мусква весь изогнулся и задрожал. Облизнул губы красным язычком, сделав это отчасти с перепугу, а отчасти вызывая к милосердию Тэра, и, несмотря на занесенную над ним лапу, подполз к гризли еще дюйма на три. Тэр еще раз проворчал что-то себе под нос, но уже потише. Тяжелая лапа опустилась на песок.

В третий раз он огляделся, потянул носом и снова заворчал. Каждый старый, закоренелый холостяк безусловно понял бы, что он хочет сказать. «Да куда же, в самом деле, запропастилась мать этого малыша?» — говорило его ворчание.

Но вот что случилось дальше.

Мусква подполз к раненой ноге Тэра, приподнялся, почувствовал запах незажившей раны и осторожно лизнул ее; язычок его был как бархатный. И, пока медве-

жонок зализывал его рану, Тэр стоял, не шевелясь и не издавая ни звука. А потом опустил свою огромную голову и обнюхал этот мягкий дружелюбный комочек. Мусква жалобно захныкал, как это делают все оставшиеся без матери дети. Тэр снова заворчал, но уже не сердито. Теперь это уже не было угрозой. Своим огромным горячим языком гризли лизнул медвежонок в мордочку.

«Ну ладно, пошли», — сказал он, снова пускаясь на север. И за ним по пятам последовал оставшийся без матери маленький медвежонок с рыжей мордочкой.

Глава VI

ТЭР УБИВАЕТ КАРИБУ

Ручей, вдоль которого шел Тэр, был притоком Бэбин и брал свое начало неподалеку от Скины. Идя к его истокам, гризли забирался все выше. Местность становилась суровой и дикой. Когда ему на пути попался черный медвежонок Мусква, Тэр успел уйти уже миль на семь-восемь от верхней гряды Великого Водораздела.

Склоны гор отсюда выглядели уже иначе. Они были сплошь изрезаны узкими темными расщелинами. Во всех направлениях громоздились огромные массивы скал, зубчатые утесы, крутые сланцевые оползни. Ручей стал бурливым, и идти по нему было все труднее.

Тэр вступал в одну из своих горных цитаделей. Стоит захотеть, и сотни потаенных убежищ открыты для него в этих диких скалах. Здесь он в любое время убьет для себя крупного зверя, и человеческому запаху никогда не добраться сюда.

Оставив позади скалы, в которых он неожиданно-негаданно обрел Мускву, Тэр уже полчаса продолжал все так же неуклюже взбираться вверх, казалось, совершенно забыв об увязавшемся за ним медвежонке. Однако он слышал, как тот идет сзади, и чувствовал его запах. А Мускве в это время приходилось туго. Пухлое тельце и толстые лапы еще не привыкли к такого рода путешествиям. Но это был отважный малыш, и только дважды за эти полчаса принимался он скулить: один раз, когда чуть не полетел со скалы в ручей, другой — когда слишком сильно наступил на лапу, в которой сидела игла дикобраза.

Наконец Тэр оставил ручей, свернул в одно из глубоких ущелий и шел по нему, пока не выбрался на не-

большое плато посредине широкого горного склона. Отыскал здесь скалу на солнечной стороне заросшего травой холма, остановился. Может быть, детская дружба маленького Мусквы, ласка мягкого красного язычка, пришедшаяся так кстати, а может, и стойкость медвежонок в пути затронули наконец чувствительную струнку в сердце огромного зверя, и он сжалился над малышом. Во всяком случае, старательно исследовав воздух, Тэр растянулся на земле у скалы. И, пока он первым не сделал этого, маленький медвежонок с рыжей мордочкой и не подумал ложиться. Зато стоило только Мускве лечь, он почувствовал такую смертельную усталость, что уже через три минуты спал как убитый.

Еще дважды среди дня принятые лекарства оказали на Тэра свое действие, и вот ему захотелось есть. Этот голод нельзя было утолить муравьями да гусеницами. Даже гоферы и сурки и то не годились. К тому же он, вероятно, догадывался, что и маленький Мусква совсем умирает от голода. Медвежонок уже не раз открывал глаза и все еще лежал, нежась на солнышке, когда Тэр окончательно решил, что ему делать дальше.

Было три часа дня. А в июне и в июле в долинах северных гор в это время особенно тихо и сонно. Сурки уже успели насвистеться в полное удовольствие и распростерлись на освещенных солнцем скалах. Орлы над вершинами гор превратились в точки. Ястребы, уже набив зоб мясом, попрятались в лесу. Горные козлы и бараны залегли где-то высоко в горах, чуть ли не под самым небом. И вряд ли сейчас поблизости было хоть одно животное, которое бы еще не наелось до отвала и не спряталось. Горным охотникам хорошо известно, что в этот час отдыха разыскать медведя, а особенно плотоядного, очень трудно. Пришлось бы, не жалея сил, обрыскать вдоль и поперек все горные склоны и прогалины между лесными чашами.

Для Тэра этот час был самым благоприятным. Инстинкт подсказывал, что, пока все звери сыты и спят, передвигаться можно с меньшими предосторожностями, чем обычно. Сейчас было проще выследить добычу и подстеречь ее.

От случая к случаю ему и раньше доводилось убить козу или барана, а то и карибу среди бела дня, потому что в беге на близкие расстояния он не только обгонял горную козу или барана, но не уступал и карибу. И все-таки охотился он обычно на закате или в сумерках.

С громким «ууф», которое мгновенно разбудило Мускву, гризли поднялся на ноги. Медвежонок вскочил, моргая глазами, посмотрел на Тэра, на солнце и отряхнулся. Тэр покосился на этот черно-рыжий клубок без особого удовольствия. После наступившего облегчения душа его жаждала сочного, кровавого мяса, так же как здоровому голодному мужчине подавай хороший кусок филе, а не какие-нибудь там разносолы или салат с майонезом. Но как тут загонишь карибу, когда под ногами путается чуть ли не умирающий от голода, но такой непоседливый медвежонок? Тэр призадумался. Мусква, казалось, сам понял все и тут же разрешил сомнения. Он забежал на дюжину ярдов перед Тэром, остановился и задорно оглянулся на него. Маленькие уши уставились вперед. У медвежонка был вид мальчишки, который старается убедить отца в том, что он уже подросток для того, чтобы его наконец-то взяли охотиться на зайца. Издав еще раз свое «ууф», Тэр одним прыжком догнал Мускву и поддал ему лапой так, что тот кувырком отлетел от него на дюжину футов назад. Это было своего рода нравоучение, смысл которого был ясен без слов: «Знай свое место, если хочешь охотиться со мной!»

И вот, внимательно прислушиваясь, оглядываясь, приносясь, Тэр вышел на охоту. Он спустился к ручью, не доходя примерно сотни ярдов до него. Теперь он не выбирал троп поудобней, а держался каменных нагромождений и завалов. Гризли медленно пробирался, петляя зигзагами, крался, скрываясь за огромными грудями камней, приносясь к каждой расщелине и тщательно исследуя кущи деревьев и бурелом на своем пути.

То он забирался вверх, туда, где, кроме голого сланца, ничего не растет. То спускался и брел по песку и гальке вдоль ручья. Ветер доносил разные запахи, но ни один из них пока еще не привлек гризли. Он услышал запах козы, когда взобрался наверх и шел по горному сланцу. Но так высоко гризли не охотился за крупной дичью. Дважды доносился запах барана. И только позднее, уже к концу дня, гризли увидел над собой и самого горного барана, который смотрел на него с отвесной кручи, стоя футах в ста над ним. А на земле то и дело попадались следы дикобразов, и время от времени Тэр застыл на месте над следом карибу, подняв голову и приносясь.

Здесь, в этой долине, бродили и другие медведи. Большая их часть проходила у ручья, и по всему было

заметно, что это либо черные медведи, либо бурые. Тэр напал и на запах гризли, и его ворчание при этом не предвещало тому ничего хорошего.

Ни разу за эти два часа после ухода с нагретой солнцем скалы гризли не поинтересовался, как чувствует себя Мусква. А того голод донимал все сильнее, и медвежонок слабел с каждым шагом.

Свет еще не видал такого стойкого малыша, как этот медвежонок с рыжей мордочкой. Он то и дело спотыкался и падал на неровных местах. На подъемах, которые Тэр брал одним махом, ему нужны были отчаянные усилия, чтобы не отстать от гризли. Трижды Тэр переходил ручей вброд, и каждый раз Мусква, идя следом, наполовину погружался в воду. Весь избитый, изодранный, мокрый, он, несмотря на раненую ногу, не отставал, шел за Тэром по пятам или догонял его бегом. Солнце уже садилось, когда гризли наконец заметил добычу. А Мусква к тому времени был еле жив.

Он не знал, почему Тэр ни с того ни с сего прижался вдруг всей своей огромной тушей к скале, с которой удобно было заглянуть вниз, в небольшую лощину. Он хотел было захныкать, да побоялся. И ни разу еще за всю его недолгую жизнь мать не была ему нужна так, как в эту минуту.

Медвежонок понять не мог, почему она бросила его посреди скал и так и не вернулась за ним (об этой трагедии Брюс и Ленгдон узнали несколько позднее). Никак не мог он понять и того, почему же она не приходит к нему сейчас. Ведь уже наступил час его кормежки перед сном. Он же был мартовским медвежонком, и, согласно правилам, которых свято придерживалось большинство медведиц, его еще целый месяц следовало кормить молоком. Таких, как он, еще очень нежных медвежат индеец Митусин называл м ю н у к а у.

Так как Мусква был медведем, то и само его появление на свет было не совсем таким, как у других зверей. Его мать, как и все медведицы в холодных странах, произвела его на свет в берлоге еще задолго до окончания своей зимней спячки. Она родила его, не просыпаясь. Месяц, а то и целых полтора, пока он был еще голым и слепым, медведица кормила его своим молоком. Сама же все это время жила без пищи и воды, так ни разу и не открыв глаз, и, только когда этот срок истек, выбралась с ним из берлоги на поиски чего-нибудь съестного, чтобы, проглотив кусочек пищи, поддержать свои силы.

Не прошло с тех пор и полутора месяцев, как Мусква весил уже добрых двадцать фунтов. Это, разумеется, было раньше, а не сейчас, когда он был страшно голоден и истощен.

В трехстах ярдах ниже теснились друг к другу пихты, сгрудившись у самого края маленького родникового озера, вода из которого переливалась через дальний от Тэра край впадины. В этих пихтах скрывались карibu — один, а то и два или три. Для Тэра это было так же несомненно, как если бы он видел их своими глазами.

У и н и р а у — запах лежащего копытного животного — был для Тэра так же не похож на м е ч и с у — запах, когда оно пасется, — как день на ночь. Один — почти неуловимо стелющийся в воздухе, — так легко и мимолетно пахнет от надушенных волос или платья прошедшей женщины. Другой — тяжело ползущий над самой землей, густой и горячий, как запах разбитого пузырька с духами. Даже Мусква и тот уловил этот запах, как только вполз сюда за Тэром и улегся рядом.

Целых десять минут Тэр стоял не шелохнувшись. Глаза его впились в лощину, в берег озера и подступы к чаще. Он точно определил направление ветра. Гризли не шевелился: отсюда легко было спугнуть дичь. Дело в том, что горы и резкая впадина создавали здесь постоянную тягу воздуха в лощину. И, случись Тэру выбраться ярдов на пятьдесят выше того места, где он сейчас притаился, чуткие карibu оказались бы от него как раз с наветренной стороны.

Навострив уши, с новым, понимающим блеском в глазах Мусква учился, как надо подкрадываться к дичи. Прижавшись к земле, Тэр почти полз на брюхе, медленно и бесшумно пробираясь к ручью. Шерсть на плечах стала у него дыбом, как у готовой к прыжку собаки. Мусква следовал за ним по пятам.

Целых сто ярдов продолжалось это продвижение в обход. И трижды за это время Тэр замирал, ловя запах со стороны деревьев. Наконец он добился своего. Ветер теперь тянул прямо на него и обещал многое. Крадучись, вперевалку двинулся он на добычу. Каждый мускул его огромного тела был напряжен до предела. Не прошло и двух минут, как он очутился уже на опушке пихтовой чащицы и замер. Захрустел валежник. Это карibu поднялись на ноги. Но не потому, что они были спугнуты. Просто они отправлялись на водопой и на пастбища.

Теперь Тэр двигался в том же направлении, что и они. Так он добрался, скрытый листвой, до опушки леса, не упуская из виду озера и луговины. Первым появился огромный самец карибу. Рога у него уже наполовину отросли и были покрыты бархатистым пушком. Откормленный, гладкий двухлеток, блестя в лучах заходящего солнца коричневой бархатной шкурой, шел за ним следом.

Первый олень замер, минуты две недоверчиво вслушиваясь, всматриваясь, принюхиваясь, не появятся ли где какие-нибудь признаки опасности. Молодой же, еще не такой подозрительный, как первый, щипал траву, стоя позади него. Затем, величаво шевельнув рогами и опустив голову, старый олень не спеша направился к озеру на вечерний водопой. Двухлеток пошел следом... а Тэр тем временем бесшумно выбрался из засады.

Мгновение — и, весь подобрравшись, он кинулся вперед. До карибу было пятьдесят футов. И, когда животные услышали его, он, катясь, как огромный шар, уже пролетел половину этого расстояния.

С быстротой стрелы, пущенной из лука, прынули они от него. Но поздно. Чтобы обогнать Тэра, нужна была скорость несущегося во весь опор скакуна. Тэр к тому же успел выиграть время. Как ветер пронесся он, заходя вбок двухлетку, чуть подался в сторону, легко, казалось без малейшего усилия, прыгнул — и короткое состязание в беге было кончено. Огромная правая лапа Тэра обрушилась на плечо двухлетка, и в тот миг, как они оба покатились по земле, левая лапа гризли вцепилась в морду карибу и сжала ее, словно гигантская рука. Падая, Тэр оказался под карибу — таков был его всегдашний расчет при падении. Он не стал душить жертву в своих смертельных объятиях. Гризли подобрал под себя заднюю лапу, ударил ею, и все ее пять ножей врезались карибу в брюхо. После этого Тэр поднялся на ноги, огляделся и, отряхнувшись, издал громовой рев, то ли выражая им свое торжество, то ли приглашая Мускву на пир.

Второго приглашения маленький медвежонок с рыжей мордочкой дожидаться не стал. Так впервые в жизни изведаль он запах и вкус теплой крови и мяса. И случилось это в самое подходящее время в его жизни. Точно так же много лет назад пришлось их попробовать впервые и Тэру.

Отнюдь не все гризли убивают крупного зверя. Точнее, этим занимаются лишь очень немногие из них. Подавляющее же их большинство, в общем, вегетарианцы, весь-

ма умеренно употребляющие в пищу мелкую дичь: гофоров, сурков, дикобразов. Случай время от времени превращает того или иного гризли в охотника на карibu, коз, горного барана и даже на лося.

Так некогда случилось и с Тэром. Теперь и Мускве предстояло стать таким же, как Тэр, хотя он и был всего лишь черным медведем и не принадлежал к семейству Страшных медведей.

Пиршество их длилось целый час. Они не набрасывались на пищу, как это делают, например, голодные собаки, а ели не спеша. Пристроившись между огромными передними лапами Тэра, Мусква слизывал кровь и урчал, как котенок, разжевывая мелкими зубками нежную мякоть карibu. Тэр же, хотя в животе у него было пусто, как в комнате, из которой вывезли всю мебель, по своему обыкновению, прежде всего принялся за самое лакомое. Он извлекал тонкие жировые прослойки с почек и кишок и жевал их, чавкая и полузакрыв глаза.

Последний луч солнца угас в горах, и вслед за короткими сумерками быстро сгустилась тьма. Когда они кончили, было уже совсем темно, и малыш Мусква раздулся так, что стал похож на шар.

Из всех педантов, каких только природа когда-либо производила на свет, Тэр был самым неисправимым. По его мнению, ничто не должно было тратиться даром. И явись сейчас сюда старый самец-карибу и подойди он сам прямо к Тэру, гризли, скорее всего, не тронул бы его. Пища у него была, и теперь единственное, что заботило его,— это как припрятать ее понадежней.

Он вернулся к пихтовой чаще. Но на этот раз облопавшийся медвежонок и не подумал сопровождать его. Он был в полном блаженстве, и что-то подсказывало ему, что Тэр никуда не уйдет от оставшегося у них мяса. Минут через десять гризли подтвердил справедливость этого мнения, вернувшись назад. Своими огромными челюстями он ухватил карibu за загривок, затем потащил его к лесу, точно собака, волокущая десятифунтовый оковалок сала. А молодой олень весил фунтов чetyреста. Но если бы он даже весил восемьсот или тысячу, то и тогда Тэр потащил бы его. Правда, будь туша такой тяжелой, он взвалил бы ее себе на спину.

Тэр отволол карibu на опушку пихтовой чащи, где уже заранее подыскал подходящую впадину. Швырнул в нее остатки карibu и, пока Мусква со все более возрастающим интересом наблюдал за ним, принялся заваливать

их хвоей, валежником, а сверху придавил бревном. Затем, приняхиваясь, поводил вокруг носом и выбрался из леса.

На этот раз и Мусква пошел за ним следом, хотя настолько отяжелел, что ему было трудно передвигаться. Звезды уже начали высыпать на небе. При их свете Тэр шел по крутому, неровному склону, который вел к горным вершинам. Все выше и выше забирался он — на такую высоту Мускве еще ни разу не приходилось подниматься. Пересекли снежное поле, а затем вышли к месту, где извержение вулкана, казалось, вывернуло все внутренности горы наружу. Вряд ли человеку удалось бы пройти тем путем, которым Тэр вел Мускву. Наконец гризли остановился.

Он стоял на узком уступе. Скала отвесной стеной подымалась позади него. Вниз из-под самых его ног спадали в хаотическом беспорядке нагромождения развороченных скал и сланцевых оползней. Далеко внизу чернела, как бездонная пропасть, долина.

Тэр улегся и впервые с тех пор, как был ранен, вытянулся, опустил голову на землю между огромными передними лапами и глубоко, с наслаждением вздохнул. Мусква прикорнул у него под боком, так что огромное тело гризли согревало его своим теплом, и оба они, сытые до отвала, заснули глубоким, безмятежным сном. А звезды все ярче разгорались над ними, и луна всходила, заливая своим золотым сиянием вершины гор и долину.

Глава VII

БРЮС УТОЧНЯЕТ ФАКТЫ

Когда Ленгдон и Брюс перевалили через хребет и спустились в долину, лежащую на запад от него, день — тот самый, когда Тэр покинул свое грязевое ложе, — был уже в самом разгаре. В два часа Брюс пошел обратно к лошадям, оставив Ленгдона на высоком горном кряже наблюдать в бинокль за окрестностями. Через два часа после того, как проводник вернулся с поклажей, они медленно пошли вдоль по ручью, над которым до них прошел гризли. Даже оттуда, где они разбили лагерь, до места встречи Тэра с Мусквой оставалось мили две, а то и три.

Следы гризли на песчаной отмели у ручья пока еще не попадались. Но Брюс не терял уверенности. Он знал, что Тэр держал свой путь по гребню.

— Если ты, вернувшись из этих краев, вздумаешь писать о медведях, не валяй хоть ты дурака, как большинство всех этих писак,— сказал Брюс, когда они сидели, покуривая трубки после ужина.— Два года назад подрядился я на месяц к одному натуралисту и так ему угодил, что он пообещал прислать мне целую кучу книг о медведях и разном зверье. Ну и прислал!.. Прочел я эти книги. Сначала смеялся, а потом так разозлился, что сжег их. Медведи — очень занятные звери, но о них и так можно рассказать уйму интересного. Поэтому совсем не обязательно плести разную чушь да срамиться. Это уж точно! Ленгдон кивнул.

— Нужно охотиться и убивать, убивать и охотиться целые годы, для того чтобы познать, в чем состоит подлинная радость, когда выслеживаешь крупного зверя,— медленно проговорил он, глядя на огонь.— И, как только она станет тебе доступной и овладеет всей твоей душой, поймешь, что больше всего охота увлекает не тогда, когда убиваешь, а когда оставляешь зверя живым. Этот гризли нужен мне до зарезу, и я ни перед чем не остановлюсь, чтобы заполучить его. Я просто не уйду из этих гор, пока не убью его, и все тут. Но вместе с тем нам ведь ничего не стоило убить сегодня двух других медведей, а я и не подумал стрелять. Я постепенно познаю эту игру, Брюс, и начинаю входить во вкус подлинной охотничьей радости. А когда охотишься с умом, то узнаешь факты по-настоящему. Можешь не беспокоиться: когда я засяду писать, то буду излагать только то, что видел.— Неожиданно он повернулся и посмотрел на Брюса.— А что это были за «глупости», которые ты вычитал в тех книгах? — спросил он.

Брюс задумчиво выпустил облачко дыма.

— Больше всего,— сказал он,— меня разозлили разглагольствования этих писак насчет того, что у медведей, дескать, существуют какие-то свои особые «знаки». Боже милостивый, послушать их, так выходит, что достаточно медведю подняться во весь свой рост да сделать на дереве отметину — и вся округа будет принадлежать ему, пока не заявится другой медведь, побольше, и не переплюнет первого. В одной книге, помнится, рассказывалось, как один гризли прикатил под дерево бревно и взобрался на него, чтобы сделать отметину выше, чем она была у предыдущего. Подумать только! Да ведь отметки, которые оставляют медведи, не имеют ровно никакого смысла. Я видел когда-то, как один гризли отгрызал

от дерева здоровенные щепы и скреб их когтями, совсем как кошка. А летом, когда у них идет линька и кожа зудит, они встают на задние лапы и, прислонившись к дереву, трутся об него. Трутся потому, что у них чешется, а вовсе не для того, чтобы оставить свою визитную карточку для своих собратьев. Карибу, лось и олени делают то же самое, чтобы у них с рогов сошел пушок. Кроме того, всё те же писаки считают, что у каждого гризли есть своя зона. Ну, а у них этого не водится, вот не водится, да и все тут! Я видел, как восемь гризли кормились на одном и том же склоне. Ты ведь, поди, и сам помнишь, как два года назад мы пристрелили четырех гризли в долинке, вдоль которой и мили-то не было. Время от времени у гризли заводится свой главарь, вроде того верзила, за которым мы с тобой охотимся. Но даже и он и то не хозяйничает в своих владениях в одиночку. Бьюсь об заклад, что в этих двух долинах обретаются штук двадцать других медведей! А тот натуралист, с которым я бродил два года назад, не мог даже различить следов гризли и черного медведя, и провалиться мне на месте, если он знал, что такое коричневый медведь!

Он вынул трубку изо рта и яростно сплюнул в огонь. Теперь Ленгдон знал, что Брюс выложил еще не все. Самыми интересными для него были такие часы, когда обычно молчаливого Брюса так вот прорывало.

— Коричневый медведь! — проворчал он. — Ты только подумай, Джимми: он считал, что существует такая порода — **коричневый медведь**! А когда я сказал ему, что такой породы вообще не существует и что **коричневый**, мол, медведь, про которого тебе случалось читать, — это просто гризли или черный медведь с шерстью коричневого цвета, так он поднял меня на смех. Меня, который и родился и вырос буквально среди медведей! У него глаза вылезли на лоб, когда я принялся ему рассказывать о мастях медведей, и он решил, что я ему просто голову морочу. Позже я сообразил, что, пожалуй, поэтому-то он и прислал мне эти книги. Хотел доказать мне, что прав был он... А ведь ни одна другая порода, Джимми, не имеет больше мастей и оттенков в окраске, чем медведи! Я видел черных медведей, которые были белы, как снег, и гризли почти таких же черных, как черные медведи. Мне попадались черные медведи коричневого цвета и коричневые гризли. Я встречал и тех и других, которые были коричневыми, золотисто-рыжими и даже почти лимонно-желтыми. Масти у них так же разнообразны, как и

характеры их и привычки в еде. Я пришел к выводу, что большинство натуралистов делают так: совершат вылазку, понаблюдают за одним каким-нибудь гризли и подгоняют описание всех гризли вообще под своего знакомого. Не очень-то это красиво по отношению к остальным гризли, просто чертовски некрасиво! Да ведь они не написали ни одной книги, в которой бы не говорилось, что гризли — изверг и самый страшный людоед на свете! А он совсем не такой — если, конечно, не доведешь его до крайности. Любопытен, как козленок, и самого покладистого нрава — только не приставайте к нему! Большинство из них вегетарианцы, хотя и не все. Попадались мне гризли, которые охотились на горных коз, баранов и карибу. Но видал я и таких, которые добывали себе пищу на одних склонах вместе с этими животными и не делали никаких попыток напасть на них. Гризли — очень занятные существа, Джимми. И о них можно рассказывать без конца. Так зачем же еще приплетать к этому всякие небылицы!

Брюс выколотил из трубки пепел, как бы подчеркивая этим значение своего последнего замечания. И, пока он снова набивал ее, Ленгдон сказал:

— По-моему, не может быть никаких сомнений насчет того, что уж наш-то верзила, за которым мы охотимся, специалист по крупной дичи, Брюс.

— Да как сказать... — отозвался Брюс. — Размеры медведя не всегда говорят сами за себя. Знал я как-то одного гризли, который и весь-то был чуть больше собаки, а жил охотой. Каждый год зимой сотни животных гибнут в этих горах, и, когда наступает весна, медведи поедают их останки. Но от того, что он отведал падали, гризли еще не может пристраститься к убийству. Бывает, что гризли родится плотоядным, а иной раз его делает таким какой-либо случай. Но если уж ему пришлось убить один раз, то он будет убивать и в дальнейшем. Я видел раз, как коза набрела на склоне горы прямо на гризли. Медведь и не шелохнулся, но коза с перепугу кинулась очертя голову прямо на этого чудака, и он убил ее. Минут десять после этого он и сам не знал, что ему делать дальше. С полчаса обнюхивал еще теплую тушу со всех сторон и только позднее разодрал. Так впервые он отведал теплой крови. Я не стал убивать его. Уверен, что с тех пор он окончательно перешел на мясо.

— А по-моему, и размеры кое о чем говорят, — возразил Ленгдон. — Мне кажется, что медведь, питающийся мясом, будет крупнее и сильнее вегетарианца.

— Вот тебе одна из тех интереснейших загадок, о которых не мешало бы написать,— отозвался Брюс посмеиваясь.— Почему медведь толстеет так, что еле ходит, именно в сентябре, когда ему почти не перепадает никакой другой пищи, кроме ягод, муравьев да кореньев? Ты бы растолстел, питаясь одной смородиной? И почему он так вырастает за четыре, а то и за пять месяцев спячки, хотя не проглотит в это время и маковой росинки? Почему медведица кормит медвежат месяц, а то и два своим молоком не просыпаясь? Ведь медвежата рождаются, когда она проспит чуть больше двух третей положенного срока. И почему медвежата рождаются такими маленькими? Тот самый натуралист, о котором я тебе говорил, чуть не лопнул со смеху, когда я рассказал ему, что у гризли медвежонок рождается чуть побольше котенка.

— Это просто один из тех глупцов, которые не желают учиться... И все-таки не так уж он и виноват,— заметил Ленгдон.— Четыре-пять лет назад я бы и сам ни за что не поверил этому, Брюс. Я не мог по-настоящему поверить этому, пока мы с тобой на Атабаске не откопали из берлоги тех двух медвежат: один весил одиннадцать унций, другой — десять. Помнишь?

— И им была уже неделя, Джимми. А мать весила целых семьсот фунтов.

Некоторое время оба молча попыхивали трубками.

— Трудно поверить! — заговорил Ленгдон.— И все-таки правда. И это не причуды природы, Брюс: это результат ее дальновидности. Ведь если бы величина медвежат при их появлении на свет и величина самой медведицы соотносились так же, как у котят и кошки, то медведице не прокормить бы их в течение тех недель, когда сама она живет без пищи и без воды. Но в этом расчете, кажется, все-таки допущена какая-то ошибка. Ведь взрослый черный медведь почти в полтора раза меньше гризли, а медвежата у него при появлении на свет куда больше, чем у гризли. Почему же, черт возьми, так получается?

Брюс перебил друга, добродушно рассмеявшись.

— Да ведь это проще простого, Джимми! — воскликнул он.— Помнишь, как в прошлом году мы собирали землянику в долине, а два часа спустя играли в снежки, поднявшись на гору? Чем выше поднимаешься, тем холоднее, правда? Сегодня, например, первое июля, а поднимись на какую-нибудь из этих вершин, и закоченеешь. Гризли устраивается на спячку в ы с о к о, а черный медведь — н и з к о! Когда там, где гризли устраивается на спячку,

снегу навалит уже на четыре фута в глубину, черный медведь все еще может подкармливаться в долинах и лесной чаще. Он заваливается спать на неделю, на две позднее гризли и встает весной настолько же раньше. Он жирнее в начале спячки и не такой истощенный после нее. Поэтому у черного медведя медвежата еще до рождения набираются от матери больше сил. По-моему, в этом все дело.

— Ты попал в самую точку, Брюс! — закричал Ленгдон в полном восторге. — Мне это и в голову не приходило!

— Мало ли какие полезные истины в голову не приходят, пока вдруг невзначай не столкнешься с ними, — отозвался горец. — Ты сам говорил об этом только что... Когда начинаешь понимать, что охота не сводится только к тому, чтобы убивать, а состоит еще и в том, что оставляешь дичь живой, — тогда именно подобные открытия и придают ей особую прелесть. Как-то раз я пролежал на вершине горы целых семь часов, наблюдая за стадом горных баранов, как они резвились, и это доставило мне больше радости, чем если бы я перестрелял всю эту братию.

Брюс встал и потянулся — обычная процедура после ужина, неизменно служившая сигналом, что он намерен отбыть ко сну.

— Хороший денек будет завтра, — сказал он зевая. — Посмотри, как бел снег на вершинах.

— Брюс...

— Да?

— Сколько будет в этом медведе, за которым мы гоняемся?

— Тысяча двести фунтов, а то и побольше. Я ведь не испытал удовольствия посмотреть на него так близко, как ты, Джимми. А то мы бы сейчас уже сушили его шкуру.

— И он сейчас в самом расцвете сил?

— Да, судя по тому, как он взбирается вверх по склону, ему что-нибудь от восьми до двенадцати лет. Старый медведь не мчался бы с такой легкостью.

— А тебе, Брюс, попадались очень старые медведи?

— Бывали и такие, которым уже костыли впору, — отозвался тот, расшнуровывая ботинки. — Стрелял я и таких старых, что у них не оставалось уже ни одного зуба.

— И сколько же им было?

— Тридцать... Тридцать пять... а то, поди, и все сок... Покойной ночи, Джимми.

— Покойной ночи, Брюс.

Глава VIII

МАТЬ МУСКВЫ

Брюс уже давным-давно спал, а Ленгдон все сидел один под звездами. У ног его, догорая, тлел костер. Еще ни разу в жизни не ощущал он с такой силой, как сейчас, своего слияния с природой. Оно наполняло его каким-то непонятым смятением и вместе с тем глубочайшим спокойствием. Он начинал понимать, что после долгих лет скитаний и поисков таинственный, непостижимый дух безмолвия этих мест, дух лесов и озер окончательно покорил его и порвать связь между ними невозможно. И он томился оттого, что еще не поведал миру об этом, что еще не заставил людей взглянуть на милые его сердцу дебри его, Ленгдона, глазами, чтобы и они тоже поняли.

По несколько лет приходилось ему работать не покладая рук, чтобы хоть ненадолго вырваться в эти края. Раньше он был одержим страстью убивать — это тешило его самолюбие, и все стены его комнат были увешаны шкурами убитых им животных. А теперь что-то погасило жажду убийства. За последние несколько недель он подарил жизнь сотне животных, которых ему ничего не стоило подстрелить. Помиловал двух медведей. Новая радость, только что открытая им, захватывала Ленгдона, медленно, но верно вытесняя из его души старое. Он не мог больше убивать просто ради удовольствия.

Ему вспомнился один странный сон, который он видел как-то раз дома, заснув за работой. Головы животных, развешанные по стенам комнаты, вдруг ожили и одна за другой повернулись к нему. Их огромные живые глаза горели огнем, обвиняя и осуждая его.

«Сорок лет»! Ему казалось, что он все еще слышит слова Брюса.

Если зверь может дожить до такого возраста, то сколько же лет жизни загубил он в те дни, когда считал себя удачливым охотником? Сколько лет отнял он у всех этих животных, которых убил? Сколько лет жизни загубил в один только день, когда утром на одном и том же склоне горы подстрелил трех медведей, а вечером, в долине — двух карибу? У всех вместе — не меньше ста лет. Сто лет биения сердца за несколько минут захлестнувшей охотника страсти!

Сколько же таких лет вообще поставлено в счет лично ему за это его подлое удовольствие? Пристально глядя в костер, он подсчитал, получалось — тысяча лет!

Ленгдон поднялся и пошел прочь от лагеря. Шел до тех пор, пока не почувствовал, что остался один на один с этим безмолвным небом и сияющими над головой звездами. Он вслушивался в ночное бормотание долины, вдыхал глубоко, полной грудью, напоенный ароматом пихты воздух и задавал себе все один и тот же вопрос: достиг ли он чего-нибудь этим истреблением десяти столетий жизни? И пришел к выводу, что ничего. В тот день, когда он отнял пять жизней, он волновался ничуть не больше, чем сегодня, когда не отнял ни одной.

Теперь он утратил свое давнишнее желание подстрелить зверя, но охота от этого не потеряла для него своей прелести. Сейчас она привлекала его даже больше, чем когда-либо. Она доставляла ему теперь радости, о которых он раньше и понятия не имел. Совсем новые ощущения пришли на смену чувству минутного торжества при виде бьющегося в агонии, поверженного его смертоносными пулями зверя. Да, он будет и впредь стрелять зверя, иначе какой же из него охотник? Но никогда он больше не превратится в дикаря, опьяненного жаждой крови.

Ленгдон посмотрел на спящую долину. Он знал, что там сейчас должен прятаться Тэр. Вот это охота, настоящая охота. И он тут же поклялся себе, что будет бороться честно и по совести. Он поставил себе целью добыть Тэра и, значит, будет охотиться только за Тэром. Он радовался, что не убил его тогда, на склоне, потому что теперь, когда этот великан гризли познакомился с его пулями, охота станет еще увлекательней. И Ленгдон с удовлетворением думал о том, что когда наступит развязка, то ему не придется страдать от жгучих укоров совести.

Этот огромный зверь, которого он видел и в которого стрелял, не достанется им просто так, его не возьмешь голыми руками. Он еще заставит их поломать себе голову. Он будет драться отчаянно, до последнего, если дело дойдет до драки. И собаки, если Метусин подоспеет с ними вовремя, найдут в нем достойного противника.

Тэр получил предупреждение. После этого, если ему так заблагорассудится, он волен перекочевать в другие места, спастись бегством. Или же пусть остается и борется. Ленгдон знал, что Тэр выбрал борьбу, и он пошел спать, страстно желая, чтобы поскорее наступил новый день.

Он проснулся оттого, что начался проливной дождь. Ленгдон с воплем, разбудившим Брюса, выскочил из-под одеял. Устраиваясь на ночь, они не разбили палатки.

И Ленгдон слышал, как Брюс проклинал на чем свет стоит их обоих за эту глупость.

Было темно, словно в пещере. Зловещие вспышки молний разрывали небо. В горах отдавались глухие раскаты грома. Сверкнувшая молния осветила Брюса, завернутого в одеяла, его мокрые волосы растрепались и прилипли к длинному, худому лицу. При виде этого зрелища Ленгдон так и покатился со смеху.

— Славный денек будет завтра,— передразнил он, повторяя слова, сказанные Брюсом несколько часов назад.— Посмотри, как бел снег на этих вершинах!

Ответ Брюса заглушил резкий удар грома.

При новой вспышке молнии Ленгдон нырнул под защиту деревьев в пихтовую чащу. Он просидел там, согнувшись в три погибели, минут пять или десять, а затем дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Гром прогрохотал, удаляясь к югу. Теперь и молнии вспыхивали уж где-то вдали. Опять воцарилась темнота. Ленгдон слышал возню Брюса где-то поблизости. Вот чиркнула спичка, и он увидел товарища. Тот смотрел на часы.

— Скоро три,— сказал он.— Чертовски приятный ливень, правда?

— Ну, я-то ничего другого и не ожидал,— невинным тоном отозвался Ленгдон.— Ты ведь сам знаешь, Брюс: когда снег на вершинах так бел...

— Заткнись ты... и давай-ка разложим костер. Хорошо еще, что у нас хоть достало ума укрыть провизию. Ты вымок?

Ленгдон отжимал волосы. Вид у него был не лучше, чем у намокшей крысы.

— Ни капельки. Я спрятался в пихтовой чаще и заранее был готов к тому, что произошло. Как только ты обратил мое внимание на белизну снега на этих вершинах, я сразу понял, что...

— К черту снег! — проворчал Брюс.

Ленгдону было слышно, как он ломает сухие, смолистые еловые сучья.

Ленгдон пошел помочь товарищу, и через пять минут костер уже полыхал. Огонь осветил их лица, и, взглянув друг на друга, они увидели, что оба ничуть не огорчены. Брюс ухмыльнулся.

— Я спал как убитый, когда полило,— пояснил он,— и мне приснилось, что я свалился в озеро, а когда проснулся, то все еще пытался плыть.

Ночной дождь в первых числах июля, да еще в горах северной части Британской Колумбии,— не такая уж согревающая процедура, и почти целый час Ленгдон и Брюс не переставали собирать топливо и сушили одеяла и платье. Позавтракали они только в пять часов, а в начале седьмого, захватив с собой тюк и седла, двинулись в долину.

Брюс не без самодовольства напомнил Ленгдону о своем предсказании, так как оно полностью оправдалось: после грозы и ливня наступал ясный, безоблачный день. Они ехали по мокрым лугам. Звонко журчали вздувшиеся ручейки. Последний снег в горах за ночь наполовину стаял, и Ленгдону казалось, что и цветы за это время выросли еще больше и стали еще красивее. Воздух, струящийся по долине, был напоен благоуханием и свежестью утра. А надо всем этим сияло солнце, и свет его разливался теплым, золотым морем.

Охотники ехали вверх по ручью, то и дело свешиваясь с седел. В поисках следов они изучали каждую из встречных песчаных отмелей. Не проехали так и четверти мили, как Брюс вдруг вскрикнул и остановился. Он указал на круглую песчаную отмель, на которой Тэр оставил отпечаток одной из своих огромных лап. Ленгдон спешил и измерил след.

— Он! — крикнул Ленгдон, и голос его дрогнул от волнения. — Не лучше ли будет двинуться дальше без лошадей, Брюс?

Горец тряхнул головой. Но, прежде чем высказать свое мнение, спешил и принялся исследовать склоны окрестных гор в подозрную трубу. Ленгдон взялся за свой неизменный охотничий бинокль. Но они ничего не обнаружили.

— Он все еще идет по пойме ручья и обогнал нас мили на три-четыре, — сказал Брюс. — Проедем, пожалуй, одну-две мили, пока не найдется подходящее местечко для лошадей. А трава и кусты к тому времени пообсохнут.

Следовать по маршруту Тэра было нетрудно, хотя гризли и шел у самого ручья. Не больше чем в трех-четыре сотнях ярдов от огромной кучи камней, около которой гризли натолкнулся на рыжемордого медвежонка, посредине заросшего травой откоса рос небольшой ельник. Здесь охотники расседлали и стреножили лошадей.

А еще через двадцать минут они уже, крадучись, добрались к мягкому песчаному ковру, на котором состоялось знакомство Тэра и Мусквы. Проливной дождь смыл

крошечные следы лап медвежонка, но следы гризли испещрили весь песок вокруг этого места. Взглянув на Ленгдона, Брюс улыбнулся.

— Где-то неподалеку,— сказал проводник шепотом.— Вполне возможно, что он ночевал по соседству с нами и сейчас до него рукой подать.

Он послунывил палец и поднял его над головой, чтобы определить направление ветра.

— Лучше подняться по склонам,— заметил Брюс.

Они обогнули груды камней, держа ружья наизготовку, и направились к небольшому оврагу, по которому восхождение на ближайший склон обещало быть более легким. Здесь снова замешкались. Дно овражка было устлано песком, на котором оказались следы еще одного медведя. Брюс опустился на колени.

— Еще один гризли,— сказал Ленгдон.

— Нет. Не гризли. Черный медведь,— заявил Брюс.— Ах, Джимми, когда мне только удастся вколотить тебе в голову разницу между следами гризли и черного медведя! Вот она, видишь? Задняя нога, и пятка круглая! А если бы это был гризли, то пятка была бы острая. Слишком широка и косолапа для гризли эта нога, и когти слишком велики по сравнению с длиной ступни. Ясно, как дважды два четыре,— это черный медведь!

— И идет нашим маршрутом,— сказал Ленгдон.— Пошли же!

Поднявшись вверх еще на двести ярдов, медведь выбрался из оврага и полез вверх. Туда же направились и Ленгдон с Брюсом. В густой траве и на жестком сланце ближайшего выступа скалы следы этого медведя вскоре пропали, но сейчас они не очень-то интересовали охотников.

Со скал, по которым они теперь пробирались, под ними открывался великолепный вид. Взгляд Брюса то и дело обращался к пойме ручья. Он знал, что только там, внизу, удастся обнаружить гризли, и ничто другое его сейчас не интересовало. Ленгдона же привлекало к себе все, что жило и двигалось вокруг них. Каждая груда камней и заросль боярышника манила его к себе, и его глаза исследовали каждый выступ горного кряжа над их головами так же внимательно, как и след, по которому они шли. Именно поэтому он и увидел нечто такое, что заставило его схватить своего спутника за руку и потянуть, чтобы тот присел рядом с ним к самой земле.

— Смотри! — прошептал он, не отпуская его руки.

Стоя на коленях, Брюс огляделся. Глаза его широко раскрылись от изумления. Не более чем в тридцати футах над ними возвышалась большая скала, и с нее свешивалась задняя часть туловища медведя. Это был черный медведь, его лоснящаяся шуба переливала на солнце. Целых полминуты Брюс глядел на него во все глаза. Затем ухмыльнулся:

— Спит... спит мертвым сном!.. Хочешь, Джимми, увидеть одну забавную штуку?

Он положил ружье и вытащил свой длинный охотничий нож. Посмеиваясь потихоньку, он попробовал пальцем его отточенное острие.

— Если тебе еще не доводилось видеть, как медведь удирает во все лопатки, то сейчас ты это увидишь, Джимми! Не трогайся с места!

Медленно и бесшумно он начал карабкаться вверх к скале. А Ленгдон затаил дыхание, предвкушая дальнейшее развитие событий. Дважды Брюс оглядывался на него, широко улыбаясь.

Через минуту или две медведь даст такого тягу, что только держись. Мысль об этом и вид долговязой фигуры Брюса, ползущего наверх, настроили Ленгдона на самый веселый лад.

И вот Брюс достиг скалы. Длинное лезвие блеснуло на солнце, и сталь на целых полдюйма вошла медведю в огузок. Того, что последовало за этим, Ленгдону не забыть до самой могилы.

Медведь не шелохнулся. Брюс ткнул его ножом еще раз. Тот же результат. После второй попытки Брюс сам окаменел, как скала, за которую он цеплялся. Когда он, оглянувшись, уставился на Ленгдона, рот его был разинут от изумления.

— Ну, что ты скажешь о такой чертовщине? — спросил он, медленно поднимаясь на ноги. — Ведь он не спит. Он мертв!

Ленгдон подбежал к нему, и они взошли на скалу. Брюс все еще не выпускал ножа из рук, и на лице его появилось странное выражение. Он взволнованно хмурился и не сразу обрел дар речи.

— В жизни не видел ничего подобного! — сказал он, медленно убирая нож в ножны. — Это медведица, и у нее медвежата — к тому же, судя по ее виду, совсем еще маленькие...

— Полезла за сурком и сорвалась со скалы, — прибавил Ленгдон. — Разбилась насмерть, да, Брюс?

Брюс кивнул.

— В жизни не видал ничего подобного,— повторил он.— Я всегда ломал себе голову над тем, как они не убьются, роаясь на кручах под скалами... но видеть такое мне еще не доводилось. Хотел бы я знать, где теперь ее медвежата. Вот горемыки-то!

Опустившись на колени, Брюс осмотрел медведицу.

— У нее их было не больше двух, а то и всего один,— сказал он, подымаясь на ноги.— Что-нибудь около трех месяцев.

— И теперь они умрут с голоду?

— Если только один, то скорее всего с ним так и будет. У этого маленького бездельника было столько молока, что ему не приходилось еще самому хлопотать о дополнительном рационе. Вот что получается, когда удираешь и бросаешь своих малышей одних,— заключил свою речь нравоучением Брюс.— Если ты когда-нибудь обзаведешься женой, Джимми, то не разрешай ей выкидывать подобные штуки. Ведь малышам ничего не стоит устроить пожар или сломать себе шею.

И он свернул на прежний путь по гребню кряжа. Глаза его внимательно исследовали долину. Ленгдон тронулся следом, размышляя о том, что случилось с медвежонком.

А Мусква сладко почивал рядом с Тэром на уступе скалы. Ему снилась мать, и медвежонок жалобно скулил во сне...

Глава IX

ПОЕДИНОК

Первые лучи восходящего солнца осветили уступ, на котором спали Тэр и Мусква. Солнце поднималось все выше, становилось все теплее. Поэтому, проснувшись, Тэр знай себе только потягивался, не проявляя ни малейшего желания встать.

После всего, что произошло так недавно — ранения, выздоровления и вчерашнего пира,— он чувствовал себя великолепно. Ему было так уютно; и он не спешил покидать эту солнечную купель. Долгое время он с интересом рассматривал Мускву. Ночной холод заставил медвежонка пристроиться в тепле между огромными передними лапами гризли. И сейчас он, как ребенок, жалобно похныкивал во сне.

Немного погодя Тэр сделал нечто такое, чего за ним никогда не водилось: осторожно обнюхав пушистый комочек, свернувшийся между его лапами, он своим большим красным языком лизнул медвежонка в мордочку. И Мусква, которому, наверное, все еще снилась мать, прижался к гризли еще теснее.

Мусква, неизвестно почему, вдруг покори́л Тэра. Огромный гризли все еще не мог разобраться в том, что же, собственно, произошло. Он постепенно преодолевал не только свою безотчетную неприязнь ко всем медвежатам на свете, но и свои прочно укоренившиеся привычки зверя, прожившего десять лет в полном одиночестве. Мало-помалу он начинал находить в близости Мусквы удовольствие и в нем проснулось что-то вроде дружеского участия к медвежонку.

С появлением человека в его жизнь вошло какое-то новое чувство, вернее только проблеск его. Ведь, пока не появится враг и не очутишься перед лицом опасности, нельзя до конца оценить дружбу. И не исключено, что Тэр, который впервые столкнулся лицом к лицу с настоящими врагами и настоящей опасностью, начинал понемногу понимать, что значит дружба. К тому же не за горами было и наступление брачного сезона, а Мусква еще сохранял запах матери. Вот поэтому-то, пока Мусква, нежась на солнышке, все еще витал в сновиденьях, Тэр чувствовал все большее удовлетворение.

Окинув сверху взглядом долину, которая вся так и сверкала после прошедшего ночью дождя, он не увидел в ней ничего подозрительного. Принюхался — но ничто не примешивалось в воздухе к чистейшему аромату травы, цветов, пихты и свежей дождевой воды. Тогда он принялся лизать рану, и это разбудило Мускву.

Медвежонок поднял голову. Поморгал глазами на солнце, протер лапкой мордочку и встал. Как и всем юнцам, ему уже не терпелось встретить наступающий день, независимо от того, каким бы тяжелым и утомительным ни был вчерашний. И, пока Тэр все еще безмятежно лежал, созерцая долину, Мусква принялся обследовать трещины в каменной стене и кувыркаться между камнями.

Тэр перевел глаза с долины на медвежонка. Гризли проявлял несомненный интерес к ужимкам и веселому кувырканию Мусквы. Затем он грузно поднялся и отряхнулся. Минут пять, не меньше, стоял, вглядываясь в долину и принюхиваясь к воздуху, в котором не чувствовалось ни малейшего дуновения, точно все оцепенело во-

круг. А Мусква, наострив ушки, подошел и стал рядом. Его маленькие глазки перебегали с Тэра на залитое солнцем пространство и снова на Тэра, как бы допытываясь, что же произойдет дальше.

Огромный гризли разрешил это недоумение. Пройдя по карнизу скалы, он начал спускаться в долину, и Мусква, так же как и вчера, припустился за ним бегом.

По сравнению со вчерашним днем медвежонок чувствовал себя повзрослевшим и силы его тоже удвоились. Тоска по материнскому молоку уже не мучила его. Тэр просветил его — отныне медвежонок перешел на мясо. И Мусква уже понимал, что они отправляются туда, где пировали вчера вечером.

Они уже наполовину спустились со склона, когда ветер вдруг принес Тэру что-то новое. На мгновение гризли приостановился, и из груди его вырвалось рычание. Густая шерсть на загривке грозно встала дыбом. Запах исходил оттуда, где находился его тайник. И это к тому же был один из тех запахов, к появлению которых, а особенно возле своих кладовых, гризли относился совершенно нетерпимо — тут с ним шутки были плохи.

На него резко пахнуло запахом другого медведя. В обычных условиях это не вызвало бы у него такого раздражения. Не вывел бы его из себя и запах медведицы. Но пахло медведем. И запах шел из расщелины в скале, которая вела прямо к той самой пихтовой чаще, в которой он запрятал вчера остатки карибу.

Тэр не стал тратить времени на праздные домыслы. Ворча про себя, он начал спускаться так быстро, что Мусква еле поспевал за ним.

Они остановились только тогда, когда достигли края плато, с которого хорошо просматривались озеро и пихтовая чаща. Мусква еле переводил дух. Затем уши его насторожились. Он пристально посмотрел вперед, и вдруг каждый мускул его маленького тельца напрягся до отказа.

Ярдах в семидесяти пяти под ними кто-то разорял их склад! Грабителем оказался огромный черный медведь, который делал это просто с неслыханным нахальством. Был он фунтов, пожалуй, на триста легче Тэра, но почти такого же роста, и его шуба отливала на солнце бархатом, совсем как соболиная. Такой большой и наглый пришелец еще ни разу не заявлялся во владения Тэра. Он вытащил тушу карибу из тайника и, пока Тэр и Мусква смотрели на него сверху, пожирал ее.

Немного погодя Мусква вопросительно взглянул на Тэра. «Что же нам делать? — казалось, спрашивали его глаза. — Этак ведь и без завтрака недолго остаться!».

Тщательно выбирая дорогу на спуске, Тэр стал медленно преодолевать эти последние семьдесят пять ярдов. Теперь он, казалось, совсем не спешил. Ступив наконец на луговину ярдах в тридцати — сорока от незваного гостя, гризли снова остановился.

Он как будто не рвался в бой, но шерсть на загривке поднялась так, как Мускве еще ни разу не приходилось видеть. Черный оторвался от своего пиршества и поднял глаза. Целых полминуты медведи смотрели друг на друга. Голова гризли медленно, будто маятник, раскачивалась из стороны в сторону. Черный застыл на месте, неподвижный, как сфинкс.

Футах в четырех-пяти от Тэра стоял Мусква. Чутье подсказывало ему, что вот-вот что-то произойдет. И с мальчишеским задором он ждал этого, готовый в любую минуту либо поджечь куцей хвост и удирать вместе с Тэром без оглядки, либо ринуться вперед и сражаться бок о бок с ним. Его глаза были прикованы к раскачивающейся маятником голове Тэра.

А что значит это покачивание, понятно всем на свете. Научился понимать его и человек. «Если гризли качает головой, то держись!» — гласит самая первая заповедь охотников на медведей в горах.

И черный медведь понял это. Будь он как все другие медведи, забредавшие во владения Тэра, ему бы немного отступить, повернуться и убраться подобру-поздорову. И Тэр дал ему для этого достаточно времени. Но черный медведь был новичком в долине, и, кроме того, он и сам был могучим зверем, которого, наверное, еще ни разу не проучили как следует и который, вполне возможно, был хозяином в своих владениях. Он не отступил ни на шаг и первым издал угрожающее рычание.

Все так же не спеша двинулся Тэр вперед — прямо на мародера. Половину этого пути Мусква шел за Тэром по пятам. А потом остановился и припал к земле. В десяти футах от туши карибу Тэр снова задержался. Теперь он раскачивал головой гораздо быстрее. И вот громовые раскаты низкого рычания вырвались из его полуоткрытой пасти. Черный оскалил клыки так, что Мусква жалобно взвизгнул.

И снова Тэр двинулся вперед: шаг — и остановка, шаг — и остановка. Теперь разинутая пасть гризли ка-

салась чуть ли не самой земли, и сам он прильнул к земле всем своим огромным телом. И все-таки этот черный проходимец стоял как вкопанный.

Когда расстояние между ними сократилось до одного ярда, наступила пауза. С полминуты стояли они, совсем как два рассерженных человека, каждый из которых старается своим непреклонным взглядом нагнать на другого страх. Мускву трясло, как в лихорадке. Он жалобно скулил, и Тэр услышал его визг.

Дальнейшее совершилось так быстро, что Мусква просто онемел от ужаса и лежал, распластавшись на земле, неподвижный, как камень. С тем необычным ревом и скрежетом зубов, которого не издает ни один другой зверь на земле, гризли кинулся на черного медведя. Черный чуть подался назад — только для разгона, бросился навстречу, и вот они сшиблись грудь с грудью. Черный опрокинулся на спину. Но Тэр был слишком искушенным и опытным бойцом, чтобы поддаться на такую уловку и дать тому нанести снизу задней лапой удар, который распорол бы ему брюхо. Он вонзил зубы черному в плечо, прокусив его до самой кости. Одновременно он нанес левой лапой страшный рассекающий удар. Но Тэр был «землекопом», и когти у него были затуплены на концах. А черный был «лазающим по деревьям», и у него были не когти, а настоящие ножи. И вот эти ножи вонзились в недавнюю рану Тэра, и кровь хлынула струей.

С ревом, от которого, казалось, задрожала земля, великан гризли отпрянул назад и поднялся на задних лапах во весь свой девятифутовый рост.

Он предупредил черного. Даже после их первой схватки враг еще мог ретироваться, и Тэр не стал бы его преследовать. А раз так — то бой будет не на жизнь, а на смерть! Мало того, что черный медведь обокрал его — это бы еще куда ни шло, но он разбередил его старую рану, рану, нанесенную человеком.

Минуту назад Тэр отстаивал закон и справедливость и не испытывал еще особой злобы, не жаждал крови врага. Теперь он был страшен. Пасть открыта, губы раздвинулись, обнажив белые зубы и красные десны. Мышцы у ноздрей напряглись, как струны, и меж глаз набежала морщина, глубокая, как зарубка топором на стволе сосны. Глаза зажглись красным, рубиновым светом, и темно-зеленые зрачки потонули в этом пламени ярости. Встретясь в эту минуту с Тэром человек, он понял бы с первого взгляда, что живым ему не уйти.

Тэр не умел драться, стоя на двух ногах. И, как только черный сделал шаг вперед, Тэр опустился на все четыре лапы. Они снова сшиблись, и Мусква, прижавшись к земле, долго еще следил горящими глазами за их боем.

Зрелище было ужасным. Разыгрывалось одно из тех побоищ, видеть которые удастся только этим дебрям и горам. Рев разносился по всей долине. Как два борца, сцепились медведи своими могучими передними лапами, в то время как их клыки и задние лапы работали без устали.

Минуты на две они слились в крепком объятии и катались по земле, переваливаясь друг через друга. Черный яростно рвал когтями. Тэр же действовал главным образом зубами, нанося при этом страшные удары задней правой лапой. Передними лапами он то удерживал, то отбрасывал своего противника прочь. Как при нападении на карибу, Тэр старался очутиться снизу, чтобы иметь противника над собой. Снова и снова вонзал он свои длинные клыки в тело врага. Но в состязании этим оружием черный превосходил его по скорости. И к тому моменту, когда их челюсти сцепились, все правое плечо гризли было буквально изодрано в клочья.

Мусква слышал, как их зубы лязгнули друг о друга. Он услышал, как зубы одного скрежещут по зубам другого, как кость грызет кость. А затем черный вдруг медленно завалился на бок, как если бы ему свернули шею, и Тэр схватил его за горло.

Черный все еще сопротивлялся, хотя его широко раскрытые челюсти были бессильны теперь, когда гризли сомкнул свои огромные зубы у него на шее.

Мусква поднялся на лапы. Он весь трясся мелкой дрожью, но теперь уже от нового, незнакомого ему ранее чувства. То, что происходило на его глазах, оказалось не игрой, в которую и он когда-то играл со своей матерью. Впервые в жизни он увидел битву, и от возбуждения кровь его загорелась и заиграла в жилах. Со слабым шепелящим рычанием медвежонок очертя голову кинулся в схватку. Но тщетно пытался он вцепиться зубами в густую шерсть и в жесткий огузок черного медведя. Он дергал его и рычал, помогая себе передними лапами и набив полный рот шерсти. Слепая, безотчетная ярость охватила его.

Черный повернулся на спину и сверху вниз полоснул задней лапой по брюху Тэра. Прежде чем этот удар пов-

торился, Тэр уклонился в сторону, и второй удар достался Мускве.

Задняя лапа черного обрушилась на него своей подошвой, и футов двадцать Мусква пролетел, как камень, пущенный из пращи. Он не был ранен, но удар оглушил его.

В тот же миг Тэр отпустил горло врага и отступил на два-три фута в сторону. Плечи черного, его грудь и шея были в крови. Он попытался подняться, но Тэр снова очутился на нем.

На этот раз гризли с безошибочной точностью применил самый страшный из своих приемов. Его огромные челюсти мертвой хваткой вцепились в переносицу черного медведя. В один момент он с треском перегрыз ее, и битва была закончена — черный испустил дух. Но Тэр этого не знал. Теперь ничто не мешало ему рвать противника похожими на ножи когтями своей задней лапы. И он терзал его еще минут десять. Когда гризли наконец унялся, то на арену их боя страшно было взглянуть. Земля вокруг была вспахана и залита кровью, повсюду валялись клочья шерсти.

А в двух милях от этого места Брюс и Ленгдон, бледные, затаив дыхание, смотрели в окуляры. Они стали очевидцами этого жуткого побоища, но медвежонка за дальностью расстояния им не было видно. Когда Тэр, весь залитый кровью, поднялся, переводя дух, над своим бездыханным врагом, Ленгдон опустил бинокль.

— Боже мой! — прошептал он.

Брюс вскочил на ноги.

— Пошли! — крикнул он. — Черному крышка. И если мы не будем терять времени даром, то и гризли от нас не уйдет!

А там, внизу, на лугу, Мусква подбежал к Тэру, неся в зубах клоч черной шерсти, и Тэр, опустив к нему свою огромную окровавленную голову, ласково лизнул его в мордочку. Маленький рыжемордый медвежонок тоже испытал свои силы, и — кто знает! — может быть, Тэр все видел и понял...

Г л а в а X ЧЕРЕЗ ГОРЫ

После боя ни Тэр, ни Мусква даже и не приближались к карибу. Тэру было не до еды, а Мусква был так возбужден и его так трясло, что кусок стал бы у него по-

перек горла. Он все еще, как бы завершая дело, начатое Тэром, трепал клочок черной шкуры, ворча и взвизгивая, как щенок.

Долго гризли стоял так, низко склонив огромную голову, и у ног его натекали лужицы крови. Перед ним простиралась долина. Ветра не было... Вернее, он был настолько слаб, что почти невозможно было установить, откуда он дует. Его порывы замирали в ущелье, и сильнее он становился лишь выше, на перевалах и вершинах.

Время от времени поток воздуха устремлялся вниз и проносился по долине, как долгий, бесшумный вздох, чуть задев верхушки елей и т. п. Но, когда Тэр повернулся к востоку, ветер дохнул прямо на него. И Тэр почувствовал вдруг еле уловимый, но страшный запах человека!

С ревом Тэр стряхнул с себя то недолгое оцепенение, в которое он позволил было себе погрузиться. Его расслабленные мускулы снова напряглись. Он поднял голову и принялся. Мусква прекратил свою никому не нужную расправу с клочком черной шкуры и тоже принялся втягивать воздух носом.

Ленгдон и Брюс бежали, сильный запах человеческого пота далеко разносился по воздуху. Этот запах вызвал у Тэра новый прилив ярости. Второй раз приходит он, когда Тэр ранен и истекает кровью! Человеческий запах и боль уже неразрывно связались в сознании гризли друг с другом. И теперь этот запах был ему вдвойне ненавистен. Он повернул голову и зарычал на истерзанное тело черного медведя. А затем угрожающе зарычал на ветер.

Меньше всего он был расположен к бегству. И, случись Ленгдону и Брюсу подоспеть именно сейчас, Тэра охватила бы такая ярость, что ему вряд ли удалось бы сдержать ее,—та самая ярость, которой весь его род и обязан своим именем: «Страшный медведь».

Но ветерок пролетел мимо, и снова все стихло. Долина была наполнена журчанием струящейся воды, сурки на скалах спокойно посвистывали, белокрылые стаи куропаток легко проносились в воздухе. Все это успокаивало Тэра, как нежная женская рука успокаивает разгневанного мужчину. Он рычал, безуспешно пытаясь еще раз уловить в воздухе этот запах. Но рычание становилось все тише и тише. Наконец гризли повернулся и не спеша зашагал к ущелью, по которому они с Мусквой не так давно спустились сюда. Мусква побежал следом.

Ущелье спрятало их от посторонних взоров, как только они начали подъем. Дно ущелья было покрыто сланцем и загромождено каменными глыбами. Раны, полученные Тэром в недавней битве, в отличие от пулевых ран, через несколько минут уже перестали кровоточить. И он больше не оставлял на своем пути предательских красных пятен.

Ущелье привело их к обвалу. Здесь они стали еще недоступней для наблюдения снизу. Остановились напиться у озерка, образованного потоками талой воды, сбегающей с горных вершин, и тронулись дальше.

Когда они добрались до скалы, на которой провели ночь, Тэр не стал задерживаться. Мусква на этот раз еще не чувствовал усталости. Два дня неузнаваемо изменили маленького рыжемордого медвежонка. Он был уже не таким круглым и толстым и стал сильнее, гораздо сильнее. Он закалился и под надежной опекой Тэра быстро проходил курс превращения из медвежонка в молодого зверя.

Заметно было, что Тэру и раньше уже случалось хаживать по этому уступу и он знает, куда тот ведет: все выше и выше, пока не упрутся, как могло показаться, в отвесную каменную стену. Идя все тем же путем, Тэр пришел к глубокой расщелине, настолько узкой, что он едва пролезал в нее. По ней они выбрались на край такого крутого склона, какого Мускве еще ни разу не приходилось видеть. Он был похож на гигантскую каменоломню, которая уходила вниз, углублялась в лес далеко под ними и вздымалась вверх чуть ли не до самой вершины горы.

Для Мусквы переход по этим хаотическим нагромождениям с тысячей опасностей был совершенно непосильной задачей. И, как только Тэр начал перебираться через первые же глыбы, медвежонок остановился и жалобно заскулил.

В первый раз он отказался идти дальше. Когда же он увидел, что Тэр, не обращая ни малейшего внимания на его писк, все идет и идет, его обуял ужас. Завопив что было сил, медвежонок отчаянно заметался в поисках хоть какой-нибудь тропинки через эти громадины.

Тэру же было совершенно невдомек, в какое трудное положение попал Мусква, и он знай себе лез вверх, пока не забрался на целых пятьдесят ярдов. Тогда он остановился, оглянулся через плечо и подождал.

Это приободрило Мускву, и он, стараясь не отстать, принялся карабкаться, цепляясь когтями и пустив в ход даже подбородок и зубы.

Минут десять понадобилось ему, чтобы догнать Тэра. Он совершенно запыхался. Но от прежнего страха не осталось и следа: Тэр стоял на узкой белой тропинке, надежной, как пол. Ширина ее была дюймов восемнадцать.

Странной и загадочной казалась эта тропа, и нельзя было понять, как она могла появиться в этих местах. Вид у нее был такой, будто огромная армия рабочих с молотками, пришедшая сюда когда-то, дробила целые тонны песчаника и сланца и насыпала между валунами гальку, чтобы проложить узкую ровную дорожку. Но сделали это не молотки, а копыта не менее чем тысячи поколений горных коз. Тэр и Мусква ступили на козью тропу.

Первое стадо диких коз пронеслось этим путем, вероятно, еще задолго до того, как Колумб открыл Америку¹, но сколько же лет ушло на то, чтобы их копыта выбили ровную дорогу в горах! Тэру она служила столбовой дорогой из одной долины в другую. Правда, ею пользовался не только он, но и многие другие обитатели этих гор.

В то время как Мусква переводил дух, оба они услышали какой-то странный, похожий на посмеивание звук, доносившийся сверху.

Футах в сорока или пятидесяти выше того места, где они стояли, тропинка сворачивала за огромную каменную глыбу. И из-за этой глыбы навстречу им медленно спускался большой дикобраз.

На севере существует обычай, согласно которому человек не должен убивать дикобраза, которого называют «другом потерявшихся». Заблудившийся и умирающий от голода старатель или охотник, когда поблизости нет никакой дичи, всегда может отыскать дикобраза. А убить его ничего не стоит и ребенку. К тому же он самое потешное существо в этих дебрях — самый добродушный, приятный и покладистый весельчак на свете. Он болтает и хохочет без умолку, а когда движется, то похож на ожившую гигантскую подушечку для булавок. И он так рассеян, что, кажется, и живет, не просыпаясь.

Этот дикобраз, спускаясь прямо на Тэра и Мускву, благодушно болтал сам с собой. А его смешок звучал, как

¹ Колумб — морские путешествия Христофора Колумба к берегам Америки относятся к последнему десятилетию XV века.

лепет младенца. Он был невероятно толст. Таких называют «Порки»¹. Медленно, вперевалку спускался он сверху, и его бока и хвост шелкали по камням. Он смотрел себе под ноги. Неизвестно, что это были за мысли, в которые он был погружен, но Порки заметил Тэра, когда между ними оставалось уже меньше пяти футов. В мгновение ока он свернулся шаром и несколько секунд бранился на все лады. А потом застыл, молчаливый, как сфинкс, следя своими красными глазками за этим огромным, невесть откуда взявшимся медведем.

Тэр не собирался убивать его, но тропа была узка, а Тэр хотел продолжать свой путь. Он сделал шага два вперед. Тогда дикобраз повернулся к нему задом, приготовившись наносить удары своим мощным хвостом. В хвосте Порки сотни игл, а Тэр уже неоднократно имел с ними дело и поэтому остановился в нерешительности. Мусква с любопытством уставился на дикобраза. Ему еще только предстояло узнать, что такое дикобраз, потому что игла, которая попала недавно в лапу, была всего-навсего одной из оброненных игл.

Тэр сделал еще один шаг вперед. Тогда с неожиданным «чак-чак-чак» — самым устрашающим звуком, на который он только был способен, — дикобраз начал наступать на Тэра задом, рассекая воздух взмахами своего широкого, увесистого хвоста с такой силой, что, попади он в дерево, иглы вонзились бы в ствол на добрых четверть дюйма.

Прوماхнувшись, он снова свернулся, а Тэр шагнул с тропинки на каменную глыбу и обошел его сторонкой. Затем остановился, поджидая Мускву.

Порки торжествовал победу в полном упоении самим собой. Он распрямился, его иглы утратили свой угрожающий вид. Все так же добродушно посмеиваясь, он продолжал свой спуск, надвигаясь прямо на Мускву. Инстинктивно медвежонок посторонился, поскользнулся на краю тропинки и сорвался вниз. А когда он снова вскарабкался на нее, Порки уже ушел футов на пять от того места и продолжал свой путь, не обращая ни на что внимания.

Однако их приключения на козьей тропе на этом еще не кончились. Только-только Порки убрался восвояси, как из-за края огромной каменной глыбы над их головами появился барсук, с нетерпением устремившийся было на запах дикобраза, обещающий самый лакомый обед.

¹ П ó р к и (англ.) — жирный.

Этот отпетый негодяй, от которого с презрением отворачиваются все в горах, был втрое больше Мусквы, и все в нем — сильные мускулы, когти, острые зубы — было великолепно приспособлено для нападения. На носу и на лбу у него были белые отметины. Ноги короткие и толстые, хвост пушистый, а когти на передних лапах почти такой же длины, как у медведя. Как только он показался, Тэр приветствовал его предостерегающим рычанием, и тот, перепуганный насмерть, удрал без оглядки.

А тем временем Порки ковылял себе потихоньку вниз, в поисках новых мест с подножным кормом. Он продолжал разговаривать и что-то напевать про себя, совсем забыв о том, что случилось минуты две назад. Ему и в голову не приходило, что Тэр спас его от смерти столь же неминуемой, как если бы он свалился в пропасть глубиной в тысячу футов.

Тэр и Мусква прошли еще почти целую милю по извилистой козьей тропе. И вот наконец она привела на самую вершину горного кряжа. Теперь они находились на высоте добрых трех четвертей мили над поймой ручья. Местами хребет, вдоль которого вела тропинка, настолько сужался, что можно было видеть одновременно обе долины, лежащие по разным сторонам его.

Мусква видел у себя под ногами только золотисто-зеленый туман бездны. Лес по обе стороны ручья представлялся отсюда черной полоской, а пихтовые и кедровые чащи на отдаленных склонах казались не больше зарослей шиповника или ивняка.

Здесь, наверху, разгуливал сильный ветер. С непонятной яростью налетел он на Мускву, который, пока они шли, успел уже ощутить у себя под ногами незнакомый и далеко неприятный холод снега.

Какая-то огромная птица дважды стремительно пронеслась неподалеку от него, скользя на распластанных крыльях. Такой большой птицы медвежонку не приходилось видеть еще ни разу за всю свою жизнь. Это был орел.

Во второй раз орел пролетел так близко, что Мусква услышал, как он разрезает воздух крыльями, и разглядел его огромную злую голову и растопыренные в стороны когти. Тэр повернул к птице голову и зарычал. Очутись здесь Мусква один, плыть бы ему по воздуху в этих смертоносных когтях. Теперь же орел сделал свой третий круг на почтительном расстоянии, но уже под ними.

Огромная птица наметила себе другую добычу. Звеля, привлечшего орла, почуяли и Тэр с Мусквой и остановились.

Ярдах в ста под ними находился гладкий и отлогий сланцевый склон, и на нем, нежась на солнышке после утренней кормежки, расположилось стадо горных баранов. Их было штук двенадцать-тринадцать, главным образом матки с ягнятами. Поодаль, с восточной стороны от них, лежали на снегу три огромных старых барана.

Орел, словно перо, плывущее по ветру, бесшумно парил в вышине. Матки и даже старые, матерые бараны и не подозревали о его присутствии. Большинство ягнят лежало под боком у матерей, но два или три, самые непоседливые, бродили по склону, то и дело шаловливо взбрыкивая. Свирепый взгляд орлиных глаз был прикован к этим малышам. И вдруг орел стал удаляться, летя навстречу ветру, потом на расстоянии ружейного выстрела он плавно развернулся и понесся назад, по ветру, не шевельнув крылом. Скорость его полета все нарастала. И вот он ринулся вниз, обрушившись на ягнят, как ракета.

Казалось, лишь огромная черная тень промелькнула над стадом да одинокое жалобное блеяние пронеслось вслед за тенью. Но там, где только что резвились три ягненок, осталось два.

Смятение охватило всех находящихся на склоне. Тревожно блея, матки заматались взад и вперед. Бараны вскочили на ноги и застыли неподвижно. Высоко подняв свои рогатые головы, они в поисках новой угрозы внимательно вглядывались в бездну под ними и в черные вершины над их головами. Один из них заметил Тэра и издал низкое, резкое блеяние, звук которого охотник мог бы услышать на расстоянии мили отсюда. Подав этот сигнал тревоги, баран опрометью ринулся вниз по склону, и сейчас же стук многих копыт рассыпался по откосу, сопровождаемый грохотом мелких и крупных камней, которые, срываясь, покатались вниз.

Падая, одни камни увлекали за собой другие, и грохот обвала становился все громче. Все это необычайно заинтересовало Мускву. Он бы еще долго простоял так, с любопытством вглядываясь вниз, если бы Тэр не повел его дальше.

Вскоре тропа начала спускаться в ту самую долину, из верхней части которой первые выстрелы Ленгдона прогнали Тэра. Теперь они находились миль на шесть — восемь севернее леса, в котором охотники разбили свой лагерь. Отсюда Тэр с Мусквой двинулись к нижним притокам Скины.

Еще час пути, и голый сланец и серые скалы остались наверху, а Тэр и Мусква вступили на зеленые склоны. После скал, холодного ветра, свирепого взгляда орлиных глаз теплая, приветливая долина, в которую они спускались, показалась Мускве раем.

Было ясно, Тэр что-то задумал. Теперь он шел не просто так. Он обходил стороной выступы и открытые места на склонах. Низко опустив голову, шел все на север и на север, и даже компас не мог бы обозначить более прямую линию к низовьям Скины. Вид у гризли был чрезвычайно озабоченный и деловой. А храбро трусящий за ним Мусква ломал себе голову над вопросом: неужели он так и будет идти вечно, без остановки? Разве есть в мире место более привлекательное для большого гризли и маленького рыжемордого медвежонка, чем эти чудесные солнечные склоны, от которых Тэру, казалось, не терпится уйти подалее?

Г л а в а X I

БРЮС И ЛЕНГДОН НА МЕСТЕ ПОВОИЩА

Если бы не Ленгдон, то этот день схватки двух медведей оказался бы еще более бурным и опасным для Тэра и Мусквы. Уже через три минуты после того, как охотники, потные и запыхавшиеся, добрались до места кровавого столкновения, Брюса так и подмывало продолжать погоню за Тэром. Он знал, что огромный гризли не мог еще уйти далеко, и был уверен, что тот поднялся в горы. Как раз в ту самую минуту, когда Тэр и Мусква ступили на козью тропу, Брюс обнаружил следы Тэра на гравии в ущелье.

Однако все уговоры Брюса были бессильны. Потрясенный до глубины души представившимся его глазам зрелищем, охотник-натуралист наотрез отказывался покинуть покрытую пятнами крови и всю изрытую арену, на которой только что дрались гризли и черный медведь.

— Для того чтобы увидеть такое,— сказал он,— я проехал бы пять тысяч миль, даже если бы мне не удалось в результате сделать ни единого выстрела. Здесь есть о чем поразмыслить, и что посмотреть, Брюс. Этот медведь еще не разлагается. Разложение начнется через несколько часов. Мухи еще только слетаются. И если здесь скрыта какая-нибудь история, до которой мы могли бы докопаться, то я хочу узнать ее.

Раз за разом Ленгдон совершал всё новые обходы поля боя, осматривая землю и страшные раны на теле черного медведя. А Брюс, казалось, не обращал на все это ни малейшего внимания. Но приблизительно через полчаса он позвал Ленгдона на опушку пихтовой чащи.

— Ты хотел узнать, что случилось,— сказал он,— я сделал это, Джимми.

Он углубился в чащу, и Ленгдон поспешил за ним. Пройдя несколько шагов вперед, Брюс остановился и указал на яму, в которой Тэр прятал мясо карибу. Яма была перепачкана кровью.

— Твоя догадка была верна, Джимми,— сказал он.— Наш гризли действительно питается мясом. Вчера вечером он убил карибу вон на том лугу. Я знаю, что это он убил карибу, а не черный, потому что следы на краю спуски принадлежат гризли. Пойдем! Я покажу тебе, где кинулся он на карибу.

Он вывел Ленгдона на луг и показал место, где Тэр задрал молодого оленя. Там, где Тэр и Мусква пировали, оставались куски мяса и множество пятен крови.

— Наевшись до отвала, он припрятал тушу в чаще,— продолжал Брюс.— А сегодня утром черный проходил неподалеку, учуял мясо и забрался в его кладовую. Потом гризли вернулся позавтракать, и вот что вышло из всего этого! Вот тебе и весь сказ, Джимми.

— А не может он еще... вернуться? — спросил Ленгдон.

— Да ни за что на свете! — воскликнул Брюс.— Он не притронулся бы больше к этой туше, даже если бы подышал с голоду. Теперь его будет мутить уже от одного запаха этого места.

Брюс оставил Ленгдона размышлять в одиночестве на поле брани, а сам пошел выслеживать Тэра дальше. Целый час Ленгдон писал под сенью пихт, то и дело вставая, чтобы установить новые факты или проверить уже установленные. А его проводник тем временем пядь за пядью продвигался по ущелью. Тэр не оставлял за собой кровавых пятен, но там, где другие не заметили бы ничего, Брюс находил верные признаки, что Тэр прошел здесь. И когда он вернулся к заканчивавшему свои заметки Ленгдону, то на лице его было написано полное удовлетворение.

— Он отправился через горы,— сказал Брюс с оживлением.

Не успели охотники перевалить через вулканические

нагромождения среди скал и добраться по козьей тропе до места, откуда Тэр и Мусква наблюдали за орлом и баранами, как наступил полдень. Перекусили и занялись осмотром долины в бинокль и подзорную трубу. Долгое время Брюс не произносил ни слова. Затем опустил свою трубу и обернулся к Ленгдону.

— Кажется, теперь я представляю себе довольно отчетливо его владения,— сказал он.— Они простираются по этим двум долинам. Мы разбили лагерь слишком далеко на юг. Видишь вон тот лес внизу? Вот там бы и устроить лагерь. Как ты смотришь на то, чтобы сходить за лошадьми и подняться с ними сюда?

— И оставить гризли до завтра?

Брюс кивнул:

— Нельзя же пускаться за ним, оставив лошадей спутанными в этой пойме.

Ленгдон убрал бинокль в футляр, поднялся и вдруг замер.

— Что это?

— Ничего не слышал,— сказал Брюс.

Несколько секунд они стояли рядом, прислушиваясь. Налетел порыв ветра, и снова все стихло.

— Слушай! — шепнул Ленгдон, и в голосе его внезапно послышалось волнение.

— Собаки? — воскликнул Брюс.

— Да, собаки!

Оба подались вперед, полуобернувшись к югу,— до них донесся далекий лай эрделей.

Метусин прибыл и искал их в долине!

Глава XII

В НЕВЕДОМУЮ СТРАНУ

Тэр пребывал в том состоянии решимости, которое индейцы называют пимутэо.

Что-то подсказывало ему, что надо идти только на север. Это было так же неоспоримо для Тэра, как дважды два четыре, хоть он и не был знаком с таблицей умножения. И к тому времени, когда Ленгдон с Брюсом выбрались на верхнюю часть козьей тропы и остановились, прислушиваясь к далекому лаю собак, малыш Мусква дошел уже до полного отчаяния. Их путешествие походило на бесконечную, без передышки игру в салки.

Через час после того, как гризли и медвежонок оставили козью тропу, они подошли к тому месту долины, где

начинался водораздел. Отсюда один из ручьев бежал на юг, углубляясь в район озера Тэклы, другой — сливался с рекой Бэбин, впадающей в Скину.

Тэр и Мусква быстро спустились в низину, и медвежонок впервые в жизни оказался на болотах. Трава была такая густая и высокая, что Мусква уже не видел из-за нее Тэра, а только слышал, как тот медленно продвигается вперед. Ручей разливался все шире, становился все глубже. Местами приходилось идти по самому краю темных, стоячих заводей, которые казались бездонными. Наконец-то Мускве удалось немного передохнуть.

Тэр поминутно задерживался то у одного, то у другого водоема, приюхиваясь к воде. Он что-то искал и, казалось, никак не мог найти. И всякий раз, как гризли снова пускался в путь, Мусква чувствовал, что он больше не выдержит.

Пройдя добрых семь миль на север от того места, откуда Брюс и Ленгдон осматривали долину, они вышли к озеру. Мускве, который на своем веку видел только освещенные солнцем горы, оно показалось темным и неприветливым. Лес подступал здесь почти к самому берегу, и вода в озере была темная, почти черная. Незнакомые птицы пронзительно кричали в густом тростнике. От озера исходил странный, острый запах, от которого у медвежонка вдруг потекли слюнки, — он почувствовал нестерпимый голод. Минуты две и Тэр стоял, втягивая в себя этот соблазнительный запах. Пахло рыбой.

Огромный гризли не спеша направился вдоль берега озера. Вскоре он добрался до устья небольшого ручья. Хотя устье было не шире двадцати футов, вода в нем оказалась такой же темной, неподвижной и глубокой, как и в самом озере. Тэр поднялся ярдов на сто вверх по ручью и отыскал место, где несколько деревьев, упавших поперек ручья, образовали своего рода плотину. Вода у самой плотины была затянута зеленой ряской. Тэр знал, чем здесь можно поживиться, и стал медленно пробираться по завалу.

Дойдя до середины, гризли остановился и осторожно разогнал ряску правой лапой. Образовалось оконце, вода в котором была совершенно прозрачна. Блестящие маленькие глазки Мусквы следили за ним с берега. Мусква знал, что Тэр сейчас раздобудет еду, но как и что он достанет из этого оконца, никак не мог понять. И, несмотря на усталость, любопытство взяло верх. А Тэр растянулся на брюхе, свесив голову и опустив правую лапу через

край плотины. Он окунул лапу в воду и замер. Ему было все ясно видно до самого дна.

Несколько минут гризли разглядывал дно, сучья поваленных деревьев и свою лапу под водой. Вдруг длинная, узкая тень проплыла под ним. Это была форель длиной дюймов в пятнадцать. Она прошла слишком глубоко. Тэр и не подумал бросаться за ней. Он терпеливо ждал. И очень скоро его терпение было вознаграждено. Пестрая, в ярких красных пятнах красавица форель выплыла из-под ряски. Огромная лапа Тэра — это произошло так неожиданно, что Мусква даже взвизгнул с перепугу, — плеснула целый фонтан воды футов на двенадцать в воздух, и рыба шлепнулась на берег около медвежонка.

Мгновенно Мусква накинулся на нее, и его мелкие, острые зубки вонзились в бьющуюся, извивающуюся рыбу. Тэр приподнялся было, но, увидев, что Мусква уже завладел форелью, снова принял прежнее положение.

Не успел Мусква прикончить свою добычу, как снова столб воды взметнулся вверх, и пролетела вторая форель, выделявая пируэты в воздухе. На этот раз Тэр кинулся за ней, потому что и сам был голоден.

Они попиروвали на славу в этот послеполуденный час у текущего в тени деревьев ручья. Еще раз пять выкидывал Тэр рыбу, появлявшуюся из-под ряски, но Мусква, хоть убей, не мог после первой форели съесть ни кусочка.

Несколько часов после обеда они провалялись в прохладном, надежно укрытом месте неподалеку от запруды. Сон у Мусквы стал чутким. Он начинал понимать, что жизнь его зависит теперь главным образом от него самого, и уши медвежонка уже привыкли быть постоянно настороже, прислушиваясь к каждому звуку. Сквозь сон медвежонок чувствовал, когда Тэр повертывался или глубоко вздыхал. После вчерашнего марафонского бега медвежонку было не по себе — мучил страх, что он может потерять своего большого друга и кормильца, и Мусква решил смотреть в оба, как бы приемный родитель при случае незаметно не удрал от него. Но Тэр и не собирался отрываться от своего маленького товарища. Он и сам привязался к Мускве.

Не одно только желание отведать свежей рыбы и страх перед врагами привели Тэра в этот низменный край, где вольно струились воды Бэбин. Еще неделю назад почувствовал он все более растущую тревогу, и за последние два-три дня — дни сражения и побега — она стала нестерпимой. Странное, ничем не заглушаемое томле-

ние переполняло его. И, пока Мусква мирно дремал, прикорнув в кустах, уши Тэра напряженно и чутко ждали, не послышатся ли знакомые звуки, а нос то и дело принюхивался. Ему не хватало подруги.

Наступил п а с к у в е п е с и м — месяц линьки. А именно в этом месяце или чуть раньше, в конце июня, который называют «месяцем опыления», Тэр и отправлялся обычно на поиски медведицы, которая приходила к нему из западных урочищ. Гризли почти во всем следовал раз и навсегда установившейся привычке и каждый год проделывал одно и то же путешествие, неизменно забираясь в эту долину реки Бэбин. Он никогда не упускал случая поест по пути рыбки. И чем больше он ее ел, тем сильнее от него пахло рыбой. Едва ли Тэр думал, что от этого благоухания он становится более привлекательным для своей подруги. Во всяком случае, рыбы он съел столько, что от него просто разило.

Гризли встал со своего места и, растянувшись на плотине, пролежал там часа два, пока не наступил закат. За это время он выплеснул из воды еще три форели. Мусква съел голову одной из них, а Тэр все остальное. И снова они пустились в странствия.

Они вступили в совершенно новый для Мусквы мир. Ни одного знакомого звука не было здесь слышно. Умолкла монотонная песня ручьев верхней долины. Не слышно было голоса сурков, куропаток и вечно озабоченных гоферов. Вода в озере была глубокая, темная, неподвижная. Черные, не знающие солнца омуты таились под самыми корнями деревьев — настолько близко лес подступал к озеру. Здесь не было скал, которые так трудно преодолеть, но повсюду встречались сырые, скользкие стволы деревьев, частые завалы бурелома и разбросанные там и сям заросли кустарника. И даже воздух был совсем другой. Ни движения — тишина. Они брели по чудесному ковру из мягкого мха, в котором даже Тэр утопал по самые плечи. Шли в загадочный мрачный лес, полный таинственных теней, в котором стоял терпкий, едкий запах гниющих растений.

Тэр шагал уже не так быстро. Молчание, мрак и гнетущий запах, казалось, настораживали гризли. Он ступал бесшумно, то и дело останавливался, осматриваясь и прислушиваясь. Принюхивался к омутам, скрытым у корней деревьев. При каждом новом звуке медведь замирал на месте. Голова низко опускалась к земле, уши поднимались. Несколько раз Мусква видел, как какие-то тени про-

плывали во мраке. Это пролетали большие серые совы, которые зимой становятся белоснежными. А один раз, когда уже начинало смеркаться, они набрели на существо очень свирепого вида, которое при виде Тэра в страхе метнулось прочь. Это была рысь.

Еще не совсем стемнело, когда Тэр и Мусква бесшумно вышли из чащи и очутились сначала на берегу ручья, а потом у большого пруда. Пахнуло теплом и запахом чего-то нового, незнакомого. Запах, казалось, исходил из пруда, посредине которого виднелись какие-то круглые строения, похожие на огромные шалаши, обмазанные толстым слоем глины, и пахло не рыбой — это медвежонок уже знал.

Здесь жили бобры, и всякий раз, как Тэр забредал в эту часть долины, он неизменно навещался в колонию бобров. Случалось, что тут перепадал на завтрак или на ужин какой-нибудь толстый бобренок. Но сегодня медведь не был голоден да к тому же торопился. И все же он задержался на несколько минут, притаившись в тени, у берега.

Бобры уже приступили к ночным работам. Какие-то поблескивающие зигзаги скользили по водной глади. Мусква не мог понять, что это такое, но вскоре разглядел темные плоские головы и заметил, что большинство их двигалось от берега пруда по направлению к длинной, низкой перемычке, отгораживавшей воду с востока ярдов на триста.

Для Тэра эта запруда оказалась новинкой, и, прекрасно зная своих искусных друзей — если ему и случалось закусить кем-нибудь из них, то ведь только изредка, — он понял, что бобры расширяют границы своих владений, сооружая новую плотину.

Тэр и Мусква наблюдали, как два толстых труженика с громким всплеском столкнули в воду четырехфутовое бревно. Один потянул его на место строительства, а второй вернулся к какой-то другой работе. Чуть позднее на том берегу с треском повалилось дерево — еще один работник успешно завершил свой труд.

Тэр направился к плотине. И в ту же минуту что-то оглушительно треснуло и громко плеснулось в воде. Это старый бобр увидел Тэра и, подавая сигнал тревоги, так шлепнул плоской стороной своего широкого хвоста по гладкой поверхности воды, что удар прозвучал в тишине, словно ружейный выстрел. И сейчас же пруд со всех сторон огласился плеском. Вся вода сразу закипела и забур-

лила — штук двадцать потревоженных рабочих в панике плыли под водой к своим обмазанным глиной твердыням. Мускву это общее возбуждение захватило настолько, что он чуть было не прозевал Тэра.

Медвежонок догнал гризли уже у самой плотины. Некоторое время Тэр критически осматривал новое сооружение. Потом попробовал, выдержит ли оно его вес. Постройка оказалась прочной, и по этому мосту медведь с медвежонком прошествовали на другой берег. Вскоре Тэр ступил на отчетливо видную тропу, протоптанную карibu, и она, обогнув озеро, привела их через полчаса к ручью, который брал свое начало в озере и тек от него на север.

Мусква мечтал об одном: чтобы Тэр наконец сделал привал. За время короткого дневного сна ноги медвежонка не успели отдохнуть и теперь ныли, нежные подушечки на его лапах распухли и ободрались, на них страшно было ступить. Весь день они шли не останавливаясь, и, будь на то воля Мусквы, он в течение целого месяца не сделал бы ни одной мили пешком. Идти, конечно, было не так уж неприятно, но медвежонку приходилось то и дело гнать рысью, чтобы успеть за Тэром. Так бежит малыш, уцепившись за палец взрослого, который идет широким шагом. А Мускве и уцепиться-то было не за что.

Подожвы медвежонка жгло точно кипятком, нежный носик был порезан кустарником и острой, как нож, болотной травой, спина болела. И все-таки он не отставал.

Но вот под ногами снова пошли песок и галька. Идти стало легче. Звезды, миллионы звезд высыпали на небе, ясные, сверкающие...

По всему было видно, что Тэр настроился идти и ночью. И неизвестно, чем бы кончилось это ночное путешествие для медвежонка, если бы силы небесные не согласились дать ему передышку.

Еще примерно с час звезды были ясными, а Тэр, этот изверг бесчувственный, все шел себе да шел. У Мусквы уже лапы заплетались одна за другую. Но вот где-то в отдалении, на западе, прозвучал низкий рокот грома. Рокот усиливался, нарастал, стремительно надвигаясь на них прямо с теплого Тихого океана.

Тэр забеспокоился и, повернув голову в сторону грома, принялся. Синие огненные зигзаги вспарывали черный покров ночи, который то и дело снова затягивался, как огромный занавес. Звезды исчезли. Протяжно завыл ветер. И вот хлынул дождь.

Тэр отыскал скалу, которая образовала впадину с навесом над ней, и они с Мусквой успели забиться туда еще до начала ливня. Долгое время дождь хлестал как из ведра. Казалось, воды Тихого океана выплескивались сюда. Не прошло и получаса, как ручей вздулся, превратившись в бурный поток.

Молнии и удары грома приводили Мускву в ужас. При невероятных, ослепляющих вспышках молний Мусква мог видеть Тэра, но вдруг снова наступала крошечная тьма. Казалось, вершины гор рушатся в долину и земля вздрагивает... И Мусква все ближе подбирался к Тэру, пока не устроился наконец между передними его лапами и не прижался к лохматой груди гризли.

Тэра не беспокоили эти шумные судороги природы. Единственно чего он боялся,— это намочнуть. Он принимал ванну только тогда, когда солнце сверкало и рядом была какая-нибудь уютная нагретая скала, на которой можно было растянуться.

Еще долго после своего первого неистового низвержения ливень никак не мог уняться. Но теперь это даже нравилось Мускве. Под укрывшей их скалой, прижавшись к Тэру, медвежонок чувствовал себя очень уютно и быстро заснул.

Долгие часы продолжалось одинокое бдение Тэра. Время от времени он клевал носом, но беспокойство, не утихавшее в нем, не давало ему уснуть. Вскоре после полуночи дождь перестал, но было еще очень темно, ручей разлился и вышел из берегов... И Тэр остался под скалой.

Мусква выпался на славу. Когда Тэр зашевелился и разбудил его, уже наступил день. Медвежонок выбрался из-под скалы следом за гризли, чувствуя себя несравненно лучше, чем вчера вечером, хотя лапы его еще ныли и тело ломило.

Тэр снова двинулся по течению ручья. По берегам его тянулись отмели и бесчисленные болотца, буйно заросшие мягкой травой со множеством съедобных корней. Здесь росли и стройные лилии на длинных стеблях, до которых Тэр был большой охотник.

Но, чтобы такому огромному гризли насытиться подобными вегетарианскими деликатесами, понадобился бы целый день. А Тэр очень торопился. Любовный угар Тэра длился всего несколько дней в году. Но и сам Тэр и его образ жизни в эти дни изменялись неузнаваемо. Забота

о хлебе насущном и о нагуливании жира отступала у гризли на время счастливого супружества куда-то на второй план. Иными словами, он в эти дни жил не только ради того, чтобы набить себе брюхо, а ел лишь для поддержания брэнной оболочки. Потому-то, пока дело дошло до обеда, Мусква чуть не умер с голоду.

Но вот наконец — день еще был в самом разгаре — Тэр подошел к обмелевшему затону, не свернуть к которому было бы просто преступлением.

В ширину затон не достигал и двенадцати футов, но форели в нем было очень много. Это были те рыбы, которые в половодье поднялись вверх по ручью, но не успели достичь озера. Вода спала, а они остались в этом затоне; в ожидании нового подъема воды, когда можно будет уйти в глубокие реки Бэбин и Скину, они жили в этой ловушке. С одного края вода была здесь глубиной в два фута, с другого же — всего в несколько дюймов.

Гризли вошел в более глубокую часть, и Мускве, оставшемуся на берегу, было видно сверху, как сверкающие в воде форели кинулись к отмели. Тэр не спеша двинулся на них, и, как только он оказался в воде на глубине в восемь дюймов, рыбы в панике одна за другой попытались проскочить мимо медведя опять в глубину. Раз за разом огромная правая лапа Тэра взметала огромные столбы воды. Первый же из этих всплесков сбил Мускву с ног. Но зато вместе с водой на берег была выплеснута двухфунтовая форель. Медвежонок тут же оттащил рыбу от берега и набросился на нее.

От могучих ударов лапы Тэра в водоеме началось настоящее столпотворение. Рыбы метались от одного берега к другому. А гризли тем временем выбросил на берег почти целую дюжину рыб.

Мусква так увлекся едой, а Тэр — ловлей, что оба прозевали появление гостя. Они увидели его почти одновременно: Тэр — из воды, а Мусква — стоя над рыбой. И оба остоленели от изумления.

Гость был тоже гризли. Он принялся поедать рыбу, выловленную Тэром, с таким хладнокровием, словно наловил ее сам. Такого неслыханного оскорбления и столь дерзкого вызова никто не помнил в этой медвежьей стране. Даже Мусква и то понял это и выжидающе посмотрел на Тэра. Предстоял еще один бой, и, предвкушая его, медвежонок облизнулся.

Тэр не спеша вылез из воды. На берегу он снова помедлил. Оба гризли не сводили глаз друг с друга. При-

шелец смотрел на Тэра, не переставая грызть рыбину. Ни тот, ни другой не рычали. Мусква не заметил ни одного признака вражды. А затем, к вящему изумлению медвежонка, Тэр приступил к еде шагах в трех от незваного гостя!

Может быть, человек и лучшее создание природы, но по части уважения к старости подчас уступает медведю гризли. Тэру, например, и в голову бы не пришло грабить старого медведя, драться с ним, прогонять старика от мяса, даже если оно нужно самому Тэру. А далеко не о каждом представителе рода человеческого можно сказать то же самое.

Гость был старым да к тому же еще больным медведем. Ростом он почти не уступал Тэру, но так одряхлел, что грудь его стала вдвое уже, а шея и голова до смешного тощи.

У индейцев племени кри есть особая кличка для такого медведя. Они зовут его Къ ю й е с В о п а с к — медведь, который вот-вот умрет от старости. Индейцы ни за что не тронут такого медведя, хотя белый человек убивает его. Сородичи относятся к такому медведю снисходительно и подпускают его к своей добыче, если он окажется по соседству.

Старый медведь, стоявший перед Тэром и Мусквой, был измучен голодом. Когти у него выпали, шерсть поредела, на шкуре проступали плешины, беззубые, красные десны еле-еле разжевывали пищу. Если он дотянет до осени, то заляжет в берлогу на последнюю свою спячку. Там и умрет. А может быть, его час пробьет и того раньше. И тогда Къюйес Вопаск, почуяв его приближение, забьется в какую-нибудь глухую пещеру или глубокую расщелину в скалах и там отойдет с миром.

Вот поэтому-то ни Брюс, ни Ленгдон ни разу не слышали, чтобы кто-нибудь из людей нашел в Скалистых горах кости или труп гризли, который умер естественной смертью!

...Огромный, затравленный зверь, которого мучила рана и которого преследовал человек, казалось, понял, что это последний пир Къюйес Вопаска, слишком старого, чтобы самому ловить рыбу, слишком старого, чтобы охотиться, и слишком старого даже для того, чтобы откопать нежные корни дикой лилии. И Тэр не мешал ему. Они мирно уничтожали рыбу. А потом Тэр снова тронулся в путь, и маленький Мусква последовал за ним.

Глава XIII

ПИПУНЕСКУС

Вот уже два часа подряд тянулась эта бесконечная прогулка — Тэр тащил за собой Мускву все дальше на север. С тех пор как козья тропа осталась позади, они отшагали добрых двадцать миль. А для медвежонка с рыжей мордочкой это было равно кругосветному путешествию. При нормальных условиях он не забрел бы от родных мест в такую даль лет до двух, а то и до трех.

Много времени отнимали крутые горные склоны. Но Тэр наворачивал упущенное, выбирая самые удобные тропинки вдоль ручья. Милях в трех-четырех от водоема, у которого они покинули старого медведя, Тэр неожиданно свернул на запад. И вот они снова взбирались на гору.

Они поднялись на четверть мили вверх по заросшему травой оползню, который — к счастью для Мусквы с его большими лапами — вывел их на гладкую, совершенно ровную поверхность сброса. Отсюда они выбрались на склоны, ведущие во вторую долину. Это была та самая долина, в которой милях в двадцати южнее Тэр убил черного медведя.

С того момента, как Тэр оглядел свои владения с их северной границы, в нем произошла перемена, за которую Мусква, владей он даром речи, смиренно возблагодарил бы всевышнего. Тэр вдруг как-то сразу утратил нетерпение, подгонявшее его все время. Минут пятнадцать простоял он, заглядывая вниз и приносясь. Не спеша гризли спустился в долину и, дойдя до зеленых лугов и поймы ручья, пошел навстречу ветру, который тянул с юго-запада.

Ветер не доносил желанного запаха подруги. Однако инстинкт, более безошибочный, чем рассудок, подсказывал гризли, что она где-то неподалеку. Он не принимал в расчет такого возможного, например, обстоятельства, как несчастная случайность, — ведь медведица могла, скажем, заболеть или попасться охотникам, которые убили бы ее. Тэр всегда начинал свои поиски с этого места и рано или поздно находил медведицу. Гризли знал ее запах и искаживал эти низины по нескольку раз вдоль и поперек, так что появление этого запаха не могло ускользнуть от него.

Совершенно естественно, что в эти напряженные часы поисков гризли почти совсем забыл про Мускву. Еще до заката по меньшей мере раз десять переходил Тэр взад

и вперед ручей, и медвежонку приходилось то идти вброд, то барахтаться в воде, то ползти за ним по дну ручья. Бедняга чуть было не утонул и, возмущенный, почти решил уже отстать от Тэра. На десятый или двенадцатый раз Мусква взбунтовался и не пошел за Тэром на другую сторону ручья. Но гризли скоро вернулся.

Дальше события развивались совсем уж неожиданно. Солнце уже садилось. Слабый ветерок вдруг изменил направление и задул с запада, принеся с западных горных склонов в полумиле отсюда запах, который заставил Тэра замереть на месте и с полминуты не двигаться, а затем погнал его торопливой иноходью, самым безобразным аллюром, на который только способно четвероногое. Мусква шаром катился за ним, но, хотя и бежал во все лопатки, с каждым шагом отставал все больше. И медвежонок наверняка потерял бы Тэра, если бы тот не задержался у подножия склона ближайшей горы, уточняя направление. Когда же гризли кинулся вверх по склону, Мусква увидел его и с воплем припустился следом.

На высоте двухсот — трехсот ярдов, там, где горный склон полого спускался, переходя в лощину, втягивая носом воздух, стояла красавица медведица из чужих краев и с ней один из ее прошлогодних медвежат. Когда Тэр перевалил за гребень горы, то оказался ярдах в пятидесяти от нее. Он остановился и смотрел на нее. Исквау тоже смотрела на него. И началось медвежье ухаживание.

Торопливость, нетерпение, порыв, казалось, разом угасли. Да и у Исквау был теперь совершенно безразличный вид. Минуты две-три Тэр стоял, оглядываясь кругом. За это время Мусква успел догнать его и уселся рядом, ожидая новой баталии.

Исквау перевернула большую каменную глыбу и занялась поисками гусениц и муравьев, как если бы Тэра здесь и не было. А Тэр, чтобы не дать перещеголять себя, с такой же стоической невозмутимостью сорвал клоч травы и проглотил его. Исквау ступила шаг или два, и Тэр тоже ступил шаг или два. Как будто совершенно случайно, само собой получалось, что они продвигались навстречу друг другу.

Мусква был озадачен, да и медвежонок постарше — тоже. Они сидели, точно две собачонки, на задних лапках и удивленно ждали, что же за этим последует.

Пять минут понадобилось Исквау и Тэру, чтобы расстояние между ними уменьшилось до пяти футов. Затем они церемонно принялись обнюхиваться. Как только де-

дошло до этого, медвежонок постарше присоединился к семейному кругу.

Он уже достиг возраста, необходимого для получения длиннейшего имени, индейцы называют таких медвежат п и п у н е с к у с — годовалый.

Пипунескус решительно направился к Тэру и матери. Казалось, Тэр не заметил его. Но вдруг длинная правая лапа гризли мелькнула в неожиданном апперкоте — ударе снизу, — от которого Пипунескус взвился в воздух и полетел, кувыркаясь, в сторону Мусквы.

Мать, все еще нежно обнюхиваясь с Тэром, не обратила ни малейшего внимания на изгнание своего отпрыска. Но Мусква решил, что это начало новой смертельной битвы. Издав боевой клич, он кинулся вниз по склону и что было сил навалился на Пипунескуса.

Пипунескус был маменькиным сынком. Он принадлежал к тем медвежатам, которые упорно не отстают от своих мамаш и на второй год жизни. С ним нянчились, пока ему не сравнялось пять месяцев. Медведица и после этого не переставала добывать для него лакомства. Он был толстый, гладкий и очень избалованный. Настоящий неженка...

Мусква же, напротив, за эти несколько дней набрался настоящего мужества. И, хотя он был втрое меньше Пипунескуса и его лапы ныли, а спина болела, он обрушился на противника, словно пуля, выпущенная из ружья.

Все еще не опомнившийся от оплеухи Тэра, Пипунескус при этом яростном нападении завопил, призывая на помощь мать. Ему еще ни разу не приходилось сражаться, и он только перекатывался с боку на спину, царапаясь и испуская истошные вопли, в то время как острые зубки-иглы Мусквы раз за разом вонзались в его нежный бок. Мускве удалось цапнуть его за нос. Укус был глубоким, и если у неженки Пипунескуса была вообще хоть капля мужества, то при этом и она улетучилась. И, пока Мусква крепко держал его зубами, Пипунескус вопил что есть мочи, извещая свою маменьку, что его убивают. А Исквау продолжала себе любезничать с Тэром и не обращала на эти крики никакого внимания.

Освободив наконец окровавленный нос, Пипунескус, пользуясь своим огромным преимуществом в весе, страхнул с себя Мускву и кинулся наутек. Мусква доблестно преследовал противника. Дважды обежали они вокруг водоема, и Мусква неся за ним по пятам, пока насмерть перепуганный Пипунескус, зазевавшись на мгновение, не

налетел на скалу и не растянулся во весь рост на земле. Сейчас же Мусква снова оказался на нем и не перестал бы кусаться и рычать, пока не выбился бы из сил, если бы случайно не увидел, что Исквау и Тэр не спеша спускаются с горы в долину.

Почти в тот же миг он забыл о драке. Его большой друг Тэр, вместо того чтобы разорвать медведицу на части, уходит вместе с ней! Медвежонок опешил. Пипунескус, придя немного в себя, тоже уставился на них. Затем медвежата посмотрели друг на друга. Мусква облизнулся, как бы выражая этим противоречивость своих чувств — колебание между соблазном изувечить Пипунескуса и властным голосом долга, зовущим его следовать за Тэром. Пипунескус разрешил эти сомнения. С жалобным ревом кинулся он за матерью.

Тревожное время наступило для двух медвежат. Всю ночь Тэр и Исквау провели в густом ивняке у поймы. Вечером Пипунескус опять было подкрался к мамаше, но Тэр снова отшвырнул его на середину ручья. Повторное доказательство неудовольствия Тэра окончательно убедило Мускву в том, что взрослые медведи не расположены терпеть общество медвежат. Результатом этого открытия было заключение перемирия между ним и Пипунескусом, которое длилось всю ночь.

Тэр и Исквау ушли недалеко. За всю ночь они не отошли от подножия горы дальше двухсот — трехсот ярдов. Поэтому Мусква воспользовался случаем и отдохнул. Но поспать по-настоящему так и не пришлось, он по-прежнему упорно держался своего решения не упускать Тэра из виду. Весь следующий день Исквау и Тэр не выходили из зарослей.

Как только наступило утро, Мусква пустился на промысел. Сочная молодая трава была ему, конечно, по вкусу, но ей одной сыт не будешь. Он видел, что Пипунескус роется в мягкой земле у самого ручья, и в конце концов не выдержал и прогнал его от недорытой ямки, взяв дальнейшие поиски в свои руки. Покопавшись еще немного, он вытащил из земли белую луковицу.

Подобного лакомства ему еще попадалось — даже форель не шла ни в какое сравнение с ним. Это было самое вкусное из того, что ему доводилось пробовать, если не считать рыбу. Луковица эта — корень клейтонии, и если с ней можно было хоть что-нибудь сравнить, то, пожалуй, только кандык. Клейтонии росли здесь в изобилии, и Мусква без усталости откапывал их корни, пока лапы не

разболелись не на шутку. Но зато и наелся уж в полное удовольствие.

Тэр еще раз оказался невольным виновником драки Мусквы с Пипунескусом. Уже к вечеру, когда оба взрослых медведя лежали рядышком в зарослях кустарника, Тэр вдруг ни с того ни с сего разинул свою огромную пасть и издал низкий, протяжный, раскатистый рев, очень похожий на тот, который прозвучал, когда он задрал на смерть черного медведя. Исквау подняла голову и стала громко вторить ему. Оба они делали это в самом великодушном расположении духа и испытывали во время этого дуэта полное блаженство. Почему медведи у себя на свадьбе находят удовольствие в дуэтах, от которых кровь стынет в жилах, остается тайной, и объяснить ее, пожалуй, могут только сами медведи.

Рев длился с минуту, и Мусква, который лежал возле кустарника, решил, что пробил славный час — Тэр приканчивает мамашу Пипунескуса. Глаза медвежонка мгновенно отыскивали неженку. На беду себе, Пипунескус в это время крался по опушке кустарника, и Мусква не дал ему и рта раскрыть.

Черной молнией кинулся он на Пипунескуса и сбил того с ног, как маленького ребенка. Несколько минут они кусали, колотили и царапали друг друга. Вернее, все это делал главным образом Мусква, так как Пипунескус тратил свои силы в основном на вопли. Наконец большой медвежонок вырвался и опять пустился наутек. А Мусква загнал его в кустарник, выгнал оттуда, прогнал до ручья и обратно, заставил мчаться вверх по откосу, а потом вниз и преследовал, пока сам не выбился из сил и не свалился с ног.

И в это самое время Тэр вышел из чащобы. Он был один.

Казалось, Тэр впервые после позапрошлой ночи обратил внимание на Мускву. Он повел носом в одну, а затем в другую сторону, повернулся и пошел прямо к тем дальним склонам, с которых они спустились сюда вчера днем.

Мусква обрадовался, но был и озадачен этим. Очень уж хотелось ему забраться в чашу кустарника и порычать там, подергать за шкуру медведицу, которая, без сомнения, лежит там сейчас бездыханная, а заодно добить и Пипунескуса. Но, поколебавшись немного, Мусква припустился за Тэром.

И вот он снова шагает по пятам за гризли.

На этом и кончилась семейная жизнь Тэра и первая битва Мусквы. И снова они бредут на восток, навстречу самой страшной опасности — опасности, от которой никуда не уйдешь, которая смертельна.

Немного позже вышла из кустарника и Исквау. Так же как и Тэр, она принялась к ветру. Затем повернула в противоположном направлении и не спеша, уверенно двинулась вверх, навстречу закату. За ней бросился Пипунескус.

Г л а в а XIV

ПОЯВЛЕНИЕ СОБАК

Дойдя до склона, ведущего к сбросу, который разделяет две долины, Тэр повернул на юг, по направлению к тем местам, милях в восемнадцати — двадцати отсюда, где был убит черный медведь.

Мусква полагал, что они с Тэром надолго распростились с Пипунескусом и его мамашей. Но самом же деле Тэр испытал пока еще только первые радости медвежьего медового месяца. Теперь он удалялся, чтобы побыть наедине, поразмыслить и подкормиться. Да и Исквау тоже, хотя она и двинулась прямо на запад, еще не возвращалась к себе. Скорее всего, послезавтра, если судьба не вмешается в это дело по-своему, они встретятся снова и на следующее утро или к вечеру следующего дня опять расстанутся. Так их встречи будут повторяться в течение двух недель, а то и месяца, пока Исквау не станет неприветливой и злой. Тогда она отправится к себе до следующего года, и не исключено, что ее последнее «прости» окажется увесистой оплеухой, которую она залепит Тэру. Но замыслы живущих на земле то и дело рушатся самым плачевным образом. Судьба, которой предстояло стать между ними, в этот момент мчалась на лошадях по долине.

Эту первую, сверкающую звездами ночь после разлуки с Исквау и Пипунескусом огромный гризли и медвежонок с рыжей мордочкой пробродили без сна. Тэр не стал охотиться. Он взобрался по крутому склону вверх, а затем по глинистому откосу расщелины спустился к подножию горы и вышел на зеленую лужайку, густо заросшую кандыком. Это четырехлепестковый цветок на тонком, высоком стебле, с двумя листьями, как у лилии, и сладким луковицеобразным корнем. Всю ночь Тэр выкапывал и ел эти корни.

Мускве, который до отвала наелся клейтонией, есть не хотелось. И так как днем он, если не считать драки, только и делал, что отдыхал, то ночь, сияющие звезды, красива луна показались ему восхитительными.

Луна взошла около десяти часов, и такой огромной и великолепной медвежонок не видел ее еще ни разу за всю свою недолгую жизнь. Свет ее, стекая с горных вершин, как лесной пожар, охватил Скалистые горы таинственным красным пламенем. Вся низина реки была освещена почти как днем. Небольшое озеро у подножия горы тихо мерцало, а питающие его ручейки, которые сбегали с гор из-под тающего на высоте тысячи футов снега, низвергались вниз сверкающими каскадами, в которых лунный свет дробился и играл, словно это была искрящаяся алмазная россыпь.

Там и сям пестрели кустарник, пихты и ели, как будто нарочно высаженные здесь. На вершине заросшего зеленью склона горы, невидимое для глаз Тэра и Мусквы, спало стадо горных баранов.

Мусква бродил с Тэром, обследуя чащи кустарника, черные тени сосен и елей, берег озера. Здесь он обнаружил лужицу жидкой грязи, которая оказалась просто спасением для его измученных ног. И в течение ночи медвежонок раз двадцать забирался в нее.

Даже на рассвете Тэр все еще, казалось, не торопился уйти отсюда. Солнце уже было довольно высоко, а он все блуждал и блуждал по лужайке и по берегу озера, выкапывая попадающиеся коренья, набивая брюхо мягкой травой. Мускве, который позавтракал луковичками кандыка, это было по душе. Он только не понимал, почему Тэр не заберется в озеро и не нашвыряет оттуда форели. Медвежонок еще не знал, что рыба водится не во всякой воде.

В конце концов он сам отправился на рыбную ловлю и сейчас же преуспел, нарвавшись на одетого в твердый панцирь черного водяного жука, который впился ему в нос своими острыми, как иглы, клешнями, исторгнув из груди медвежонок отчаянный вопль.

Было часов десять, и в залитой солнцем ложбине медведю стало жарко, как у печки, в его толстой шубе. Тэр бродил меж скал около водопада, пока не обнаружил прохладное местечко. Он отыскал небольшую пещерку, в которой было холодно, как в погребе. Все вокруг нее — и шифер, и песчаник — было темным, холодным, скользким от множества струек талой воды, сбегавшей с горных

вершин. Именно такие уголки выбирал обычно Тэр в жаркие июльские дни. Но Мускве здесь казалось темно, мрачно и в тысячу раз менее приятно, чем на солнышке. Часа через два он оставил Тэра в этом холодильнике и принялся обследовать уступы, не имея ни малейшего представления о том, как они опасны.

Несколько минут все шло прекрасно. Затем медвежонок ступил на зеленую шиферную плиту, по которой тончайшей прозрачной паутинкой стекала вода. Точно так же бежала она по этой плите уже сотни лет и отполировала ее, как жемчужину. Плита стала скользкой, точно ее смазали жиром. Мусква и опомниться не успел, как ноги у него разъехались, и в следующее мгновение он уже скользил вниз, прямо в озеро, до которого было футов сто.

Он несся кувырком через мелкие лужицы. Точно мячик, перелетал через крохотные водопадики. У него даже дух захватило. Он ослеп и ничего не соображал от испуга. С каждым ярдом скорость его падения все возрастала. Его душераздирающие вопли разбудили Тэра.

На том месте, где потоки с гор спадают в озеро, образовался отвесный обрыв. И Мусква перелетел через него, причем инерция его падения оказалась так велика, что медвежонок швырнуло с разгона чуть ли не на середину озера. С громким плеском шлепнулся он в воду и скрылся.

Он погружался все глубже и глубже во тьму и холод, туда, где нечем дышать. А затем спасательный пояс, надетый на него самой природой — его жир, — снова поднял его на поверхность, и медвежонок забарахтался, хлопая по воде всеми четырьмя лапами. Это было его первое плавание. На берег он выбрался совершенно обессиленный и измученный. И, когда Тэр спустился со скалы, медвежонок все еще лежал, тяжело дыша.

В свое время мать Мусквы задала ему хорошую взбучку, когда он напоролся лапой на иглу дикобраза. Она наподдавала ему за каждую подобную оплошность, считая трепку лучшим лекарством. Воспитание медвежат и состоит главным образом в подобного рода поучениях, и, окажись мать Мусквы сейчас здесь, она бы снова проучила его таким же образом. А Тэр только обнюхал медвежонок, убедился, что тот цел и невредим, и тут же занялся откапыванием кандыка.

Не успел он доесть только что вырытый корень, как вдруг замер и с полминуты простоял в неподвижности, как статуя. Мусква, вскочив и отряхнувшись, тоже прислу-

шался. Оба медведя что-то слышали. Легко, неторопливо Тэр выпрямился, встав на задние лапы. Он повернулся на север, уши его насторожились, чуткие ноздри напряглись. Он не почувствовал никакого запаха, но зато услышал!

Доносился еле различимый незнакомый звук, которого здешние горы еще не слышали. Лаяли собаки.

Минуты две Тэр сидел на задних лапах. Ни один мускул его гигантского тела не шевелился, только ноздри чуть вздрагивали. Сюда, в низину, в эту глубокую впадину под горой, даже звуку трудно было проникнуть. Мгновенно опустившись на четвереньки, гризли полез вверх по зеленому склону горы, на вершине которой прошлой ночью отдыхало стадо горных баранов. Мусква кинулся за ним.

Поднявшись футов на сто, Тэр остановился и, оглядываясь, снова поднялся на задние лапы. Теперь и Мусква смотрел на север. Внезапный порыв ветра помог отчетливо расслышать лай.

Меньше чем в полумиле от Тэра и Мусквы свора специально обученных эрделей Ленгдона, захлебываясь лаем, мчалась по горячему следу. Лай звучал яростно, заливисто, и это говорило отставшим на полмили Брюсу и Ленгдону, что собаки недалеко от зверя.

Голоса собак взбудоражили Тэра. Инстинкт опять подсказывал гризли, что какой-то новый враг вторгается в его мир. Он не испугался. Но инстинкт властно настаивал на отступлении, и медведь стал взбираться выше и выше, пока не достиг части горы, которая была загромождена каменными глыбами. Там он снова остановился.

Он ждал. Какова бы ни была эта опасность, надвигалась она с быстротой ветра. Гризли и Мусква слышали, как она вырвалась на склон, который отделял впадину вокруг озера от долины. Вершина этого склона приходилась как раз на уровне глаз Тэра, и он увидел, как вожак стаи показался на краю этой вершины и на миг замер, четко обозначившись на фоне неба. Вскоре появились и остальные.

С полминуты собаки стояли неподвижно, вглядываясь в приозерную впадину под собой и втягивая ноздрами терпкий запах, которым она была пропитана. Тэр наблюдал за врагом не шевелясь, и только низкое, страшное рычание зарождалось у него в груди.

Он снова начал отступать лишь после того, как вся свора кинулась вниз и залилась звонким лаем. Но его

отступление не походило на бегство. Гризли не боялся. Он продолжал свой отход потому, что так было нужно.

Тэр не напрашивался на неприятности. У него не было ни малейшей охоты удерживать этот луг и озерцо за собой. Есть другие луга и озера, а по своей природе Тэр не был охотником до драк. Но он был готов к драке. Медведь продолжал недобро ворчать. А в груди его медленно разгорался гнев.

Тэр прятался между утесами. Он шел по уступу горы, и Мусква не отставал от него. Гризли взобрался по крутому откосу скалы и запетлял между огромными каменными глыбами. Но он все время выбирал путь, который был бы по силам медвежонку. Только один раз он полез было с выступа скалы на нависший сверху пласт песчаника, но, увидев, что Мусква не взберется сюда, спустился обратно и пошел другим, более легким путем.

Лай собак слышался далеко внизу, в приозерной впадине. Затем он начал быстро приближаться, нарастая снизу, точно неся на крыльях. И Тэру стало ясно, что свора мчится вверх по зеленому склону. Он снова задержался.

На этот раз ветер донес запах собак, отчетливый и резкий. От этого запаха каждый мускул огромного тела гризли напрягся, и в груди медведя разгорелся злобный, неукротимый огонь. Собаки принесли с собой запах человека!

Теперь Тэр взбирался вверх побыстрее. Заливчатый, яростный лай собак звучал уже, казалось, не более чем в сотне ярдов, когда гризли ступил на узкий карниз, образованный сдвигом каменных пород.

С одной стороны карниза подымалась перпендикулярно каменная стена. С другой шел отвесный обрыв футов в сто глубиной. Сам же карниз был загроможден огромной каменной глыбой, обрушившейся сюда с горы так, что остался только узкий проход.

Великан гризли довел медвежонка до этой каменной глыбы к началу прохода и сделал на площадке резкий разворот, пропустив Мускву вперед, а сам стал между ним и собаками. Перед лицом настигающей опасности мать-медведица загнала бы Мускву в какую-нибудь спасительную расщелину в скале. Тэр поступил иначе. Поднявшись на задние лапы во весь рост, он стал грудью навстречу опасности.

Пройдя футов двадцать по карнизу, Тэр зашел за выступ отвесной скалы и страшными, налитыми кровью глазами осмотрел уготованную им для гостей ловушку.

Свора приближалась с оглушительным лаем. К выступу, за которым притаился Тэр, собаки бежали плечом к плечу. Миг... и первая из них выскочила на арену, которую выбрал для боя Тэр.

Стая мчалась такой тесной группой, что, когда передние собаки, неожиданно наскочив из-за крутого поворота прямо на Тэра, попытались резко осадить, задние, налетев на них с разгона, швырнули их прямо на гризли. Тэр с ревом врезался в стаю.

Его огромная лапа протянулась вперед, и Мускве показалось, что он одним махом подгрел под себя сразу полстаи. Чудовищные челюсти медведя сомкнулись и разом перегрызли спину ближайшей собаке. Второй он так же быстро свернул шею. Затем гризли кинулся вперед и, прежде чем остальные собаки успели опомниться, влепил одной из них удар, от которого она перелетела через край обрыва и шлепнулась о камни с высоты сотни футов. Все произошло в какие-нибудь полминуты. Но за это время остальные девять собак уже успели отскочить в сторону.

Эрдели Ленгдона были настоящими бойцами. Все они как один происходили из рода бойцов, а Брюс и Метусин так натаскали их, что им теперь был сам черт не брат. Трагическая судьба трех собак не очень-то напугала остальных.

Быстрые, как молния, они окружили гризли, низко припав на передние лапы, каждая готовая в любой момент отскочить в сторону или назад и уйти от внезапных нападков медведя. Их лай перешел в частое, злобное тьяканье, которое дает знать охотникам, что жертва загнана и ей теперь некуда податься. В этом и состоит их роль — изводить и выматывать зверя, замедлять его бегство, заставляя то и дело задерживаться, пока не подоспеют охотники, чтобы добить его. Борьба между Тэром и собаками — это страшное, но благородное и захватывающее состязание. Появление же людей с винтовками превращает состязание в бойню.

Но если у собак были свои уловки, то и у Тэра имелись свои. После трех-четырёх бесполезных выпадов, от которых эрдели, более подвижные и быстрые, чем он, легко уклонялись, гризли стал пятиться к скале, за которую забился Мусква. И, по мере того как он отступал, собаки наступали.

Их лай, который становился все громче, и очевидность того, что Тэру не прогнать собак и не разорвать их в клочья, нагнали на Мускву такой страх, какой ему раньше и не снился. И тут медвежонок вдруг повернулся и бросился в ближайшую расщелину.

Тэр продолжал пятиться, пока не уперся в камень. Повернув голову вбок, гризли поискал глазами медвежонок. Но того и след простыл. Дважды поворачивал Тэр голову. Убедившись, что Мусква исчез, медведь стал отступать дальше. Он отступал, пока не загородил собой узкий проход сбоку — запасной выход, который он берег на крайний случай.

Собаки бешено лаяли на него. Они захлебывались от ярости, шерсть на загривках стояла дыбом, клыки оскалились до самых десен. Все напористей наседали они на гризли. Они вызывали его: попробуй, остановись, кинься, поймай хоть одну, раз ты такой ловкий!

Собаки, увлеченные охотничьей страстью, углубились следом за Тэром в узкий проход ярдов на десять. Тэр прикинул это расстояние, как он делал это на днях, охотясь на карибу, а затем без единого звука внезапно кинулся на своих врагов и обратил их в беспорядочное бегство.

Тэр не остановился и мчался за собаками следом. Там, где в стене скалы был выступ, карниз сужался до пяти футов в ширину, и Тэр учел это обстоятельство, как и расстояние до самого выступа.

Гризли сгреб лапой последнюю собаку и пригвоздил к земле. Пронзительные предсмертные крики эрделя донеслись до Брюса и Ленгдона. Еле переводя дух, мчались они вверх по склону, начинавшемуся у приозерной впадины.

Тэр улегся в узкой части карниза. И, когда собаки наконец снова подняли лай, он все еще лежал там. Но вот Тэр поднялся и поискал еще раз глазами Мускву.

Свернувшись в маленький, дрожащий комочек, медвежонок забился в расщелину глубиной футов в пять.

А Тэр, очевидно, решил, что его спутник забрался на гору, и не стал больше мешкать с отступлением. В это время ветер снова потянул на него. Брюс и Ленгдон вспотели, и их запах резко ударил в ноздри гризли.

Минут десять Тэр отходил, не обращая ни малейшего внимания на тявканье восьми эрделей. Разве что иногда чуть приостанавливался и оглядывался на них. Чем даль-

ше он отступал, тем назойливей становились эрдели, пока наконец один из них не вырвался и не вцепился в заднюю лапу гризли. И только это заставило Тэра решиться на то, к чему лай так и не смог его принудить. Взревав, Тэр обернулся и погнался за собаками. Минут пять было потеряно на эту бесполезную погоню. Он поднимался дальше, направляясь к плечу горы.

Если бы не ветер, стая собак довела бы дело до победного конца. Но ветер предупреждал Тэра о приближении Брюса и Ленгдона, донося горячий запах их потных тел. И гризли прилагал все усилия, чтобы держаться с наветренной стороны.

У него был другой путь на вершину горы, легче и короче. Но надо было идти к нему запасным ходом. Тогда ветер не достигал бы его. А пока гризли не терял ветра, он был в безопасности, если только охотники не расстроят его план бегства, зайдя с другой стороны, наперерез Тэру, и тем отняв у него это преимущество.

Через полчаса он достиг самого гребня горы. Теперь, когда он будет подниматься последние двести ярдов по склону к главному хребту, ему придется выйти на открытое место и тем самым выдать себя.

На открытом месте Тэр так припустился вперед, что собаки отстали ярдов на тридцать — сорок. Минуты две или три он был отчетливо виден на горе. Затем силуэт его резко обозначился на фоне снегов: здесь не было ни кустарника, ни камней, за которыми можно было бы скрыться от смотрящих на него снизу глаз. Брюс и Ленгдон увидели гризли в пятистах футах от себя и сейчас же открыли пальбу.

Тэр услышал у себя над ухом свист первой пули и почти сейчас же — треск выстрела. Вторая пуля взвихрила снег в пяти ярдах перед ним. Гризли резко взял вправо. Для метких стрелков он в этот момент был великолепной мишенью. Тэр улышал третий выстрел, и все стихло.

Эхо первых выстрелов еще не замерло в горах, когда что-то со страшной силой ударило его сзади. Точно его хватило по голове дубиной откуда-то прямо с неба. Гризли рухнул как подкошенный.

Пуля лишь скользнула по голове. Крови почти не было, но медведь был оглушен, как человек, получивший удар по подбородку. Не успел зверь подняться, как собаки уже набросились на него и рвали горло, шею, грудь. Взревав, гризли стряхнул их с себя.

Он яростно расшвыривал эрделей, и охотники слышали его рев. Ленгдон и Брюс держали пальцы на курках, ожидая, пока собаки оттянутся подальше и можно будет сделать последние, решающие выстрелы.

Ярд за ярдом прокладывал себе Тэр дорогу вверх, на кручу, рыча на собак и словно бросая вызов всему: этой обезумевшей своре, человеческому запаху, необыкновенному грому, обжегшей его молнии и, наконец, самой смерти.

А в пятистах футах ниже Ленгдон в отчаянии ругался на чем свет стоит: собаки так облепили Тэра, что о стрельбе нечего было и думать.

До самой вершины горы собаки защищали Тэра от выстрелов. Затем он перевалил через вершину и скрылся. Следом за ним исчезли и собаки. Их лай слышался теперь все слабей и слабей. Великан гризли быстро уводил за собой эрделей от угрожающего ему человека в долгие странствия, из которых лишь немногим суждено было вернуться.

Глава XV ПОПАЛСЯ

Мусква слышал из своего укрытия последние отзвуки боя. Расщелина имела форму латинской буквы V, и медвежонок забился в самую ее глубину.

Он видел, как Тэр прошел мимо его убежища после расправы с четвертой собакой. Слышал, как — клик, клик, клик! — простучали по камню когти гризли, и понял, что тот ушел, а за ним — и враги.

Однако Мусква все еще не отваживался выглянуть наружу. Эти неизвестно откуда взявшиеся гонцы, примчавшиеся сюда из долины, нагнали на него смертельный страх. Пипунескуса он не испугался. И даже огромный черный медведь, убитый Тэром, не был так страшен, как эти чужаки, их красные пасти и белые клыки. И он, маленький, лохматый комочек, забился в глубине расщелины, как пыж, загнанный шомполом в ствол ружья.

Лай собак еще не отзывался вдали, а медвежонок услышал новые, более близкие звуки, от которых у него вся душа ушла в пятки.

Ленгдон и Брюс выбежали из-за выступа в стене скалы и при виде убитых собак замерли на месте. Ленгдон горестно вскрикнул. Они стояли футах в двадцати от Мусквы.

Впервые услышал он человеческие голоса. Впервые его ноздри втянули запах потных человеческих тел, и у медвежонок дух занялся от ужаса. А затем один из охотников остановился прямо перед расщелиной, где он притаился, и Мусква впервые у в и д е л человека. Еще через мгновение охотники исчезли.

Спустя немного медвежонок услышал выстрелы. Собачий лай стал удаляться, пока наконец не замер. Было около трех часов — время отдыха в горах. Стало очень тихо. Долгое время Мусква лежал неподвижно. Затем прислушался. Но ничего не услышал. И тогда его снова охватил ужас — стало страшно, что он отбился от Тэра. Всей душой медвежонок надеялся, что тот вернется. И поэтому еще в течение часа оставался на том же месте.

А потом он услышал: чип, чип, чип! — и на уступе показался полосатый бурундучок, который принялся опасно обследовать одного из убитых эрделей. И при виде этого крохотного зверька Мусква воспрянул духом. Уши медвежонок приподнялись, и он тихонько всхлипнул, как бы взывая о сочувствии и дружбе к этой единственной живой душе, оказавшейся рядом с ним в трудный час. Потихоньку Мусква стал выбираться из своего убежища.

Вот его круглая лохматая голова высунулась из расщелины; медвежонок осмотрелся кругом. Карниз был свободен. Тогда Мусква направился к бурундучку. Пронзительно заверещав, малютка помчался от него со всех ног в свое убежище, и медвежонок снова остался один. Несколько мгновений он постоял в нерешительности, втягивая носом воздух, пропитанный резким запахом крови, людей, Тэра, а затем стал подниматься на гору.

Он знал, что Тэр шел в этом направлении. И ум и сердце медвежонок, насколько ему было отпущено того и другого, влекли его к одной цели — догнать своего старшего друга и покровителя. Даже боязнь людей, внушенная ему собаками, которых он доньше не знал, была ничто в сравнении со страхом остаться без Тэра. По следу гризли он мог бы идти и с завязанными глазами. След был еще горячим, и Мусква, идя по нему зигзагами, устремился по крутому склону что было сил вверх.

Местами восхождение становилось очень трудным для маленьких ног медвежонок, но он мужественно карабкался, ободряемый еще не остывшим запахом Тэра. Только через час добрался он до сланцевого пояса горы, который тянулся до самой линии снегов, до самого неба.

Было уже четыре часа. Мускве осталось пройти до вершины горы последние триста ярдов. Медвежонок не сомневался, что там, наверху, он и отыщет Тэра. Но ему было страшно, и, решительно вонзая свои маленькие когти в глину, он не переставал потихоньку всхлипывать.

Начав это восхождение, он уже больше ни разу не подымал глаз к гребню горы. Для того чтобы разглядеть этот гребень, ему пришлось бы сначала остановиться и свернуть чуть в сторону, так как подъем был очень крут. Вот и получилось, что даже на полпути к вершине он не увидел Ленгдона и Брюса, появившихся на вершине с той стороны горы и спускавшихся ему навстречу. Не услышал он и их запаха — ветер дул в сторону охотников.

Так, ничего не подозревая об их присутствии, вступил медвежонок в полосу снегов. Весело обнюхал он отпечатки огромных лап Тэра на снегу и направился по следу. А выше, прямо над ним, притаились Брюс и Ленгдон.

Оба низко пригнулись к земле, бросив ружья на снег и держа в руках наготове поспешно сорванные с себя толстые фланелевые рубашки. И, как только Мусква приблизился футов на двадцать, они кинулись на него сверху с быстротой снежной лавины.

Мускве удалось справиться со своим оцепенением, когда Брюс уже оказался прямо над ним. Медвежонок заметил и осознал опасность лишь в самый последний миг. И в тот момент, когда Брюс бросился на него сверху, как сеть, растянув в руках рубашку, Мусква метнулся в сторону. Упав, Брюс захватил полную рубашку снегу и крепко прижал этот ком к груди, решив на мгновение, что поймал медвежонка.

В ту же секунду и Ленгдон нырнул в снег так, что проехался на животе через длинные ноги друга и кувырок покатился вниз по снежному склону. А Мусква тем временем кинулся с горы вниз с быстротой, на какую только были способны его короткие ноги. Но Брюс уже несли по пятам за медвежонком. Ленгдон присоединился к нему, отстав футов на десять.

Неожиданно Мусква резко рванулся в сторону, и Брюс по инерции пролетел вперед ярдов тридцать — сорок; ему удалось затормозить, согнувшись пополам, как складной нож, и цепляясь ногами и руками за мягкую глину. Ленгдон же свернул и гнался теперь за Мусквой.

Он кинулся на землю, растянув перед собой рубашку, но как раз в этот момент Мусква опять вильнул в сто-

рону. Когда Ленгдон снова вскочил на ноги, на лице его были ссадины, а изо рта он выплюнул чуть ли не с полгорсти земли.

К несчастью, Мусква не успел увильнуть в сторону и столкнулся лицом к лицу с Брюсом. Свет померк для него, и он чуть не задохнулся, закутанный с головой во что-то плотное. Над ним прозвучал победный рев врага.

— Вот он! — орал Брюс.

Накрытый рубашкой, Мусква царапался, кусался и яростно рычал. И, пока не подросел Ленгдон со второй рубашкой, Брюсу хватало работы. Очень скоро Мускву спеленали, как грудного ребенка. Лапы и все тело скрутили так туго, что нельзя было шевельнуться. Только одну голову оставили на свободе. Она была единственной частью его тела, которая высывалась наружу и могла двигаться.

И была она такой круглой, перепуганной, смешной, что минуты на две Ленгдон и Брюс забыли все неудачи и огорчения этого дня и хохотали до слез. Затем Ленгдон сел с одной стороны Мусквы, Брюс — с другой. Набили трубки, закурили. А Мусква не мог даже ногой шевельнуть в знак протеста.

— Хороши охотники! — проронил Ленгдон. — Пошли по гризли, а нашли вот что!

Он взглянул на медвежонка. Мусква смотрел на него такими серьезными глазами, что Ленгдон на миг онемел от изумления. Потом не спеша вынул трубку изо рта и протянул руку.

— Детка, детка, хороший... — увещевал он медвежонка.

Мусква прижал уши, а его глаза, обычно такие живые, остекленели, тверд и непреклонен был их взгляд. Брюс незаметно для Ленгдона выжидательно ухмылялся.

— Детка не кусается... нет, нет... детка милая... мы ее не обидим...

И вдруг острые, как иголки, зубки Мусквы впились в палец Ленгдона. В тот же миг дикий крик потряс горы. А от радостных воплей Брюса дичь, наверное, разбежалась на целую милю в округе.

— Чертенюк! — только и мог выговорить Ленгдон.

А через минуту уже сосал укушенный палец и хохотал вместе с Брюсом.

— Молодчина... парень хоть куда! — сказал он. — Назовем его Злюкой, Брюс. Клянусь святым Георгием,

о таком медвежонке я только и думал с тех пор, как впервые попал в горы. Я увезу его домой! Но каков хват, а?

Мусква повернул голову и внимательно рассматривал Брюса. Ленгдон встал и оглянулся на вершину горы. Лицо его окаменело, стало жестким.

— Четыре собаки! — проронил он как бы про себя. — Три внизу, одна — на горе...

Помолчав с минуту, он снова заговорил:

— Ничего не понимаю, Брюс. Ведь они затравили для нас полсотни медведей, и до сих пор мы не потеряли ни одной из них.

Брюс в это время был занят тем, что перевязывал сыромятным ремнем из оленьей кожи Мускву поперек тела. Закрепив петлю, он вывязал нечто вроде ручки, за которую медвежонка можно было нести, как ведро с водой или оковалок бекона. Когда он встал, Мусква закачался в воздухе.

— Мы нарвались на гризли-убийцу, — заговорил горец. — А если дело доходит до драки или охоты, то страшной плотоядного гризли ничего не встретишь. Собакам не удержать его, Джимми, и если стемнеет не скоро, то ни одной из всей своры уже не вернуться. В темноте они отстанут... если, конечно, хоть одна из них доживет до темноты. Старый плут почуял наше приближение, и — можешь смело биться об заклад — он знает, что свалило его на снег там, наверху. Теперь он удирает... и быстро. Чтобы снова увидеться с ним, придется пройти миль двадцать.

Ленгдон сходил за ружьями, и, как только вернулся, Брюс первым стал спускаться вниз по горе, неся Мускву на ремне. Они ненадолго задержались на забрызганном кровью уступе горы, там, где Тэр творил свое возмездие. Ленгдон наклонился над собакой, которой гризли свернул голову.

— Бисквитс, — определил он. — А мы-то еще считали ее единственной трусихой на всю стаю. Другие — Джейн и Боумер. А старина Фриц погиб там, на вершине.

Брюс заглянул через край карниза и указал вниз.

— Еще одна... сброшена туда с горы! — еле выговорил он. — Джимми, оказывается, целых пять!

Ленгдон взглянул вниз с края обрыва, и у него крепко сжались кулаки. Какой-то сдавленный звук вырвался из горла. Брюс понял, что это значит. С расстояния ста футов им удалось разглядеть черное пятно на груди ле-

жащей на спине собаки — такое было только у одной на всю стаю. У любимицы Ленгдона, которую баловал весь лагерь.

— Дикси... — только и сказал Ленгдон, впервые почувствовав, как его всего захлестывает злоба; лицо его побелело. — Теперь у меня причин больше чем достаточно, чтобы не отступаться от этого гризли. Теперь меня и лошадьми не оттащишь отсюда, пока я его не прикончу. Если надо будет, я останусь здесь хоть на всю зиму. Я клянусь убить его... если только он не сбежит из этих мест.

— Не сбежит, — только и сказал Брюс и пошел со своей ношей дальше вниз.

До сих пор Мусква был так ошеломлен тем, что очутился в положении, которое казалось ему уже совершенно безвыходным, что совсем было присмирел. Он напрягал все свои мускулы, пытаясь шевельнуть хотя бы кончиком лапы. Но его спеленали так туго, как не пеленали, вероятно, мумию ни одного из фараонов. Однако теперь в голове его забрезжила мысль, что, раскачиваясь взад и вперед, он то и дело задевает мордочкой вражескую ногу и что зубами своими он пока еще может распоряжаться. Медвежонок выжидал удобного случая.

Случай этот представился, когда Брюс сделал огромный шаг, спускаясь со скалы. На какую-то долю секунды Мусква задержался на камне, с которого слезал Брюс, и успел цапнуть того зубами. Это был великолепный, глубокий укус, и если вопль Ленгдона огласил окрестности на милю вокруг, то Брюс своим ревом перещеголял его по меньшей мере раза в полтора. Такого жуткого, ледящего кровь в жилах звука Мускве еще ни разу не доводилось слышать — даже лай собак и то не был таким страшным. От этого вопля у медвежонка душа ушла в пятки, и он отпустил врага. То, что произошло дальше, снова заставило его разинуть рот от изумления.

Эти загадочные двуногие даже и не попытались отплатить ему той же монетой. Тот, которого он цапнул, с минуту скакал на одной ноге, выплясывая какой-то невообразимый танец, а другой в это время опустил на камень и, схватившись за живот, раскачивался взад и вперед, и из его широко раскрытого рта неудержимо вырывались какие-то малопонятные звуки. Затем второй прекратил свой танец и тоже стал издавать эти звуки, которые, по представлениям Мусквы, не имели ничего общего со смехом.

Все это внушило Мускве две догадки: либо эти нелепого вида чудовища не смеют тронуть его, либо они — существа самого мирного нрава и не собираются причинять ему вред. Они лишь стали осмотрительней и когда вступали в долину, то несли Мускву подвешенным посредине на винтовке, которую они держали с разных концов.

Уже почти стемнело, когда они добрались до пихтовой чащицы, красной от отблесков костра. Впервые Мусква увидел огонь. Он увидел также и лошадей. Они были больше самого Тэра и показались медвежонку жуткими чудовищами.

Навстречу вышел третий человек, индеец Метусин, которому охотники и передали Мускву с рук на руки. Пленника положили на бок у костра, сверкающий огонь которого слепил глаза. Пока один из его тюремщиков крепко и очень больно держал его за уши, другой сделал из ременных пут ошейник, который надели на медвежонка. В металлическое кольцо на ремне пропустили крепкую веревку, а другой ее конец привязали к дереву.

Пока все это проделывалось, Мусква рычал и огрызался изо всех сил. А через полминуты он был свободен от скручивавших его рубашек и, покачиваясь, чуть не падая на затекших ножонках, показал свои зубы и грозно зарычал.

К величайшему его изумлению, на этих чудаков его угроза оказала лишь одно действие — все трое, даже индеец, разинули рты и в один голос издали все тот же совершенно бессмысленный звук, который он слышал у одного из них еще там, на горе, когда он впился в ногу другому. Медвежонок совершенно стал в тупик.

Г л а в а XVI

ПРИРУЧЕНИЕ МУСКВЫ

Мусква почувствовал огромное облегчение, когда эти трое отвернулись от него и занялись своими делами у костра. А раз так, то нечего было мешкать, и медвежонок рванул веревку. Он натянул ее так сильно, что чуть не задохнулся. Пришлось в конце концов сдаться, и, окончательно впав в уныние, он устроился у подножия пихты и стал рассматривать лагерь.

Мусква находился футах в тридцати от костра. Брюс мыл руки в брезентовом тазике. Ленгдон вытирал лицо

полотенцем. Метусин стоял на коленях у костра и держал над раскаленными углями большой черный противень, на котором шипели, брызгаясь салом, куски жирного мяса карибу. Более соблазнительного запаха Мускве еще ни разу не приходилось слышать. Да и сам воздух вокруг него, пропитанный какими-то неведомыми ароматами, казался ему очень вкусным. Ленгдон, вытерев лицо, открыл жестяную банку со сладким сгущенным молоком. Белой струйкой оно стекало в миску. С этой миской Ленгдон подошел к Мускве. Медвежонок снова попробовал было бежать, да не тут-то было — чуть не задохся в петле. Тогда он в мгновение ока вскарабкался на дерево и рычал оттуда на Ленгдона и щелкал зубами, пока тот пристраивал миску под самой пихтой так, чтобы медвежонок, спустившись, сразу бы угодил в нее.

Пленник забрался на дерево так высоко, как только позволяла длина веревки. И долгое время охотники не обращали на него ни малейшего внимания. Медвежонку было видно, как они едят, он слышал их разговор — они строили новые планы военных действий против Тэра.

— После того, что произошло сегодня, нам остается только одно — перехитрить его, — заявил Брюс. — Преследование по следу надо бросить, Джимми. Можно гоняться за ним таким образом до бесконечности, а он все равно будет знать, где мы находимся.

Брюс умолк и прислушался.

— Странно, что собак все еще нет, — заметил он. — Хотел бы я знать... — Он посмотрел на Ленгдона.

— Не может быть! — запротестовал тот, понимая значение этого взгляда. — Не хочешь ли ты сказать, что он перебил всех?

— Я ходил на медведя уж и не знаю сколько раз, — спокойно отозвался горец, — но ни разу еще не охотился на такую хитрую бестию. Ведь он нарочно заманил собак на этот уступ, Джимми, и устроил им там ловушку. Он выкинул ловкую штуку и с той собакой, которую убил на вершине. Возьмет еще да и заманит их всех сразу куда-нибудь в укромное местечко, откуда им и податься некуда будет. Ну, а в таком случае... — Он выразительно пожал плечами.

Ленгдон тоже прислушался.

— Если хоть одна из них уцелела, то вот-вот вернется, — сказал он. — Простить себе не могу, что взял их сюда с собой!

Брюс засмеялся в ответ:

— Превратности войны, Джимми! Ведь, идя на гризли, берешь с собой не комнатных собачонок, и уж лучше заранее приучить себя к мысли, что не той, так другой из них все равно раньше или позже погибать... Этот медведь оказался нам не по зубам, в этом все дело. Он оставил нас, как маленьких.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что по-честному, без подвохов, с ним не справиться. И мы здорово дали маху, впутав в это дело собаку. Если уж ты без этого медведя жить не можешь, то согласен хоть взяться за него по-моему?

Ленгдон кивнул.

— А что ты придумал?

— Когда отправляешься на гризли, то нечего с ним нежничать,— начал Брюс.— А особенно когда идешь на «убийцу». Теперь не будет и часа такого, чтоб этот гризли не знал, где чем пахнет, и так до тех пор, пока в спячку не завалится. Как ему это удастся? Будет каждый раз лишний крюк давать по дороге. Держу пари, что, если бы сейчас выпал снег, то следы гризли на нем показали бы, что он через каждые шесть миль возвращается мили на две назад по собственному следу поразнюхать, не преследует ли его кто-нибудь. И передвигаться он теперь будет больше ночами, а днем — отлеживаться где-нибудь высоко на скалах. И если тебе хочется сделать еще хоть один выстрел по медведю, то на выбор можно предложить одно из двух. Первое, и оно бы самое лучшее,— отправиться дальше и заняться охотой на других медведей...

— Об этом не может быть и речи, Брюс. Подумай, как добраться до нашего.

Брюс помолчал и ответил:

— Район его теперь у нас весь как на ладони. Он начинается у первого перевала, который мы перешли, и кончается здесь, в долине. Из конца в конец миль двадцать пять. Гризли не уйдет в горы ни на запад от этой долины, ни на восток от той. И уж можешь быть спокоен, теперь только и будет делать, что кружить по всему району, пока нам не надоест гоняться за ним. Сейчас он улепетывает к югу, на окраину своих владений. А нам нужно затаиться здесь и несколько дней посидеть на месте. Потом отправим Метусина с собаками, если от них что-нибудь останется, по долине в том же направлении. Один из нас засядет на склонах. Другой — в низине. И будем медленно кочевать так с места на место. По-

нял, куда я клоню? Он не уйдет от родных мест. Вот Метусин и будет гонять его по всей округе, пока не загонит на кого-нибудь из нас. Метусин выступит открыто. А мы устроим засаду. Не может же быть, чтобы этот гризли все время ускользал от нас. Когда-нибудь да попадется под твои или мои выстрелы.

— Неплохо придумано,— одобрил Ленгдон.— К тому же я расшиб колено, и несколько дней передышки не помешают — хоть подлечу его...

Не успел он договорить, как неожиданно резко загремела цепь, которой была стреножена пасущаяся на лугу лошадь. Раздался испуганный храп лошади. Это заставило их вскочить на ноги.

— Ютим! — прошептал Метусин, и багряный отсвет костра заиграл на его темном лице.

— Верно... собаки,— отозвался Брюс и негромко свистнул.

В соседнем кустарнике что-то зашуршало, и две собаки появились у костра. Они ползли по земле на брюхе. Подползли к охотникам. Простерлись у их ног. В тот же момент к ним присоединились еще две.

Это была уже совсем не та стая, которая покидала лагерь утром. Бока у собак глубоко запали, шерсть на загривках свалаялась. Они бежали что было сил и сами знали, что осрамились. От боевого задора эрделей не осталось и следа. У них был вид побитых дворняжек.

Пятая собака явилась уже на исходе ночи. Она ковыляла, волоча перебитую переднюю лапу. Голова и горло одной из тех, что пришли раньше, были в крови, глаз выбит.

Они распростерлись на земле, как бы ожидая приговора. «Ничего у нас не вышло,— говорила эта их поза.— Нас потрепали, и вот все, что от нас осталось».

Брюс и Ленгдон молча смотрели на них. Прислушались... подождали. Больше ни одной не появилось. Друзья переглянулись.

— Вот и еще двух не стало,— сказал Ленгдон.

Брюс подошел к груде корзин и парусины и вытащил сворки. А Мусква, сидя на дереве, весь трясся от страха. Всего в нескольких ярдах перед собой он снова увидел ораву этих белозубых, которые не только загнали его в расщелину, но обратили в бегство самого Тэра. Людей медвежонок боялся уже не так сильно. Они не причиняли ему вреда, и он больше уже не трясся от страха, не рычал, когда тот или другой из них проходил побли-

зости. Но собаки были ужасны. Они вступили в бой с самим Тэром и, вероятно, оказались победителями, потому что гризли бежал.

Привязанный к очень еще молодому и невысокому деревцу, Мусква пристроился на седловине его развилки, в пяти футах от земли. Когда Метусин вел одну из собак мимо дерева, эрдель увидел медвежонка и неожиданно прыгнул вверх, вырвав сворку из рук индейца. Он чуть было не достиг Мусквы. Собака уже приготовилась к новому прыжку, когда Ленгдон с сердитым окриком подбежал, схватил ее за шиворот и крепко всыпал ей свободным концом сворки. Затем увел эрделя.

Медвежонок не мог ничего понять. Человек спасал его! Он отколотил это чудовище с красной пастью и белыми клыками и увел всех этих страшилищ на привязи подальше от него.

Вернувшись, Ленгдон подошел к деревцу и ласково заговорил с медвежонком. Мусква дал приблизиться его руке дюймов на шесть и не вцепился в нее. По всему телу его вдруг пробежала дрожь. Пока голова медвежонка была повернута в сторону, Ленгдон решительно положил руку на его пушистую спинку. И это прикосновение оказалось совершенно безобидным! Даже мать Мусквы ни разу не клала свою лапу на медвежонка так бережно! Прошло еще десять минут, и Ленгдон за это время раз шесть успел погладить его.

Сначала Мусква в ответ скалил оба ряда своих сверкающих зубов, хотя и не издавал ни звука. Постепенно он перестал даже скалиться.

Ленгдон отошел, вернулся с большим куском сырой оленины и поднес его к самому носу медвежонка. Мусква чуял запах карибу, но пятился от протянутого ему куска и отстранялся. В конце концов Ленгдон положил мясо рядом с миской у подножия дерева и вернулся к курившему трубку Брюсу.

— Самое большее через два дня будет есть у меня из рук,— сказал он.

Вскоре Ленгдон, Брюс и индеец завернулись в одеяла и быстро заснули. Весь лагерь утих. Пламя костра опало, и только одна огромная головня все еще продолжала тлеть. Недалеко в глубине леса ухала сова. Тихая ночь наполнилась бормотанием долины и гор. Звезды разгорелись ярче. Мусква услышал, как где-то вдали какая-то каменная глыба, сорвавшись, покатила по склону горы. Теперь бояться нечего. Все было спокойно. Все спало.

Мусква потихоньку слез с дерева и вдруг угодил прямо в миску, разлив сгущенное молоко, часть которого попала ему на мордочку.

Медвежонок невольно облизнулся, и, когда на его язычок попало это сладкое, липкое вещество, Мусква вдруг почувствовал блаженство. С четверть часа он облизывался. А затем маленькие быстрые глазки жадно впились в оловянную миску, будто его вдруг осенила догадка о секрете этого нектара.

Медвежонок подбирался к ней по всем правилам искусства и с похвальной осторожностью, обойдя ее сначала с одной, потом с другой стороны. Все его мускулы напряглись, и он в любой момент был готов тут же отскочить, если этому диковинному предмету вздумается броситься на него. Наконец его нос уткнулся в густое, сладкое лакомство, от которого Мусква уже не отрывался, пока не вылизал все до капли.

Сгущенное молоко сыграло решающую роль в деле приобщения Мусквы к цивилизации. Оно стало тем недостающим звеном, которое связало между собой в его живом умишке ряд определенных явлений. Он знал, что одна и та же рука и бережно прикасалась к нему, и поставила здесь это сказочное лакомство, и предлагала ему мясо. Мяса он есть не стал, но миску вылизал так, что она при свете звезд засверкала, как зеркало.

Однако молоко молоком, а душа его все-таки рвалась к побегу, хотя теперь он и не делал таких неистовых и безрассудных попыток, как прежде. Из прежнего своего опыта он усвоил, что тщетно было бы прыгать и дергать изо всех сил веревку, за которую он был привязан. И он принялся перегрызать ее.

Если бы он грыз веревку в одном месте, то еще до утра, пожалуй, вырвался бы на волю. Но челюсти его уставали и он отдыхал. А когда снова возвращался к прерванной работе, то чаще всего ему попадалась другая часть веревки. Уже к полуночи на его деснах живого места не оставалось, и медвежонок отказался от этой бесполезной затеи.

Примостившись спиной к дереву, готовый в любую минуту вскарабкаться на него, ни разу глаз не сомкнув, дожидался он утра. Страх теперь мучил его меньше, но Мусква ужасно страдал от своего одиночества. Он тосковал по Тэру и всхлипывал, но так тихо, что охотники не могли услышать его, даже если бы не спа-

ли. Появись сейчас в лагере хотя бы Пипунескус, Мусква кинулся бы к нему с радостью.

Наступило утро. Первым выбрался из-под одеяла Метусин. Развел огонь, разбудил Брюса и Ленгдона. Ленгдон, как только оделся, пошел навестить Мускву и, убедившись, что миска дочиста вылизана, выразил свое удовольствие, потребовав от остальных внимания к этому знаменательному событию.

Мусква вскарабкался все на тот же сук и снова терпеливо перенес поглаживание рукой. Затем Ленгдон достал из мешка, сделанного из воловьей кожи, еще одну банку молока и открыл ее на глазах у Мусквы. Медвежонок видел потекшую в миску сливочно-белую стружку.

Ленгдон поднес миску к самому носу медвежонка. Молоко коснулось его носа, и Мусква, хоть убей, не мог удержать язык, который сам высунулся изо рта. Целых пять минут ел он из миски, которую держала рука Ленгдона! Но стоило только Брюсу подойти полюбоваться этой картиной, медвежонок оскалился и зарычал.

— Медведя приручить легче, чем собаку, — утверждал Брюс позднее, за завтраком. — Через несколько дней он будет бегать за тобой, как собачонка, Джимми.

— Я уже начинаю привязываться к этому маленькому негоднику, — отозвался тот. — Что это ты рассказывал как-то о медведях Джеймсона?

— Джеймсон жил в округе Кутни, — начал Брюс. — Это был настоящий отшельник. Спускался с гор только два раза в году, запастись провизией. Приручал гризли. Много лет у него жил один, огромный, не меньше этого верзилы, за которым мы сейчас гоняемся. К Джеймсону он попал медвежонком. А когда мне довелось увидеть его, он весил уже тысячу фунтов и таскался за Джеймсоном, как собака, всюду, куда бы тот ни шел. Ходил с ним даже на охоту, и спали они у одного походного костра. Джеймсон любил медведей и не убил ни одного из них на своем веку.

Ленгдон помолчал немного, потом заговорил опять:

— Я тоже начинаю любить их, Брюс. Не знаю, в чем здесь дело, но есть в медведях что-то такое, за что их нельзя не любить. Не думаю, что стану охотиться на них снова... Вот только покончим с этим убийцей собак. Мне кажется, это мой последний медведь.

Он сцепил пальцы и сердито договорил:

— И подумать только, ведь во всем доминионе нет ни одной провинции или штата к югу от границы, где для охоты на медведя был бы введен хоть один «закрытый сезон»! Ведь это просто преступление, Брюс. Медведи оказались на одной доске с вредными хищниками, и их не возбраняется истреблять круглый год. Не возбраняется откапывать их в берлогах, спящих, даже с малышами... И... да простит мне небо... и я тоже помогал откапывать их оттуда! Мы настоящие звери, Брюс! Временами мне кажется, что ходить с ружьем вообще преступно...

— Эге-ге! Что там еще за чертовщина с медвежонком?

Мусква свалился с сука и болтался на конце веревки, как висельник в петле. Ленгдон подбежал, схватил его на руки, поднял и перенес через сук, за который зацепилась веревка. Затем он поставил медвежонка на землю. Мусква не огрызнулся и даже не зарычал.

Брюс и Метусин ушли из лагеря на весь день разведать окрестности к западу отсюда, а Ленгдон остался залечивать ушибленное колено, которое разболелось еще сильнее. Большую часть времени он провел в обществе Мусквы.

Ленгдон открыл банку с патокой, и к полудню добился того, что медвежонок бегал за ним вокруг дерева, из кожи лез вон, чтобы добраться до миски, которую искушитель держал так, что до нее не дотянешься. Потом Ленгдон садился на землю, и Мусква забирался чуть ли не на колени к нему, лишь бы только достать патоку. У медвежонка в возрасте Мусквы нетрудно завоевать доверие.

Черный медвежонок мало чем отличается от детей. Он так же любит молоко, обожает сласти и льнет ко всякому, кто добр к нему. Более милого существа не найдешь среди четвероногих. Круглый, пушистый и такой забавный, что кого хочешь приведет в хорошее настроение. И не раз Ленгдон хохотал до слез, особенно когда Мусква делал решительные попытки вскарабкаться по его ногам, чтобы добраться до патоки.

Мусква просто с ума сошел от патоки. Насколько он помнил, мать не кормила его ничем подобным. А самое вкусное, что доставал Тэр, была всего-навсего форель. К вечеру Ленгдон отвязал веревку, на которую был посажен Мусква, и повел его на прогулку к ручью, прихватив с собой миску с патокой. Ленгдон то и дело останавливался, чтобы медвежонок попробовал ее содержимое. Че-

рез полчаса после этой своеобразной репетиции Ленгдон бросил веревку и направился в лагерь. Мусква побежал за ним! Это была полная победа, и по спине Ленгдона даже мурашки пробежали от удовольствия. Такого он не испытывал еще за все время своей охотничьей практики.

Метусин вернулся очень поздно и был крайне удивлен, что Брюс еще не появлялся. Стало темно, и охотники разложили костер. Только через час, когда они уже кончали ужинать, появился Брюс. За плечами у него была какая-то ноша. Он сбросил ее неподалеку от дерева, за которым притаился Мусква.

— Шкура прямо бархатная, и немного мяса для собак,— сказал горец. Подстрелил его из пистолета.

Он сел и принялся за еду. Немного погодя Мусква осторожно подобрался к скрюченному телу, которое лежало футах в трех-четыре от него. Медвежонок обнюхал его и весь так и затрясся. Прижавшись к мягкому, еще не утратившему живого тепла меху, он всхлипнул тихонько и на время притих.

Брюс принес в лагерь и швырнул у подножия дерева не что иное, как мертвого маленького Пипунескуса!

Г л а в а XVII

ТЭР СОБСТВЕННОЙ ПЕРСОНОЙ

Этой ночью Мускву снова охватило чувство бесконечного одиночества. Брюс и Метусин за день намаялись, карабкаясь по горам, и завалились спать пораньше, и Ленгдон последовал их примеру. Пипунескус так и остался лежать на том самом месте, где Брюс сбросил его.

Мусква не шелохнулся после этого страшного открытия, от которого забилося чаще его сердце. Он еще не знал, какой бывает смерть, да и вообще не знал, что это значит, а кроме того, Пипунескус был мягким и теплым, и Мусква был уверен, что тот вот-вот зашевелится. Теперь у Мусквы не было ни малейшего желания затевать с ним драку.

Но вот снова наступила полная тишина, звезды выпали на небе, костер догорел. А Пипунескус не двигался.

Осторожно-осторожно Мусква толкнул его носом и потянул за шелковистую шерстку, всхлипывая и как бы говоря при этом: «Я не буду больше драться с тобой, Пипунескус! Просыпайся же, и давай дружить!»

Но и тогда Пипунескус не шелохнулся. И у Мусквы пропала всякая надежда разбудить его. Не переставая уверять своего маленького толстого врага, с которым они сражались когда-то на зеленом лугу, что он раскаивается теперь в своем прежнем недружелюбии к нему, Мусква, все так же всхлипывая, приник к Пипунескусу и вскоре заснул.

Утром первым делом Ленгдон пошел посмотреть, как Мусква провел ночь, и вдруг замер на месте и целую минуту простоял не шевелясь. А затем какой-то странный, приглушенный крик сорвался с его губ. Прижавшись друг к другу, как будто оба были живыми, лежали Мусква и Пипунескус. Мусква же каким-то образом пристроился так, что маленькая лапа мертвого медвежонка обнимала его.

Ленгдон потихоньку вернулся к постели Брюса, и минуты через две Брюс, протирая глаза, шагал с ним к медвежатам. Он, так же как и Ленгдон, остановился пораженный. Друзья переглянулись.

— Мясо для собак! — еле выговорил Ленгдон. — И ты мог принести его на мясо собакам, Брюс!

Брюс не ответил. Ленгдон тоже не произнес больше ни слова. Целый час после этого друзья не разговаривали. Метусин тем временем оттащил Пипунескуса дальше от лагеря.

С Пипунескуса не сдирали шкуру, и мясо его не стали скармливать собакам. Его положили в ямку, вырытую в пойме ручья, засыпали песком и завалили камнями. И это все, что смогли сделать Брюс и Ленгдон для Пипунескуса.

В этот день Брюс и Метусин снова отправились в горы. Горец нашел кусок кварца, в котором оказались бесспорные признаки золота, и вместе с индейцем вернулся в лагерь за приспособлениями для его промывки. Ленгдон же все возился с Мусквой, воспитывая медвежонка.

Несколько раз он подводил медвежонка к собакам и, когда они рычали на него и начинали рваться со сворок, порол их, пока они наконец не сообразили и не усвоили, что хотя Мусква и медведь, однако особа его неприкосновенна.

Ленгдон теперь совсем освободил медвежонка от веревки, и, когда понадобилось снова привязать его, тот уже не стал сопротивляться.

На третий и четвертый день Брюс и индеец занимались геологическими разведками в долине на восток от горного кряжа и в конце концов пришли к заключению,

что найденные ими крупницы принадлежат к ледниковым наносам и не выведут их к золотоносной жиле.

На четвертую ночь — а она выдалась облачная и холодная — Ленгдон решил испытать Мускву и взял его к себе в постель. Он думал, что с ним хлопот не оберешься, но Мусква спал тихо, как котенок, и, после того как устроился поуютней, почти не шелохнулся до самого утра. Часть ночи Ленгдон проспал, обнимая рукой теплое и пушистое тельце медвежонка.

Сейчас было самое время продолжать охоту на Тэра, уверял Брюс, но ушибленная нога Ленгдона разболелась не на шутку, и это нарушило их планы. Ленгдон был не в состоянии пройти более четверти мили сразу. А сесть в седло было так больно, что об охоте верхом не могло быть и речи.

— Еще несколько дней промедления не испортят дела, — утешал его Брюс. — Если мы дадим нашему старикану передышку побольше, то он, пожалуй, станет не таким осторожным.

Три следующих дня прошли не без пользы и не без удовольствия для Ленгдона. От Мусквы он узнал о медведях и особенно о медвежатах больше, чем за все прежнее время. Теперь собаки были переведены в чащу, за целых триста ярдов от лагеря, и мало-помалу медвежонку была предоставлена полная свобода. Да он и не делал никаких попыток сбежать и вскоре убедился, что Брюс и индеец тоже его друзья. Но привязался он только к Ленгдону.

Утром на седьмой день после погони за Тэром Брюс и Метусин, захватив с собой собак, поехали через всю долину на восток. Для подготовки загона Метусин должен был приняться за дело на день раньше. Брюс рассчитывал сегодня же вернуться в лагерь, чтобы завтра начать охоту.

Утро было чудесное. Прохладный ветерок тянул то с севера, то с запада. Часов в девять Ленгдон привязал Мускву к дереву, оседлал коня и отправился верхом вниз по долине.

Он не собирался охотиться. Ему просто было радостно скакать верхом, дышать встречным ветром и любоваться чудесными горами. Он проехал мили три-четыре на север и очутился у широкого пологого склона, который вел к горному кряжу в западном направлении. Ленгдону вдруг захотелось взглянуть оттуда, сверху, на другую долину. Колено не беспокоило, он стал подниматься верхом и че-

рез полчаса добрался почти до вершины. Перед коротким, но очень крутым подъемом пришлось спешиться. На вершине он ступил на ровную террасу, которую со всех сторон окружали отвесные каменные стены иссеченных гор. В четверти мили отсюда терраса спадала уступами в долину, посмотреть на которую так хотелось Ленгдону.

Посредине террасы оказалась глубокая впадина, которую сначала не было видно. Очутившись на ее краю, Ленгдон вдруг бросился на землю и, прижавшись лицом, минуты две лежал не двигаясь. Затем медленно поднял голову. Ярдах в ста от него, сгрудившись около небольшого водоема, паслось стадо диких коз. Их было штук тридцать, преимущественно матки с козлятами. Ленгдону удалось заметить во всем стаде только двух козлов. С полчаса охотник лежал неподвижно, наблюдая за козами. Вот одна из них направилась с двумя козлятами к склону горы, за ней другая, и, видя, что все стадо готово уйти, Ленгдон поспешно вскочил и что было мочи побежал к ним.

Какое-то мгновение козы, козлы и козлята стояли точно парализованные его внезапным появлением. Они стояли, словно разглядывая его, и, казалось, у них отнялись ноги. Ленгдон уже пробежал половину разделявшего их расстояния, как вдруг козы, опомнившись, в диком ужасе помчались к склону ближайшей горы. Мгновение, и их копыта звонко застучали по камням и сланцу. Ленгдон долго еще слышал далекий гул в горах, пробужденный их бегством по утесам и горным вершинам. А когда этот гул утих, козы превратились уже в бесконечно далекие точки, мелькающие на горизонте там, где горы и небо сливаются друг с другом.

Ленгдон двинулся дальше и через несколько минут уже оглядывал сверху лежащую по ту сторону гор долину. С южной стороны вид на долину заслоняло огромное плечо одной из скал. Оно было не очень высоким, и Ленгдон стал взбираться по нему наверх. Он уже был почти на самом верху, как вдруг зацепился ногой за кусок шифера, и, падая, с силой ударил ружье о каменную глыбу. Ленгдон не ушибся, только больное колено заныло немного, но ружье было разбито. Ложа ружья раскололась почти полностью, и он отломил ее совсем.

В лагере у него оставалась еще пара запасных ружей, и потому эта неудача расстроила его не так сильно, как могло бы быть при других обстоятельствах. И он продолжал карабкаться по скалам, пока наконец не выбрался на

ровный карниз, огибающий отрог горы. В ста футах от него карниз упирался в отвесную стену горы. Отсюда открывался великолепный вид на широкие просторы страны, лежащей между двумя горными хребтами на юге. Ленгдон набил трубку и уселся в предвкушении увидеть что-то особенное и насладиться чудесной панорамой.

Бинокль позволял ему видеть на несколько миль вокруг. Перед Ленгдоном простерлась нетронутая страна, куда еще не заглядывал ни один охотник. Примерно в полумиле от него, а то и ближе стадо карибу не спеша гуськом направлялось к зеленым западным склонам. Мелькали на солнце белоснежные крылья бесчисленных куропаток. А еще дальше, в двух милях отсюда, горный баран пасся на скудно поросшем зеленом склоне. И Ленгдон задумался.

Сколько же всего таких вот долин в Канадских горах, которые простерлись с запада на восток от моря до прерии и на тысячу миль с севера на юг?.. Сотни, тысячи... И в каждой — целый мир, свой особый мир. В каждой — своя жизнь, свои ручьи, озера, леса, свои радости и свои трагедии. Эту, например, долину, на которую он смотрит, наполняет то же ласковое журчание и заливают тот же солнечный свет, что и все остальные долины. Но здесь своя жизнь. Медведи, которые заселяют вот те лишь смутно различимые невооруженным глазом горные склоны на севере и на западе, совсем не похожи на здешних медведей. Это новая страна, страна новых надежд и новых тайн. И, зачарованный ею, Ленгдон потерял чувство времени и забыл о голоде.

Ему казалось, что все эти долины всегда будут для него новыми, что он никогда не устанет странствовать по ним, от одной к другой. И в каждой будут свои красоты, свои тайны, которые надо открыть, своя особая жизнь, которую надо узнать. Они представлялись непостижимыми и загадочными, такими же, как сама жизнь. Они скрывали свои сокровища веками, даря жизнь тысячам живых существ и требуя ее обратно у тысяч других. И, глядя на эти залитые солнечным светом просторы, Ленгдон задавал себе вопрос, какова же была бы, например, повесть о жизни этой долины и сколько бы томов она заполнила.

Она начиналась бы с глухого предания о сотворении мира, об океанах, их приливах и отливах, о том, как суша в конце концов оттеснила их отсюда; о тех сказочных доисторических эпохах, когда здесь не было ночи, а сиял вечный день, когда чудовища фантастических размеров

ступали по тем самым долинам, где сейчас он видит оленей, пьющих из ручья, и когда огромные крылатые твари, полуптицы-полузвери, проносились в небе вон там, где сейчас парит орел. Потом все сразу переменялось, пробил страшный час, и воцарилась ночь. Тропический мир стал ледяным, и новая жизнь родилась, чтобы снова заполнить его. Но, наверное, еще не скоро после этого, думал Ленгдон, первый медведь пришел в страну мамонта, мастодонта и других чудовищ. И этот первый медведь был праотцем того гризли, которого им с Брюсом предстоит завтра убить!..

Ленгдон так ушел в свои мысли, что не услышал шума у себя за спиной. И вдруг будто что-то его толкнуло. Ему показалось, точно одно из тех чудовищ, которые рисовались его воображению, вдруг глубоко вздохнуло рядом с ним. Он медленно обернулся, сердце у него остановилось и кровь застыла в жилах.

Загородив единственный выход отсюда, всего в каких-нибудь пятнадцати футах от него, разинув пасть и качая головой, как маятником, рассматривая попавшегося в ловушку врага, стоял Тэр, Король Гор!

Мгновенно руки охотника сами собой схватились за сломанное ружье, и Ленгдон понял, что его песенка спета.

Г л а в а XVIII

ВЕЛИКОДУШИЕ СИЛЬНОГО

Прерывистое дыхание, какой-то сдавленный звук вместо крика — вот и все, что сорвалось с губ Ленгдона при виде гигантского гризли. Секунды показались ему долгими часами.

Первой мыслью было, что он бессилен что-либо сделать, совершенно бессилен. Даже бежать и то некуда — приперт к отвесной стене скалы. Вниз не спрыгнешь — под ним крутой обрыв в сотню футов глубиной. Пропал...

Ленгдон понимал, он смотрит в лицо собственной смерти, такой же страшной, как та, что настигла его собак. Жить ему оставалось считанные секунды. И все-таки в эти последние мгновения он не утратил рассудка. Он обратил даже внимание на красный огонь горящих жаждой мести глаз гризли. Увидел шрам вдоль спины зверя, по которой скользнула одна из его пуль. Заметил и плешину в том месте, где другая его пуля пронзила предплечье Тэра. И, как только Ленгдон разглядел все это,

сразу представилось, что гризли специально выследил именно его, шел следом по карнизу и запер его в этом тупике, чтобы воздать ему полной мерой за все перенесенное.

А Тэр шагнул вперед — всего на шаг — и медленно, одним красивым, легким движением поднялся на задние лапы во весь свой могучий рост. И даже в своем теперешнем положении Ленгдон не мог не отметить про себя царственного великолепия зверя. Сам он не шелохнулся, а лишь не сводил с Тэра глаз. Ленгдон уже твердо решил, что ему делать, когда гигантский зверь кинется на него: он бросится с обрыва. В этом случае представлялся хоть один шанс из тысячи. Ведь внизу может оказаться какой-нибудь уступ или случайный отрог, за который он удержится.

А Тэр?

Он не ожидал увидеть здесь человека! То самое существо, которое преследовало его, ранило... теперь оно перед ним — стоит только протянуть лапу, и из того дух вон! Каким же жалким, бледным, растерянным выглядит это существо сейчас! Где же его необыкновенный гром? Его обжигающая молния? Почему он молчит, словно воды в рот набрал? Даже собака и та вела бы себя решительней. Она показала бы зубы, рычала бы, дралась. А это существо, человек, ничего не предпринимает! И глубокое сомнение зародилось в сознании Тэра. Да неужели же вот это растерянное, безвредное, насмерть перепуганное создание и в самом деле то самое, что ранило его?

Гризли чуял человеческий дух, острый, ядовитый. И все-таки на этот раз он не приносил с собой боли!

И вот, все так же не спеша, Тэр снова опустился на передние лапы. Сурово посмотрел на человека. Шевельнись только Ленгдон, и тут же бы ему и конец. Но Тэр не был прирожденным убийцей. Еще с полминуты подождал он боли или признаков опасности. Ничего подобного не было, и гризли теперь не знал, что делать. Он опустил нос к самой земле, и Ленгдон увидел, как взлетает пыль от горячего дыхания зверя. Еще томительные полминуты человек и медведь созерцали друг друга.

А затем зверь медленно и как-то неуверенно полуобернулся. Заворчал. Чуть оскалил зубы. Однако повода для нападения не было — этот растерянный белолицый пигмей, прижавшийся к скале, ни одним движением не обнаруживал намерения вступить в схватку. Кроме того, Тэр видел, что дальше пути нет.

Случись так, что человек оказался бы на дороге у гризли, загораживая ему проход, все это происшествие могло кончиться для Ленгдона по-другому. Но так как дальше пути не было, Тэр не спеша удалился в том направлении, откуда пришел. Огромная голова его была опущена к самой земле, а длинные когти — клик, клик, клик! — постукивали, точно кастаньеты из слоновой кости.

И только тогда, когда гризли исчез — так показалось Ленгдону, — он вздохнул, и сердце его вновь забилося. Протяжный рыдающий вздох вырвался у него. Он встал, ноги подгибались. Подождал — минута, две, три... осторожно подкрался к повороту идущей по карнизу тропы, за которым скрылся Тэр. Путь был открыт, и Ленгдон пошел по своему прежнему следу к зеленому склону, не переставая оглядываться и прислушиваться и все еще сжимая в руках обломки ружья. Добравшись до начала плато, он поспешно присел за огромную каменную глыбу. Ярдах в трехстах от него Тэр не спеша спускался с вершины откоса в восточную долину.

Пока гризли не появился снова, взобравшись на тот, дальний край расселины, и не исчез совсем, Ленгдон не двигался с места. Когда охотник достиг склона, на котором оставил спутанную лошадь, Тэра уже не было видно. Лошадь была на том же месте. Ленгдон почувствовал себя в полной безопасности, только усевшись в седло. Рассмеялся совершенно особым — нервным, отрывистым, радостным смехом и, оглядев долину, набил трубку.

— Ах ты, медведище! — прошептал Ленгдон, и каждая жилка в нем задрожала, когда он вновь обрел дар речи. — Чудовище ты этакое... да ведь у тебя же душа, да еще пошире человеческой!

А потом добавил еле слышно, казалось сам не замечая, что говорит вслух:

— А если б я вот так же припер тебя к стене, разве я не убил бы тебя? А ты... я попал тебе в лапы, и ты отпустил меня с миром!

Он ехал в лагерь и все ясней понимал, что сегодняшний день завершил ту великую перемену, которая все это время назревала в нем. Он встретился с Королем Гор так, как не многим доводится. Он столкнулся лицом к лицу со своей смертью, и его четвероногий противник, за которым он гонялся и которого он изувечил, проявил великодушие. Ленгдону думалось, что Брюс не поймет, не сможет понять этого. Но для него самого этот день и час при-

обрели такое значение, что ему не забыть их до самой могилы. И Ленгдон знал, что отныне и впредь он никогда не поднимет руку ни на Тэра, ни на кого-либо из его сородичей.

Он добрался до лагеря, кое-как состряпал себе еду и пообедал в обществе Мусквы, строя новые планы на ближайшее время. Завтра он пошлет Брюса за Метусином, и охоте на этого великана гризли конец.

Они отправятся дальше, на Скину, а может быть, пройдут и до самой границы Юкона. Затем что-нибудь в начале сентября свернут на восток, в район Карибу, и выйдут вновь на заселенные места там, где Скалистые горы переходят в прерию. Мускву он заберет с собой. Вдали от дебрей, в гуще людской, в краю больших городов, они с медвежонком будут большими друзьями. Мысль о том, что это будет за жизнь для Мусквы, ему сейчас и в голову не приходила.

Было уже два часа, а он все еще мечтал о новых, нетронуемых тропах на север, как вдруг донесся звук, который заставил его очнуться. Ленгдон вздрогнул. Несколько минут он не обращал на этот звук никакого внимания, приняв его за один из тех, что постоянно слышатся в долине. Но тот все отчетливее выделялся в этом привычном бормотании долины. Наконец Ленгдон, который лежал под деревом, привалившись к нему спиной, встал и, чтобы лучше слышать, вышел из чащицы на открытое место. Мусква отправился за ним. Ленгдон остановился, и рыжемордый медвежонок тоже. Его маленькие ушки насторожились, голова повернулась на север. Звук доносился оттуда.

Еще мгновение, и Ленгдон распознал этот звук, но даже и теперь повторял себе, что слух обманывает его. Не могло же быть, чтобы это лаяли собаки! Сейчас Метусин и Брюс с собаками где-то далеко на юге. По крайней мере, Метусин должен бы сейчас быть там, а Брюс — возвращаться в лагерь! Звук очень скоро стал совсем отчетливым, и Ленгдон понял, что ошибиться невозможно.

Собаки приближались по долине. Брюс и Метусин, стало быть, почему-то пошли не на юг, а на север. И вот собаки подают голос — яростный, азартный лай, который сказал Ленгдону, что они сейчас бегут по горячему следу зверя. И вдруг нервная дрожь пронзила тело. Во всей долине было только одно живое существо, на которое Брюс стал бы спускать собак, — великан гризли!

Еще несколько мгновений Ленгдон прислушивался. А затем побежал назад, в лагерь, привязал Мускву к дереву, схватил новую винтовку и оседлал лошадь. Через пять минут он уже мчался верхом по направлению к тому району, где не так давно Тэр даровал ему жизнь.

Г л а в а XIX

ПОСЛЕДНЯЯ СХВАТКА

Тэр услышал собак за целую милю. По двум причинам сегодня он был расположен бежать от них еще меньше, чем несколько дней назад. Сами по себе собаки пугали его не больше, чем какой-нибудь барсук или даже сурки, которые свистят со своих скал. Он пришел к выводу, что глотки у них здоровые, а зубы так себе и разделаться с ними проще простого. Страх же на него нагонял тот, кто следует за собаками. Но сегодня он столкнулся лицом к лицу с существом, принесшим с собой в эти долины такой необычный запах. Оно не пыталось чем-нибудь повредить ему, и он не стал его убивать. Кроме того, Тэр разыскивал Исквау, медведицу, а рисковать жизнью ради любви способен не только человек.

Расправившись с последней из убитых им при первой встрече собак, Тэр сделал как раз обратное тому, чего ждал от него Брюс. Он не пошел на юг, а вместо этого завернул к северу и на третью ночь после сражения и потери Мусквы снова отыскал Исквау. В предвечерних сумерках незадолго до их встречи погиб Пипунескус. Тэр слышал резкий треск автоматического пистолета Брюса.

Всю ночь и следующие сутки гризли провел с Исквау, а затем снова ушел от нее. Разыскивая ее в третий раз, он и наскочил на Ленгдона на этом предательском карнизе.

Медведь все еще не обнаружил запаха подруги, когда услышал лай собак, напавших на его след.

Он шел на юг и поэтому оказался неподалеку от лагеря охотников. Гризли держался высоких склонов, пересеченных расщелинами, изрезанных сланцевыми плешинами, глубокими ущельями и беспорядочными нагромождениями каменных глыб. Он все время был с наветренной стороны, чтобы не прозевать запаха Исквау, как только она появится где-нибудь поблизости. Когда он услышал лай, то не уловил запаха собак и едущих за ними двух охотников.

При иных обстоятельствах он проделал бы свой излюбленный маневр и дал бы крюк, обойдя людей с подветренной стороны, но сейчас обычная осторожность гризли отступала перед его стремлением к подруге. Собаки были уже ближе чем в полумиле, как вдруг он внезапно остановился, потянул носом воздух и ринулся вперед. Тэр уперся в узкое ущелье, из которого убегала Исквау. Лай эрделей стал еще яростней и совсем приблизился.

Гризли спустился как раз в тот момент, когда медведица выбежала из ущелья. На мгновение она задержалась возле Тэра, затем кинулась дальше. Уши ее были сердито прижаты, из горла вырывалось угрожающее рычание. Тэр последовал за ней и тоже зарычал. Он знал, что его подруга бежит от собак, и, поднимаясь следом за ней в гору, все больше приходил в ярость. В таком состоянии, как сейчас, ему все бывало нипочем. Гризли был страшным бойцом, когда преследовали его самого, но, когда опасность нависала над его подругой, тут он уже превращался в сущего дьявола.

Тэр все больше отставал, давая Исквау уйти подальше, и дважды оборачивался, скаля клыки и посылая громовым голосом вызов врагу. Выбравшись из расщелины наверх, он оказался в тени, которую отбрасывала вершина горы. Исквау спешила достичь перевала через гору и уже успела скрыться из виду. Она исчезла в хаосе обломков, сорвавшихся сверху, с утеса, глыб песчаника и каменных пород. Сейчас вершины гор были всего в каких-нибудь трехстах ярдах выше Тэра. Он посмотрел вверх.

Исквау уже на пути туда, через этот каменный завал, поэтому здесь, внизу, самое место для боя. Собаки были совсем близко. Они громко лаяли. До выхода из ущелья им оставалось уже немного. Тэр повернулся им навстречу и стал ждать.

Стоя на полмили южнее, Ленгдон увидел в бинокль Тэра и Исквау, и почти в тот же миг из ущелья вырвались собаки. Он поднялся до середины горы верхом, отсюда вскарабкался выше и кинулся по бараньей тропе, очутившись почти на той же высоте, что и Тэр. Оттуда, где сейчас стоял Ленгдон, долина под ним просматривалась в бинокль на несколько миль.

Брюс и Метусин оказались уже совсем близко. Он увидел, как они слезают с лошадей и бегут в ущелье. Затем они скрылись в нем. Ленгдон снова повернулся к Тэру.

Собаки не давали гризли уйти, и Ленгдон знал, что тому не справиться с ними на открытом месте. Затем он заметил какое-то движение в каменных нагромождениях и негромко вскрикнул, поняв, в чем дело, когда разглядел Исквау, спокойно взбирающуюся на вершину горы. Ленгдон понял, что этот второй зверь — медведица.

Великан гризли — мужчина — остался внизу, чтобы биться. И если собакам удастся задержать его еще минут на десять — пятнадцать, то медведю конец. Брюс и Метусин выберутся к тому времени из ущелья и окажутся от него менее чем в ста ярдах!

Ленгдон поспешно сунул бинокль в футляр и помчался по бараньей тропе. Ярдов сто пролетел одним духом, но дальше тропа разбегалась на множество мелких тропинок, скользящих по глинистому склону, и следующие пятьдесят ярдов отняли у него целых пять минут. Потом Ленгдон снова почувствовал твердую почву под ногами. Задышавшись, он побежал дальше, и еще через пять минут гребень горы заслонил от него Тэра и собак. Когда же он перевалил через этот гребень и пробежал вниз ярдов пятьдесят по склону, то остановился как вкопанный. Дальше пути не было — он оказался на самом краю крутого обрыва.

Ленгдон находился теперь в пятистах ярдах от той площадки, на которой стоял Тэр спиной к скале. Гризли повернул свою огромную голову к собакам. Ленгдон переводил дыхание, собирая силы для крика: Брюс и Метусин с минуты на минуту должны были выбежать из перелеска. Затем его вдруг осенила мысль, что, если они даже и услышат его крик, то все равно не поймут, чего он хочет. Брюсу и в голову не придет, что от него требуют пощады тому самому зверю, за которым они гоняются чуть ли не целых две недели.

И, когда Тэр, бросившись на собак, отогнал их на добрых двадцать ярдов в сторону ущелья, Ленгдон поспешно залег за камень.

Если он еще не опоздал совсем, то спасти гризли теперь может только одно. Стая эрделей отступила еще на несколько ярдов вниз по склону, и Ленгдон прицелился в нее. Одна мысль настойчиво сверлила его голову — он должен пожертвовать своими собаками, иначе обречет Тэра на гибель в тот самый день, когда тот даровал ему жизнь! И он, не колеблясь, спустил курок.

Стрелять приходилось с далекой дистанции, и первая пуля взвихрила фонтанчик пыли футах в пятидесяти от

эрделей; надо было взять прицел выше. Второй выстрел, и снова он промахнулся. Звук третьего слился с пронзительным воем, которого Ленгдон, однако, не расслышал, и одна собака покатила кувырком с откоса.

Сами по себе звуки выстрелов не испугали Тэра. Но когда он увидел, как один из его врагов высоко подпрыгнул и затем покатился с горы, гризли поспешил в укрытие, за каменные глыбы. Раздался четвертый выстрел, пятый... При пятом выстреле собаки с отчаянным визгом кинулись обратно в ущелье. Одна из них припадала на перебитую переднюю лапу. А Ленгдон вскочил на камень, служивший ему до этого опорой при стрельбе, и вгляделся в линию горных вершин. Исквау только что достигла вершины. На мгновение задержалась и посмотрела вниз. Но вот она исчезла.

Тэр под прикрытием каменных громад и огромных глыб выветрившегося песчаника двигался по следу медведицы. После того как Тэр скрылся, из ущелья выскочили запыхавшиеся Брюс и Метусин. Оттуда, где они стояли, даже по вершине горы можно было стрелять наверняка. Поэтому Ленгдон закричал как сумасшедший и замахал им руками, указывая вниз.

Брюс и Метусин не замедлили попасться на эту удочку, хотя собаки уже снова яростно лаяли у камней, среди которых исчез Тэр. Охотники сейчас же решили, что Ленгдону оттуда, где он стоял, видно продвижение медведя и что гризли сейчас несется в долину. И, только пробежав более ста ярдов вниз по склону, они остановились и оглянулись на Ленгдона, ожидая от него дальнейших указаний. Но на этот раз Ленгдон, стоя на камне, показал им рукой на линию горных вершин.

Тэр в этот момент как раз переходил ее. На мгновение он, так же как и Исквау, задержался и бросил последний взгляд на человека.

И Ленгдон, прежде чем гризли исчез, помахал ему шляпой и крикнул:

— Счастливо, дружище... счастливо!

Глава XX

«ПРОЩАЙ, МУСКВА!»

Ночью Ленгдон и Брюс обсуждали новые планы. А Метусин сидел поодаль, покуривая с невозмутимым видом и время от времени пристально приглядываясь к Ленг-

дону, как бы все еще не в состоянии поверить в то, что произошло сегодня днем.

Пройдет много лун после сегодняшней ночи, и Метусин всегда будет рад случаю лишний раз поведать своим детям и внукам, друзьям и соплеменникам о том, как он однажды охотился с белым человеком, который перестрелял собственных собак, чтобы сохранить жизнь какому-то гризли. Ленгдон после этой истории уже не был для него прежним Ленгдоном, и после этого сезона Метусин никогда больше не пойдет с ним на охоту. Потому что теперь Ленгдон стал кеск ва у, то есть сумасшедшим. У него что-то разладилось. Великий Дух отнял у Ленгдона сердце и отдал его медведю гризли.

И, покуривая свою трубку, Метусин поглядывал на Ленгдона с некоторой опаской. Его подозрение окончательно утвердилось, когда он увидел, что Брюс и Ленгдон сооружают из кожаной корзины клетку, и понял, что медвежонок будет сопровождать их в долгом путешествии. После этого у него уже не оставалось никаких сомнений насчет состояния Ленгдона. Ленгдона «испортили». А подобная порча, по мнению индейца, не предвещала ничего хорошего.

На следующее утро вся экспедиция уже на рассвете была готова к долгому пути на север, и Брюс с Ленгдоном двинулись впереди вверх по склону и через хребет Скалистых гор в ту самую долину, из которой они впервые увидели Тэра. Вся экспедиция живописно растянулась за ними гуськом. Шествие замыкал Метусин. А в кожаной корзине, притороченной на одной из лошадей, ехал Мусква.

Ленгдон был весел и сиял.

— Это самая удачная охота в моей жизни,— сказал он Брюсу.— И я никогда не пожалею, что мы не убили его.

— Много ты понимаешь! — пренебрежительно отозвался Брюс.— Возьмись я за это дело по-своему, его шкура сейчас была бы на спине Дишпен. Любой турист там, у железной дороги, отвалил бы за нее сотню долларов.

— А для меня он живой стоит несколько тысяч,— ответил Ленгдон и с этими загадочными словами приотстал посмотреть, как Мусква переносит путешествие.

Медвежонок то валился из стороны в сторону, то перекатывался в корзине, как неопытный новичок в хаудэ—широком, под балдахинном седле на спине у слона. Понаблюдав за ним некоторое время, Ленгдон снова присое-

динился к Брюсу. Еще раз шесть за следующие два-три часа подъезжал он к Мускве и каждый раз возвращался к Брюсу все более молчаливым и задумчивым, как бы о чем-то споря с самим собой.

В девять часов они достигли конца долины Тэра. Прямо за ней возвышалась гора, и здесь поток, вдоль которого они ехали, круто сворачивал на запад, углубляясь в узкий каньон¹. К востоку начинался зеленый холмистый склон, по которому лошадям нетрудно будет пройти и который выведет экспедицию в следующую долину, по направлению в Дрифтвуд. Этого направления Брюс и решил держаться.

Посредине склона остановились дать лошадям передышку. Мусква жалобно зывал из своей кожаной темницы. Ленгдон слышал, но, казалось, не обращал ни малейшего внимания на этот плач. Он не отрывая глаз все смотрел и смотрел на долину, по которой они только что проезжали.

В свете утреннего солнца она была великолепна. Отсюда ясно виднелись заснеженные вершины, ниже которых лежало прохладное темное озеро, где Тэр недавно ловил рыбу. Отдаленные зеленые склоны гор казались бархатными, и Ленгдону при виде всего этого подумалось, что сейчас он в последний раз слышит журчащую музыку страны Тэра. И она подействовала на него, как хорал, как радостный гимн в честь того, что он уходит отсюда, ничем не нарушив жизни гор и долин, оставляя все таким же, как было до его прихода. Но так ли это? Разве до его ушей не доносится вместе с этой музыкой гор нечто печальное, скорбное, чья-то жалобная мольба?

И снова неподалеку потихоньку всхлипнул Мусква. Тогда Ленгдон повернулся к Брюсу.

— Решено,— сказал он, и в этих словах прозвучала непреклонная решимость.— Все утро я собирался с духом, и вот теперь решился. Вы с Метусином тронетесь дальше, как только лошади отдышатся, а я съезжу в долину, отъеду примерно на милю и выпущу медвежонка на волю где-нибудь в таком месте, откуда он найдет дорогу в родные места.

Он не стал дожидаться, чтобы его начали отговаривать, не стал слушать возражения Брюса. Кстати, тот промолчал. Взяв Мускву на руки, Ленгдон направил лошадь обратно, к югу.

¹ К а н ь о н — каменистый овраг.

Проехав с милю по долине, он очутился на широком, открытом лугу с средкими зарослями ивняка и островками ели. Воздух благоухал от множества цветов.

Здесь он спешился и минут десять посидел с Мусквой, опустившись на землю. Вытащив из кармана небольшой бумажный пакетик, последний раз покормил медвежонка сахаром. Тяжелый комок подступил к горлу, когда носик медвежонка ткнулся в его ладонь, а когда Ленгдон наконец поднялся и вскочил в седло, глаза его застлал горячий, влажный туман. Он попытался рассмеяться.

Может быть, это бесхарактерность, но он любил Мускву и знал, что оставляет в этой горной долине что-то очень близкое и дорогое.

— Прощай, малыш,— говорил он, и голос его прерывался от волнения.— Прощай, малыш Злюка! Может, когда-нибудь я вернусь сюда и мы увидимся... Ты будешь тогда большим, свирепым медведем. Но я не выстрелю... никогда... ни разу!

И он быстро поскакал на север. Отъехав ярдов на триста, оглянулся. Мусква бежал следом, но расстояние между ними быстро увеличивалось. Ленгдон помахал ему рукой.

— Прощай! — крикнул он, проглатывая подступающий к горлу комок.— Прощай!

А еще через полчаса он, уже стоя на вершине склона горы, навел бинокль на долину. Мусква виднелся вдали маленькой черной точкой. Медвежонок остановился и доверчиво ждал его возвращения.

И снова Ленгдон попробовал было рассмеяться, но ничего не вышло. Перевалив через горы, он навсегда исчез из жизни Мусквы.

Глава XXI

МУСКВА ИЩЕТ СВОЕГО ДРУГА

Добрых полмили Мусква гнался за Ленгдоном. Сначала бегом, потом перешел на шаг и наконец остановился, уселся по-собачьи, не сводя глаз с далекого горного склона. Если бы Ленгдон шел пешком, то медвежонок, пожалуй, бежал бы за ним, не думая о привале, пока не выбился бы из сил. Но кожаная клетка смущала его. В ней было тесно, лошадь на ходу так встряхивала клетку, что медвежонку это казалось землетрясением. А он понимал, что там, впереди, не только Ленгдон, но и клетка.

Некоторое время он сидел так и грустно всхлипывал. Но не делал дальше ни шагу. Медвежонок не сомневался, что друг, которого он уже успел полюбить, скоро вернется. Он всегда возвращался и еще ни разу не обманул ожиданий медвежонка. Затем Мусква пустился на поиски клейтонии и кандыка, стараясь при этом не отходить очень далеко от места, где проходила экспедиция.

Весь этот день он провел в лугах, заросших цветами, у подножия склона. Светило солнце, было очень приятно. И он отыскивал здесь немало столь милых его сердцу луковиц. Медвежонок рылся в земле и наелся досыта. Днем он соснул.

Но, когда солнце стало садиться и тяжелые тени гор надвинулись на долину, погрузив ее в темноту, ему стало страшно. Что там ни говори, а ведь он был еще всего-навсего медвежонком в самом младенческом возрасте и до сих пор только одну ужасную ночь — ночь после гибели матери — провел один. Тэр заменил ему мать, а потом Ленгдон — Тэра, и до сегодняшней ночи ему еще не привелось по-настоящему почувствовать одиночество.

Он забился в чащу боярышника неподалеку от следа, оставленного экспедицией, и все ждал, настороженно прислушиваясь и тринюхиваясь. Ярko засверкали звезды, но сегодня их красота не могла выманить медвежонка из его укрытия. И только на рассвете он, осторожно крадучись, выбрался из своего убежища.

Солнце снова приободрило его и сделало смелей, и он побрел обратно, через долину. Запах, оставленный прошедшими здесь накануне лошадьми, становился все слабей и слабей и вот наконец совершенно исчез. Этот день Мусква питался травой и несколькими корешками кандыка.

Ночь застала его на вершине склона, по которому экспедиция проходила из долины, где побывали Тэр и Исквау. Медвежонок устал, живот у него подвело от голода, и в довершение всего он окончательно заблудился. Эту ночь он проспал в дупле поваленного дерева.

На следующий день отправился дальше и много еще дней и ночей бродил по долине в полном одиночестве. Он прошел неподалеку от озерца, возле которого они с Тэром повстречали старого гризли, с жадностью обнюхал рыбные кости и горестно всхлипнул.

Проходил он и по берегу глубокого, темного озера. Снова довелось ему увидеть птиц, пролетающих, как тени, в лесном сумраке. Проходил по плотине, построен-

ной бобрами. А две ночи проспал по соседству с запрудой, образованной упавшими деревьями на том самом месте, откуда не так давно он следил за Тэром, который ловил рыбу. Он уже почти забыл Ленгдона, думал больше о Тэре и вспоминал о матери. Так, как сейчас он скучал по ним, он никогда не скучал по человеку. Дикая натура Мусквы взяла свое.

Только в начале августа очутился он у края долины и перевалил через тот самый склон, на котором Тэр впервые услышал гром ружей белых людей и где впервые пули ужалили его. Медвежонок частенько приходилось укладываться спать на пустой желудок, но за эти две недели он заметно вырос и уже не боялся темноты.

Мусква прошел по глубокому, не знающему солнечного света каньону, который начинался выше грязевой лечебницы Тэра. И так как отсюда можно было выбраться только одним путем, то он наконец очутился наверху, у выхода из ущелья, через которое когда-то прошел раненый Тэр, а следом за ним его преследователи: Брюс и Ленгдон. Но вот и родные места, его дом: внизу распростерлась вторая долина.

Само собой разумеется, медвежонок не узнал ее. Все, что он здесь видел, было совершенно незнакомо ему. Но долина была так прекрасна, полна такого изобилия и столько в ней было солнечного света, что медвежонок не спешил выбираться из нее.

Ему попадались целые заросли клейтонии и кандыка. А на третий день своего пребывания в долине он впервые самостоятельно убил живую дичь.

Мусква чуть не наступил на маленького, не больше красной белки, сурчонка. Зверек не успел удрать, и медвежонок схватил его. Попировал Мусква на этот раз на славу

Только еще через неделю прошел он по пойме ручья возле того самого склона, на котором погибла его мать. И если бы он поднялся на вершину склона и прошел по его гребню, то увидел бы ее кости, дочиста обглоданные зверьем и птицами.

Еще через неделю медвежонок оказался на небольшом выпасе, где Тэр задрал сначала карибу, а потом черного медведя.

Теперь-то Мусква понял, что он дома!

Дня два не отходил он от этой арены бывшего сражения и пира дальше чем на двести ярдов. И день и ночь медвежонок ждал появления Тэра. Потом в поисках пи-

щи пришлось уйти подальше, но каждый день в тот час, когда тени, отбрасываемые горами, начинали удлиняться, он неизменно возвращался к чащице, где они с Тэром устроили когда-то свой продовольственный склад. Тот самый, который был так по-мародерски разорен и осквернен черным медведем.

Однажды в поисках корней он забрел очень далеко и находился примерно в полумиле от места, которое стало теперь его домом. В тот момент, когда чья-то огромная тень неожиданно упала на него, он обнюхивал подножие скалы. Медвежонок поднял глаза и с полминуты стоял, как громом пораженный. Сердце его стучало и прыгало так, как никогда еще в жизни. Перед ним стоял Тэр!

Великан гризли стоял неподвижно, как и медвежонок, и спокойно разглядывал его. Тогда Мусква с восторженным щенячьим визгом подбежал к нему. Тэр опустил огромную голову. Еще с полминуты оба простояли неподвижно, нос Тэра уткнулся в пушистую спину медвежонка. А потом Тэр, будто Мусква никогда и не терялся, как ни в чем не бывало зашагал вверх по склону, и счастливый медвежонок отправился следом за ним.

С тех пор много дней прошло в удивительных путешествиях и роскошных пирах. Тэр показал Мускве тысячу новых мест в обеих долинах и в разделяющих их горах. Были дни удачной рыбной ловли. Еще один карibu был убит в горах. Мусква все больше толстел и прибавлял в весе. К середине сентября он уже был ростом с большую собаку.

Затем появились ягоды, и Тэр знал, где их искать. Сначала в низинах поспела дикая малина, затем мыльнянка. А за ними — ни с чем не сравнимая черная смородина. Она росла в глубине леса, в холодке, и ягоды ее были чуть ли не с вишню, а по сладости она почти не уступала сахару, которым кормил Мускву Ленгдон. Черная смородина пришлась медвежонку по вкусу больше всего на свете. Она росла тяжелыми, огромными гроздьями. На усыпанных ими кустах почти не было листьев, и медвежонку ничего не стоило за какие-нибудь пять минут обобрать и слопать целую кварту смородины.

Но вот наконец миновала и ягодная пора. Наступил октябрь. Ночи стали очень холодными, случалось, что солнце не выглядывало по целым дням. Небеса помрач-

нели, и по ним ползли тяжелые облака. На вершинах гор снег становился все глубже и там, на высоте, уже больше не таял.

Снег выпал и в долине. Сначала только-только застелил землю белым ковром, на котором у Мусквы мерзли лапы. Снег этот пролежал недолго.

С севера задули холодные, сырые ветры. Монотонная музыка летней долины сменилась теперь заунывным во-ем ветра по ночам, тоскливым скрипом деревьев. И Мускве казалось, что весь мир становится другим.

В эти холодные, сумрачные дни Мускву особенно удивляло, что Тэр не уходит с ветреных склонов,— ведь ничего же не стоило взять да укрыться в низинах. И Тэр, если он вообще пускался в объяснения с ним, вероятно сказал медвежонку, что зима уже не за горами и что эти склоны — их последние кормильцы. Ягод в долинах уже не осталось и в помине, трава и корни — что это за еда в такую пору... Им нечего сейчас попусту терять драгоценное время на поиски муравьев и гусениц, а вся рыба ушла в глубокие воды. В эту пору карибу становится чутким на запахи, как лиса, и быстрым, как ветер. И только на этих склонах еще можно кое-как пообедать сурками и гоферами — таков обед голодного времени. Тэр выкапывал их из земли, и Мусква изо всех сил помогал ему. Не раз им приходилось выбрасывать целые вагоны земли, прежде чем они добирались до уютных зимних квартир, где спало семейство какого-нибудь сурка. А иной раз им приходилось целыми часами копать, пока сцапаешь трех-четыре-х маленьких гоферов, которые не больше красной белки, но зато жирны просто на диво.

Так они прожили конец октября и встретили ноябрь. Вот теперь снег, холодные ветры и яростные метели, идущие с севера, взялись за дело всерьез. Пруды и озера затянуло льдом. А Тэр все еще оставался на склонах гор. У Мусквы по ночам зуб на зуб не попадал от холода, и ему казалось, что солнце так больше никогда и не засияет по-прежнему.

В один прекрасный день, примерно в середине ноября, Тэр вдруг бросил откапывать семейство сурков, спустился в долину и с самым деловитым видом направился на юг. Когда они тронулись в путь, то находились в десяти милях от каньона, лежащего выше грязевого бассейна. Но великан гризли шагал так быстро, что они добрались туда еще засветло.

Два следующих дня Тэр, казалось, перестал интересоваться всем на свете. Пищи в этом каньоне не водилось никакой, а Тэр слонялся возле скал, прислушиваясь да принюхиваясь, и вообще вел себя, с точки зрения Мусквы, более чем странно. В разгар второго дня Тэр задержался у сахарных сосен, земля под которыми была устлана опавшей хвоей, и принялся поедать ее. Хвоя не пришлась Мускве по вкусу, но что-то подсказывало медвежонку, что надо делать то же, что и Тэр, и он начал подбирать хвою язычком и глотать, понятия не имея, что это сама мать-природа заканчивает их последние приготовления к долгой спячке.

Было уже четыре, когда они подошли к входу в глубокую пещеру, ту самую, в которой Тэр появился на свет. Здесь гризли снова задержался, принюхиваясь по привычке. Темнело. Над каньоном завывала снежная буря. Шиплющий ветер то и дело налетал с горных вершин. Небо было черным, валил снег.

С минуту гризли постоял, по плечи засунув голову в пещеру. Потом вошел, а за ним и Мусква. Глубоко-глубоко в пещере они пробирались в такой темноте, что хоть глаз выколи, и чем дальше, тем становилось теплей. Затихало завывание ветра, пока не превратилось в еле слышное бормотание.

Еще полчаса возился Тэр, прежде чем устроился со всеми удобствами. Мусква свернулся у него под боком. Ему было очень тепло и уютно.

Всю эту ночь бушевала метель. Снег выпал глубокий. Он доверху завалил весь овраг огромными сугробами и накрыл его сверху толстой снежной крышей. Весь мир был погребен под снегом. Наутро не стало входа в пещеру и огромных каменных глыб. Исчезли черные деревья и красный кустарник. Все стало белым и мертвым. Монотонная музыка долины умолкла.

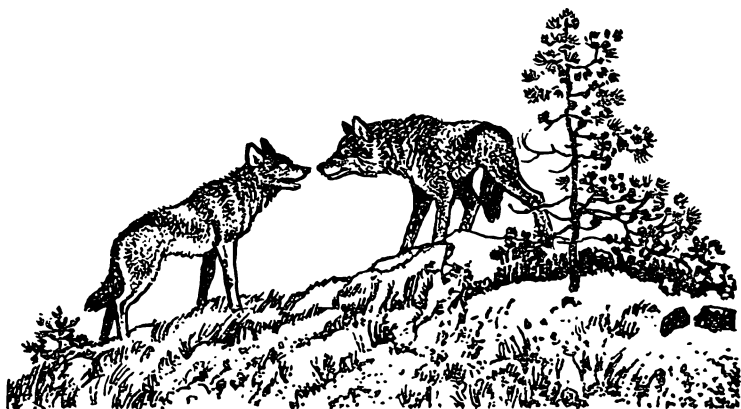
Глубоко в пещере беспокойно шевельнулся Мусква. Потом тяжело вздохнул Тэр. Долго и непробудно спали они после этого. И как знать — может быть, видели сны.

КАЗАН

Глава I

УДИВИТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Казан лежал неподвижно, полужакрыв глаза и положив серую морду на передние лапы. Ни один мускул, ни один волосок его не шевельнется, не дрогнут веки. Он словно застыл; казалось, что жизни в нем сейчас не больше, чем в немом северном валуне. А между тем каждый нерв его был напряжен, каждое волоконец его великолепных мышц натянуто, как стальная струна, и сердце мощными толчками гнало его звериную кровь. На одну четверть эта кровь была волчья, и все четыре года своей жизни он провел в суровых пустынях севера. Ему довелось узнать и голод и стужу; он привык к завыванию ветра над тундрой в долгие полярные ночи. Его не пугал рев весенних водопадов, он умел сжаться в комок под натиском свирепого урагана. Его шея и бока были в рубцах и шрамах — следы старых ран, полученных в жестоких схватках; его глаза покраснели от колючих снежных вихрей. Ему дали имя Казан, Дикая Собака. Он был великаном среди своих сородичей и бесстрашен, как те люди, что гнали его впереди себя через все опасности этого холодного мира.

До сих пор Казан не ведал страха. Никогда прежде он не испытывал желания обратиться в бегство — даже в тот день, когда схватился с большой дымчатой ры-

сю и убил ее. Так что же пугало его теперь? Он не знал этого, он только чувствовал, что попал в новый, неведомый мир, где все внушало недоумение, тревогу. Казан впервые знакомился с цивилизацией.

Скорее бы вернулся хозяин! Зачем он оставил его, Казана, в этой непонятной комнате, заполненной такими пугающими предметами? На стенах — большие человеческие лица, безмолвные и неподвижные. И все они уставились на Казана. Еще никогда люди не смотрели на него вот так. Впрочем, нет, он вспомнил: такой взгляд был у его прежнего хозяина, когда тот, недвижимый, окоченевший, лежал на снегу. Казан тогда сел рядом с ним и завыл — запел Песню Смерти. Но эти люди на стенах не казались мертвыми, хотя и живыми они тоже не были.

Вдруг Казан слегка наострил уши. Он услышал шаги, потом негромкие голоса. В одном он узнал голос хозяина. При звуке другого голоса по телу Казана пробежала дрожь. Ему почудилось, что однажды, очень-очень давно, должно быть когда он еще был щенком, он слышал вот такой же молодой, счастливый женский смех. Он поднял голову и посмотрел на вошедших своими красными сверкающими глазами. Он сразу понял, что эта женщина дорога хозяину — его рука так ласково обнимала ее плечи. Яркое солнце било сквозь окно и светило в ее белокурых волосах, щеки у нее розовели, глаза сияли голубизной лесных цветов.

Женщина заметила Казана и, не раздумывая, бросилась к нему.

— Стой! Что ты делаешь? — закричал ее спутник. — Берегись, он может... Казан!..

Но она уже опустилась перед Казаном на колени — руки ее вот-вот коснутся его шерсти. А Казан? Что ему теперь делать? Отползти назад? Огрызнуться? Может быть, она вроде тех, что смотрят со стены, может быть, она враждебна ему, Казану? Прыгнуть и вцепиться ей в горло?

Он видел, что хозяин рванулся вперед, вдруг побелев как снег. Но рука женщины уже легла Казану на голову, и от этого прикосновения он весь задрожал. Обими руками она подняла голову Казана и заговорила — ее лицо было совсем близко:

— Так вот ты какой, Казан, мой славный Казан, мой герой! Это ты спас от смерти моего мужа, ты привез его домой, один дотащил тяжелые сани?

И тут — удивительное, неповторимое чудо! — лицо женщины прижалось к нему, и Казан почувствовал на себе ее человечесье тепло.

Он не шелохнулся, он старался не дышать. Но вот прошло несколько долгих мгновений и женщина подняла лицо; в ее голубых глазах дрожали слезы. Муж стоял возле, сжав руки, стиснув зубы.

— Этот пес никогда и никому не позволял дотронуться до себя,— произнес он наконец сдавленным голосом.— Отходи осторожно, Изабелла. Ого! Ты только взгляни!

Казан тихо скулил, не отрывая налитых кровью глаз от лица женщины. Ему так хотелось еще раз почувствовать ее руку, притронуться к ней! Но, если он решится на это, что тогда? Его, наверное, избьют палкой? А ведь теперь он и сам был готов кинуться на ее защиту и, если нужно, убить врага и даже умереть за нее. Он медленно тянулся к ней, глядя ей в лицо немигающими глазами. Услышав голос хозяина, он вздрогнул. Но удара не последовало, и он продолжал ползти вперед, пока его холодный нос не коснулся ее тонкого платья. Женщина не отодвинулась.

— Посмотри,— прошептала она,— посмотри!

Еще дюйм, два, еще полдюйма — большое тело Казана выгнулось, он весь подался вперед, к ней. Его морда коснулась сперва ее ноги, затем коленей и наконец теплой маленькой руки. Он по-прежнему не отрывал глаз от ее лица и видел, как дрогнули ее губы. Она взглянула на мужа. Тот тоже опустил на колени рядом с ними, обнял женщину и потрепал собаку по голове. Казану не понравилось это прикосновение. Суровый опыт научил его не доверять мужским рукам. Но он все же позволил хозяину дотронуться до себя и почувствовал, что это приятно женщине.

— Казан, старина,— ласково проговорил хозяин,— ты ведь не обидишь ее, правда? Мы с тобой оба любим ее, дружище. Она, Казан, наша — твоя и моя. И мы будем беречь ее всю жизнь. А если понадобится, будем драться за нее до последнего — верно, старина?..

Они уже давно отошли от него, а Казан все лежал на прежнем месте и не спускал глаз с женщины. Он следил и прислушивался, и в нем все сильнее росло желание подползти к ней, коснуться ее руки или ноги, или хотя бы платья. Но тут хозяин сказал что-то, женщина со смехом вскочила и подбежала к большому бле-

стящему ящику, который стоял в углу, оскалив ряд огромных белых зубов. Эта пасть была длиннее туловища самого Казана. Для чего только нужны такие зубы? Но вот пальцы молодой женщины коснулись их, и тотчас из ящика послышались удивительные звуки. Ни шепот ветерков, ни пение водопадов и речных порогов, ни весенние трели птиц — ничто не могло сравниться с этими звуками. Казан впервые в жизни слышал музыку.

Сперва она поразила и напугала его, но потом страх исчез, и только ноги подрагивали от непонятого возбуждения. Ему захотелось сесть и завывать, как выл он зимними ночами на луну и на бесчисленные звезды, сверкающие в холодном небе. Однако присутствие женщины удерживало его. Он стал медленно красться к ней. Взгляд хозяина остановил его, но только на мгновение. Казан снова пополз, прижимая к полу морду и шею. Он был уже на полпути к цели, когда удивительные звуки стали затихать.

— Продолжай,— проговорил хозяин быстро и вполголоса.— Играй, не останавливайся.

Изабелла повернула голову, увидела Казана, распластавшегося на полу, и снова заиграла. Хозяин не сводил глаз с собаки, но это уже не могло остановить Казана. Он подползал все ближе и ближе, пока его вытянутый вперед нос не коснулся складок ее длинного платья.

И вдруг женщина запела. Он замер, дрожа всем телом. Ему приходилось слышать унылый напев индианки у порога вигвама и дикий мотив Оленьей Песни охотников, но никогда еще его ухо не ловило таких мягких и ласковых звуков. Казан совсем забыл про хозяина. Осторожно, украдкой, так, чтобы она не заметила, Казан приподнял голову. Он увидел, что женщина смотрит на него. Этот взгляд внушал ему доверие, и он положил голову ей на колени. Опять прикосновение женской руки... Закрыв глаза, Казан глубоко и протяжно вздохнул.

Музыка смолкла. Казан расслышал над своей головой слабый звук. Смех? Или плач? Хозяин кашлянул.

— Я всегда любил этого старого бродягу,— проговорил он, и голос его прозвучал как-то совсем непривычно,— но никогда не думал, что он способен на такие нежности.

Для Казана наступили замечательные дни. Правда, он тосковал по лесным чащам и глубоким снегам, ему будто не доставало ежедневной грызни с собаками — не так-то легко подчинить всю упряжку своей воле. Ему хотелось опять услышать их лай за своей спиной. Он скучал по долгой езде напрямик, через равнины и тундры. Скучал даже по окрикам погонщиков и по ненавистному шелканью двадцатифутового бича, свитого из оленьих кишок. Ему хотелось вновь ощущать подергивание постромка, слышать, как повизгивают бегущие позади собаки. Но нечто другое заменило ему теперь все это давнишнее и привычное.

Даже когда женщины не было поблизости, Казан повсюду вокруг себя ловил ее тонкий запах. Почувяв его среди ночи, он просыпался и тихо скулил. Однажды, бродя в темноте по дому, он нашел дверь, за которой она спала. Когда наутро Изабелла вышла из спальни, она увидела, что Казан лежит, свернувшись, у ее порога. С тех пор каждую ночь Изабелла стала класть Казану его подстилку подле своей двери. Теперь, в долгие зимние ночи, он знал, что хозяйка здесь, за дверью, и был спокоен. И с каждым днем все реже вспоминал о родных снежных пустынях.

Но вскоре он почувял в доме какую-то перемену. Все суетились, спешили куда-то, и женщина уделяла ему все меньше внимания. Казан встревожился. Он пытливо всматривался в лицо хозяина. И вот однажды ранним утром хозяин надел на Казана ошейник с железной цепью и вывел его за дверь, на улицу. Только теперь Казан понял, что происходит: его куда-то отсылают. Он сел, отказываясь сдвинуться с места.

— Идем, Казан,— уговаривал его хозяин,— идем же, дружище!

Но Казан уперся и оскалил белые зубы. Он ожидал, что за это его хлестнут или ударят палкой, но нет — хозяин засмеялся и отвел его обратно домой. Потом они снова вышли из дому, но уже втроем. Изабелла шла рядом с Казаном, положив руку ему на голову. Это она уговорила его прыгнуть в большую черную дыру, и он оказался в темной внутренности вагона. И она же замапила его в самый темный угол, где хозяин привязал его

цепь к стене. А потом оба они, хозяин и хозяйка, вышли из вагона, заливаясь веселым смехом.

Много часов подряд Казан пролежал неподвижно, напряженно вслушиваясь в незнакомые звуки. Из-под пола доносился перестук колес. Иногда он замирал, и тогда снаружи слышались чужие голоса. Но наконец Казан ясно различил знакомый голос. Он дернулся на цепи и завыл. Дверь вагона откатилась в сторону. Влез какой-то человек с фонарем в руке, за ним следом хозяин. Казан не обратил на них никакого внимания. Он глядел мимо них, туда, в ночной мрак. Его вывели наружу. Он чуть не вырвал цепь из рук хозяина, прыгивая на белый снег, но, не обнаружив никого за дверью, замер, нюхая воздух. Над ним были северные звезды, по которым он так тосковал, а кругом стеной стояли леса, черные и безмолвные. Но тщетно пытался он уловить знакомый запах, и из его горла вырвались тихие, жалобные звуки. Тогда хозяин поднял над головой фонарь. Это был сигнал, потому что тут же откуда-то сзади из темноты слышался голос. Казан повернулся так резко, что цепь выскользнула из рук хозяина. Замелькал свет других фонарей, и снова прозвучал тот же голос:

— Каза-а-ан!

Казан полетел как стрела. Хозяин шел следом посмеиваясь.

— Ишь, старый бродяга! — проговорил он весело.

Обойдя служебный вагон, он при свете фонаря увидел Казана, лежавшего у ног Изабеллы. Она победно улыбалась.

— Твоя взяла, — признал ее муж не без удовольствия. — Готов держать пари на свой последний доллар, что он не кинулся бы так ни на чей другой голос на свете. Ты победила. Казан, старина, я тебя проиграл.

Но, когда Изабелла наклонилась, чтобы взять конец цепи, он вдруг перестал улыбаться.

— Казан, конечно, твой, — быстро проговорил он, — но пока предоставь мне заниматься им. Даже теперь я ему еще не доверяю. Я своими глазами видел, как он отхватил руку индейцу — всего один раз щелкнул пастью. И точно так же перервал горло собаке. Суший дьявол, дикий и свирепый зверь, хотя меня он всегда охранял как герой и спас мне жизнь. Дай-ка цепь...

Он не успел договорить. Казан вскочил, зарывав, как дикий зверь. Губы его вздернулись, обнажив длинные

клыки, спина словно окаменела. Предостерегающе крикнув, хозяин схватился за висевший у пояса револьвер.

Но Казан не обращал внимания на хозяина. Из темноты вышел человек — проводник, который должен был сопровождать хозяина и его молодую жену до лагеря на Ред-ривер. Мак-Криди — так звали проводника — был рослый мужчина мощного сложения. Почти квадратная челюсть придавала ему выражение жестокости. Он уставился на Изабеллу, и это почему-то не понравилось Казану.

Красный с белым вязаный капюшон молодой женщины сполз у нее с головы и висел за плечами. Тусклый свет фонарей блестел на ее золотистых волосах. Щеки у нее разругались, глаза, обращенные на пришедшего, казались голубее самого голубого лесного цветка. Мак-Криди отвел взгляд. Рука Изабеллы легла на голову Казана, но впервые за все время собака, казалось, не почувствовала ее прикосновения. Казан не переставая рычал, и клекотанье в его горле становилось все более угрожающим. Изабелла дернула цепь.

— Казан, ложись! — приказала она.

Звук ее голоса как будто несколько успокоил его.

— Ложись! — повторила она, и рука ее снова опустилась ему на голову.

Казан улегся, прижавшись к ее ногам. Но зубы его все еще были оскалены. Хозяин наблюдал за ним. Он не мог понять, почему в волчьих глазах Казана горела такая смертельная ненависть. Проводник между тем разматывал длинный бич. Он пристально глядел на Казана, потом вдруг наклонился вперед, уперся обеими руками в колени и рявкнул:

— Эй, Педро, взять!

Этому приказанию — «взять!» — обучали только собак, находящихся на службе у полиции Северо-Запада. Но Казан не шелохнулся. Мак-Криди выпрямился, и словно револьверный выстрел раздалось щелканье его длинного бича.

— Взять, Педро! Взять!

Клекотанье в горле Казана сменилось грозным рычанием, но ни один мускул его не дрогнул. Мак-Криди обернулся к хозяину.

— Послушайте, Торп, — сказал он, — готов поклясться, что я его знаю. Если это Педро, то это негодная собака, хорошего от нее не жди.

Торп нагнулся, чтобы поднять цепь, и не заметил, какое странное выражение мелькнуло на лице Мак-Криди. Но Изабелла это увидела и вздрогнула. Всего несколько минут назад, когда поезд остановился здесь, в Ле-Пасе, она, знакомясь, протянула руку этому человеку и, встретившись с ним взглядом, заметила на его лице вот такое же выражение. Тогда она подавила испуг, вспомнив, что рассказывал ей муж о людях Севера. Она уже заранее научилась любить их, она восхищалась их грубоватым мужеством и преданными сердцами. И теперь она улыбнулась, сиюсь побороть чувство страха и отвращения, которое почему-то внушал ей Мак-Криди.

— Не понравились вы моему Казану.— Она тихо засмеялась.— Попробуйте подружиться с ним.

Она взялась за цепь и слегка подтолкнула Казана к проводнику — конец цепи все еще оставался в руке Торпа, и он стоял наготове, чтобы в любую секунду оттащить собаку. На какое-то мгновение Мак-Криди оказался между Торпом и его женой, и Торп опять не мог видеть лица проводника. А тот и не смотрел на Казана, он не спускал глаз с молодой женщины.

— Вы бесстрашная,— сказал он.— Я бы не осмелился обращаться с ним вот так, как вы. Он в два счета может отхватить руку.

Мак-Криди взял у Торпа фонарь и повел всех по узкой снежной тропе, идущей в сторону от железнодорожного полотна. Неподалеку, в густом ельнике, Торп две недели назад оставил свой лагерь. Теперь вместо одной палатки, в которой он жил со своим прежним проводником, были разбиты две. Перед палатками пылал яркий костер, рядом стояли длинные сани. За пределами светлого круга, очерченного огнем костра, Казан различил неясные силуэты собак своей упряжки, увидел их горящие глаза. Пока Торп привязывал его к саням, Казан стоял неподвижно, напрягши все мускулы. Снова он в своих родных лесах, снова он будет верховодить своими сородичами! А хозяйка его смеялась и хлопала в ладоши. Она радовалась новой, удивительной жизни, которая начиналась для нее здесь. Торп откинул брезентовый пол палатки и, пропуская Изабеллу вперед, прошел за ней следом. Изабелла вошла в палатку не оглянувшись, не сказав Казану ни слова. Он заскулил и перевел свои красные глаза на Мак-Криди.

В палатке Торп говорил жене:

— Жаль, что старик Джекпайн отказался вернуться с нами. Он, правда, привез меня домой, но ни за что на свете не захотел ехать обратно. Ты бы посмотрела, как этот индеец управляется с собаками! Вот насчет Мак-Криди я не очень-то уверен. Мне говорили, он странный парень, но зато леса знает как свои пять пальцев. Собаки не любят нового человека. Бьюсь об заклад, с Казаном ему будет нелегко справиться.

Изабелла что-то отвечала мужу, и Казан стоял неподвижно, прислушиваясь к ее голосу. Он не слышал и не видел, как Мак-Криди украдкой подобрался к нему сзади. На этот раз голос человека прозвучал для него неожиданно, как выстрел:

— Педро!

Казан мгновенно скорчился, словно его ударили бичом...

— Ага, на этот раз ты попался, старый дьявол! — прошипел Мак-Криди. Лицо его при свете костра казалось неестественно бледным. — Имя сменил? Но я тебя все равно узнал. Ну, теперь берегись!

Глава III

МАК-КРИДИ ВОЗВРАЩАЕТ ДОЛГ

Мак-Криди долго еще сидел возле огня. Он молчал... Лишь на короткие мгновения взгляд его отрывался от Казана. Затем, убедившись, что Торп и Изабелла улеглись спать, Мак-Криди зашел в свою палатку и вернулся оттуда с флягой виски. С полчаса он просидел у костра, то и дело прикладываясь к фляге. Потом подошел и сел на край саней, но так, чтобы Казан не мог достать до него.

— Что, попался? — опять проговорил Мак-Криди. Глаза его блестели — начинало сказываться действие виски. — Интересно, кто это переименовал тебе имя? И как ты к этому-то попал?.. Да, хорошо, что ты не умеешь говорить...

Из палатки послышался голос Торпа, в ответ — взрыв веселого смеха. Мак-Криди выпрямился. Лицо его внезапно вспыхнуло. Он спрятал флягу в карман и, обойдя костер, осторожно, на цыпочках, подкрался к палатке Торпа и притаился в тени растущего рядом дерева. Когда он снова вернулся к саням, глаза его горели. Было уже за полночь, когда он ушел наконец в свою палатку.

Казан пригрелся у огня, и веки его стали медленно опускаться. Но спал он беспокойно, в его мозгу мелькали неясные, тревожные картины. Он то дрался, и тогда зубы его щелкали во сне, то рвался на привязи, пытаясь дотянуться до Мак-Криди или до хозяйки. Ему казалось, что он снова чувствует прикосновение ее руки, слышит, как она поет ему и хозяину.

Потом вдруг другая картина. Вот он бежит во главе великопной упряжки из шести собак — это упряжка полиции Северо-Запада, и хозяин окликает его:

— Педрол..

Потом они на привале. Хозяин Казана, молодой, с гладко выбритым лицом, помогает выйти из саней человеку, у которого руки стянуты впереди какими-то странными черными кольцами... Еще картина. Казан лежит у большого костра. Хозяин сидит напротив, спиной к палатке. Из палатки выходит тот, другой, только на этот раз колец на нем нет и руки его свободны. Он держит тяжелую дубинку. Дубинка обрушивается на голову хозяина, и...

Казан проснулся, вскочил. Шерсть на спине у него вздыбилась, он зарычал. Костер почти затух, и лагерь погрузился в глубокую тьму, всегда предшествующую рассвету. Казан едва различил фигуру Мак-Криди. Тот опять стоял возле палатки хозяина, и Казан вдруг вспомнил, что это и есть тот человек, у которого тогда на руках были черные кольца. И еще Казан вспомнил, что этот человек, прикончив хозяина, потом много дней гнал упряжку и нещадно бил его, Казана, бичом и палкой.

Мак-Криди услышал угрожающее рычание и поспешно возвратился к костру. Насвистывая, он стал собирать в кучу полуобгоревшие поленья. Когда огонь снова вспыхнул, он разбудил Торпа и Изабеллу. Через несколько минут Торп вышел из палатки; за ним следовала жена. Она присела на сани рядом с Казаном и начала расчесывать волосы. Мак-Криди подошел к ней сзади и стал что-то перебирать в поклаже на санях. Как бы случалось, что пальцы его на мгновение погрузились в густые пряди, падавшие ей на плечи. Изабелла не обратила внимания на это прикосновение, а Торп стоял к ним спиной. Только от Казана не ускользнуло вороватое движение пальцев Мак-Криди. Пес легче рыси перелетел через сани и рванулся на всю длину цепи. Мак-Криди едва успел отскочить. Крепкая цепь отбросила Казана обратно, он боком ударился о сидевшую на санях женщи-

ну, и та упала. Лишь это и увидел, обернувшись, Торп. «Казан бросился на нее!» — промелькнуло в его голове, и, не в силах проронить ни единого звука, он потащил в сторону упавшую с саней жену. Убедившись, что она не-редима. Торп хотел было выхватить револьвер, но ору-жие вместе с кобурой осталось в палатке. У ног его ока-зался бич Мак-Криди. Торп схватил его и не помня себя кинулся на Казана. Собака вся сжалась в комок, но не огрызнулась, не сделала попытки убежать. Только од-нажды в жизни довелось Казану перенести подобные по-бои! Но у него не вырвалось ни визга, ни рычания.

Внезапно хозяйка его рванулась вперед и схватила занесенный Торпом бич.

— Не смей! — закричала она.

Потом она что-то сказала мужу вполголоса. Мак-Криди не слышал, что именно, но взгляд Торпа принял странное выражение, и, не произнеся ни слова, он вместе с женой ушел в палатку.

— Казан прыгнул не на меня,— в волнении шептала Изабелла, крепко схватив мужа за руки.— Этот человек стоял сзади, и мне показалось, что он до меня дотронул-ся. И тут Казан прыгнул! На него! Я уверена, здесь кро-ется что-то дурное.

Она едва сдерживала слезы. Торп крепко прижал ее к себе.

— Мне не приходило в голову... Да, все это подозри-тельно,— сказал он.— Кажется, Мак-Криди говорил, будто он раньше знал эту собаку. Вполне возможно. Может быть, он был хозяином Казана и так с ним об-ращался, что собака до сих пор не простила ему. Завтра разберусь во всем. Но пока обещай мне, что будешь держаться подальше от Казана.

Изабелла обещала. Когда они вышли из палатки, Казан поднял им навстречу свою большую голову. От сильного удара бича один глаз у него затек, из пасти сочилась кровь. Изабелла даже заплакала, увидев бед-ного изувеченного зверя. Казан знал, что это — оста-новила наказание: он тихо заскулил и завилял хвостом своим пушистым хвостом. Но она не подошла к нему.

На следующий день на протяжении долгих трудных часов Казан вел свою упряжку на север. Никогда еще он не чувствовал себя таким несчастным. Глаз у него не открывался и сильно горел, тело ныло от ударов би-ча. Но не от боли он так уныло повесил голову, не боль лишила его проворства и сметливости, которые всегда

присущи вожаку упряжки. Впервые в жизни его дух был сломлен. Когда-то, давно, Мак-Криди изводил его побоями, теперь вот избил хозяин. Их злобные голоса в течение всего дня звучали в его ушах. Но большее всего было то, что любимая хозяйка избегала его. Она теперь садилась так, чтобы Казан не мог до нее дотянуться. Во время коротких остановок и на привале Изабелла смотрела на него удивленным взглядом и ничего не говорила. И она тоже готова ударить, думалось Казану, и, прижимаясь брюхом к снегу, он отползал в сторону. Вечером он прятался подальше от костра и тосковал в одиночестве. Никто не подозревал, что Казан переживает настоящее горе. Разве только Изабелла понимала это. Но и она не подходила к нему, не говорила с ним и все время внимательно за ним наблюдала, особенно когда он смотрел на Мак-Криди.

Позже, когда Торп с женой ушли в палатку, повалил снег. Казан следил за Мак-Криди и старался понять, почему этот человек явно беспокоен. Как и накануне, он то и дело прикладывался к фляге, и при свете костра было заметно, что лицо его становится все краснее. Иногда Казан видел, как поблескивали у Мак-Криди зубы, когда тот ухмылялся, поглядывая на палатку, где спала хозяйка. Не один раз Мак-Криди подходил к этой палатке и прислушивался. И вот ему удалось слышать глубокое дыхание спящего Торпа. Мак-Криди поспешно вернулся к костру. Он поднял лицо прямо к небу — снег падал все гуще. Проводник заморгал, вытер глаза. Потом ушел в темноту, вглядываясь в следы, которые они оставили несколько часов назад. Но свежий снег уже почти запорошил их. Еще час — и их совсем не будет видно, а на другой день уже ничто не будет говорить о том, что здесь прошли люди, собаки и тяжелые сани. К утру снег покроет все, даже костер, если только загасить его как следует. В темноте Мак-Криди еще раз отхлебнул из фляги. Теперь мозг его горел пьяным огнем, сердце отчаянно билось. Но еще сильнее забилося сердце Казана, когда он вдруг увидел, что проводник возвращается с тяжелой дубинкой! Мак-Криди прислонил дубинку к дереву, взял из саней фонарь, зажег его. Держа фонарь в руке, он подошел к палатке Торпа.

— Эй, Торп, Торп! — позвал он.

Ответа не последовало. Слышно было только дыхание спящего. Слегка отогнув входной полог, Мак-Криди поскреб рукой по его наружной стороне.

— Эй, Торп! — снова крикнул он.

На этот раз Торп отозвался:

— Это вы, Мак-Криди?

Мак-Криди отодвинул полог пошире и тихо заговорил:

— Да, я. Выйдите на минуту. В лесу что-то неладное. Жену пока не будите.

Он отошел и стал ждать. Через минуту Торп тихо вышел из палатки. Мак-Криди указал на густой ельник.

— Готов поклясться, кто-то рыщет возле нашей стоянки, — сказал он. — Я вроде даже видел какого-то человека, когда отходил за дровами. Ночь-то как раз такая, чтобы собак воровать. Возьмите-ка фонарь. Вот увидите, мы сейчас найдем след на снегу, или я совсем уж сдурел.

Он передал Торпу фонарь и взял дубинку. Казан хотел зарычать, но сдержался. Ринуться вперед, предупредить — нельзя: хозяин не поймет, вернется и станет его бить. Поэтому он лежал тихо, дрожал и еле слышно скулил. Он следил за ними, пока они не скрылись, а потом стал ждать и слушать. И вот наконец Казан услышал поскрипывание снега.

Мак-Криди вернулся один. Теперь в лице проводника проглядывало что-то звериное. Казан уполз еще глубже в тень, услышав тихий, пугающий смех этого человека. Проводник по-прежнему сжимал в руке дубинку, но он ее бросил, подойдя к палатке Торпа. Бесшумно откинув полог, он вошел и повесил фонарь на гвоздь, вбитый в шест палатки. Шаги Мак-Криди не разбудили Изабеллу, и несколько минут он тихо стоял над нею.

А снаружи, свернувшись клубком в глубоком снегу, Казан пытался понять значение происходящих на его глазах необычайных событий. Зачем хозяин и Мак-Криди уходили в лес? Почему хозяин не вернулся? И почему Мак-Криди вошел не в свою палатку, а в палатку хозяина?

И вдруг Казан вскочил, шерсть у него на спине поднялась, лапы напряжались. В свете фонаря он видел огромную тень Мак-Криди. Тень эта шевельнулась, и в следующее мгновение раздался полный ужаса крик. Казан узнал голос хозяйки и бросился вперед. Цепь остановила его, ошейник сдавил горло, не давая дышать. Изабелла звала мужа. Но вот Казан узнал и свое имя.

— Казан! Казан!..

Он рванулся опять, но опрокинулся на спину. Он еще несколько раз пытался прыгнуть на всю длину привязи, и каждый раз ошейник, как нож, врезался ему в горло. На мгновение Казан остановился и перевел дыхание. Потом, с коротким рычанием, со всей своей силой рванул цепь. Послышался треск, и ремень, застегнутый на его шею, лопнул.

В несколько прыжков Казан очутился у палатки и скользнул под полог. Грозно зарывчав, он схватил Мак-Криди прямо за горло. Уже первое сжатие его могучих челюстей несло смерть, но Казан не знал этого. Он знал только, что здесь его хозяйка и он сражается за нее. Раздался захлебывающийся крик, тут же оборвавшийся. Мак-Криди повалился на спину, а Казан все глубже вонзал клыки в горло врага.

Изабелла звала Казана, тянула за лохматую шею. Но он долго не разжимал челюстей, а когда наконец отпустил свою жертву, Изабелла, взглянув на лежащего перед ней человека, в ужасе закрыла глаза, потом упала на постель и лежала совсем-совсем тихо. Лицо и руки у нее были холодные, и Казан ласково подталкивал их носом, но хозяйка не открывала глаз, Казан лег подле нее, с угрозой повернувшись в сторону мертвого.

Прошло немало времени, прежде чем глаза хозяйки открылись; ее рука коснулась Казана.

И тут снаружи слышались шаги. Наверное, это был хозяин. В привычном страхе перед побоями Казан юркнул к выходу. Да, при свете костра он увидел хозяина, и в руке у него дубинка! Торп шел медленно, едва не падая при каждом шаге, и все лицо его было залито кровью. Но он держит дубинку! Значит, он опять будет бить его, Казана, жестоко бить, как в тот раз, когда он впервые осмелился броситься на Мак-Криди. Казан незаметно выскользнул из палатки и прокрался в тень. Из темноты густого ельника он оглянулся назад — из горла его вырвался и тут же замер звук, полный любви и горести. Теперь, после того, что он сделал, они всегда будут бить его. Даже хозяйка. Они будут искать его, а когда поймут, станут бить.

Казан еще раз взглянул на огонь костра и повернулся в сторону леса. Там, в этой мрачной чаще, нет ни дубинки, ни полосующего бича. Там люди не смогут найти его.

Еще с минуту Казан колебался. А затем бесшумно, подобно существам дикого мира, к которому он теперь принадлежал, скользнул в заросли и исчез в ночной темноте.

Казан погрузился в таинственную черноту леса. Ветер глухо стонал в верхушках елей. Несколько часов Казан пролежал недалеко от привала, неотрывно глядя на палатку, где так недавно он одержал свою ужасную победу.

Казан знал, что такое смерть. Он узнавал ее издали, чуял ее в воздухе и понимал, что сейчас смерть повсюду вокруг него и что он сам принес смерть. Казан лежал в глубоком снегу, дрожал и горестно скулил — он все-таки был собакой. Но примесь волчьей крови уже давала о себе знать в угрожающе оскаленных клыках и в злом блеске глаз.

Трижды хозяин выходил из палатки и громко звал: — Казан! Казан! Казан!..

И каждый раз вместе с ним выходила женщина. В ее голубых глазах все еще был страх, как тогда, в палатке, когда он прыгнул и убил Мак-Криди. Она тоже звала: — Казан! Казан!..

При звуке этого голоса он радостно встрепенулся и чуть было не пополз обратно к людям, к хозяйке и хозяину, готовый принять наказание. Но страх перед дубинкой оказался все же сильнее. Казан остался на месте и так пролежал здесь еще несколько часов подряд. Наконец в лагере все снова стихло, в палатке уже перестали мелькать тени и пламя костра почти совсем заглохло.

Казан осторожно выбрался из темноты и прокрался к нагруженным саням, стоявшим возле догорающего костра. Позади саней в тени деревьев лежало прикрытое одеялом тело убитого им человека — хозяин выволок его из палатки и оставил на снегу.

Казан лег, положив голову на передние лапы и повернувшись носом к теплым еще углям. Он не отрывал глаз от палатки, он был начеку. Как только поднимутся хозяева, он немедленно скроется в лесу. Но от серого пепла на месте костра шло тепло, и веки Казана стали смыкаться. Несколько раз он заставлял себя проснуться, но вот в последний раз веки его, едва приоткрывшись, вновь тяжело опустились.

Во сне Казан тихонько скулил, мускулы его сильных лап подрагивали, дрожь пробегала и по спине. Спящий в

палатке Торп, взгляни он сейчас на Казана, сразу понял бы, что собака видит сон.

Казану снилось, что он опять рвется с цепи. Челюсти его щелкнули, как стальные кастаньеты, и этот звук разбудил его. Он вскочил, шерсть его ошетижилась, оскаленные клыки сверкнули, как стальные ножи. Казан проснулся как раз вовремя. В палатке уже слышалось движение. Поднялся хозяин. Если не удастся сейчас убежать...

Казан бросился в ельник и там спрятался, прижавшись к земле, одна лишь его голова выглядывала из-за дерева. Он был уверен, что хозяин не пощадит его. Ведь Торп избил его даже за то, что он просто прыгнул на Мак-Криди, и только вмешательство женщины остановило побои. А теперь он разорвал Мак-Криди горло, отнял у него жизнь. Теперь даже женщина не в силах будет отвести наказание.

Зачем только хозяин вернулся, почему не остался там, где бросил его Мак-Криди! Казан мог бы не расставаться с хозяйкой. Она бы его простила, ведь она любит его. А он всюду следовал бы за ней, сражался и умер бы за нее, когда настал бы его час. Но Торп вернулся из леса, и Казан убежал, потому что Торп значил для него теперь то же, что и все мужчины: это были существа, держащие в руках дубинку, бич и еще предмет, изрыгающий огонь и смерть. Вот и сейчас...

Начинало светать. Торп вышел из палатки с ружьем в руках. Минуту спустя вышла и женщина. Она схватила мужа за руку, и оба они глянули туда, где лежало покрытое одеялом тело. Женщина что-то сказала Торпу, и тот выпрямился, закинул голову назад и прокричал:

— Э-ге-ге! Казан! Казан! Казан!..

Казан задрожал. Человек пытается выманить его, а сам держит ту самую палку, которая убивает!

— Казан! Казан! — опять позвал Торп.

Казан осторожно попятился назад. Он отлично знал, что для холодной тяжелой палки, посылающей смерть, расстояние ничего не значит. Он обернулся, тихо заскулил. Его покрасневшие глаза светились безысходной тоской, когда он в последний раз посмотрел на Изабеллу. Он уже знал, что расстанется с ней навсегда, и почувствовал в сердце боль, какой никогда прежде не испытывал, — боль мучительнее, чем от дубинки или бича, от голода или мороза. Ему захотелось запрокинуть голову и выть, что-

бы в серую пустоту неба излить свою тоску и одиночество.

А там, возле палатки, Изабелла проговорила дрогнувшим голосом:

— Он ушел.

И даже сильный голос мужчины слегка прерывался, когда он заговорил.

— Да, ушел. И ведь он сразу понял, а я нет. А как я избил его вчера вечером! Теперь я отдал бы год своей жизни, только бы этого не произошло тогда. Конечно, он не вернется.

Пальцы Изабеллы сжали руку мужа.

— Нет, вернется!— воскликнула она.— Он не оставит меня. Он дикий, он страшный, но ведь он любит меня! И он знает, что я тоже его люблю. Он вернется...

— Слушай, Изабелла!

Из глубины леса послышался долгий, протяжный вой, полный уныния и печали,— Казан прощался с Изабеллой.

Он потом долго еще сидел неподвижно, вдыхая непривычный воздух свободы. Он вглядывался в черные бездны леса, становившиеся все прозрачнее с наступлением утра. С того самого дня, как его впервые запрягли в сани, Казан не раз с тоской помышлял об этой свободе, которой так требовала волчья доля его крови. Но у него никогда не хватало решимости бежать. А теперь — вот она, волнующая свобода. Нет больше ни дубинок, ни бичей, нет и жестоких людей, которые сперва вызывали в нем недоверие, а потом смертельную ненависть. Если б только не эта злосчастная примесь волчьей крови, бич и дубинка смирили бы его; а так они лишь ожесточили его дикий от природы нрав. Да, люди были его злейшими врагами. Они не раз избивали его до полусмерти, они называли его злым и держались от него подальше и никогда не упускали случая хлестнуть его бичом по спине. Все тело Казана было покрыто рубцами от ран, нанесенных рукой человека.

Он никогда не знал ни дсброты, ни ласки — до того самого вечера, когда женщина впервые положила свою теплую руку ему на голову и прижалась лицом к его морде. Он тогда впервые почувствовал, что человека можно любить. А теперь мужчина прогнал его. Прочь от нее, прочь от ее руки, которая никогда не держала ни дубинки, ни бича. Казан даже зарычал, вспомнив эту обиду. Он шел все дальше, углубляясь в лес.

Когда совсем рассвело, Казан подошел к краю болота. Он все время испытывал какое-то странное беспокойство, которое не рассеялось даже с наступлением дня. Вот он на воле и так далеко от людей, что даже их ненавистного запаха не чувствовалось в воздухе. Но не было и собак, и саней, и огня, и пищи, а разве можно прожить без всего этого?

Кругом было совершенно тихо. Болото лежало во впадине между двумя грядами холмов; ели и кедры росли здесь невысоко и так часто, что под ними почти не было снега; дневной свет едва проникал под густые кроны. Казан почувствовал голод. И одиночество. Он был волком, но тоже и собакой. Собака не умеет обходиться без товарищей, а инстинкт подсказывал ему, что в этом безмолвном лесном мире можно легко найти общество себе подобных — для этого надо только сесть и завывать, излить свое одиночество. Несколько раз какой-то неясный звук готов был вырваться из горла Казана, но тут же зампрал. Это был еще не родившийся в нем волчий вой.

Добыть еду Казан сумел без особого труда. К полудню он поймал большого зайца-беляка. Свежее мясо оказалось вкуснее мороженой рыбы или отрубей с салом, и эта трапеза вселила в него уверенность. В тот день он выследил еще многих зайцев и двух убил. До сих пор Казан не знал радости преследования и охоты, а теперь он убивал столько, что не мог съесть всю добычу.

Зайцы не оказывали сопротивления. У них было очень нежное и вкусное мясо, но Казану скоро наскучило убивать их. Ему хотелось дичи покрупнее. Он уже не крался пугливо, скрываясь в зарослях. Теперь он высоко держал голову, шерсть на спине щетинилась, а густой хвост висел свободно, как у волка. Казан был полон жажды жизни. Он шел на северо-запад — то был зов прежних дней, тех дней, когда он еще жил на Макензи; только теперь Макензи была далеко, она текла на расстоянии тысячи миль от этих мест.

В тот день Казан встретил много следов на снегу. Он запоминал, как пахнут отпечатки копыт лося и оленя, ямочки от мягких лап рыси. Потом он пошел по следу лисы, который привел его к полянке, со всех сторон закрытой высокими елями: снег там был плотно прибит и окрашен кровью. На снегу валялись голова, крылья и внутренности совы, и Казан понял, что не один он охотится в этом лесу.

К вечеру он увидел на снегу следы, очень похожие на его собственные. Они были совсем свежие, и от их теплого запаха Казан заскулил. Желание сесть и завывать по-волчьи все росло в нем по мере того, как сгущались ночные тени в лесу. Казан был на ногах весь день, но усталости не чувствовал. Люди были далеко, а лесные сумерки чем-то странно будоражили Казана. Волчья кровь бежала в нем все быстрее. Ночь наступила ясная; на небе высыпали звезды, взошла луна. И наконец Казан сел на снег, поднял голову к верхушкам елей, и волчья его душа излилась наружу — у него вырвался протяжный, заунывный вой, который на мили вокруг разнесся в тихом ночном воздухе.

Долго просидел Казан прислушиваясь. Теперь у него был голос, голос с новым, необычным звучанием, и это придавало ему еще большую уверенность в себе. Казан ждал ответа, но его не последовало. Только впереди из кустарника выскочил лось и понесся прочь от этого страшного воя; рога лося, стучаясь о ветви деревьев, выбивали частую дробь.

Дважды еще Казан посылал к небу свой клич: ему доставлял удовольствие этот новый призыв в собственном голосе. Потом он снова побежал вперед. Вскоре он оказался у подножия каменистого склона. Оставив болото, он начал взбираться наверх. Там, наверху, звезды и луна казались ему ближе. По другую сторону хребта Казан увидел широкую равнину, замерзшее озеро, сверкавшее при свете луны, и выбегающую из озера белую реку, которая терялась в зарослях не таких густых и темных, как на болоте.

И вдруг каждый его мускул напрягся, сердце бешено забилося: откуда-то издалека, со стороны равнины, донесся вой, такой же, как его, — волчий! Челюсти Казана щелкнули, белые клыки засверкали, он зарычал. Ему хотелось ответить, но инстинкт дикого зверя уже овладевал Казаном, и этот инстинкт говорил ему, что вой, который он сейчас услышал, не призывный, а какой-то иной.

Через час Казан снова ясно и отчетливо расслышал вой, протяжный вначале и обрывающийся резким, коротким лаем. Казана мгновенно охватило неведомое ему доселе возбуждение. Все тот же инстинкт подсказал ему, что этот зов — приглашение на охоту. Через несколько минут вой повторился, и на этот раз где-то совсем близко, у подножия холма, раздался ответный вой. А за ним

еще один, но уже так далеко, что Казан едва расслышал его. Стая собиралась на ночную охоту.

Казан сидел тихо и дрожал. Он не испытывал страха, но и не был еще готов идти туда, к ним. Гряды холмов, казалось, расколола его мир надвое. Впереди его ждала новая, необычная жизнь без людей. Но что-то тянуло его и обратно, и он вдруг повернул голову назад, посмотрел на освещенную луной равнину позади себя и заскулил. Теперь он скулил совсем как собака. Там, позади, осталась его хозяйка. Казану все еще слышался ее голос, он ощущал прикосновение ее нежной руки, видел тепло и ласку в ее глазах. Она звала его через все леса, и этот зов был так же силен, как искушение спуститься на равнину. Там, позади, рядом с женщиной он видел мужчин, которые ждали его с дубинками, слышал шелканье бичей и чувствовал режущую боль их ударов.

Долго еще оставался он на вершине гряды, разделяющей его мир надвое. Потом наконец повернулся и стал спускаться на равнину.

Всю эту ночь Казан старался держаться поблизости от охотящейся стаи, но совсем близко не подходил. Эта осторожность спасла Казана: ведь на нем еще сохранились запахи упряжки и человека и волки не приняли бы его — они разорвали бы его в клочья. Самый сильный инстинкт у дикого зверя — инстинкт самосохранения. И этот отголосок жизни диких предков заставлял Казана то и дело валяться в снегу там, где следов стаи было особенно много, — ему надо было пропитаться волчьим запахом.

Той ночью стая убила на берегу озера оленя и пировала почти до рассвета. Казан все время держался против ветра. Запах крови и теплого мяса щекотал ему ноздри, его острый слух различал даже хруст костей. Но инстинкт был сильнее искушения. Только когда стало совсем светло и волки разбежались кто куда по равнине, Казан подошел к месту пиршества. Он не нашел ничего, кроме залитого кровью снега и разбросанных костей. Но он вывалился в этом снегу и оставался здесь целый день. Зато следующей ночью, едва луна и звезды снова вышли на небо, Казан уже без страха и колебаний объявил о своем существовании новым друзьям с большой равнины.

В эту ночь волчья стая снова охотилась — возможно, уже другая стая, которая начала охоту в нескольких милях отсюда и, преследуя лань, достигла замерзшего озера. Было светло, как днем, и с опушки леса Казан

первым увидел, как на расстоянии четверти мили от него на лед озера выбежала преследуемая лань. Стая из дюжины волков уже приняла свое роковое построение в форме подковы, и два вожака бежали почти на одном уровне с ланью, по обе стороны, готовые замкнуть круг.

С резким лаем Казан вырвался из темноты. Он находился как раз на пути бегущей лани и кинулся к ней с быстротой молнии. Лань заметила Казана и рванулась вправо, но тут ее ждали оскаленные клыки одного из вожаков. Казан достиг цели одновременно с ним и повис, вцепившись в мягкое горло лани. Рычащая стая плотной кучей навалилась сзади, и лань упала. Казан очутился под ней, ее вес тяжело давил на него, но Казан не разжимал челюстей. Ведь это была его первая большая добыча. Кровь его бурлила, он рычал сквозь стиснутые зубы.

Только когда лань дернулась в последний раз, Казан выбрался из-под нее. Он недавно убил зайца и голода не чувствовал. Поэтому он сел и стал терпеливо ждать, пока прожорливая стая покончит со своей жертвой. Немного спустя он подошел поближе, попытался протиснуться между двумя волками, но те огрызнулись, недовольные его вторжением.

Казан отступил, все еще не решаясь войти в семью своих диких собратьев, как вдруг крупный бурый самец отделился от стаи и кинулся на Казана, нацелившись ему прямо в горло. Казан едва успел повернуться плечом к нападающему, и в то же мгновение оба они покатались по снегу. Шум неожиданной схватки отвлек внимание стаи от пиршества, но враги уже снова были на ногах. Они стали медленно кружить. Их белые клыки сверкали, шерсть стояла дыбом. Вокруг сражающихся сжималось роковое кольцо зрителей.

Для Казана во всем этом не было ничего нового. Десятки раз он сидел в таком вот кругу, наблюдая за битвой и ожидая ее конца. Сколько раз он сам бился не на жизнь, а на смерть посредине такого круга. Ведь так дрались и ездовые собаки. Если не вмешивался человек с палкой или бичом, эти драки непременно кончались смертью одного, а то и обоих бойцов. Тут человека не было — только кордон клыкастых зверей, готовых броситься и разорвать на куски первого, кто упадет на землю. Казан был чужаком, но не боялся тех, кто его окружал: извечный закон стаи заставит их быть справедливыми.

Казан не спускал глаз с большого бурого вожака, вызвавшего его на бой. Они все еще продолжали кружить. Там, где только что шелкали челюсти, раздиравшие мясо, была теперь мертвая тишина. Изнеженные собаки юга стали бы огрызаться и рычать, но Казан и волк двигались молча, их уши были не прижаты, а стояли торчком, пушистые хвосты висели свободно.

Внезапно волк напал — стремительно, как молния, и челюсти его шелкнули с таким звуком, будто сталь лязгнула о сталь. Он промахнулся всего чуть-чуть. В то же мгновение Казан отскочил в сторону, и зубы его, как ножи, вспороли волку бок.

Они опять стали кружить. Глаза их все больше наливались кровью, губы высоко вздернулись. Теперь прыгнул Казан. Он хотел вцепиться в горло врага, но тоже промахнулся. Промахнулся совсем ненамного, но, как раньше сделал он сам, волк отступил, распоров Казану бок; кровь потекла по его лапам и окрасила снег. Боль дала Казану понять, что противник его опытен и силен. Казан распластался на снегу, вытянув вперед морду, шеей прижавшись к земле. Защитить горло и выжить — такому приему Казан выучился еще щенком.

Волк дважды обошел вокруг Казана, а тот медленно поворачивался, глядя из-под полуопущенных век. Опять волк прыгнул, и Казан мгновенно раскрыл свои страшные челюсти, уверенный, что на этот раз мертвая хватка ему удастся. Но зубы его шелкнули в воздухе: с ловкостью кошки волк перевернулся через голову и встал на ноги.

Казан заворчал по собачьи и одним прыжком настиг волка. Они сошлись грудь с грудью. Всей своей тяжестью Казан навалился на противника, оскалил зубы, опять рванулся к его горлу. Но опять мимо. И, прежде чем Казан успел прийти в себя, волчьи зубы вонзились ему в загривок.

Впервые в жизни Казан испытал весь ужас и всю боль смертельной хватки. Из всех сил он рванул вперед голову и кусанул наугад. Его мощные челюсти сомкнулись на передней лапе волка — у самого плеча. Раздался хруст сломанной кости, треск разрываемого мяса. Круг выжидающих зрителей сжался плотнее. Они насторожились, они знали, что один из бойцов будет побежден прежде, чем разомкнутся челюсти. Вот сейчас кто-то упадет, и это послужит сигналом, чтобы добить обреченного.

Только густая шерсть, толстая кожа на шее и твердость мускулов спасли Казана от страшной участи побежденного. Зубы волка вошли глубоко, но не настолько, чтобы перервать вену. И вдруг Казан, собрав все силы, рванулся и высвободился из-под тела противника. Хватка на его шее ослабла. Еще рывок — и Казан был свободен. Как вихрь налетел он на охромевшего вожака стаи и всем напором и тяжестью своего тела ударил его в бок. Казан знал: если такой удар нанести вовремя, он может оказаться еще губительней, чем хватка за горло. Так и получилось. Бурый вожак, сбитый с ног, всего лишь на одно мгновение опрокинулся на спину, но тут же стая ринулась на него, чтобы отнять жизнь у главаря, потерявшего власть.

Тяжело дыша и обливаясь кровью, Казан вылез из этой серой рычащей массы. Он ослабел, голова его кружилась. Ему очень хотелось лечь в снег. Но безошибочный инстинкт будто предостерегал его: держись! Не выказывай слабости перед своими новыми товарищами.

От стаи отделилась гибкая и красивая серая волчица. Она подошла к Казану и легла перед ним на снегу. Потом проворно поднялась и стала обнюхивать его раны.

Волчица была сильная и молодая, но Казан не удостоил ее взглядом. Он посмотрел на то место, где только что произошла битва, и на то небольшое, что осталось от старого вожака. Стая уже вернулась к прерванному пиршеству, и теперь вновь слышался громкий хруст костей. Казан знал, что отныне все его дикие собратья будут слышать и узнавать его голос, и, если он завоюет на луну и звезды, эти быстроногие охотники большой равнины ответят ему. Казан дважды обошел вокруг лани и пирующей стаи, а затем направился к опушке темного елового леса.

Войдя в тень, Казан оглянулся. Серая Волчица следовала за ним в нескольких шагах. Вот она подошла к нему, немного робко, и тоже обернулась и поглядела на живое шевелящееся пятно там, на льду озера.

Волчица была совсем близко, и Казану почудилось нечто новое в ночном воздухе. Нет, это не был запах крови или аромат пихтовой смолы. От ясных звезд, от луны на безоблачном черном небе нисходила тишина, странная и волнующая. Казан знал, что ночь была бы совсем иной — обычной! — если бы не присутствие Серой Волчицы. Он посмотрел на нее и в ее глазах прочел ожидание и вопрос. Она была очень молода, вероятно только-

только перестала быть щенком. При лунном свете шерсть на ее груди и спине мягко лоснилась и блестела. Серая Волчица заскулила, глядя в красные глаза Казана, он придвинулся к ней и положил голову ей на спину.

А она мягкой своей мордой коснулась раны на шее Казана, и от этого нежного прикосновения, от ее тихого повизгивания Казан вдруг испытал то же чувство, которое вызывали в нем ласка и голос его прежней хозяйки.

Казан повернулся, тихо скуля. Потом оцетинил шерсть и высоко поднял голову, словно бросая вызов лежащему перед ним дикому миру. Бок о бок с Серой Волчицей они вошли в лесную чащу.

Глава V НАПАДЕНИЕ

В ту ночь Казан и Серая Волчица нашли себе приют под густой пихтой. Они легли на непокрытый снегом мягкий ковер хвои, и волчица стала зализывать раны своего нового друга. На рассвете повалил пушистый снег, так густо, что в десяти прыжках уже ничего не было видно. Воздух был теплый, и стояла такая тишина, что, казалось, на всем свете не существовало больше никаких звуков, кроме невнятного шепота падающих снежинок.

Днем Казан и Серая Волчица охотились вместе. Порой Казан поворачивал голову в сторону холмов, откуда он пришел, и Серая Волчица не могла понять, что означают те странные звуки, которые дрожали в его горле.

К концу дня они вернулись на озеро, к месту вчерашнего пиршества. На опушке леса Серая Волчица остановилась. Она не знала еще, что такое отравленные приманки, ямы, капканы, но инстинкт, унаследованный ею от многих поколений предков, говорил ей, что опасно во второй раз подходить к ранее убитой добыче.

Казану же много раз приходилось видеть, как хозяева обрабатывали оставленные волками кости убитых жертв. Он видел, как люди хитро прятали западни, закатывали в жир капсулы со стрихнином. А однажды Казан сам угодил передней лапой в капкан и испытал его мертвую хватку, запомнил режущую боль от стальных челюстей. Казан знал все это, но не боялся. Он звал Волчицу к ледяным торосам, но она упорно держалась в стороне, пока Казан откапывал куски мяса, еще не успевшие замерзнуть под толстым снежным одеялом. Но есть она не стала, и в конце концов Казан тоже сел рядом с ней. Он

смотрел на вырытые им из-под снега остатки, принюхивался, но не чувял никакой опасности. Однако Серая Волчица дала ему понять, что опасности здесь ждать можно. Она еще многому научила Казана за те дни, что они провели вместе.

На третью ночь Казан созвал стаю и сам руководил охотой. Еще трижды за этот месяц, прежде чем луна покинула небо, Казан водил волков на охоту, и каждый раз они настигали какую-нибудь жертву. Но, по мере того как снег становился все более рыхлым, а воздух теплел, Казан все реже вспоминал о стае, все больше привязывался к Серой Волчице. Теперь они охотились вдвоем — главным образом на больших зайцев-беляков. Во всем мире у Казана было всего два любимых существа — его хозяйка, женщина с ласкающими руками, и Серая Волчица.

Казан не покидал большой равнины, но часто водил свою подругу на вершину холмистой гряды. Он пытался объяснить ей, что оставил он там, по ту сторону холмов. Ему казалось, что в темные, безлунные ночи женщина зовет его, и зов этот был так силен, что Казан много раз готов был вернуться назад — вместе с Серой Волчицей.

Но вскоре произошло важное событие. Казан и Серая Волчица переходили по открытой равнине, и неожиданно на холме Казан увидел человека, спускавшегося по склону с собачьей упряжкой. Ветер не успел предупредить о его приближении, и Казан заметил вдруг, что в руках у человека что-то блеснуло. Казан хорошо знал, что это такое: палка, извергающая огонь, гром и смерти!

Казан подал знак Серой Волчице, они понеслись как ветер, не отставая друг от друга. И тут раздался выстрел! Ненависть Казана к человеку вырвалась у него в злобном рычании. Что-то прожужжало над их головами. Позади снова раздался выстрел, и на этот раз Серая Волчица, завизжав от боли, покатилаь по снегу. Но в следующее мгновение она опять была на ногах. Казан следовал сзади. Так бежали они до тех пор, пока не оказались под прикрытием зарослей. Серая Волчица легла и сталализывать рану в плече. Казан посмотрел в сторону холмов: человек шел по их следу. Вот он остановился там, где упала Серая Волчица, и стал разглядывать снег, потом пошел дальше.

Казан заставил Серую Волчицу подняться, и они помчались к густому кустарнику на болоте, неподалеку от озера. Весь этот день они старались держаться против

ветра, а когда Серая Волчица ложилась отдыхать, Казан крался назад по своему следу, настороженно нюхая воздух.

Много дней после этого Серая Волчица хромала.

Однажды они набрали на место старой стоянки. Клыки Казана обнажились, и он зарычал от ненависти к оставшемуся здесь человеческому запаху. В нем родилась жажда мести — расплатиться за себя и за свою подругу! Он пытался обнаружить след человека под покровом свежавывавшего снега, а Серая Волчица беспокойно кружила подле, стараясь увести Казана глубже в лес. Наконец он неохотно последовал за ней. Глаза его светились свирепым красным огнем.

Три дня спустя народилась новая луна, а на пятую ночь Казан вдруг напал на след. След был совсем свежий — такой свежий, что Казан замер, задрожал каждой жилкой, и шерсть его встала дыбом: след человека! На снегу ясно отпечатались полозья саней, собачьи лапы, а рядом тянулись две полосы там, где прошли лыжи врага.

Казан поднял морду к звездам, и из его горла вырвался и прокатился по широкой равнине охотничий зов — дикий и зловещий вой, призывающий стаю. Снова и снова он посылал свой клич, пока не услышал ответный вой — один, другой, третий. Серая Волчица тоже села и присоединила свой голос к зову Казана. А посреди не равнины бледный, с изможденным лицом человек приостановил выбившихся из сил собак и прислушался. С саней донесся слабый голос:

— Волки, отец? Это они, да? За нами гонятся?

Человек не отвечал. Он был уже не молод; лунный свет блестел на его длинной седой бороде, и это придавало какой-то призрачный облик всей его высокой, худой фигуре. С медвежьей шкуры на санях приподнялась молодая женщина. Ее большие темные глаза светились на бледном лице, толстая коса была перекинута через плечо. Женщина что-то крепко прижимала к груди.

— Они идут по чьему-то следу, может быть гонятся за оленем, — сказал старик, озабоченно оглядывая затвор своего ружья. — Не бойся, Джоанна. Вот доберемся до первых кустов, остановимся и поищем сухих веток для костра. А ну-ка, ребятки, веселей! — И он щелкнул бичом над спинами собак.

Из свертка на руках у женщины послышался жалобный плач. А со стороны равнины ему ответил разноголосый вой волчьей стаи.

Наконец-то Казан дождался случая отомстить! Сперва они с Серой Волчицей медленно шли по следам человека, останавливаясь через каждые три-четыре сотни шагов, чтобы вновь послать свой боевой клич. Но вот их догнал один серый зверь и присоединился к ним. Потом еще. Откуда-то сбоку появилось сразу двое, и одинокий вой Казана сменился диким, многоголосым хором стаи. Число волков все росло, а вместе с тем ускорялся и их бег. Четыре... шесть... десять... К тому времени, как стая оказалась в самой открытой, продуваемой ветрами части равнины, она насчитывала уже четырнадцать волков.

Это была сильная стая, состоящая из матерых, бесстрашных охотников. Серая Волчица была среди них самой младшей и старалась держаться поближе к Казану. Ей не видны были его налитые кровью глаза и оскаленные клыки, да она ничего и не поняла бы, даже если б увидела, но ее волновало то непонятное ожесточение, с каким Казан мчался вперед, забыв обо всем, стремясь лишь к одному: напасть и убить!

Стая не издавала ни звука. Слышалось только тяжелое дыхание бегущих и мягкая поступь многих лап. Волки неслись все быстрее, плотной массой. Но Казан шел все время на один прыжок впереди остальных, а морда Серой Волчицы была на уровне его плеча.

Никогда еще Казан не испытывал такого страстного желания убивать. В первый раз в жизни он не чувствовал страха перед человеком, не боялся его дубинки, его бича, даже той палки, которая выбрасывает огонь и смерть. Он все убыстрял бег, стремясь как можно скорее догнать человека и напасть на него. Вся ненависть, накопленная им за четыре года рабства, злость, распаленная человеческой жестокостью, теперь огнем горела в его крови. И, когда он наконец увидел впереди на равнине движущееся пятно, из груди его вырвался звук, непонятный даже для Серой Волчицы.

Перед движущимся пятном, ярдах в трехстах, тянулась узкая полоса леса. На полпути к зарослям, когда стая уже почти настигла его, пятно это вдруг замерло на месте и превратилось в черную неподвижную тень на снегу. Выпрыгнул огненный язычок, которого прежде так боялся Казан, и над головами волков раздалось пронзительное жужжание смертоносной пчелы. Но теперь Казан не обратил на нее внимания. Он резко залаял, стая бросилась вперед, и вот уже четверо волков бегут с ним наравне, плечом к плечу.

Еще одна вспышка — и несущая смерть пчела насквозь пронзила огромного косматого охотника, бежавшего рядом с Серой Волчицей. Третий, четвертый выстрел, пятый — и вот Казан почувствовал, как его словно обожгло: пуля человека задела ему кожу на плече.

Три волка были настигнуты ружейным огнем, но остальные уже начали разворачиваться вправо и влево. Казан же мчался прямо вперед. Верная его подруга неоступно следовала за ним.

Ездовые собаки оказались уже выпряженными, и, прежде чем добраться до человека, который стоял, держа в руках свое ружье за ствол, как дубину, Казану пришлось вступить в борьбу со сворой собак. Он дрался как бешеный, а Серая Волчица действовала своими клыками с силой и свирепостью двух самцов. Два волка провались вперед, и Казан услышал ужасный, сокрушающий удар приклада. Для него это была все та же дубинка! Ему хотелось добраться до нее, хотелось добраться до человека, который держал ее в руках. Вырвавшись из дерущейся кучи собак, Казан прыгнул к саням. Он только теперь заметил, что на санях есть что-то живое. В одно мгновение Казан был уже там и глубоко вонзал свои зубы во что-то мягкое и поросшее волосами; он разжал челюсти, чтобы ухватиться получше, и вдруг услышал голос. Это был ее голос! Казан замер и словно окаменел.

Ее голос! Медвежья шкура отлетела в сторону, и теперь при свете луны и звезд Казан ясно разглядел, что под ней скрывалось. Инстинкт в нем рабстал быстрее, чем мог бы рассудить человеческий мозг. Это была не она, но голос звучал похоже, и Казан понял, что здесь, на санях, он встретил не вражду и смерть, а то самое, что он покинул в мире по ту сторону гряды холмов.

С молниеносной быстротой Казан обернулся. Он укусил Серую Волчицу в бок, и та отскочила, удивленно взвизгнув.

Все события заняли не больше одного мгновения, но человек уже еле держался на ногах, отбиваясь из последних сил. Казан проскочил под прикладом ружья и кинулся навстречу стае. Клыки его врезались, как ножи. Он дрался так, словно силы его удесятились, и Серая Волчица, верная своему Казану, видя, как он сражается со стаей, присоединилась к нему в этой непонятной для нее схватке.

Весь окровавленный, человек с трудом добрался до саней. Он с недоумением, ничего не понимая, смотрел на происходящее.

* * *

Когда все кончилось, Казан и Серая Волчица остались одни на равнине. Стая растворилась в ночном мраке, и те же звезды и луна, которые прежде сообщили Казану о данных ему природой правах, говорили ему теперь, что дикие собратья не станут больше откликаться на его зов.

Казан был весь изранен. Серая Волчица тоже пострадала, хотя и не так, как Казан. Он истекал кровью, одна лапа у него была сильно искусана.

Через некоторое время Казан увидел на опушке леса костер. Прежняя жизнь властно звала его. Ему хотелось приползти туда, почувствовать на своей голове руку женщины, как бывало там, в человеческом мире, по другую сторону гряды холмов. И он бы подошел к костру, взяв с собой Серую Волчицу, но ведь там был мужчина, враг.

Казан заскулил, Серая Волчица уткнулась своей теплой мордой ему в шею. Что-то говорило им обоим, что они теперь отверженные, что равнина, луна, звезды — все теперь против них. И они прокрались под защиту лесного мрака.

Казан был не в состоянии далеко идти. Когда он в изнеможении лег, до него еще доносился запах привала. Серая Волчица легла рядом, плотно к нему прижавшись. Очень осторожно она стала зализывать мягким языком кровоточащие раны своего друга. Подняв голову к звездам, Казан опять тихо заскулил.

Глава VI

КАЗАН ЗНАКОМИТСЯ С ДЖОАННОЙ

На опушке кедрового леса старый Пьер Рэдиссон развел костер. Волчьи клыки оставили на его теле десяток кровоточащих ран, в груди поднималась давнишняя тупая боль, он знал, что она означает. Полено за поленом Пьер наносил дров. Он набросал их в костер столько, что от жара стала потрескивать хвоя соседних деревьев. Поблизости он сложил запас топлива на ночь.

Джоанна следила за ним из саней. В ее глазах еще застыл ужас, она дрожала, крепко прижимая к груди ребенка. Длинные густые волосы, словно темное блестящее покрывало, падали на плечи и руки. Она была уже матерью, но по ее молодому лицу вряд ли кто принял бы ее за взрослую женщину. А в эту страшную ночь она казалась маленькой испуганной девочкой.

Бросив на землю последнюю охапку валежника, Пьер, отец Джоанны, выпрямился, передохнул с трудом, а потом засмеялся.

— Да, милая, еле-еле вывернулись,— проговорил он.— Но надеюсь, нам никогда больше не придется быть так близко к смерти, как там, на равнине. А теперь нам тепло и хорошо, правда? Ты уже не боишься?

Он присел рядом с дочерью и отвернул мягкий мех, в который был закутан ребенок — малютка Джоанна. Глаза Джоанны-матери сияли как звезды.

— Это дочурка спасла нас,— прошептала Джоанна-мать.— Когда волки бросились на тебя, один из них прыгнул сюда к саням. Сначала я приняла его за собаку, но это был настоящий волк. Он вцепился бы мне в горло, если бы не медвежья шкура. И тут девочка заплакала. Он сразу замер, и в тот момент я готова была поклясться, что это не волк, а собака.

— Это и в самом деле была собака,— сказал Пьер и протянул озябшие руки к огню.— Собаки часто убегают от людей и пристают к волчьим стаям. Но что бы ни было, собака всегда останется собакой. Пинки, побои, даже жизнь среди волков не могут изменить ее. Вот этот, например,— он принадлежит к стае, он пришел с остальными, чтобы убивать, но, когда увидел, что здесь люди...

— ...он стал их защищать,— с волнением проговорила молодая женщина.— Да, он защищал нас и был так изранен, что едва уполз отсюда. Отец, а что, если он там умирает...

Пьер Рэдиссон поднялся. Он сильно закашлялся, но изо всех сил старался заглушить кашель, прикрывая рот рукой. Джоанна не увидела, что на губах отца показалось алое пятно. Она не замечала этого и раньше, все те шесть дней, пока они пробирались сюда из цивилизованного мира. А ведь именно из-за своего кашля Пьер так торопился в пути.

— Да, я и сам об этом подумал,— сказал он.— Пес был очень изранен и едва ли смог уйти далеко. Сядь-ка поближе к огню и не отходи никуда, пока я не вернусь.

Он вышел на равнину. На небе ярко светила луна, сверкали звезды. Неподалеку от опушки, там, где час назад их настигли волки, Пьер остановился. Ни одна из четырех собак его упряжки не уцелела. Снег был залит кровью, тут же валялись их окоченевшие трупы. Пьер содрогнулся при виде страшного зрелища. Что, если первую свою бешеную атаку волки обрушили не на собак, а... Что случилось бы тогда с ним, с Джоанной, с ребенком?

Пьер отвернулся и глухо закашлялся — на губах его снова выступила кровь.

Сделав несколько шагов в сторону, он обнаружил на снегу след той странной собаки, которая явилась вместе с волками, а потом, когда Пьеру казалось, что уже нет никакой надежды на спасение, кинулась на своих собратьев. Неясный след был скорее похож на широкую борозду, и Пьер Рэдиссон пошел по ней, ожидая в конце ее найти не живую собаку, а труп.

А Казан в это время лежал, настороженно прислушиваясь, в том защищенном месте у опушки леса, куда приполз после схватки. Сильной боли он уже не испытывал, вот только ноги совсем не держали его. Все тело его было словно парализовано. Серая Волчица лежала рядом и непрерывно нюхала воздух. До них доходил запах привала, а сквозь ветки елей и кедров виднелся отсвет костра. Казан чуял там присутствие двух существ — мужчины и женщины. Ему хотелось подползти поближе к огню, еще раз услышать голос этой женщины, ощутить прикосновение ее руки. Но рядом с ней был мужчина, а значит — дубинка и бич, боль и смерть.

Серая Волчица все теснее прижималась к Казану и тихо скулила, убеждая его бежать с ней глубже в лес. Наконец поняв, что он не в силах двинуться с места, она стала беспокойно кружить по равнине, и на снегу густо отпечатались ее следы. Она первой заметила Пьера Рэдиссона, идущего по их следу, и помчалась опрометью предостеречь Казана.

Казан тоже почуял, а затем при свете звезд увидел приближавшуюся неясную фигуру. Он хотел отползти, но едва смог пошевелиться. Человек подходил все ближе и ближе, и Казан заметил, как в руке его блеснуло ружье. Потом он услышал глухой кашель и скрип шагов на снегу. Серая Волчица лежала рядом, оскалив зубы и дрожа. Когда Пьер подошел шагов на пятьдесят, она отползла поглубже в тень елей.

Клыки Казана угрожающе сверкнули, когда Пьер остановился перед ним. Огромным усилием Казан попытался подняться, но тут же снова упал в снег. А человек прислонил ружье к дереву и без страха наклонился над Казаном. Тот свирепо зарычал и чуть не вцепился в протянутые к нему руки. Но, к удивлению Казана, человек не схватился за ружье или дубинку, а снова, очень осторожно, протянул к нему руку и заговорил. Голос этого мужчины звучал непривычно для Казана, и Казан опять щелкнул зубами и зарычал.

Человек не уходил и все продолжал говорить. Один раз его рука в варежке коснулась головы Казана и успела отдернуться, прежде чем страшные челюсти настигли ее. Снова и снова человек протягивал руку, и трижды Казан почувствовал ее прикосновение, но не заметил в этом прикосновении ни угрозы, ни боли. Наконец Пьер повернулся и пошел назад по своему следу.

Когда Пьер скрылся из глаз и затихло шуршание его шагов, Казан заскулил. Шерсть у него на спине улеглась, он с тоской посмотрел на свет костра. Человек не обидел его, и Казану захотелось последовать за ним.

Серая Волчица вернулась и встала рядом с Казаном. Она стояла прямо, напружив лапы. Еще никогда не видела она человека так близко — если не считать того момента, когда несколько часов назад они нагнали бегущие по равнине сани. Ей трудно было разобраться в происходящем. Инстинкт говорил ей, что человек — опаснейшее существо и его следует остерегаться больше, чем самых сильных лесных зверей, метели, наводнения, мороза и голода. Однако этот человек не причинил зла ее другу. Она обнюхала голову и спину Казана — те места, которых коснулась рука, одетая в рукавицу. Потом Серая Волчица снова спряталась в чаще — она увидела, что с опушки опять движется что-то живое.

Человек возвращался, и вместе с ним шла женщина. Он остановился возле Казана, глаза его смотрели настороженно, но без угрозы.

— Осторожней, Джоанна, — предостерег он.

Джоанна опустила в снег на колени, совсем близко от Казана.

— Пойдем, дружок, пойдем, — проговорила она, и голос ее звучал мягко и ласково.

Она протянула руку. Мускулы Казана дрогнули, он чуть-чуть подвинулся к ней. Глаза этой женщины светились тем же знакомым светом, той же лаской.

— Пойдем,— снова прошептала она, заметив, что он немного сдвинулся с места.

Она протянула руку, дотронулась до его головы.

Пьер стал на колени рядом с дочерью. Он что-то протянул Казану, и тот почувствовал запах мяса. Женщина между тем отошла, уговаривая его следовать за собой. Казан с трудом прополз два шага, и только тут Джоанна заметила его поврежденную лапу. Сразу забыв осторожность, она опустилась в снег совсем рядом с Казаном.

— Он не может идти! — воскликнула она. — Посмотри, отец, какая ужасная рана! Нам придется нести его.

— Я так и полагал,— ответил Рэдиссон. — Для этого я и захватил с собой одеяло... Ого! Ты слышишь?

Из темноты леса донесся негромкий жалобный вой.

Казан поднял голову и тихо заскулил в ответ: Серая Волчица звала его.

Каким-то чудом Пьеру Рэдиссону удалось обернуть Казана одеялом и донести до стоянки, не получив ни царапины, ни укуса. Ему это удалось лишь потому, что в продолжение всего пути Джоанна, держа один конец одеяла, свободной рукой обнимала Казана за косматую шею. Они положили его у костра, и немного спустя старик принес теплой воды, обмыл рану и приложил к ней что-то мягкое, теплое и приятное, а потом перевязал лапу тряпкой.

Все это было новым и необычным для Казана. Руки мужчины гладили его по голове, мужчина принес ему каши из отрубей, уговаривал его поест. А Джоанна сидела рядом, упершись подбородком в ладони, и разговаривала с Казаном.

Потом, когда ему стало уже совсем спокойно и удобно и он перестал бояться, Казан вдруг услышал непонятные звуки, доносящиеся из мехового свертка на санях. Он резко вскинул голову. Джоанна заметила это, быстро повернулась к саним, нагнулась над ними и стала что-то говорить и напевать. Потом взяла сверток на руки и отвернула меховую шкуру так, чтобы Казану было видно, что находится внутри. Маленькое розовое личико повернулось прямо к Казану. Высунулись крохотные кулачки, послышалось какое-то непонятное лопотанье, а потом малютка вдруг подпрыгнула на руках матери, засмеялась, завизжала от восторга. При этих звуках мускулы Казана расслабились, он подполз к ногам молодой женщины.

— Посмотри, ему нравится твоя внучка! — воскликнула Джоанна. — Отец, а как мы его назовем?

— Подумаем об этом завтра, — отозвался отец. — А сейчас ступай в палатку и ложись спать. У нас теперь нет собак, нам придется двигаться очень медленно. Надо будет выйти как можно раньше.

Уже у самой палатки Джоанна обернулась.

— Он пришел к нам с волками, — сказала она. — Давай назовем его Волк!.. Волк! Волк! — позвала она ласково.

Казан понял, что она обращается к нему, и подполз к ней еще на шаг ближе.

После того как дочь ушла в палатку, старый Пьер долго сидел на краешке саней, глядя в огонь. Казан лежал у его ног. Внезапно тишину вновь нарушил одинокий вой Серой Волчицы. Казан приподнял голову и заскулил.

— Она зовет тебя, друг, — сочувственно произнес Пьер.

И закашлялся, опять схватился рукой за грудь.

— Застудил легкое, — проговорил он, обращаясь к Казану. — Да, еще в начале зимы, у Фон-дю-Лака. Только бы мне детишек довести до дому.

В безлюдной и дикой северной глуши люди часто привыкают говорить вслух сами с собой. А Казан наострил уши и смотрел внимательно — поэтому Пьер и обращался к нему, как к собеседнику.

— Надо доставить их домой, а кто, кроме нас с тобой, может это сделать? — сказал он, комкая рукой бороду.

Вдруг кулаки его сжались. Глухой, мучительный кашель снова потряс тело старого человека.

— Домой, — проговорил он задыхаясь. — А до дома еще целых восемьдесят миль. Только бы успеть, только бы дойти, прежде чем мои легкие совсем откажут!

Он встал, пошатываясь, подошел к Казану. На Казане был надет ошейник, и Пьер привязал собаку к саням. Потом подложил в костер несколько небольших поленьев и тихо вошел в палатку, где уже спала Джоанна с ребенком.

Несколько раз в эту ночь Казан слышал вдалеке голос Серой Волчицы — она звала своего исчезнувшего друга. Но Казан не откликался. Только перед рассветом, когда Серая Волчица подошла совсем близко к стоянке, он в первый раз ответил ей.

Его вой разбудил Пьера. Старик вышел из палатки, поглядел на небо, потом разжег костер и стал готовить

завтрак. Он похлопал Казана по голове, дал ему кусок мяса. Скоро вышла и Джоанна, оставив спящую девочку в палатке. Она подбежала к отцу, поцеловала его, потом опустилась на колени перед Казаном и стала говорить с ним, будто со своим ребенком. Когда она вновь вскочила, чтобы помочь отцу, Казан последовал за ней, и Джоанна радостно засмеялась, увидев, что он твердо стоит на ногах.

Необычным было в тот день их продвижение на север. Пьер Рэдиссон сбросил с саней все, кроме палатки, одеял, провизии и мехового гнездышка маленькой Джоанны. Он сам впрягся в сани и потащил их по снегу. Кашель его раздавался непрерывно.

— Я всю зиму так кашляю,— солгал он, стараясь, чтобы Джоанна не заметила следов крови у него на губах.— Вот доберемся до места, тогда просижу дома целую неделю!

Казан, привязанный на цепи, следовал за санями. Каждый раз, когда сани останавливались, он обнюхивал крохотное существо, завернутое в медвежью шкуру. И каждый раз Джоанна тут же оказывалась рядом с ним. Дважды она похлопала его по лохматой, покрытой шрамами голове, и сердце Казана бешено прыгало от восторга, которого он, однако, внешне не выказывал.

Казан понял в тот день, что маленькое существо на санях совершенно беспомощно и очень дорого женщине, которая гладила его, Казана, по голове. И еще он заметил, что, обращая внимание на это маленькое, теплое живое существо, завернутое в медвежью шкуру, он доставляет большую радость Джоанне: ее голос звучит тогда еще нежнее и ласковее.

Вечером, разбив лагерь, Пьер Рэдиссон опять долго сидел у костра. Он не курил. Он неотрывно смотрел на огонь. Потом наконец встал, чтобы идти в палатку, где спали Джоанна и ребенок, но прежде наклонился над Казаном и внимательно осмотрел его рану.

— Завтра придется и тебе тянуть сани, дружок,— сказал он.— К завтрашнему вечеру надо во что бы то ни стало добраться до реки. Если не удастся...

Он не закончил. Его опять стал мучить кашель, который он изо всех сил старался заглушить. Взгляд Казана внимательно и настороженно следил за Пьером, когда тот входил в палатку.

Трижды за эту ночь Казан слышал из глубины леса зов преданной Серой Волчицы и каждый раз отвечал ей.

К рассвету она подошла к стоянке. Казан почувал ее совсем близко и стал рваться с цепи и завыл, надеясь, что она подойдет к нему. Но из палатки донесся шорох — Рэдиссон пошевелился во сне, — и Серая Волчица скрылась.

Наутро лицо старика еще больше осунулось, глаза покраснели. Но кашель, уже не такой громкий и раздражающий, был похож на свист или хрип, будто в груди у него что-то сломалось. Пока Джоанна не выходила из палатки, Пьер часто хватался руками за горло.

Джоанна побледнела, когда заметила, как выглядит отец. Беспокойство в ее глазах сменилось страхом. Она бросилась к отцу на шею, а он рассмеялся и успокоил ее:

— Я сегодня совсем не так сильно кашляю. Уже проходит. Разве ты не знаешь, милая, — от кашля всегда слабеешь и глаза краснеют.

Совсем рассвело. День наступал холодный, мрачный, темный. До ночи Казан вместе со стариком тащил сани, а Джоанна шла сзади по колее. Рана больше не беспокоила Казана, он тянул со всей своей прежней силой. Старик ни разу не подстегнул его, а лишь похлопывал рукой по голове и спине. Становилось все темнее, в верхушках деревьев уже начинала завывать метель.

Темнота и надвигающаяся метель не заставили Пьера разбить лагерь.

— Мы должны добраться до реки, — повторял он снова и снова. — Мы должны добраться до реки... Должны добраться...

И он все подгонял Казана, но его собственные силы уже иссякали.

Когда в полдень Пьер сделал привал и развел огонь, повалил снег. Он падал сплошной белой лавиной, и на расстоянии пятидесяти шагов не было видно стволов деревьев. Пьер посмеивался, глядя, как Джоанна ежится и прижимается к нему вместе с ребенком. Они отдыхали только час, а потом Пьер снова запряг Казана и снова обвязал постромки вокруг своих плеч. Кругом царил безмолвный сумрак, почти как ночью. Пьер шел с компасом в руке, и наконец, уже к вечеру, они вышли к просвету в лесной чаще. Перед ними расстилалась равнина, и Пьер радостно указал на нее рукой.

— Река там, Джоанна, — проговорил он слабым, хриплым голосом. — Теперь можем сделать привал и переждать, пока уляжется метель.

Под густыми ветвями елок он установил палатку и принялся собирать хворост. Джоанна помогала отцу. Как только они напились кофе и поужинали мясом и поджаренным хлебом, Джоанна вошла в палатку. Без сил упала она на свою мягкую постель из ветвей пихты, завернувшись вместе с девочкой в шкуры и одеяла. Сегодня она совсем не разговаривала с Казаном. А Пьер был рад, что она слишком утомилась и не осталась посидеть и поговорить у костра. И все же...

Внимательные глаза Казана заметили, как Пьер неожиданно вздрогнул. Потом встал с саней, подошел к палатке. Приподняв входной полог, он просунул внутрь голову и спросил:

— Ты спишь, Джоанна?

— Засыпаю, отец. Приходи и ты поскорее.

— Вот только докурю. Удобно тебе?

— Да. Я так устала! И спать очень хочется.

Пьер тихо засмеялся. Он держался руками за горло:

— Мы уже почти дома, Джоанна. Ты узнаешь нашу реку, Литл-Бивер? Если б даже мне пришлось оставить тебя сегодня одну, ты все равно смогла бы добраться до нашей хижины. Осталось всего сорок миль. Ты меня слышишь, Джоанна?

— Да, да, я знаю...

— Сорок миль, прямо вниз по реке. Тут не заблудишься. Надо только остерегаться полыньи.

— Отчего ты не идешь спать, отец? Ты же устал и совсем болен.

— Сейчас, только докурю, — снова сказал Пьер. — Джоанна, ты напомнишь мне завтра про полыньи? А то я могу забыть. Их легко различить, потому что снег и наст над ними белее и они пористые, напоминают губку. Не забудь... про полыньи...

— Хорошо...

Пьер, пошатываясь, вернулся к костру.

— Спокойной ночи, дружок, — сказал он Казану. — Пожалуй, пойду спать к моим малышам. Еще два дня... Сорок миль... Два дня...

Казан наблюдал за ним. Из всех сил он потянул цепь, и ошейник так сжал ему горло, что у него перехватило дыхание. Лапы и спина его подрагивали. В палатке, куда вошел Рэдиссон, спали Джоанна и ее ребенок. Казан знал, что Пьер не обидит их, но он предпочитал, чтобы старик оставался здесь, у костра, чтобы можно было лежать и следить за ним глазами.

В палатке было совсем тихо. Ближе, чем обычно, раздался зов Серой Волчицы. С каждой ночью она начинала выть все раньше и подходила все ближе к стоянке. Казану очень хотелось, чтобы она была рядом с ним в эту ночь, но он даже не заскулил в ответ. Он не смел нарушить странную тишину, царившую в лагере. Он долго лежал неподвижно, разбитый и усталый после дневного пути, но заснуть не мог. Пламя костра почти погасло, ветер в верхушках деревьев затих. Густые серые тучи стали уползать куда-то вдаль, будто с неба стягивали тяжелое покрывало. Опять засияли белым металлическим светом звезды. Мороз быстро крепчал.

В ту ночь Серая Волчица не долго искала стоянку. Как безмолвная тень, она шла по следу Пьера Рэдиссона. Казан вновь услышал ее голос уже далеко за полночь. Он настороженно поднял голову. Тело его было неподвижно, только мускулы странно вздрагивали. В голосе Серой Волчицы слышалась новая жалобная нота — нечто большее, чем простой зов; она извещала! И тогда Казан, одолеваемый страхом и одиночеством, поднял голову прямо к небу и завыл, как воют свирепые северные собаки у палаток своих только что умерших хозяев.

Пьер Рэдиссон был мертв.

Глава VII

СКВОЗЬ ПУРГУ

Рассвело, когда ребенок проснулся и своим голодным плачем разбудил мать. Она открыла глаза, откинула с лица волосы и увидела неясный силуэт отца в другом углу палатки. Он лежал очень тихо, и Джоанна порадовалась тому, что он еще спит — накануне отец сильно переутомился. Она еще с полчаса пролежала, шепотом разговаривая с маленькой Джоанной, потом осторожно поднялась, укутала дочку в одеяла и шкуры, оделась потеплее и вышла из палатки.

Было уже совсем светло, и Джоанна облегченно вздохнула, увидев, что метель утихла. Но холод стоял ужасный. Джоанне казалось, что никогда в жизни ей не приходилось бывать на таком морозе. Костер совсем потух. Казан лежал, свернувшись клубком и запрятав нос в собственную шерсть. При появлении Джоанны он поднялся, зябко встряхиваясь. Ногой, обутой в меховой са-

пожок, Джоанна разгребла пепел и угли, но в костре не оставалось ни одной искры. Прежде чем вернуться в палатку, она остановилась на мгновение около Казана и погладила его лохматую голову.

— Бедный Волк! — сказала она. — Надо было накрыть тебя на ночь медвежьей шкурой.

Она вошла в палатку. Тут она в первый раз при свете увидела лицо отца, и Казан вдруг услышал страшный, душераздирающий вопль. Джоанна упала отцу на грудь, сотрясаясь в безмолвных рыданиях, — даже чуткий слух Казана не мог уловить ни звука.

Внезапно до ее сознания дошли слова, сказанные отцом накануне вечером: о реке, о полыньях, о сорока милях, отделяющих их от дома. «Тут не заблудишься», — говорил он. Значит, он знал заранее!

Джоанна вернулась к затухшему костру. Сейчас ее занимала только одна мысль — надо разжечь огонь. Она собрала немного березовой коры, сверху положила несколько головешек и пошла в палатку за спичками: Пьер Рэдиссон всегда носил их в непромокаемой коробочке в кармане своей меховой куртки. Рыдая, Джоанна снова опустилась на колени перед телом отца.

Когда пламя разгорелось, она добавила еще дров — из тех, что собрал накануне отец. Огонь придал ей бодрости. Сорок миль по реке — и они дома! Ей предстоит преодолеть это расстояние вместе с дочкой и Волком. Она повернулась к нему и назвала по имени, положила ему руку на голову, повторяя: «Волк! Волк!» Потом дала ему кусок мяса, отогрев его сначала над костром, и растопила снег для чая. Голода она не испытывала, но, вспомнив, как отец заставлял ее есть по четыре, а то и по пяти раз в день, с трудом съела сухарь, кусок мяса и выпила горячего чая.

И вот наступила та ужасная минута, которой Джоанна так боялась. Она плотно обернула тело отца одеялами, перевязала веревкой. Потом погрузила на сани все оставшиеся одеяла и шкуры и поглубже уложила в них маленькую Джоанну. Свернуть палатку стоило ей огромного труда. Промерзшие веревки не гнулись, и, когда наконец Джоанна все же справилась с этой задачей, одна рука у нее была вся в ссадинах и кровоточила. Положив палатку на сани, молодая женщина обернулась.

Пьер Рэдиссон лежал на своей постели из ветвей пихты, а над ним не было ничего, кроме серого неба и верхушек елей. Казан стоял неподвижно, приняхиваясь.

Шерсть на спине его вздыбилась, когда он увидел, что Джоанна стала на колени перед завернутым в одеяла телом. Когда она снова подошла к Казану, лицо ее было бледно и будто застыло. Она окинула взглядом тундру — в ее глазах мелькнуло что-то чужое, пугающее.

Джоанна впрягла Казана и обернула вокруг своей тонкой талии постромки, как это делал отец. Они держали путь к реке, с трудом продвигаясь в глубоком, выпавшем накануне снегу. На полпути Джоанна оступилась и упала в сугроб. Одним рывком Казан был уже рядом с ней и дотронулся холодным носом до ее лица. На мгновение Джоанна сжала ладонями его косматую голову.

— О Волк, Волк! — только и сказала она.

Она продолжала путь, но видно было, что уже этот первый небольшой переход истощил ее силы. На льду снег был не так глубок, но зато ветер усилился и дул с северо-востока, прямо в лицо. Джоанна шла, низко опустив голову, и тянула сани в паре с Казаном. Пройдя полмили, она остановилась и в отчаянии заплакала. Целых сорок миль! Джоанна прижала руки к груди и, тяжело дыша, повернулась спиной к ветру. Ребенок спокойно спал. Она подошла к саням, заглянула под медвежью шкуру. Вид спящего ребенка придал ей силы, и она потащила сани дальше. Дважды на протяжении четверти мили она проваливалась в сугроб.

Они шли вниз по реке. Когда на пути встретился участок непокрытого снегом льда, Казан тянул сани один. Джоанна шла рядом; грудь щемило, лицо, казалось, колют тысячи мелких иголок. Она вдруг вспомнила про термометр; он показывал тридцать градусов ниже нуля. И сорок миль пути! Но ведь отец говорил, что она вполне сумеет пройти их и не заблудится, что она сможет добраться до дома одна. Джоанна не подозревала, что даже отец побоялся бы идти на север в такой мороз. К тому же ветер выл и стонал все свирепее, предвещая близкую пургу.

Лес теперь остался далеко позади, невидимый в сером сумраке ненастного дня. А впереди ничего, кроме беспощадной тундры. Будь рядом хотя бы деревья, сердце Джоанны не замирало бы от ужаса. Но кругом — только серая призрачная мгла: горизонт приблизился, как будто на расстоянии мили небо совсем слилось с землей.

Снег под ногами опять стал глубже. Джоанна все время высматривала предательские полыньи, о которых

предостерегал отец, но вкоре поняла, что весь снег выглядит для нее одинаково. Да и смотреть было трудно — от стужи болели глаза.

Река расширилась, проходя через небольшое озеро, и тут ветер ударил с такой силой, что Джоанна еле передвигала ноги. Казану пришлось одному тащить сани. Теперь даже неглубокий сугроб был для женщины трудным препятствием. Она начала отставать. Казан медленно продвигался вперед, напрягая все свои силы. К тому времени, как они снова вошли в русло реки, Джоанна плелась позади саней по следу, проложенному Казаном. Она уже не могла тянуть вместе с ним. Ноги ее все больше и больше наливались свинцовой тяжестью. У нее была лишь одна надежда — дойти до леса, успеть дойти до леса. Если они не доберутся до леса в ближайшие полчаса, она не сможет идти дальше. Только мысль о ребенке заставляла ее двигаться вперед. Она упала в сугроб. Казан и сани представлялись ей темными туманными пятнами. И вдруг до ее сознания дошло, что они уходят. Они были всего в двадцати шагах, но Джоанне почудилось, что они уже очень-очень далеко.

Казалось, прошло бесконечно много времени, прежде чем она снова поравнялась с санями. Пройдя еще несколько шагов, Джоанна со стоном упала на них. Больше она уже не испытывала тревоги. Зарывшись лицом в мех, в который был завернут ребенок, она вдруг почувствовала, что ей стало тепло, по-домашнему тепло и уютно. Потом все как будто пропало, все окутала глубокая ночь.

Казан остановился. Потом подошел к саням и сел подле Джоанны, ожидая, когда она пошевелится и заговорит. Но она лежала неподвижно. Казан сунул нос в ее распущенные волосы и заскулил. И вдруг он поднял голову, стал принюхиваться к ветру. Этот ветер принес ему знакомый запах. Казан стал толкать носом Джоанну, но она не шевелилась. Тогда он пошел вперед, встал перед санями, готовый тянуть, и оглянулся на Джоанну. Но она по-прежнему не двигалась и молчала. Теперь Казан уже не скулил, а громко, взволнованно залаял.

Запах, который принес с собой ветер, стал на мгновение сильнее, и Казан дернул постромки. Полозья примерзли к снегу, ему пришлось налечь изо всех сил, чтобы сдвинуть сани с места. Потом Казан еще дважды оставался и нюхал воздух. В третий раз большой снежный сугроб преградил ему дорогу. Казан снова вернулся к Джоанне и заскулил, пытаясь разбудить ее. Потом

опять потащил сани и шаг за шагом перетянул их через сугроб. Началась полоса чистого льда, и Казану удалось немного отдохнуть. Ветер на минуту стих, но запах доносился сильнее, чем раньше.

В конце полосы чистого льда на берегу показался просвет в том месте, где в основное русло впадал ручеек. Будь Джоанна в сознании, она заставила бы Казана идти прямо вперед. Но теперь Казан повернул к ручью и в течение десяти минут без устали пробивался через снег, все чаще и чаще скуля, пока вдруг радостно не залаял. Впереди, у самого берега, стояла небольшая хижина, из ее трубы шел дым. Этот запах ветер и донес до Казана. К дверям хижины вел крутой подъем; Казан из последних сил дотянул свой груз наверх. Потом сел около саней, запрокинул косматую голову к небу и завыл.

Дверь отворилась, из хижины вышел мужчина. Красные, воспаленные глаза собаки внимательно следили за ним, пока он бежал к саням. Вот он склонился над Джоанной, испуганно вскрикнул... Ветер затих, и из груди меха раздался приглушенный плач малютки.

Казан был совсем измучен, силы его иссякли. Лапы были изранены и кровоточили. Он лег в упряжке. А мужчина отнес Джоанну и ребенка в теплую, обжитую хижину.

Несколько минут спустя он снова вышел. Подошел к Казану и взглянул на него.

— Подумать только,— сказал он,— справился с этим совсем один!

Без малейшего страха он наклонился к Казану, выпряг его и повел к двери хижины. Казан только на одно мгновение заколебался, прежде чем переступить порог. Ему вдруг показалось, что сквозь стоны и завывания пурги донесся зов Серой Волчицы.

Потом дверь хижины закрылась за Казаном. Он лег в темном углу, а мужчина стал что-то варить на горячей печке. Прошло немало времени, прежде чем Джоанна поднялась с кровати, куда мужчина уложил ее. Потом хозяин хижины заставил Джоанну поесть, и некоторое время они разговаривали. После этого человек завесил большим одеялом кровать, на которую снова легла молодая женщина, а сам сел возле печки. Казан бесшумно пробрался вдоль стены и заполз под кровать. Долго еще он слышал всхлипывания Джоанны. Затем все стихло.

На следующее утро, когда мужчина открыл дверь, Казан выскользнул из хижины и помчался в лес. На рас-

стоянии полумили он напал на след Серой Волчицы и позвал ее. С замерзшей реки донесся ответ, и Казан побежал на голос подруги.

Тщетно пыталась Серая Волчица увлечь Казана в их прежние места, подальше от жилья и запаха людей. В то же утро Казан видел, как мужчина запряг своих собак, усадил в сани Джоанну с ребенком и закутал их в мех, как это раньше делал Пьер. Казан весь день наблюдал за ними с лесной опушки, а потом шел по следам упряжки; Серая Волчица кралась позади него. Они так и шли до самой темноты, и, даже когда на проясневшем после пурги небе зажглись звезды и взошла луна, человек все продолжал погонять собак. Уже совсем поздно ночью они добрались до другой хижины, и человек постучался. Вспыхнул свет, открылась дверь, слышались радостные возгласы. Казан наблюдал, спрятавшись в тени, потом вернулся к Серой Волчице.

А на третий день Джоанне удалось заманить Казана в хижину. Это было в тот день, когда муж ее вернулся с замерзшим телом Пьера Рэдиссона. Молодой человек первый увидел буквы на ошейнике Казана, и с тех пор они с Джоанной стали звать его по имени. Казан понимал, что этот мужчина дорог для Джоанны, и потому терпеливо сносил его присутствие.

В полумиле от хижины, на вершине большой скалы, которую индейцы называли Скалой Солнца, Казан и Серая Волчица нашли себе пристанище. Отсюда они уходили охотиться на равнину. Часто к ним наверх долетал голос женщины:

— Казан! Казан! Казан!..

И много раз в течение долгой зимы Казан то убегал к хижине, то возвращался к Серой Волчице.

Потом пришла весна, а с ней — великие перемены.

Г л а в а VIII

ВЕЛИКИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Скалы, холмы и долины утратили свой жесткий зимний блеск, почки на тополях готовы были вот-вот лопнуть. Аромат пихты и ели становился с каждым днем все острее, повсюду — на равнине и в лесах — запели весенние потоки, прокладывая себе путь к Гудзонову заливу. А на самом заливе уже трескали и ломались ледяные по-

ля. Лед с грохотом проталкивался через Роз Уэлкем — эти ворота Арктики, — и поэтому с апрельским ветром долетало иной раз холодное дыхание зимы.

Скала укрывала Казана от ветра — в этот солнечный уголок не долетало ни дуновения. Ему еще никогда не бывало так хорошо, как теперь. Он спал и видел сны.

Серая Волчица лежала рядом, распластавшись на животе и вытянув передние лапы. Ноздри и уши у нее были настороже, потому что в теплом весеннем воздухе, кроме запаха пихт и елей, чувствовался еще человеческий запах. Она с беспокойством поглядывала на спящего Казана. На ее серой спине шерсть вставала дыбом, когда она видела, как щетинится шерсть на спине Казана. Она принималась тихо скулить, когда у него вздергивалась верхняя губа и он рычал, обнажая длинные белые клыки. Но чаще Казан лежал спокойно, только подрагивали мускулы лап и морды, а это всегда означает, что собака видит сон.

Но вот где-то в долине из дверей хижины вышла карглазая женщина с темной косой, перекинутой через плечо, и позвала, приложив ладони ко рту:

— Казан! Казан!

Голос этот слабо донесся до Скалы Солнца, и Серая Волчица прижала уши. Казан зашевелился, еще через мгновение проснулся и вскочил на ноги. Он подбежал к выступу скалы, нюхая воздух и вглядываясь в расстилающуюся перед ним равнину.

Оттуда снова долетел голос женщины, и Казан шагнул к самому краю скалы, тихо повизгивая. Серая Волчица неслышно подошла сзади и положила морду ему на спину. Она уже хорошо знала, что означает этот голос. Страх перед этим голосом не оставлял ее ни днем, ни ночью. Она боялась его больше, чем человеческого запаха. С тех пор как она покинула стаю и изменила своей прежней жизни ради Казана, этот голос стал для Серой Волчицы злейшим врагом. Она ненавидела его. Он отнимал у нее Казана. Казан повиновался этому голосу, куда бы тот ни звал.

Ночь за ночью голос выкрадывал ее друга, и Серой Волчице приходилось одной бродить под луной и звездами. Она оставалась верна своему одиночеству и ни разу не откликнулась на охотничьи призывы своих диких братьев и сестер. Заслышав этот голос, она рычала, а иной раз слегка кусала Казана, чтобы выказать ему свое недовольство. Но в этот вечер, когда голос послышался в

третий раз, она скользнула в темную расселину между двумя скалами, и Казану видны были только ее горящие глаза.

Казан беспокойно забегал по тропке, проложенной ими к вершине Скалы Солнца, потом остановился в нерешительности. Вот уже два дня что-то беспокоило и волновало его. Это что-то, казалось, было в воздухе, потому что Казан не видел, не слышал и не чуял его — только угадывал. Казан подошел к расселине и обнюхал Серую Волчицу. Обычно в таких случаях она ласково повизгивала, но сегодня в ответ лишь сердито огрызнулась.

В четвертый раз слабо донесся голос, и Серая Волчица свирепо зарычала из темноты своего убежища. Казан подошел к тропе, все еще колеблясь. Потом начал спускаться. Тропа была узкая, извилистая; протоптать ее могли только когтистые лапы, потому что огромная Скала Солнца поднималась почти отвесно на сотню футов над верхушками елей и пихт. Ее голая вершина ловила первые лучи солнца утром и последние его отсветы вечером. Серая Волчица привела сюда Казана, и здесь они нашли себе безопасное убежище.

Очутившись внизу, Казан больше не колебался. Он стремглав мчался к хижине. Инстинкт дикого зверя каждый раз заставлял его приближаться к хижине с осторожностью. Подходил он всегда неожиданно, беззвучно. И на этот раз Джоанна вздрогнула от испуга, когда, подняв глаза от ребенка, вдруг увидела в дверях косматую голову и плечи Казана. Ребенок в восторге запрыгал и, весело лопоча, протянул к Казану ручонки. Джоанна тоже протянула руку.

— Казан! — произнесла она ласково. — Входи, Казан.

Постепенно дикий красный огонек в глазах Казана смягчился. Он поставил на порог лапу и замер, а женщина снова стала уговаривать его войти. Вдруг ноги его, казалось, сами собой подогнулись, и, поджав хвост, Казан пополз, как ползают собаки, чующие за собой вину. Его любимые существа находились в хижине, но самую хижину он ненавидел. Он ненавидел все хижины, потому что от них веяло дубинкой, бичом, рабством. Как все ездовые собаки, Казан предпочитал снег в качестве постели и ветви елей вместо крыши.

Джоанна погладила Казана; это прикосновение пронизало его необъяснимой радостью, вознаграждая за разлуку с Серой Волчицей, за утрату свободы. Казан стал медленно поднимать голову, пока нос его не коснулся ко-

лен молодой женщины. Тогда он закрыл глаза, а удивительное маленькое существо, такое таинственное для Казана, толкало его своими крохотными ножками и дергало за густую шерсть. Эти детские приставания нравились Казану не меньше, чем прикосновение руки хозяйки.

Казан стоял неподвижно, едва дыша, ни одним мускулом не выдавая своих чувств. Именно это внешнее спокойствие не раз побуждало мужа Джоанны предостерегать ее. Но волчья натура Казана, его кажущаяся отчужденность, даже дружба с Серой Волчицей заставляли Джоанну еще больше его любить. Она понимала его и верила ему.

А в один из последних зимних дней Казан продемонстрировал всем, на что он способен. Сосед, траппер¹, подъехал к хижине со своей упряжкой, и маленькая Джоанна пошла, ковыляя, к огромной лайке. Послышалось свирепое шелканье челюстей, ужасный вопль матери, крики мужчин, кинувшихся к собакам. Но Казан опередил всех. Серый зверь пролетел со скоростью пули и вцепился в горло лайки. Когда его оттащили, та была мертва.

Джоанна вспомнила об этом теперь, глядя, как малютка играет с Казаном и ерошит шерсть на его голове

— Милый наш Казан,— тихо произнесла она, низко наклонив к нему лицо.— Мы так рады, что ты пришел! Сегодня ночью мы остаемся одни — я и маленькая. Наш отец уехал в форт, и тебе придется караулить нас, пока его нет.

Она пощекотала нос Казана кончиком своей длинной блестящей косы. Это всегда приводило в восторг девочку, потому что, несмотря на свою выдержку, Казан начинал фыркать, а иногда даже чихать и потряхивать ушами. Но сам он тоже был доволен. Ему нравился запах этих волос.

— И ты будешь защищать нас, если понадобится, правда? — продолжала она. Потом тихо поднялась.— Придется запереть дверь,— сказала она.— Я не хочу, чтобы ты ушел сегодня, Казан. Тебе надо остаться с нами.

Казан побрел в свой угол и лег. И здесь, в доме человека, что-то непонятное будоражило его сегодня. Он принюхивался, пытаясь понять, в чем дело. В самой хозяйке он чувствовал перемену. Женщина ходила по хижине, собирала какие-то вещи и упаковывала их в свер-

¹ Траппер — охотник на пушного зверя в Северной Америке, применяющий чаще всего западни.

ки. Совсем поздно вечером Джоанна снова подошла к Казану и положила руку ему на голову.

— Мы уезжаем,— прошептала она, и в голосе ее слышалась дрожь, почти слезы.— Мы уезжаем домой, Казан, туда, где живут его родные, где города, музыка и все прелести цивилизованного мира. И мы возьмем тебя с собой, Казан.

Казан не понимал слов, но он был счастлив, что хозяйка находится так близко и говорит с ним. В такие минуты он забывал Серую Волчицу. То, что было в нем от собаки, брало верх над волком; эта женщина и ребенок заполняли весь его мир. Но, после того как Джоанна легла спать и все в хижине затихло, он почувствовал прежнее беспокойство. Он встал и украдкой прошелся по комнате, обнюхивая стены, дверь и упакованные хозяйкой вещи. Он тихо заскулил. Джоанна сквозь сон услышала его и пробормотала:

— Тише, Казан. Иди спать... иди спать...

Долго еще после этого Казан стоял, прислушиваясь и вздрагивая. И вдруг он услышал еле различимый издали вой Серой Волчицы. Это был призыв, но в нем не чувствовалось тоски или одиночества, в нем звучало что-то новое. Казан задрожал, кинулся к двери и заскулил. Джоанна крепко спала и ничего не слыхала. Еще раз донесся до Казана этот призыв, всего один раз. Потом — только ночная тишь. Казан лег, примостившись у самого порога.

Здесь и нашла его рано утром Джоанна. Казан лежал, настороженно прислушиваясь. Она подошла, открыла дверь, и в то же мгновение он выскочил и исчез. Лапы его едва касались земли, когда он мчался к Скале Солнца. В противоположном конце долины ему уже видна была вершина, озаренная золотым сиянием.

Он добежал наконец до узкой, извилистой тропы и стал быстро подниматься.

Серая Волчица не приветствовала его на вершине. Но он чуял ее, и вместе с ее запахом до него долетел запах какого-то другого существа. Мускулы Казана напряглись, лапы выпрямились. В горле стал расти низкий, угрожающий рокот. Теперь он знал: то неведомое, что преследовало и беспокоило его накануне, было живым существом. Оно вторглось в его жилище, которое они с Серой Волчицей облюбовали себе. Казан обнажил свои длинные клыки, с рычанием вздернул губы. Готовый к прыжку, вытянув вперед шею и голову, он осторожно под-

крался к двум скалам, между которыми вчера спряталась Серая Волчица. Она все еще была там, но — не одна!

В следующее мгновение Казан расслабил мускулы. Шерсть на спине улеглась. Он наострил уши, просунул голову и плечи между двумя скалами и тихо заскулил. И Серая Волчица заскулила в ответ. Медленно Казан попятился, выбрался наружу и повернулся к восходящему солнцу. Потом лег, телом своим загородив вход в логово между двумя скалами.

У Серой Волчицы родились детеныши.

Глава IX

ТРАГЕДИЯ НА СКАЛЕ СОЛНЦА

Весь тот день Казан караулил на вершине Скалы Солнца. Теперь инстинкт говорил ему, что его долг — быть здесь. И тяга к хижине была уже не так сильна. В сумерки Серая Волчица вышла из своего убежища. Она подошла к Казану, тихонько повизгивая, и слегка укусила его за шею. Древний инстинкт предков подсказал ему, как нужно ответить: он ласково лизнул ее в морду. Серая Волчица раскрыла пасть и словно засмеялась, дыша коротко и отрывисто, как дышат после быстрого бега. Она была счастлива. Когда слышалось тихое посапывание там, между скалами, Казан завилял хвостом, а Серая Волчица бросилась назад, к своим детенышам.

Писк детенышей и то, как реагировала на это Серая Волчица, преподали Казану первый урок отцовства. Он понял, что его подруга не сможет теперь охотиться с ним вместе, что ей нужно оставаться на вершине Скалы Солнца. Когда взошла луна, он спустился один в долину и к рассвету вернулся, держа в зубах большого зайца. Серая Волчица ела жадно. И опять Казан понял, что отныне он должен каждую ночь приносить добычу своей подруге и тем маленьким визгливым существам, которые прятались в расселине между скалами.

В последующие дни Казан не подходил к хижине, хотя не раз слышал, как мужчина и женщина звали его. Но на пятый день он спустился к ним. Джоанна и ее дочка так обрадовались, что молодая женщина даже обняла его, а девочка прыгала, смеялась и радостно кричала. Мужчина же стоял рядом настороже, глядя на их бурный восторг не очень одобрительно.

— Я боюсь его,— повторил он Джоанне уже, наверное, в сотый раз.— Глаза у него горят совсем по-волчьи. Это коварная порода. Я иногда даже жалею, что мы впустили его тогда в дом.

— А если бы мы этого не сделали, что стало бы с нашим ребенком? — напомнила ему Джоанна.

— Да, конечно, я не забыл,— проговорил ее муж.— Знаешь, Казан, старина, ведь и я тоже тебя люблю.— И он ласково погладил Казана по голове.— Интересно, как ему понравится там, на новом месте. Он ведь привык к лесам. Ему все покажется очень странным.

— И я... тоже... привыкла к лесам,— прошептала Джоанна.— Может быть, поэтому я так люблю Казана — больше всех после тебя и маленькой. Казан, милый мой Казан...

В этот раз Казан еще острее почувствовал таинственную перемену в хижине. Хозяева непрерывно обсуждали свои планы, а когда муж выходил, Джоанна разговаривала с ребенком или с Казаном.

Навещая на следующей неделе хижину, Казан с каждым разом становился все беспокойнее, и однажды муж Джоанны заметил происшедшую в нем перемену.

— Мне кажется, он знает, что мы уезжаем,— сказал он Джоанне как-то вечером. А потом добавил: — Сегодня река поднялась еще выше. С отъездом придется подождать неделю, а то и больше.

В эту ночь, когда луна залила вершину Скалы Солнца своим золотым светом, Серая Волчица вышла из убежища. Рядом с ней ковыляли три ее волчонка. Многие в этих мягких комочках, которые копошились возле Казана и вцеплялись в его шерсть, напоминало ему маленькую Джоанну. Иногда они издавали такие же непонятные тоненькие звуки и перебирали четыремя лапами так же неуклюже и беспомощно, как маленькая Джоанна своими двумя ножками. Казан не ласкал волчат, как Серая Волчица, но их прикосновение, их щенячье хныканье доставляли ему новую для него радость.

Луна стояла прямо над скалой, было светло, как днем. Казан снова отправился за добычей для Серой Волчицы. У подножия скалы перед ним внезапно появился крупный заяц, и Казан бросился в погоню. Он гнался за ним с полмили, но тут инстинкт волка взял верх над собакой: Казан оставил бесполезное преследование. Оленя он смог бы догнать, но на мелкую дичь волку следует охотиться по примеру лисы. Казан стал красться по чаще

медленно и бесшумно, как тень. Он находился примерно в миле от Скалы Солнца, когда опять выследил зайца. Два прыжка, и он уже держал беляка в зубах — ужию для Серой Волчицы! Возвращался Казан не спеша, то и дело бросая тяжелого зайца на землю, чтобы передохнуть.

Дойдя до узкой тропы, ведущей на вершину скалы, он остановился. На тропе был совсем свежий запах чужих следов. Добыча выпала из пасти Казана, каждый волосок на его теле поднялся. То, что Казан вдруг почуял, не было запахом зайца, куницы или дикобраза: по тропинке прошел зверь с клыками и когтями!

Внезапно с вершины скалы слабо донеслись звуки, слышав которые Казан полетел вверх с громким, протяжным воем. Когда он достиг вершины, глазам его при свете луны предстало зрелище, от которого он на мгновение окаменел. У самого края отвесного склона Серая Волчица схватилась в смертельной борьбе с огромной серой рысью. Вот волчица упала, подмятая свирепой кошкой, и вдруг издала ужасный, пронзительный вопль.

Одним прыжком Казан очутился возле. Напал он быстро, молча, как нападает волк, но с мужеством и остервенением собаки. Будь его противником собака, она погибла бы от этой первой атаки. Но рысь — это совсем не то, что собака или даже волк. Рысь — это «Мау-ли», то есть «Быстрейшая», как прозвали ее индейцы, — самый проворный зверь из всех диких обитателей леса. Длинные клыки Казана уже готовы были вонзиться ей глубоко в горло, но в какую-то долю секунды рысь отпрыгнула, как большой мягкий мяч, и клыки погрузились лишь в мякоть ее плеча. Казану приходилось теперь иметь дело не с клыками волка или лайки, а с когтями, которые могли вспороть его тело, как двадцать острых бритв; он не смог бы уберечься от них, даже ухватив врага за горло.

Казану довелось однажды драться с попавшей в капкан рысью, и он не забыл урока, полученного в той схватке. Теперь он старался прижать рысь брюхом к земле. Будь перед ним волк или собака, он стремился бы опрокинуть их на спину, но рысь, лежа на спине, становится особенно опасной. Одним движением своей сильной задней лапы она может распороть брюхо любому зверю.

Казан слышал, как скулит и плачет Серая Волчица, и понимал, что она жестоко изранена. Ярость и силы его удвоились. Его зубы сомкнулись, вцепившись в кошачий загривок. Но рыси удалось вывернуться и избежать смер-

ти. Нужен был новый рывок, чтобы добраться до ее шеи, и Казан прыгнул. На одну секунду рысь оказалась свободной. Она отпрыгнула назад, но в то же мгновение Казан вцепился ей в горло — на этот раз сверху.

Кошачьи когти разодрали его тело, вспоров бок, но чуть повыше того места, где это оказалось бы роковым. Еще удар, и она бы его прикончила, но схватка происходила у самого края скалы, и неожиданно, не издав ни рычания, ни визга, оба они покатались с обрыва. До обломков скалы внизу было футов пятьдесят — шестьдесят. Но, даже когда они кубарем летели вниз, клыки Казана вонзались все глубже и глубже.

Браги упали — Казан поверх рыси. Удар отбросил его шагов на десять. В мгновение ока Казан опять вскочил. Он еще не совсем пришел в себя, но уже рычал, уже был готов к бою. Рысь лежала неподвижно там, где упала. Казан подошел поближе, все еще начеку, и осторожно принюхался. Он понял, что битва окончилась. Он повернулся и медленно побрел к тропе, возвращаясь к Серой Волчице.

На залитой лунной площадке Серой Волчицы не было. Около расселины в скале лежали безжизненные тельца трех волчат. Рысь разорвала их на куски. Горестно заскулив, Казан просунул голову в расселину. Серая Волчица лежала там и громко плакала. Казан пролез к ней и стал лизать ее кровоточащие плечи и голову. Всю ночь Серая Волчица то и дело взвизгивала от боли. На рассвете она выползла наружу, к маленьким мертвым телам на скале.

И тут Казан увидел страшную работу рыси. Серая Волчица потеряла глаза — ослепла навсегда. Ее окутал мрак, который не пробить никакому солнцу. Снова инстинкт дикого зверя дал Казану понять, что его подруга теперь беспомощна, еще беспомощнее, чем те крохотные существа, которые резвились здесь при свете луны всего несколько часов назад.

Казан не отходил от Серой Волчицы в течение всего дня.

Тщетно пыталась Джоанна докликаться Казана. Когда голос ее достигал Скалы Солнца, голова Серой Волчицы плотнее придвигалась к Казану, а Казан прижимал уши и снова принимался зализывать ее раны. Лишь поздно вечером он оставил свою подругу, но лишь для того, чтобы спуститься вниз и принести убитого им раньше белого зайца. Серая Волчица понюхала, потыкала добычу носом, но есть не стала.

Той же ночью Казан заставил ее последовать за собой к тропе. Он не желал больше жить на Скале Солнца, ему не хотелось, чтобы Серая Волчица оставалась здесь. Шаг за шагом он уводил ее вниз по извилистой тропинке, подальше от ее мертвых детенышей. Она была в состоянии двигаться, только когда Казан шел очень близко — так близко, что она могла касаться носом его израненного бока.

Так они добрались до края скалы; но здесь надо было спрыгнуть вниз с высоты в три-четыре фута. Тогда-то Казан увидел, насколько беспомощна стала Серая Волчица. Она скулила и раз двадцать припадала к земле, прежде чем решилась сделать скачок. Прыгнула она неловко, на прямых лапах, и рухнула у ног Казана. Падение дало ей понять, что она вне опасности лишь тогда, когда морда ее касается идущего впереди Казана. Она послушно следовала за ним, прижавшись плечом к его боку.

Они вышли на равнину. Казан держал направление к зарослям у русла ручья. На протяжении короткого пути Серая Волчица раз десять спотыкалась и падала.

С каждой минутой Казан все лучше понимал, что значит слепота. Один раз, в погоне за зайцем, он понесся в сторону, но, не сделав и двадцати прыжков, остановился, поглядел назад: Серая Волчица ни на шаг не сдвинулась с места. Она стояла неподвижно, нюхая воздух, и ждала своего друга. Целую минуту Казан тоже простоял в ожидании. Потом вернулся к ней.

С этого момента Казан всегда возвращался туда, где оставил Серую Волчицу, зная, что обязательно найдет ее на прежнем месте.

Весь этот день они провели в зарослях. К вечеру Казан отправился в хижину. Джоанна и ее муж были дома, и оба сразу заметили разодранный бок и свежие рубцы на голове и плечах Казана.

— Он дрался либо с рысью, либо с медведем. Волк не мог бы так его отделать, — сказал мужчина, осмотрев Казана. — Эта драка чуть не стала его последней.

Целых полчаса Джоанна хлопотала над Казаном. При этом она что-то ему говорила, поглаживая его своими нежными руками. Она промыла ему раны теплой водой, намазала их каким-то целебным составом, и Казана охватило прежнее желание остаться с Джоанной, никогда больше не возвращаться в леса. Она позволила ему целый час пролежать на крае ее платья, касаясь носом ее ноги, а сама сидела тихо, занимаясь каким-то рукодель-

ем. Потом Джоанна поднялась, чтобы приготовить ужин, и Казан тоже встал и, слегка пошатываясь, направился к двери. Серая Волчица и ночной мрак требовали его к себе, и он отвечал на этот зов, понуро опустив плечи и голову. Прежней радости не стало.

Казан дождался, пока откроют дверь, и ушел. Уже вошла луна. Серая Волчица встретила его, тихо скуля от радости. Она ткнулась в его шею своей слепой мордой, и, казалось, она, слепая, была более счастлива, чем Казан во всей его силе.

И вот началась подлинная борьба между верной слепой волчицей и женщиной. Если бы Джоанна имела хоть малейшее представление о том, кто оставался там, в зарослях, если бы она хоть однажды увидела несчастное существо, для которого Казан был теперь всем на свете — и солнцем, и звездами, и луной, и спасением от голодной смерти, — она бы, наверное, не стала отнимать Казана у Серой Волчицы. Но Джоанна ничего этого не знала; она все больше приручала Казана, заманивала его в хижину и постепенно побеждала.

Наконец, неделю спустя после битвы на Скале Солнца, наступил решающий момент. За два дня до этого Казан отвел Серую Волчицу на лесистый мыс у реки. Там он оставил ее, а сам ушел к хижине. На этот раз муж Джоанны вечером привязал к его ошейнику толстый ремень, а другой конец ремня закрепил в скобке, ввернутой в бревенчатую стену.

На следующее утро Джоанна и ее муж поднялись еще затемно. Солнце только-только показалось, когда все они вышли из хижины. Мужчина нес на руках ребенка, Джоанна вела Казана. Она заперла дверь и последовала за мужем вниз к реке. Казан услышал, как из горла ее вырвался звук, похожий на сдерживаемое рыдание. У берега стояла большая лодка — каное, — уже нагруженная. Джоанна вошла в лодку первая, затем муж передал ей ребенка. Она потянула ремень, и Казан улегся у ее ног.

Они оттолкнулись от берега. Солнце пригревало Казану спину, и он лежал с закрытыми глазами, положив голову на колени Джоанне. Рука ее мягко легла ему на шею. Когда лодка стала приближаться к лесистому мысу, у Джоанны снова вырвался тот же звук, которого муж не мог слышать, — звук, похожий на рыдание.

Джоанна на прощанье помахала рукой хижине, уже исчезающей за деревьями.

— Прощай! — крикнула она. — Прощай!

И тут она опустила голову, прижимаясь к Казану и к ребенку, и расплакалась.

Муж ее перестал грести.

— Ты жалеешь, Джоанна?

Они проплывали в этот момент вдоль мыса, и ветер вдруг донес до ноздрей Казана запах Серой Волчицы. Казан поднялся, негромко заскулил.

— Ты жалеешь, что мы уезжаем?

Джоанна покачала головой.

— Нет,— ответила она.— Только я ведь всегда жила здесь, в лесах. Они для меня — родной дом.

Мыс с белой песчаной косой, похожей на вытянутый палец, остался позади. Казан стоял, не спуская с него глаз. Человек окликнул его, а Джоанна подняла голову. Она тоже посмотрела на мыс, и вдруг ремень выпал из ее пальцев: она увидела, кто стоит у края белой песчаной косы. Там ждала Серая Волчица. Невидящие глаза ее были повернуты в сторону Казана. Волчица поняла все. Чутье объяснило ей то, чего не видели глаза. Казан и человеческий запах находились вместе, и они уходили все дальше, дальше, дальше...

— Посмотри,— прошептала Джоанна.

Муж обернулся. Передними лапами Серая Волчица стояла в воде. Потом она села, подняла голову к солнцу, которого не могла видеть, и послала Казану долгий прощальный клич.

Лодка накренилась. Темно-бурое тело метнулось в воздухе, и Казан исчез.

Мужчина потянулся за ружьем. Рука Джоанны остановила его. Лицо ее было бледно.

— Пусть он вернется к ней! Пусть он идет! Пусть идет! — закричала она.— Там его место, рядом с ней.

А Казан, достигнув берега, стряхнул воду с косматой спины и в последний раз взглянул на свою хозяйку. Лодка постепенно исчезала за первой излучиной. Еще мгновение, и она скрылась из глаз.

Серая Волчица победила.

Г л а в а X

ЛЕСНОЙ ПОЖАР

После схватки с огромной дымчатой рысью на Скале Солнца Казан все реже и все более смутно вспоминал о прежних днях, когда был ездовой собакой, а потом во-

жаком волчьей стаи. Конечно, прошлое не может окончательно изгладиться из памяти, но всегда отдельные воспоминания будут ясно выделяться на фоне остальных, как языки пламени на фоне ночного мрака. Но, подобно тому, как в жизни человека определяющими и отправными точками служат такие важные события, как, например, женитьба или решающая ступень в карьере, так для Казана жизнь началась будто с тех двух трагических событий, которые так быстро последовали одно за другим после рождения детенышей.

Первым событием была схватка на Скале Солнца, когда дымчатая рысь выдрала глаза красивой подруге Казана и разорвала их детенышей. Казан убил рысь, но мечь не могла вернуть зрение Серой Волчице. Никогда уже не ходить им вместе на охоту, не рыскать с дикими стаями на равнинах и в лесных чащах. Поэтому-то при воспоминании о той ночи Казан всегда начинал рычать, а губы его вздергивались, обнажая длинные белые клыки.

Вторым событием явился отъезд Джоанны и ее семьи. Что-то говорило Казану, что назад они не вернутся. Порою яркая картина вставала в его памяти: солнечное утро; женщина и ребенок, которых он любит, и мужчина, которого он ради них терпит, уплывают в лодке... Казан часто выходил на мыс и с тоской смотрел на реку, на то место, где он выпрыгнул из каноэ, возвращаясь к своей слепой подруге.

Таким образом, вся жизнь его была теперь наполнена тремя чувствами: ненавистью ко всему носящему запах рыси, тоской по Джоанне, по ее ребенку и привязанностью к Серой Волчице. Причем самой сильной страстью была его ненависть к рыси, ибо не только слепоту Серой Волчицы и смерть детенышей, но и разлуку с хозяйкой он связал в своем представлении с той битвой на Скале Солнца. Он стал смертельным врагом всех рысей, и, если нападал на след этой большой дымчатой кошки, он сразу превращался в рычащего дьявола. Ненависть его росла день ото дня по мере того, как прежние собачьи инстинкты все больше уступали место диким, волчьим.

Но все же на три четверти Казан был собакой, а собаки не выносят одиночества. Поэтому Серая Волчица с каждым днем становилась ему все необходимей. Мир людей находился в четырехстах милях к югу от них, а ближайший форт Гудзонова залива был в шестидесяти

милях к западу. Прежде, когда женщина и ребенок были здесь, Серая Волчица часто проводила ночи в лесу совсем одна, ожидая своего друга. Теперь же сам Казан скучал и испытывал беспокойство, когда ему приходилось на время оставлять ее.

Постепенно между Казаном и Серой Волчицей возникло новое понимание, и слепота Серой Волчицы научила их обоих многому, чего они не знали прежде. К началу лета Серая Волчица уже вполне попевала за Казаном, если тот двигался не слишком быстро. Она бежала рядом с ним, касаясь мордой его плеча. Казан приучился теперь не делать длинных прыжков, а бегать рысцой. Очень скоро он понял, что должен выбирать для Серой Волчицы самый легкий путь. Когда они подходили к месту, где нужно было перепрыгнуть, Казан подталкивал Серую Волчицу и повизгивал, а она стояла, подняв уши и чутко прислушиваясь. Когда Казан делал скачок, она по слуху определяла, какое расстояние ей надо преодолеть. И всегда прыгала дальше, чем требовалось, но зато без промаха.

А кое в чем она даже превзошла Казана: обоняние и слух теперь заменяли ей зрение, и с каждым днем эти чувства становились все тоньше. Между ней и Казаном выработался своеобразный немой язык, при помощи которого Серая Волчица могла давать Казану понять, что подсказывает ей в данный момент ее чутье или слух. У Казана даже появилась забавная привычка всегда смотреть на Серую Волчицу, когда они останавливались, чтобы прислушаться или понюхать воздух.

После того как Джоанна с ребенком уехали, Казан отвел свою подругу в густые заросли ели и пихты у реки; здесь они оставались до самого лета. Первые недели Казан ежедневно подходил к хижине, где раньше жили любимые им существа,— он надеялся обнаружить там какие-нибудь признаки жизни. Но дверь никогда не открывалась, окна по-прежнему оставались заколоченными, ни разу спираль дыма не поднялась из глиняной трубы. На дорожке начала прорастать трава, и все слабее и слабее становился человеческий запах, который Казан все еще различал здесь.

Как-то раз под одним из забитых окон Казан нашел маленький башмачок — старый, дырявый, почерневший от снега и дождя детский башмачок. Казан долго пролежал возле него. Потом встал и направился в заросли к Серой Волчице.

Хижина была единственным местом, куда Серая Волчица ни за что не хотела идти с Казаном. Все остальное время она не покидала его. Теперь, немного свыкнувшись со слепотой, она даже стала сопровождать его на охоту — вплоть до той минуты, когда Казан нападал на след и пускался в погоню за дичью. Тогда Серая Волчица останавливалась и ждала. Обычно Казан охотился за большими зайцами-беляками. Но однажды ночью он загнал молодую лань. Добыча была слишком тяжела, чтобы тащить ее к Серой Волчице, поэтому он вернулся за подругой и отвел ее к месту пиршества. С каждым днем они становились все более неразлучными, и наконец на всех диких тропах следы их стали встречаться только вместе и никогда в одиночку.

Потом пришел Большой Огонь.

Серая Волчица еще за два дня почуяла его с запада. Вечером солнце зашло в зловещую дымно-серую тучу. Луна, скользя к западу, становилась кроваво-красной. Когда индейцы видели ее такой, они говорили, что «луна истекает кровью»; это было дурное предзнаменование.

На следующий день Серая Волчица была беспокойна, а к полудню и Казан почувствовал в воздухе предостережение, которое его подруга разгадала на много часов раньше. Запах становился все сильнее, и к вечеру пелена дыма заволокла солнце.

Звери и птицы, населявшие лесистый треугольник между двумя сливающимися реками, уже готовы были обратиться в бегство, но ветер вдруг переменялся. Он подул с востока. Огонь, бушевавший на западном и южном берегах, соединился, быстро прошел вдоль основания треугольника, отрезав тем самым для всех последний путь к бегству.

Потом ветер снова переменялся, и огонь двинулся к северу. Вершина треугольника превратилась в смертельную ловушку. Всю ночь южный край неба полыхал зловещим светом, а к утру все живое стало задыхаться от жара, дыма и пепла.

В страхе Казан тщетно пытался найти средство спасения. Ни на одно мгновение он не покидал Серой Волчицы. Он был на три четверти собакой, и ему ничего не стоило переплыть одну из рек, но Серая Волчица, едва ступив в воду, тут же выскакивала обратно на берег. Как и все ее племя, она боялась воды больше, чем огня и смерти. Казан пытался заставить ее; десятки раз он прыгал в воду и выплывал на середину потока. Но Серая

Волчица продвигалась в воде только до тех пор, пока могла идти вброд.

Теперь они уже слышали отдаленный рокот пламени. Дикие обитатели леса в панике бежали от него. Олени и лоси бросались в воду. На белую песчаную косу приковыляла большая черная медведица с двумя медвежатами, и даже медвежата полезли в воду и легко переплыли на другой берег. Казан следил за ними, а потом взглянул на Серую Волчицу и заскулил.

Вскоре на песчаную косу выбрались и другие существа, которые боялись воды не меньше Серой Волчицы: изящный маленький соболь, большой жирный дикобраз, куница, которая нюхала воздух и хныкала, как ребенок. Таких, которые не умели или не хотели плыть, было втрое больше. Сотни горностаев, как крысы, сновали вдоль берега, и писк их звучал непрерывно. Лисы метались в поисках дерева или поваленного ствола, по которым можно было бы перебраться через поток. Рысь рычала, повернувшись в сторону огня. А собратья Серой Волчицы, волки, решались ступить не глубже, чем она сама.

Тяжело дыша, задыхаясь от жара и дыма, Казан подошел к Серой Волчице. Для них оставалось одно последнее убежище — песчаная отмель, которая вдавалась в реку футов на пятьдесят. Казан поспешно повел свою слепую подругу к этой отмели. Когда они пробрались сквозь низкий кустарник к реке, оба вдруг замерли. До их ноздрей долетел запах врага еще более лютого, чем огонь. Песчаной отмелью уже завладела рысь; она лежала там, притаившись у самой воды. Три дикобраза влезли в воду, свернувшись клубочками, иглы их топорщились и подрагивали. Куница шипела на рысь. А сама рысь, прижав уши, не спускала глаз с Казана и Серой Волчицы, которые вступали на отмель.

Верная Серая Волчица была полна решимости драться и, оскалив зубы, не отставала от Казана. Сердито огрызнувшись, Казан отогнал ее. Она остановилась и, дрожа и скуля, следила, как он продвигается вперед. Едва касаясь земли, наострив уши, Казан шел на рысь спокойно, как будто вовсе не угрожающе, — смертоносное наступление закаленной в боях собаки, хорошо овладевшей искусством убивать! Человек из цивилизованного мира решил бы даже, что Казан приближался к рыси с дружескими намерениями. Но рысь поняла. Между ними была вражда многих поколений, ставшая для Казана непримиримой после страшной ночи на Скале Солнца.

Инстинкт предупредил куницу о том, что должно произойти, и она старалась спрятаться, прижаться к земле. Дикобразы, как маленькие дети, капризничали, недовольные присутствием драчунов и густыми тучами дыма; иглы их встали торчком.

Рысь лежала на брюхе, как кошка, и задние лапы ее подрагивали, готовые к прыжку. А Казан кружил рядом, и лапы его, казалось, ступали не по песку, а по воздуху. Рысь следила за ним не отрывая глаз, а потом круглым рычащим комком пролетела те восемь футов, которые еще разделяли их.

Казан не отскочил в сторону. Он не сделал попытки избежать нападения, а встретил его, собрав все силы, как в бою одна ездовая собака встречает другую. Казан был на десять фунтов тяжелее рыси, и на какое-то мгновение большая мягкая кошка с двадцатью когтями-бритвами оказалась опрокинутой на бок. С быстротой молнии Казан воспользовался своим превосходством и вцепился рыси в загривок.

В ту же секунду подскочила Серая Волчица и, продолжая драку где-то под брюхом Казана, сомкнула свои челюсти на задней лапе кошки. Хрустнула кость. Рысь, оказавшись под двойной тяжестью, отскочила назад, волоча за собой волчицу и Казана. Но тут она упала на одного из дикобразов, и в тело ее вонзились его острые иглы. Еще прыжок, она вырвалась на свободу и бросилась навстречу дыму. Казан не стал преследовать ее. Серая Волчица подошла к нему и начала лизать ему шею, где темно-бурая его шкура окрасилась свежей кровью. Куница лежала как мертвая, только поглядывала на всех своими злыми черными глазками. Дикобразы продолжали болтать что-то, словно прося пощады. Затем густая черная удушливая завеса дыма низко опустилась над отмелью, и пахло жаром, как из паровозной топки.

На самом краю отмели Казан и Серая Волчица легли на песок, свернувшись клубочками и спрятав головы под своими телами. Огонь был теперь совсем близко. Он ревел, как огромный водопад, а иногда раздавался оглушительный треск падающих деревьев. Воздух был наполнен искрами и пеплом. Несколько раз Казан поднимал голову и огрызался на горящие угольки, которые падали на него и жгли его тело.

На самом берегу реки были густые заросли зеленого кустарника. Добравшись сюда, пламя несколько утихло,

и жар спал. Но все же прошло еще много времени, прежде чем Казан и Серая Волчица смогли высунуть морды и вздохнуть свободнее. Тогда они поняли, что песчаная отмель спасла им жизнь. В треугольнике между двумя реками все почернело, и лапам было горячо ступать по земле.

Дым рассеялся. Направление ветра опять изменилось, он подул с северо-запада, свежий и прохладный. Куница первая осторожно направилась туда, где был раньше лес, а дикобразы все еще лежали свернувшись даже тогда, когда Казан и Серая Волчица покидали песчаную отмель, направляясь вверх по реке. К вечеру их лапы уже болели от горячего пепла и раскаленной золы.

В эту ночь луна взошла странная, зловещая, похожая на кровавое пятно. Долгие безмолвные часы не слышно было даже уханья совы, которое могло бы заверить, что еще не все погибло там, где только вчера стоял полный жизни могучий дикий лес.

Казан знал, что охотиться здесь теперь не на кого, и они продолжали свой путь всю ночь. На рассвете добрались до узкой полосы болота, которое тянулось вдоль берега реки. По плотине, построенной бобрами, они смогли наконец перебраться на противоположный берег — в зеленую страну, не тронутую огнем. Еще целые сутки они шли на запад, пока не вступили в поросшую лесом болотистую низину.

А пока Казан и Серая Волчица шли на запад, от Гудзонова залива на восток держал путь худощавый темнолицый француз, по имени Анри Лоти, самый знаменитый во всем крае охотник на рысей. Он искал нужные ему следы и нашел их здесь в изобилии. Тут был настоящий охотничий рай: зайцы-беляки водились тысячами, а потому и рысей было очень много. Анри Лоти построил себе хижину и вернулся в форт: он дожидался, пока выпадет первый снег, чтобы вернуться на облюбованное место с собаками, с запасом продовольствия и капканами.

В это же время с юга медленно продвигался то на лодке, то пешком молодой зоолог из университета, собирающий материал для своей книги, которая называлась «Разум диких животных». Звали молодого человека Поль Уэймен. Он договорился, что проведет часть зимы с Анри Лоти, и вез с собой кипы бумаги, фотоаппарат и фотографию девушки. Единственным его оружием был перочинный нож.

Казан и Серая Волчица устроили свое жилище на густо заросшем болоте, в пяти-шести милях от хижины, которую построил себе Анри Лоти.

Глава XI

ВСЕГДА ВДВОЕМ

Стоял уже январь, когда проводник из форта привел Поля Уэймена в хижину Лоти. Полю было года тридцать два, тридцать три. Энергичный, жизнерадостный, он сразу понравился Анри. Если бы не это обстоятельство, первые дни в хижине оказались бы не очень приятными, потому что охотник был в то время весьма не в духе. Он рассказал о своих горестях Уэймену в первый же вечер, когда они сидели у раскаленной докрасна печки и курили трубки.

— Ничего не могу понять,— говорил Анри.— Потерял семь рысей, и притом в капканах! В клочки разорваны, словно зайцы, которые побывали в лапах у лисы. Еще никогда никто, даже медведь, не трогал рысь в капкане. Впервые в жизни вижу такое. Изодраны так, что за них и полдоллара не дадут. Семь штук! Да ведь это больше двухсот долларов! А проделывают подобные штуки два волка. Их двое, я по следам вижу, и они никогда не приходят по одному. Обходят все капканы, съедают зайцев, куницу оставляют, норку и горностая тоже, а вот рысь, черт бы их побрал, обдирают начисто! Просто спускают с нее шкуру, словно лыко с дерева. Я уж пробовал класть стрихнин в оленьем сале, и капканы ставил, и западни устраивал, а изловить их не могу. Выживут они меня отсюда, коли мне не удастся добраться до них. Я взял пять целых рысей, а они мне перепортили семь.

История эта заинтересовала Уэймена. Он принадлежал к тем исследователям, которые полагали, что самонадеянный эгоизм закрывает человеку глаза на многие поразительные явления природы. Уэймен бросил вызов всем, кто считает, что человек — единственное живое существо, способное мыслить, и что здравый смысл и ум, проявляемый любым другим существом,— всего-навсего инстинкт. Свои мысли Уэймен сумел обосновать с такой последовательностью, что снискал себе известность в ученых кругах по всей стране. Прискорбная для Анри история с рысями показалась Полю весьма значительной, и

они до полуночи вели беседу о загадочном поведении этой странной пары волков.

— Один волк побольше, другой поменьше,— рассказывал Анри.— И каждый раз в драку вступает большой. Все это легко разобрать по следам на снегу. Пока большой дерется, тот, что поменьше, все бегаёт и бегаёт кругом, а когда рысь упадет или издохнет, он подскакивает и помогает рвать ее в клочки. Только у одного капкана я заметил, что и тот, который поменьше, тоже вступил в драку: на снегу было очень много крови, но не рысей. Я тогда за этими дьяволами целую милю шел по их кровавым следам.

В последующие две недели Уэймен собрал немало материалов для своей книги. Не проходило дня, чтобы возле того или другого капкана они не находили следов двух волков. Как и говорил Анри, следы действительно всегда были двойные: эти волки никогда не ходили по одному. На третий день по приезде Уэймен вместе с Лоти подошел к капкану, в который попала рысь. Но что от нее осталось! Анри разразился проклятиями и на английском, и на родном французском языке; лицо его побаргровело от ярости. Рысь была изорвана в клочья, шкура ее уже не имела никакой цены.

По следам на снегу Уэймен определил, где сидел, дожидаясь, меньший волк, пока другой убивал. Уэймен не стал делиться своими мыслями с Анри, но все больше и больше убеждался в том, что нашел яркий пример для обоснования своей теории. Во всех этих таинственных действиях возле капкана можно было усмотреть проявление разума. Почему эти два волка не уничтожали енота, горноста или куницу? Почему ненависть их была направлена только на рысь?

Уэймен был необычайно взволнован. Он очень любил диких зверей и потому никогда не носил с собой ружья. Он видел, как Анри раскладывает отравленные приманки для двух четвероногих грабителей, и это мучило молодого зоолога. Но, когда день за днем приманки оставались нетронутыми, ликование его росло. Он с симпатией относился к смелому разбойнику, который неизменно вступал в борьбу с рысью.

Вечерами Уэймен записывал мысли и наблюдения, собранные за день. Как-то вечером он неожиданно обратился к Анри:

— Скажи, Анри, тебя никогда не мучает совесть, что ты убиваешь столько диких зверей? — спросил он.

Анри посмотрел на него с удивлением и покачал головой.

— Я убил их тысячи,— ответил он.— И еще тысячи убью.

— И существует еще двадцать тысяч таких, как ты, в северной части нашего континента, и все они убивают, убивают, убивают уже сотни лет, а все-таки никак не могут истребить обитателей дикого мира. «Война человека со зверем» — так это можно было бы назвать. И, если бы ты мог вернуться сюда через пятьсот лет, ты нашел бы в этих краях прежние леса и диких лесных зверей. К примеру — огромные прерии на западе. Там все еще встречаются следы бизонов, а ведь повсюду кругом rastут города. Ты слышал когда-нибудь про Норт-Бэтлфорд?

— Это где-то возле Монреаля или Квебека? — спросил Анри.

Уэймен улыбнулся и вытащил из кармана фотографию, портрет девушки.

— Нет, Норт-Бэтлфорд далеко на западе, в Саскачеване. Семь лет назад я, бывало, ездил туда каждый год поохотиться на тетеревов, койотов и лосей. Там тогда и в помине не было никакого Норт-Бэтлфорда, и на сотни миль кругом тянулись великолепные прерии. На реке Саскачеван, где теперь находится Норт-Бэтлфорд, раньше стояла одна-единственная хижина, где я и останавливался, когда приезжал охотиться. В хижине этой вместе с родителями жила двенадцатилетняя девочка. Мы часто ходили вместе с ней на охоту, — я тогда еще убивал зверей. Девочка плакала, когда я убивал, а я смеялся над ней.

Потом там вблизи прошла железная дорога, затем построили еще одну, и они пересеклись недалеко от хижины. И сразу на том месте вырос город. Два года назад там жило уже около двух тысяч человек, а в этом году, когда я проезжал через этот город, в нем было уже пять тысяч жителей, а еще через два года будет десять тысяч. Там, где стояла одна хижина, теперь три банка с капиталом в сорок миллионов долларов. Уже за двадцать миль над городом видно зарево от электрических огней. В городе есть колледж, постройка которого обошлась в сто тысяч долларов, приют, пожарное депо, два клуба, ассоциация промышленников; на будущий год там собираются проложить трамвайные линии — там, где всего несколько лет назад были койоты!

Люди прибывают в таком количестве, что их едва успевают переписывать. Пройдет каких-нибудь пять лет, и на том месте, где стояла одинокая хижина, будет город с двадцатитысячным населением. А та маленькая девочка стала теперь взрослой девушкой. Родители ее разбогатели. Но не в этом дело. Главное, что этой весной Эйлина выйдет за меня замуж. Ради нее я перестал убивать зверей. Ей было шестнадцать лет, когда я в последний раз выстрелил в живое существо; это была волчица, и у нее был детеныш. Эйлина взяла этого волчонка себе. Он и сейчас у нее, совсем ручной. Вот потому-то я люблю волков больше всех других диких зверей. Надеюсь, что эти два волка уйдут от тебя невредимыми.

Анри с удивлением уставился на Уэймена. Поль передал ему фотографию. С нее смотрела миловидная девушка с глубоким, ясным взглядом. Когда Анри взглянул на фотографию, уголки его рта дрогнули.

— Моя Иовака умерла три года назад,— произнес он.— Она тоже любила диких зверей... Но эти волки, черт побери! Если мне не удастся их убить, они выживут меня отсюда.

Анри подкинул дров в печь и стал стелить постель.

Но вот однажды в голову Анри пришла блестящая мысль. Они шли по лесу вместе с Уэйменом и вдруг напали на свежий след рыси. Поблизости находился большой лесной завал — бурелом, метра в три-четыре высотой. Стволы легли так, что образовалось нечто вроде пещеры с прочными стенами с трех сторон. Снег был пригнан лапами рыси, вокруг валялись клочки заячьей шкурки. Анри ликовал.

— Уж эта от меня не уйдет! — говорил он.

Он разложил приманку, установил капкан и внимательно осмотрел все кругом. Потом объяснил свой план Уэймену. Если рысь попадется и те два волка придут к ней, драка будет происходить как раз в этом укрытии под буреломом, и разбойники обязательно должны будут пройти через отверстие. Поэтому Анри установил здесь еще пять небольших капканов, искусно забросав их листьями, мхом и снегом. Все капканы были расположены на достаточном расстоянии от приманки, чтобы рысь, пытаясь освободиться, не могла случайно спустить на них пружины.

— Они начнут драться, волк будет прыгать туда-сюда — и хлоп! — говорил Анри.— Один, два, пусть даже

три капкана он обойдет, а в конце концов наверняка попадется.

В это утро выпал легкий снежок. Он оказал большую услугу Анри, припорошив следы и уничтожив предательский человеческий запах. Но все же, когда ночью Казан и Серая Волчица проходили в ста футах от бурелома, чуткий нюх Серой Волчицы уловил в воздухе что-то подозрительное и внушающее опасения. Она сообщила об этом Казану — слегка толкнула его плечом, — и они побежали прочь, стараясь, чтобы капканы Анри оставались у них с подветренной стороны.

В течение двух дней и трех холодных звездных ночей возле лесного завала все было тихо. Анри понимал, в чем дело, и давал разъяснения Уэймену: рысь такой же охотник, как и сам он, Анри, и у нее есть свой маршрут охоты, по которому она проходит приблизительно раз в неделю. На пятую ночь рысь действительно вернулась, подошла к завалу, сразу же польстилась на приманку, и острозубый стальной капкан безжалостно захлопнулся на ее правой задней лапе.

Казан и Серая Волчица в это время находились на расстоянии четверти мили от бурелома; они услышали, как звенела стальная цепь, когда рысь пыталась вырваться на свободу. Десять минут спустя они уже стояли возле завала, у самого входа.

Ночь была светлая, ясная, с таким количеством звезд, что даже человек смог бы охотиться при их свете. Рысь уже выбилась из сил и лежала на брюхе, когда появились Казан и Серая Волчица. Как обычно, Волчица держалась в стороне, пока Казан затевал драку. Подобная кошка, будь она на свободе, уже с первой или второй схватки вспорола бы Казану брюхо или перегрызла горло. В открытой борьбе рысь была для него неравным противником, хотя Казан и был фунтов на десять тяжелее самой крупной рыси. На Скале Солнца Казана спас случай. На отмени во время пожара ему помогли Серая Волчица и дикобраз. А теперь в борьбе с рысьями, пойманными Анри, союзником Казана был капкан. Но, даже закованный в кандалы, этот противник представлял собой серьезную опасность. И больше чем когда-либо жизнь Казана подвергалась риску в этой схватке с рысью под буреломом.

Эта кошка оказалась матерым бойцом, лет шести-семи от роду. Ее когти, длиною больше дюйма, были загнуты полумесяцами. Когда Казан начал подбираться к

псй, рысь отступила назад, и цепь свободно лежала под ней. Поэтому Казан не мог применить обычную свою тактику — кружить около пойманного в капкан противника, пока цепь не перекрутится и тем самым укоротится до такой степени, что рысь уже не в состоянии будет сделать прыжок. Значит, придется совершить прямое нападение. Он бросился вперед, целясь в горло врага. Но промахнулся. И, прежде чем успел нанести второй удар, рысь выкинула вперед свою свободную заднюю лапу. Даже Серая Волчица, поджидавшая снаружи у бурелома, услышала треск разрываемого мяса. Казан с воем отскочил назад — плечо его было разорвано до кости.

И тут один из спрятанных Анри капканов не дал ему напасть снова и тем спас его от неминуемой смерти. Стальные челюсти защелкнулись на его передней лапе; он прыгнул, но цепь задержала его. В прежних схватках Серая Волчица иной раз вмешивалась в драку, если чувствовала, что Казан в опасности. И теперь, услышав, как взвыл от боли ее друг, она забыла всякую осторожность и кинулась под завал. Анри спрятал недалеко от приманки пять капканов, и Серая Волчица ступила сразу в два из них. Она упала на бок, огрызаясь и рыча. В попытке освободиться Казан спустил пружины у двух оставшихся капканов: один щелкнул вхолостую, пятый, последний, поймал его за переднюю лапу.

Все это произошло вскоре после полуночи. К утру снег под буреломом был весь изрыт: волк, собака и рысь тщетно пытались вырваться на свободу. Когда настало утро, все трое лежали в полном изнеможении и тяжело дышали. Они ждали прихода человека и смерти.

Анри и Уэймен чуть свет вышли из хижины. Когда они свернули к бурелому, Анри показал своему спутнику следы Казана и Серой Волчицы; мрачное лицо его загорелось волнением и радостью. Дойдя до укрытия под упавшими деревьями, оба человека замерли, пораженные увиденной картиной. Даже такому опытному охотнику, как Анри, не доводилось видеть ничего похожего: два волка и рысь лежали в капканах, чуть не доставая друг друга зубами. Но удивление лишь ненадолго отвлекло его от дела — его охотничий инстинкт тут же проявил себя. Волки первыми лежали на его пути, и он поднял ружье, чтобы послать пулю в голову Казану. Вдруг Уэймен судорожно схватил Анри за руку, изумленно глядя перед собой: он заметил на шее Казана утыканный стальными гвоздями ошейник.

— Стой! — закричал он. — Это не волк, это собака!

Анри опустил ружье, удивленно разглядывая ошейник. А Уэймен уже смотрел на Серую Волчицу. Повернувшись к людям, она рычала, белые клыки ее угрожали врагам, которых она не могла видеть. Там, где должны были находиться глаза, росла серая шерсть. Уэймен не мог удержать восклицания:

— Смотри! — крикнул он. — Смотри! Неужели...

— Первый — это дикий пес, он перебежал к волкам, — проговорил Анри, — а другой — настоящий волк.

— И к тому же слепой, — еле смог проговорить Уэймен.

— Oui, monsieur ¹, — поддакнул Анри, от изумления переходя на свой родной язык.

Он было снова поднял ружье, но Уэймен решительно положил руку на ствол.

— Не убивай их, Анри, — сказал он. — Отдай их мне живых. Прикинь стоимость рыси, которую они испортили, прибавь к этому премию за убитых волков, и я оплачу все. Живые они представляют для меня большую ценность. Подумать только — собака и слепая волчица!

Он все еще придерживал ружье Анри, а тот уставился на ученого-зоолога, словно никак не мог взять в толк, о чем это он говорит.

Глаза Уэймена горели, он был сильно взволнован.

— Собака и слепая волчица! Вот так пара! — снова и снова повторял он. — Это великолепно, Анри! Когда выйдет моя книга, станут говорить, что я преувеличил. Но у меня будут доказательства! Я сделаю десятка два фотографий сейчас же, прежде чем ты убьешь рысь. А собаку и волчицу я оставлю жить у себя. Анри, я заплачу тебе сотню долларов за эту пару. Согласен? По рукам?

Анри кивнул. Он держал ружье наготове, пока Уэймен доставал фотокамеру. Щелканье аппарата было встречено лязганьем клыков и рыси и волчицы. Казан же лежал смирно — не от страха, а потому, что по-прежнему признавал над собой власть человека. Закончив снимать, Уэймен подошел к Казану совсем близко и заговорил с ним — заговорил даже ласковее, чем тот мужчина, который жил вместе с Джоанной и ее ребенком в покинутой теперь хижине.

Анри выстрелил в рысь. Когда Казан понял, что произошло, он зарычал, он стал рваться к корчащемуся те-

¹ Да, месье (фр.).

лу своего заклятого врага. С помощью шеста и ременной петли Казана извлекли из-под бурелома и отвели в хижину Анри. Потом люди вернулись с плотным мешком и ремнями и взяли в плен Серую Волчицу, не вынимая ее из капкана. Весь этот день Уэймен и Анри сооружали прочную клетку из нетолстых бревен; когда она была закончена, в нее поместили пленников.

Прежде чем впустить в клетку собаку, Уэймен тщательно рассмотрел рваный, со следами зубов ошейник. На медной пластинке было выгравировано только одно слово: «Казан». С чувством необъяснимого волнения Уэймен занес это имя в свой дневник.

С того дня Уэймен часто оставался возле хижины, пока Анри уходил осматривать свои капканы. Уже на третий день Уэймен осмелился просунуть руку между деревянными прутьями клетки и дотронуться до Казана, а еще через день Казан принял из его рук кусок сырой оленины. Но Серая Волчица при одном только приближении человека пряталась под кучей пихтовых ветвей в углу своей тюрьмы. Многовековой инстинкт говорил ей, что человек — самый страшный ее враг. Но вот этот человек не причинил ей вреда, и Казан его не боялся. Сначала Серая Волчица пугалась, потом стала удивляться, и, наконец, над всем взяло верх чувство всевозрастающего любопытства. После трех дней неволи она иной раз высовывала свою слепую морду из-под веток и нюхала воздух, когда Уэймен стоял подле клетки, разговаривая с Казаном. Но она ни за что не принимала еды. Уэймен пытался соблазнить ее самыми лакомыми кусками оленьего или лосиного жира, но безрезультатно. Прошло пять дней, шесть, целая неделя, а она не проглотила ни кусочка. На боках ее уже можно было пересчитать все ребра.

— Не выживет,— заверил его Анри на седьмую ночь.— Да, скорее подохнет с голоду, чем съест что-нибудь в этой клетке. Ей нужен лес, дичь и свежая кровь. Ей года два-три, такую уже не приручить.

В тот день, когда Анри отправился спать, обеспокоенный Уэймен еще долго сидел у горячей печки. Он написал длинное письмо девушке из Норт-Бэтлфорда, потом задул лампу и в красных отсветах пламени в печи стал ловить образ далекой своей подруги. Она рисовалась ему прежней девочкой, которую он знал в те времена, когда останавливался в маленькой хижине на Саскачеване, где стоит теперь большой город. Он видел ее блестящую косу

и яркий румянец прерий на ее щеках. Она тогда ненавидела Уэймена, по-настоящему ненавидела; ведь он любил убивать. Уэймен тихо засмеялся, вспомнив об этом. Девушка сумела произвести в нем чудесное превращение.

Он встал, бесшумно открыл дверь и вышел. Инстинктивно глаза его обратились на запад. Небо все сверкало от бесчисленных звезд. При их свете он мог различить клетку. До него донесся какой-то скрип — Серая Волчица грызла стены своей тюрьмы. Еще через мгновение он услышал, как тихо повизгивает собака: Казан оплакивал свою свободу.

К стене хижины был прислонен топор. Уэймен схватил его и невольно улыбнулся. Он испытал неизъяснимое счастье, зная, что в тысяче миль отсюда, в городе на Саскачеване, вместе с ним радуется еще одно сердце. Уэймен направился к клетке. Десяток ударов — и два бревна из нее оказались выбиты. Тогда он отошел в сторону.

Серая Волчица первая обнаружила отверстие в своей тюрьме и проскользнула сквозь него, как тень. Но далеко она не убежала. Она дождалась Казана, и оба они стояли несколько мгновений, обернувшись к хижине. Потом бок о бок понеслись навстречу свободе.

Уэймен глубоко вздохнул.

— Вдвоем,— прошептал он,— всегда вдвоем, пока смерть не настигнет одного из них.

Глава XII

«КРАСНАЯ СМЕРТЬ»

Казан и Серая Волчица брели на север, в сторону Фон-дю-Лака, и были уже совсем недалеко оттуда, когда с юга в форт пришел гонец компании и принес первые достоверные сведения о страшном бедствии — эпидемии оспы. Уже несколько недель отовсюду ползли слухи, что надвигается «красная смерть». Слухи росли, множились, и холод великого страха, словно северный ветер, леденил сердца людей на всем пространстве от границ цивилизованного мира до самого залива. Девятнадцать лет назад с юга тоже пришла такая молва, а вслед за ней явилась и «красная смерть». Ужас перед ней не изгладился из памяти людей, населявших леса, потому что повсюду от бухты Джеймс до озерной страны Атабаски были раскиданы сотни безвестных могил — страшные последствия этой болезни.

Иногда в своих странствиях Казан и Серая Волчица наталкивались на невысокие холмики, скрывающие под собой мертвых. Инстинкт помогал им угадывать присутствие смерти и чувствовать ее в воздухе. Дикая кровь Серой Волчицы и ее слепота давали ей огромные преимущества перед Казаном, когда требовалось обнаружить что-то, чего не в состоянии увидеть глаза. И она первая открыла присутствие оспы.

Казан снова привел свою подругу туда, где, как он знал, были расставлены капканы. След, на который они напали, был очень старый, много дней здесь уже никто не проходил. В одном из капканов они обнаружили давно издохшего зайца, в другом лежал скелет лисы, обглоданный совами. Почти на всех капканах пружины были спущены, а некоторые ловушки оказались совсем засыпанными снегом. Казан бегал от одного капкана к другому, надеясь отыскать хоть что-нибудь живое, чтобы утолить голод. Но Серая Волчица чуяла кругом только смерть. Она заскулила и слегка куснула Казана в бок. Казан послушался, и они пошли прочь от этого запустения.

Вскоре они вышли на вырубку, где стояла хижина охотника Отто. Тут Серая Волчица села, подняла слепую морду к серому небу и издала протяжный, унылый вой. Шерсть у Казана встала дыбом, он тоже сел и завыл вместе с Серой Волчицей. Смерть находилась в самой хижине. К крыше был прибит шест, на верхушке которого трепыхался красный лоскут — знак, предупреждающий об ужасном бедствии. Отто, как и сотни других героев севера, успел перед смертью вывесить этот зловеющий флаг.

В ту же ночь, освещенные холодным лунным светом, Казан и Серая Волчица двинулись дальше к северу. Перед ними этим же путем прошел посыльный из форта у Рейндир-Лейка. Он нес предостережения из района, лежащего к юго-востоку.

— В Нельсоне оспа, — сообщил посыльный Уильямсу из Фон-дю-Лака. — В индейских поселениях она косит всех подряд.

В тот же день он поехал дальше на своих измученных собаках.

— Понесу вести на запад, в Ревейон, — объяснил он.

Три дня спустя в Фон-дю-Лак пришел приказ: все служащие компании и подданные его величества, проживающие к западу от Гудзонова залива, должны готовиться

к приходу «красной смерти». Уильямс прочел приказ, и лицо его стало белым, как та бумага, которую он держал в руке.

— Это значит — надо рыть могилы, — сказал он. — Как же еще мы можем готовиться?

Он зачитал приказ вслух, и сейчас же из Фон-дю-Лака были направлены гонцы — распространять вести по территории форта. Посыльные спешно запрягали собак, и на всех отъезжающих санях лежали кипы красной материи — страшный символ ужаса и смерти. Уже одно прикосновение к этим тряпкам вызывало ледяной озноб у тех, кто должен был раздать их всему лесному люду.

Казан и Серая Волчица напали на след одних таких саней и шли по нему с полмили. На следующий день им попался еще один такой же след, а на четвертый день — еще. Последний след был совсем свежий, и Серая Волчица, словно ужаленная, отскочила в сторону, обнажив клыки. Ветер донес до них резкий запах дыма. Они помчались прочь, и Серая Волчица тщательно перепрыгивала через следы человека.

Они вскарабкались на холм. В долине горела хижина. Человек и собачья упряжка только что скрылись в еловом лесу. Из горла Казана вырвалось тихое повизгиванье, Серая Волчица стояла неподвижно, словно камень. В хижине была смерть — там сжигали труп человека, умершего от оспы. На этот раз ни Казан, ни Серая Волчица не завyli, а быстро спустились с холма и, не останавливаясь, бежали весь день, пока на их пути не встретилось укрытое зарослями пересохшее болото.

И вот потянулись дни и недели, принесшие зиме тысяча девятьсот десятого года недобрую славу самой жестокой зимы во всей истории Севера. В течение месяца и люди, и звери всего края были на волосок от полного вымирания: мороз, голод и оспа вписали в летопись жизни лесного населения страшную главу, которая останется в памяти многих поколений.

На болоте Казан и Серая Волчица облюбовали себе место под нагромождениями бурелома. Это было небольшое, но уютное жилище, хорошо защищенное от снега и ветра. Серая Волчица немедленно завладела домом. Войдя, она тут же распласталась на земле и, высунув язык, часто задыхалась, демонстрируя Казану свое полное удовлетворение.

Казан словно в тумане вспомнил ту далекую звездную ночь, когда он дрался с вожаком волчьей стаи, а по-

сле победы молодая Серая Волчица подошла к нему и осталась с ним навсегда. Потом им часто случалось вдвоем охотиться на лань или преследовать дичь вместе со стаей. Теперь из-за слепоты Серой Волчицы им приходилось довольствоваться зайцами и куропатками, потому что с такой дичью Казан мог справиться один. К этому времени Серая Волчица уже перестала горевать, тереть лапами глаза, скулить в тоске по солнечному свету, по золотой луне и звездам. Постепенно она стала забывать, что когда-то видела все это. Теперь она увереннее и быстрее бежала рядом с Казаном. Чутье и слух приобрели у нее удивительную остроту: она обнаруживала оленя на расстоянии двух миль, а человека и того дальше. Как-то тихой ночью она услышала всплеск форели за целые полмили. И по мере того как чутье и слух у нее становились все тоньше и острее, у Казана оба эти чувства как будто притуплялись. Теперь во время охоты вожаком бывала Серая Волчица — правда, только до тех пор, пока дичь не появлялась в поле зрения. Казан привык полагаться на свою подругу и начал инстинктивно следить за ее предостережениями. Умей Серая Волчица размышлять, она, наверное, поняла бы, что без Казана ей не прожить и недели. Она иной раз пыталась поймать куропатку или зайца, но ничего не получалось. Если б не слепота, она, вероятно, была бы иной, более жестокой и дикой, и не привязалась бы так к Казану. У нее вошло в привычку, ложась рядом со своим другом, класть ему голову на спину или на шею. Если Казан огрызался, она не рычала в ответ, а осторожно отходила, словно боясь удара. Она ухаживала за ним, слизывала своим теплым языком лед, примерзший к длинной шерсти между когтями Казана, а когда однажды он всадил себе занозу, Серая Волчица в течение нескольких дней зализывала его болевшую лапу. Казан был совершенно необходим для нее, для слепой, но и Серая Волчица с течением времени становилась все более и более необходимой Казану.

Они были счастливы в своем логове на болоте. Кругом водилось много мелкой дичи, а под буреломом было тепло. Они редко уходили охотиться за пределы болота. С дальних равнин и с пустынных вершин до них порой долетал клич волчьей стаи, бегущей по следам крупной дичи, но теперь эти звуки не вызывали в них трепетного желания присоединиться к погоне.

И вот наступила ночь, когда взошедшая над горизонтом белая луна оказалась окруженной красным ободком.

Это сулило холода, жестокие холода. Страшные эпидемии всегда приходили в дни самых больших холодов, и чем ниже опускалась температура, тем губительнее бывало действие болезни. В продолжение ночи становилось все холоднее, мороз все глубже проникал в логовище под буреломом, заставляя Казана и Серую Волчицу теснее прижиматься друг к другу.

Солнце взошло около восьми часов. Когда Казан и его слепая подруга покинули свое убежище, было пятьдесят градусов ниже нуля. То и дело, словно пистолетные выстрелы, раздавался треск промерзшей древесины. Куропатки в густом ельнике нахохлились, превратившись в комочки из перьев. Зайцы запрятались глубоко под снег или укрылись под самыми недоступными буреломами. Казану и Серой Волчице мало попадалось свежих следов, и после часа бесплодных поисков они вернулись к логовищу. Казан, по собачьей своей привычке, несколько дней назад закопал недоеденного зайца; теперь они вытащили его из-под снега и подкрепились мороженым мясом.

К концу дня стало еще холоднее, ночь наступила безоблачная, со светлой луной и яркими, сверкающими звездами. Температура упала еще на десять градусов, и жизнь замерла. В такие ночи никто не попадался в капканы, потому что даже звери с теплой шкурой — норка, горноста́й, рысь — лежали, свернувшись, по своим логовам.

Голод был еще не настолько силен, чтобы выгнать Казана и Серую Волчицу из-под буреломы. Но на следующий день, хотя мороз не упал, Казан отправился на поиски пищи, оставив Серую Волчицу в логове. Ведь Казан был на три четверти собакой и потому переносил голод хуже, чем его подруга — волчица, самой природой приспособленная к длительным лишениям. При обычной температуре она могла бы недели две обходиться без пищи, а при шестидесяти градусах ниже нуля продержалась бы неделю, а то и дней десять. Прошло всего тридцать часов с тех пор, как они в последний раз подкрепились мороженым зайцем, и ей было не так уж плохо лежать в укро́мном местечке. А Казан сильно проголодался. Он отправился на охоту — в ту сторону, где они видели горевшую хижину. Он обнюхивал по дороге каждый бурелом, обследовал все чащи. Но выпал свежий снег. На всем пути Казан только раз встретил след горноста́я, потом под поваленным деревом почуял свежий

запах зайца, но до него было так же трудно добраться, как до куропаток, замерших на ветвях деревьев. Целый час Казан копал снег и грыз древесину, но потом все же отказался от попытки добраться до зайца. После трехчасовой безуспешной охоты Казан вернулся к Серой Волчице. Он очень устал. В то время как Серая Волчица, наученная инстинктом своих диких предков, сберегла энергию, Казан растратил запасы своих сил, и чувство голода только возросло.

Ночью луна взошла светлая и яркая, как и накануне. Казан снова вышел на охоту. Он попытался убедить Серую Волчицу пойти с ним вместе; он скулил, дважды возвращался за ней, но Серая Волчица прижала уши и отказалась двигаться с места. Температура упала теперь до шестидесяти пяти или семидесяти градусов, к тому же с севера подул ветер. В такую ночь человек и часа не смог бы просуществовать вне дома. К полуночи Казан вернулся в логовище. Ветер усилился; он то печально завывал над болотами, то проносился яростными вихрями, то вдруг на мгновение замирал. Великая тундра, раскинувшаяся между полосой леса и ледяной Арктикой, посылала первые предупреждения. С наступлением утра налетевший с севера буран разразился с бешеной силой. Серая Волчица и Казан лежали, тесно прижавшись друг к другу, и дрожали, прислушиваясь к дикому реву над буреломом. Один раз Казан высунул было голову и плечи из-под своего укрытия, но буран тут же загнал его назад. Все живое попряталось, каждый — в соответствии со своим инстинктом и привычками. Пушистые норки и горностаи оказались в наилучшем положении: в дни охоты они не забывали делать запасы. Волки и лисы отыскивали буреломы и пещеры. Крылатые существа спрятались в сугробах или в густом ельнике — все, кроме сов, которым не страшен никакой мороз, потому что они на девять десятых состоят из перьев.

Больше всего бедствий принес буран копытным. Ни олень, ни лось не могут заползать под бурелом или протиснуться в расщелину меж скал. Им остается только лечь под сугроб и ждать, когда снег укроет их своим спасительным одеялом. Но в таком положении они не могут находиться долго — им надо добывать себе пищу. Лось должен есть восемнадцать часов в сутки, чтобы продержаться в зимние холода. Его вместительный желудок требует большого количества пищи, ему приходится без

успели щипать верхушки кустов, чтобы собрать два или три бушеля корма, которые составляют его суточный рацион. Приблизительно столько же нужно и оленю.

Буран продолжался весь тот день, и весь следующий, и еще один день — всего три дня и три ночи. На третьи сутки повалил густой снег, который покрыл землю на два фута и намел сугробы футов в восемь — десять глубиной. Индейцы называют такой снег «тяжелым» — под его свинцовым покровом зайцы и куропатки гибли тысячами.

На четвертый день после начала бурана Казан и Серая Волчица рискнули выйти из своего убежища. Ветер утих, и снегопад прекратился. Весь мир лежал под нетронутым снежным покровом. Было очень холодно.

Оспа принесла страшные бедствия людям. А теперь настали ужасные дни и для диких обитателей леса — дни голода и смерти.

Глава XIII ПО ДОРОГАМ ГОЛОДА

Казан и Серая Волчица уже сто сорок часов пробыли без еды. У Волчицы это вызывало все растущую слабость, а Казан был близок к голодной смерти. От шестидневного поста животы у них втянулись, бока запали. Покрасневшие глаза Казана превратились в узенькие щелочки, и ему больно было смотреть на дневной свет, когда он наконец выбрался из-под бурелома.

На этот раз Серая Волчица вышла на твердый снег вместе с Казаном. Полные надежд, они жадно приступили к охоте, хотя мороз был по-прежнему жестокий. Они обошли край бурелома, где прежде всегда водились зайцы. Но теперь здесь не было ни следов, ни запахов.

Они долго кружили по болоту, но им удалось обнаружить только белую сову, примостившуюся на суку ели. Они дошли до выжженного участка и повернули назад, продолжая поиски на другой, возвышенной стороне болота. Они взобрались на холм и с вершины оглядели пустынный, лишенный жизни мир. Серая Волчица непрерывно нюхала воздух, но никаких сигналов Казану не подавала. После подъема Казан тяжело дышал, силы его были на исходе. На обратном пути он даже споткнулся о какой-то пень, через который не сумел перепрыгнуть. Еще более голодные и ослабевшие вернулись они к себе под бурелом.

Наступила ясная, сверкающая звездами ночь. Казан и Серая Волчица снова попытались охотиться на болоте. Никто не вылезал на холод, только еще один зверь отважился выйти на охоту — лиса, но инстинкт подсказал им, что преследовать ее бесполезно.

Тут-то Казану пришла на ум мысль о хижине. Дом человека всегда был для него источником тепла и пищи. А там, за холмами, находилась хижина, возле которой они с Серой Волчицей выли, почуяв смерть. Но он теперь не думал ни о человеке, ни о той таинственной силе, которая тогда заставила их сесть на снег и завывать. Он просто направился в сторону хижины, и Серая Волчица следовала за ним. Они пересекли гряды холмов, миновали выгоревший участок леса и достигли другого болота. Теперь Казан искал добычу без всякого рвения. Он шел, низко опустив голову, волоча по снегу свой пушистый хвост. Впереди была только одна цель — хижина человека. Это была последняя надежда Казана.

Серая Волчица все настороженно принюхивалась, стараясь держаться против ветра. И наконец вот он, желанный запах. Казан ускорил бег, но, заметив, что Серая Волчица не следует за ним, остановился. Собрав все силы, которые еще сохранились в его изголодавшемся теле, он замер в ожидании, не спуская глаз со своей подруги. Она стояла, повернувшись к востоку, вытянув вперед морду, дрожа всем телом.

Вдруг Казан, уловив какой-то звук, заскулил и ринулся вперед. Серая Волчица бежала рядом. Она все сильнее чувствовала знакомый запах, вскоре он дошел и до ноздрей Казана. Это был не заяц, не куропатка — они напали на след крупной дичи.

Приближались они осторожно, стараясь держаться против ветра. Заросли на болоте становились все гуще, и вот в сотне ярдов впереди раздался стук сшибающихся рогов. Через несколько секунд Казан и Серая Волчица перебрались через сугроб, и здесь Казан вдруг замер, припав брюхом к земле. Волчица притаилась рядом с ним, обратив свою слепую морду и чуткий нос туда же, куда Казан повернул свои зоркие глаза.

В полусотне ярдов от них в густом ельнике пряталось небольшое стадо лосей. Все деревья вокруг были начисто обглоданы на высоте лосиного роста, а снег был плотно притоптан копытами. Здесь находилось шесть животных: два самца сошлись в ожесточенной схватке, три

самки и годовалый лосенок стояли в стороне, наблюдая за этим решающим поединком. Как раз перед бураном молодой самец, у которого были небольшие плотные рога четырехлетки, привел трех самок и лосенка под защиту густого ельника. Он был властелином своего стада. И вот прошлой ночью в его владения вторгся старый лось. Он был вдвое тяжелее молодого и раза в четыре старше: огромные ветвистые рога, узловатые и корявые, свидетельствовали о его солидном возрасте. Закаленный в сотнях битв, он без колебаний вступил в бой, чтобы отнять у молодого лося его дом и семью. С рассвета они уже трижды принимались драться, и утоптаный снег вокруг окрасился кровью. Запах ее достиг ноздрей Казана и Серой Волчицы. Казан жадно втягивал в себя воздух, Серая Волчица облизывалась и урчала.

На мгновение бойцы разошлись и стояли, низко опустив головы. Старый лось еще не одержал победы. На стороне его соперника были молодость и выносливость. Старик мог противопоставить этому огромный вес и зрелую силу. Голова и рога у него были подобны мощному тарану. Но возраст его был ему не только на пользу. Бока его тяжело вздымались, широко раздувались ноздри. Словно по какому-то невидимому знаку, бойцы сошлись. Стук рогов был слышен на полмили вокруг. Под тяжестью врага весом в полторы тысячи фунтов молодой лось сел на задние ноги. Но тут-то и сказала его молодость: в мгновение ока он вскочил и снова скрестил рога с противником. Он уже раз двадцать проделывал это, и с каждой атакой силы его, казалось, увеличивались. Теперь, словно сознавая, что наступили решающие минуты решающей схватки, он пустил в ход всю свою силу, пытаясь вывернуть старому лосю шею. Казан и Серая Волчица слышали резкий треск — словно хрустнула палка под чьей-то тяжелой ногой. Стоял февраль, и лоси уже начинали сбрасывать рога; а у старых самцов рога отпадают раньше. Это обстоятельство и принесло молодому лосю победу на залитой кровью арене. Один из рогов старого лося с треском сломался, и тут же острый рог противника на четыре дюйма вонзился ему под лопатку. Мужество мгновенно оставило старого бойца, он стал подаваться назад, ярд за ярдом, а молодой лось продолжал наносить ему удары в шею и плечи, из десятка ран струйками потекла кровь. Отступив к краю поляны, старый лось в последний раз оттолкнул соперника и кинулся в лесную чащу.

Молодой не стал его преследовать. Он вскинул голову и простоял несколько мгновений, тяжело дыша и раздувая ноздри, глядя в ту сторону, куда скрылся побежденный противник. Потом повернулся и направился к лосихам и теленку, все еще стоявшим неподвижно.

Казан и Серая Волчица дрожали от волнения. Волчица скользнула в сторону, Казан последовал за ней. Их больше не интересовали ни лосихи, ни молодой лось. Их будущая жертва только что была изгнана отсюда — побежденный в бою и истекающий кровью самец. Инстинкт дикой стаи мгновенно вернулся к Серой Волчице, Казан также испытывал страстное желание полакомиться кровью, которую он чувал. Они пошли по следу старого лося. В ослабевшем теле Казана кровь зажглась и побежала быстрее. Глаза его еще сильнее покраснели от голода и горели таким свирепым огнем, какого не бывало в них даже в прежние дни, когда Казан охотился вместе с волчьей стаей. Он помчался с необычайной скоростью, почти забыв о Серой Волчице. Но она могла теперь передвигаться и без его помощи. Не отрывая носа от кровавого следа, она бежала, как прежде, — как умела бегать, когда была еще зрячей.

В полумиле от ельника они наткнулись на лося. Он стоял в зарослях пихты, под ним на снегу все увеличивалась лужа крови. Он все еще тяжело дышал, опустив огромную голову с обломанным рогом. Но и теперь на измученного и ослабевшего от голода и потери крови старого лося не решилась бы сразу напасть даже стая волков. Однако Казан, не колеблясь, с коротким рычанием прыгнул вперед. На мгновение его клыки впились в толстую кожу на лосиной шее. Но он тут же был отброшен на двадцать футов в сторону. Мучительный голод лишил Казана всякой осторожности. Он снова прыгнул, а Серая Волчица в это время незаметно подкралась сзади. Она знала, что должна подобраться к самому уязвимому месту. Казан попал прямо на широкую ветвь огромного рога, снова был отброшен и едва поднялся, оглушенный падением. В этот самый момент длинные зубы Серой Волчицы, словно острые лезвия, вонзились в сухожилия задней ноги лося. С полминуты она не разжимала челюстей, пока лось метался из стороны в сторону, пытаясь поднять ее под свои копыта.

Казан быстро оценил положение и мгновенно понял указание Серой Волчицы. Он сделал еще один прыжок, намереваясь вцепиться в другую ногу лося, но опять про-

махнулся. Серая Волчица тоже была отброшена в сторону, но она уже успела сделать свое дело. Потерпев поражение в открытом бою со своим сородичем, а теперь встретившись с еще более опасным противником, старый лось начал отступать. Но задняя его нога, та, у которой было прокушено сухожилие, подгибалась при каждом шаге.

Дважды отброшенный рогами, Казан больше не решился на прямое нападение. Но Серая Волчица, хотя и не имела возможности видеть, прекрасно понимала, что произошло. Ее прежний охотничий опыт подсказывал ей, что надо делать. Она затрусила вслед за лосем, а Казан на несколько секунд задержался и стал жадно лизать пропитанный кровью снег. Потом догнал Серую Волчицу и побежал с ней рядом, в сорока ярдах позади лося. Крови на их пути было теперь больше, она тянулась перед ними красной лентой.

Минут пятнадцать спустя лось опять остановился. Он стоял, оглядываясь по сторонам, низко пригнув огромную голову. Шея и плечи его понуро опустились, в нем уже не видно было того несокрушимого воинственного духа, который не изменял старому лосю в течение почти двух десятков лет. Он перестал быть хозяином леса. В посадке его великолепной головы не было больше вызова, налитые кровью глаза уже не горели прежним огнем. Дыхание вырывалось из его ноздрей с хрипом, который с каждой минутой становился все явственнее. Опытный охотник сразу определил бы, что это значит: острый рог молодого лося попал в цель, и теперь легкие старика начинали сдавать. Серая Волчица все поняла. Она принялась медленно кружить возле раненого исполина. Казан держался с ней рядом. Раз двадцать прошли они так по кругу, и каждый раз лось поворачивался, следя за ними взглядом. Дыхание его становилось все более затрудненным, голова опускалась все ниже.

Миновал полдень, и во второй половине дня мороз усилился. Вот уже не двадцать, а целых сто кругов проделали Казан и Серая Волчица вокруг лося. Их лапы протоптали твердую тропинку в глубоком снегу. А под копытами лося снег был совершенно красный.

Наконец в этом неотступном кружении наступил момент, когда лось не мог уже поворачиваться вслед за Казаном и волчицей. Серая Волчица, казалось, сразу поняла, что это значит. Следом за ней и Казан сошел с прибитой их лапами тропы; они распластались под низ-

корослой елью и стали ждать. Довольно долго лось стоял неподвижно, пригибаясь все ниже и ниже к земле. И вдруг с глубоким вздохом упал. Несколько минут Казан и Серая Волчица не двигались, потом снова вышли на проложенную ими тропу. Они опять начали кружить, круг все сужался, фут за футом; и вот лишь несколько ярдов отделяло их от добычи. Лось сделал попытку подняться, но не смог. Серая Волчица угадала его движение. Неожиданно, с молниеносной быстротой она бросилась на него. Ее острые клыки впились в ноздри лося. И тут же, повинувшись инстинкту собаки, Казан прыгнул и вцепился лосю в горло.

Потом Серая Волчица отошла назад, нюхая воздух и прислушиваясь. Она медленно подняла голову, и в морозном воздухе через весь дикий мир пронесся ее протяжный победный вой — приглашение на пир.

Дни голода миновали.

Г л а в а XIV

ПРАВО КЛЫКА

Они убили лося как раз вовремя. Это спасло Казану жизнь. Он не в состоянии был переносить голод так легко, как его подруга. Долгий пост и шестидесятиградусный мороз превратили его в жалкое подобие того свирепого, всегда готового к бою Казана, каким он был раньше.

Расправившись с лосем, Казан в изнеможении лег прямо на залитый кровью снег. У Серой Волчицы, более выносливой, чем ее друг, еще хватило сил разорвать кожу на шее лося, но есть она не стала, а подбежала к Казану и, тихонько скуля, начала подталкивать его носом. Они принялись за еду, лежа бок о бок, вгрызаясь в теплое сладкое мясо.

Последний бледный свет северного дня уже затухал, поспешно уступая место ночи, когда они наконец отошли от лося, наевшись до того, что их ввалившиеся бока непомерно раздулись. Совсем затих и без того слабый ветерок. Тучи, висевшие на небе весь день, теперь уплыли на восток, и луна взошла ясная и сверкающая. Ночь становилась все светлее, потому что к сиянию луны и звезд присоединялись неяркие огни северного сияния, мерцающего и вспыхивающего над полюсом. Моноотное потрескивание северного сияния, похожее на

скрип стальных полозьев по насту, слабо доносилось до ушей Казана и Серой Волчицы.

Они пошли было прочь от туши лося, но, не пройдя и сотни ярдов, остановились прислушиваясь. Потом повернули и медленно побрели обратно к убитому ими животному. Инстинкт говорил им, что оно будет принадлежать им лишь до тех пор, пока они сумеют отстанывать его. Они убили его в драке, но, по законам дикой природы, нужно будет вновь драться, чтобы сохранить добычу. В прежние, сытые дни обильной охоты они бы бросили ее и отправились бродить под луной и звездами, но долгие дни голода научили их бережливости.

Этой ясной безветренной ночью, наступившей после болезни и голода, тысячи отошавших голодных существ вышли из своих убежищ на охоту. Казан и Серая Волчица чуяли это и ни на минуту не теряли бдительности. Они легли у края густого ельника и стали ждать. Серая Волчица не переставая нюхала воздух, прислушивалась и беспокойно скулила, предостерегая Казана.

И вдруг мускулы их напряглись. Кто-то живой находился совсем близко — они его не видели, не слышали, только едва чуяли. Вот опять! Мелькнула легкая тень, и на землю бесшумно опустилась похожая на гигантскую снежинку большая белая сова. Казан увидел, как это голодное крылатое существо уселось на плечо лося, и с быстротой молнии выскочил из своей засады. Серая Волчица выбежала за ним. С сердитым рычанием он кинулся на белого разбойника, но челюсти его, промахнувшись, щелкнули в воздухе. Казан прыгнул слишком далеко и, оглянувшись, увидел, что сова уже исчезла.

Теперь к Казану вернулась почти вся его прежняя сила. Он ходил вокруг лося, шерсть на его спине ошетичилась, глаза смотрели широко и грозно. Он рычал в темноту, лязгая челюстями. Потом сел, повернувшись мордой в ту сторону, откуда, оставив за собой кровавый след, пришел лось. Инстинкт предупреждал Казана, что опасность может явиться именно отсюда.

След красной ленточкой убегал в чащу. В эту лунную ночь по всему лесу шныряли маленькие проворные горностаи, похожие на белых крыс. Они первыми обнаружили след лося и со всей своей кровожадной свирепостью устремились по этому следу. Лиса за четыре мили учуяла запах и подошла поближе. Из-под бурелома вылезла тощая куница и, ступив на алую ленточку следов, замерла как вкопанная.

Появление куницы возле туши лося заставило Казана выскочить из укрытия в ельнике. При свете луны произошла короткая, решительная схватка. Куница отбивалась, царапалась, потом, по-кошачьи взыв от боли, обратилась в бегство, забыв про голод. Казан вернулся к Серой Волчице с расцарапанным носом. Серая Волчица сочувственно полизала кровоточащий нос, и Казан лег на снег, все еще напряженно прислушиваясь.

Заслышав шум драки, лиса поспешила убраться подальше. Лиса — не боец, а убийца, наносящий удар сзади. Немного погодя она подкараулила сову и, разорвав ее, добралась до комочка мяса, спрятанного в огромной куче прерьев.

Но ничто не могло отпугнуть маленьких белых лесных разбойников — горностаев. Они не побоялись бы проскочить под ногами у человека, лишь бы добраться до мяса, до свежей крови. Казан отчаянно отбивался, но для него эти зверьки были слишком проворны. Они нырнули под тушу лося и преспокойно ели, пока Казан бешовался и в ярости хватал зубами снег. Серая Волчица невозмутимо наблюдала со стороны. Маленькие горностаи не вызывали в ней беспокойства, и Казан наконец понял это и лег рядом с ней, устав от бесполезной борьбы.

Долгое время после этого почти ничто не нарушало ночной тишины. Один раз откуда-то издалека донесся волчий вой да время от времени раздраженно, обиженно ухала с верхушки ели сова, но эти звуки только подчеркивали безмолвие ночи.

Луна сияла уже прямо над их головами, когда Серая Волчица почуяла первую настоящую опасность и тут же подала знак Казану, повернувшись в ту сторону, откуда шел кровавый след. Она дрожала всем телом, клыки ее сверкали при лунном свете, в горле поднималось рычание. Такое предупреждение она давала Казану, лишь когда чуяла присутствие их смертельного врага — рыси. Казан вскочил, уже готовый к бою, хотя сам он еще не чувствовал запаха подкрадывающейся красивой серой кошки.

Но внезапно положение переменялось. Послышался протяжный свирепый вой, голос подлинного хозяина дикого леса — волка. От такого голодного воя у людей кровь стынет в жилах, лоси и олени, дрожа от страха, вскакивают на ноги. Этот клич, как песня смерти, летел над лесами и болотами, над покрытыми снегом холма-

ми, и отголоски его в эту звездную ночь были слышны на мили вокруг.

Потом наступила жуткая тишина. Казан и Серая Волчица стояли плечом к плечу. То, что они слышали, не было ни предостережением, ни угрозой — это был зов собрата. Где-то там, позади рыси, куницы и лисы, находились сородичи Серой Волчицы — стая волков. Подруга Казана села и послала в ответ долгий ликующий вой, приглашая на пир своих голодных братьев.

Заслышав вой с двух сторон и оказавшись между врагами, рысь скользнула в сторону и затерялась в залитых лунным светом лесных просторах.

Глава XV

ПОЕДИНОК ПОД ЗВЕЗДАМИ

Казан и Серая Волчица сели и стали ждать. Прошло пять, десять, пятнадцать минут — и Серую Волчицу охватило беспокойство. Никто не ответил на ее зов. Она снова завывала, а Казан внимательно прислушался, и снова ответом была мертвая тишина ночи. Не таковы обычаи волчьей стаи. Серая Волчица была уверена, что ее слышали, и молчание приводило ее в недоумение. Вдруг оба они почувствовали, что стая, а может быть, одинокий волк, голос которого они слышали, находится совсем близко. Через несколько мгновений при свете луны Казан различил движущуюся фигуру, за ней следовала другая, потом еще — и вот уже пять теней расположились полукругом ярдах в семидесяти от убитого лося. Вот они распластались на снегу и застыли в неподвижности.

Серая Волчица зарычала. Взглянув на нее, Казан увидел, что она отпрянула назад, угрожающе засверкала клыками и плотно прижав уши. Казан очень удивился. Почему она предупреждает его об опасности? Ведь перед ними волки, а не рысь. И почему волки не начинают пиршества? Казан медленно направился к ним, а Серая Волчица заскулила, прося его вернуться. Но он не обратил на это внимания и продолжал, легко ступая, двигаться вперед, ошестинившись и высоко вскинув голову.

В запахе незнакомцев Казан почувствовал теперь что-то до странности знакомое. Он пошел вперед смелее и остановился лишь в двадцати ярдах, слегка завиляв хвостом. Один зверь выскочил и подошел к Казану, остальные последовали его примеру. Через несколько мгновений

Казан был окружен пришельцами, которые обнюхивали его, а он, виляя хвостом, обнюхивал их. Это были не волки — это были собаки.

Очевидно, в какой-нибудь одинокой хижине умер охотник, и собаки его ушли в лес. На всех были надеты ошейники и еще оставались следы постромок. Шерсть у них на боках стерлась, за одним псом еще волочилась трехфутовая веревка. Глаза у собак горели красным голодным огнем. Они измучились и отошали от голода, и Казан вдруг повернулся и повел их к убитому лосю. Потом отошел, с гордым видом уселся рядом с Серой Волчицей и слушал, как щелкают челюсти, как жадные клыки раздирают мясо.

Серая Волчица теснее прижалась к Казану и уткнулась мордой ему в шею, а он быстро, по-собачьи лизнул ее, словно убеждая, что все в порядке и ей нечего опасаться. Наконец собаки насытились и подошли к Серой Волчице, чтобы обнюхать ее, как всегда делают собаки при знакомстве. Она распласталась на снегу, а Казан стоял над ней, как грозный страж. Одна огромная, свирепого вида собака, та, за которой волочилась веревка, обнюхивала Серую Волчицу на какую-то долю секунды дольше, чем следовало. Казан предостерегающе зарычал. Собака отошла, но на мгновение тоже сверкнула клыками.

Эта большая лайка была вожакom. А если бы на вожака так зарычал кто-нибудь из его своры, он немедленно вцепился бы в горло дерзкому собрату. Но в диком, свирепом Казане он не видел и капли раболепного послушания ездовых собак. Перед ним был такой же хозяин, как и он сам. Казан к тому же стоял на страже Серой Волчицы. Еще мгновение, и он прыгнул бы, чтобы вступить за нее в бой. Но вожак угрюмо отвернулся, все еще продолжая рычать, и выместил злобу, укусив в бок одну из собак своей своры.

Серая Волчица, хотя и не могла видеть, все же поняла, что произошло. Скуля и подталкивая Казана носом, она робко пыталась увести его подальше от этого места. Но в ответ из горла Казана донесся приглушенный угрожающий рокот. Казан лег рядом с подругой, бысто лизнул ее в морду и взглянул на чужаков.

Луна опускалась все ниже и ниже и наконец исчезла на западе за лесами. Звезды начали бледнеть. Они гасли одна за другой, и вот уже настал серый, холодный северный рассвет. Тогда вожак своры поднялся из ямки, ко-

тору он вырыл себе в снегу, и направился к туше лося. В одно мгновение Казан был уже на ногах и тоже стоял возле лося. Они оба стали зловеще кружить, ошестинившись и пригнув головы. Вожак отступил на несколько шагов, а Казан пристроился у шеи лося и начал рвать зубами замерзшее мясо. Есть ему не хотелось, но он решил доказать свое право на эту добычу.

На какую-то минуту Казан забыл про Серую Волчицу. А вожак между тем скользнул в сторону, словно тень, и снова подошел к Серой Волчице. Она вонзила свои клыки в плечо обидчика, и в то же мгновение в воздухе метнулась серая тень, бесшумная и грозная. Это Казан налетел на вожака, и они сцепились в ожесточенной схватке. Остальные собаки подбежали и уселись на снег в десяти шагах от дерущихся. Серая Волчица легла в стороне.

Дрались они не так, как дерутся ездовые собаки или волки,— ярость и ненависть в первые мгновения совершенно ослепила их. И у того, и у другого бойца была сильная хватка. Они вертелись с поразительным проворством, наверху оказывался то один, то другой, и четыре собаки, наблюдавшие за дракой, едва поспевали глазами за их движениями. При других обстоятельствах зрители давно бы уже бросились на первого поверженного на землю бойца и разорвали бы его на куски. Таков обычай. Но теперь они стояли в нерешительности.

Вожак-великан никогда не знал поражения в битвах. Предки, датские доги, наградили его огромным ростом и челюстью такой силы, что он мог бы с легкостью размозжить голову любой обыкновенной собаке. Но Казан был не просто ездовым псом или волком — в нем сочетались лучшие качества обоих. Кроме того, он уже успел как следует отдохнуть на сытый желудок. А главное, он выступал на защиту своей подруги. Его клыки вонзились глубоко в плечо лайки, но и длинные зубы вожака тоже сомкнулись на его шее. Окажись они на один дюйм глубже, и лайке удалось бы перекусить Казану вену. Казан почувствовал это и даже в самые острые моменты борьбы внимательно следил за тем, как бы противник не повторил хватку. Тот было попробовал, но Казан проворнее любого волка отскочил в сторону. Из раны на груди у него сочилась кровь, но он не замечал боли. Теперь враги начали медленно кружить. Сидящие вокруг собаки придвинулись на несколько шагов, в волнении разинув пасти, их глаза загорелись — они ждали роковой минуты. Все четыре глядели на своего вожака. Казан описывал вок-

руг него круги, а тот, хромя, поворачивался за ним. Плечо у лайки было сломано. Прижав уши, она напряженно следила за Казаном. Уши Казана стояли торчком, лапы легко ступали по снегу. К нему вернулся весь его опыт, вернулась осторожность. Исчезла слепая ярость первых мгновений, теперь он дрался так, будто перед ним был зверь с длинными когтями — дымчатая рысь.

Пять раз Казан обошел вокруг противника, потом, словно молния, прыгнул, обрушив всю тяжесть своего тела на плечо лайки. На этот раз Казан не пытался вцепиться в горло. Он нанес сокрушительный удар по челюсти. Это был самый верный удар, если принять во внимание тех безжалостных судей, которые ждали падения побежденного. Казан сбил противника с ног, и в то же мгновение собаки ринулись на упавшего. Вся ненависть, которая накопилась у них за те месяцы, пока их свирепый вожак командовал ими, вылилась теперь наружу, и через несколько секунд он был разорван.

Гордой походкой Казан подошел к Серой Волчице. Радостно заскулив, она положила ему голову на шею. Дважды он бился за нее не на жизнь, а на смерть и оба раза победил. Она послала восторженный клич в холодное серое небо и, прижавшись к Казану, с радостью слушала, как вонзаются зубы собак в тело врага, сраженного ее повелителем.

Г л а в а Х V I

ГОЛОС КРОВИ

Пиршество над тушей старого лося длилось несколько дней. Напрасно Серая Волчица пыталась увести Казана поглубже в леса. Мороз спадал с каждым днем, снова наступила пора охоты. Серой Волчице хотелось опять быть вдвоем с Казаном. Но у существ сильного пола обладание властью, должно быть, всегда вызывает какие-то новые ощущения, и Казан увлекся своим положением вожака собачьей своры. Теперь не одна только волчица, а еще четыре лайки следовали за ним по пятам. Снова он испытывал и странное возбуждение и торжество, уже почти забытое им. Серая Волчица угадывала опасность, которой грозила Казану его новая власть.

Трое суток все они оставались поблизости от убитого лося, готовые защищать его от вторжения чужаков. Правда, с каждым днем они становились все менее бди-

тельными. На четвертый день им удалось затравить молодую лань. Казан возглавлял охоту, и впервые за все время, возбужденный присутствием своры, он бросил отставшую Серую Волчицу. Когда они настигли жертву, Казан первый вцепился в ее мягкое горло, и, пока он не начал раздирать зубами мясо, никто не решался приступить к еде! Казан был хозяином. Он мог зарычать и прогнать всех прочь. Когда блестели его клыки, собаки трусливо прижимались к земле.

Кровь его кипела. Возбуждение и радость, которые давала власть, постепенно вытесняли из его сердца привязанность к Серой Волчице. А она, чувствуя это, утратила прежнюю легкость походки, не так уверенно держала голову. К убитой лани она едва притронулась. Теперь слепая морда ее всегда была направлена туда, где находился Казан. Куда бы он ни двинулся, она следовала за ним своими невидящими глазами в надежде, что он позовет ее и они уйдут и снова будут жить вдвоем.

После того как он стал вожаком, в Казане начали происходить странные перемены. Будь у него в подчинении волки, Серой Волчице ничего не стоило бы отбить его от них. Но Казана теперь окружали его братья по крови. Все-таки он был собакой. Жизнь с Серой Волчицей угнетала Казана только одним — одиночеством, а это чувство совсем незнакомо его дикой подруге. Собакам необходимо общество подобных себе существ, и не одного, а нескольких. Природа научила Казана слушать и исполнять приказания человека. Правда, он научился и ненавидеть людей, но к собачьему племени он принадлежал по-прежнему. Ему хорошо жилось с Серой Волчицей, лучше, чем раньше, когда он находился в обществе людей и собак. Но Казан долго был оторван от своей старой жизни, и теперь голос крови заставил его на время забыть скверные ее стороны. И только чуткая Серая Волчица понимала, к чему все это может привести ее друга.

С каждым днем становилось все теплее, и в полдень снег на солнце начал оседать. Прошло уже две недели после сражения возле убитого лося. Свора постепенно продвигалась на восток, в конце концов они оказались в пятидесяти милях восточнее и в двадцати пяти милях южнее старого логовища Казана и Серой Волчицы под буреломом. Волчица все больше тосковала по своему покинутому жилищу. Увести Казана обратно она уже не могла. Несмотря на все ее попытки, он продолжал идти во главе своры все дальше на юго-восток.

Инстинкт заставлял собак держаться этого направления. Они еще слишком недолго прожили в лесу, чтобы забыть власть человека, а люди были именно там. Совсем уже недалеко находился форт, откуда эти четыре лайки выехали в свое время с прежним своим хозяином. Казан этого не знал, но вот однажды произошло событие, которое вновь напомнило ему о прежней жизни, о былых привязанностях, которые уже не раз заставляли его покидать Серую Волчицу.

Они поднялись на вершину холма и вдруг остановились как вкопанные. Человеческий голос! Погонщик крикивал на собак. Казан, чувствуя необычайное волнение, заглянул вниз, в долину, и увидел упряжку из шести собак, тянущую сани. Позади саней на лыжах бежал человек и окриком то и дело подгонял своих собак.

Дрожа в нерешительности, лайки и их предводитель стояли на холме, а Серая Волчица жалась где-то позади. Они не сдвинулись с места, пока человек и его упряжка не скрылись из виду, но потом подбежали к следу, стали взволнованно нюхать снег и скулить. Мили две они шли за человеком прямо по широким полосам, оставленным его лыжами, лишь Серая Волчица бежала ярдов на двадцать правее, потому что свежий человеческий запах причинял ей мучительное беспокойство. Только любовь к Казану, только доверие, которое она все еще испытывала к нему, заставляли ее находиться так близко к ненавистному следу.

На краю какого-то болота Казан остановился, потом свернул со следа. Собачье влечение к человеку у Казана все росло, но дикие предки оставили ему в наследство подозрительность, которую ничто не могло истребить. Серая Волчица радостно взвизгнула, поняв, что Казан сворачивает в чашу, и побежала рядом с ним, плечо к плечу...

Снега начали таять, а талый снег — это первый признак весны. Весной человек уходит из диких лесов и долин. Вскоре Казан и его товарищи, находившиеся теперь милях в тридцати от форта, почувствовали, что движение на человеческих тропах стало оживленней. За сотню миль со всех сторон к форту съезжались трапперы с последней зимней добычей пушнины. В востока и запада, с севера и юга шли их пути, и все они сходились у форта. Казан и его свора очутились в самой гуще этих путей. Не проходило дня, чтобы они не нападали на один, а то и на несколько совсем свежих следов.

Серую Волчицу мучил непрерывный страх. Не видя ничего, она все же чувствовала, что со всех сторон на-двигается опасная близость человека. Но у Казана человеческий запах перестал вызывать страх и настороженность. Трижды за последнюю неделю ему приходилось слышать крики людей, а один раз до него долетели даже мужской смех и лай собак, которым хозяин раздавал ежедневный рацион рыбы. В воздухе Казан улавливал острый запах костров, и однажды ночью до него донеслись обрывки удалой песни, а потом — опять лай собачьей упряжки.

Медленно, но верно притягательная сила человека влекла Казана ближе к форту — на одну, на две мили в сутки, но все-таки ближе. Серая Волчица, зная, что борьба ее обречена на провал, все же решила довести ее до конца. Она чувствовала приближение того часа, когда Казан ответит голосу своей крови и она, его верная подруга, останется в одиночестве.

В форте пушной компании наступили дни приятного волнения и кипучей деятельности. Охотники сдавали шкурки, подсчитывали прибыли и предвкушали всяческие развлечения. В эти дни сюда притекали несметные пушные богатства, которые должны были в скором времени перекочевать в Лондон, в Париж, во все другие европейские столицы. В этом году компания особенно нетерпеливо ждала прибытия людей из леса. Оспа сделала свое ужасное дело, и до тех пор, пока не была проведена весенняя перепись охотников, не удалось бы установить, кому из них посчастливилось выжить.

Первыми стали прибывать с юга индейцы и метисы вместе со сворами своих злых дворняжек. Затем из тундры потянулись охотники, которые везли тюки со шкурами песцов и оленей; их длинноногие, широколапые собаки с Макензи тащили сани, как кони, и визжали, как щенки, когда на них нападали лайки. С берегов Гудзона залива тянули сани лабрадорские собаки, свирепые и неукротимые, — таких могла сломить только смерть. Низкорослые желтые с серыми пятнами эскимосские собаки, сталкиваясь с крупными темными псами из Атабаски, действовали клыками так же проворно, как их черноволосые хозяева руками и ногами.

Давние недруги и соперники, они прибывали со всех сторон. В воздухе стоял лай, собаки грызлись и рычали, жестоким схваткам не было конца. Дрались с восхода до заката, а потом и ночью, у костров. Многие схватки

кончались смертью. Чаше других гибли изнеженные дворняги с юга и медлительные, неповоротливые собаки с берегов Макензи.

Над всей округой стоял дым сотен костров, возле которых толпились жены и дети охотников. Когда снег стал совсем непригодным для санной езды, Уильямс, управляющий фактори, стал вычеркивать из своих списков многих и многих охотников, павших жертвой страшной болезни.

Потом наступил день большого праздника. К нему готовились месяцами, его с нетерпением ждали и мужчины, и женщины, и дети. В десятках лесных хижин, в дымных вигвамах, в снежных жилищах эскимосов волнующее ожидание праздничного дня скрашивало людям однообразные будни. Такие празднества компания устраивала дважды в год.

В этом году, чтобы сгладить воспоминания об ужасной эпидемии и многочисленных жертвах, управляющий пошел на дополнительные расходы. Он отрядил специальных охотников, и они добыли четырех жирных оленей. На широкой поляне в лесу сложили четыре больших костра, над каждым врыли по два десятифутовых столба, а на столбы уложили длинные гладкие шести. На эти шести, как на вертелы, нанизали оленье туши, чтобы зажарить их целиком на костре.

С наступлением сумерек вспыхнули огни, а когда пламя разгорелось, сам управляющий Уильямс первым затянул одну из диких песен Севера — Оленью Песню:

Эй-о, олень... олень... олень...

Быстроногий белый олень!

Ты летишь, как ветер, о белый олень...

— А ну давай все вместе! — крикнул управляющий.

Увлеченный его примером, лесной народ пробудился от долгого молчания, и к небесам понесся буйный, причудливый напев.

* * *

Этот громовый многоголосый хор долетел до ушей Казана, Серой Волчицы и четырех бездомных лаек. Вместе с голосами людей слышался и возбужденный визг собак. Лайки неотрывно смотрели в ту сторону, откуда шли эти звуки, беспокойно переступали с лапы на лапу и скулили. Некоторое время Казан стоял, словно окаменев. Потом повернулся и взглянул на Серую Волчицу. Она

лежала в десяти футах от него, распластавшись под густыми ветвями пихты. Серая Волчица не издала ни единого звука, только вздернулась ее верхняя губа, сверкнули белые клыки.

Казан подбежал к ней, лизнул ее в слепую морду и заскулил. Серая Волчица не шелохнулась. Тогда Казан отошел и вернулся к лайкам. Шум праздника донесся еще яснее, и тут все четыре лайки, не сдерживаемые больше властью Казана, пригнув головы, словно тени скользнули во тьму. К людям! Казан стоял в нерешительности, все еще надеясь убедить Серую Волчицу пойти вместе с ним. Но она не дрогнула ни одним мускулом. Серая Волчица последовала бы за Казаном в огонь, но не к людям. Вот она услышала поспешный, быстро затихающий бег Казана. И поняла, что он ушел. Только теперь она подняла голову и завывала.

Это была ее последняя попытка вернуть Казана. Но в его крови все сильнее и сильнее росла тяга к людям, к собакам. Лайки его своры уже были далеко, и первые мгновения Казан летел с бешеной скоростью, стараясь догнать их. Потом замедлил шаг и побежал рысцей, а еще через сотню ярдов совсем остановился. Меньше чем в миле перед собой он увидел пламя огромных костров, которые бросали в ночное небо багровые отсветы. Казан оглянулся: не идет ли за ним Серая Волчица? Потом решительно двинулся вперед и вышел на проезжую дорогу. На ней было множество следов человека и собак, здесь же накануне проволокли туши двух оленей.

Казан вошел в негустые заросли, окружавшие вырубку, на которой были разложены костры. Пламя отсвечивало в его глазах, шум пиршества вихрем врвался в уши. Казан слышал пение и смех мужчин, веселые пронзительные крики женщин и детей, лай и рычание сотен собак. Ему хотелось броситься к ним, снова стать частью той, прежней жизни. Ярд за ярдом он продвигался сквозь заросли, пока не оказался на самой опушке. Тогда он остановился и с тоской взглянул на влекущую его картину, дрожа в нерешительности.

Казан стоял всего в сотне ярдов от костров. Ноздри его вдыхали волнующий аромат жареного мяса. На его глазах огромные олени туши были сняты с огня и брошены на тающий снег. Держа в руках ножи, люди обступили их, а за спинами людей сомкнулось рычащее кольцо собак. И тут Казан забыл про все — забыл Серую

Волчицу, забыл всю науку, преподанную ему человеком и дикой природой,— и стремглав полетел через вырубку.

Из толпы вышли несколько человек с длинными бичами, чтобы отогнать чересчур назойливых собак. Удар бича обрушился на плечо какой-то эскимосской собаки, и, огрызаясь, та задела зубами приблизившегося к толпе Казана. Казан не остался в долгу, и между ними тотчас завязалась драка. С молниеносной быстротой Казан повалил противника и вцепился ему в горло.

Громко крича, к ним подскочили люди. В воздухе зашелкали бичи, их удары обрушивались на Казана, и жгучая боль мгновенно освежила в его памяти прежние дни, прошедшие под знаком бича и дубинки. Рыча, он стал медленно выпускать горло собаки. И тут из беспорядочной толпы людей и собак выступил еще один человек. В руках у него была дубинка! Удар обрушился на Казана с такой силой, что он растянулся на снегу. Потом та же рука снова занесла над ним дубинку, и Казан увидел лицо человека — красное и жестокое. При виде этого лица Казан пришел в бешенство. Когда дубинка опустилась вторично, ему удалось увернуться, а клыки его сверкнули, как ножи. Дубинка поднялась в третий раз, но Казан перехватил удар на лету и полоснул зубами по руке человека.

— О черт! — завопил человек.

Убегая к лесу, Казан успел заметить, как у кого-то в руках блеснул ствол ружья. Раздался выстрел. Казану словно раскаленным углем обожгло бедро, но только добравшись до глубины чащи, он остановился, чтобы зализать рану. Пуля лишь опалила ему шерсть и слегка задела кожу.

Серая Волчица все еще лежала под пихтой, когда Казан возвратился к ней. Она радостно выскочила ему навстречу. Человек еще раз вернул ей друга. Казан лизнул ее в морду и, положив голову ей на спину, постоял так некоторое время, прислушиваясь к отдаленным звукам.

Потом, прижав уши, он понесся прямо на северо-запад. И теперь Серая Волчица не отставала от него, а бежала рядом, как раньше, как в те дни, когда собачья свора еще не присоединилась к ним. Волчица чувствовала, что вернулась их прежняя дружба, и знала, что путь их теперь лежит к старому логовищу под буреломом.

Глава XVII

СЫН КАЗАНА

Когда месяц назад Казан и Серая Волчица покидали болото, оно было занесено глубоким снегом. Вернулись они в один из первых весенних дней. Солнце ласково пригревало, повеюду с шумом неслись большие и малые потоки, рожденные таянием снегов, с хрустом ломался тонкий ледок. Слышалось потрескивание скал и деревьев — последние крики умирающей зимы. Холодный неяркий блеск северного сияния уходил в своей прощальной красе все дальше и дальше на север, к полюсу. На тополях уже начали набухать почки, и воздух был напоен ароматом пихты, ели и кедра. Всего шесть недель назад повсюду вокруг царили голод, безмолвие и смерть, а сейчас, стоя на краю болота, Казан и Серая Волчица вдыхали весенний запах земли и прислушивались к движениям живых существ. Наверху, над их головами, сердито тараторила парочка каких-то пичужек. Большая сойка прихорашивалась, греясь на солнышке. Чуть подальше то и дело раздавался хруст ветки, сломанной твердым копытом. С холма позади слышалась тяжелая поступь медведицы; она пригибала ветви тополя и собирала лапами молодые почки — лакомства для медвежат, которые родились у нее еще во время зимней спячки.

Серая Волчица тихонько заскулила и потерлась мордой о Казана. Она уже давно пыталась сообщить Казану, что она тоже скоро станет матерью. Ей очень хотелось снова поселиться в сухом, теплом жилище под буреломом. У нее не было никакого желания охотиться. Ни хруст ветки под раздвоенным копытом, ни свежий след не пробуждали в ней прежних инстинктов. Она только мечтала поскорей добраться до родного бурелома. И изо всех сил старалась, чтобы Казан понял, чего она хочет.

Теперь, когда растаял снег, обнаружилось, что между ними и бугром, где находилось их логовище, появился маленький ручеек. Услыхав его журчанье, Серая Волчица наострила уши. С тех пор как они с Казаном укрывались во время великого пожара на песчаной отмели, Серая Волчица избавилась от присущего волкам панического страха перед водой. Она без колебаний последовала за Казаном, когда тот пошел искать место, где можно было бы перейти быстрый ручей вброд. На противоположном берегу Казан уже видел бурелом, а Серая Волчица чуяла его и радостно взвизгивала, повернув в ту

сторону свою слепую морду. В сотне ярдов выше по течению Казан обнаружил ствол большого кедра, упавший поперек ручейка. По этому мосту Казан перешел на другой берег; Серая Волчица колебалась всего одно мгновение, а потом решительно пошла вслед за Казаном. Они подбежали к бурелому, просунули внутрь головы и плечи и долго и внимательно прислушивались. И только потом вошли. Серая Волчица тут же разлеглась на сухой земле и тяжело задышала, но не от усталости, а от полного удовлетворения и радости. Казан тоже был рад вернуться в свое родное жилище. Он подошел к Серой Волчице, и она лизнула его в морду.

И тут Казан понял, что она хотела ему сообщить. Он лег рядом с ней, чутко прислушиваясь и поглядывая на вход в логовище. Потом встал и начал обнюхивать стены. Он находился уже у самого входа, как вдруг почувал совсем свежий запах. Он насторожился, шерсть у него на спине вздыбилась. Запах сопровождался звуками, похожими на хныканье обиженного ребенка. Затем через отверстие вошел дикобраз и направился в жилище Казана, все еще болтая что-то совсем по-детски,— за этот лепет человек всегда щадит дикобраза и не покушается на его жизнь. Казану и раньше приходилось слышать лопотанье дикобраза, и, как и другие дикие обитатели леса, он научился не замечать присутствие этого безобидного зверька. Казан знал, что стоит ему, Казану, зарычать, и добродушный дикобраз не замедлит пуститься наутек. Может быть, через день или всего через час Казан именно так и поступил бы, но сейчас, когда они с Серой Волчицей только что вернулись в свое жилище, всякий, кто покушался на него, был враг. Казан кинулся на дикобраза.

Послышалась какая-то трескотня вперемежку с поросчым визгом, потом истошный вой. Серая Волчица выбежала на шум. В сторонке сидел дикобраз, свернувшись комочком, выставив наружу лишь свои иглы, а рядом, вопя от боли, катался по земле Казан. Вся морда его была сплошь утыкана иглами. Он зарывал нос в сырую землю и лапами пытался содрать с себя эти злые колючки. Потом опрометью побежал прочь. Так поступила бы любая собака после соприкосновения с дикобразом. Дикобраз, Казан носился вокруг бурелома.

Серая Волчица весьма спокойно отнеслась к случившемуся. Вероятно, животным тоже доступно понимать смешные ситуации. В данном случае Серая Волчица яв-

но отнеслась с юмором к столь трагическому для Казана событию. Она чуяла присутствие дикобраза и понимала, что Казан пострадал от его игл. А поскольку предпринять было нечего и драться не с кем, Серая Волчица села и стала ждать, поднимая уши всякий раз, когда Казан с бешеной скоростью проносился мимо нее. После пятого круга Казана дикобраз несколько успокоился и, снова зататорив что-то, проковылял к ближайшему тополию, взобрался на него и принялся обгладывать молодую кору.

Наконец Казан остановился возле Серой Волчицы. После первого приступа боль слегка притупилась, но все равно вся морда у него горела и ныла. Серая Волчица подошла к Казану и внимательно обследовала его. Зубами она осторожно ухватила несколько торчащих иголок и вытащила их. Когда она повторила эту операцию, Казан залаял и заскулил от боли. Потом лег, вытянув передние лапы, закрыл глаза и безропотно подчинился своей подруге. К счастью, иглы не попали ему в рот и язык, но снаружи вся морда его кровоточила. Целый час Серая Волчица терпеливо вытаскивала иголки, и ей удалось извлечь почти все. Но самые короткие, которые невозможно было ухватить зубами, все же остались.

Казан отправился к ручью и погрузил свою горящую морду в холодную воду. Это дало ему некоторое облегчение, но ненадолго. Оставшиеся иглы, словно живые, проникали все глубже и глубже. Нос и губы начали распухать, изо рта капала слюна, смешанная с кровью, глаза покраснели. Спустя несколько часов одна из иголок насквозь прошла через губу и начала колоть язык. В отчаянии Казан принялся ожесточенно грызть какую-то деревяшку. От этого иголка затупилась и сломалась и не могла больше причинять вреда: природа подсказала пострадавшему путь к спасению. Весь день Казан грыз куски дерева или жевал влажную землю. И зазубренные иглы теряли свою силу.

Уже в сумерки Казан влез под бурелом, и Серая Волчица стала нежно лизать его морду своим мягким, прохладным языком. В продолжение ночи Казан то и дело поднимался и шел к ручью; окуная нос в ледяную воду, он чувствовал некоторое облегчение.

На следующий день вид у Казана был, как говорят индейцы, «дикобразный». Будь Серая Волчица зрячей и к тому же не волком, а человеком, она хохотала бы над ним до упаду. Вся морда у Казана раздулась, щеки

были похожи на две подушки, на месте глаз остались узенькие щелки. Выйдя на свет, он замигал. Он видел не многим лучше, чем его слепая подруга. Но зато боль почти прошла. Уже на следующую ночь Казан начал подумывать об охоте, а перед рассветом приволок в свое жилище зайца. Немного погодя он чуть было не поймал для Серой Волчицы куропатку, но в тот самый момент, когда он готовился прыгнуть на свою пернатую жертву, в нескольких шагах вдруг послышался негромкий голосок дикобраза. Казан застыл. Мало что могло заставить его трусливо поджать хвост. Но именно это он и сделал, заслышав бессвязную болтовню колючего зверька, и тут же стремглав кинулся прочь. Подобно тому как человек ненавидит и боится змею, так и Казану суждено было отныне в страхе убегать от маленького лесного жителя, который на всем протяжении звериной истории никогда не изменил своему добродушию и ни с кем не затевал ссоры.

Через две недели после приключения с дикобразом Казан, как и всегда, занимался охотой. Все удлиняющиеся дни были полны солнечного света и тепла. Быстро таяли последние остатки снега. Из земли потянулись тоненькие зеленые росточки. Стали лопаться почки на тополях, а на самом солнцепеке между камнями забелели подснежники — самое неоспоримое доказательство наступившей весны.

Сперва Серая Волчица часто охотилась вместе с Казаном. Далеко они не ходили — болото кишело мелкой дичью, и каждый день они лакомились свежим мясом. Потом Серая Волчица стала реже выходить на охоту.

Однажды теплой, ароматной ночью, сияющей светом полной весенней луны, Серая Волчица отказалась покинуть бурелом. Казан не настаивал. Инстинкт подсказывал ему, что не следует отходить далеко от жилища. Вскоре он вернулся с зайцем в зубах. А потом настала ночь, когда Серая Волчица огрызнулась на Казана из своего темного угла, будто предупреждая: «Не входи!» Казан стоял у входа, держа в пасти зайца. Он не обиделся на это рычание и постоял с минуту, глядя в темноту, где укрылась Серая Волчица. Потом, бросив зайца, лег поперек входа. Немного спустя он озабоченно поднялся, но далеко от бурелома не ушел. Вернулся домой он лишь днем. Казан принялся, как делал раньше, на вершине Скалы Солнца. Но теперь ему уже не показалось таинственным то, что он почуял. Он подошел ближе, и

Серая Волчица не зарычала, а приветливо заскулила. Потом морда Казана наткнулась на что-то мягкое, теплое. Существо это тихо посапывало. Казан заскулил, и в темноте Серая Волчица ласково лизнула его.

Казан вышел на солнечный свет и растянулся перед входом в свое жилище. Его переполняло чувство необычайного удовлетворения.

Г л а в а XVIII

ВОСПИТАНИЕ БА-РИ

Потеряв однажды детенышей, Казан и Серая Волчица теперь вели себя не так, как прежде. Возможно, их родительские чувства не были бы так остры, если бы в свое время в их жизнь не вторглась дымчатая рысь. В их памяти была свежа та лунная ночь, когда большая кошка лишила зрения Серую Волчицу и убила ее волчат. Теперь, чувствуя рядом с собой мягкий живой комочек, Серая Волчица особенно ясно представляла себе страшную картину той ночи и вздрагивала при каждом звуке, готовая броситься навстречу любому врагу. Казан тоже был начеку и вскакивал на ноги при малейшем шорохе. Он не доверял движущимся теням, треск сухой ветки заставлял вздергиваться его верхнюю губу, и, если в воздухе появлялся чужой запах, клыки его угрожающе сверкали. Воспоминания о Скале Солнца и в нем породили какие-то новые инстинкты. Ни на одно мгновение он не терял бдительности — все ждал, что рано или поздно из лесу появится их смертельный враг. И горе было всякому живому существу, которое осмеливалось приблизиться к бурелому в первые дни после рождения волчонка.

Но вокруг царили весеннее изобилие и полный покой. Солнце ласково светило над болотом. Никто не нарушал тишины, если не считать таких безобидных существ, как шумливые сойки, болтливые вьюрки, лесные мыши и горностаи.

Прошло несколько дней, и Казан стал чаще входить внутрь логовища. Но, сколько он ни шарил носом вокруг Серой Волчицы, ему удалось обнаружить лишь одного детеныша. Индейцы называли бы этого волчонка «Ба-Ри», что означает «рожденный без братьев и сестер». Он с самого начала был чистый и гладкий, потому что все внимание, все силы матери были направлены на него одного. Он рос быстро, как подобает волчонку. Пер-

вые три дня малыш вполне довольствовался тем, что лежал, примостившись возле матери, сосал, когда был голоден, и очень много спал. Серая Волчица почти все время заботливо вылизывала и приглаживала его своим мягким языком. Уже на четвертый день волчонок стал более деятельным и любопытным. Он стучался о морду матери, спотыкался о ее лапы, а один раз совсем заблудился, отойдя от нее на двадцать дюймов.

Через некоторое время детеныш стал принимать Казана как некое неперенное добавление к матери и с удовольствием кувыркался у него между передними лапами, а иной раз там и засыпал. Казан удивленно поглядывал на него, а Серая Волчица тоже со вздохом клала Казану голову на лапу, носом касаясь своего детеныша, и испытывала, казалось, полное удовлетворение. В таких случаях Казан по полчаса лежал не шелохнувшись.

В десятидневном возрасте Ба-Ри обнаружил, что очень интересно играть обрывком заячьей шкурки. А вскоре он сделал еще одно открытие — впервые увидел солнечный свет. Солнце к тому времени достигло такого положения, что в середине дня через одно из верхних отверстий яркий луч проникал в логовище под буреломом. Сначала Ба-Ри только в недоумении смотрел на золотую полоску, потом ему захотелось поиграть с ней, как он играл с заячьей шкуркой.

С каждым днем волчонок подбирался все ближе и ближе к отверстию, через которое его отец уходил в большой мир. И вот настал день, когда Ба-Ри наконец достиг выхода и лег там, жмурясь от света и пугаясь впервые увиденной картины. Теперь Серая Волчица не пыталась удерживать его, а даже сама вышла на солнце и стала звать сына к себе. Только через три дня его слабые еще глаза приспособились к яркому свету и позволили ему следовать за матерью. Очень скоро он научился любить солнце, теплый воздух и уже боялся темноты глубокого логовища, где он родился.

Но мир не был таким добрым и безмятежным, каким казался на первый взгляд. Довольно скоро волчонку пришлось в этом убедиться. Однажды, чувствуя зловещие признаки надвигающейся грозы, Серая Волчица стала звать своего детеныша под бурелом. Но он не понял ее предупреждения. Однако то, чего не удалось сделать Серой Волчице, прекрасно выполнила природа, дав малышу первый урок. Ба-Ри попал в страшный ливень. В ужасе распластался он на земле, промок насквозь и чуть не

захлебнулся, но тут Серая Волчица взяла его в зубы и отнесла домой.

Постепенно у него накапливался жизненный опыт и один за другим стали проявляться природные инстинкты. Величайшим в его жизни было то мгновение, когда его вездесущий нос дотронулся до сырого мяса только что убитого зайца. Впервые он узнал вкус крови. Она ему понравилась, вызвала в нем какое-то непонятное возбуждение, и с тех пор он стал понимать, что значит появление Казана, несущего в зубах добычу. Теперь уже Ба-Ри играл не с обрывком заячьего меха, а с твердыми деревяшками: у него прорезались острые, как иголки, зубы.

А однажды отец принес большого зайца — еще живого, но настолько израненного, что он не мог убежать, когда Казан выпустил его. Ба-Ри уже знал, что у зайцев и куропаток вкусная теплая кровь, которую он теперь любил больше материнского молока. Но к нему жертвы прибывали всегда мертвыми, он ни разу не видел их живыми. А сейчас заяц, которого Казан бросил на землю, шевелился, подпрыгивал. Это ужасно напугало Ба-Ри, и в течение нескольких секунд он с изумлением наблюдал за движениями зверька. Казан и Серая Волчица понимали, что для Ба-Ри это первый урок в системе воспитания хищника; они стояли над зайцем, не делая попыток прекратить мучения несчастной жертвы. Несколько раз Серая Волчица нюхала зайца, потом поворачивала свою слепую морду к Ба-Ри. Казан лег в стороне и внимательно наблюдал за происходящим. Всякий раз, как Серая Волчица наклоняла голову к зайцу, Ба-Ри выжидательно наострял уши. Увидев, что с матерью ничего не происходит, он подошел поближе. Потом осторожно вытянул шею и дотронулся носом до шевелящегося пушистого комочка. Последним судорожным движением заяц выкинул задние ноги и оттолкнул волчонка — Ба-Ри отлетел в сторону, визжа от страха. Но тут же снова вскочил на ноги — впервые в жизни его охватил гнев и жажда мести. Удар зайца завершил первый урок. Ба-Ри вернулся, теперь уже смелее, хотя все еще на прямых от напряжения лапах. А в следующее мгновение он вонзил свои острые зубы в горло зайца. Волчонок не разжимал челюстей, пока в его первой жертве не затихло последнее биение жизни. Серая Волчица была счастлива. А Казан снизошел до того, что засопел, выдавая этим сыну свое одобрение. И ни разу до сих пор кровь не казалась Ба-Ри такой вкусной.

Постепенно перед Ба-Ри раскрывались тайны жизни — он уже узнавал треск падающего дерева, раскаты грома, шум стремительного потока, крики куницы, мычание лосихи и отдаленный зов своих братьев по крови. Но самая главная тайна, которую он начал понемногу усваивать, была тайна запаха. Однажды Ба-Ри отошел ярдов на пятьдесят от бурелома и сразу почуял носом свежий след зайца. Мгновенно, без всяких предварительных наставлений, он понял: чтобы добраться до любимого сладкого мяса, нужно идти по этому следу. Он стал осторожно пробираться сквозь кусты, не упуская следа пока не натолкнулся на большое бревно, через которое заяц перепрыгнул. Отсюда Ба-Ри повернул назад. С тех пор он каждый день стал отваживаться на самостоятельные прогулки. Поначалу он бродил неуверенно, как путешественник без компаса в чужой, незнакомой стране. Каждый день он встречал что-нибудь новое, и оно было всегда удивительным, а часто пугающим. Но страхи Ба-Ри постепенно уменьшались, уверенность в себе росла. Убедившись, что пугающие его предметы не причиняют вреда, он становился все смелее в своих странствиях.

Изменялась и наружность волчонка. Его круглое, бесформенное тело постепенно принимало иные, более четкие очертания. Он стал ловким и проворным. Шерсть его потемнела, на спине обозначилась светло-серая полоса, как у отца. Только шея и посадка головы у него были материнские, а во всем остальном он был вылитый Казан. В нем уже намечались признаки будущей силы и мощи. У волчонка была могучая грудь и широко расставленные глаза, чуть красные в уголках. Опытные охотники знают, чего можно ждать от щенков лайки, у которых вот такие глаза,— это означает, что кто-то из их предков принадлежал к волчьему роду. А взглянув на глаза Ба-Ри, можно было смело сказать: этот щенок, сколько бы ни было в нем собачьей крови, принадлежит только дикому миру.

Однако лишь после первой схватки с живым существом Ба-Ри по-настоящему почувствовал себя наследником своих лесных предков. В тот день он отошел от бурелома дальше, чем обычно, на целую сотню ярдов. Ба-Ри и прежде приходилось слышать шум ручья, видеть его издали, но сегодня он подошел к самому краю и долго простоял у журчащей воды, рассматривая новый для него мир. Потом осторожно двинулся вдоль воды. Он не грошел и десятка шагов, как услышал совсем рядом с со-

бой хлопанье крыльев. Прямо на его пути сидела сойка. Она не могла взлететь — одно крыло у нее волочилось, должно быть сломанное в схватке с каким-нибудь мелким хищником. Но для Ба-Ри и сойка казалась угрожающим и страшным зверем.

Серая полоса у него на спине ошетибилась, и Ба-Ри шагнул вперед. Сойка не двигалась до тех пор, пока Ба-Ри не оказался в трех футах от нее. Тогда быстрыми, короткими прыжками она начала отступать. Нерешительности волчонка как не бывало. Завизжав от возбуждения, он кинулся на раненую птицу. Погоня длилась всего несколько мгновений, и острые зубы Ба-Ри погрузились в перья сойки. Но тут с молниеносной быстротой заработал клюв птицы. Недаром сойка считается грозой мелких пернатых. Она снова и снова ударяла Ба-Ри своим сильным клювом, но сын Казана уже достиг звериного совершеннолетия, и боль заставляла его только еще крепче сжимать челюсти. Когда его зубы вонзились в самое тельце сойки, в горле его послышалось щенячье рычание. Он с самого начала удачно схватил птицу под крыло, и после десятка ударов сопротивление ее ослабело. Минут через пять Ба-Ри разжал пасть и слегка отодвинулся назад, чтобы взглянуть на неподвижное бесформенное существо. Сойка была мертва — Ба-Ри одержал свою первую победу! А вместе с победой у него появился один из главных инстинктов, который говорил ему, что отныне он уже не нахлебник, а полноправный член дикого мира.

Через полчаса на место схватки пришла Серая Волчица. Сойка была разорвана на куски, повсюду были разбросаны перья, а маленький нос Ба-Ри был перепачкан кровью. Сам волчонок с торжеством улегся возле своей первой жертвы. Серая Волчица сразу все поняла; она ласково и одобрительно лизнула своего малыша. Когда они возвращались к бурелому, Ба-Ри нес в зубах то, что осталось от убитой им сойки.

С того часа охота стала главной страстью в жизни Ба-Ри. Если он не спал на солнышке или под буреломом, то отправлялся на поиски живого существа, которое можно было бы одолеть. Сначала самой легкой добычей для него оказались безобидные птички. Потом он уничтожил семейство лесных мышей. Но как-то он встретился с горностаем, и этот свирепый маленький хищник нанес ему первое поражение. Неудача на несколько дней охладила охотничий пыл Ба-Ри; к тому же он узнал, что существу-

ют другие плотоядные животные, кроме него, и что хищники не должны поедать друг друга — так устроила природа. Многое познал Ба-Ри. Он инстинктивно избегал дикобраза, даже не испытывал боли от его иголок. Однажды он встретился нос к носу с куницей, но им нечего было делить, и каждый пошел своей дорогой.

С каждым днем Ба-Ри осмеливался отходить все дальше и дальше от бурелома, всегда следуя вдоль по течению ручья. Иногда он пропадал целыми часами. Сперва Серая Волчица волновалась, когда его подолгу не было, но постепенно она становилась все спокойнее. Природа быстро делала свое дело. Теперь Казан нервничал и не находил себе места: настали лунные ночи, и в нем все сильнее росла тяга к бродяжничеству. Серая Волчица тоже начала чувствовать давно не испытанное ею желание покинуть насыщенное место и уйти в безграничные просторы Севера.

И вот настал день, когда Ба-Ри отправился на самую продолжительную свою охоту. В полумиле от дома он впервые в жизни убил зайца. Он не отходил от своей жертвы до самой темноты. Взошла луна, огромная, золотистая, и залила ярким светом леса, долины и холмы. Это была великолепная ночь. Ба-Ри увидел луну и кинул свою добычу. Но он не пошел туда, где был его дом, он направился в противоположную сторону.

В эту ночь Серая Волчица напряженно ждала. А когда луна стала опускаться на запад, она села, подняла к небу свою слепую морду и завывала в первый раз после рождения Ба-Ри. Издалека Ба-Ри услышал ее зов, но не ответил. Для него началась новая жизнь, и он навсегда распростился со своим домом.

Г л а в а XIX

ВТОРЖЕНИЕ

Стояла замечательная пора — весна еще не кончилась, а лето еще не наступило. Ночами светила луна, сверкали звезды. В одну из таких ночей Казан и Серая Волчица покинули низину между двумя холмами и отправились на долгую охоту. Они не могли больше оставаться в прежнем логовище, их влекли новые места — такое всегда случается с животными после того, как их дети начинают самостоятельную жизнь. Казан и Серая Волчица направили

свой путь на запад. Охотились они большей частью по ночам и на всем пути следования оставляли за собой недоеденные тушки зайцев и куропаток. Отойдя миль на десять от своего бурелома, они затравили молодого оленя, но и его бросили после первой же трапезы. От сытой жизни они сделались толстыми, гладкими. Каждый день они подолгу лежали, греясь на солнышке.

Соперников у них было мало. Рысь охотилась южнее, в более густых чащах. Волков тоже поблизости не было. Вокруг шныряли только куница, соболь да норка, но эти звери не мешали Казану и Серой Волчице.

Однажды они повстречались с огромной старой выдрой, у которой с наступлением лета шерсть уже начала приобретать светло-серый оттенок. Казан, потолстевший и ленивый, поглядел на выдру с полным равнодушием. Серая Волчица принялась — запах напоминал рыбий. Для них выдра имела не больше значения, чем, например, плывущее бревно. Это было существо не из их стихии, нечто вроде рыбы. И они продолжали свой путь, не ведая о том, что это непонятное животное с темными лапами скоро станет их союзником в одной из тех смертельных схваток, после которых остаются в живых только самые сильные, в одной из тех войн, история которых является достоянием молчаливой луны, немых звезд и ветра, чей шепот еще никому не удалось разобрать.

На следующий день после встречи с выдрой Казан и Серая Волчица продолжали идти на запад, держась все время берега ручья. Пройдя мили три, они встретили на своем пути препятствие, которое вынудило их повернуть на север. Препятствием этим была построенная бобрами плотина ярдов в двести шириной. Запруженная река затопила болото и лес на целую милю. Ни Серая Волчица, ни Казан не проявили никакого интереса к бобрам. Бобры тоже находились где-то вне их мира, так же как выдра, рыба, птицы.

Уже много лет в эту долину между двумя грядями холмов не являлись охотники за бобрами. Если бы какой-нибудь индеец-траппер пришел на этот безымянный ручей и поймал патриарха и предводителя бобров, он бы легко определил, что этот бобр очень стар, и, наверное, назвал бы его «Сломанный Зуб». Потому что один из четырех длинных резцов, которыми бобры подтачивают деревья для своих плотин, был у старика сломан. Шесть лет назад Сломанный Зуб привел к устью ручья несколько своих сверстников-бобров. Здесь они построили небольшую пло-

тину и заложили первую нору. В апреле следующего года у подруги Сломанного Зуба родилось четыре детеныша, и все другие самки увеличили население колонии — каждая на три или четыре новых члена. В конце четвертого года это первое поколение детей должно было бы, по закону природы, покинуть колонию и построить себе отдельную плотину и свои собственные норы. Но они не ушли. Так продолжалось и с другими поколениями. И вот этим ранним летом шестого года колония уже напоминала большой город. Здесь насчитывалось пятнадцать нор и более сотни бобров, не считая детенышей, родившихся в этом году. Плотина все расширялась, пока не достигла двухсот ярдов. Вода залила большую площадь леса — березняк вперемежку с тополем — и участок болота, поросшего ивняком и ольхой. Но, несмотря на это, пищи становилось меньше. И в норах было тесно, они были переполнены — бобры, как люди, привязываются к дому, где родились. Нора Сломанного Зуба достигала внутри девяти футов в длину и семи в ширину, а жило в ней двадцать семь его детей и внуков. И Сломанный Зуб задумал нарушить обычаи своего племени. В то время как Серая Волчица и Казан равнодушно принимались к сильному запаху бобров, Сломанный Зуб выстраивал свою семью и семьи двух своих сыновей, готовясь к переселению.

Сломанный Зуб всегда считался признанным вожаком колонии. Не было ни одного бобра, который достиг бы его размеров и обладал бы такой же силой. Его гладкое тело достигало трех футов в длину, а весил он по крайней мере шестьдесят фунтов. Хвост у него был четырнадцати дюймов в длину и шести в ширину, и если старик в тихую ночь ударял им по воде, то слышно было на четверть мили вокруг. Перепончатые задние лапы у этого бобра были вдвое крупнее, чем у его самки, и он был самым ловким и быстрым пловцом во всей колонии.

На следующую ночь после того, как Серая Волчица и Казан повернули на Север, Сломанный Зуб вылез на плотину, встряхнулся и посмотрел назад, проверяя, идет ли за ним его армия. Несколько бобров, из тех, кто был постарше, вскарабкались вслед за Сломанным Зубом, и тогда старый патриарх нырнул в узкий ручей по другую сторону плотины. Блестевшие при свете звезд, словно шелковые, тела бобров метнулись вслед за ним. По одному, по двое, по трое перелезали они через плотину, затем легко и быстро продолжали свой путь вниз по течению. Самые маленькие загребали что было сил, чтобы поспевать за

родителями. Всего бобров было десятка четыре. Сломанный Зуб плыл впереди всех, за ним следовали взрослые работники и воины, а замыкали процессию матери с детенышами.

Всю ночь они двигались вперед. Тем временем в зарослях ивняка затаилась выдра — их враг, еще более смертельный, чем человек. Выдра питается рыбой, и, должно быть, природа научила ее, что плотины бобров мешают продвижению идущей косяками рыбы. Выдра знала, что там, где много бобров, мало рыбы. Не в силах вступать в единоборство с таким многочисленным врагом, выдра обычно принимается разрушать построенные бобрами плотины.

Несколько раз за эту ночь Сломанный Зуб останавливался, чтобы исследовать запасы пищи на берегах ручья. В некоторых местах, где росло много деревьев, корой которых питаются бобры, трудно было бы построить плотину. Инстинкт строителя у старого бобра оказался сильнее голода. И, когда каждый раз после осмотра берегов он продолжал плыть дальше, никто из бобров не оспаривал его решения.

На рассвете они миновали выжженный участок леса и достигли края болота, где находилось жилище Казана и Серой Волчицы, которым болото принадлежало по праву открывателей. Здесь они повсюду оставили следы своего пребывания. Но Сломанный Зуб был обитателем воды, и обоняние у его племени развито плохо. Как только на берегу ручья появились болотные кустарники, он поплыл медленнее. Чуть ниже бурелома, под которым жили прежде Казан и Серая Волчица, Сломанный Зуб остановился, вылез на берег и встал на перепончатых задних лапах, поддерживая свое тело широким хвостом. Здесь Сломанный Зуб нашел именно то, что искал. Через узенький ручеек легко было соорудить плотину, и вода могла бы затопить значительное пространство, поросшее березой, тополем, ивняком и ольхой. Низину со всех сторон укрывали высокие деревья, и, значит, зимой здесь должно быть тепло. Сломанный Зуб дал понять своим спутникам, что новый дом их будет именно здесь.

Бобры углубились в заросли по обоим берегам ручья. Детеныши тут же начали с жадностью обгладывать нежную кору ивы и ольхи. А взрослые бобры-строители принялись обследовать местность, время от времени торопливо отгрызая кусочки древесной коры для поддержания сил.

В тот же день началось сооружение новой плотины. Сломанный Зуб сам выбрал большую березу, склоненную над ручьем, и начал перегрызать десятидюймовый ствол тремя своими длинными зубами. Хотя у старого патриарха и не хватало одного зуба, остальные три не разрушились от времени и были похожи на тонкие стальные резцы. Бобр сидел на задних лапах, держась передними за ствол дерева и сохраняя равновесие при помощи тяжелого хвоста. Работая без усталости несколько часов, он выгрыз глубокую ложбинку вокруг всего ствола. Когда он решил наконец передохнуть, другой работник тут же занял его место. Тем временем десяток других строителей таким же образом срезали мелкие деревца. Еще задолго до того, как дерево, выбранное Сломанным Зубом, было готово упасть, в воду уже с плеском полетел небольшой тополек. Надрез на березе напоминал перехват у песочных часов. После двадцатичасовой работы дерево повалилось точно поперек ручья.

Бобры предпочитают работать по ночам, но могут заниматься своим делом и днем. В течение нескольких последующих дней Сломанный Зуб не давал отдыха своим подчиненным. Проявляя почти человеческий разум, маленькие строители неумоимо продолжали свою работу. Они валили небольшие деревья, разгрызали их на части по четыре-пять футов каждая, и эти поленья скатывали к ручью, подталкивая их головой и передними лапами. Ветками кустарников и сучьями деревьев бобры переплетали поленья, и плотина становилась все больше и все прочнее. Потом начались удивительные цементные работы. В этом бобры непревзойденные мастера. С берегов бобры носили смесь ила с маленькими веточками — по фунту зараз — и заполняли этим веществом все отверстия. Казалось бы, работа эта слишком трудоемка, но за сутки строители Сломанного Зуба могли перенести до тонны такого цемента. Уже через трое суток вода начала отступать, потом поднялась, затопив небольшой участок кустарника и около десятка деревьев. Работать стало легче. Строительный материал теперь можно было срезать, не вылезая из воды, и без труда сплавлять к плотине, которая достигала уже сотни футов в ширину.

Работа бобров была почти завершена, как вдруг однажды утром в свое жилище на болоте вернулись Казан и Серая Волчица.

Мягкий юго-восточный ветерок донес до чутких ноздрей Серой Волчицы запах непрошенных гостей еще за полмили от дома. Она подала знак Казану, и тот, принюхавшись, тоже почувствовал в воздухе чужой запах. Запах этот становился все сильнее, по мере того как они продвигались вперед. В двухстах ярдах от своего бурелома они услышали треск падающего дерева и остановились. Целую минуту они простояли, настороженно прислушиваясь. Вдруг визгливый крик и всплеск воды нарушили тишину, и Серая Волчица успокоилась. Они медленно пошли вперед, приближаясь к бурелому сзади. Только очутившись на вершине бугра, где находилось их жилище, Казан увидел те странные перемены, которые произошли за время их отсутствия. Он остановился, с изумлением оглядываясь по сторонам. Ручья внизу больше не было — на его месте теперь разлился пруд, который подступил уже под самый бугор.

Казан и Серая Волчица подошли совсем неслышно, и слабый нюх бобров не успел их обнаружить. Сломанный Зуб точил ствол дерева всего футах в пятидесяти от бугра. На таком же расстоянии вправо пять детенышей строили игрушечную плотину из ила и веточек. На противоположном берегу пруда был крутой спуск футов в семь высотой, и там развлекались бобры-двухлетки — по законам своего рода они все еще считались детенышами. Они карабкались наверх, а потом скатывались в воду, будто с ледяной горки. Этот всплеск и услышали Казан и Серая Волчица. Повсюду кругом прилежно занимались своей работой взрослые бобры.

Несколько недель назад Казан наблюдал подобную же картину выше по ручью, возле прежнего дома Сломанного Зуба. Тогда Казан остался к ней равнодушен. Но сейчас в нем мгновенно произошла резкая перемена. Неважно, что бобры несъедобные водяные животные с неприятным запахом. Они вторглись в его владения и, значит, они враги. Казан оскалил клыки. Шерсть у него на спине встала дыбом, мускулы напряглись. Не издав ни звука, он ринулся вниз, на Сломанного Зуба. Старый бобр не заметил опасности, пока Казан не очутился всего в двадцати футах от него. Бобры неповоротливы на суше, да к тому же Сломанный Зуб еще замешкался на не-

сколько секунд. Не успел он отойти от дерева, как Казан уже набросился на него. Они стали кататься по земле, однако все время приближаясь к краю воды. Еще мгновение, и грузное тело бобра выскользнуло из-под Казана. Сломанный Зуб укрылся в своей родной стихии, отделавшись только двумя сквозными ранами в мясистом хвосте.

Раздосадованный неудачей, Казан ринулся вправо, туда, где играли маленькие бобрята. Те даже не двинулись с места, изумленные и насмерть перепуганные всем увиденным. Они опомнились, лишь когда увидели, что враг бросается на них. Троице из них удалось добраться до воды, а два других — самые маленькие — опоздали. Одним движением челюстей Казан сломал бобренку позвоночник. Второго он схватил за горло и потрянул, как терьер встряхивает крысу. Когда Серая Волчица подошла к месту происшествия, оба бобренка были уже мертвы. Она обнюхала их крохотные мягкие тельца и заскулила. Может быть, эти маленькие существа напомнили ей об ушедшем сыне, и в голосе прозвучала грусть.

Но, если у Серой Волчицы и пробудились какие-то нежные материнские чувства, Казан их не понял. Он убил двух врагов, что вторглись в его жилье. К маленьким бобряткам он был так же беспощаден, как рысь, умертвившая его первых детенышей. Теперь, когда зубы его побывали в плоти врага, Казан весь загорелся жаждой убивать. Он бесновался, бегая у края пруда, и рычал на взбаламученную воду, которая скрыла Сломанного Зуба.

Все бобры попрятались в пруду, и под водой чувствовалось движение их тел. Казан подошел к плотине. Это было для него что-то совсем новое. Он инстинктивно понял, что это работа Сломанного Зуба и его племени, и принялся с ожесточением раскидывать сучья и ветки, из которых была сложена плотина. Но вот вода всколыхнулась, и появилась голова Сломанного Зуба. С полминуты враги прикидывали разделяющее их расстояние. Потом Сломанный Зуб высунул из воды свое мокрое блестящее тело вылез на плотину и уселся, не спуская глаз с Казана. Старый патриарх был один, остальные бобры не показывались, поверхность пруда была теперь совершенно гладкой. Напрасно пытался Казан найти упор для лап, чтобы добраться до противника. У самого берега оставался незавершенный участок запруды, через который еще прорывалась вода. Трижды Казан попробовал перебраться

ся на плотину, но всякий раз шлепался в воду. Сломанный Зуб все это время сидел не шелохнувшись. Когда Казан оставил наконец надежду добраться до противника, старый бобр соскользнул с плотины и ушел под воду. Он уже понял, что этот новый зверь, как и рысь, не может драться в воде, и поспешил сообщить новость всем членам колонии.

Казан и Серая Волчица вернулись к бурелому и легли на солнышке. Спустя полчаса Сломанный Зуб выбрался на противоположный берег пруда, за ним следовали и другие бобры. Они принялись за работу как ни в чем не бывало. Одни начали подтачивать деревья, десяток других работали в воде, поднося ветви, ил и сучья. Посредине пруда проходила как бы запретная черта, за которую никто из бобров не переплывал. Только один бобр несколько раз добирался до этой черты и оставался там некоторое время, глядя на маленькие тельца детенышей, которых убил Казан. Возможно, это была их мать. Серая Волчица, казалось, поняла и, не видя бобрихи, спускалась обнюхивать мертвые тельца каждый раз, когда та выплывала на середину пруда.

Первый приступ ярости у Казана прошел, и теперь он стал внимательно приглядываться к бобрам. Он понял, что эти животные не умеют драться. Их было много, но они убегали от него одного, как зайцы. Сломанный Зуб даже не защищался. И Казану пришло в голову, что этих прищельцев, которые умеют передвигаться и по воде и по суше, надо подкарауливать так же, как зайца или куропатку. В середине дня Казан вместе с Серой Волчицей спрятался в кустарнике. Охотясь на зайца, Казан часто начинал с того, что делал вид, будто уходит от жертвы. Теперь он решил испытать этот трюк на бобрах. Пройдя за буреломом, он повернул и побежал вверх по течению ручья, держась по ветру. Ручей стал намного глубже, чем прежде. Одно из тех мест, где они с Серой Волчицей раньше переходили вброд, оказалось теперь глубоко под водой. Казану пришлось переплыть ручей, оставив Серую Волчицу на берегу.

Казан не мешкая направился к плотине. В двадцати ярдах от нее были густые заросли ивняка и ольхи, которыми Казан и воспользовался. Никем не замеченный, он подкрался совсем близко к запруде и притаился, готовый прыгнуть вперед, едва только представится случай.

Почти все бобры работали в воде. На берегу оставалось только пять или шесть строителей, да и те были

ближе к воде, чем к Казану. Прождав несколько минут, Казан решил было все-таки броситься на врагов, но вдруг какое-то движение на плотине привлекло его внимание. Там несколько бобров укрепляли своим цементом главную конструкцию. С быстротой молнии Казан кинулся под защиту зарослей позади плотины, где было совсем мелко, потому что берег ручья был пологим. Вода не доходила Казану и до брюха. Он был полностью скрыт от глаз бобров, да и ветер ему благоприятствовал. Шум течения скрадывал те еле различимые звуки, которые он все же производил при движении. Скоро он услышал у себя над головой бобров-строителей. Ветки поваленной березы помогли Казану вылезти из воды, голова и плечи его оказались над плотинной. Меньше чем в ярде от него Сломанный Зуб старательно укладывал в запруду трехфутовый ствол тополя толщиной с человеческую руку. Бобр был так занят своим делом, что даже не заметил Казана. Своего вожака предупредил другой бобр, который сам в страхе нырнул в воду. Сломанный Зуб перевел взгляд и увидел оскаленные клыки Казана. Отступать было поздно. Казан бросился на него и вонзил свои длинные клыки глубоко в шею Сломанного Зуба. Но старый бобр так рванулся, что Казан не смог удержать равновесие. В тот же миг острые зубы впились в складки кожи на шее у Казана. И так, вцепившись друг в друга, оба они плюхнулись в глубокий пруд.

Сломанный Зуб весил не меньше шестидесяти футов. Едва он коснулся воды, как почувствовал себя в родной стихии. Крепко держа Казана зубами за шею, он стал погружаться на дно, как чугунная гиря. И Казан не мог ничего поделаться. Вода хлынула ему в рот, в нос, в глаза, в уши. Он ничего не видел и был в полном смятении. Он даже не пытался освободиться, он лишь сдерживал дыхание и все глубже вонзал зубы в горло противника. Вот они опустились на мягкое дно и в течение минуты барахтались в иле. Потом Казан разжал челюсти. Теперь ему было уже не до бобра — надо было спасти собственную жизнь. Он изо всех сил старался вырваться, подняться на поверхность — к воздуху, к жизни. Он плотно сжимал челюсти, зная, что дышать под водой значило умереть. На суше ему ничего не стоило бы избавиться от Сломанного Зуба, но под водой хватка старого бобра оказалась страшнее, чем клыки рыси на суше.

И вдруг около дерущихся стал кружить еще один бобр. Приди он на помощь Сломанному Зубу, Казану не-

долго пришлось бы сопротивляться. Но старый патриарх теперь не имел желания держать Казана. Он не был мстительным, не жаждал крови или смерти врага. Убедившись, что сам он свободен, а странный, уже дважды нападавший на него противник не может причинить ему вреда, Сломанный Зуб отпустил его. И как раз вовремя для Казана! С трудом поднялся он на поверхность и еле живой, из последних сил уцепился лапами за ветку, торчавшую из плотины. Это дало ему возможность выдохнуть из себя воду, которая чуть было не погубила его. Минут десять Казан держался за ветку, не рискуя переплыть короткое расстояние до берега. Когда он выбрался наконец на сушу, то едва передвигал ноги. Силы покинули его, ноги дрожали, челюсть отвисла. Он потерпел полное поражение. И победил его безобидный зверь без клыков. Казан ясно сознавал свое унижение. Насквозь мокрый, он неуверенными шагами добрал до бурелома, лег на солнышке и стал поджидать Серую Волчицу.

Страстное желание уничтожить своих водяных врагов овладело Казаном. С каждым днем плотина становилась все прочнее. Бобры были в воде в полной безопасности, и работа шла быстро. Пруд поднимался все выше и растекался все шире. Вода уже залила низину вокруг бурелома. Еще неделя, и дом Казана и Серой Волчицы превратится в крохотный островок посередине широкого водоема.

Казан забыл теперь даже радости охоты. Он только и делал, что выискивал случай броситься на какого-нибудь зазевавшегося сородича Сломанного Зуба. На третий день после битвы под водой Казан убил большого бобра, который подошел чересчур близко к зарослям ивняка. На пятый день он подстерег в мелкой воде позади бурелома двух молодых бобров и разорвал их на куски. После этих губительных нападений бобры стали работать главным образом ночью, но это было только выгодно Казану — он и сам был ночным охотником. Ему удалось убить еще двух бобров.

И тут возле колонии бобров появилась выдра.

Никогда еще Сломанный Зуб не оказывался между двумя такими страшными противниками, как теперь. На суше Казан явно превосходил его благодаря своему проворству и охотничьим уловкам. А в воде еще большую опасность представляла выдра. Двигалась она быстрее рыбы, а ее острые зубы были похожи на стальные иглы. Она была такая гладкая и скользкая, что, даже поймав ее, бобрам не удалось бы ее удержать. Выдра отнюдь не

отличается кровожадностью, но на всем Севере не сыщется врага, более губительного для бобров, чем выдра. Она приносит смерть и разрушение в поселения бобров. Особенно опасна она в холодное зимнее время. Не совершая нападений на их уютные жилища, она делает то, что человек способен осуществить лишь с помощью лома и кирки: пробуравливает дыру в плотине. Уровень воды сразу же падает, лед на поверхности начинает трескаться, и входы в норы бобров оказываются вне воды. Для бобров это означает смерть от голода и жестоких холодов. Несмотря на густой мех, бобры переносят морозы еще хуже, чем человек. В зимние месяцы вода вокруг нор так же необходима для них, как для человека огонь.

Но сейчас стояло лето, и Сломанный Зуб не так уж боялся выдры. В худшем случае бобрам предстояло восстанавливать нанесенные выдрой повреждения. Было тепло и еды кругом вдоволь. Два дня выдра рыскала в пруду и возле плотины. Казан принял ее за бобра и тщетно пытался подкараулить. Выдра недоверчиво поглядывала на Казана и старалась держаться от него подальше. Они и не подозревали, что являются союзниками.

А бобры тем временем продолжали работу, но с еще большими предосторожностями. Вода в пруду поднялась уже так высоко, что можно было приступить к рытью нор. Тут-то у выдры сказался инстинкт разрушения. Она тщательно обследовала всю плотину, до самого основания. Вскоре ей удалось обнаружить уязвимое место, и она принялась за работу, пустив в ход свои острые зубы и небольшую продолговатую голову. Она сверлила и сверлила, и вот уже дыра диаметром в семь дюймов прошла насквозь все пятифутовое основание плотины.

Струя воды хлынула из пруда, словно заработал мощный насос. Казан и Серая Волчица в это время находились в зарослях ивняка на южном берегу пруда. Они услышали грохот прорывающейся сквозь отверстие воды, и Казан вдруг увидел, как на плотину взобралась выдра и встряхнулась, словно огромная водяная крыса.

Уже через полчаса уровень воды в пруде заметно упал, а напор воды продолжал непрерывно расширять брешь в запруде. Еще через полчаса три норы, которые бобры только что принялись рыть, оказались дюймов на десять над водой. Только теперь Сломанный Зуб заметил надвигающуюся опасность и поднял тревогу. Вся колония бобров заметалась по пруду. Бобры торопливо пе-

реплывали от одного берега к другому, не обращая теперь внимания на запретную черту. Сломанный Зуб и самые старшие из его работников бросились к плотине, и тогда выдра с сердитым криком прыгнула в воду по другую сторону запруды.

Вода продолжала спадать, и вместе с тем росло волнение бобров. Они совсем забыли про Казана и Серую Волчицу. Несколько младших членов колонии вылезли на берег возле самого бурелома, и Казан уже готов был выскочить из своей засады, как вдруг совсем близко от него по обнажившемуся илу проковылял один из старых бобров. Казан в два прыжка настиг его. Серая Волчица не отставала от своего друга. Короткая ожесточенная схватка не ускользнула от внимания остальных бобров, и они поспешили перебраться на противоположный берег.

Вода спала уже наполовину, когда Сломанному Зубу и его помощникам удалось наконец обнаружить течь. Ремонтные работы начались немедленно. Нужны были палки и ветки значительной величины, и за этим материалом бобрам приходилось волочить свои грузные тела ярдов десять — пятнадцать по мягкому мокрому илу. Страх перед клыками Казана их уже не останавливал. Инстинкт говорил им, что дело идет о спасении жизни. Если отверстие не будет заделано, они окажутся совсем на виду, и их неминуемо настигнут зубы врагов.

К вечеру Сломанный Зуб и его отважные строители, понеся немалые потери, все же заделали брешь в плотине, и вода опять начала прибывать.

А в полумиле вверх по ручью большая выдра разлеглась на бревне, греясь в последних лучах заходящего солнца. Завтра она опять подкрадется к плотине и снова примется за свою разрушительную работу. Для нее это было своего рода забавой.

Но судьба сжалилась наконец над Сломанным Зубом и над его насмерть перепуганными сородичами. На закате, бесшумно ступая, Казан и Серая Волчица шли по берегу и обнаружили лежащую на бревне сонную выдру.

Усталость после трудового дня, сытый желудок и теплые солнечные лучи совсем разморили выдру. Она была неподвижна, как то бревно, на котором разлеглась. Выдра была большая, седая и старая. Она прожила уже десять лет, доказав тем самым свое превосходство над хитростями человека. Тщетно пытались ловцы заманить ее в капкан. Коварные трапперы сооружали в ручьях узкие

протоки, обкладывая их камнями и деревом. Но старая выдра всегда умела разгадать эти козни и обходила стальные зубы, которые поджидали у выхода из каждого такого протока. По следу, который она оставляла в иле, можно было судить о ее размерах. Некоторым трапперам посчастливилось даже увидеть ее. Если бы не ловкость и хитрость, мягкий мех этой выдры уже давно оказался бы в Париже, Лондоне или Берлине. И он был достоин украсить одеяние какой-нибудь принцессы, или герцога, или императора. Однако вот уже десять лет выдре удавалось уберечь свою шкуру от жадных человеческих рук.

Но сейчас было лето. Сейчас ни один траппер не стал бы охотиться на выдру, потому что ее летний мех не имеет никакой цены. Инстинкт предупредил выдру, что в это время года ей нечего бояться человека. И вот она лежала на бревне, забыв обо всем, наслаждаясь сном и теплом солнечных лучей.

Казан и Серая Волчица неслышно пробирались вдоль ручья, выслеживая своих пушистых врагов, которые вторглись в их исконные владения. Серая Волчица бежала бок о бок с Казаном. Ветер дул в их сторону, и вдруг он принес запах выдры. Для Казана и Серой Волчицы это был просто запах водяного животного — неприятный рыбий запах, — и они решили, что напали на след бобра. Продвигаясь вперед с большой осторожностью, Казан увидел спящую на бревне выдру и сделал предостерегающий знак Серой Волчице. Та остановилась, а Казан продолжал красться дальше. Выдра беспокойно зашевелилась. Уже темнело, золотые солнечные блики исчезли. Сова уже посылала из лесу свои первые приветствия ночи. Выдра глубоко вздохнула, ее усатая морда вздрогнула. Она не успела проснуться, когда Казан бросился на нее. В честной открытой схватке старая выдра еще могла бы постоять за себя, но теперь надежды для нее не было. Она умерла, так и не узнав, кто напал на нее. А Казан и Серая Волчица побежали дальше в поисках новых врагов, не ведая, что, убив выдру, они лишились единственного союзника, способного выгнать бобров из болота...

Жизнь для Казана и Серой Волчицы становилась все безрадостнее. С исчезновением выдры перевес сил оказался на стороне Сломанного Зуба и его колонии. С каждым днем вода все ближе подступала к бурелому. Вскоре только узкий перешеек соединял жилище Казана с внешним миром. Бобры работали в глубокой воде, и никто теперь не мог помешать им. Уровень воды становился

все выше, и вот наступил день, когда она начала заливать оставшуюся полоску суши. В последний раз Казан и Серая Волчица вышли из своего жилища под буреломом и направились вверх по течению ручья. Этот ручей теперь приобрел для них совершенно особое значение: они принюхивались и прислушивались к нему с небывалым интересом. К этому интересу примешивалась и доля страха, потому что в повадках бобров что-то напоминало им поведение человека. И, когда ночью их тонкий волчий нюх обнаружил колонию бобров, ту самую, которую не так давно покинул Сломанный Зуб, Казан и Серая Волчица поспешно повернули к северу и вышли на равнину.

Вот так отважный Сломанный Зуб заставил уважать плоть, кровь и труд своих соплеменников.

Г л а в а ХХІ

ВЫСТРЕЛ НА ПЕСЧАНОЙ ОТМЕЛИ

Июль и август тысяча девятьсот одиннадцатого года были отмечены на Севере многочисленными пожарами. Болото, где находилось жилище Казана и Серой Волчицы, и близлежащая долина избежали опустошительного пламени. Но теперь, когда Казан и Серая Волчица снова отправились в странствия, они очень скоро ступили на почерневшую, опаленную землю. Не забыв унижительного поражения, которое ему нанесли бобры, выгнавшие его из собственного дома, Казан повел свою подругу на юг. Пройдя двадцать миль, они в первый раз наткнулись на выжженные участки леса. Ветер с Гудзонова залива пригнал на запад море огня, и пламя не оставило здесь ни следа жизни, ни единого клочка зелени. Серая Волчица не могла видеть, но чувствовала все это. Она вспомнила о том, другом пожаре, который произошел вскоре после битвы на Скале Солнца. И все ее удивительные инстинкты, еще более развитые и обостренные слепотой, говорили ей, что охота предстоит не на юге, а на севере. Однако собачья кровь Казана тянула на юг. Не потому, что его влекло к людям,— теперь человек для него был таким же смертельным врагом, как и для Серой Волчицы,— но инстинкт всегда заставляет собаку двигаться к югу. А волчий инстинкт перед лицом пожара звал на север.

К концу третьего дня желания Серой Волчицы пересилили волю Казана. Они пошли назад через маленькую долину между двумя грядами холмов и повернули на се-

веро-запад, к Атабаске. Этот путь должен был привести их к истокам Макфарлейн-ривер.

Поздней осенью предыдущего года в Форт-Смит, что на Слейв-ривер, пришел один старатель с бутылкой, наполненной золотым песком и самородками. Золото было найдено на реке Макфарлейн. Почта тотчас доставила сведения об этом во внешний мир, и к середине зимы первая группа охотников за сокровищами двинулась в те края на лыжах и на собаках. Находки следовали одна за другой. На реке Макфарлейн обнаружались крупные золотые россыпи, участки вдоль берега были мгновенно разобраны, и работа закипела. Запоздавшие двинулись дальше к северо-востоку, и в Форт-Смит полетели сообщения о находках, еще более богатых, чем на Юконе. В новый район хлынул народ — сперва десятки, потом сотни и даже тысячи человек. В основном они шли из южных прерий или с приисков на реках Саскачеван и Фрейзер. С севера по Макензи и Лайарду прибывали небольшими группами старатели и искатели приключений с Юкона. Эти закаленные жизнью люди не раз замерзали в снегах, они знали, что такое муки голодной смерти.

Одним из таких запоздавших оказался и Сэнди Мак-Тригер. Сэнди решил уехать с Юкона по многим причинам. Он был на плохом счету у полиции, патрулирующей к западу от Доусона, и к тому же вконец разорился. Однако он был одним из самых удачливых старателей, когда-либо проходивших по берегам Клондайка. Ему случалось открывать жилу стоимостью до миллиона, а то и двух миллионов, но он быстро проматывал деньги за картами и в пьянках. Сэнди был человек хитрый и неглупый. Страх и совесть у него совершенно отсутствовали. Жестокость была написана на его физиономии, а выступающая вперед челюсть, широко расставленные глаза, низкий лоб и щетка рыжих с проседью волос сразу заставляли думать, что этому человеку можно доверять, только пока держишь его на мушке. Ходили слухи, что на счету у Сэнди два убийства и несколько ограблений, но полиция пока ничего не удалось доказать.

Однако наряду с этими неприятными качествами Сэнди Мак-Тригер обладал таким хладнокровием и бесстрашием, что вызывал невольное восхищение даже у самых злейших своих врагов. И был у него незаурядный ум, который трудно было угадать за его весьма непрigлядной внешностью.

Всего за шесть месяцев на реке Макфарлейн вырос городок Ред-Голд-Сити, в ста пятидесяти милях от Форт-Смита. А Форт-Смит находился в пятистах милях от всего цивилизованного мира. Взглянув на жалкие лачуги нового городка, на его игорные дома и пивные заведения, Сэнди пришел к выводу, что для осуществления его тайных замыслов время еще не созрело. Он поиграл немного в карты. Выиграл и закупил провизию и кое-какое снаряжение. Среди прочего было старое, заряжающееся с дула ружье. Сэнди, у которого всегда бывало оружие только самых последних образцов, посмеивался над своей пушкой, как он называл вновь приобретенное ружье. Но ничего иного он не мог приобрести на свои теперешние средства.

Сэнди направился к югу — вверх по реке Макфарлейн. Он уверенно двинулся именно туда, где старателям пока не удавалось найти золото. Вскоре он начал свои поиски, медленно продвигаясь вперед вдоль одного из притоков, который брал свое начало милях в шестидесяти к юго-востоку. Время от времени ему попадались недурные россыпи, он мог за день намыть золота долларов на шесть — восемь, но такая перспектива его не привлекала. Он шел уже несколько недель, но чем дальше, тем беднее становились его находки. Потом золото стало попадаться и совсем редко. После таких неудач Сэнди делался опасен, в такое время лучше было держаться от него подальше.

Однажды его лодка причалила к берегу, по краю которого тянулась белая песчаная полоса. Отсюда река заворачивала и несколько расширялась, и Сэнди решил поискать здесь. Он вышел на берег, и его внимание привлекли следы, ясно отпечатавшиеся на мокром песке. Сюда на водопой приходили два зверя. Следы были совсем свежие — эти звери побывали здесь не больше двух часов назад. В глазах Сэнди мелькнул живой интерес. Он оглянулся по сторонам.

— Волки, — пробормотал он. — Вот бы подстрелить их из моей пушки... Черт, что это? Среди бела дня?

Сэнди вскочил на ноги и ринулся к кустам. В четверти мили от берега Серая Волчица почуяла запах человека и предостерегающе завывала. Сэнди Мак-Триггер не двинулся с места, пока не замерли последние отголоски этого протяжного, заунывного воя. Тогда он вернулся к лодке, взял ружье, зарядил его и снова скрылся в зарослях.

Уже целую неделю Казан и Серая Волчица бродили у истоков реки Макфарлейн, и здесь впервые за последние полгода Серая Волчица почуяла в воздухе запах человека. В этот момент она была одна — за несколько минут перед тем Казан пустился в погоню за зайцем. Она лежала под кустом, поджидая своего друга. Оставаясь одна, Серая Волчица всегда непрерывно нюхала воздух. И вот на этот раз она услышала постукивание весла о лодку, а потом до нее долетел и запах. Через пять минут после того, как она послала свое предостережение, Казан уже стоял возле нее, высоко подняв голову и тяжело дыша после быстрого бега.

Мак-Тригеру часто приходилось охотиться на полярных лисиц, и он решил выследить этих волков, применив тактику эскимосов. Он стал двигаться по полукругу, пока не оказался против ветра. Едва Казан почувствовал человеческий запах, шерсть на его спине вздыбилась. Но слепая волчица оказалась похитрее красноглазой лисы. Ее чуткий нос неотрывно следил за продвижением Мак-Тригера. Она услышала, как хрустнула под его ногой сухая веточка, потом до нее долетел металлический звук — ружейный ствол ударился о дерево. Потеряв в воздухе след Сэнди, она заскулила, потерлась мордой о Казана и сделала несколько шагов к юго-западу.

В подобных случаях Казан редко отказывался слушаться свою подругу. Они пошли вместе, и, в то время как Сэнди по-змеиному полз в кустах, стараясь держаться против ветра, Казан уже выглядывал из прибрежных кустов, рассматривая вытащенную на песчаный берег лодку.

Когда Сэнди вернулся после целого часа безуспешного выслеживания, он обнаружил свежие волчьи следы, ведущие прямо к его лодке. Он глянул на них недоумевающе, а потом его безобразную физиономию скривила усмешка. Зло посмеиваясь, он извлек из своей сумки небольшой резиновый мешочек. Там хранилась плотно закупоренная бутылка, наполненная желатиновыми капсулами. В каждой капсуле было пять шариков стрихнина. Ходили темные слухи, что однажды Сэнди Мак-Тригер испробовал действие такой капсулы, бросив ее в кофе одному своему недругу, но полиции не удалось это доказать. Сэнди был знаток по части ядов. В свое время он убил ими не одну сотню лисиц, и теперь он опять засмеялся, отсчитывая дюжину капсул. Ему казалось, что ничего не стоит провести эту пару любопытных волков.

Три дня назад Сэнди подстрелил оленя, и каждую капсулу он обернул ломтиком оленьего сала. При этом он действовал не пальцами, а палочками, чтобы на приманке не осталось человеческого запаха. Перед заходом солнца Сэнди отправился в долину разбрасывать приманки. Некоторые он прикрепил к нижним веткам кустов, другие раскидал по следам зайца и оленя. Потом вернулся к реке и стал готовить ужин.

На следующее утро Сэнди поднялся чуть свет и пошел обследовать свои приманки. Первая оказалась нетронутой, вторая лежала там же, где он оставил ее накануне. Но где третья? Сэнди задрожал в предвкушении торжества. Сейчас он увидит свою жертву. Но тут взгляд его упал на землю, и с его губ сорвалось проклятье. Под кустом, на котором он вчера повесил приманку, были раскиданы куски сала и в одном из них все еще оставалась маленькая белая капсула. Сэнди был озадачен. Уж если лиса или волк дотронулись до приманки, они непременно ее съедят! Он не знал, что имеет дело с диким зверем, чьи инстинкты необычайно обострились из-за слепоты.

Сэнди пошел дальше. Еще две приманки оказались в полной сохранности. В следующей он обнаружил разломанную капсулу и высыпавшиеся белые шарики стрихнина. Сэнди был уверен, что это проделки все той же пары волков, потому что повсюду на его пути попадались свежие следы их лап. Неделями скапливающееся дурное настроение излилось теперь в яростных проклятиях. Последнее разочарование переполнило чашу терпения Мак-Тригера. Неудача с приманками завершила цепь его невезений. Все было против него, и Сэнди решил вернуться в Ред-Голд-Сити.

В середине дня он столкнул лодку на воду и поплыл вниз по реке. Он рад был предоставить течению нести себя и, свободно откинувшись в лодке, покуривал трубку. Ружье лежало у него на коленях. Ветер дул ему навстречу, и Сэнди внимательно следил, не попадет ли на берегу какая-нибудь дичь.

К вечеру Казан и Серая Волчица вышли на песчаный берег милях в шести ниже по реке. Казан пил воду, и тут лодка Мак-Тригера бесшумно вынырнула из-за поворота в сотне ярдов выше по течению. Если бы ветер дул в их сторону, Серая Волчица издали почуяла бы опасность. Она встревожилась, лишь когда совсем близко услышала шелканье затвора старинного ружья Сэнди.

Казан тоже услышал этот звук и, перестав пить, поднял голову.

В то же мгновение Сэнди спустил курок. Клубы дыма, грохот выстрела, и Казан вдруг почувствовал, как мозг его словно полоснуло огнем. Он дернулся, ноги его подкосились, и он рухнул на землю. Серая Волчица стрелой понеслась в кустарник. Она не видела, как ее друг упал на белый песок. Только отбежав на четверть мили от страшного места, она остановилась и села ждать.

Сэнди Мак-Тригер причалил к берегу с торжествующим воплем.

— Что, дьявол, попался? — закричал он. — Я и другого уколошил бы, если б было у меня что-нибудь лучше этой древности.

Он перевернул прикладом голову Казана, и довольная усмешка сменилась на его лице полным недоумением: он увидел на Казане ошейник.

— Черт подери, да это не волк! — пробормотал Сэнди. — Это собака, самая настоящая собака!

Глава XXII

МЕТОДЫ СЭНДИ МАК-ТРИГЕРА

Мак-Тригер стал на колени прямо на песок. В его взгляде больше не было торжества. Он вертел ошейник вокруг неподвижной шеи собаки, пока не увидел полустертую пластинку, на которой с трудом разобрал: «Казан». Он читал вслух, по буквам, и на его физиономии было такое выражение, словно он никак не мог поверить своим глазам и ушам.

— Собака! — снова воскликнул он. — Собака, и до чего ж хороша!

Он встал и посмотрел на свою жертву. Возле носа Казана по белому песку растеклась лужа крови. Сэнди наклонился взглянуть, куда попала его пуля. Результаты обследования были неожиданные: оказалось, что тяжелая пуля из допотопного ружья задела Казана как раз по макушке. Это был скользящий удар, даже не повредивший черепной кости. Тут Сэнди сразу понял, почему подергиваются лапы и дрожит все тело собаки. Он было принял это за предсмертную агонию, но пес и не думал умирать. Он был только оглушен и через несколько минут сможет снова подняться на ноги.

Сэнди умел разбираться в ездовых собаках. Он провозился с ними две трети своей жизни и мог с первого взгляда определить их возраст, стоимость и даже кое-что из их прошлого. По следам на снегу он легко отличал собаку с берегов Макензи от эскимосской собаки или от лайки. Сэнди взглянул на лапы Казана. Это были лапы волка, и Сэнди довольно хмыкнул. Крупный и сильный пес! Сэнди подумал о предстоящей зиме и о том, что в Ред-Голд-Сити обязательно будут высокие цены на собак.

Сэнди сходил к лодке и вернулся со связкой кожаных веревок. Он сел возле Казана, скрестив под собой ноги, и стал мастерить намордник. Минут через десять намордник был готов, и Сэнди надел его Казану на нос, прочно закрепив вокруг шеи. К ошейнику Сэнди привязал десять футов крепкой веревки. После всех этих приготовлений он уселся и стал ждать, когда Казан очнется.

Вот Казан чуть приподнял голову, но видеть еще ничего не мог: глаза застилала красная пелена. Скоро это прошло, и он разглядел перед собой человека. Первым побуждением Казана было вскочить на ноги. Трижды попытался он встать и каждый раз снова падал. Сэнди сидел на корточках в стороне, держа конец веревки, и ухмылялся. В ответ ему сверкнули клыки. Казан зарычал, шерсть его вздыбилась. Сэнди вскочил на ноги.

— Знаю, знаю, что у тебя на уме, — сказал он. — Видывал я таких. Это волки тебя подпортили. Не один раз погуляет по тебе палка, прежде чем ты опять станешь шелковым. А ну-ка...

Сэнди заранее позаботился приготовить толстую дубинку. Он наклонился и поднял ее с песка. Силы Казана уже почти вернулись к нему. Голова больше не кружилась, туман перед глазами рассеялся. Казан видел рядом с собой своего давнего врага — человека. Человека с дубинкой в руках! В нем мгновенно проснулась вся свирепость его волчьей натуры. Он не видел рядом Серой Волчицы и понял, что вот этот человек повинен в ее отсутствии. И боль тоже причинил он. То, что Казан приписывал человеку, он переносил и на дубинку, человек и дубинка составляли для него одно неразрывное целое. Рыча, он бросился на Сэнди. Тот не ожидал прямого нападения, и, прежде чем успел замахнуться дубинкой или хотя бы отскочить в сторону, Казан навалился ему на грудь. Сэнди уцелел только благодаря тому, что на Казане был намордник. Клыки, которые без труда разорва-

ли бы ему горло, щелкнули впустую, не причинив вреда. Под тяжестью собаки Сэнди повалился на землю. Но с ловкостью кошки тут же снова вскочил. Подтянув веревку, он несколько раз обмотал ее вокруг руки. Казан опять прыгнул на него, но на этот раз был встречен жестоким ударом дубинки в плечо и полетел на землю. Прежде чем Казан успел опомниться, Мак-Тригер набросился на него, обезумев от ярости. Он все короче подтягивал веревку и наносил удары с силой и уверенностью человека, издавна привыкшего пользоваться этим оружием. Сначала побои вызывали в Казане лишь ненависть к человеку, и нападения его стали еще свирепее и страшнее. Он снова и снова кидался на своего врага, но каждый раз дубинка обрушивалась на него, едва не дробя ему кости.

Сэнди зло и упрямо сжал рот. Ему еще ни разу не приходилось сталкиваться с подобной собакой, и он слегка нервничал. Хорошо, что он успел надеть на этого пса намордник, но что, если ремни не выдержат, лопнут?..

Мак-Тригер сопровождал эту мысль таким сокрушительным ударом по голове Казана, что старый боец снова рухнул на песок. Сэнди прерывисто дышал. Дубинка выпала из его рук. Пока Казан приходил в себя, Сэнди внимательно осмотрел намордник и добавил еще несколько ремешков. Потом поволок Казана к выброшенному на берег дереву и накрепко привязал веревку к одному из сучьев. После этого он оттащил лодку подальше на берег и стал готовиться к ночлегу.

Казан снова очнулся, но лежал неподвижно, разглядывая Сэнди Мак-Тригера. Каждая косточка в теле Казана болела, один глаз почти совсем закрылся, губы были разбиты и кровоточили. Сэнди то и дело подходил к нему, очень довольный блестящими, как он считал, результатами побоев. И всякий раз прихватывал с собой дубинку. Он подтолкнул ею Казана, собака зарычала и со злостью щелкнула челюстями, стараясь вцепиться в дубинку зубами. Вот этого-то и ждал Сэнди — он тут же снова пустил в ход дубинку, и Казан не выдержал. Он заскулил и попытался спрятаться за бревно, к которому был привязан. Он едва двигался. Правая передняя лапа его была разбита, задние ноги волочились. После этих вторичных побоев он долго не мог подняться. Теперь он не в состоянии был бы убежать, даже если б оказался на свободе.

У Сэнди было на редкость хорошее настроение

— Будь спокоен, я тебя обломаю,— обращался он к Казану, наверное, уже в двадцатый раз.— Чтобы пес вел себя как полагается, его надо побольше бить. Через месяц я получу за тебя не меньше двухсот долларов, а коли нет, так я с тебя с живого шкуру сдеру.

Сэнди еще несколько раз попробовал раздражить собаку, но от боевого пыла Казана не осталось и следа. Удар пули в череп и жестокие побои сломили дух могучего Казана. Он лежал, закрыв глаза и уткнув морду в передние лапы. Он не обращал внимания на куски мяса, которые Мак-Тригер подсовывал к самому его носу. Казан не видел, как село солнце, не заметил наступления темноты. Но вот что-то вывело его из оцепенения. Его затуманенный мозг воспринял это как зов из далекого прошлого. Он поднял голову и прислушался. Мак-Тригер стоял на берегу, освещенный багровым пламенем костра, глядел во тьму и тоже прислушивался. Издалека снова послышался тот же голос — одинокий горестный вой Серой Волчицы.

Казан заскулил и с трудом поднялся на ноги. Сэнди схватился за дубинку и подскочил к нему.

— Лежать, негодяй! — рявкнул он.

Дубинка опять начала подниматься и опускаться со стремительной быстротой. Мак-Тригер вернулся к огню, тяжело дыша, и швырнул дубинку на землю, около приготовленной на ночь постели.

— Ничего, я его обломаю,— сказал он посмеиваясь.— А нет, так убью своими руками.

Несколько раз в эту ночь до Казана долетал зов Серой Волчицы. В ответ он, опасаясь новых побоев, только тихо скулил. Он неотрывно смотрел на огонь, пока не погас последний уголек, потом осторожно выполз из-за своего бревна. Он попытался встать на ноги, но всякий раз снова валился на землю. Кости были целы, но боль в лапах мучила его невыносимо. Всю ночь его бросало то в жар, то в озноб, ему мучительно хотелось пить.

На рассвете Сэнди вылез из-под одеяла и дал Казану воды и мяса. Воду Казан выпил, но до мяса не дотронулся. Сэнди с удовлетворением отметил происшедшую в нем перемену. Когда взошло солнце, Сэнди уже покончил с завтраком и был готов к отплытию. Теперь он уже без опаски подошел к Казану. Отвязав веревку от бревна, он поволок собаку к лодке. Казан прильнул к песку, пока его новый повелитель закреплял кожаную веревку на корме лодки. Сэнди ухмылялся, радуясь предстоящей

забаве. Он умел укрощать собак, он великолепно научился этому еще на Юконе.

Оттолкнув лодку от берега, Сэнди прыгнул в нее и, упираясь веслом, стал тащить Казана к воде. Через несколько секунд Казан уже стоял, зарыв лапы в мокрый песок у самого края воды. На один миг Сэнди дал веревке повиснуть свободно, потом неожиданно сильно рванул, и Казан очутился в воде. Сэнди тут же вывел лодку на середину реки и направил ее вниз по течению, вдобавок работая веслом, чтобы веревка ту же стянулась вокруг шеи его жертвы.

Несмотря на слабость и боль, Казан вынужден был плыть, чтобы держать голову над водой. Потоки воды за кормой и все учащающиеся взмахи весла делали передвижение Казана сплошной пыткой. Иногда его лохматую голову совсем затягивало под воду. Силы Казана иссякали с каждым мгновением. Продержавшись с четверть мили, он начал тонуть. Только тут Сэнди подтянул веревку и втащил его в лодку. Совершенно обессиленный, еле дыша, Казан повалился на днище. Сэнди применил беспощадный прием и добился чего хотел. У Казана больше не было желания драться, он уже не боролся за свою свободу. Он понял, что этот человек стал его хозяином, и дух его смирился. Теперь Казану хотелось только, чтобы ему позволили лежать на дне лодки, подальше от дубинки и воды. Дубинка валялась между ним и хозяином, конец ее находился в двух футах от носа Казана.

Пять дней и пять ночей длилось это путешествие вниз по реке. Мак-Триггер продолжал «воспитывать» Казана. Он еще трижды избивал его дубинкой и один раз прибегнул к испытанию в воде. На утро шестого дня они прибыли в Ред-Голд-Сити, и Мак-Триггер разбил палатку возле самой реки. Он раздобыл где-то цепь и привязал Казана позади палатки. Потом снял с него намордник.

— В наморднике много не наешь, — сказал он своему узнику. — А мне надо, чтобы ты снова стал сильным и злым, как черт. Ты способен на многое. Я тут одну штуку придумал. Мне это не впервой, попробуем и здесь набить карманы. Волк и собака — черт подери, ведь неплохо придумано!

Два раза в день Сэнди носил Казану свежего сырого мяса. Очень скоро силы и мужество Казана вернулись. Боль прошла, раны зажили. И уже на четвертый день он стал встречать Сэнди угрожающим рычанием. Но Мак-

Триггер теперь не бил его. Он не давал Казану ни рыбы, ни отрубей, а кормил его одним сырым мясом. Он ездил за пять миль по реке, чтобы достать для Казана внутренности только что убитого лося.

Однажды Сэнди привел с собой какого-то человека, и, когда незнакомец сделал неосторожный шаг к Казану, тот неожиданно кинулся на него. Человек в страхе отскочил, отчаянно ругаясь.

— Подойдет,— буркнул он.— Он полегче моего дога фунтов на десять, на пятнадцать. Но зубы у него вон какие, да и проворства ему не занимать. Хорошо подерется, прежде чем дог одолеет его.

— Держу пари на четвертую часть моей доли, что тот его не одолеет,— предложил Сэнди.

— Ну что ж, по рукам,— согласился другой.— Когда же он драться-то сможет?

Сэнди поразмыслил с минуту.

— Пожалуй, еще недельку надо подождать,— сказал он.— Пускай наберет свой вес. Давай ровно через неделю, во вторник. Ну, Харкер, идет?

Харкер кивнул.

— В следующий вторник вечером,— согласился он. Потом добавил: — Ставлю половину своей доли, что дог прикончит твоего волка.

Мак-Триггер пристально взглянул на Казана.

— Ловлю тебя на слове,— проговорил он.

Потом, прощаясь с Харкером, сказал:

— Не думаю, что на всем пространстве отсюда до Юкона найдется собака, которая может прикончить моего волка.

Г л а в а XXIII

ВМЕШАТЕЛЬСТВО ПРОФЕССОРА МАК-ДЖИЛА

Ред-Голд-Сити жаждал развлечений. Здесь поигрывали в карты, пили, временами затевали драки. Но присутствие полиции поддерживало в городке настроения, можно сказать, даже мирные, особенно по сравнению с тем, что обычно творилось в нескольких сотнях миль к северу, возле Доусона. Зрелище, предложенное Сэнди Мак-Триггером и Джоном Харкером, было встречено с восторгом. Известие о нем разлетелось на двадцать миль вокруг Ред-Голд-Сити. В тот вечер, когда должен был произойти поединок, в городке царил необыкновенный

оживление. Казан и огромный дог были выставлены для обозрения, каждый в своей клетке. Число ставок все возрастало. Зрителей набралось человек триста, каждый из них заплатил по пяти долларов за то, чтобы иметь возможность присутствовать при поединке. Сквозь прутья клеток все они с любопытством глядели на четверногих гладиаторов.

Собака Харкера была помесью датского дога с мастифом. Она родилась на севере и воспитывалась как ездовая собака. Ставили главным образом на дога. Казану же отдавали предпочтение опытные старожилы севера, которые знали толк в собаках и понимали, что означает зловещий красный свет в глазах пса. Старый золотоискатель с реки Кутины шептал на ухо своему приятелю:

— Ставлю на него один против одного. Мог бы даже и два против одного поставить. Он наверняка побьет дога, у того и приемов-то борьбы никаких нет.

— Зато у дога вес,— с сомнением проговорил его собеседник.— Смотри, какие челюсти здоровые и плечи тоже.

— А неуклюжий-то какой! Горло мягкое, брюхо большое,— прервал его золотоискатель с Кутины.— Поверь моему слову, приятель, не ставь ты на этого дога.

У клеток толпился народ. Сперва Казан рычал на все эти окружающие его лица. Потом лег у глухой стены клетки и угрюмо на всех поглядывал.

Драка должна была происходить у Харкера, владельца заведения, которое являло собой нечто среднее между пивной и кафе. Все скамьи и столы были убраны, и посередине комнаты на высоком помосте установили большую клетку. Вокруг клетки были устроены сиденья для трехсот зрителей. Над открытой сверху клеткой висели две керосиновые лампы с рефлекторами из зеркал.

Ровно в восемь вечера Харкер, Мак-Триггер и еще два человека при помощи деревянных шестов вытолкнули Казана на арену, где уже находился дог. Дог стоял, мигая от яркого света ламп. Увидев Казана, он наострил уши. Казан не оскалил клыков. Ни та, ни другая собака не проявили ожидаемой от них враждебности друг к другу. Шепот разочарования пролетел по толпе зрителей. При появлении Казана дог не прыгнул на него, не зарычал, а стал спокойно разглядывать противника, вопросительно склонив свою красивую голову. Потом взглянул на полные ожидания, возбужденные лица людей. Сперва

Казан несколько мгновений настороженно стоял против дога, и вдруг мускулы его распустились, и он тоже равнодушно посмотрел на толпу, которая пришла сюда, рассчитывая на смертельную схватку. Над тесными рядами зрителей пронесся презрительный смех. По адресу Мак-Тригера и Харкера посыпались ядовитые насмешки, кто-то свистнул. Сердитые голоса требовали возврата денег, нарастал общий гул недовольства. Лицо Сэнди побагровело от обиды и ярости. Голубые вены на лбу у Харкера вздулись. Он потрясал кулаками и громко вопил:

— Да замолчите, черт вас подери! Дайте им время!

Голоса стихли. Казан повернулся и теперь снова стоял против дога. И дог тоже перевел взгляд на Казана. Осторожно, словно готовясь к прыжку, Казан немного продвинулся вперед. Мускулы дога дрогнули, и он тоже шагнул навстречу Казану. В четырех футах друг от друга они застыли на месте. В помещении воцарилась мертвая тишина. Сэнди и Харкер стояли возле самой клетки, боясь дышать.

Не уступающие друг другу в красоте и силе животные, имеющие на своем счету сотни битв, лишённые чувства страха, стояли друг против друга — жертвы низменных человеческих страстей. Никто не мог видеть вопросительного выражения в их глазах. Они поняли друг друга. Если бы они встретились на воле, оспаривая свои права в упряжке, не миновать бы им тогда жестокой схватки. Но здесь их объединило чувство братства. В самый последний момент, когда их разделял всего один шаг и люди ожидали увидеть первый яростный прыжок, дог медленно поднял голову и поглядел вдаль поверх спины Казана. Харкер задрожал и беззвучно выругался. Горло дога было открыто для Казана, но животные словно обменялись клятвой не нападать друг на друга. Казан не прыгнул. Он повернулся, и обе собаки, великолепные в своем презрении к человеку, смотрели сквозь решетку своей тюрьмы на многоликую массу зрителей.

Раздался дружный взрыв негодования. Люди кричали, требовали, угрожали. В бешенстве Харкер выхватил револьвер и стал целиться в дога. Но вдруг над ревом толпы прогремел голос.

— Не смей стрелять! — послышался приказ. — Именем закона!

На мгновение воцарилась тишина. Все лица обернулись на голос. За последним рядом скамей на стульях стояли два человека. Один из них был Брокоу, сержант

полиции Северо-Запада. Это он и кричал. Подняв руку, он потребовал тишины и внимания. Рядом с ним стоял бледный, худой, сутулый человек небольшого роста, по его виду трудно было бы предположить, что он многие годы провел в суровых условиях Арктики. Теперь заговорил он тихим, спокойным голосом.

— Я даю владельцам пятьсот долларов за этих собак,— проговорил он.

Все в зале расслышали это предложение. Харкер взглянул на Сэнди. Они стали совещаться.

— Драться они не будут, а в упряжке составят отличную пару,— продолжал человек.— Даю владельцам пятьсот долларов.

Харкер поднял руку.

— Прибавьте еще сотню. Шестьсот, и собаки ваши. Человек заколебался, потом кивнул головой.

— Хорошо, я даю шестьсот,— сказал он.

В толпе послышался ропот недовольства. Харкер взобрался на край помоста.

— Мы что, виноваты, если они не захотели драться? — закричал он.— А коли среди вас найдутся такие, которые хотят назад свои деньги, можете получить их у выхода. Собаки просто одурачили нас. Мы-то тут при чем?

Человек в сопровождении сержанта полиции прокладывал себе путь между стульями. Придвинув бледное лицо к прутьям клетки, он взглянул на Казана и на дога.

— Думаю, что мы будем отличными друзьями,— сказал он так тихо, что разве только собаки могли слышать его.— Не дешево, конечно, мне это обошлось, но мы подадим счет нашему научному обществу. Мне очень нужны четвероногие друзья, у которых было бы столько же силы и благородства, как у вас.

И едва ли кто-нибудь понял, почему и Казан и дог придвинулись поближе к той стороне клетки, где стоял маленький ученый. А тот вытащил толстую пачку денег и отсчитал Харкеру и Сэнди Мак-Тригеру шесть сотен долларов.

Глава XXIV

ОДНА ВО МРАКЕ

Никогда еще одиночество и тьма не обрушивались на Серую Волчицу с такой беспощадностью. Мак-Тригер подстрелил ее друга и увез с собой. Услышав выстрел,

она спряталась в кустах недалеко от берега и в течение нескольких часов поджидала Казана. Она верила, что он вернется, как возвращался уже сотни раз. Она лежала, распластавшись на земле, приюхивалась и скулила; ветер не приносил ей запаха ее друга. День и ночь были для Серой Волчицы бесконечным хаосом, но она определила, что начало садиться солнце, что сгущаются вечерние сумерки, и знала, что вот уже зажглись звезды, что река серебрится от лунного света. В такую ночь хорошо бродить по лесам. Серая Волчица заметалась встревоженно и в первый раз позвала Казана. Со стороны реки шел острый запах дыма, и она инстинктивно поняла, что вот этот дым и присутствие человека не позволяли Казану вернуться к ней. Но ближе подходить она боялась. Слепота приучила ее к долгим ожиданиям.

Со дня битвы на Скале Солнца Казан всегда возвращался к ней, ни разу ее не обманул. Трижды звала она его в эту ночь. Потом улеглась под кустом и прождала так до рассвета.

Инстинкт давал ей почувствовать, когда ночь начинала поглощать последние лучи солнца, и точно так же теперь она уловила наступление утра. Вскоре стало пригревать солнце, и беспокойство побороло в ней осторожность. Серая Волчица медленно побрела к реке, приюхиваясь и скуля. Дыма в воздухе больше не было, не могла она уловить и запах человека. Она шла по своему следу до обрыва над рекой и в густом кустарнике остановилась и прислушалась. Потом спустилась на берег и пошла прямо туда, где выстрел настиг Казана во время водопоя. И тут ее нюх уловил запах крови, которой был пропитан песок. Серая Волчица знала, что это кровь ее друга, потому что здесь повсюду был его запах, смешанный с запахом человека. Она нашла и глубокую борозду на песке — здесь Сэнди протащил Казана к лодке. Серая Волчица нашла поваленное дерево, к которому был привязан Казан. И вдруг она наткнулась на дубинку, которой Мак-Триггер укрощал раненого Казана. Дубинка была перепачкана кровью. Серая Волчица села, запрокинула слепую морду к небу, из ее горла вырвался вой, и южный ветер разнес этот вой на несколько миль вокруг. Никогда раньше Серая Волчица так не выла. Это был не зов волка в лунную ночь и не охотничий клич. В ее голосе было горестное стенание, плач по невозвратимой потере. Потом Серая Волчица побрела в кусты и там легла, повернувшись мордой в сторону реки.

Ее охватил необъяснимый страх. Ко мраку она уже привыкла, но никогда прежде она не была одна в этом мраке, всегда ее охраняло присутствие Казана. В кустах, в нескольких ярдах от нее, слышалось хлопанье курапатки, и звук этот для Серой Волчицы прозвучал словно из другого мира. Мышонок прошуршал в траве возле самых ее лап, и Серая Волчица щелкнула зубами, пытаясь поймать его, но зубы ее сомкнулись на камне. Мышцы ее плеч дергались, она вся дрожала, будто от сильного холода. Она опять страшилась темноты, которая скрывала от нее мир, и терла лапами свои закрытые глаза, словно пытаясь вновь открыть их для света.

Днем она вернулась на равнину, но равнина была теперь как будто другая. Она вызывала страх, и Серая Волчица скоро возвратилась на берег и прикорнула возле бревна — там, где раньше лежал Казан. Здесь было не так страшно, потому что вокруг еще ясно чувствовался запах Казана. Целый час пролежала она неподвижно, положив голову на дубинку, залитую кровью ее друга. Ночью Серая Волчица все еще была на берегу. Когда поднялась луна и заблестели звезды, она опять улеглась в оставленное телом Казана углубление на белом песке.

На рассвете Серая Волчица спустилась к воде напиться. Она не могла видеть, что день наступил темный и сумеречный, что черное небо было сплошным нагромождением тяжелых грозowych туч. Но в душном воздухе она чувствовала приближение грозы, предугадывала вспышки молний, надвигавшиеся вместе с дождевой завесой. Отдаленный рокот грома становился все слышнее, и Серая Волчица клубком свернулась под деревом. В течение нескольких часов над ней бушевала гроза, дождь лил сплошными потоками. Когда гроза стихла, Серая Волчица выбралась из своего убежища совершенно измученная.

Тщетно искала она теперь хоть какой-нибудь след Казана. Дубинка была отмыта дождем, там, где пролилась кровь Казана, песок снова стал белый и чистый. Даже под бревном, где он лежал, не оставалось теперь ни запаха, ни следов.

До сих пор только ужас перед одиночеством во мраке подавлял Серую Волчицу. Вечером к нему прибавился еще и голод. Голод заставил ее уйти с берега на равнину. Десяток раз она чужая дичь, и каждый раз эта дичь ускользала от нее. Серая Волчица загнала под ко-

рень мышь и даже выцарапала ее оттуда лапой, но мыши удалось выскользнуть из-под самых ее зубов.

Тридцать шесть часов назад они с Казаном оставили половину своей последней добычи в двух милях дальше по равнине. Они убили тогда большого зайца. Серая Волчица теперь направилась туда. Ей не нужно было зрения, чтобы найти дорогу. У нее необычайно остро было развито шестое чувство, свойственное всем животным,—способность ориентироваться. Подобно голубю, всегда находящему путь домой, она напрямик, через кусты, побежала к тому месту, где они спрятали зайца. Но здесь уже побывала полярная лисица, а то, что осталось после лисы, растащили сойки и другие птицы; Серая Волчица обнаружила лишь несколько клочков заячьей шерсти. По-прежнему голодная, она побрела назад, к реке.

В эту ночь Серая Волчица опять спала там же, где и накануне. Трижды звала она Казана, но безуспешно. Выпала густая роса и окончательно смыла следы Казана. Однако Серая Волчица еще два дня не покидала узкой песчаной полосы на берегу реки. На четвертый день голод ее стал настолько острым, что она принялась глотать кору на кустах ивняка. Но в этот же день Серая Волчица сделала одно важное открытие. Она пила из реки, и вдруг ее чуткий нос коснулся в воде какого-то гладкого предмета, пахнувшего рыбой. Это был крупный моллюск, который водится в северных реках. Серая Волчица выгребла его лапой на берег и понюхала твердую раковину. Потом раковина захрустела у нее на зубах. Серой Волчице показалось, что она никогда не ела ничего вкуснее мяса, оказавшегося внутри раковины. Она стала искать еще моллюсков, и ей удалось найти их довольно много. Она ела до тех пор, пока окончательно не утолила голод.

Еще три дня Серая Волчица не уходила с песчаного берега. Но однажды ночью ей вдруг почудился зов, заставивший ее задрожать от нового непонятного волнения. Новая надежда внезапно возникла в ней. При свете луны она беспокойно забегала вдоль песчаной полоски, поворачиваясь на север, на юг, на восток, на запад. Высоко задрав голову, Серая Волчица прислушивалась, будто пытаясь уловить в мягком ночном ветерке неясные шепоты непонятного голоса. Ей мерещилось, что призыв шел к ней с юго-востока. Там, далеко, за тундрами и лесами, находился ее дом. Может быть, там она и найдет

опять своего Казана. Серой Волчице вдруг вспомнилась высокая Скала Солнца и вьющаяся по ней извилистая тропинка: на Скале Солнца настигла ее слепота, там кончился день и началась вечная ночь. Там впервые пережила она радость материнства. Природа позаботилась о том, чтобы эти события никогда не смогли изгладиться из ее памяти, и когда пришел зов, то он пришел именно из этого солнечного мира, в котором когда-то были жизнь и свет, в котором Серая Волчица в последний раз видела луну и звезды на синем ночном небе.

И Серая Волчица, послушная этому зову, оставила реку, где можно было достать пищу, и смело пошла навстречу голоду и мраку, теперь уже не страшась смерти и пустоты невидимого для нее мира. Перед собой она снова видела Скалу Солнца, тропинку, свое жилище между скалами и — Казана.

Глава XXV

КОНЕЦ СЭНДИ МАК-ТРИГЕРА

А в шестидесяти милях к северу Казан лежал на земле, привязанный стальной цепью, и наблюдал, как маленький профессор Мак-Джил готовит для него похлебку из отрубей с салом. В десяти ярдах от Казана лежал дог; с морды его капала слюна — он уже предвкушал трапезу. Дог выразил свое полное удовольствие, когда Мак-Джил принес ему его порцию; огромный пес заглатывал пищу, а этот человек с холодными голубыми глазами и с проседью в светлых волосах без боязни глядел его по спине.

Ему пришлось вести себя иначе, когда он подошел к Казану. Движения профессора стали осторожны, хотя глаза и губы его по-прежнему улыбались. Может, он и боялся этой дикой собаки, но страха своего не выдавал.

Маленький профессор приехал на Север как представитель одного научного общества. Он треть своей жизни провел среди собак, очень любил их и прекрасно понимал. Он написал уже не одну статью об интеллекте собаки, и статьи эти привлекли к себе внимание в кругах натуралистов. Он любил и понимал собак и потому-то выкупил Казана и дога. Ему понравилось, как эти два великолепных зверя отказались убивать друг друга на потеху тремстам зрителям, пришедшим поглазеть на драку. Профессор уже задумал статью об этом эпизоде. Сэн-

ди рассказал ему историю поимки Казана, рассказал о его дикой подруге, Серой Волчице, и профессор засыпал Мак-Тригера вопросами.

С каждым днем Казан все больше и больше удивлял своего нового хозяина. Никакая доброта и ласка не вызывали в этой собаке ответных чувств. Он ни разу не выказал желания подружиться с Мак-Джилем, но и не рычал на него, не пытался схватить за руку, даже когда представлялась такая возможность.

Очень часто в маленькую хижину профессора навещался Сэнди Мак-Тригер. Всякий раз при его посещении Казан рвался на цепи, стараясь добраться до своего врага, и не закрывал оскаленной пасти, пока Сэнди не скрывался из виду. Только в присутствии Мак-Джила Казан успокаивался. Он словно понимал, что профессор вмешался вовремя, когда они с догом стояли друг против друга в клетке, предназначенной для кровопролития. В диком сердце Казана Мак-Джил занимал особое место. Казану не хотелось причинять вреда этому человеку. Он терпел его, но в отличие от дога не выказывал ему своего расположения. Это и удивляло Мак-Джила: ему ни разу еще не приходилось сталкиваться с собакой, которую он не мог бы заставить полюбить себя.

Мак-Джил поставил перед Казаном миску с похлебкой. И вдруг улыбка на лице профессора сменилась недоуменным взглядом: Казан ощерил пасть, свирепое рычание клокотало в его горле, шерсть вздыбилась, мускулы напряглись. Профессор невольно обернулся — за его спиной стоял незаметно подошедший Сэнди Мак-Тригер. На его грубой физиономии кривилась усмешка, когда он взглянул на Казана.

— Зря время тратите, его не приручить, — сказал Сэнди. Затем в глазах его сверкнуло любопытство, и он спросил: — Когда вы собираетесь ехать?

— С первыми морозами, — отвечал Мак-Джил. — Теперь уже скоро. В начале октября мне надо присоединиться к отряду сержанта Конроя в Фон-дю-Лаке.

— И вы думаете добираться до Фон-дю-Лака совсем один? — поинтересовался Сэнди. — Почему бы вам не взять проводника?

Маленький профессор негромко рассмеялся.

— А зачем? — сказал он. — Я проплывал по рекам Атабаски уже десяток раз и знаю этот путь не хуже Бродвея. К тому же я люблю быть один. Да и совсем не трудно плыть, течение помогает.

Повернувшись спиной к Мак-Джилу, Сэнди посмотрел на дога, и во взгляде его мелькнуло торжество.

— Собак берете с собой? — спросил он.

— Да, — ответил профессор.

Сэнди раскурил трубку и заговорил с Мак-Джилом, проявляя явное любопытство.

— Небось кучу денег стоят эти ваши путешествия? — спросил Мак-Тригер.

— Прошлый раз оно обошлось в семь тысяч долларов. В этот раз оно будет стоить пять тысяч, — ответил Мак-Джил.

— Черт возьми! — так и ахнул Сэнди. — И вы возите при себе столько денег! Не боитесь? Ведь всякое может случиться!

Маленький профессор в эту минуту смотрел в другую сторону. Беззаботность слетела с его лица, голубые глаза потемнели. Сухая усмешка скользнула по его губам, но Сэнди ее не видел. Профессор обернулся к нему.

— Я очень чутко сплю, — сказал Мак-Джил. — Ночью даже легкие шаги могут меня разбудить. Я просыпаюсь от человеческого дыхания, если знаю, что мне надо быть начеку. И к тому же... — Он вынул из кармана револьвер. — Я неплохо умею пользоваться вот этим. — Он показал на сучок в стене хижины: — Полюбуйтесь.

Пять раз подряд он выстрелил с двадцати шагов. Мак-Тригер подошел к стене, посмотрел и даже рот разинул от удивления: на месте сучка была всего одна дырка.

— Да, недурно, — усмехнулся он. — Немногие так справляются даже с ружьем.

Когда Сэнди ушел, Мак-Джил проводил его подозрительным взглядом, а на губах его блуждала улыбка. Потом он обернулся к Казану.

— Думаю, что ты составил о нем правильное мнение, старина, — сказал он посмеиваясь. — Тебе явно не терпится добраться до его горла, и мне трудно осуждать тебя. Как знать...

Он засунул руки глубоко в карманы и пошел в хижину. Казан уткнул голову в передние лапы и лежал тихо, широко открыв глаза. Близился вечер. Было уже начало сентября, и по ночам особенно чувствовалось холодное дыхание осени. Казан наблюдал за последними лучами солнца. Темнота наступала сразу, а в темноте Казан особенно остро испытывал тоску по свободе. Во тьме он с остервенением глодал свою стальную цепь.

Когда дог уже засыпал, Казан смотрел на луну и звезды и прислушивался, не зовет ли его Серая Волчица.

В эту ночь было холоднее, чем обычно, и свист западного ветра как-то странно взволновал Казана. Сонное лето пришло к концу, приближалась пора напряженной охоты. Казану хотелось вырваться на свободу и бежать, бежать до полного изнеможения. И чтобы рядом была Серая Волчица. Он знал, что она где-то далеко, там, где низко над землей на ясном небе сверкают звезды. Он был уверен, что она ждет его.

Казан дернулся на цепи и заскулил.

Всю эту ночь он был неспокоен, ему чудился вдалеке знакомый вой — зов Серой Волчицы. Его ответный вой разбудил Мак-Джила. Уже рассвело. Профессор оделся и вышел из хижины. В воздухе чувствовался приятный бодрящий холодок. Профессор, смочив слюной палец, поднял его над головой и довольно усмехнулся, когда обнаружил, что ветер дует с севера. Он подошел к Казану и заговорил с ним.

— Ну что ж, черным мухам пора спать, настало время белых мух,— проговорил он.— Еще несколько деньков, и нам можно будет отправляться в путь.

Пять дней спустя Мак-Джил отвел сначала дога, а потом Казана в груженую лодку. Сэнди Мак-Триггер провожал их, и Казан все время норовил броситься на него. Сэнди держался подальше, а Мак-Джил следил за обоими, и кровь его кипела, хотя выражение лица оставалось безразличным.

Они проплыли с милю вниз по течению, и тогда профессор, свободно откинувшись в лодке, без страха положил руку Казану на голову. Что-то в этом прикосновении и в голосе профессора погасило в Казане желание укусьть эту руку. Но он лишь терпел эти проявления дружбы — не шевелился, и глаза его ничего не выражали.

— Я уж подумал было, что мне вовсе не придется спать,— сказал Мак-Джил посмеиваясь,— но, кажется, с тобой, старина, я смогу позволить себе вздремнуть иной раз.

В эту ночь они сделали привал, проплыв пятнадцать миль вдоль берега озера. Дoga профессор привязал к дереву в двадцати ярдах от своей маленькой шелковой палатки, а цепь Казана закрепил вокруг низкорослой березки возле самого входа в палатку. Прежде чем от-

правиться спать, Мак-Джил вытащил свой самозаряжающийся пистолет и тщательно осмотрел его.

Первые три дня их путешествия по озеру прошли без приключений. На четвертую ночь Мак-Джил поставил палатку в сосняке, в сотне ярдов от воды. Весь этот день ветер упорно дул им в спину. С половины дня профессор стал внимательно следить за поведением Казана. Очевидно, с запада то и дело долетал запах, который беспокоил Казана: он все время настороженно принюхивался к ветру, и дважды Мак-Джил расслышал глухое рычание. А один раз, когда запах донесся отчетливее, Казан оскалил зубы и шерсть у него на спине вздыбилась. Разбив лагерь, маленький профессор не стал разжигать костер и целый час просидел, разглядывая берег озера в охотничий бинокль. Только в сумерки он вернулся к палатке и привязал собак. Несколько минут он тайно наблюдал за своим волком. Казан был все еще неспокоен. Он лег, повернувшись мордой к западу. Мак-Джил обратил внимание на то, что большой дог лежит позади Казана, повернувшись на восток. В обычных условиях Казан непременно лег бы мордой к другой собаке. Теперь профессор был совершенно уверен, что западный ветер несет с собой что-то подозрительное. Он даже вздрогнул при мысли о том, что это может быть.

За большим камнем он развел еле заметный костер и приготовил себе ужин. Потом вошел в палатку, но тут же вышел оттуда, неся под мышкой одеяло. Посмеиваясь, он остановился возле Казана.

— Знаешь, старина не буду-ка я спать под крышей сегодня ночью,— сказал он.— Ты явно что-то почуял в западном ветре, и мне это не нравится. А вдруг это... гроза! — Он засмеялся своей шутке и скрылся в зарослях в тридцати шагах от палатки. Здесь он завернулся в одеяло и заснул.

Была тихая звездная ночь; несколько часов спустя Казан опустил голову на передние лапы и задремал. Разбудил его треск сухой веточки. Этот треск не поднял сонного дога, но Казан был уже начеку, его чуткие ноздри втягивали воздух. Вокруг себя он теперь отчетливо чувствовал то, что неясно доносилось до него в течение всего этого дня. Он лежал, то и дело вздрагивая.

Из зарослей позади палатки появилась человеческая фигура. Но это был не профессор. Фигура двигалась крадучись, пригнув голову и плечи, и вдруг при свете звезд показалась зверская физиономия Сэнди Мак-Три-

гера. Казан прижался к земле. Клыки его обнажились. Но он не издал ни единого звука, которым мог бы обнаружить свое присутствие. Сэнди приближался шаг за шагом. Вот он уже возле самой палатки. С ним не было ни дубинки, ни бича — в руке его блеснуло стальное лезвие. У входа в палатку он остановился и, повернувшись спиной к Казану, заглянул внутрь.

Быстро, бесшумно, подобно настоящему волку, Казан вскочил на ноги. Он забыл, что его держит цепь. В десяти футах от него находился враг, самый ненавистный враг на свете. Красивое тело Казана напряглось до предела.

Он прыгнул. На этот раз цепь не сжала его за горло, не откинула его назад. Время и стихии подточили кожаный ошейник, который Казан носил со времен своего рабства. Ошейник лопнул и свалился. Сэнди обернулся, и тут клыки Казана впились ему в руку. Закричав от испуга и боли, человек упал, и они покатались по земле. Раздался тревожный басовитый лай дога. Теперь и тот начал рваться на привязи.

При падении Казан потерял хватку, но тотчас опять вскочил на ноги и был готов к новому прыжку. Однако внезапно он сообразил: ведь ошейник слетел с его шеи — значит, он теперь на свободе! Кругом стояли леса, над головой светили звезды, слышался шепот ветерка. Здесь были люди, а где-то далеко ждала Серая Волчица. Казан прижал уши, повернулся и, словно тень, скользнул в темноту, навстречу свободе.

Он пробежал сотню ярдов, и вдруг что-то заставило его остановиться. Он услышал резкий звук профессорского пистолета. Еще раз. Еще. Потом громче выстрелов раздался страшный предсмертный крик Сэнди МакТригера.

Г л а в а XXVI

ПУСТОЙ МИР

Казан бежал все дальше и дальше. Он как тень скользил среди зарослей, уши его были прижаты, хвост волочился. Так всегда выглядят собаки и волки, убегающие от опасности. Скоро он выбрался на открытую местность. Кругом царила тишина, на ясном небе мерцали мириады звезд, в прохладном воздухе чувствовалось дыхание ледяной тундры.

Казан повернул в направлении ветра. Где-то там, далеко на юго-западе, была Серая Волчица. Впервые за много недель Казан сел и громко, тоскливо завыл, и эхо разнесло его голос на мили вокруг. А оставшийся позади большой дог заскулил, услышав Казана. Маленький профессор стоял над неподвижным телом Сэнди Мак-Тригера. Лицо у профессора было бледное и напряженное. Он прислушивался, не повторится ли вой. Но инстинкт сказал Казану, что не следует ждать ответа на этот первый зов, и он кинулся бежать дальше. Он бежал как обычно бегут собаки по следу своего хозяина. Однако путь его лежал не обратно к озеру и не к Ред-Голд-Сити. Мчась по прямой, будто начертанной рукой человека, линии, Казан покрыл сорок миль лесов, болот, равнин и холмов, которые лежали между ним и рекой Макфарлейн. В эту ночь он больше не звал Серую Волчицу. Он не умел рассуждать, просто он знал, что Серая Волчица и на этот раз будет ждать его где-нибудь недалеко от песчаной полосы, где в него стрелял Мак-Тригер.

На рассвете он добрался до реки. Солнце едва успело взойти, а Казан уже стоял на песчаном берегу, куда они с Серой Волчицей спускались на водопой. Надеясь вот-вот увидеть свою подругу, он тихо заскулил и завилял хвостом. Он пытался найти ее запах, но дожди уже смыли след ее лап на песке. В течение всего дня Казан продолжал поиски вдоль берега реки и на близлежащей равнине. Он побывал там, где они в последний раз убили зайца, обнюхал кусты, на которых была развешана отравленная приманка. То и дело Казан садился и выл, призывая подругу.

И тут инстинкт снова помог ему. Когда зашло солнце и стали сгущаться ночные тени, Казан начал все больше поворачивать на юго-восток. Весь его мир ограничивался пространством, где он в свое время охотился. Он не знал о существовании каких-либо других мест. И где-то в этом нешироком мире обязательно должна быть Серая Волчица. Казан был уверен, что непременно найдет ее. В его понимании этот мир тянулся узкой полосой лесов и равнин от реки Макфарлейн до небольшой долины между двумя грядами холмов, откуда их выжили бобры. Раз Серой Волчицы нет здесь, значит она там, в этой долине. И Казан самоотверженно продолжал поиск.

Только когда потухли звезды и забрезжил серый рассвет, усталость и голод взяли свое. Казан затравил зай-

ца и, поев, проспал несколько часов. Потом вновь отправился в путь. На четвертую ночь он добрался наконец до маленькой долины. В холодном осеннем воздухе звезды сверкали еще ярче. Казан бежал вдоль ручья к своему жилищу на болоте. Было уже совсем светло, когда он достиг края пруда возле плотины. Вода теперь полностью окружала бугор с буреломом. Сломанный Зуб и его сородичи совсем преобразили то место, которое раньше было домом Казана и Серой Волчицы. Несколько минут Казан стоял молча и неподвижно у края пруда, принюхиваясь к воздуху, насыщенному неприятным запахом поселившихся здесь водяных существ.

До этих пор дух его еще не был сломлен, но теперь Казан сдался. Лапы его были изранены, бока ввалились, голова повисла. Словно тень, кружил он по болоту. Он проискал весь день. Шерсть его больше не дыбилась, взгляд потускнел, плечи опустились.

Серая Волчица исчезла.

Постепенно природа доводила это до его сознания, Серая Волчица ушла из его мира, и одиночество и горе Казана были так велики, что лес казался ему чужим, а тишина угнетала и пугала его. Снова собака одержала в нем верх над волком. Когда они были вместе с Серой Волчицей, Казан наслаждался свободой. Теперь, когда он остался один, огромный пустой мир внушал ему страх.

К вечеру Казан наткнулся на берегу ручья на кучу раздробленных раковин моллюсков. Он понюхал их, отошел, потом вернулся и снова понюхал. Это было место последней трапезы Серой Волчицы, прежде чем она свернула на юг. Но оставленный ею запах был слишком слаб, чтобы дать Казану какие-нибудь сведения.

В эту ночь Казан свернулся под упавшим деревом и скулил и плакал, пока не заснул. Всю ночь он горевал, сон его был тревожным.

День за днем, ночь за ночью Казан слонялся по болоту, оплакивая то единственное существо, которое обогатило и заполнило его мир. Он чувствовал, что потеряв подругу, он утратил не меньше, чем она, потеряв глаза.

Глава XXVII ЗОВ СО СКАЛЫ СОЛНЦА

В золотом сиянии осенних солнечных лучей вверх по реке плыла лодка-каное. В ней сидели мужчина, женщина и ребенок. Это были Джоанна с мужем и их ма-

ленькая дочь. Цивилизация, загубившая уже не один дикий цветок, сказалась и на Джоанне. Лицо молодой женщины осунулось, блеск глаз померк. Она часто кашляла. Муж поглядывал на нее с любовью и тревогой. Но теперь он видел, как она постепенно преобразается. Вот наконец лодка приблизилась к прекрасной долине, которая когда-то была их домом — до того, как далекий город позвал их к себе. На щеках Джоанны снова зарделся румянец, в глазах засветились счастье и радость. Заметив это, муж ее тихо засмеялся и благословил целительное действие природы.

— Ну вот, ты снова счастлива, Джоанна, — радостно засмеялся он. — Доктора были правы. Тебе нельзя отрываться от лесов.

— Да, я действительно счастлива, — прошептала она, и голос ее задрожал. Она указала на белую песчаную отмель, вдающуюся в реку: — Ты помнишь? Мне кажется, это было так давно! Вот здесь Казан оставил нас. А подруга его стояла вон там, на песке. Ты не забыл? — Губы ее дрогнули, и она добавила: — Где-то они теперь!..

Хижина их была все такой же, какой они ее оставили. Только вьющиеся растения совсем оплели ее да возле стен поднялась высокая трава, разросся частый кустарник.

Жизнь снова закипела в хижине. С каждым днем все гуще становился румянец на щеках Джоанны, голос ее опять звучал звонко и мелодично. Муж ее расчистил свои прежние тропы, а Джоанна и ее маленькая дочка, которая уже научилась бегать и болтать, превратили хижину в уютный дом.

Как-то поздно вечером муж Джоанны вернулся домой и сразу заметил в глазах жены необычное волнение. Когда она заговорила, голос ее прерывался.

— Ты слышал? — спросила она. — Ты слышал этот зов?

Он кивнул и погладил жену по волосам.

— Я был там, возле ручья, — сказал он. — Я все слышал.

Пальцы Джоанны крепко сжали руки мужа.

— Это не Казан, — проговорила она. — Я бы узнала его голос. Но мне показалось, что такой же зов мы слышали тогда на песчаной отмели. Так звала Казана его подруга.

Мужчина задумался, а пальцы Джоанны сжимались все сильнее. Она быстро и взволнованно дышала.

— Ты можешь дать мне одно обещание? — спросила она. — Обещай, что ты никогда не будешь стрелять и ловить волков.

— Я уже подумал об этом, — отвечал муж. — Еще там, у ручья, когда только услышал этот зов. Даю тебе это обещание.

Джоанна обняла его.

— Ведь мы любили Казана, — проговорила она. — А ты можешь нечаянно убить его или ее...

Она вдруг смолкла. Оба они прислушались. Сквозь приоткрытую дверь до их ушей снова донесся тоскливый волчий вой. Джоанна бросилась к двери, муж побежал за ней. Они остановились молча. Джоанна, взволнованная и растроганная, протянула руку в сторону долины, освещенной звездным светом.

— Послушай! — крикнула она мужу. — Ведь это она зовет! Она там, на Скале Солнца!

Джоанна кинулась вперед, забыв про бегущего рядом мужа, забыв, что маленькая Джоанна одна спит в хижине. А навстречу им издали опять прилетел протяжный, заунывный клич, похожий на вой ветра.

Джоанна остановилась. Прошло несколько минут, и вой повторился. На этот раз он раздался так близко, что Джоанна приложила ладони ко рту, и, как в прежние времена, над долиной полетел ее голос:

— Ка-за-а-ан! Ка-за-ан! Ка-за-ан!

На вершине Скалы Солнца измученная, отошавшая от голода Серая Волчица услышала крик женщины, и зов, который она опять хотела послать Казану, замер у нее в горле — она только тихо заскулила.

А дальше к северу стремительно движущаяся тень вдруг на мгновение замерла, освещаемая звездным светом. Это был Казан. Его словно пронзило огнем. Теперь он понимал лишь одно — здесь находится его дом. Когда-то давно он здесь жил, любил, сражался, и все его неясные, потускневшие сны вдруг ожили в его памяти. Ведь через долину к нему летел голос Джоанны!

Джоанна стояла и ждала. И вдруг из туманной мглы к ней явился Казан! Он полз на брюхе, тяжело дыша от быстрого бега, и странное повизгивание вырывалось из его горла. Джоанна бросилась навстречу, протянув к нему руки, ее дрожащие губы снова и снова повторяли его имя. Муж стоял возле и наблюдал за этой встречей,

глаза его светились каким-то новым пониманием. Теперь он уже не боялся этого дикого волка. Руки Джоанны обняли большую лохматую голову зверя и прижали ее к себе. Из горла Казана вырвалось радостное урчание. Женщина шептала что-то, едва не плача. Мужчина стоял рядом, стиснув руки и обернувшись к Скале Солнца.

— Неужели?..— только и сказал он.

Как бы отвечая его мыслям, над долиной прозвучал одинокий горестный вой Серой Волчицы, зовущей своего друга. Мгновенно, словно от удара бича, Казан вскочил на ноги, забыв о Джоанне, о присутствии человека.

Еще секунда, и он скрылся из виду. Джоанна кинулась на грудь мужу.

— Так мы и будем жить — Казан и его подруга, ты, я и наша девочка! Ты не жалеешь, что мы вернулись? — спросила она.

Он так крепко обнял ее, что она не расслышала слов, которые он нашептывал ей, касаясь губами ее мягких волос.

Еще несколько часов после этого они просидели у порога своей хижины, но ни разу не слышали больше одинокого зова со Скалы Солнца. Они все поняли.

— Казан придет к нам завтра,— произнес наконец мужчина.— Пойдем, Джоанна, пора ложиться спать.

И рука об руку они вошли в хижину.

А нашедшие друг друга Казан и Серая Волчица в эту ночь опять вместе охотились на залитой лунным светом долине.

БРОДЯГИ СЕВЕРА

Глава I

Неёва, маленький черный медвежонок, впервые увидел мир, в котором ему предстояло жить, в конце марта — на исходе Орлиного месяца. Нузак, его мать, была уже пожилой медведицей, а потому любила поспать подольше, чтобы понежить свои ревматические косточки. Вот почему в эту зиму — в зиму рождения маленького Неевы — она проспала не обычные три месяца, а целых четыре, и Нееве, когда они вылезли из берлоги, было больше двух месяцев, хотя чаще всего медвежата начинают знакомство с лесной жизнью в шестинедельном возрасте.

Зимовала Нузак в пещере у гребня высокого каменистого холма, и вот с этого-то гребня Неева впервые посмотрел в долину. Вначале солнечные лучи совсем ослепили его глаза, до сих пор не знавшие ничего, кроме густого сумрака пещеры. И поэтому он услышал, почуял и ощутил множество самых разнообразных вещей раньше, чем увидел их. Впрочем, Нузак тоже словно растерялась, обнаружив за стенами пещеры солнечный свет и тепло вместо холода и снега, и долго стояла на вершине холма, нюхала ветер и оглядывала свои владения.

Уже две недели ранняя весна творила чудеса в прекрасном северном краю, который тянется с запада на восток от хребта Джэксона до реки Шаматтава и с юга на север от озера Готс до реки Чёрчилл.

И сейчас этот край был великолепен. С высокой скалы, на которой они стояли, он походил на безбрежное солнечное море, и лишь кое-где еще белели остатки высоких сугробов, наметенных зимними буранами. Их холм круто поднимался над широкой долиной. Повсюду перед ними, насколько хватал глаз, простирались синевато-черные полосы леса, мерцали озера, еще не сбросившие ледяной панцирь, блестели речки и ручьи и начинали зеленеть луга, над которыми поднимались благоуханные запахи земли. Нузак, черная медведица, жадно втягивала носом эти бодрящие запахи, обещавшие сытную и изобильную еду. Внизу, в долине, уже буйствовала жизнь. Почки на тополях набухли и должны были вот-вот развернуться, из темной почвы пробивались сочные и нежные стебли трав, съедобные корни наливались соком, подснежники, ранние фиалки и весенние красавицы тянулись к теплоте блеску солнца, приглашая Нузак и Нееву на пир.

За двадцать лет своей жизни Нузак успела хорошо изучить все эти запахи: восхитительный аромат елей и сосен, резкий сладкий запах корневищ водяных лилий и сочных луковиц, поднимавшийся над оттаявшим болотцем у подножия холма, а главное — победный, всепоглощающий, преисполненный жизни запах самой земли.

Вдыхал эти запахи и Неева. Его ошеломленное тельце впервые дрожало и трепетало от радостного волнения бытия. Еще минуту назад он был окутан темнотой — и вдруг очутился в стране чудес, о существовании которой он и не подозревал. Эти несколько минут необычайно много поведали ему о дарах, припасенных для него матерью-природой. Он еще ничего не знал, но в нем заговорил врожденный инстинкт: он понял, что этот мир создан для него, что солнце и тепло существуют для него и что сладостные запахи земли зовут его вступить во владение ее плодами. Он сморщил бурый носик, втянул ноздри, воздух и познал острое благоухание всего, что было приятным и желанным.

Кроме того, Неева внимательно прислушивался — его настороженные ушки ловили музыку пробуждающейся земли. Даже корни травы словно пели от радости, и всю залитую солнцем долину заполняла тихая бормочущая мелодия, свидетельствующая о том, что покой этого мирного края еще не нарушен появлением человека. Повсюду раздавалось журчание бегущей воды, и Неева раз-

личал множество еще незнакомых звуков, которые могли издавать только живые существа: чириканье воробьев, серебристые трели малиновки внизу у болотца, пронзительный, радостный крик нарядной канадской сойки, отыскивающей место для гнезда в густой поросли бархатистых елок. А в бездонной высоте над его головой раздался резкий клекот, от которого он вздрогнул: на сей раз инстинкт сказал ему, что это — опасность. Нузак подняла голову и увидела темный силуэт: Упйск, огромный орел, парил между землей и солнцем. Неева тоже увидел этот кружащий силуэт и прижался к матери.

А Нузак, хотя она и была так стара, что потеряла половину зубов и стала хуже видеть, а в сырые холодные ночи все ее кости ныли, все-таки по-прежнему испытывала ликующую радость, когда смотрела вниз. Ее мысли уносились далеко за пределы долины, над которой они проснулись. За стеной лесов, за самым дальним озером, за рекой и лугами лежали безграничные просторы, которые были ее домом. И она различила глухой гул, который не уловили ушки Неевы, — еле слышный рев большого водопада. Именно этот дальний голос вместе с журчанием тысяч стремительных ручейков, вместе с шелестом ветра в елях и соснах и создавал весеннюю музыку, наполнявшую теплый воздух.

В конце концов Нузак шумно вздохнула, ласковым ворчанием позвала Нееву за собой и начала медленно спускаться по каменистому откосу.

В золотом омуте долины было еще теплее, чем на гребне холма. Нузак направилась прямо к болотцу. Перед ними, затрепав крыльями, вспорхнула стайка рисовок, и Неева чуть не перекувыркнулся от неожиданности. Однако Нузак не обратила на них внимания. Гагара, увидев бесшумно ступающую медведицу, возмущенно крикнула, а затем испустила пронзительный крик, от которого у Неевы шерсть встала дыбом. Но Нузак не обратила никакого внимания и на гагару. Неева все это заметил. Он не спускал глаз с матери и, повинаясь инстинкту, готов был пуститься наутек по первому ее сигналу. И теперь в его круглой смешной головенке быстро зрел вывод, что его мать — самое удивительное существо на свете. И уж бесспорно самое большое, то есть самое большое из всего, что живет и движется. Он пребывал в этом убеждении минуты две, а потом они приблизились к болотцу. Раздалось громкое фыркание, треск ломающихся веток, чавканье грязи под мощными ногами, и гигантский

лось, вдвое выше, чем Нузак, кинулся бежать прочь. Глаза у Неевы вылезли на лоб. А Нузак и на лося не обратила ни малейшего внимания!

И вот тут-то Неева сморщил носишко и рывкнул, как он рывкал на уши и патлатую шерсть Нузак в темной пещере и на палки, которые грыз там. Он вдруг понял замечательную вещь: ему можно было рывкать на все, на что ему захотелось бы рывкнуть, пусть даже на самое большое. Потому что и те, кто был больше Нузак, его матери, все равно убегали от нее.

Весь этот первый чудесный день Неева то и дело открывал что-то новое, и с каждым часом в нем крепла уверенность, что его мать — единовластная владычица всех этих залитых солнцем удивительных новых мест.

Нузак была заботливой старой матерью — за свою жизнь она вырастила чуть ли не два десятка медвежат, и в этот день она не стала уходить далеко от холма, чтобы дать время немного затвердеть нежным подошвам на лапках Неевы. Почти все время они оставались около болотца и только заглянули в соседнюю чашу, где Нузак ободрала когтями молодое деревце, чтобы они могли полакомиться скрытой под корой сочной губчатой массой. Нееве очень понравился этот десерт после плотного обеда из луковиц и корней, и он попытался сам ободрать соседнее деревце. К вечеру Нузак наелась так, что ее бока стали совсем круглыми, а Неева, который, кроме материнского молока, перепробовал множество новых и вкусных вещей, стал похож на готовый лопнуть гороховый стручок. Ленивая старая Нузак выбрала нагретый заходящим солнцем белый валун и прилегла возле него вздремнуть, а Неева отправился искать приключений в одиночку и вскоре столкнулся со свирепым жуком.

Это был гигантский рогач, дюйма два длиной. Его грозные челюсти были иссиня-черными и загибались, как железные крючья. Ярко-коричневые жесткие крылья блестели на солнце, точно металлическая броня. Неева припал к земле и не сводил глаз с жука. Сердце его отчаянно билось. Жук был от него в двух шагах и... двигался прямо на него. Это озадачило и возмутило Нееву. Все остальные живые существа, встреченные в этот день, убегали от него, а жук не захотел! Рогач двигался вперед, перебирая шестью ногами, и прищелкивал — это прищелкивание Неева расслышал очень хорошо. В медвежонке

взыграла воинственная кровь Суминйтика, его отца, и он осторожно протянул вперед лапу. В тот же момент Чегавассе, жук, преобразился самым страшным образом: его крылья загудели, как круговая пила, челюсти раскрылись так, что могли бы защемить палец взрослого мужчины, и он весь завибрировал, словно исполняя боевой танец. Неева поспешно отдернул лапу, и несколько секунд спустя Чегавассе успокоился и... опять пошел вперед.

Неева, разумеется, не мог знать, что поле зрения жука не превышает четырех дюймов, а потому совсем растерялся. Однако сын такого отца, как Суминитик, даже в возрасте девяти недель никак не мог уступить победу без боя. С мужеством отчаяния Неева снова протянул лапу, и, к несчастью для него, один из его маленьких коготков опрокинул Чегавассе на спину и прижал к земле так, что жук уже не мог ни гудеть, ни щелкать. Медвежонка охватил неистовый восторг. Он принялся медленно-медленно подтягивать лапу к себе, и вскоре жук очутился прямо под его острыми зубками. И тут Неева понюхал свою добычу.

Чегавассе не упустил удобного случая. Мощные челюсти сомкнулись, и Нузак была внезапно разбужена отчаянным воплем. Она подняла голову и увидела, что Неева катается по земле словно в припадке. Он царапал землю, рычал и фыркал. Нузак несколько секунд задумчиво смотрела на сына, затем поднялась и направилась к нему. Большая материнская лапа перевернула Нееву на спину, и Нузак увидела, что в нос ее отпрыска впился Чегавассе. Распластав Нееву на спине, так что он не мог пошевелиться, Нузак захватила жука зубами и принялась медленно их сжимать, пока Чегавассе не разжал челюсти. А тогда она его проглотила.

До самых сумерек Неева старался утишить боль в носу. Когда начало смеркаться, Нузак привалилась к большой скале, и Неева плотно поужинал. А потом он свернулся в изгибе ее большой теплой лапы, словно в уютном гнезде. Нос у него все еще побаливал, но медвежонка счастливее его не нашлось бы на всем свете: после своего первого дня в лесу он чувствовал себя необыкновенно мужественным и бесстрашным, хотя от роду ему было всего девять недель. Он посмотрел мир, он увидел очень много нового и если не сумел победить жука, то все равно показал себя с самой лучшей стороны.

В эту ночь Неева перенес жестокий приступ «миступайю», или, проще говоря, у него сильно разболелся живот. Представьте себе, что младенец, привыкший только к материнскому молоку, вдруг накинется на бифштекс! А именно это и сделал Неева. Обычно такой переход к твердой пище происходит у медвежат постепенно и на месяц позже, но природа словно нарочно преподавала Нееве курс ускоренного обучения, как будто сознательно готовя его к той тяжелой и неравной борьбе, которая поджидала его в недалеком будущем. Несколько часов Неева вопил и хныкал, а Нузак массировала носом его вспученный животик; наконец его стошнило, и он почувствовал себя лучше.

После этого он крепко уснул. Когда же он проснулся и открыл глаза, их ослепило красное пламя. Накануне солнце весь день было золотое, сверкающее, далекое, а теперь впервые он увидел, как оно встает над горизонтом весенним северным утром. Это солнце было алым, как кровь, и пока Неева смотрел, оно быстро поднималось из-за края земли, так что вскоре его срезанный низ закруглился и оно превратилось в огромный непонятный шар. Сначала медвежонок подумал, что это какое-то живое существо, какое-то чудовище, которое подбирается к ним по вершинам деревьев, и с негромким визгом вопросительно покосился на мать. Однако Нузак ничуть не испугалась таинственного шара. Ее большая голова была повернута к нему, и она довольно шурилась. В эту минуту и Неева ощутил приятное тепло, исходившее от алого шара, и, несмотря на пережитый испуг, блаженно заурчал. Вскоре солнце из алого снова стало золотым, и вся долина вновь наполнилась радостным биением жизни.

Еще две недели после этого первого солнечного восхода, который довелось увидеть Нееве, Нузак оставалась возле гряды каменистых холмов и целыми днями бродила вокруг болотца. Затем, когда Нееве исполнилось одиннадцать недель, она обратила нос в сторону далеких черных лесов и отправилась в летние странствия. Подошвы Неевы загрубели, и он весил уже добрых шесть фунтов — неплохая прибавка, если вспомнить, что в первый день его жизни его вес был меньше одного фунта.

Именно с того дня, как Нузак отправилась в свой поход, и начались настоящие приключения Неевы. В глухих таинственных чащах еще попадались сугробы, даже

не начинавшие таять, и первые два дня Неева все время хныкал, тоскуя по солнечной долине. Они прошли мимо водопада, и Неева впервые узнал, с какой бешеной силой может мчаться вода. Все темнее, мрачнее и глуше становился лес, по которому шла Нузак. В этом лесу Неева получил первые охотничьи уроки. Нузак уже далеко углубилась в низины между хребтом Джексона и водоразделом, с которого берут начало притоки Шаматтавы. Ранней весной эти места превращаются в настоящий медвежий рай.

Когда Нузак не спала, она без устали разыскивала пищу — то копалась в земле, то переворачивала камни, то разламывала на мелкие кусочки гнилые стволы и пни. Любимым ее лакомством были, несмотря на их малую величину, крохотные серые лесные мыши, и Неева только дивился, видя, какими стремительными становились движения его старой, неуклюжей матери, когда ей попадался на глаза живой серый комочек. Иногда Нузак удавалось позавтракать целым выводком, прежде чем мыши успевали разбежаться. Кроме того, она поедала еще позимнему сонных лягушек и жаб, муравьев, которые валялись в древесной трухе скрюченные и неподвижные, а иногда и шмелей, шершней и ос. Неева, конечно, тоже перепробовал все эти медвежьи блюда. На третий день Нузак откопала большой смерзшийся ком зимующих укусуемых муравьев. Ком этот был величиной в два кулака взрослого мужчины, и Неева вдосталь полакомился кислотовато-сладкими муравьями, которые показались ему удивительно вкусными.

По мере того как дни становились все теплее, съедобные существа, прятавшиеся под камнями и валежником, оживали и уже сами выбирались на свет. Теперь Неева познал волнующую радость самостоятельной охоты. Он встретился еще с одним жуком и убил его. Он поймал свою первую лесную мышь. В нем стремительно развивались черты характера, унаследованные от Суминитика, его старого забияки-отца, который жил через три долины к северу от них и никогда не упускал случая затеять драку. Когда Нееве исполнилось четыре месяца — это произошло в конце мая, — он спокойно ел пищу, которую ни за что не смогли бы переварить желудки большинства медвежат его возраста, и от кончика его нахального носика до кончика короткого хвоста в нем не нашлось бы ни капли трусости. Он весил в это время девять фунтов и был черен как трубочист.

Однако в первую неделю июня произошло роковое событие, которое положило начало великой перемене в судьбе Неевы, и случилось оно в такой теплый и ласковый солнечный день, что Нузак сразу же после обеда улеглась вздремнуть. К этому времени они уже выбрались из густых лесов и бродили по долине, в которой между длинных белых песчаных кос петляла по камушкам мелкая речушка. Нееве не спалось. У него не было никакого желания дремать в такой чудесный день. Он глядел на окружающий удивительный мир круглыми любопытными глазенками и слышал его неумолчный манящий зов. Он посмотрел на мать и взвизгнул. Ему по опыту было известно, что Нузак будет лежать так много часов, если только он не куснет ее за пятку или за ухо. Но и тогда она только заворчит на него и снова погрузится в сон. Это ему надоело. Ему хотелось чего-нибудь более интересного, и со внезапной решимостью он в поисках приключений затрусил прочь от спящей Нузак.

В этом огромном золотисто-зеленом мире Неева был маленьким черным шариком, почти одинаковым в длину и в ширину. Он спустился к речке и поглядел через плечо. Отсюда он еще видел Нузак. Потом его лапы погрузились в мягкий белый песок широкого пляжа, и он забыл про мать.

Дойдя до конца пляжа, медвежонок вскарабкался по зеленому откосу, — молодая травка нежила его подошвы, как бархат. Тут он принялся переворачивать небольшие камни в поисках муравьев. Потом он вспугнул земляную белку и двадцать секунд гнался за ней, почти не отставая. Несколько минут спустя прямо перед его носом вспрыгнул большой кролик, и он помчался за ним, но Вапуз в десять длинных прыжков добрался до зарослей и скрылся в них. Неева сморщил нос и визгливо зарычал. Никогда еще кровь Суминитика не бушевала в нем с такой силой. Ему не терпелось вцепиться во что-нибудь. Впервые в жизни ему хотелось подраться — все равно с кем. Он был похож на мальчишку, который получил в подарок на Новый год боксерские перчатки и не может найти себе противника. Неева присел на задние лапы и воинственно посмотрел по сторонам, все еще морща нос и вызывая рыча. Он победил весь свет. Это он знал хорошо. Все живое в мире боялось его матери. Все живое в мире боялось его самого. И вот результат — юному храбрецу не с кем помериться силами. Было от чего прийти

в бешенство! Мир оказался довольно пресной и скучноватой штукой.

Неева повернул в другую сторону, вышел к большому камню и вдруг застыл на месте.

Из-за дальнего конца камня торчала большая задняя лапа. Несколько секунд Неева созерцал эту могучую лапу, полный приятного предвкушения. Сейчас он так цапнет мать, что она уже больше не уснет до самой ночи! Он заставит ее окунуться в радость этого прекрасного дня или он будет не он! И Неева крадучись подобрался к лапе, выбрал удобную подушечку, не прикрытую шерстью, и погрузил в нее свои зубки до самых десен.

Раздался рев, от которого содрогнулась земля. Следует упомянуть, что укушенная лапа принадлежала вовсе не Нузак, а была собственностью Макуза, старого свирепого медведя, всегда отличавшегося на редкость скверным характером. С возрастом он стал особенно зол и в отличие от Нузак утратил всякое добродушие и мягкость. Макуз вскочил на ноги, прежде чем Неева успел сообразить, какую он совершил ошибку. Старый медведь был не только угрюм и злобен — он к тому же особенно ненавидел медвежат. На своем веку он, случалось, и закусывал ими. Короче говоря, Макуз был «учаном» — так индейцы-охотники называют медведей-каннибалов, которые едят своих сородичей, и едва взгляд его налитых кровью глазок упал на Нееву, как он испустил новый рев.

Тут Неева напряг свои толстые лапки и во весь дух пустился наутек. Никогда еще он не бегал так быстро. Инстинкт подсказывал ему, что наконец-то он встретил существо, которое его не боится, и что ему грозит смертельная опасность. Неева бежал, не выбирая направления, потому что ошибка, которую он допустил, совсем его ошеломила и он совершенно не представлял, где находится его мать. Позади него раздавался топот Макуза, и он испустил отчаянный вопль, исполненный ужаса и мольбы о помощи. Нузак, любящая, мужественная мать, услышала этот вопль. Она вскочила на ноги — и как раз вовремя. Из-за камня, около которого она спала, выскочил Неева, точно черное пушечное ядро, а в десяти шагах за ним бежал, настигая его, Макуз. Уголком глаза Неева заметил мать, но с разгона проскочил мимо. И тут Нузак бросилась на Макуза. Как регбист, прорывающийся с мячом, она всем весом своего тела ударила старого разбойника в ребра, и два медведя покатались по земле в схват-

ке, которая Нееве показалась чрезвычайно увлекательным и чудесным зрелищем.

Он остановился и начал наблюдать поединок своей матери с Макузом. Его выпуклые, как две луковички, глаза весело блестели. Все утро он жаждал подраться, но то, что он увидел теперь, ввергло его в настоящий столбняк. Два медведя сцепились в смертельном объятии: они ревели, драли друг друга когтями и зубами, расшвыривая камешки и землю. Сначала преимущество было на стороне Нузак: ее первый натиск оглушил Макуза, и теперь она стертыми, сломанными зубами сжимала его горло, а мощными когтями задних лап рвала его кожу, так что по бокам старого злодея ручьями стекала кровь, и он ревел, как задыхающийся бык. Неева понял, что его преследователю приходится туго, и, возбужденным визгом подбодряя мать в надежде, что она задаст старому Макузу хорошую трепку, он подбежал к месту схватки, сморщил нос, с яростным рычанием оскалил зубы и принялся возбужденно приплясывать в пяти шагах от дерущихся,— дух Суминитика гнал его в бой, но одновременно ему было страшно.

Затем в положении бойцов неожиданно произошла перемена, и Неева в растерянности понял, что начал торжествовать слишком рано. Макуз, как самец, естественно, был более опытен в драках: внезапно он вырвал горло из челюстей Нузак, подмял ее под себя и, в свою очередь, принялся раздирать ее бока с таким бешенством, что бедная старая медведица жалобно застонала, и сердце Неевы оледенело от ужаса.

Что испытывает маленький мальчик, видя, как его отец терпит поражение? Конечно, он бросится ему на выручку и пустит в ход первую попавшуюся под руку палку. Всякий ребенок считает, что его родители — самые лучшие, самые умные, самые сильные люди на свете. А в Нееве было много общего с человеческими детенышами. Чем громче вопила его мать, тем острее он ощущал, что происходит неслыханная катастрофа. А если старость и лишила Нузак былой силы, мощь ее голоса осталась прежней, так что ее рев разносился, наверное, на целую милю. Неева не выдержал—ослепнув от ярости, он кинулся вперед. Совершенно случайно его крепкие маленькие челюсти сомкнулись на пальце именно Макуза, а не Нузак, но палец этот они пронзили, как два ряда острых булавок. Макуз дернул лапой, но Неева только крепче сжал челюсти. Тогда Макуз подогнул укушенную

лапу и брыкнул ею так резко, что Неева, несмотря на всю свою решимость не размыкать зубов, взлетел в воздух, точно камень, пущенный из пращи. Описав крутую дугу, он стукнулся о валун шагах в десяти от дерущихся и был настолько оглушен, что несколько секунд никак не мог подняться на ноги. Наконец в глазах у него прояснилось, он поглядел на мать и на Макуза, и его сердце снова отчаянно забилося.

Макуз уже не дрался — он улепетывал с поляны во все лопатки, заметно припадая на заднюю лапу.

Бедная старая Нузак стояла пошатываясь и глядела вслед убегающему врагу. Она задыхалась, как загнанная лошадь. Ее пасть была широко открыта, язык высухнут. С ее боков на землю стекали струйки крови. Макуз умело измывал ее и искалечил. С первого взгляда можно было увидеть, что она потерпела решительное поражение. Но великолепное зрелище обращенного в бегство врага заслонило от Неевы все остальное. Макуз позорно покинул поле боя! Следовательно, побежден был именно он. И, ликуя повизгивая, Неева кинулся к матери.

Глава III

Они стояли, облитые жарким солнцем июньского дня, и смотрели, как Макуз торопливо взбирается на откос по ту сторону речки. В эту минуту Неева чувствовал себя старым закаленным бойцом, а вовсе не пузатым медвежонком с круглой мордочкой, которому едва исполнилось четыре месяца и который весит не четыреста фунтов, а всего девять.

Однако после того как Неева сжал свирепыми зубами нежный палец Макуза, прошло еще немало времени, прежде чем Нузак настолько отдышалась, что смогла издать глухое ворчание. Ее бока раздувались, как кузнечные мехи, и, когда Макуз исчез в зарослях на другом берегу речки, Неева присел на толстые задние лапы, насторожил смешные круглые ушки и обеспокоенно уставился на мать круглыми блестящими глазами. Нузак с хриплым стоном повернулась и медленно побрела к большому валуну, возле которого она спала, когда ее разбудили панические вопли Неевы. Ей казалось, что все ее старые кости перебиты или вывихнуты. Она брела, хромая, припадая к земле и постанывая, а позади нее по зеленой траве тянулись цепочки кровавых пятен. Макуз отделал ее самым беспощадным образом.

Нузак со стоном легла и поглядела на Нееву, словно говоря: «Если бы не твои проказы, старый разбойник не взбесился бы и ничего этого не произошло бы! А теперь только погляди, что случилось со мной!»

Молодой медведь быстро оправился бы после подобной драки, но Нузак пролежала без движения весь вечер и всю ночь. А такой красивой ночи Неева еще не видел. Теперь, когда ночи стали теплыми, он полюбил луну еще больше, чем любил солнце, потому что по своей природе, по всем своим инстинктам был более ночным бродягой, чем дневным охотником. Луна встала на востоке в золотистом ореоле. Купы елей и сосен казались темными островками в море серебряного света, а речка, петляя по озаренной луной долине, блестела и прыгала по камням, словно живое существо. Но Неева хорошо запомнил преподанный ему урок, и, как ни манили его луна и звезды, он только теснее прижимался к матери, слушал доносившийся до него прихотливый хор ночных голосов и не двигался с места.

Когда забрезжил рассвет, Нузак встала, тихим ворчанием приказала Нееве следовать за собой и начала медленно подниматься по склону к озаренному солнцем гребню. Ей вовсе не хотелось двигаться, но где-то в глубине ее сердца прятался страх, что злобный старый Макуз вернется — она понимала, что теперь он легко с ней справится, а потом позавтракает Неевой. Вот почему она принудила себя перебраться через гребень, пересечь еще одну долину и сквозь узкую, похожую на дверь расселину выбраться в просторы холмистой равнины, где среди еловых и кедровых лесов на лугах блестели озера. Всю прошлую неделю Нузак неторопливо направлялась к одной из речек на этой равнине, а теперь, подгоняемая маячившей сзади грозной тенью Макуза, она трусила без отдыха, и короткие толстые лапки Неевы подгибались от усталости.

До речки они добрались далеко за полдень, и Неева был так измучен, что еле взобрался на елку, на которую мать послала его вздремнуть. Отыскав удобный развилочек, он крепко уснул, а Нузак спустилась к воде, чтобы заняться рыбной ловлей.

Речка кишела чукучанами¹, которые после метания икры не сумели выбраться через отмели, и час спустя

¹ Чукуча́н — североамериканская пресноводная рыба, родственная нашему карпу. Для метания икры чукучаны уходят в мелкие речки и ручьи.

Нузак уже устала рыбами весь берег. Когда с наступлением сумерек Неева покинул свою воздушную колыбель, его ждал роскошный ужин, а сама Нузак успела наесться так, что стала похожа на бочку. Неева впервые в жизни попробовал рыбу. И после этого он целую неделю наслаждался этим изысканным лакомством. Он ел рыбу утром, днем и вечером, а когда был уже не в силах проглотить ни кусочка, то валялся на рыбах, как на матрасе. И Нузак тоже обжиралась рыбой — казалось, шкура на ней вот-вот лопнет. Куда бы они ни шли, они несли с собой рыбный запах, который день ото дня становился все более резким, и потому все больше нравился Нееве и его матери. Неева опять начал походить на перезрелый стручок. За эту неделю рыбных пиршеств он прибавил три фунта. Сосать материнское молоко ему уже больше не приходилось, потому что Нузак была слишком стара и молоко у нее совсем иссякло.

Под вечер восьмого дня Неева и его мать улеглись на краю травянистой лужайки, чтобы хорошенько поспать после дневного обжорства. Во всех здешних местах не сыскать было медведицы счастливей старой Нузак. Теперь ей уже не приходилось с утра до ночи отыскивать пищу — бочаги речки хранили неисчерпаемые запасы вкуснейшей еды, и никакой другой медведь не посягал на ее владения. Она полагала, что может рассчитывать на безмятежное существование в своих богатых охотничьих угодьях, пока речка не вздуется от летних гроз, а к тому времени должны были поспеть ягоды. И Неева, счастливый маленький гурман, сладко дремал рядом с ней.

Но в этот самый день, освещенный лучами того же самого заката, милях в пяти-шести ниже по речке какой-то человек, стоя на четвереньках, рассматривал полосу влажного песка. Его закатанные к самым плечам рукава открывали темные от загара руки. Шляпы на нем не было, и вечерний ветерок взлохмачивал густую гриву белокурых волос, которые вот уже девять месяцев подравнивались только с помощью охотничьего ножа.

С одного бока этого человека стояло жестяное ведро, а с другого, глядя на человека с неутолимым любопытством, сидел такой некрасивый и такой симпатичный щенок, какой только мог родиться от отца — гончей маккензи — и матери, в жилах которой текла кровь эрдель-терьера и шпица.

Результат подобного смещения мог быть лишь просто дворнягой. Его вытянутый на песке хвост был очень длинным, с узлом на каждом суставе; лапы, крупные, точно ступни долговязого подростка, походили на миниатюрные боксерские перчатки; голова у него была в три раза больше, чем полагалось бы по такому туловищу, а к тому же на помощь природе в ее творческих усилиях пришел несчастный случай, лишивший этот шедевр половины уха. Уцелевшая половина в эту минуту стояла торчком, а другое, целое, ухо загибалось вперед, выражая неистовый интерес к тому, чем занимался хозяин. Голову, лапы и хвост щенок унаследовал от отца маккензи, но его уши и худое поджарое тело возникли в результате битвы, разыгравшейся между кровью шпица и кровью эрдельтерьера. Добавьте ко всему этому детскую неуклюжесть, и вы получите такого щенка-дворняжку, какого нелегко отыскать даже в трущобах большого города.

Впервые за несколько минут хозяин нарушил молчание, и Мики завилял всем телом, от кончика хвоста до кончика носа, в восторге от того, что эти слова были обращены непосредственно к нему.

— Это медведица с медвежонком, Мики, можешь не сомневаться,— сказал хозяин.— И если я хоть как-то разбираюсь в медвежьих повадках, они провели тут добрую часть дня.

Он поднялся на ноги, поглядел на сгущающийся сумрак у лесной опушки и набрал в ведро воды. Последние лучи солнца на несколько секунд озарили его лицо — волевое и веселое. Сразу было видно, что в этом человеке ключом бьет радость жизни. А теперь к тому же ему в голову пришла счастливая мысль, и в его глазах сверкали не только отблески заката, когда он добавил:

— Мики, я везу тебя, нескладеныша, к моей девчужке, потому что ты — неотполированный алмаз добродушия и красоты, и за это она непременно тебя полюбит. Уж это-то я знаю твердо, недаром она — моя сестра. Так вот: если вместе с тобой я прихвачу еще и медвежонка...

Насвистывая, он понес ведро к еловой поросли шагах в сорока от них. Мики следовал за ним по пятам.

Чэллеронер, недавно назначенный на одну из факторий Компании Гудзонова залива, устроил свой лагерь на берегу озера, неподалеку от устья речки. Это был самый простенький лагерь — заплатанная палатка, выдавший виды челнок и кучка пожитков. Но взгляду опытного ле-

совика стоянка Чэллонера, озаренная последними отблесками заката, сказала бы очень много. Он увидел бы снаряжение мужественного человека, который побывал на самом краю света и теперь возвращался с тем, что еще уцелело. Чэллонер испытывал почти дружескую теплоту к этим остаткам вещей, которые почти год помогали ему бороться с трудностями и лишениями. Челнок покособился, был в нескольких местах пробит и хранил следы многочисленных починок; бури и дым костров так вычернили палатку, что цветом она больше всего напоминала древесный уголь, а сумки для провизии были почти пусты.

Над костром, к которому он вернулся с Мики, что-то ворчало и бурлило в котелке и на сковородке, а рядом с костром, в помятой и кое-как выправленной железной духовке, уже покрылся аппетитной коричневой корочкой пресный хлебец из муки, замешанной на воде. В котелке бурлил кофе, а на сковороде дожаривалась рыба.

Мики присел на костлявые задние лапы, упиваясь благоуханием рыбы. Он уже давно открыл, что предвкушение еды приносит почти столько же удовольствия, как и сама еда. Щенок внимательно следил за Чэллонером, завершавшим последние приготовления к ужину, и его глаза блестели, как два рубина. Каждые две-три секунды он облизывался и сглатывал голодную слюну. Мики потому и получил свою кличку, что постоянно был голоден и как будто ничуть не насыщался, каким бы обильным обедом его ни угощали. Казалось, живот его всегда был пуст, как барабан, а «мики» на языке индейцев кри и значит «барабан».

Когда они съели рыбу и хлебец, Чэллонер закурил трубку и только после этого заговорил о своих намерениях.

— Завтра я выслежу эту медведицу, — сказал он.

Мики, который свернулся в клубок возле угасающих углей, сильно ударил хвостом по земле, показывая, что он внимательно слушает.

— Я думаю подарить девчушке не только тебя, а еще и медвежонка. Вот она обрадуется!

Мики снова забил хвостом, словно говоря: «Ну и отлично!»

— Нет, ты только подумай! — продолжал Чэллонер, глядя через голову Мики на родной дом, от которого его отделяла добрая тысяча миль. — Прошло уже четырнадцать месяцев, и мы наконец возвращаемся к себе до-

мой. Я и тебя и медвежонка обучу всему, что положено, чтобы вы не осрамились перед моей сестричкой. Тебе это придется по вкусу, верно? Ты ее не знаешь, а то бы ты сейчас не сидел, уставясь на меня, точно деревянная игрушка! И где тебе, глупышу, вообразить, какая она красавица! Вот ты видел сегодняшний закат? Так она еще красивее, и я говорю это не потому, что она мне сестра. Хочешь что-нибудь добавить, Мики? Нет? Ну, так позвольте пожелать вам спокойной ночи. Пора и на боковую.

Чэллонер встал и потянулся так, что у него затрещали кости. Его переполняла радость бытия.

Мики перестал стучать хвостом, тоже поднялся на свои неуклюжие лапы и последовал за хозяином в палатку.

Ранний летний серый рассвет только-только занимался, когда Чэллонер вылез из палатки и раздул костер. Мики выбрался наружу через несколько минут после хозяина, и тот обвязал его шею истертой веревкой, а другой конец веревки обмотал вокруг молодого деревца и туго затянул узел. Другую такую же веревку Чэллонер привязал к углам продовольственной сумки, чтобы ее можно было надеть на плечи, как рюкзак. Едва небо порозовело, он уже отправился выслеживать Нузак и Нееву. Мики, обнаружив, что его оставили одного в лагере, отчаянно заскулил, и когда Чэллонер оглянулся, он увидел, что щенок рвется с привязи так отчаянно, что то и дело кувыркается через голову. Только отойдя на целую четверть мили, Чэллонер наконец перестал слышать протестующие вопли Мики.

Чэллонер отправился на эту охоту не только ради удовольствия и не только потому, что ему захотелось, кроме Мики, обзавестись еще и медвежонком. Запас мяса у него кончился, а медвежатина в эту пору года бывает очень вкусной. А главное, ему совершенно необходимо было пополнить запас жира. Если удастся подстрелить эту медведицу, думал он, то до конца пути можно будет не тратить времени на охоту, а это сэкономит ему несколько дней.

Только в восемь часов Чэллонер наконец обнаружил несомненно свежие следы Нузак и Неевы. У этого мыска Нузак ловила рыбу дней пять-шесть назад, и накануне они вернулись сюда, чтобы полакомиться «дозревшей»

добычей. Чэллонер обрадовался. Он не сомневался, что найдет медведицу где-нибудь чуть выше по речке. Ветер дул ему навстречу, и он начал осторожно пробираться вперед, держа ружье наготове. Он шел неторопливым, ровным шагом около часа, внимательно прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся из зарослей перед ним, и стараясь не упустить в них ни одного подозрительного движения. Время от времени он облизывал палец и поднимал его вверх, проверяя, не переменял ли ветер направления. В сущности, эта охота не требовала особой хитрости. Все и так складывалось в пользу Чэллонера.

Там, где долина расширялась и речка разбивалась на десяток узких рукавов, по песчаным и галечным отмелям лениво бродили Неева и его мать, намереваясь наловить себе на завтрак раков. Мир еще никогда не казался Нееве таким прекрасным. От солнечного тепла мягкая шерсть на его спине распушилась, как у мурлыкающей кошки. Ему очень нравилось чавканье мокрого песка под его подошвами и напевное щекотное журчание струй вокруг его лап. Ему очень нравился сложный хор звуков вокруг — шелест ветра, вздохи, доносившиеся с вершин елей и кедров, лепет речки, чириканье воробьев, переключка певчих птиц и больше всего — негромкое ворчание матери.

И на этих залитых солнцем отмелях Нузак внезапно почувяла приближение опасности. Весть о ней принес переменявший направление ветер, — старая медведица уловила запах человека!

Нузак тотчас застыла как каменное изваяние. Глубокий рубец на ее плече был памяткой о ране, которую она получила много лет назад, почти сразу же после того, как почувяла этот запах — запах единственного врага, которого она боялась. Вот уже три года ее ноздри не улавливали его присутствия, и она почти забыла о существовании этого врага. И теперь его запах, неожиданно принесенный ветром, совсем ее парализовал — он был таким сильным и страшным!

Тут и Неева словно почувствовал близость смертельной опасности. Он застыл черным шариком на белом песке в двухстах шагах от Чэллонера, не сводя глаз с матери, — его чуткий нос напряженно пытался опознать угрозу, которой был пронизан воздух.

Затем раздался звук, какого он еще никогда не слышал: оглушительный, отрывистый треск, чем-то похо-

жий на гром, и все-таки не гром, и тут же он увидел, что его мать подскочила на месте и тяжело осела на передние лапы. Затем она поднялась и испустила отчаянное протяжное «у-уф!», — он никогда не слышал этого сигнала, но понял, что она велит ему бежать со всех ног, спасая жизнь.

Подобно всем заботливым и любящим матерям, Нузак, забывая о себе, думала только о том, как спасти своего детеныша. Протянув лапу, она внезапно толкнула Нееву, и он припустился бежать к лесу. Нузак побежала за ним. Раздался второй выстрел, и над самой ее головой что-то пронзительно и страшно свистнуло. Но Нузак не ускорила бега. Она держалась позади Неевы и подгоняла его, а брюхо ее разрывала жгучая боль, словно в него вонзался раскаленный железный прут. Третья пуля Чэллонера зарылась в землю под лапой Нузак, когда они были уже у самой опушки.

Еще мгновение — и они скрылись за спасительной стеной деревьев. Инстинкт гнал Нееву в самую густую чащу, а быстро слабеющая Нузак из последних сил торопила его сзади. В ее старом мозгу сгушался страшный черный сумрак, который начинал застилать ей глаза, и она поняла, что ее жизненный путь кончается здесь. Позади осталось двадцать лет, впереди она могла рассчитывать лишь на несколько минут, купленных отчаянным напряжением всего ее существа. Она остановила Нееву под большим кедром и, как делала это много раз прежде, велела ему взобраться по стволу. На миг ее горячий язык с последней лаской коснулся его мордочки, а потом она повернулась, чтобы дать свой последний безнадежный бой.

Она поплелась навстречу Чэллонеру, но в двадцати шагах от кедра остановилась в ожидании, низко опустив голову. Ее бока тяжело вздымались, зрение совсем отказывалось служить, и вот с судорожным вздохом она упала на землю, преграждая путь врагу. Быть может, она на мгновение увидела золотые луны и жаркие солнца всех ее ушедших двадцати лет, быть может, она вновь услышала чудесную нежную музыку весны, сплетающуюся с извечной песней жизни, и в награду за материнскую самоотверженность смерть ее была безболезненна и легка.

Когда Чэллонер подошел к старой медведице, она была мертва. С укромной развилки, спрятанной высоко среди могучих ветвей кедра, Неева смотрел вниз, на первую

страшную трагедию своей жизни и на приближающегося человека. При виде этого двуногого зверя он еще плотнее прижался к суку, и его сердчишко готово было разорваться от неизъяснимого ужаса. Он ни о чем не думал. И не разум подсказал ему, что произошло непоправимое и что причиной тому было это двуногое существо. Его маленькие глазки поблескивали над самой развилкой. Он не понимал, почему его мать не встает и не бросается на этого нового врага. Несмотря на свой испуг, он был готов свирепо зарычать, только бы она проснулась; он готов был спуститься с дерева и помочь ей победить, как тогда в схватке со старым разбойником Макузом. Но огромное тело Нузак застыло в неподвижности — она не шевельнулась, даже когда Чэллонер нагнулся над ней. Последняя искра жизни уже угасла в старой медведице.

Лицо Чэллонера покраснелось от охотничьего азарта. Он убил Нузак не ради забавы. Теперь он получил великолепную шкуру и достаточный запас мяса, чтобы без задержек добраться до цивилизованных мест. Прислонив ружье к дереву, Чэллонер начал искать медвежонка. Он достаточно хорошо разбирался в звериных повадках и знал, что далеко от матери медвежонок уйти не мог, а потому принялся осматривать соседние заросли и большие деревья.

Неева во время этих поисков испуганно скорчился на своей развилке за завесой ветвей, стараясь стать как можно меньше. Через полчаса Чэллонер разочарованно махнул рукой и направился к речке, чтобы напиться перед тем, как освежать свою добычу, — работа обещала быть нелегкой.

Едва он скрылся из виду, как Неева настороженно высунул мордочку из-за сука. Подождав несколько секунд, медвежонок спиной вперед соскользнул по стволу кедра на землю. Он испустил призывное повизгивание, но мать не шевельнулась. Он подошел к ней и остановился возле ее неподвижной головы, втягивая в ноздри воздух, пропитанный страшным запахом человека. Потом он потерся щекой о щеку матери, подsunул нос под ее шею и, наконец, укусил ее за ухо — решительное средство, к которому он прибегал, когда желал разбудить ее во что бы то ни стало. Он ничего не понимал. Жалобно поскуливая, он взобрался на большую мягкую спину матери и прильнул к ней. Его поскуливание становилось все более тоскливым, а потом из его горла вырвался жалобный плач, удивительно похожий на плач ребенка.

Чэллонер, уже возвращавшийся от речки, услышал этот жалобный вопль, и внезапно его сердце мучительно сжалось. Ему приходилось слышать, как плакали осиротевшие дети, и этот медвежонок, лишившийся матери, плакал точно так же.

Осторожно подкравшись к телу Нузак под прикрытием разлапистой карликовой ели, он увидел Нееву на спине мертвой медведицы. За свою жизнь Чэллонер убил немало зверей, потому что убивать их и скупать шкуры зверей, убитых другими людьми, было его профессией. Но ничего подобного ему еще не доводилось видеть, и у него возникло такое ощущение, словно он совершил преступление.

— Ах ты бедняга! — прошептал он. — Но что ж теперь сделаешь? Можно только пожалеть...

Эти слова прозвучали как просьба о прощении. Но раз дело было уже начато, необходимо было довести его до конца — ничего другого Чэллонеру не оставалось.

И вот так тихо, что Неева не услышал его шагов, он подкрался к нему с подветренной стороны. Медвежонок заметил опасность, когда Чэллонер был от него всего в пяти шагах. И не успел он опомниться и спрыгнуть со спины матери, как охотник накинул на него сумку для провизии.

Следующие пять минут были, пожалуй, самыми бурными пятью минутами в жизни Чэллонера. Горе и страх Неевы отступили на второй план — в нем взыграла кровь свирепого старого Суминитика, его отца. Он царапался, кусался, бил лапами и рычал. В течение этих пяти минут он дрался, как пять дьяволят, вселившихся в одного медвежонка, и когда Чэллонер наконец обвязал веревку вокруг его шеи и запихнул толстенькое тельце Неевы в сумку, его руки были покрыты глубокими кровоточащими царапинами.

Однако и в сумке Неева продолжал буйствовать, пока совсем не обессилел, а Чэллонер тем временем освеживал старую медведицу и срезал с ее туши мясо и жир, которые были ему нужны, чтобы продолжать путь без больших задержек. Оценив достоинства шкуры Нузак, Чэллонер довольно улыбнулся, затем завернул в нее жир и мясо, перевязал сверток сыромятным ремнем и вскинул на спину, словно заплечный мешок. Сгибаясь под тяжестью этой ноши, он поднял с земли ружье... и Нееву. В путь к своему лагерю он двинулся в разгар дня, а добрался туда на закате. Всю дорогу Неева сопротивлялся

с упорством спартанского воина и затих, только когда до стоянки оставалось не более полумили.

Но теперь медвежонок лежал в сумке из-под провизии обмякнув, еле живой, и когда Мики подозрительно обнюхал его тюрьму, он даже не шевельнулся. Все запахи теперь казались Нееве одинаковыми, и он не различал звуков, но и Чэллонер еле держался на ногах. Каждая мышца, каждая косточка в его теле болела или ныла на свой лад. И все-таки на его потном, перепачканном лице играла гордая улыбка.

— Ну и храбрый же ты, чертенок! — сказал он, глядя на неподвижный мешок и впервые за весь день набивая трубку. — Ах ты чертенок, чертенок!

Он привязал конец веревки, обмотанной вокруг шеи Неевы, к молодому деревцу и принялся осторожно развязывать сумку. Потом он вывалил Нееву на землю и отступил на несколько шагов. В эту минуту Неева был готов заключить с Чэллонером перемирие, но когда, оказавшись на земле, он раскрыл полуослепшие глаза, то увидел перед собой вовсе не Чэллонера. Он увидел Мики, который, повиливая всем телом от снедавшего его любопытства, как раз вознамерился обнюхать неожиданного гостя!

Глазки Неевы загорелись злобным огнем. А вдруг этот нескладный корноухий детеныш двуногого зверя тоже враг? А вдруг подергивания неизвестного существа и широкие взмахи его хвоста — это вызов на бой? Неева истолковал их именно так. Во всяком случае, перед ним был противник одного с ним роста, и, натянув веревку до предела, он во мгновение ока набросился на щенка. Мики, всего секунду назад полный самых дружеских чувств, был опрокинут на спину. Он отчаянно болтал своими нелепыми лапами и призывал на помощь, отчаянным визгом нарушая безмятежное безмолвие золотого вечера.

Чэллонер не мог сдвинуться с места от удивления. Через секунду он опомнился и собирался уже разнять драчунов, но его вмешательство не понадобилось, Неева, стоявший над Мики, который задрал все четыре лапы в воздух, словно сдаваясь на милость победителя, медленно выпустил из зубов загривок щенка. Он снова увидел перед собой двуногого зверя. Инстинкт, несравненно более могучий, чем его примитивные мыслительные процессы, заставил его застыть без движения, вперяя глазки-бусины в лицо Чэллонера. Мики заболтал ногами в воз-

духе, тихонько взвизгнул и застучал хвостом по земле, словно прося пощады; потом он облизнулся и заерзал, как будто объясняя Нееве, что у него не было никаких дурных намерений. Неева, не спуская глаз с Чэллонера, вызывающе зарычал и медленно отступил от Мики. Но Мики, боясь пошевелиться, продолжал лежать на спине и болтать лапами.

Чэллонер вне себя от удивления тихонько попятился к палатке, залез в нее и продолжал наблюдать за медвежонком и щенком сквозь прореху в брезенте.

Свирепое выражение сошло с мордочки Неевы. Он поглядел на щенка. Возможно, какой-то глубоко скрытый инстинкт подсказывал ему, что маленьким детям нужны братья и сестры — нужны товарищи для веселых игр. И Мики, вероятно, почувствовал перемену в настроении мохнатого черного звереныша, который еще минуту назад был его врагом. Он испуганно забил хвостом по земле и замахал на Нееву передними лапами. Затем он с некоторой опаской перекатился на бок. Неева не шевельнулся. Мики радостно завилял всем телом.

И Чэллонер, наблюдавший за ними сквозь прореху в брезенте, увидел, как они осторожно обнюхали друг друга.

Глава IV

Вечером поднялся северо-восточный ветер и пошел мелкий холодный дождь. На заре Чэллонер вылез в промозглую утреннюю сырость, чтобы развести костер, и увидел, что Неева и Мики спят, тесно прижавшись друг к другу, в неглубокой яме под корнем большой ели. Первым человека увидел медвежонок, и в течение нескольких секунд, прежде чем проснулся щенок, блестящие глаза Неевы были устремлены на непонятного врага, который невозвратно изменил его прежний мир. Он был так измучен, что крепко проспал всю первую ночь своего плена и за долгие часы сна успел позабыть о многом. Но теперь он вспомнил все события прошлого дня и, забившись глубже под корень, тихим визгом позвал мать — таким тихим, что его уловил только Мики.

Это повизгивание и разбудило щенка. Мики медленно выпутался из клубка, в который свернулся ночью, потянулся, разминая длинные нескладные ноги, и зевнул так громко, что Чэллонер услышал этот зевок. Человек обер-

нулся и увидел, что из ямы у корней большой ели на него смотрят две пары глаз. Целое ухо щенка и обрубок второго встали торчком, и он приветствовал хозяина залихватным радостным лаем, в который вложил все свое необузданное добродушие. Бронзовое лицо Чэллонера, выдубленное ветрами и метелями Севера, мокрое от серой измороси, расплылось в ответной улыбке, и Мики выбрался из ямы, извиваясь всем телом и выделявая несурзные кренделя в попытке выразить то безмерное счастье, которым преисполнила его улыбка хозяина.

Теперь, когда в его распоряжении оказалась вся яма, Неева забился в дальний ее угол, — только его круглая голова торчала оттуда, и из этой крепости, обещавшей хотя бы временную безопасность, он злобным, испуганным взглядом следил за убийцей своей матери.

Перед ним снова с невыносимой ясностью развертывалась вчерашняя трагедия: залитая солнечным светом отмель, на которой они с Нузак мирно ловили раков, когда неведомо откуда появился этот двуногий зверь, удар какого-то странного грома, их бегство к лесу и завершение всего — последняя попытка Нузак остановить врага. Однако теперь, утром, наиболее мучительным было воспоминание не о гибели матери, а о его собственном ожесточенном сопротивлении двуногому зверю и о черной душной сумке, в которой Чэллонер принес его в лагерь. А Чэллонер в эту минуту как раз поглядывал на свои исцарапанные руки. Потом он шагнул к ели и улыбнулся Нееве той же дружеской улыбкой, какой недавно улыбался Мики, неуклюжему щенку.

Глазки Неевы зажглись красным огнем.

— Я же объяснил тебе вчера, что жалею об этом, — сказал Чэллонер, словно обращаясь к человеку.

В некоторых отношениях Чэллонер совсем не походил на типичного обитателя северного края. Например, он верил в особые свойства мозга животных и был убежден, что у животного, если с ним разговаривать и обращаться как с товарищем-человеком, может развиться особая способность воспринимать и понимать сказанное, которую он весьма ненаучно считал разумом.

— Я объяснил тебе, что жалею об этом, — повторил он, присаживаясь на корточки всего в двух шагах от корня, из-под которого выглядывали яростные глазки Неевы. — И я правда жалею. Я жалею, что убил твою мать. Но нам было нужно мясо и жир. Что поделаешь! А мы с Мики постараемся возместить тебе твою потерю. Мы

возьмем тебя с собой к моей сестренке, и если ты ее не полюбишь, значит, ты самый последний бессердечный чурбан и вообще не заслуживаешь, чтобы у тебя была мать. Вы с Мики будете расти как братья. Его мать тоже умерла — сдохла от голода, а это намного хуже, чем сразу умереть от пули. И я нашел Мики совсем как тебя: он тоже прижимался к ней и плакал, словно ему не для чего было больше жить. Ну, так смотри веселей и дай лапу. Давай обменяемся рукопожатием.

Чэллонер протянул руку. Неева не шелохнулся. Всего несколько секунд назад он зарычал бы и оскалил бы зубы. Но теперь он сохранял полную неподвижность. Такого странного зверя ему еще никогда не приходилось видеть. Вчера этот двуногий не причинил ему никакого вреда — только посадил в сумку. И теперь он тоже, по-видимому, не замышлял ничего дурного. Более того: в звуках, которые он выпускал, не было ничего враждебного или неприятного. Неева покосился на Мики. Щенок протиснул морду между колен Чэллонера и глядел на медвежонка с глубоким недоумением, словно спрашивая: «Ну, чего ты сидишь под корнем? Почему не вылезешь помочь с завтраком?»

Рука Чэллонера придвинулась ближе, и Неева совсем вжался в дальнюю стенку ямы. И тут произошло чудо. Лапа двуногого зверя коснулась его головы, и от этого по всему его телу пробежала непонятная, томительная дрожь. Однако лапа не причинила ему никакой боли. Если бы он не затиснулся в тесный угол, он постарался бы укунить ее и исцарапать. Но теперь он просто не имел возможности пошевелиться.

Чэллонер медленно сдвигал пальцы на загривок Неевы, где кожа лежала свободными складками. Мики, догадываясь, что сейчас должно произойти что-то необычайное, внимательно следил за всеми действиями хозяина. И вот пальцы Чэллонера сомкнулись, быстрым движением он извлек Нееву на свет божий и продолжал держать в воздухе на вытянутой руке. Неева вскидывал лапами, извивался и так вопил, что Мики из дружеского сочувствия принялся выть, и вдвоем они подняли совсем уж оглушительный шум. Через полминуты Чэллонер снова посадил Нееву в сумку, но на этот раз он оставил его голову снаружи, крепко стянув тесемки и для верности обмотав шею медвежонка сыромятным ремнем. Таким образом, три четверти Неевы находились в плену и только голова осталась на свободе. Одним словом, он был

живой иллюстрацией к пословице, что медвежонка в мешке не утаишь.

Оставив Нееву возмущенно кататься по земле, Чэллонер занялся приготовлением завтрака. Однако Мики, против обыкновения, не следил за ним голодными глазами: щенок нашел зрелище, показавшееся ему более интересным, чем даже увлекательная процедура стряпни. Мики крутился возле Неевы, смотрел, как он бьется в мешке, слушал его вопли и, полный сочувствия, тщетно пытался как-то помочь ему. В конце концов Неева затих, а Мики сел возле него и посмотрел на хозяина если и не с прямым осуждением, то, во всяком случае, с горьким недоумением.

Серые тучи уже начинали розоветь и редеть, обещая ясный день, когда Чэллонер был наконец готов вновь отправиться в путь на юг. Он уложил в челнок весь свой багаж, а потом очередь дошла и до Мики с Неевой. На носу он из шкуры старой медведицы устроил мягкое гнездо, а затем подозвал Мики и обвязал его шею концом старой веревки, а другой ее конец завязал вокруг шеи Неевы. В результате и медвежонок и щенок оказались на одной сворке длиной в ярд. Ухватив их обоих за загривок, Чэллонер отнес их в лодку и положил в гнездо, которое устроил из медвежьей шкуры.

— Ну, малыши, ведите себя прилично! — предупредил он их. — Сегодня нам надо сделать не меньше сорока миль, чтобы наверстать время, потерянное вчера.

Когда челнок покинул заводь, над восточным горизонтом из туч вырвался сноп солнечных лучей.

Глава V

За те несколько секунд, которые потребовались, чтобы челнок плавно заскользил по широкой глади озера, в Нееве произошла поразительная перемена. Чэллонер ее не заметил, а Мики не осознал. Однако каждая жилка в теле Неевы трепетала и сердце колотилось, как в тот замечательный день, когда его мать победила в драке старого Макуза. Медвежонку казалось, что вот-вот все пойдет по-прежнему, все утраченное вернется — ведь он чуял запах своей матери! Он скоро обнаружил, что ее запах был особенно свеж и силен в мохнатой штуче, которая лежала под ним, и поглубже вжался в нее, распластавшись на толстом пузике и поглядывая на Чэллонера из-за сложенных лап.

Ему никак не удавалось понять и связать эти две вещи — двуногий зверь на корме гнал челнок по воде, а он в то же время ощущал под собой спину матери, теплую и мягкую, но почему-то совсем неподвижную. И он не сумел сдержаться — тихим и горестным повизгиванием он позвал мать. Но ответа не последовало. Только Мики сочувственно заскулил — так ребенок начинает плакать, если видит слезы приятеля. А мать Неевы не пошевелилась. Не ответила. Да он и не видел ее — тут была только ее черная мохнатая шкура. Без головы, без лап, без больших голых пяток, которые он любил щекотать, и без ушей, которые он любил покусывать. Тут не было от нее ничего, кроме свертка черной шкуры и... запаха!

И все-таки испуганное маленькое сердце Неевы находило утешение и в этом. Он ощущал близость непобедимой силы, которая охраняла его. Тепло солнечных лучей распушило шерсть медвежонка; он опустил коричневый нос между передними лапами и сунул его в материнский мех. Мики тоже положил голову на передние лапы и внимательно следил за своим новым приятелем, словно пытаясь разгадать его тайну. В его смешной голове, увенчанной одним целым ухом и одной половинкой уха и украшенной щетинистыми бакенбардами, которые он унаследовал от деда-эрделя, шла напряженная работа. Вначале он встретил Нееву как друга и товарища, а тот вместо благодарности задал ему хорошую трепку. Впрочем, это Мики готов был простить и забыть. Но вот полнейшего равнодушия Неевы к его персоне он простить не мог. Медвежонок просто не замечал его неуклюжих изъятий симпатии и сочувствия. Когда он лаял, прыгал, припадал к земле и извивался всем телом, дружески приглашая его поиграть в пятнашки или просто устроить веселую возню, Неева только смотрел на него непонимающими глазами, как дурачок. Возможно, Мики проникся убеждением, что Неева вообще ничего, кроме драк, не любит. Во всяком случае, прошло много времени, прежде чем он предпринял новую попытку завязать дружбу с медвежонком.

Произошло это спустя несколько часов после завтрака, когда солнце было уже на полпути к зениту. Неева все еще лежал не шевелясь, и Мики невыносимо скучал. Ночной дождь остался лишь неприятным воспоминанием — в синем небе над их головами не было ни облачка. Челнок уже давно покинул озеро, и Чэллонер гнал его теперь по прозрачной речке, которая вилась по южному

склону водораздела, пролегающего между хребтом Джексона и Шаматтавой. Чэллонер никогда прежде не плавал по этой речке, вытекавшей из озера, и, опасаясь водопада или порогов, он внимательно вглядывался вдаль и все время был начеку. Последние полчаса течение постепенно убыстрялось, и Чэллонер не сомневался, что скоро ему придется перетаскивать челнок по берегу волоком. Вскоре он услышал впереди низкий непрерывный гул и понял, что приближается к опасному месту. Когда он стремительно обогнул следующий мысок, держась совсем рядом с берегом, он увидел в ярдах пятистах впереди белое кипение воды и пены между камнями.

Чэллонер быстро оценил положение. Правый берег у порогов круто уходил вверх почти отвесным обрывом, слева вплотную к воде подступал густой лес. Чэллонер сразу понял, что тащить челнок волоком можно будет только по левому берегу, а он в этот момент плыл у правого берега. Он повернул челнок под углом в сорок пять градусов и принялся грести, напрягая все силы. По его расчету, у него едва хватало времени, чтобы добраться до левого берега, прежде чем течение станет опасным. Сквозь свирепое рокотание порогов Чэллонер теперь расслышал грохочущий рев водопада где-то дальше за ними.

Вот в эту-то роковую минуту Мики и решил еще раз попытаться расшевелить Нееву. Дружелюбно твякнув, он ударил его лапой. А костлявые, длинные лапы Мики были непомерно велики для такого молодого щенка, и удар, пришедшийся по кончику носа Неевы, можно было бы сравнить с хорошим тычком боксерской перчаткой. Немалую роль для дальнейшего сыграла также неожиданность этого удара. В довершение всего Мики взмахнул другой лапой, как дубинкой, и угодил Нееве в глаз! Этого нельзя было бы снести даже от друга. Зарывав, Неева выскочил из своего гнезда и сцепился с щенком.

Не следует забывать, что Мики, хотя он постыдно запросил пощады в их первой стычке, тоже происходил из рода испытанных бойцов. Смешайте кровь гончей маккензи — самой крупнокостной, самой широкогрудой, самой сильной собаки северного края — с кровью шпица и эрдельтерьера, и вы получите нечто весьма незаурядное. Если гончая маккензи при всей своей бычьей силе отличается неизменным добродушием и миролюбием, то се-

верные шпицы и эрдельтерьеры все без исключения большие забияки, и еще вопрос, кого из них следует считать более воинственной породой. И внезапно в маленьком покладистом щенке проснулся дьявол. На этот раз Мики не стал покорно тявкать, прося пощады. Он рванулся навстречу челюстам Неевы, и через две секунды они уже сцепились в великолепной драке на носу челнока — месте, менее всего подходящем для подобного занятия.

Они не обращали внимания на грозные окрики Чэллонера, который продолжал отчаянно грести, чтобы преодолеть течение, увлекавшее его к порогам. Неева и Мики были слишком поглощены друг другом и не слышали его. Все четыре лапы Мики снова болтались в воздухе, но на этот раз его острые зубы крепко стискивали складку кожи на горле Неевы, а лапами он толкал и бил медвежонка, и, наверное, Нееве пришлось бы плохо, если бы не случилось того, чего опасался Чэллонер. Все еще свившись в тесный клубок, они скатились с носа челнока в стремнину.

Секунд на десять они скрылись под водой. Затем вынырнули в добрых пятидесяти ярдах ниже по течению — бок о бок они уносились к неизбежной гибели, и с губ Чэллонера сорвался придушенный крик: спасти их он не мог, и в этом крике слышалось искреннее горе. Много недель Мики был его единственным товарищем и собеседником.

Связанные веревкой длиной в один ярд, Мики и Неева вместе нырнули в бурлящий водоворот. Мики следовало бы только возблагодарить судьбу за то, что хозяин привязал его на одну веревку с медвежонком. Мики в свои три месяца весил четырнадцать фунтов, причем на восемьдесят процентов он состоял из костей и лишь на один процент из жира. Неева же весил тринадцать фунтов и на девяносто процентов состоял из жира. Поэтому плавучесть Мики равнялась плавучести небольшого железного якоря, тогда как Неева держался на воде как спасательный пояс и был практически непотопляем.

Ни в щенке, ни в медвежонке не нашлось бы и капли трусости. Оба унаследовали от своих предков упрямое мужество, и хотя первые сто ярдов Мики почти все время находился под водой, он ни на мгновение не прекращал упорных попыток выбраться на поверхность. Иногда его переворачивало на спину, иногда на живот, но в любом положении он работал всеми своими четырьмя огромными лапами как веслами. В известной степени это помога-

ло Нееве, который делал поистине героические усилия, чтобы не наглотаться воды. Будь он один, благодаря десяти фунтам своего жира он пронесся бы через пороги, как обтянутый шкурой мячик. Однако он тащил на шее четырнадцатифунтовый груз, и ему грозила серьезная опасность захлебнуться. Раз десять, когда Мики засасывал очередной водоворот, Неева тоже полностью исчезал под водой. Однако он тут же выплывал, отчаянно загребая всеми четырьмя короткими толстыми лапами.

Затем их принесло к водопаду. К этому времени Мики уже привык передвигаться под водой и, к счастью для себя, не увидел, какой новый ужас поджидает их впереди. Его лапы почти перестали двигаться. Он еще слышал рев, забивавший ему уши, но рев этот уже перестал его пугать. Дело в том, что Мики к этому времени захлебнулся и постепенно терял сознание. Нееве же было отказано в безболезненной смерти. Когда наступил гибельный миг, он прекрасно понимал, что происходит. Его голова находилась над водой, и он все отлично видел и слышал. Внезапно река ушла из-под него, и он унесся вниз, увлекаемый водной лавиной и больше уже не ощущая тяжести Мики на своей шее.

Чэллонер мог бы совершенно точно определить глубину омута ниже водопада. Если бы Неева был способен высказать по этому поводу свое мнение, он поклялся бы, что глубина эта равна миле. Мики же не был способен ничего определять, и его совершенно не волновало, равна ли глубина омута двум футам или двум милям. Лапы больше ему не повиновались, и он отдался на волю судьбы. Однако Неева всплыл, а с ним и Мики — как грузило за поплавком. Щенок уже готовился испустить последний вздох, но тут течение вышвырнуло Нееву на полузатонувшую корягу, и, прилагая отчаянные усилия, чтобы выбраться из воды, медвежонок вытащил из нее и голову Мики, так что щенок закачался на конце коряги, точно повешенный.

Глава VI

Весьма сомнительно, что в следующие несколько секунд Неева действовал сознательно и обдуманно. Было бы наивно предположить, будто он хотел помочь полумертвому, оглушенному Мики и пытался спасти его. Он стремился только к одному — выбраться из воды на ка-

кое-нибудь более сухое и безопасное место, но при этом он волей-неволей тащил за собой щенка. И когда Неева, натянув веревку, впился острыми коготками в корягу, а потом взобрался на нее, Мики тоже был вырван из хватки холодного враждебного потока. Только и всего. Затем Неева перебрался на бревно, вокруг которого вода закручивалась воронками, и, прильнув к нему, вцепился в него так, как еще никогда в жизни ни во что не вцеплялся. От берега бревно полностью заслоняли густые высокие кусты. Если бы не это, Чэллонер увидел бы щенка и медвежонка, когда десять минут спустя проходил мимо этого места. Но они были скрыты от его взгляда кустами, а Мики еще не был в состоянии учуять или услышать своего хозяина, когда Чэллонер спустился к воде посмотреть, не удалось ли все-таки его маленькому товарищу спастись; Неева же, конечно, только плотнее прильнул к бревну. Он уже достаточно насмотрелся на двуногого зверя и больше не желал его видеть до конца своих дней. Только через полчаса Мики захрипел, закашлял и начал выплевывать воду, и впервые с момента их драки на носу челнока Неева проявил к щенку живейший интерес. Еще через десять минут Мики поднял голову и огляделся. Тогда Неева дернул веревку, словно давая ему понять, что им пора подумать, как выбраться на берег. Мики, мокрый, несчастный, был похож не столько на живое существо, сколько на обглоданную кость. Однако, увидев перед собой Нееву, он все-таки попробовал завилать хвостом. Он все еще лежал в воде, хотя тут ее глубина не достигала и двух дюймов, а потому, с надеждой оглядывая бревно, на котором расположился Неева, он кое-как поднялся на ноги и побрел к нему. Это было очень толстое и совсем сухое бревно, но едва Мики добрался до него, как судьба снова сыграла с ним злую шутку. Щенок забросил на бревно передние лапы и начал карабкаться к Нееве, старательно и неуклюже цепляясь когтями за кору и сучки. Однако только этих легких толчков бревну и не хватало, чтобы сползти с топляка в стремнину. Течение сначала медленно подхватило один конец бревна и развернуло его, так что он попал в главную струю, которая потащила его с такой внезапностью и силой, что Мики едва не сорвался в воду. Бревно качнулось, приняло устойчивое положение и помчалось, прыгая по волнам с быстротой, от которой даже у Чэллонерахватило бы дух, если бы он со своим верным челноком очутился на их месте.

И действительно, Чэллонер в эту минуту обходил по берегу быстрины ниже водопада. Он не решился бы без серьезной нужды пуститься в челноке по бешеной воде, над которой сейчас торжествовали славную победу Неева с Мики, и предпочел потерять два часа, перетаскивая свой багаж через лес до мыска на полмили ниже по течению. Эти полмили медвежонок и щенок запомнили на всю жизнь.

Они сидели на бревне мордочками друг к другу, примерно на его середине. Неева, вонзив когти в кору, как рыболовные крючки, распластался на животе и смотрел перед собой выпученными коричневыми глазками. Оторвать его от бревна удалось бы только с помощью лома. Что до Мики, то он с самого начала удерживался на их углу суденышке только чудом. Его когти не были предназначены для того, чтобы во что-то вонзаться; его неуклюжие лапы, в отличие от лап Неевы, не могли обхватить бревно, как две пары человеческих рук. Ему оставалось только одно: любой ценой сохранять равновесие, принаравливаясь к движению и поворотам бревна, и ложиться то вдоль него, то поперек, ежесекундно рискуя сорваться в воду. Неева не отводил от него пристального взгляда. Если бы глаза медвежонка были буравчиками, то он наверняка просверлил бы в Мики две дырочки. Этот взгляд был таким отчаянным и напряженным, что можно было подумать, будто Неева отдает себе отчет в том, насколько его собственная судьба зависит от того, удержится Мики на бревне или нет. Если бы щенок сорвался, медвежонок не спасли бы ни цепкость его когтей, ни крепкая хватка: ему тогда осталось бы только одно — лететь в воду вслед за Мики.

Комель бревна был гораздо шире и тяжелее остальной его части, потому оно не вертелось в роде, а летело прямо вперед, словно огромная черная стремительная торпеда. Неева сидел спиной к новым порогам, ревающим и громоздящим пену впереди, но Мики это жуткое зрелище открывалось во всей своей грозной красоте. Бревно то и дело ныряло в белую гору пены и на одну-две секунды полностью скрывалось в ней. В такие моменты Мики переставал дышать и закрывал глаза, а Неева старался запустить когти еще глубже в кору. Один раз бревно задело камень — еще шесть дюймов, и они остались бы без своего корабля. Уже на полпути через быстрины и медвежонок и щенок превратились в два клубка пены, в которых испуганно блестели глаза.

Но вскоре оглушительный рев быстрин зазвучал уже позади них; огромных камней, вокруг которых река рычала и бесновалась, стало заметно меньше — все чаще попадались совсем чистые участки, где бревно плыло ровно, без толчков, и в конце концов они достигли широкого спокойного плеса. И лишь тогда пенные клубки зашевелились. Неева только теперь увидел целиком всю картину кромешного ада, сквозь который они пронеслись, а глазам Мики открылись пологие берега ниже по течению, густой лес и тихая, сверкающая на солнце речная гладь. Он набрал в легкие как можно больше воздуха и выдохнул его с таким глубоким и искренним облегчением, что с кончика его носа и с бакенбардов полетели брызги. Только тут он почувствовал, что держится на бревне в крайне неудобной позе: одна задняя лапа была неловко подвернута, а передняя придавлена его же собственной грудью. Зеркальное спокойствие воды и близость берега придали ему уверенности, и он постарался принять более удобное положение. В отличие от Неевы, Мики был опытным путешественником. Ведь он больше месяца изо дня в день плыл с Чэллонером в челноке и давно уже ничуть не боялся обычной благопристойной воды. Поэтому он немного ободрился и даже тявкнул, словно поздравляя Нееву с благополучным исходом их плавания среди порогов. Правда, в этом тявканье слышалась жалобная нота.

Однако Неева воспитывался в совсем других понятиях, и хотя с челноком он познакомился только в этот день, повадки бревен он успел изучить хорошо. Он по горькому опыту знал, что в воде бревна — это почти живые существа и что все они в любую минуту могут сыграть с тем, кто им доверится, самую злую и непредвиденную шутку. Мики же, к несчастью, и понятия об этом не имел. Бревно благополучно пронесло их по стремнинам, страшней которых он в жизни не видывал, а потому теперь оно представлялось ему первоклассным челноком, правда зачем-то закругленным сверху, что было крайне неудобно. Впрочем, этот единственный недостаток не очень смущал щенка. И вот, к ужасу Неевы, Мики смело приподнялся, сел на задние лапы и посмотрел по сторонам.

Медвежонок, ослабивший было свою хватку, снова инстинктивно вцепился в кору, а Мики почувствовал непреодолимое желание встряхнуться, чтобы избавиться от пены, облепившей его всего, если не считать глаз

и кончика хвоста. Он часто встряхивался в челноке. Так почему бы не встряхнуться и сейчас? И даже не задав себе этого вопроса, он энергично дернулся всем телом. Бревно в ответ немедленно перевернулось. Не успев даже взвизгнуть, Мики слетел с него, звучно плюхнулся в воду и снова исчез в глубине, как свинцовое грузило.

Впервые погрузившись в воду с головой, Неева доблестно не разжал лап, и когда бревно вернулось в прежнее положение, медвежонок все еще сидел на нем — только пену с него смыло. Он поискал взглядом Мики, но щенка нигде не было видно. И вдруг он снова ощутил, что к его шее подвешен тяжелый груз. Его голова невольно наклонилась, и он увидел уходящую под воду веревку, но не Мики: щенок погрузился так глубоко, что медвежонок не мог его разглядеть. Веревка все сильнее тянула Нееву вниз (течения тут почти не было, и ничто не поддерживало Мики), но он не ослаблял хватки. Если бы он разжал лапы и вслед за Мики очутился в воде, им пришлось бы худо. Но теперь Мики, бывший лапами глубоко под бревном, играл одновременно роль и якоря и руля. Бревно медленно повернулось, попало в прибрежную струю и почти вплотную приблизилось к болотистому мыску.

Одним отчаянным прыжком Неева очутился на берегу. Почувствовав под лапами твердую землю, он пустился бежать, и в результате Мики медленно возник из ила и распластался на отмели, точно гигантский краб, ловя воздух разинутой пастью. Почувствовав, что его товарищ не в силах двигаться, Неева остановился, встряхнулся и стал ждать. Мики оправился быстро. Уже через пять минут он был на ногах и с таким неистовством принялся стряхивать с себя воду, что на Нееву обрушился настоящий ливень брызг и липкого ила.

Если бы они остались на этом месте подольше, на них примерно через час наткнулся бы Чэллонер, потому что он плыл возле самого берега, высматривая, не увидит ли где-нибудь их мертвые тела. Возможно, что инстинкт, впитавший в себя опыт бесчисленных предков, сказал Нееве о такой возможности, но, как бы то ни было, уже через четверть часа медвежонок решительно зашагал к лесу, и Мики послушно последовал за ним. Щенку это казалось интересным приключением.

К Нееве вернулось бодрое настроение. Ведь хотя он и лишился матери, лес оставался его родным домом.

После всех мучений, которые доставил ему двуногий зверь, а потом и Мики, бархатистое прикосновение мягких сосновых игл к его подошвам и знакомые запахи укромной чащи доставляли ему особенную радость. Он возвратился к прежней жизни. Медвежонок нюхал воздух, настораживал уши, и его пьянило сознание, что он снова может делать все, что захочет. Лес был ему незнаком, но Нееву это не смущало. Все леса казались ему одинаковыми — ведь в его владении находилось несколько сотен тысяч квадратных миль лесных угодий, и у него не было возможности побывать в них всех.

С Мики дело обстояло по-другому. Его охватила тоска по Чэллонеру и реке, а кроме того, он начал тревожиться, заметив, что Неева уводит его все дальше и дальше в темные, таинственные глубины лесной чащи. Наконец он решил воспротивиться и начал с того, что уперся в землю всеми четырьмя лапами, так что внезапно натянувшаяся веревка опрокинула Нееву, и он упал на спину с удивленным фырканьем. Воспользовавшись своим преимуществом, Мики повернулся и направился назад к реке; налегая на веревку с лошадиной силой, достойной его отца, он успел протащить Нееву по земле шагов пятнадцать, и только тогда медвежонку наконец удалось подняться на ноги.

И началась борьба. Напрягая задние лапы, крепко упираясь передними в мягкую землю, медвежонок и щенок тянули веревку в противоположные стороны, пока их шеи совсем не онемели, а глаза не вылезли на лоб. Неева тянул ровно и флегматично, Мики же на собачий лад дергался всем телом и выгибался; благодаря этим неожиданным толчкам ему удавалось каждый раз немного сдвинуть Нееву с места. В конечном счете все сводилось к тому, чья шея окажется крепче. У Неевы под слоем жира еще не успели нарасти сильные мышцы, и Мики имел тут перед ним заметное преимущество. Несмотря на удобу и костлявость, щенок был очень силен для своего возраста, — Неева еще несколько минут героически сопротивлялся, но потом уступил и послушно пошел в том направлении, которое выбрал Мики.

Медвежонок, подобно всем своим сородичам, без всякого труда нашел бы кратчайший путь к реке, но у Мики умение ориентироваться далеко уступало твердости его намерений, и Неева заметно повеселел, когда обнаружил, что его спутник уводит его еще дальше от опасной

реки, хотя зачем-то и описывает при этом широкую дугу. Еще через четверть часа Мики окончательно заблудился. Он присел на задние лапы, поглядел на Нееву и негромко заскулил, признавая свое поражение.

Неева не шевельнулся. Его зоркий взгляд внезапно остановился на сером шаре, который был прилеплен к ветке невысокого куста в десяти шагах от них. До появления двуногого зверя медвежонок только и делал, что ел весь день напролет, но со вчерашнего утра у него даже маленького жучка во рту не было. Его томил ужасный голод, и когда он увидел серый шар, его слюнные железы мгновенно заработали. Это было осиное гнездо! Сколько раз за свою коротенькую жизнь он видел, как Нузак, его мать, подходила к таким гнездам, сбрасывала их на землю, давила огромной лапой, а потом звала его полакомиться мертвыми осами! В течение последнего месяца осы неизменно входили в его дневной рацион, и их вкус ему очень нравился. И вот Неева направился к гнезду. Мики пошел за ним. Когда до гнезда оставалось шага три, Мики ясно расслышал тихое, но крайне неприятное жужжание. Однако Неева ничуть не встревожился. Рассчитав высоту гнезда, он встал на задние лапы, передние протянул к гнезду и дернул его — роковое движение!

Немедленно монотонное жужжание, которое заметил Мики, стало гневным и пронзительным, словно где-то заработала электрическая пила. Мать Неевы тут молниеносно наступила бы на гнездо тяжелыми лапами, раздавив всех его обитателей, но рывок Неевы только слегка повредил жилище Ахму́ и его свирепого племени. Ахму был в этот момент дома, так же как и три четверти его воинов. Прежде чем Неева успел еще раз дернуть гнездо, они вырвались наружу темным грозным облаком, и Мики внезапно испустил душераздирающий визг: на нос щенка опустился Ахму собственной персоной! Неева не издал ни звука, а только начал бить себя по мордочке передними лапами. Мики же, продолжая визжать, сунул свой укушенный нос в землю. Мгновение спустя в битву вступили все бойцы армии Ахму. Неева тоже вдруг испустил отчаянный вопль и бросился бежать прочь от гнезда. Мики не отставал от него ни на шаг. Ему казалось, что на его нежной шкуре нет такого места, в которое не погрузилась бы раскаленная игла. Вопли Неевы были оглушительны. Он ревел не переставая, и в эту басовую ноту вплетался альтовый визг Мики, прида-

вая ей какой-то потусторонний оттенок. Окажись поблизости суеверный охотник, он не усомнился бы, что в лесу устроили праздник волки-оборотни.

Обратив врагов в паническое бегство, осы — противники довольно благородные — не стали бы их преследовать и вернулись бы в свою поврежденную крепость, если бы не одно злополучное обстоятельство: улепетывая во все лопатки, Мики промчался слева от молодой березки, а Неева справа от нее, и натянувшаяся веревка остановила их так резко, что чуть было не сломала им шеи. Осиный арьергард вновь накинудся на врагов, которые вдруг перестали убегать. Тут в Нееве наконец выиграла его воинственная кровь, и, размахнувшись, он хлопнул Мики по спине. Полуослепший щенок уже совсем обезумел от боли и ужаса, а потому принял чувствительные уколы острых когтей Неевы за новые укусы жужжащих чудовищ и, взвизгнув еще раз, упал на землю в припадке, похожем на эпилептический.

Это их и спасло. Свиваясь в бешеных судорогах, Мики перекатился к Нееве, отцепив веревку от березки, и Неева снова кинулся наутек. Мики бросился за ним, завывая при каждом прыжке. Неева забыл о страхе, который внушила ему порожистая река. Инстинкт подсказывал ему, что он должен найти воду, и как можно скорее. Самым прямым путем, словно Чэллонер указал ему дорогу по компасу, Неева мчался к реке, но не успел он пробежать и трехсот шагов, как наткнулся на ручеек, который оба они могли бы легко перескочить. Неева сразу же прыгнул в ручеек, глубина которого достигала тут четырех-пяти дюймов, и Мики впервые в жизни добровольно погрузился в воду. Они оба долго лежали в прохладном ручье.

Глаза Мики ничего не различали, кроме расплывчатого сияния дня, и он весь начал пухнуть — от кончика носа до кончика узловатого хвоста. Неева благодаря защитному слою жира пострадал меньше. Он полностью сохранил зрение и, несмотря на боль, длившуюся час, второй, третий, принялся понемногу приводить в порядок свои мысли.

Все началось с двуногого зверя. Двуногий зверь отнял у него мать, двуногий зверь посадил его в темный мешок, и тот же двуногий зверь привязал ему на шею эту веревку. Медленно, постепенно он начал проникаться убеждением, что источником всех последних бед была именно эта веревка.

Несколько часов спустя они с трудом вылезли из ручейка и отыскивали мягкую сухую ложбинку между корнями большого дерева. В лесной чаще сгустился сумрак, и даже Неева, глаза которого не пострадали, видел уже плохо. Солнце спустилось совсем низко. В воздухе потянуло прохладой. Распластавшись на животе, сунув распухшую голову между передними лапами, Мики жалобно поскуливал.

Взгляд Неевы то и дело обращался к веревке, а в голове у него зрело важное решение. Он взвизгнул — не то по привычке призывая мать, не то из сочувствия к Мики. Он прижался к щенку, испытывая непреодолимую потребность в чьей-то дружеской близости. Ведь Мики в конце концов был тут ни при чем. Всею виной двуногий зверь... и веревка!

Их все более плотно окутывала вечерняя тьма, и, теснее прижавшись к щенку, Неева схватил веревку обеими лапами. С тихим рывканьем он впился в нее зубами и принялся настойчиво грызть. Время от времени он испускал негромкое ворчание, и в этом ворчании была успокоительная интонация, точно он уговаривал Мики: «Разве ты не видишь? Я перегрызу эту штуку пополам. К утру я кончу. Не вешай носа! Дальше будет лучше».

Глава VII

Наутро после трагического столкновения с осиным племенем Неева и Мики еле поднялись на распухшие, онемевшие лапы, когда настало время просыпаться и приветствовать зарю нового дня в таинственных глубинах леса, куда случай забросил их накануне. В них обоих жил дух неукротимой юности, и хотя Мики так раздулся от осиных укусов, что его тощее тело и неуклюжие лапы приобрели совсем уж нелепый вид, он готов был с величайшей охотой пуститься на поиски новых приключений.

Морда щенка стала круглой как луна, а голова настолько увеличилась, что Неева, возможно, опасался: а не лопнет ли она? Однако глаза Мики (насколько их можно было разглядеть за распухшими веками) весело блестели, а здоровое ухо и половинка стояли торчком, — он словно спрашивал медвежонка, чем они займутся теперь. Боль от укусов совершенно утихла, и хотя Ми-

ки ощущал, что его тело стало заметно больше, в остальном он чувствовал себя прекрасно.

Неева благодаря своему спасительному жирку вынес из боя с осами меньше рубцов и ран. Собственно говоря, о том, что ему пришлось перенести накануне, напоминал только совершенно заплывший правый глаз. Зато левый поглядывал на мир весело и зорко. Ни опухший глаз, ни онемевшие лапы не смущали Нееву — наоборот, настроение у него было самое бодрое, и он ни сколько не сомневался, что все плохое осталось позади. Ему удалось ускользнуть от двуногого зверя, который убил его мать; он вернулся в гостеприимные милые его сердцу леса, и, наконец, он сумел за ночь перегрызть веревку, которой Чэллонер связал его с Мики. После благополучного избавления от такой напасти он теперь не удивился бы, если бы из-за деревьев вдруг вышла Нузак, его мать. Вспомнив о ней, он заскулил. А Мики вспомнил о своем хозяине и, ощутив безлюдную пустыньность окружающего мира, заскулил в ответ.

Оба были очень голодны. Накануне одно несчастье сменялось другим с такой быстротой, что у них не было никакой возможности поест. Вчерашние события все-таки порядочно напугали Мики, и поэтому, пока Неева деловито оглядывал окружавший их лес, щенок каждое мгновение ожидал какой-нибудь новой беды.

По-видимому, осмотр удовлетворил медвежонка: повернувшись спиной к солнцу, как всегда делала его мать, он решительно зашагал вперед. Мики побрел за ним. Только в эту минуту он обнаружил, что у него в теле как будто не осталось ни единого сустава. Шея не поворачивалась, лапы превратились в деревянные ходули, и, стараясь не отставать от медвежонка, он за пять минут успел ровно столько же раз споткнуться и упасть. Вдобавок его глаза так заплыли, что он наполовину ослеп, а потому после пятого падения потерял Нееву из виду и протестующе завизжал. Неева остановился и сунул нос под гнилой ствол поваленного дерева. Когда Мики подковылял к нему, он увидел, что медвеженок, припав к земле, деловито слизывает поселение больших рыжих укусовых муравьев. Мики несколько секунд наблюдал за его действиями. Он вскоре сообразил, что Неева разжился чем-то съедобным, но никак не мог бзять в толк, чем именно. Мики начал жадно обнюхивать то место, над которым быстро мелькал язык Неевы. Потом тоже высунул язык и лизнул, но к его языку не

прилипло ничего, кроме прошлогодней хвои и гнилушек. А Неева тем временем то и дело похрюкивал от удовольствия. Только через десять минут он слизнул последнего муравья и отправился дальше.

Немного погодя они вышли на сырую полянку, и Неева принялся обнюхивать траву и приглядываться к ней единственным здоровым глазом, а потом начал быстро копать, вытащил что-то белое толщиной в человеческий палец и начал аппетитно хрустеть, усердно работая челюстями. Мики удалось схватить порядочный кусок белой штуки, но она явно не пришлась ему по вкусу. Ему показалось, что он жует деревяшку, и, покатав непонятный предмет во рту, он брезгливо его выплюнул, а Неева с довольным урчанием доел корешок до последнего кусочка.

Они пошли дальше. Два томительных часа Мики следовал за Неевой, и по мере того как опадали опухоли на его теле, пустота в его желудке становилась все больше. Голод превращался в мучительную пытку. Но он не находил никакой еды, хотя Неева на каждом шагу обнаруживал какие-то свои лакомства. К концу этих двух часов список кушаний, поглощенных медвежонком, достигал внушительных размеров. В числе прочего он включал десяток зелено-черных жуков, бесчисленное множество других насекомых, как твердых, так и мягких, целые селения рыжих и черных муравьев, несколько жирных личинок, извлеченных из глубины трухлявых пней, горсть улиток, лягушонка и яйцо-болтун, извлеченное из покинутого гнезда куропатки, свившей его на земле под густым кустом, а из растительных блюд — две порции съедобных корней и одну заячью капусту. Время от времени он сгибал молодые топольки и отъедал нежные верхушки. Еще он совал в рот все натеки еловой и сосновой смолы, какие успевал заметить, а иногда разнообразил завтрак молоденькой травкой.

Мики вслед за ним перепробовал немалую часть его рациона и съел бы лягушонка, если бы Неева его не опередил. Сосновая и еловая смола залепила ему зубы и была такой горькой, что его чуть не стошнило. Понять, чем улитки отличаются от камешков, он так и не сумел, а так как пробовать жуков он начал с так называемого жука-вонючки, то повторить этот опыт больше уже не рискнул. По примеру Неевы он откусил верхушку молодого побега, но это был не тополек, а волчье лыко, и от жгучего сока его язык на полчаса потерял

всякую чувствительность. В конце концов он пришел к заключению, что из всего меню Неевы он еще как-то способен есть только траву.

Вот так Мики изнывал от голода, пока его спутник непрерывно пополнял пеструю коллекцию в своем желудке и становился все веселее. По правде говоря, Неева был совершенно счастлив и, выражая свое удовольствие, то и дело блаженно урчал. К тому же опухоль на его правом глазу быстро спадала, и к нему почти вернулось нормальное зрение. Несколько раз, обнаружив новое скопление муравьев, он дружелюбным повизгиванием приглашал Мики принять участие в пиршестве.

До полудня Мики послушно плелся за медвежонком как привязанный. Однако, когда Неева неторопливо раскопал шмелиное гнездо, прихлопнул четырех его обитателей и с аппетитом съел их, терпению щенка пришел конец. Он сообразил, что ему следует самому позаботиться о собственном пропитании и поохотиться на какую-нибудь съедобную дичь. Эта мысль вызвала у него острое волнение. К этому времени его глаза уже совсем открылись, а онемение в теле почти прошло. В нем разыгралась кровь его разнообразных предков, и он принялся рыскать вокруг самостоятельно, вынюхивая подходящую добычу. Вскоре он почуял соблазнительный запах и пошел на него, но почти тотчас же шарахнулся в сторону: из-под самого его носа, оглушительно гремя крыльями, вспорхнула куропатка. В первую минуту щенок даже испугался, но этот испуг только усилил переполнявшее его возбуждение. А несколько минут спустя, сунув нос под кучу валежника, он наткнулся на свой обед. Это был Вáбу, крольчонок. С быстротой молнии Мики стиснул зубами его спину. Неева, услышав треск сухих веток и писк крольчонка, оторвался от муравьев и поспешил туда, откуда доносились эти звуки. Писк почти сразу оборвался, Мики задом выполз из-под валежника и, торжествуя, предстал перед Неевой с Вáбу в зубах. Крольчонок уже перестал биться, и Мики со свирепым рычанием начал терзать неподвижную тушку. Неева, ласково похрюкивая, подошел поближе. Мики зарычал еще более свирепо. Однако Неева не устрасился и продолжал негромким заискивающим урчанием выражать свою глубокую симпатию к Мики, а сам тем временем обнюхивал крольчонка. Мики вдруг перестал рычать. Возможно, он вспомнил, с каким радушием Неева пытался угостить его своими жуками и муравьями. Но как бы то ни было,

крольчонка они миролюбиво съели вместе до последней косточки, до последнего клочка шкурки, и тогда Неева впервые после смерти своей матери присел на толстые задние лапы и высунул красный язычок. Эта поза у него означала высшую степень сытости и превосходное настроение. Для полноты блаженства ему требовалось еще только одно: хорошенько вздремнуть. И, лениво потянувшись, он поглядел по сторонам в поисках подходящего дерева.

У Мики же приятная сытость вызвала, наоборот, бурную жажду деятельности. Поскольку Неева всегда тщательно пережевывал любую пищу, а Мики имел обыкновение глотать не жуя, на долю щенка пришлось добрых четырех пятых тушки, и он больше не испытывал голода. Зато впервые после того, как они с Неевой сорвались в воду с челнока Чэллонера, Мики как следует осознал, насколько переменились его судьба и вся окружающая обстановка. Впервые в жизни он сам добыл себе обед и впервые в жизни попробовал сырого мяса, и эти два обстоятельства привели его в неистовое возбуждение, которое, естественно, заглушило всякое желание прилечь и вздремнуть на солнышке. Теперь, когда ему открылась прелесть охоты, в его неуклюжем щенячьем теле пробудился древний инстинкт всего собачьего рода, и он готов был гоняться за дичью до изнеможения. Но тут Неева как раз отыскал себе удобную постель.

Вне себя от изумления, Мики следил за тем, как Неева неторопливо карабкался по стволу большого тополя. Мики приходилось видеть, как по деревьям лазают белки, и это казалось ему не менее естественным, чем способность птиц летать, но за действиями Неевы он следил в полном ошеломлении. И только когда медвежонок удобно растянулся на широкой развилке, Мики наконец выразил свои чувства вслух. Он недоверчиво затыкал. Потом обнюхал низ ствола и без особого энтузиазма, в свою очередь, попробовал взобраться на него. В результате он довольно болезненно хлопнулся спиной о землю и пришел к выводу, что щенкам, в отличие от медвежат, по деревьям лазать не полагается. Огорчившись, он отошел от тополя шагов на двадцать, сел и начал обдумывать положение. Он никак не мог понять, что, собственно, Нееве понадобилось на дереве. Жуков он там явно не искал. Мики несколько раз вопросительно тявкнул, но Неева не ответил. В конце концов щенки

отказался от попытки привлечь внимание своего приятеля и с унылым визгом растянулся на земле.

Однако спать Мики не собирался. Ему вовсе не хотелось отдыхать. Он был бы рад немедленно продолжить исследование таинственных и манящих лесных дебрей. Безотчетный страх, который томил его все время, пока он не поймал крольчонка, теперь бесследно исчез. За те две минуты, которые он провел под кучей валежника, чудодейка-природа успела научить его очень многому. Эти две минуты совсем преобразили Мики: из беспомощного, боязливого щенка он стал самостоятельным молодым псом. Беспечное детство, которое затянулось из-за опеки Чэллонера, с этого момента принадлежало прошлому. Он поймал свою первую дичь, и жаркий восторг победы пробудил в нем все древние инстинкты. За те полчаса, которые он пролежал, ожидая, когда проснется Неева, Мики окончательно преодолел расстояние, отделяющее щенка от взрослой собаки. Он, конечно, не мог знать, что его отец Хелей был самой знаменитой охотничьей собакой в бассейне реки Литтл-Фокс и в одиночку справлялся со взрослым самцом карибу. Но он всеми фибрами своего тела ощущал это. В зове предков была неотразимая настойчивость. И потому, что он покорился этому зову и жадно ловил чутким слухом шепчущие голоса лесной чащи, он сумел различить тихое, монотонное похрюкивание Каву́ка, стародикобраза.

Мики замер, прижимаясь к земле. Спустя мгновение он услышал легкое пощелкивание игл — на полянку вышел Кавук и поднялся на задние лапы в самой середине большого пятна солнечного света.

Кавук вот уже тринадцать лет вел мирное существование в этом уголке леса и теперь, на склоне лет, весил никак не меньше тридцати фунтов. В этот день он запоздал с обедом, но даже это все равно не омрачило его благодушного настроения. Зрение у него и в юности было скверным. Природа сотворила его, как и всех его сородичей, близоруким, возместив этот недостаток грозной броней из острых игл. Он не замечал Мики, от которого находился шагах в десяти, или делал вид, что не замечает. А Мики совсем распластался на земле, так как новообретенный инстинкт предупреждал его, что нападать на это существо было бы неблагоразумно.

Кавук около минуты простоял на задних лапах, застыв в неподвижности и тихонько похрюкивая гимн сво-

его племени. Мики видел его сбоку — в этой позе дикобраз удивительно походил на дородного муниципально-го советника. Он был таким толстым, что его живот выпячивался, как половинка воздушного шара. Передние лапы он как-то очень по-человечески сложил на животе и больше смахивал на старую дикобразиху, чем на признанного главу своего племени.

Только тут Мики заметил, что из-за куста вблизи Кавука кокетливо вышла Исквазиз, молоденькая самочка. Хотя Кавук был уже в годах, он сохранил галантный нрав своей юности и при виде красавицы немедленно принялся демонстрировать свою благовоспитанность и изящные манеры. Начал он с потешной пляски, заменяющей у дикобразов ухаживание: он хрюкал все громче и громче, переминался с лапы на лапу, и его округлое брюхо подпрыгивало как мячик. Правда, красавица Исквазиз могла бы вскружить голову кому угодно. Она была блондинкой — другими словами, она была альбиноской, что среди дикобразов встречается очень редко. Нос у нее был розовый, мягкие подушечки на лапах тоже были розовые, а радужная оболочка ее очаровательных розовых глазок была небесно-голубого цвета. Прельстительный танец Кавука явно не пришелся ей по вкусу, и Кавук, заметив это, переменял тактику: он встал на все четыре лапы и принялся крутиться как бешеный, ловя свой хвост. Когда он остановился, чтобы посмотреть, какое впечатление произвел этот маневр, то, к огромному своему разочарованию, обнаружил, что Исквазиз давно уже и след простыл.

Ошеломленно присев на задние лапы, он минуту оставался неподвижным, а затем, к ужасу Мики, направился прямо к дереву, на котором устроился Неева. Дело в том, что Кавук всегда обедал на этом дереве, и теперь он начал взбираться по стволу, что-то ворча себе под нос. Шерсть у Мики встала дыбом. Он не знал, что Кавук, как и все его сородичи, был добродушнейшим существом и никогда никому не причинял вреда, если только на него не нападали. Мики это было неизвестно, и потому он внезапно поднял оглушительный лай, чтобы предупредить Нееву.

Неева проснулся не сразу, а когда наконец он открыл глаза, то увидел перед собой щетинистую морду неведомого зверя и страшно перепугался. С молниеносной быстротой, чуть не сорвавшись со своей развилки, он повернулся и вскарабкался выше по стволу. Кавук ничуть не

был выведен из душевного равновесия. После исчезновения Исквазиз он помышлял только об обеде и продолжал неторопливо взбираться все выше. Неева в панике начал пятиться от ствола по большой ветке, уступая дорогу Кавуку.

К несчастью для Неевы, именно на этом суку Кавук обедал накануне. И вот дикобраз перебрался со ствола на ветку, все еще, по-видимому, не замечая присутствия там медвежонка. Тут Мики внизу затыкал с таким визгливым исступлением, что Кавук наконец как будто сообразил, что происходит что-то необычное. Он прищурился и поглядел вниз на Мики, который кидался на ствол в тщетных попытках влезть на дерево и помочь приятелю. Затем Кавук повернулся и в первый раз посмотрел на медвежонка с некоторым интересом. Неева крепко обхватил ветку всеми четырьмя лапами. Отступать дальше он не мог — ветка здесь была настолько тонкой, что уже сгибалась под его тяжестью.

Кавук начал сердито браниться. Мики испустил завершающее визгливое твяканье и, присев на задние лапы, принялся следить за душераздирающей драмой, которая разворачивалась над его головой. Кавук делал шажок вперед, а Неева немного отползал, и так продолжалось до тех пор, пока медвежонок не соскользнул с ветки и не повис на ней, раскачиваясь между небом и землей. Тут Кавук перестал браниться и спокойно приступил к обеду. Около трех минут Нееве кое-как удавалось удерживать свою позицию. Раза два он тщетно пытался подтянуться и снова лечь на ветку животом. Но вот его задние лапы разжались. Несколько секунд он провисел на передних лапах, а затем сорвался с высоты в пятнадцать футов и полетел вниз. Он шлепнулся на землю возле Мики и долго не мог перевести дух. Потом с ворчанием поднялся, ошеломленно поглядел на дерево и, ничего больше не объяснив Мики, зашагал дальше в лес — прямо навстречу опаснейшему приключению, которому суждено было стать решительным испытанием для них обоих.

Глава VIII

Неева остановился, только когда прошел четвертьмили, а может быть, и больше.

Мики показалось, что они внезапно из яркого солнечного дня попали в густые вечерние сумерки. Эта часть

леса, куда забрел Неева, стараясь уйти подальше от страшного зверя, столкнувшего его с дерева, походила на огромную таинственную пещеру. Даже Чэллонер остановился бы тут в благоговении, подавленный величавым безмолвием этой чащи, замороженный загадочными шорохами, которыми она была полна. Солнце по-прежнему сияло высоко в небе, но не единый его луч не проникал под зеленый свод густых еловых ветвей, сплетавшихся над головами Мики и Неевы в непроницаемый полог. Вокруг не было ни единого куста, под их лапами не было ни единого цветка, ни единой травинки — ничего, кроме толстого мягкого слоя бурой хвои, душившей всякую жизнь. Казалось, будто лесные девы устроили себе здесь опочивальню, куда не могут проникнуть ни ветер, ни дождь, ни снег; будто тут был приют волков-оборотней, на время покидающих этот мрачный, наводящий ужас тайник, чтобы строить козни людям.

На сумрачных елях здесь не пела ни одна птица, на их разлапистых ветках не резвились веселые белки. Тишина была такой глубокой и мертвой, что Мики даже слышал стук собственного сердца. Он посмотрел на Нееву и увидел, что в полутьме глаза медвежонка горят странным огнем. Ни тот, ни другой не испытывали страха, и все-таки эта гробовая тишина по-новому укрепила их нарождающуюся дружбу. Какое-то неясное чувство пробудилось в их лесных душах и заполнило пустоту, оставшуюся у Неевы после потери матери, а у Мики — после разлуки с хозяином. Щенок тихонько взвизгнул, а Неева мягко заворчал и легонько хрюкнул, как совсем юный поросенок. Они придвинулись друг к другу и встали бок о бок, с вызовом глядя на окружающий мир. Потом они пошли дальше, точно двое маленьких мальчиков, которые забрались в пустой покинутый дом. Они не охотились, и тем не менее все их охотничьи инстинкты были настроены, и оба часто останавливались, чтобы посмотреть по сторонам, прислушаться и понюхать воздух.

Нееве эта мгла напомнила черную пещеру, в которой он родился. Так, может быть, из какого-нибудь сумрачного прохода между стволами сейчас появится Нузак, его мать? Может быть, она спит где-нибудь тут, как спала в их темной берлоге? Возможно, в мозгу медвежонка и правда смутно возникали вопросы вроде этих. Ведь тут царила та же мертвая тишина, что и в их пещере. И казалось, будто всего в нескольких шагах перед ними мрак

сгущается в черные провалы. Такие места индейцы называют «мухнеду» — глухие закоулки леса, где злые духи уничтожили всякую жизнь, вырастив деревья столь густые, что сквозь их хвою не в силах проникнуть ни один солнечный луч. Только совы, друзья злых духов, живут в их заклятых владениях.

Взрослый волк остановился бы и повернул назад там, где сейчас стояли Неева и Мики: лиса поспешила бы ускользнуть прочь, припадая к земле; даже бесстрашный убийца горностаи только поглядел бы на эту чащобу красными глазами-бусинами и вернулся бы в светлый лес, повинаясь велению инстинкта. Ибо в этом безмолвии и мраке крылась своя жизнь. Она таилась и подстерегала в глубине бездонных черных провалов. И теперь, когда Неева и Мики продолжали углубляться в сумрачную тишину, эта жизнь начала пробуждаться, — круглые глаза открывались и загорались жутким зеленым огнем. Однако в чаще по-прежнему не раздавалось ни единого звука, и нельзя было заметить никакого движения. Истинные злые духи, обитающие в мухнеду — огромные совы, — поглядывали вниз, что-то соображали медлительным мозгом... и выжидали.

Затем из хаотического мрака выплыла чудовищная тень и скользнула над головой маленьких пришельцев так низко, что они расслышали грозный шелест гигантских крыльев. Когда это призрачное существо скрылось из виду, они услышали шипение и скрежещущее шелканье мощного клюва. От этого звука по спине Мики пробежала дрожь. Дремавший инстинкт внезапно заговорил в полный голос. Щенок вдруг почувствовал близкое присутствие какой-то неведомой и страшной опасности.

Теперь тишина вокруг них наполнилась звуками — шорохами среди ветвей, еле слышным шелестом в вышине и резким, металлическим шелканьем над их головами. Снова Мики увидел, как появилась и исчезла огромная тень. За ней последовала вторая, третья, четвертая... пока не стало казаться, что весь воздух под сводом ветвей заполнен этими тенями. И с появлением каждой новой тени все ближе к ним раздавалось угрожающее шелканье сильных хищных клювов. И, подобно волку или лисе, Мики съежился и припал к земле. Но поступил он так из осторожности, а не от поскуливающего щенячьего страха. Его мышцы были напряжены, и, когда одна из сов пролетела над ним совсем низко, почти задев его голову крылом, он с рычанием оскалил клыки. Неева встретил

сову фырканием — со временем оно должно было превратиться в яростное «уф!», с которым его мать бросалась в бой. Как и положено медведю, он поднялся на задние лапы. И именно на него стремительно ринулась одна из теней — чудовищное оперенное ядро, вырвавшееся из мрака.

Сверкающие глаза Мики увидели, что в трех шагах от него его товарищ исчез под бесформенной серой массой. Несколько секунд щенок стоял в оцепенении, с ужасом прислушиваясь к громовому хлопанию мощных крыльев. Неева не издал ни звука. Он был опрокинут на спину и тщетно рвал когтями перья, такие мягкие и густые, что, казалось, под ними нет живой плоти. Он почувствовал, что справиться с этим существом у него не хватит сил, а это означало смерть. Удары крыльев были как удары дубиной — они оглушали его, мешали дышать, и все-таки он продолжал терзать навалившуюся на него бесплотную грудь, которая состояла из одних перьев.

Свирепо бросившись на свою жертву, великан Ухумисью (размах его крыльев достигал пяти футов!) чуть-чуть промахнулся. Стальные когти-кинжалы, которые он намеревался погрузить во внутренности Неевы, сомкнулись слишком рано и сжали только густую шерсть медвежонка и складки кожи. Вот почему Ухумисью бил теперь свою жертву крыльями, стараясь улучшить удобный момент, чтобы разом покончить с ней жестоким ударом острого клюва. Еще полминуты — и мордочка Неевы была бы разорвана в клочья.

Именно потому, что Неева молчал, что он ни разу не взвизгнул, Мики с рычанием вскочил на ноги и оскалил зубы. И сразу же весь его страх исчез и сменился отчаянным, почти радостным возбуждением. Он узнал их врага — это была птица! А птицы для него были не противниками — они были добычей. За то время, пока он путешествовал со своим хозяином по рекам Северной Канады, Чэллонер не раз стрелял больших канадских гусей и журавлей с огромными крыльями. Мики ел их мясо. Дважды он с заливистым тьяканием гонялся за ранеными журавлями, и они убегали от него! Теперь щенок не стал ни тьякать, ни лаять. Молниеносным прыжком он обрушился на шар из перьев, как четырнадцатифунтовое ядро, и Ухумисью, разжав когти, свалился на бок и беспомощно забил крыльями.

Прежде чем он успел подняться, Мики снова прыгнул на него, целясь в голову, как тогда, когда он догнал

раненого журавля. Ухумисью шлепнулся на спину, и Мики в первый раз с начала своей атаки испустил яростное рычание, которое перешло в визгливое тьяканье. Ухумисью и его кровожадные собратья, под покровом мрака наблюдавшие за схваткой с деревьев, никогда еще не слышали подобных звуков. Щелканье клювов стало удаляться, и Ухумисью, внезапно взмахнув крыльями, взмыл в воздух.

Твердо упершись широкими передними лапами в землю, задрал оскаленную мордочку к черному своду еловых ветвей, Мики продолжал вызывающе лаять и завывать. Он хотел, чтобы большая птица вернулась. Он хотел изодрать в клочья ее перья, но под его иступленный лай Неева перевернулся со спины на живот, оглянулся на Мики, предостерегающе взвизгнул и пустился наутек. В отличие от Мики, он прекрасно разобрался в положении. Опять на помощь ему пришел инстинкт, родившийся из опыта бесчисленных поколений. Он твердо знал, что в темных провалах над их головами кружит смерть, и он бежал так, как никогда еще в жизни не бежал. Мики пустился бежать следом, а крылатые тени снова начали приближаться к ним.

Впереди маленькие беглецы увидели проблеск солнечного света. Деревья вокруг становились все выше, и вскоре в густом пологе ветвей появились разрывы, и черные провалы пещерного мрака остались позади. Если бы они пробежали еще сотню ярдов, то оказались бы на широкой равнине — охотничьем уголье огромных сов. Но Неевой полностью владело чувство самосохранения, он все еще был оглушен громовыми ударами совиных крыльев, его бока жгли раны, оставленные когтями Ухумисью, а потому, увидев перед собой беспорядочное нагромождение вырванных с корнем стволов, он нырнул под их защиту с такой быстротой, что Мики не сразу понял, куда девался его приятель.

Потом и Мики забрался в щель между поваленными стволами, повернулся и высунул голову наружу. Он все еще скалил клыки и рычал. Ведь он одержал победу над врагом! Он сшиб страшную птицу на землю и вырвал зубами пучок ее перьев. А после такого торжества он, последовав примеру Неевы, вдруг бежал! Теперь им овладело желание вернуться на поле боя и довести дело до конца. В нем говорила кровь неустрашимых эрдельтерьеров и шпицев, кровь его отца, огромного охотничьего пса Хелея. Первые две породы, смешавшись в нем, на-

делили его волчьей храбростью и лисьей настойчивостью, а от отца он получил мощные челюсти и геркуле-совскую силу, и, если бы Неева не продолжал запол-зать все глубже в бурелом, Мики отправился бы назад в чашу и пролаял бы свой вызов оперенным чудовищам, от которых они бежали.

Израненные бока Неевы отчаянно горели, и он вовсе не хотел вступать в новые драки с существами, кото-рые слетают с деревьев. Он принялся зализывать следы когтей Ухумисью, и через несколько минут Мики под-полз к нему и, почувствовав запах свежей теплой кро-ви, тихонько зарычал. Он знал, что это кровь Неевы, и, когда он обернулся к щели, сквозь которую они забра-лись в темный лабиринт бурелома, в его глазах загорелись злые огоньки.

Около часа Мики пролежал совершенно неподвижно, и в нем вновь происходил процесс стремительного по-взросления, как и тогда, когда он поймал своего перво-го кролика. Наконец он осторожно вылез из-под пова-ленных стволов и увидел, что солнце уже заходит за лес на западе. Мики огляделся и прислушался. В его позе не было и следа щенячьей виноватой приниженности. Крупные подушечки худых лап уверенно упирались в землю, а сами костлявые лапы, казалось, были выреза-ны из твердого узловатого дерева. Все мышцы его тела были напряжены, уши стояли торчком, голова упрямо вжималась в костлявые плечи, по которым уже можно было догадаться, каким сильным он должен был стать впоследствии. Он знал, что началось его Великое При-ключение. Щенячьи игры и ласковые, заботливые руки хозяина остались в прошлом. Мир переменялся и стал несравненно более заманчивым и опасным.

Несколько минут спустя Мики прилег возле щели, уводившей в бурелом, и принялся грызть конец веревки, который свисал с его шеи. Солнце спустилось еще ниже, потом совсем скрылось за зубчатой стеной леса. А Мики все еще ждал, чтобы Неева выбрался к нему на откры-тое место и лег рядом с ним. Но сумерки продолжали сгущаться, а Неева все не шел. Наконец Мики опять про-лез в щель и наткнулся возле нее на Нееву. Они приня-лись вместе наблюдать за таинственным приближением ночи.

Некоторое время вокруг царила глубочайшая тиши-на, какая бывает только в лесах севера в первый час на-ступления ночи. В ясном небе робко загорелись первые

редкие звездочки, а затем его усеяли сверкающие созвездия. Из-за края лесов уже поднималась луна, затопляя землю золотистым сиянием, и в этом сиянии повсюду вокруг возникли черные тени, которые не двигались и не издавали никаких звуков. Затем тишина была нарушена. Из совиной чащи донеслось странное глухое уханье. Мики уже приходилось слышать пронзительное верещанье и протяжные «ту-ву-у» небольших сов, обкрадывающих капканы, но голоса могучих крылатых разбойников, которые обитают в глухих чащах и творят убийства по ночам, он слышал впервые. Это были глухие горловые звуки, более похожие на стон, чем на крик,— на стон такой короткий и тихий, что казалось, будто его умеряет осторожность, опасение вспугнуть будущую добычу. В течение нескольких минут из чащи доносилась перекличка ее кровожадных обитателей, а затем вновь наступила тишина, время от времени прерывавшаяся шорохом огромных крыльев среди еловых ветвей и вершин,— это охотники покидали свои убежища и улетали в сторону равнины.

Для Мики и Неевы вылет сов на охоту оказался только началом событий этой ночи. Они долго лежали бок о бок, не смыкая глаз и прислушиваясь. Мимо поваленных стволов на мягких лапах бесшумно прошел пекан¹, и они уловили его запах. Они услышали далекий крик гагары, тьяканье неугомонной лисицы и мычание лосихи, которая паслась на берегу озера у дальнего конца равнины. А затем они услышали звук, от которого их сердца забились сильнее и по телу пробежала дрожь возбуждения.

Сперва он донесся откуда-то издалека — отрывистый охотничий клич волков, гонящих дичь. Он приближался к равнине с севера и был подхвачен северо-западным ветром. Тогда голос стаи послышался совершенно отчетливо, и в мозгу Мики быстро начали всплывать туманные образы и смутные, почти неуловимые воспоминания. Голос, который доносился к нему с ветром, не был голосом Чэллонера, и все-таки он знал этот голос. Это был голос Хелея, его великана-отца, голос Нумы, его матери, голос тысяч и тысяч поколений его предков, и теперь в щенке заговорил инстинкт, унаследованный от этих предков, и неясные воспоминания первых дней его жизни. В дальнейшем разум и опыт научили его раз-

¹ П е к а н — крупная североамериканская куница.

личаь волка и собаку, хотя разница между ними могла показаться тоньше волоска. Но сейчас Мики слышал только приближающийся голос своей кровной родни. Он приближался быстро и беспощадно, полный яростного и острого голода. И Мики забыл про Нееву и не обратил внимания на то, что медвежонок забился поглубже под поваленный ствол. Мики вскочил на ноги и застыл в напряженной позе, забыв обо всем, кроме волнующего охотничьего клича волчьей стаи.

Ярдах в ста впереди волков, спасая жизнь, бежал Ахтик, молодой самец карibu. Он задыхался, силы начинали изменять ему, и он безнадежно вглядывался в ночной мрак — не блеснет ли где-нибудь вода, обещающая спасение? Стая уже развернулась подковой, концы которой начинали загигаться впереди Ахтика. Волки готовились броситься на карibu, прокусить сухожилия задних ног, перервать ему горло. В эти последние минуты охотники смолкли, и Ахтик почувствовал приближение конца. В отчаянии он свернул вправо и скрылся в лесу.

Мики услышал, как затрещали кусты под его телом, и попятился к куче бурелома. Через несколько секунд в двадцати шагах от него пробежал Ахтик. В лунном свете карibu казался большим и нескладным, а его хрипящее дыхание было исполнено ужаса и смертной муки. Он исчез так же быстро, как и появился, но вслед за ним почти немедленно появились бесшумные быстрые тени — их было шесть или семь. Они возникли и исчезли почти мгновенно, как мимолетный порыв ветра.

После этого Мики долго стоял и прислушивался, но тишина снова обволокла ночной лес. Потом Мики забрался в бурелом и улегся рядом с Неевой.

Несколько часов он беспокойно дремал. Ему снилось забытое. Ему снился Чэллонер. Ему снились холодные ночи и большие костры, он слышал голос хозяина и ощущал прикосновение его руки, но над всеми этими видениями звучал дикий охотничий клич его лесных родичей.

На ранней заре он выбрался наружу и обнюхал следы карibu и волков. До сих пор в их странствиях Мики следовал за Неевой. Теперь наступила очередь Неевы следовать за ним. Вдыхая острый запах волков, Мики рысцой затрусил к равнине. Ему потребовалось полчаса, чтобы добраться до нее. Затем он вышел на широкий каменистый уступ, откуда след спускался по крутому склону в долину.

Тут Мики остановился.

В десяти шагах ниже его и в двадцати шагах в сторону лежала наполовину обглоданная туша молодого карибу. Но не это пробудило в щенке бешеное волнение, от которого почти остановилось его сердце. Из кустов, тянувшихся ниже по уступу, появилась Махигун, изгнанная из стаи волчица, которая пришла насытиться мясом чужой добычи. Это было тощее, уродливое существо. Впалые бока волчицы никак не могли округлиться с тех пор, как она проглотила отравленную приманку и долго болела после этого. Ее чурались все другие волки, она была трусливой и злобной, способной загрызть даже собственных детенышей. Но Мики ничего этого не знал. В ней он увидел свою мать, какой ее рисовали ему память и инстинкт. А его мать была ему ближе, чем даже Чэллонер, его хозяин.

Минуту он лежал, вздрагивая всем телом, а потом начал спускаться с обрыва, как спускался бы к Чэллонеру — правда, с большей осторожностью, но зато с жадным ожиданием и с томительной радостью, которую не могло бы пробудить в нем появление человека. Он был уже совсем близко от Махигун, когда она наконец заметила его присутствие. Его ноздри были полны материнского запаха, он радовался... но и боялся. Однако это не был страх перед физической опасностью. Распластавшись на земле, положив голову на лапы, он заскулил.

Волчица стремительно обернулась, обнажив острые клыки во всю их длину. Ее налитые кровью глаза горели страхом и злобой. Мики не успел ни пошевелиться, ни тявкнуть. С быстротой кошки отщепенка оказалась рядом с ним. Ее клыки полоснули его один раз, и она скрылась. Из плеча Мики потекла кровь, однако не из-за боли он много минут лежал неподвижно, как мертвый. На том месте, где стояла Махигун, все еще сохранился материнский запах. Но смутные воспоминания рассеялись. Древняя память умерла, когда он глубоко вздохнул и взвизгнул от боли. Для него, как и для Неевы, больше не существовало ни Чэллонера, ни матери. Зато ему остался весь мир! И в этом мире вставало солнце. Этот мир был пронизан и напоен дыханием жизни. А рядом, совсем рядом благоухало сочное вкусное мясо.

Мики жадно втянул ноздрами воздух. Потом он обернулся и увидел, как с откоса на уступ кубарем скатилось толстое тельце Неевы, который торопился принять участие в пиршестве.

Если бы Мако́ки, старый индеец из племени кри, возивший почту между Годс-Лéйком и Черчиллем, узнал о злоключениях Мики и Неевы до той минуты, когда они до отвала наелись нежным жирным мясом затравленного волками молодого карибу, он, наверное, сказал бы, что их взяла под свое особое покровительство Иску Вапу, которой в мире добрых духов поручено ведать благополучием зверей, птиц и всех прочих тварей. Дело в том, что Макоки твердо верил в существование всяких лесных духов, так же как и духов — хранителей его типа¹. И вокруг истории Мики и Неевы он сплел бы чудесную сказку и рассказал бы ее маленьким детям своего сына, а они запомнили бы ее, а потом поведали бы собственным детям.

Ведь дружба между черным медвежонком и щенком, в чьих жилах кровь гончей маккензи смешалась с кровью эрдельтерьера и шпица, была вещью неслыханной, и тем не менее Мики и Неева стали верными друзьями. И Макоки усмотрел бы в этом доказательство благожелательного внимания к ним Иску Вапу, с самого начала назначившей для них особую судьбу. Именно она, сказал бы Макоки, повела Чэллонера по следу матери Неевы и помогла ему убить старую медведицу; именно она надоумила его связать щенка и медвежонка одной веревкой, для того чтобы они, свалившись с его челнока в стремнину, не погибли, а, наоборот, помогли друг другу спастись и подружиться. «Неева-павук» (два маленьких брата) — назвал бы их Макоки, и, встретившись с ними, он скорее позволил бы отрубить себе палец, чем причинил бы им малейший вред. Но Макоки даже не подозревал об их существовании, и в то утро, когда они пировали у туши карибу, он в ста милях от места их пира торговался с белым путешественником, который хотел нанять его в проводники. Ему и в голову не пришло, что в эту минуту сама Иску Вапу находилась возле него и готовила событие, которому было суждено сыграть значительную роль в жизни Неевы и Мики.

Тем временем Неева и Мики уписывали мясо так, словно умирали с голоду. Они оба были на редкость практичными существами. Они не задумывались над тем, что осталось в прошлом, и полностью отдавались насто-

¹ Тип и — жилище североамериканских индейцев: остроконечный шалаш, крытый шкурами или корой.

ящему. Два дня, насыщенные горестными событиями и опасными приключениями, казались им долгими, как год. Неева все меньше и меньше тосковал по матери, а Мики как будто вовсе не вспоминал хозяина, с которым разлучился так недавно. Зато их память в мельчайших подробностях хранила все происшествия прошлой ночи: их сражения не на живот, а на смерть с огромными совами, их бегство, погоню волчьей стаи за молодым карибу и (это, конечно, помнил только Мики) короткую страшную встречу с Махигун, злобной волчицей, изгнанной из стаи. Ее укус все еще жег плечо щенка. Но от этого аппетит Мики нисколько не уменьшился. Испуская время от времени глухое рычание, он продолжал терзать тушу, пока совсем не объелся.

Тогда он сел на задние лапы и посмотрел в ту сторону, куда убежала Махигун. Он смотрел на восток, в направлении Гудзонова залива, — на огромную равнину между двумя грядами холмов, густо поросших лесами, которые утреннее солнце одевало золотом и багрянцем. Никогда прежде он не видел мир таким, каким увидел его теперь. Волки настигли карибу у самого обрыва плоского холма, который выдавался из черного совиного леса, как короткий толстый язык, и туша лежала на травянистом уступе, под которым начиналась равнина. С края этого уступа Мики глядел вниз и дальше — в неизмеримую даль, где расстилавшиеся перед ним чудеса постепенно сливались в трепещущую солнечную дымку под голубым небом. Он видел перед собой настоящий рай для зверья, суливший им с Неевой необыкновенно приятную жизнь, — сочные зеленые луга, рощи, похожие на ухоженные парки и у дальней гряды постепенно сливавшиеся в один густой лес. Пышно разросшийся кустарник пестрел всей роскошью ярких июньских красок, там и сям сверкали излучины ручьев, а в полумиле от их холма блестело озеро, похожее на огромное зеркало в лиловато-зеленой оправе из елей и пихт.

Где-то там исчезла волчица Махигун. Мики подумал, что она может вернуться, и понюхал воздух, стараясь уловить ее запах. Но тоска по матери, которую пробудила в нем Махигун, рассеялась бесследно. Он уже начал улавливать всю глубину различия между собакой и волком. Час назад, вдруг поддавшись иллюзии, что его мать еще может отыскаться, он принял за нее волчицу. Но теперь он разобрался в своей ошибке. Ведь еще чуть-чуть — и зубы Махигун прокусили бы его плечо или перервали

сонную артерию. Тебах-Гон-Гавин (Единый великий закон) прочно входил в его сознание — неумолимый закон выживания лучше приспособленных. Жить — значило бороться за эту жизнь, убивать врагов, брать верх над всеми, у кого есть лапы или крылья. И на земле, и в воздухе его подстерегала опасность. С тех пор как он потерял Чэллонера, только Неева отнесся к нему без враждебности и принял его дружбу, — Неева, осиротевший медвежонок. И Мики повернулся к Нееве, который огрызался на пеструю сойку, кружившую над тушей в надежде поживиться кусочком мяса.

Еще четверть часа назад Неева весил фунтов двенадцать, но теперь он потянул бы не меньше пятнадцати. Его животик раздулся, как набитый саквояж, и, удобно расположившись на солнцепеке, медвежонок облизывался, очень довольный собой и всем на свете. Мики подскочил к нему, и Неева испустил дружеское ворчание. Потом он перекатился на толстую спину, приглашая Мики затеять притворную драку. Он впервые выразил желание поиграть, и щенок с радостным таяканьем прыгнул на него. Они царапались, кусались, боролись, сопровождая веселую возню грозным рычанием (Мики) и порос्याчьим похрюкиванием и повизгиванием (Неева). В конце концов они оказались у самого края уступа и как два шара покатались по крутому травянистому откосу длиной в сотню футов. Неева скатился без всяких затруднений — такой он был толстый и круглый.

Голенастому же худому Мики пришлось туго: он летел кувыркаясь, вскидывая лапы в воздух, сворачиваясь в кольцо, и к тому моменту, когда он шлепнулся на каменную россыпь у подножия откоса, он был совсем ошеломлен и долго не мог перевести дух. Мики с трудом поднялся на ноги, судорожно глотая воздух. Несколько мгновений равнина и откос стремительно вертелись вокруг него. Затем он немного пришел в себя и увидел невдалеке Нееву.

Неева был весь захвачен удивительно приятным открытием. Черные медвежата любят съезжать с гор не меньше, чем мальчишки, мчащиеся вниз на санках, или бобыры, использующие вместо салазок собственные хвосты. И вот, пока Мики ждал, чтобы мир окончательно перестал вертеться, Неева вскарабкался шагов на двадцать — тридцать вверх по откосу и... скатился вниз уже нарочно! Мики только пасть от изумления разинул. А Неева снова вскарабкался по откосу и снова скатился. Тут уж

Мики вовсе перестал дышать. Пять раз на его глазах Неева взбирался шагов на тридцать вверх и кувырком катился вниз. После пятого раза Мики кинулся на Нееву и задал ему такую трепку, что они чуть было не подрались всерьез.

Затем Мики начал обследовать подножие откоса, и Неева послушно плелся за ним шагов сто, но потом взбунтовался и наотрез отказался идти дальше. Неева, доживавший четвертый месяц своей полной волнений юной жизни, был твердо убежден, что природа создала его только для того, чтобы он без конца предавался удовольствию набивать себе живот. Он считал, что еда — единственная и всеобъемлющая цель медвежьего существования. В ближайшие несколько месяцев ему предстояло усердно трудиться на этом поприще, дабы не посрамить чести своего племени, и видимое намерение Мики уйти от вкусной жирной туши молодого карибу преисполнило его тревогой и возмущением. Неева сразу забыл про забавы и полез вверх по склону уже не ради игры, а ради дела.

Увидев, куда направился медвежонок, Мики отказался от дальнейших исследований и побежал за товарищем. Они взобрались на уступ шагах в двадцати от туши и из-за кучи больших камней поглядели на свое мясо. То, что они увидели, на мгновение парализовало их: тушу терзали две огромные совы! Мики и Неева приняли этих птиц за чудовищ, которые накануне чуть было не разделались с ними в лесной чаще. На самом же деле эти совы не принадлежали к племени ночных разбойников, как Ухумисью. Это были белые совы, отличающиеся от всех остальных своих сородичей тем, что и в яркий солнечный день они видят не хуже самых зорких ястребов. Миспун, большой самец, был весь бел как снег. Перья его подруги, которая несколько уступала ему в величине, заканчивались коричневато-серой каймой, а головы обоих казались особенно страшными, потому что были совершенно круглыми и не завершались ушами-кисточками. Миспун, наполовину прикрывая тушу Ахтика развернутыми крыльями, рвал мясо мощным клювом с такой свирепой жадностью, что звуки его пиршества доносились даже туда, где прятались Неева и Мики. Нёвиш, подруга Миспуна, почти совсем засунула голову в брюхо Ахтика. Медвежонок и намного старше Неевы, наверное, испугался бы, увидев и услышав их. Неева притаился за камнем, высунув из-за него только самый кончик носа.

В горле Мики поднялось глухое рычание. Но он сдержался и припал к земле. В нем снова забушевала кровь его отца, могучего охотника. Туша принадлежала ему, и он готов был с боем отстаивать свои права. А кроме того, разве он не вышел победителем из схватки с большой совой в лесу? Но ведь здесь их было две! А потому он не сразу вскочил на ноги, и за те несколько секунд, которые он колебался, на сцене неожиданно появилось новое действующее лицо.

Он увидел, что из низкой поросли кустов в дальнем конце уступа выползла Махигун, волчица-отщепенка. Худая как скелет, красноглазая, она серой свирепой тенью скользнула через открытое пространство. Ее пушистый хвост был злобно поджат и почти волочился по траве.

Надо отдать ей справедливость, совы нисколько не пугали Махигун. Она кинулась на Миспуна, рыча и щелкая клыками так яростно, что Мики еще плотнее прижался к земле.

Зубы Махигун легко прорвали четырехдюймовую броню из перьев, защищавшую Миспуна. Он был захвачен врасплох, и его круглая голова была бы откушена напроць прежде, чем он успел бы дать бой, но ему на помощь пришла Невиш. Вся перепачканная кровью Ахтика, она бросилась на Махигун с пронзительным, каким-то чихающим криком, не похожим на крик ни одного живого существа. Она вонзила в спину волчицы клюв и когти, и Махигун, невольно отпустив Миспуна, яростно повернулась к новому врагу. Миспун получил передышку, но Невиш заплатила за нее дорогой ценой: первый же удар длинных клыков волчицы оказался удачным, и одно огромное крыло Невиш было в буквальном смысле слова оторвано от ее тела. Хриплый крик боли, который испустила Невиш, сказал Миспуну, что его подруга погибает. Он взмыл в воздух и с такой силой обрушился на Махигун, что она не удержалась на ногах и упала.

Гигантская сова запустила когти ей в брюхо и принялась терзать ее внутренности яростно и упрямо. И Махигун почувствовала, что эта цепкая хватка несет ей смерть. Она бросилась на спину и принялась кататься по земле, рыча и лязгая зубами в попытке избавиться от кривых кинжалов, которые все глубже впивались в ее живот. Но Миспун не разжимал когтей. Она подминала его под себя, а он хлопал могучими крыльями и только

крепче сжимал когти, не расслабив их даже в миг своей гибели. Рядом на земле умирала его подруга. Из ее ран хлестала кровь, но и совсем обессилев она все еще пыталась помочь Миспуну. А он умер как герой, так и не выпустив волчицы.

Махигун с трудом дотащилась до кустов. Там ей в конце концов удалось сбросить с себя мертвое тело большой совы. Но в ее животе зияли глубокие раны. Из них струилась кровь, и волчица ушла в чащу, оставляя за собой алый след. Через четверть мили она легла на землю под карликовой елью и несколько минут спустя вздохнула в последний раз.

Нееве и Мики, особенно последнему, эта жестокая битва многое рассказала о мире, в котором они жили теперь, постепенно понимая его все яснее и яснее. Они обогатили сокровищницу своего опыта, дополнявшего древние инстинкты и наследственные свойства. Они умели охотиться, чтобы добыть себе еду: Неева ловил своих жуков, лягушек и шмелей, Мики поймал кролика. Им уже пришлось драться, спасая свою жизнь. Смерть не раз подстерегала их. Но разыгравшаяся на их глазах схватка и ее мрачное завершение показали им жизнь с новой, еще неизвестной им стороны.

Прошло много минут, прежде чем Мики подошел к Невиш и обнюхал мертвую сову. Теперь у него не возникло желания трепать и рвать ее перья с детской свирепостью и торжеством. Гибель большой птицы принесла ему новые знания и научила новым хитростям и повадкам. Судьба Миспуна и его подруги показала Мики, как важно всегда быть осторожным и уметь бесшумно двигаться. Ведь он уже понял, что в этом мире есть много существ, которые его не боятся и не побегут от него. Он утратил свое высокомерно-презрительное отношение к крылатым созданиям, он постиг, что земля вовсе не была создана ради него и для него, и чтобы уцелеть, он должен будет драться, как дрались совы и Махигун. Недаром предки Мики были закаленными бойцами и его генеалогическое древо восходило к волкам.

Неева извлек из случившегося совсем иной урок. Его сородичи были миролюбивы и если дрались, то только между собой. Они, как правило, не охотились на других лесных зверей, и ни один лесной зверь не охотился на них. Объяснялось это естественным положением вещей: просто в обширных владениях взрослого черного

медведя не нашлось бы зверя другой породы, способного победить его в открытом бою — это не по силам даже волчьей стае. Поэтому из гибели Махигун и двух сов Неева не почерпнул никаких полезных сведений о том, как следует вести драку. Но зато он еще яснее понял пользу осторожности. Главным же для него было то, что ни Махигун, ни совы больше уже не могли покушаться на тушу. Его ужин остался цел.

Медвежонок продолжал прятаться, пока Мики обследовал поле боя, и его круглые глазки зорко смотрели по сторонам, не появится ли еще какой-нибудь враг. А Мики от тела Невииш перешел к Ахтику, а потом принялся обнюхивать след Махигун, который привел его к кустам. Там он увидел Миспуна. В кусты он углубляться не стал, а вернулся к Нееве, который к этому времени решил, что уже можно, ничего не опасаясь, выйти из-за спасительного камня.

До вечера Мики раз пятьдесят бросался защищать их мясо. Больше всего забот причиняли ему большеглазые, крикливые кукши. Канадские сойки почти не уступали им в назойливости. Дважды к туше подкрадывался маленький серый горноста́й, с глазками, как два крохотных рубина. Мики кидался на него с такой яростью, что третий раз он вернуться не рискнул. К полудню тушу высмотрели или почуяли вороны и принялись кружиться над ней, ожидая, что Мики и Неева куда-нибудь уйдут. Обманувшись в своих надеждах, они расселись на вершинах ближайших деревьев и начали хрипло и возмущенно каркать.

Наступили сумерки, но волки к туше не вернулись. Дичи было много, и стая, хозяйничавшая в здешних местах, охотилась в эту ночь дальше к западу. Раза два до Мики и Неевы издали доносился ее охотничий клич.

И всю звездную светлую ночь щенок и медвежонок сторожили, прислушивались, иногда ненадолго засыпали. Едва забрезжил серый рассвет, они вновь принялись за еду.

Если бы эту историю рассказывал старый Макоки из племени кри, он в этом месте снова не преминул бы указать, что Мики и Неева находились под особым покровительством Иску Вапу. Ибо день сменялся ночью, а ночь сменялась днем, и Мики с Неевой удивительно окрепли и даже словно выросли благодаря тому, что постоянно наедались до отвала. На четвертый день Неева стал таким толстым и гладким, что казался в полтора

раза больше того медвежонка, который свалился с носа челнока в порожистую реку. Мики утратил свою костлявость. Его ребра уже нельзя было, как прежде, пересчитать с расстояния в два шага. Грудь у него стала шире, ноги не производили такого неуклюжего впечатления. Челюсти его окрепли, потому что постоянно грызли кости карибу. И по мере того как увеличивались его силы, уменьшалась его щенячья любовь к играм и росло беспокойное стремление начать самостоятельную охоту. На четвертую ночь он снова услышал отрывистый охотничий клич волков и почувствовал неизъяснимое томительное волнение.

Для Неевы быть толстым, быть веселым и быть довольным означало одно и то же. Пока можно было кормиться у туши, его вовсе не тянуло уходить с уступа. Два-три раза в день он спускался к ручью напиться, и каждое утро и каждый день — особенно ближе к закату — он несколько раз скатывался со склона. Вдобавок ко всему этому он завел привычку спать после полудня в развилке молодого деревца.

Мики не видел в кувыркании вниз с обрыва ни смысла, ни удовольствия, лазать на деревья он тоже не умел, а потому начал все больше времени тратить на обследование подножия гряды. Он предпочел бы, чтобы Неева ходил вместе с ним. Каждый раз, перед тем как отправиться в такую экспедицию, он долго пытался заставить Нееву слезть с дерева или пускал в ход отчаянные усилия, чтобы увести его с собой, когда медвежонок по уже протоптанной тропке отправлялся к ручью или возвращался обратно. Тем не менее одного этого упрямства Неевы было бы недостаточно, чтобы их поссорить. Мики был слишком привязан к медвежонку, чтобы сердиться на него из-за таких пустяков. А если бы дело дошло до решительной проверки и Неева всерьез поверил бы, что Мики сейчас уйдет и не вернется, он, конечно, отправился бы вместе с ним.

Первое настоящее отчуждение между ними возникло не из-за ссоры, а из-за разногласия, коренившегося в самой их природе. Мики принадлежал к племени, которое предпочитает есть мясо свежим, Неева же особенно любил «хорошо выдержанное» мясо. А начиная с четвертого дня остатки туши Ахтика стали уже весьма «выдержанными». На пятый день Мики ел это мясо лишь с большим трудом, преодолевая отвращение, а на шестой просто не мог взять его в рот. Нееве же оно с каждым днем

казалось все вкуснее и душистее. На шестой день, упенный любимым ароматом, он от восторга повалился на остатках туши. И в эту ночь Мики впервые не пожелал спать, прижавшись к нему.

Развязка произошла на седьмой день. Туша теперь благоухала до небес. Легкий июньский ветерок разносил этот запах по окрестностям, и все вороны, проживавшие на несколько миль вокруг, начали собираться поблизости. Мики, не выдержав этого аромата, поджал хвост и удрал к ручью. Когда Неева после обильного завтрака спустился туда напиться, Мики попробовал обнюхать приятеля и сразу же отбежал в сторонку. Собственно говоря, теперь он уже не смог бы с закрытыми глазами отличить Ахтика от Неевы — разница заключалась только в том, что один лежал неподвижно, а другой двигался. Но пахли оба одинаково мертвечиной; оба, бесспорно, были «хорошо выдержаны». Даже вороны теперь кружили и над Неевой, недоумевая, почему он расхаживает по уступу, хотя приличной падали этого делать отнюдь не полагается.

В эту ночь Мики спал в одиночестве под кустом на берегу ручья. Ему хотелось есть, и он чувствовал себя очень одиноким — впервые за много дней он испытывал робость перед огромностью и пустынностью мира. Ему был нужен Неева. Он тихо скулил, тоскуя без него в звездной тиши долгих часов, отделявших вечернюю зарю от утренней. Солнце стояло в небе уже довольно высоко, когда Неева наконец спустился с холма. Он только что позавтракал и повалился на своем любимом кушанье, и пахло от него совершенно нестерпимо. Снова Мики попробовал увести его от холма, но Неева ни за что не желал расставаться с этим благодатным местом. И в это утро он особенно торопился поскорее подняться на уступ. Накануне ему то и дело приходилось отгонять ворон от остатков туши, а сегодня они пытались обкрадывать его с еще невиданной наглостью. Неева поздоровался с Мики, дружелюбно прихрюкнув и взвизгнув, потом поспешно напился и начал карабкаться вверх по склону. Протоптанная им тропинка кончалась у кучи камней, из-за которой они с Мики наблюдали битву между Махигун и совами, — с тех пор из предосторожности он всегда несколько секунд медлил за этими камнями и выходил на открытое место, только убедившись, что все в порядке. На этот раз его ожидал неприятный сюрприз: остатки туши были буквально облеплены во-

ронами. Каркарью и его чернокрылое племя тучей опустились на уступ и теперь как сумасшедшие рвали остатки мяса, били крыльями и дрались. В воздухе над ними кружило еще одно черное облако; все соседние деревца и кусты гнулись под тяжестью рассеявшихся на них птиц, и их оперение блестело на солнце, точно обильно смазанное жирной сажей. Неева от удивления застыл на месте. Он не боялся ворон — ведь он уже столько раз прогонял прочь этих трусливых воришек! Но только он никогда еще не видел их в таком количестве. Он не мог разглядеть остатков туши: и Ахтик и трава вокруг исчезли под колышущимся черным покровом.

Он выскочил из-за камней, оскалив зубы, как выскакивал уже десятки раз до этого. Раздался громовый всплеск крыльев. Взвившиеся птицы затмили солнечный свет, а их голодное карканье было, наверное, слышно в миле от уступа. Но, против обыкновения, Каркарью и его бесчисленные стаи не улетели в лес. Ворон было так много, что они уже ничего не боялись. А аппетитный запах падали, от которой им пришлось оторваться, едва лишь они успели распробовать ее вкус, приводил их в настоящее исступление. Неева совсем растерялся. Над ним, позади него, вокруг него вились вороны: они вызываяще каркали, а наиболее дерзкие камнем падали вниз и старались задеть его крылом побольнее. Их грозная туча становилась все гуще, и внезапно она буквально рухнула на землю. Остатки туши вновь исчезли под живым черным покровом, а вместе с ними и Неева. Медвежонок был погребен под копошащейся крылатой массой и начал отбиваться, как отбивался от совы. Десятки сильных клювов клочьями вырывали его шерсть, долбили голову, норовили попасть в глаза. Ему казалось, что его уши будут вот-вот оторваны, а чувствительный кончик носа уже в первые десять секунд покрылся кровью и начал распухать. Он задыхался, почти ничего не видел и ничего не соображал. Ему чудилось, будто все его тело превратилось в клубок жгучей боли. Он забыл про тушу и думал только о том, как бы выбраться на простор и задать стрекача.

Собрав все силы, он поднялся с земли и ринулся напролом сквозь черную крылатую массу. Почти всех ворон его отступление вполне удовлетворило, и они остались у туши насыщаться, а к тому времени, когда Неева пробежал половину расстояния до кустов, в которых после схватки с совами скрылась Махигун, все его пре-

следователи, кроме одного, присоединились к своим пирующим собратьям. Возможно, этим наиболее упорным его мучителем был сам Каркарью. Он впился клювом в коротенький хвостик медвежонка и висел на нем, точно захлопнувшаяся крысоловка. Только когда Неева уже далеко углубился в кусты, Каркарью наконец отпустил свою жертву, взмыл в воздух и возвратился к стае.

Никогда еще Неева не испытывал такого желания увидеть возле себя Мики. Вновь его представления о мире совершенно изменились. Он был весь исклеван. Его тело горело огнем. Ему было даже больно ступать на подошвы своих толстых лап, и, забившись под куст, он полчаса вылизывал раны и нюхал воздух — не донесется ли откуда-нибудь запах Мики?

Потом спустился с откоса к ручью и побежал к тому месту, где кончалась протоптанная им тропинка. Но его друга там не оказалось. Тщетно Неева звал его ласковым ворчаньем и повизгиванием, тщетно он втягивал ноздри — ветер и бегал взад и вперед по берегу ручья, совершенно забыв про тушу Ахтика, которая послужила причиной их раздора.

Мики нигде не было.

Глава X

Мики находился уже в четверти мили от уступа, когда он услышал оглушительный шум, поднятый воронами. Но вряд ли он вернулся бы назад, даже если бы догадался, что Неева нуждается в его помощи. Щенок второй день ничего не ел и ушел от ручья с твердым намерением затравить какую-нибудь дичь, пусть самую большую и сильную. Однако он пробежал вдоль ручья добрую милю, прежде чем ему удалось отыскать хотя бы рака. Он сгрыз его вместе с панцирем, и противный вкус у него во рту стал менее заметным.

В этот день Мики было суждено пережить еще одно событие, навеки врезавшееся в его память. Теперь, когда он остался один, воспоминания о хозяине, совсем было исчезнувшие за последние четыре-пять дней, вдруг снова ожили. И с каждым часом образы, всплывавшие в его памяти, становились все более четкими и живыми, так что, пока утреннее солнце поднималось к зениту, пропасть, которую дружба с Неевой вырыла между на-

стоящим и прошлым, начинала медленно, но верно сужаться. На некоторое время радостное возбуждение последних дней совсем угасло.

Несколько раз Мики останавливался, думая, не вернуться ли назад к Нееве, но голод заставлял его продолжать путь. Он нашел еще двух раков. Затем ручей стал заметно глубже, вода в нем потемнела, течение почти совсем исчезло. Дважды Мики вспугивал взрослых кроликов, но оба раза они легко от него удрали. Потом он чуть было не поймал крольчонка. То и дело у него из-под носа, треща крыльями, вспархивали куропатки. Он видел соек, сорок и множество белок. Повсюду вокруг летала и бегала пища, которая была для него недостижима. Наконец счастье ему улыбнулось. Сунув морду в дупло поваленного дерева, он обнаружил там кролика. Второго выхода из дупла не было. Впервые за три дня Мики смог поесть как следует.

Щенок накинулся на свой обед с таким увлечением, что не заметил, как на поляне появился Учак — крупный самец-пекан. Он не расслышал шагов пекана и даже почувал его не сразу. Учак не был драчуном и забиякой. Природа создала его смелым охотником и джентльменом, а потому, когда он увидел, что Мики (которого он принял за подростка волчонка) поедает свою добычу, ему и в голову не пришло потребовать доли для себя. Убегать Учак тоже не стал. Без сомнения, он вскоре пошел бы своей дорогой, но тут Мики заметил его присутствие и повернулся к нему.

Учак стоял шагах в трех от него по ту сторону поваленного дерева. Мики, который ничего не знал про пеканов, он вовсе не показался свирепым. Сложением Учак напоминал своих близких родичей — ласку, норку и скунса. Он был вдвое ниже Мики, но одной с ним длины, и две пары коротких лап придавали ему комическое сходство с таксой. Весил он фунтов девять, голова у него была плоской, с заостренной мордочкой, а усы — щетинистыми и густыми. Кроме того, он обладал пышным пушистым хвостом и парой зорких маленьких глаз, которые, казалось, просверливали насквозь все, на что он смотрел. Он наткнулся на Мики совершенно случайно, но щенок заподозрил его в недобрых намерениях и усмотрел в нем возможного врага. Впрочем, Мики не сомневался, что легко разделается с Учаком, если дело дойдет до драки. А потому он оскалил зубы и зарычал.

Учак считал это намеком на то, что ему следует удалиться восвояси. Как джентльмен, он уважал охотничьи права других зверей, а потому принес свои извинения, бесшумно попятившись на бархатных лапах, и Мики, еще не знакомый с этикетом лесных обитателей, не выдержал: Учак боится! Он спасается бегством! С торжествующим тьяканьем Мики бросился в погоню. Особенно винить его за этот промах не следует — множество двуногих животных, наделенных несравненно более развитым мозгом, делало подобную же ошибку. Учак же, хотя он никогда не ввязывается в драку первым, для своего роста и веса является, пожалуй, самым грозным бойцом среди всех животных Северной Америки.

Мики так никогда и не понял, что, собственно, произошло после того, как он кинулся на Учака. Слово «драка» тут просто не подходит — это была молниеносная расправа, полнейшее торжество одного противника над другим. Мики показалось, что он напал не на одного Учака, но по крайней мере на полдюжины. А больше он не успел ничего подумать, да и увидеть тоже. Он потерпел самое горькое поражение за всю свою прошлую и будущую жизнь. Его трясло, царапали, кусали, душили и терзали. Он был настолько ошеломлен, что и после того, как Учак удалился, продолжал болтать лапами в воздухе, не замечая исчезновения своего победителя. Когда же он открыл глаза и убедился, что его оставили в покое, он испуганно забился в дупло, где еще так недавно изловил кролика.

Там он пролежал хорошие полчаса, тщетно стараясь понять, что же все-таки случилось.

Когда Мики выполз из дупла, солнце уже заходило. Щенок прихрамывал, его целое ухо было прокушено насквозь, на спине и боках виднелись проплешины, оставленные когтями Учака. Все кости у него болели, горло саднило, а над одним глазом набухла шишка. Он с тоской поглядел в ту сторону, откуда пришел, — там был Неева. Вместе с вечерним сумраком к нему пришло ощущение неизбывного одиночества и тоска по другу. Но в ту сторону пошел Учак, а встречаться с Учаком еще раз Мики решительно не хотел.

Прежде чем солнце окончательно закатилось за горизонт, Мики прошел еще около четверти мили на юго-восток. В сгущающейся тьме он вышел на волок Большой скалы между реками Бивер и Лун.

Тропы тут, собственно говоря, не было никакой. Лишь изредка охотники или торговцы, возвращаясь с севера, перетаскивали тут свои лодки с одной реки на другую. Волк, бродящий в этих местах, чуял здесь человеческий запах не чаще трех-четырех раз за год. Но в этот вечер запах человека у Большой скалы был настолько свежим, что Мики застыл на месте, словно перед ним возник еще один Учак. Одно всепоглощающее чувство заставило его на мгновение окаменеть. Все остальное было забыто — он наткнулся на след человека, а следовательно, на след Чэллонера, своего хозяина. И Мики пошел по этому следу — сначала медленно, словно опасаясь, что след может ускользнуть от него. Стало совсем темно, но Мики упрямо шел вперед под зажигающимися звездами. Все уступило место страстному собачьему желанию вернуться домой, к хозяину.

Наконец, почти уже на берегу реки Лун, он увидел костер. Костер этот развели Макоки и белый путешественник, к которому старый кри нанялся в проводники. Мики не бросился к ним без оглядки. Он не залаял и даже ни разу не тявкнул. Суровая школа лесной жизни уже многому его научила. Он тихонько пополз вперед и припал к земле неподалеку от границы освещенного костром круга. Тут Мики разглядел, что у костра сидят двое мужчин, но ни тот, ни другой не был Чэллонером. Впрочем, оба курили совсем так же, как курил Чэллонер. До него доносились их голоса, очень похожие на голос Чэллонера. И лагерь был совсем таким же: костер, висящий над ним котелок, палатка и аппетитные запахи готовящегося ужина.

Еще две-три секунды — и он вступил бы в светлый круг. Но тут белый человек встал, потянулся, как обычно потягивался Чэллонер, и поднял с земли толстый сук. Он направился в сторону Мики, который пополз ему навстречу и вскочил с земли, когда их разделяло пять шагов. На щенка упал отблеск костра, и в его глазах отразилось пламя. Человек увидел его, и импровизированная дубинка взвилась в воздух. Если бы она попала Мики в голову, он был бы убит на месте, но ее толстый конец вообще его не коснулся, а тонкий ударил по шее и плечу с такой силой, что его отшвырнуло в темноту. Произошло это так быстро, что человеку показалось, будто его дубинка точно поразила цель. Он крикнул Макоки, что убил не то волчонка, не то лису, и бросился от костра во мрак.

Сук отбросил Мики в густые ветки карликовой ели, и он замер там в полной неподвижности, несмотря на мучительную боль в плече. На фоне костра он увидел темный силуэт человека, который нагнулся и поднял сук. Он увидел, что прямо на него бежит Макоки, тоже сжимая в руке толстую палку, и съежился в комок, стараясь стать как можно незаметнее. Его охватил ужас, потому что он понял истинное положение вещей. Это были люди, но Чэллонера тут не было. А они охотились на него с палками. Мики хорошо понял, зачем им эти палки. Только чудом его кости остались целы.

Он лежал затаив дыхание, пока люди шарили вокруг. Индеец даже сунул свою палку в густые ветки ели, среди которых он прятался. Белый все время повторял, что своими глазами видел, как зверь упал, и один раз остановился так близко от убежища Мики, что нос щенка почти коснулся его сапога. Затем белый вернулся к костру и подбросил в него сухих березовых поленьев, чтобы пламя костра осветило все вокруг. Сердце Мики перестало биться. Но они начали искать в стороне от его елки, а потом вернулись к костру.

Мики пролежал так больше часа. Костер почти угас. Старый индеец завернулся в одеяло и лег возле тлеющих углей, а белый ушел в палатку. И только тогда Мики решился выползти из-под спасительных веток. Прихрамывая на каждом шагу, он затрусил назад по тому же пути, по которому так недавно с надеждой торопился сюда. Запах человека уже не будил в щенке радостного волнения. Теперь этот запах таил в себе угрозу. Он означал опасность. И Мики хотелось уйти от нее как можно дальше. Он предпочел бы еще раз встретиться с совами или даже с Учаком, но только не с человеком, вооруженным палкой. С совами он мог драться, но он чувствовал, что на стороне палки всегда будет подавляющее превосходство.

В ночном безмолвии Мики припелся к дуплистому стволу, возле которого встретился с Учаком. Он снова забрался в дупло и до рассвета зализывал свои раны. На рассвете он вылез наружу и доел остатки вчерашнего кролика.

После этого он пошел на северо-запад — в ту сторону, где остался Неева. Теперь Мики уже не колебался. Неева был ему необходим. Ему хотелось сунуть нос в теплый бок медвежонка, хотелось облизать его, пусть

даже от него разит падалью. Ему хотелось услышать смешное дружеское ворчание и хрюканье Неевы. Ему хотелось снова охотиться вместе с ним, хотелось играть с ним, хотелось прикорнуть бок о бок с ним на солнышке и уснуть. Теперь он почувствовал, что Неева стал неотъемлемой частью его мира.

И Мики побежал на северо-запад.

А Неева гораздо выше по ручью с надеждой и тоской все еще трусил по следу Мики.

Они встретились на залитой солнцем небольшой полянке, примерно на половине пути между поваленным деревом и уступом. Встреча произошла без каких-либо бурных проявлений чувств. Щенок и медвежонок остановились и посмотрели друг на друга, словно проверяя, не произошло ли какой-нибудь ошибки. Неева прихрюкнул. Мики завилял хвостом. Они обнюхали друг друга. Неева взвизгнул, а Мики тихонько твякнул. Казалось, они поздоровались:

«А, Мики!»

«А, Неева!»

Затем Неева растянулся на солнцепеке, Мики улегся возле него. До чего же все-таки странным оказался этот мир! Время от времени все разлеталось вдребезги, но потом обязательно как-то налаживалось. И вот сейчас все опять пришло в полнейшее равновесие. Дружья снова были вместе и чувствовали себя совершенно счастливыми.

Глава XI

Шел месяц Вылета Птенцов — дремотный жаркий август властвовал в северном краю. От Гудзонова залива до озера Атабаска, от Водораздела до Голых Земель безмятежный покой одевал леса, равнины, болота и в солнечные дни, и в звездные ночи. Это был муку-савин — время возмужания детенышей, время роста, время, когда зверье и птицы вновь получали нераздельную власть над своими бывшими владениями. Ибо человек в эти месяцы покидал дебри, раскинувшиеся на тысячу миль с запада на восток и с севера на юг. Тысячи охотников с женами и детьми собирались на факториях Компании Гудзонова залива, кое-где вкрапленных в это безграничное царство когтей и клыков, — собирались, чтобы провести несколько недель тепла и изобилия, веселясь, от-

дыхая и набираясь сил для тягот и лишений новой суровой зимы. Эти недели называли мукусавин — Великий праздник года. Это были недели, когда они расплачивались со старыми долгами и заводили новые на факториях, куда съезжались, словно на большую ярмарку. Это были недели развлечений, ухаживаний, свадеб, недели духовного и физического насыщения перед приходом мрачных и голодных месяцев.

Вот почему для обитателей леса тоже наступал праздник, и они вновь на короткое время становились единственными властителями своего мира, из которого исчезал самый запах человека. В них никто не стрелял, их лапам не грозили капканы и ловушки, на их тропах не лежала соблазнительная отравленная приманка. В болотцах и на озерах кричали, трубили и крякали гуси, лебеди и утки, не опасаясь за птенцов, которые только-только начинали учиться летать; рысь беззаботно играла с котятками и перестала ежеминутно нюхать ветер — не принесет ли он весть о приближении грозного двуногого врага? Лосихи без всякой опаски открыто входили в воду озер со своими телятами, росوماхи и куницы весело резвились на кровлях опустевших хижин. Бобры и выдры упоенно катались с глиняных откосов и ныряли в своих темных заводях, пернатые певцы сыпали звонкие трели, и по всем дебрям Севера слышалась первозданная песня непуганой первобытной природы. Новое поколение зверей и птиц вступало в пору юности. Сотни тысяч детенышей и птенцов доигрывали детские игры, кончали курс обучения, быстро росли и готовились встретить свою первую зиму, чреватую еще не изведенными лишениями и опасностями.

А Иску Вапу, зная, с чем предстоит им встретиться в недалеком будущем, хорошо о них позаботилась. В лесном краю царило изобилие. Пospела черника, голубика, рябина и малина, ветки кустов и деревьев низкогнулись под тяжестью плодов. Трaвa была сочной и нежной, потому что выпадали короткие и обильные летние дожди. Луковицы и клубни буквально выпирали из земли; болотца и берега озер манили вкуснейшими лакомствами. Рог изобилия щедро сыпал на эти края свои съедобные дары.

Неева и Мики вели теперь безмятежное существование, исполненное нескончаемых радостей. В этот августовский день, едва начинавший клониться в вечеру, они лежали на горячем от солнца выступе скалы, под

которым расстилалась прекрасная долина. Неева, объевшись сочной черникой, блаженно спал, но глаза Мики были полуоткрыты — шурясь, он вглядывался в светлую дымку, окутывавшую долину. До него доносилось мелодичное журчание воды между камнями и на крупной гальке отмелей, с музыкой ручья сливались дремотные голоса всей долины, тонущей в неге жаркого летнего дня. Мики ненадолго уснул беспокойным сном; через полчаса он внезапно проснулся, словно его кто-то разбудил. Он обвел долину внимательным взглядом, а потом посмотрел на Нееву — этот толстый лентяй проспал бы до ночи, если бы его оставили в покое. Но Мики в конце концов терял терпение и безжалостно будил медвежонка. Вот и теперь он досадливо залаял, а потом слегка укусил Нееву за ухо.

Он словно говорил:

«А ну-ка вставай, лежебока! Разве можно спать в такой чудесный день? Лучше прогуляемся по течению ручья и поохотимся на кого-нибудь».

Неева неторопливо поднялся, потянулся всем своим толстым туловищем и зевнул, широко разевая пасть. Его маленькие глазки сонно устали на долину. Мики вскочил и беспокойно взвизгнул — так он обычно давал своему товарищу понять, что ему хочется пойти побродить по лесу. И Неева покорно начал спускаться следом за ним по зеленому откосу в долину, раскинувшуюся между двумя грядами холмов.

Им обоим уже почти исполнилось полгода, и из щенка и медвежонка они, собственно говоря, превратились в молодого пса и молодого медведя. Большие лапы Мики утратили прежнюю детскую неуклюжесть, грудь развилась, шея удлинилась и уже не казалась нелепо короткой для его крупной головы и могучих челюстей. Да и вообще он стал заметно шире в плечах и выше — его ровесники, принадлежащие к другим породам, рядом с ним в подавляющем большинстве показались бы маленькими и щуплыми.

Неева больше уже не походил на мохнатый шарик, хотя его возраст можно было угадать намного легче, чем возраст Мики. Однако он уже успел почти совсем утратить свое бывшее младенческое миролюбие. В нем наконец проснулся боевой дух, унаследованный им от его отца Суминитика; если дело доходило до драки, Неева уже не старался уклониться от нее, как прежде, и отступал только, если это оказывалось совершенно неиз-

бежным и необходимым. Более того, ему, в отличие от большинства медведей, очень нравилось драться. Про Мики, истинного сына Хелея, и говорить нечего: он и в ранней юности никогда не упускал случая затеять драку. В результате оба они, несмотря на свою молодость, уже были покрыты рубцами и шрамами, которые сделали бы честь и закаленному лесному ветерану. Клювы ворон и сов, волчьи клыки и когти пекана оставили на их шкурах неизгладимые знаки, а на боку у Мики в довершение всего красовалась проплешина величиной с ладонь — памятка о встрече с росомахой.

В смешной круглой голове Неевы давно уже зрела честолюбивая мысль о необходимости как-нибудь померяться силами с другим молодым черным медведем. Однако до сих пор такая возможность представлялась ему всего дважды, и к тому же оба раза он не смог осуществить своего намерения, так как облюбованных им противников — медвежат-подростков — сопровождали их матери. Вот почему теперь, когда Мики увлекал его в очередную охотничью экскурсию, Неева следовал за ним с удовольствием, объяснявшимся не только надеждой поживиться чем-нибудь съестным, хотя еще недавно его ничего, кроме еды, не интересовало. Впрочем, не следует думать, будто Неева утратил свой былой аппетит. Наоборот, он был способен за день съесть втрое больше, чем Мики. Объяснялось это главным образом тем, что Мики удовлетворялся двумя-тремя трапезами в день, а Неева только обедал, но зато любил продлевать свой обед от зари и до зари. Куда бы они ни шли, он на ходу все время что-нибудь жевал.

В четверти мили от уступа, на котором они спали, находился каменистый овражек, где бил родник. Они давно уже облюбовали этот овражек, потому что он зарос дикой смородиной, самой лучшей во всем бассейне Шаматтавы. Чернильно-черные ягоды, с вишню величиной, буквально лопающиеся от сладкого сока, свисали такими крупными гроздьями, что Нееве хватало одной, чтобы набить себе пасть. Даже в августовских лесах трудно найти что-нибудь восхитительнее спелой черной смородины, и Неева забрал этот овражек в свою собственность. Мики тоже научился есть смородину, а потому теперь они направились к овражку, благо такие чудесные ягоды приятно есть и на сытый желудок. Кроме того, овражек сулил Мики множество развлечений: он кишел кроликами и молодыми куропатками, такими довер-

чивыми, что он ловил их без труда и пристрастился к их нежному и необыкновенно вкусному мясу. Кроме того, в овражке можно было поймать суслика или даже белку.

Однако на этот раз друзья едва-едва успели проглотить по первой порции крупных сочных ягод, как до их ушей донесся треск, происхождение которого не вызвало никаких сомнений. Во всяком случае, и Неева, и Мики сразу поняли, что этот треск означает: шагах в тридцати от них выше по овражке кто-то ломал смородиновые кусты. В их владениях бесстыдно хозяйничал неизвестный разбойник! Мики тотчас оскалил клыки, а Неева со зловещим рычанием сморщил нос. Они тихонько направились туда, где раздавался треск, и вскоре вышли на небольшую, ровную как стол площадку. В центре этой площадки стоял совершенно черный от ягод куст смородины не более ярда в обхвате. А перед этим кустом, притягивая к себе его отягощенные гроздьями ветки, присел на задних лапах молодой черный медведь, заметно крупнее Неевы.

Но Неева был так ошеломлен и возмущен дерзостью пришельца, что не обратил на это последнее обстоятельство никакого внимания. Его ярость походила на ярость человека, который, вернувшись домой после недолгой отлучки, вдруг обнаружил бы, что его жилищем и имуществом завладел какой-то нахал. К тому же ему представился удобный случай удовлетворить свое заветное желание, задав хорошую трепку другому медведю. Мики как будто почувствовал это. Во всяком случае, он не опередил Нееву и не вцепился первым в горло наглого захватчика, как сделал бы при обычных обстоятельствах. Мики, против обыкновения, медлил, и Неева кинулся вперед и ударил ничего не подозревающего противника в бок, словно черное ядро.

Макоки, старый индеец из племени кри, присутствуя он при этой сцене, несомненно, тут же дал бы противнику Неевы кличку Питут-а-вапис-кум, что в буквальном переводе означает «сбитый с ног». Индейцы кри умеют находить чрезвычайно меткие и удачные наименования, а в этот момент описать неизвестного медведя точнее всего можно было именно с помощью выражения «питут-а-вапис-кум». Мы же в дальнейшем будем для краткости называть его просто Питом.

Захваченный врасплох, Пит, рот которого был набит смородиной, опрокинулся от удара Неевы, точно туго

набитый мешок. Первый натиск Неевы увенчался таким полным успехом, что Мики, который наблюдал за происходящим с жадным интересом, не удержался и одобритительно тявкнул. Прежде чем Пит успел опомниться и хотя бы проглотить ягоды, Неева, не тратя времени, схватил его за горло зубами, и пошла потеха.

Надо сказать, что медведи, и особенно молодые медведи, дерутся на свой особый лад. Точнее всего здесь подошло бы сравнение с двумя дюжими рыночными торговками, вцепившимися друг другу в волосы. Никаких правил при этом, конечно, не соблюдается. Когда Пит и Неева крепко обхватили друг друга передними лапами, они сразу же пустили в ход задние, и шерсть полетела клочьями. Пит, уже опрокинутый на спину (прекрасная боевая позиция для медведя!), оказался бы в более выгодном положении, если бы не то обстоятельство, что Неева успел вцепиться в его глотку. Погрузив клыки на всю их длину в горло противника, Неева отчаянно работал острыми когтями задних лап. Когда Мики увидел летящую шерсть, он в восторге придвинулся поближе к дерущимся. Но тут Пит нанес удар одной лапой, затем другой, и Мики от разочарования только щелкнул челюстями. Бойцы покатались по земле мохнатым клубком: Неева изо всех сил старался не разомкнуть зубов, и оба они хранили полное безмолвие, не позволяя себе ни взвизгнуть, ни зарычать. Песок и камешки взлетали в воздух вместе с клочками черного меха. Большие камни с грохотом катились по склону на дно овражка. Казалось, самая земля содрогается от ярости этой битвы. Мики напряженно наблюдал за ее ходом, и теперь в его глазах и позе начало проглядывать некоторое беспокойство, вскоре сменившееся откровенной тревогой. Сначала в этом извивающемся клубке из восьми мохнатых лап, которые били, терзали и рвали в клочья длинную черную шерсть, так что чудилось, будто сцепились две взбесившиеся ветряные мельницы, Мики не мог распознать, кто здесь, собственно, Неева, а кто — Пит, а потому не был в состоянии решить, кому приходится хуже. Однако в недоумении он пребывал не дольше трех минут.

Вдруг он услышал, как Неева взвизгнул — очень тихо, почти беззвучно, и все-таки Мики различил в голосе друга растерянность и боль.

Придавленный тяжелой тушей Пита, Неева к концу этих трех минут понял, что выбрал противника не по

своим возможностям. Дело было только в весе Пита и его размерах — как боец Неева превосходил его и умением, и храбростью. Но и осознав свою ошибку, Неева продолжал драться в надежде, что удача все-таки ему улыбнется. В конце концов Питу удалось занять удобную позицию, и он принялся раздирать Нееве бока так немилосердно, что, наверное, скоро спустил бы с них шкуру в буквальном смысле слова, если бы в драку не вмешался Мики. Надо отдать Нееве справедливость: он переносил боль в стоическом молчании и ни разу больше не завизжал.

Но Мики все равно понял, что его другу приходится плохо, и впился зубами в ухо Пита. Впился с такой свирепостью, что сам Суминитик при подобных обстоятельствах не постыдился бы испуганно взреветь во всю силу своих легких. Так что уж говорить о Пите! Он испустил отчаянный вопль. Забыв обо всем на свете, кроме непонятной силы, которая безжалостно терзала его нежное ухо, он оглушительно визжал от ужаса и боли. Когда раздался этот пронзительный жалобный визг, Неева сразу же понял, что тут не обошлось без Мики.

Он вырвался из-под туши своего противника, и как раз вовремя: в овражек, как разъяренный бык, ворвалась матушка Пита. Она замахнулась на Нееву огромной лапой, но он успел отскочить и пустился наутек, а медведица повернулась к своему вопящему отпрыску. Мики в упоении висел на своей жертве и заметил, какая опасность ему грозит, только когда медведица уже занесла над ним лапу, похожую на бревно. Мики молниеносным движением бросился в сторону, и лапа опустилась на затылок злополучного Пита с такой силой, что он, точно футбольный мяч, кувырком пролетел по склону тридцать шагов.

Мики не остался посмотреть, что будет дальше. Он юркнул в смородиновые кусты и помчался вслед за Неевой к выходу из овражка. На равнину они выскочили одновременно и бежали без оглядки еще добрых десять минут. Когда они наконец остановились перевести дух, от овражка их уже отделяла целая миля. Пыхтя и задыхаясь, они опустились на землю. Неева в изнеможении высунул длинный красный язык. Медвежонок был весь в кровоточащих царапинах, на его боках клочьями висела выдранная шерсть. Он посмотрел на Мики долгим горестным взглядом, как бы печально признавая, что победа, бесспорно, осталась за Питом.

После драки в овражке Мики с Неевой уже не рисковали возвращаться в этот райский сад, где в таком изобилии произрастала восхитительная черная смородина. Впрочем, Мики от кончика носа до кончика хвоста был завзятым искателем приключений и, подобно древним кочевникам, лучше всего чувствовал себя тогда, когда они отправлялись исследовать новые места. Теперь он душой и телом принадлежал дремучим дебрям, и если бы в эту пору своей жизни он вдруг наткнулся на стоянку какого-нибудь охотника, то, скорее всего, подобно Нееве, поспешил бы убраться от нее подальше. Однако в судьбах зверей случай играет не меньшую роль, чем в людских судьбах, и когда наши друзья повернули на запад, туда, где простиралась обширная неведомая область огромных озер и множества рек, события начали понемножку и незаметно подводить Мики, сына Хелея, к тем дням, которым суждено было стать самыми темными и страшными днями его жизни.

Шесть чудесных солнечных недель, завершавших лето и начинавших осень, то есть до середины сентября, Мики и Неева медленно продвигались через леса на запад, неуклонно следуя за заходящим солнцем к хребту Джонсона, к рекам Тачвуд и Клируотер и к озеру Годс. В этих краях они увидели много нового. Здесь на площади примерно в десять тысяч квадратных миль природа создала настоящий лесной заповедник. На своем пути Мики и Неева встречали большие колонии бобров, выбиравших для своих хаток темные и тихие заводи. Они видели, как выдры играют и катаются с глинистых откосов. Они так часто натыкались на лосей и карибу, что совсем перестали их бояться и теперь, не прячась, спокойно шли через поляны или болотца, где паслись рогатые красавцы. Именно здесь Мики окончательно постиг, что животные, ноги которых завершаются копытами, представляют собой законную добычу зверей, наделенных когтями и зубами: эти места кишели волками, и они с Неевой часто натыкались на остатки волчьих пиршеств, а еще чаще слышали охотничий клич стаи, идущей по следу. После своей июньской встречи с Махигун Мики утратил всякое желание свести с волками более близкое знакомство. А Неева теперь уже не требовал, чтобы они надолго задерживались у недоеденных туш, на которых они время от времени натыкались.

В Нееве просыпалось квоска-хао — инстинктивное ощущение надвигающегося «большого изменения».

До начала октября Мики не замечал в своем товарище ничего нового и необычного, но, когда наступил этот месяц, в поведении Неевы появилось какое-то беспокойство. Это беспокойство все более усиливалось, по мере того как ночи становились холоднее, а воздух наполнялся запахами поздней осени. Теперь вожаком в их странствиях стал Неева — казалось, он непрерывно что-то ищет, но что именно, Мики не удавалось ни почуять, ни увидеть. Неева спал теперь мало и урывками. К середине октября он и вовсе перестал спать и почти всю ночь напролет, как и весь день, ел, ел, ел и непрерывно нюхал ветер в надежде обнаружить то таинственное нечто, на поиски которого его настойчиво и неумолимо гнала Природа. Он без конца рыскал среди бурелома и между скал, а Мики следовал за ним по пятам, готовый в любую минуту кинуться в бой с тем неведомым, что с таким усердием разыскивал Неева. Но поиски Неевы все еще оставались напрасными.

Тогда Неева, подчиняясь унаследованному от родителей инстинкту, повернул назад, на восток, туда, где лежала страна Нузак, его матери, и Суминитика, его отца. Мики, конечно, пошел с ним. Ночи становились все более и более холодными. Звезды словно отодвигались в неизмеримые глубины неба, а луна над зубчатой стеной леса уже не бывала красной, точно кровь. Крик гагары стал неизменно тоскливым, словно она горевала и плакала. А обитатели типи и лесных хижин втягивали ноздрами ледяной утренний воздух, смазывали свои капканы рыбьим жиром и бобровой струей, шили себе новые мокасины, чинили лыжи и сани, потому что стенания гагары говорили о неумолимом приближении идущей с севера зимы. Болота окутала тишина. Лосиха уже не подзывала мычанием лосят. Теперь над открытыми равнинами и над старыми гарями разносился грозный рев могучих самцов, бросающих вызов всем соперникам, и под ночными звездами огромные рога с треском стукались о рога, сшибаясь в яростном поединке. Волк уже не завывал, упиваясь собственным голосом. Хищные лапы теперь ступали осторожно, крадучись. В лесном мире вновь наступала пора отчаянной борьбы за жизнь. И вот пришел ноябрь.

Наверное, Мики на всю жизнь запомнился день, когда выпал первый снег. Сначала он решил, что все бе-

лые птицы на свете вздумали одновременно сбросить свои перья. Затем он ощутил под лапами нежную мягкость и холод. Кровь побежала по его жилам огненными струйками, и он почувствовал то дикое, захватывающее упоение, которое испытывает волк при наступлении зимы.

На Нееву снег подействовал совсем по-иному, настолько по-иному, что даже Мики ощутил эту разницу и со смутным беспокойством ожидал, к каким это может привести последствиям. В тот день, когда выпал первый снег, он заметил в поведении своего товарища необъяснимую перемену: Неева принялся есть то, чего прежде никогда в рот не брал. Он слизывал с земли мягкие сосновые иглы и трухлявую кору сгнивших стволов. А затем он забрался в узкую расселину у вершины высокого холма и нашел наконец то, что искал, — глубокую, теплую, темную пещеру.

Пути природы неисповедимы. Она наделяет птиц зрением, о каком человек не может и мечтать, а зверям дарит чувство направления, не доступное людям. Неева, готовясь погрузиться в свой первый Долгий Сон, пришел в пещеру, где родился, в пещеру, из которой вышел ранней весной вместе с Нузак, своей матерью.

Тут еще сохранилась их постель — углубление в мягком песке, устланное слинявшей шерстью Нузак. Но эта шерсть уже утратила запах его матери. Неева лег в готовое углубление и в последний раз испустил негромкое ласковое ворчание, адресованное Мики. Как будто неведомая рука мягко, но неумолимо прижалась к его глазам, и, не в силах противиться ее приказу, он на прощание пожелал Мики «спокойной ночи».

И в эту ночь с севера, словно лавина, налетел пипу кестин — первый зимний буран. Ветер ревел, как тысяча лосей, и в лесном краю вся жизнь затаилась без движения. Даже в своей укромной пещере Мики слышал, как воет и хлещет по скалам ветер, слышал свист дробинok снежной крупы за отверстием, сквозь которое они забрались в пещеру, и теснее прижался к Нееве, довольный тем, что они отыскивали такой надежный приют.

Когда наступил день, Мики направился к щели в скале и застыл в изумленном безмолвии перед зрелищем нового мира, совсем не похожего на тот, который он видел еще накануне. Все было белым — ослепительно, пронзительно белым. Солнце уже встало. Оно пускало в глаза Мики тысячи острых стрел сияющего блеска. Всю-

ду, куда бы он ни посмотрел, земля казалась одетой в алмазный убор. Скалы, деревья, кусты нестерпимо сверкали в солнечных лучах. Вершины деревьев, отягощенные снежными шапками, пылали серебряным пламенем. Оно морем разливалось по долине, и не успевший замерзнуть извилистый черный ручей казался от этого особенно черным. Никогда еще Мики не видел такого великолепного дня. Никогда еще его сердце не билось при виде солнца с такой бешеной радостью, как теперь, и никогда еще его кровь не бежала по жилам так весело.

Он залиvisto твякнул и бросился к Нееве. Его звонкий лай нарушил сумрачную тишину пещеры, и он принялся расталкивать носом спящего товарища. Неева сонно заворчал. Он потянулся, на мгновение поднял голову, а потом снова свернулся в тугой шар. Тщетно Мики доказывал, что уже день и им пора идти дальше — Неева не откликнулся на его призывы. В конце концов Мики возвратился к щели, ведущей наружу. Там он оглянулся, проверяя, не идет ли за ним Неева. С разочарованием убедившись, что тот по-прежнему лежит неподвижно, он в два прыжка очутился на снегу. Однако он еще не меньше часа провел около пещеры, вновь превратившейся в медвежью берлогу. Три раза он забирался туда к Нееве и пытался заставить его встать и выйти на свет. В дальнем углу пещеры, где устроился Неева, было совсем темно, и Мики словно растолковывал своему другу, что он очень глуп, если думает, будто сейчас еще ночь — ведь солнце взошло давным-давно. Но из усилий Мики ничего не вышло. Неева уже погружался в Долгий Сон — зимнюю спячку, которую индейцы называют ускепу-а-мью — страной снов, куда уходят медведи.

Досада на приятеля и сильнейшее желание как следует укусь Нееву за ухо постепенно сменились у Мики совсем другим настроением. Инстинкт, который у зверей заменяет логическое мышление, свойственное человеку, пробуждал в нем гнетущую и непонятную тревогу. Его все больше и больше охватывало томительное беспокойство. Он метался перед входом в пещеру, и в этих метаниях чудилось даже отчаяние. Наконец Мики в последний раз залез туда к Нееве, а потом один спустился в долину.

Он был голоден, но после ночного бурана найти какую-нибудь еду было нелегко. Кролики тихо лежали в теплых гнездах под валежником и в дуплах поваленных деревьев, надежно прикрытых снежными сугробами. На

то время, пока бушевал буран, вся лесная жизнь замерла, и теперь искрящуюся пелену не пересекал ни единый след, который мог бы привести Мики к добыче. Он брел по снегу, иногда проваливаясь в него по самые плечи. Потом он спустился к ручью. Но это уже не был прежний, хорошо ему знакомый ручей — по его берегам застыла ледяная корка, вода стала темной и зловещей. И он уже не журчал весело и беззаботно, как летом и в дни золотой осени. В его глуховатом монотонном побулькивании слышалась неясная угроза — словно ручьем завладели злые лесные духи и, исказив самый его голос, предупреждали Мики, что времена изменились и его родным краем управляют теперь новые силы и еще неизвестные ему законы.

Мики осторожно полакал воды. Она была холодной — холодной, как снег. И он постепенно начал понимать, что этот новый мир, несмотря на всю свою белую красоту, лишен теплого бьющегося сердца, лишен жизни. А он был в этом мире один. Один! Все вокруг было занесено снегом. Все вокруг, казалось, умерло.

Мики вернулся к Нееве и до конца дня лежал в пещере, прижавшись к мохнатому боку своего друга. Ночь он тоже провел в пещере — он только подошел к выходу и посмотрел на усыпанное яркими звездами небо, по которому, как белое солнце, плыла луна. Луна и звезды также стали какими-то другими, незнакомыми. Они казались неподвижными и холодными. А под ними распростерлась белая безмолвная земля.

На рассвете Мики еще раз попробовал разбудить Нееву, но уже без прежней упрямой настойчивости. И у него не возникло желания куснуть Нееву. Он осознал, что произошло нечто непостижимое. Понять, в чем дело, он был не в состоянии, но смутно угадывал всю значительность случившегося. И еще он испытывал непонятный страх, пронизанный дурными предчувствиями.

Мики спустился в долину поохотиться. Ночью при свете луны и звезд кролики устроили на снегу настоящий праздник, так что теперь на опушке леса Мики нашел целые площадки, утрамбованные их лапками, и множество петляющих следов. Поэтому он без труда отыскал себе завтрак и отлично поел. Однако он тут же выследил еще одного кролика, а потом и второго. Он мог бы продолжать эту охоту до бесконечности: благодаря предательскому снегу надежные кроличьи тайники превратились в настоящие ловушки. К Мики вернулась бод-

рость. Он снова радовался жизни. Никогда еще у него не было такой удачной охоты, никогда еще в его распоряжение не попадали такие богатые уголья, по сравнению с которыми совсем жалким казался овражек, где густые кусты смородины были черными от сочных гроздьев. Он наелся до отвала, а потом вернулся к Нееве с одним из убитых кроликов. Он бросил кролика рядом со своим товарищем и затыкал. Но даже и теперь Неева никак не отзывался на его зов. Медвежонок только глубоко вздохнул и слегка изменил позу.

Однако днем Неева впервые за двое суток поднялся, потянулся и обнюхал кроличью тушку. Но есть он не стал. Он несколько раз повернулся в своем углублении, расширяя его, и, к большому огорчению Мики, опять заснул.

На следующий день, примерно в тот же час, Неева снова проснулся. На этот раз он даже подошел к выходу из пещеры и проглотил немного снега. Но кролика есть он все-таки не стал. Вновь Мать-Природа подсказала ему, что не следует разрушать покров из сосновых игл и сухой трухи, которым он выстлал свой желудок и кишечник. Неева снова уснул. И больше уже не просыпался.

Зимние дни сменяли друг друга, а Мики по-прежнему охотился в долине возле берлоги, все больше и больше страдая от одиночества. До конца ноября он каждую ночь возвращался в пещеру и спал возле Неевы. А Неева казался мертвым, только он был теплым, дышал и порой из его горла вырывалось глухое ворчание. Но все это не утоляло тоски, нараставшей в душе Мики, которому отчаянно не доставало общества, не доставало верного товарища. Он любил Нееву. Первые долгие недели зимы он неизменно возвращался к спящему другу. Он приносил ему мясо. Его переполняло непонятное горе, которое не было бы столь острым, если бы Неева просто умер. Наоборот, Мики твердо знал, что Неева жив, но не понимал, почему он все время спит, и мучился именно оттого, что не мог разобраться в происходящем. Смерть Мики понял бы: если бы Неева был мертв, Мики просто ушел бы от него... и не вернулся бы.

Однако в конце концов наступила ночь, когда Мики, гоняясь за кроликом, отошел от пещеры очень далеко и впервые не стал возвращаться туда, а переночевал под кучей валежника. После этого ему стало еще труднее сопротивляться неслышному голосу, который властно

звал его идти дальше. Через несколько дней он опять переночевал вдали от Неевы. А после третьей такой ночи наступила неизбежная минута — такая же неизбежная, как восход солнца и луны, — и наперекор надежде и страху Мики твердо понял, что Неева уже никогда больше не пойдет бродить с ним по лесу, как в те чудесные летние дни, когда они плечом к плечу встречали опасности и радости жизни в мире северных лесов, которые теперь не зеленели под теплыми солнечными лучами, а тонули в белом безмолвии, исполненном смерти.

Неева не знал, что Мики ушел из пещеры, чтобы больше в нее не возвращаться. Но быть может, Иску Вапу, добрая покровительница зверья, шепнула ему во сне, что Мики ушел; во всяком случае, в течение многих дней сон Неевы был беспокойным и тревожным.

«Спи, спи! — быть может, ласково баюкала его Иску Вапу. — Зима будет длинной. Вода в реках стала черной, ледяной. Озера замерзли, а водопады застыли, как огромные белые великаны. Спи, спи! А Мики должен идти своим путем, как вода в реке должна уноситься к морю. Потому что он — пес, а ты — медведь. Спи же, спи!»

Глава XIII

В конце ноября, вскоре после первого бурана, загнавшего Нееву в берлогу, разразилась невиданная пурга, которая надолго запомнилась в северном краю, потому что с нее начался Кускета пиппун — Черный год, год внезапных и страшных морозов, голода и смерти. Пурга эта началась через неделю после того, как Мики окончательно покинул пещеру, где так крепко уснул Неева. А до этой бури над лесами, укутанным белой мантией, день за днем сияло солнце, а по ночам золотым костром горела луна и сверкали яркие звезды. Ветер дул с запада. Кроликов было столько, что в чашах и на болотах снег был плотно утрамбован их лапками. Лоси и карибу бродили по лесам во множестве, и ранний охотничий клич волков сладкой музыкой отдавался в ушах тысяч трапперов, еще не покинувших свои хижины и типи.

А потом грянула нежданная беда. Ничто ее не предвещало. Небо на заре было совсем чистым, и утром ярко светило солнце. Затем леса окутала зловещая тьма —

окутала с такой неимоверной быстротой, что трапперы, обходившие свои капканы, останавливались как вкопанные и с удивлением озирались по сторонам. Тьма стремительно сгущалась, и в воздухе слышались тихие звуки, похожие на стоны. Хотя они были еле слышны, никакой самый зловещий барабанный бой не мог бы нести более грозного предостережения. Они казались отголосками дальнего грома. Но предупреждение пришло слишком поздно. Прежде чем люди успели вернуться в свои жилища или хотя бы соорудить себе временные убежища, на них обрушился Великий Буран. Три дня и три ночи он бесчинствовал, точно бешеный бык, примчавшийся с севера. В открытой тундре ни одно живое существо не могло устоять на ногах. В лесах ветер тысячами валил деревья, громоздя стены непроходимого бурелома. Все живое закопалось в снег... или погибло. Буран намел валы и сугробы из твердой ледяной крупы, похожей на свинцовую дробь, и принес с собой жестокий мороз.

На третий день температура в области, лежащей между Шаматтавой и хребтом Джексона, упала до пятидесяти градусов ниже нуля. И только на четвертый день те, кто остался жив, рискнули выбраться из спасительных укрытий. Лоси и карибу с трудом вставали, сбрасывая с себя тяжелое бремя снега, которому были обязаны тем, что уцелели. Животные помельче прокапывали туннели из глубины сугробов. Погибло не меньше половины всех птиц и кроликов. Но наиболее богатую дань в эти дни смерть собрала среди людей. Правда, многим даже из тех, кто был застигнут бураном вдали от дома, все-таки удалось кое-как добраться до своих хижин и типи. Однако число невернувшихся было еще больше — за три ужасные дня Кускета пиппун между Гудзоновым заливом и Атабаской погибло пятьсот с лишним человек.

Перед началом Великого Бурана Мики бродил по большой гари у хребта Джексона, и при первых признаках надвигающейся пурги инстинкт заставил его поспешно вернуться в густой лес. В самой чаще он ползком забрался в глубину хаотического нагромождения упавших стволов и сломанных вершин и пролежал там, не двигаясь, все три страшных дня. Пока бушевала пурга, его томила тоска: ему хотелось вернуться в пещеру, где спал Неева, и снова прижаться к теплому боку товарища, пусть он и был недвижим, точно мертвый. Необычная

дружба, так крепко связавшая их за время долгих совместных летних странствований, радости и невзгоды долгих месяцев, когда они сражались и пиروвали бок о бок, как братья,— все это с необыкновенной ясностью жило в его памяти, точно произошло только вчера.

Мики лежал под нагромождением бурелома, который все больше заносило снегом, и видел сны.

Ему снился Чэллонер, его хозяин, и то время, когда он еще был веселым, беззаботным щенком; ему снился тот день, когда Чэллонер принес на их стоянку Нееву, осиротевшего медвежонка, и все, что произошло с ними потом; он вновь переживал во сне разлуку с хозяином, удивительные и опасные приключения, выпавшие на их долю в лесах, и, наконец, потерю Неевы, который лег в песок на полу пещеры и не захотел больше вставать. Этого Мики никак не мог понять. И, проснувшись, Мики под завывание бурана продолжал раздумывать о том, почему Неева не пошел с ним на охоту, а свернулся в шар и заснул странным непробудным сном. Все время, пока тянулись эти нескончаемые три дня и три ночи, Мики томился от одиночества больше, чем от голода, но и голод был мучителен: когда на утро четвертого дня он выбрался из своего убежища, от него остались только кожа да кости, а глаза застилала красная пелена. Мики сразу же посмотрел на юго-восток и заскулил.

В этот день ему пришлось пробежать по снежному насту двадцать миль, но он все-таки добрался до холма, у вершины которого была берлога Неевы. В этот день солнце в очистившемся небе сияло ослепительным огнем. Его лучи отражались от искрящегося снега, и из-за этого режущего блеска красная пелена перед глазами Мики еще больше сгущалась. Но когда он наконец добрался до цели, небо уже потемнело и только на западе горело холодным багрянцем. Над лесом сгущались ранние зимние сумерки, однако света было еще достаточно, чтобы разглядеть холмистую гряду с пещерой Неевы,— но пещера исчезла. Буран нагромоздил по склонам холма чудовищные сугробы, и они скрыли все приметные скалы и кусты. Вход в пещеру был погребен под десятифутовым слоем снега.

Замерзший, голодный, совсем исхудавший за эти трое суток, лишившийся последней надежды на возвращение к другу, Мики поплелся обратно. У него больше не было ничего, кроме нагромождения упавших стволов, под которыми он прятался от бурана; и в нем самом те-

перь ничего не осталось от веселого товарища и названного брата медвежонка Неевы. Стертые лапы кровоточили, но Мики упорно шел вперед. Зажглись звезды, и белый мир наполнился призрачным мерцанием. Все было сковано лютым холодом. Деревья начали потрескивать. По всему лесу словно раздавались пистолетные выстрелы — это мороз разрывал сердцевину деревьев. Было тридцать пять градусов ниже нуля, и становилось все холоднее. Мики с трудом заставлял себя идти к своему логовищу под буреломом. Никогда еще его силы и воля не подвергались такому жестокому испытанию. Взрослая собака на его месте прямо упала бы в снег или попробовала бы отыскать какое-нибудь временное убежище, чтобы передохнуть. Но Мики был истинным сыном Хелея, своего великана отца, и остановить его на избранном пути могла только смерть.

Но тут случилось нечто совершенно неожиданное. Мики уже прошел тридцать пять миль, считая двадцать миль до холма и пятнадцать обратно, как вдруг наст под его лапами проломился, и он с головой ушел в рыхлый снег. Когда Мики немного опомнился и снова встал на полуотмороженные лапы, он увидел, что очутился в каком-то очень странном месте — это был шалашик из еловых веток, и в нем сильно пахло мясом! Мики тотчас обнаружил это мясо почти под самым своим носом — надетый на колышек кусок, отрезанный от замерзшей туши карибу. Мики не стал задаваться вопросом, откуда взялось здесь это мясо, и тут же его проглотил. Объяснить ему, где он очутился, мог бы только Жак Лебо, траппер, живший милях в десяти к востоку от этого места. Мики ел приманку, которую Лебо оставил у капкана, соорудив над ним особый шалашик. Индейцы такой шалашик называют «кекек».

Мяса было мало, но Мики сразу ободрился и почувствовал в себе новые силы. К нему полностью вернулось обоняние, и, уловив заманчивый запах, он принялся разрывать снег. Вскоре его лапы нащупали что-то жесткое и холодное. Это была сталь. Мики вытащил из-под снега капкан, предназначавшийся для пекана. Однако попался в этот капкан кролик. Хотя случилось это уже несколько дней назад, но укрытая глубоким снегом тушка не успела промерзнуть насквозь, и Мики съел ее целиком, против обыкновения не оставив даже головы. Затем он побежал к своему бурелому и крепко

проспал в теплом логовище всю оставшуюся часть ночи и утро следующего дня.

В этот день Жак Лебо, которого индейцы прозвали Мукет-та-ао, что значит «Человек с дурным сердцем», обошел свои капканы, поправил раздавленные снегом кекеки, взвел спущенные пружины и положил новую приманку.

К вечеру того же дня Мики, отправившись на охоту, обнаружил след Лебо, когда бежал по замерзшему болоту, в нескольких милях от своего логова. В его душе давно уже угасло желание вновь обрести хозяина. Он подозрительно обнюхал следы индейских лыж Лебо, и шерсть на его загривке поднялась дыбом. Потом он потянул ноздрями воздух и прислушался. Наконец решившись, он осторожно пошел по этому следу и через сто ярдов наткнулся еще на один кекек. Тут тоже был кусок мяса, насаженный на колышек. Мики потянулся к нему. Возле его передней лапы послышался громкий щелчок, и захлопнувшиеся стальные челюсти капкана бросили ему в нос фонтанчик снега и хвои. Мики зарычал и замер. Его глаза были устремлены на капкан. Затем он вытянул шею и умудрился схватить мясо, не сделав больше ни шагу вперед. Вот так Мики узнал, что под снегом прячутся коварные стальные челюсти, а инстинкт подсказал ему, как не попасть в них.

Мики шел по следу Лебо еще примерно треть мили. Его не оставляло ощущение новой и грозной опасности, однако он не свернул с того следа, который манил его с непреодолимой силой. Он продолжал бежать вперед и вскоре добрался до следующей ловушки. Там он ловко стащил мясо с колышка, не захлопнув ту штуку, которая, как он теперь знал, была спрятана возле колышка. Пощелкивая длинными клыками, Мики затрусил дальше. Ему очень хотелось посмотреть на этого нового человека, но он не торопился и съел мясо в третьем, четвертом и пятом кекеке.

Затем, когда начало смеркаться, он повернул на запад и быстро пробежал пять миль, отделявшие его от логова под буреломом. Полчаса спустя, Лебо, завершив обход, отправился обратно вдоль линии капканов. Он увидел первый ограбленный кекек и следы на снегу.

— Черт побери! — воскликнул он. — Волк! И среди бела дня!

Затем на его лице отразилось изумление, он встал на четвереньки и внимательно рассмотрел следы.

— Нет! — пробормотал он. — Это не волк, это собака. Хитрая одичавшая собака, и она грабит мои капканы!

Лебо поднялся на ноги и грубо выругался. Из кармана меховой куртки он вытащил жестяную коробочку и достал из нее шарик жира. Внутри шарика была запрятана капсула со стрихнином. Это была отравленная приманка, предназначавшаяся для волков и лисиц.

Со злорадным смешком Лебо насадил смертоносный шарик на колышек перед капканом.

— Да, да, одичавшая собака! — проворчал он. — Я ее проучу! Завтра же она сдохнет.

И на все пять оголенных колышков он насадил капсулы стрихнина, скрытые в шариках из аппетитного жира.

Глава XIV

На следующее утро Мики вновь обследовал капканы Жака Лебо. Влекла его туда вовсе не возможность насытиться без всякого труда. Наоборот, он предпочел бы добыть себе завтрак охотой. Но запах человека, которым была пропитана тропа Лебо, тянул его к себе как магнит. Там, где этот запах был особенно силен, Мики хотелось лечь на землю и никуда больше не уходить. Однако вместе с этим желанием в его душе нарастал страх, и он только становился все более осторожным. Приманку и в первом кекеке и во втором он оставил нетронутой. Третью приманку Лебо удалось насадить не сразу, а потому она особенно сильно пахла его руками. Лисица сразу кинулась бы прочь от нее, но Мики сорвал ее с колышка и бросил в снег между своими передними лапами. Затем он целую минуту оглядывался по сторонам и прислушивался. Наконец он несколько раз лизнул шарик. Запах Лебо мешал Мики мгновенно проглотить этот кусочек жира, как он глотал мясо карibu. С некоторым недоверием он сжал шарик зубами. Жир показался ему очень приятным, и он уже готов был проглотить приманку, как вдруг почувствовал какой-то едкий вкус и поспешил выплюнуть остатки шарика в снег. Однако жгучее ощущение во рту и глотке не проходило. Оно проникало все глубже, и Мики быстро проглотил комочек снега, чтобы загасить огонь, который начинал разливаться по его внутренностям.

Если бы Мики съел отравленную приманку сразу, как накануне съедал кусочки мяса, сорванные с колышков, он издох бы четверть часа спустя и Лебо не пришлось бы уходить на поиски его трупa особенно далеко. Теперь же на исходе этих первых пятнадцати минут он почувствовал себя очень скверно. Сознавая приближение какой-то новой и непонятной опасности, Мики свернул с охотничьей тропы Лебо и направился к своему логову. Но он успел пройти совсем немного, как вдруг его лапы подкосились и он рухнул в снег. Его тело задергалось в быстрых мелких судорогах. Каждая мышца конвульсивно сокращалась и дрожала. Его зубы дробно лязгали. Зрачки расширились, и он был не в силах сделать ни одного движения. А затем где-то под затылком на его шею словно легла рука душителя, и он захрипел. По его телу огненной волной прокатилось онемение. Мышцы, всего секунду назад мучительно подергивавшиеся, теперь были напряжены и парализованы. Беспощадная сила яда запрокинула его голову к спине так, что его морда вздернулась прямо в небо. Он не взвизгнул и не заскулил. Несколько минут он находился на грани смерти.

Затем паралич прошел — словно лопнули стягивавшие его веревки. Тяжелая рука на затылке исчезла, онемение в теле прошло, сменившись мелкой ознобной дрожью, а еще через секунду Мики забился на снегу в жестоких судорогах. Этот припадок длился около минуты. Когда судороги стихли, Мики еле переводил дух. Из пасти у него тянулись струйки слюны. Но он остался жив. Смерть отступила, не унеся свою жертву; еще через несколько минут Мики кое-как поднялся на ноги и с трудом побрел к своему логовищу.

Теперь Жак Лебо мог бы усеять его путь миллионами капсул с ядом — Мики не коснулся бы ни одной из них, в какую бы соблазнительную приманку они ни были заключены.

И с этих пор никакое мясо на колышке уже не могло его прельстить.

Два дня спустя Лебо пришел к тому капкану, возле которого Мики вел бой со смертью. Увидев, что его расчеты не оправдались, траппер впал в ярость. Он пошел по следу, оставленному собакой, которую ему не удалось отравить. К полудню он добрался до кучи поваленных деревьев и увидел утоптанную тропку, уводившую в щель между двумя стволами. Лебо встал на колени и загля-

нул в темную глубину кучи, но ничего там не разглядел. Однако Мики, чутко дремавший в своем логове, увидел человека, и человек этот показался ему похожим на смуглого бородача, который когда-то запустил в него дубиной. Мики почувствовал мучительное разочарование, потому что где-то в глубинах его памяти по-прежнему жило воспоминание о Чэллонере — о хозяине, которого он потерял. Но каждый раз, когда он чуял запах человека, его ожидало все то же разочарование — это был не Чэллонер.

Лебо услышал, как Мики глухо заворчал, и возбужденно поднялся с колен. Забраться в глубину бурелома к одичавшей собаке он не мог и знал, что ему вряд ли удастся выманить ее наружу. Однако в его распоряжении был еще один способ — он мог выгнать ее оттуда с помощью огня.

В недрах своей крепости Мики услышал хруст снега — человек удалялся. Однако через несколько минут Лебо опять заглянул в его логово.

— Зверюга! Зверюга! — насмешливо позвал траппер, и Мики снова зарычал.

Лебо не сомневался в успехе своего плана. Лес вокруг этого хаотичного нагромождения стволов был довольно редким и без кустарника, поперечник кучи не превышал тридцати — сорока футов, и траппер был твердо уверен, что одичавшей собаке не уйти от его пули.

Он снова обошел поваленные деревья и внимательно их осмотрел. С трех сторон бурелом был погребен под глубокими сугробами, и открытой оставалась только та его часть, где Мики устроил свой лаз.

Расположившись у наветренной стороны кучи, Лебо развел там маленький костер из березовой коры и смолистых сучков. Сухие стволы и хвоя вспыхнули как порох, и через несколько минут огонь уже трещал и ревел так грозно, что Мики охватила тревога, хотя он и не понимал причины этого шума. Дым добрался до него не сразу, и некоторое время Мики продолжал недоумевать. Лебо сбросил рукавицы и, сжимая ружье напряженными пальцами, не спускал глаз с того места, где должна была появиться одичавшая собака.

Внезапно в ноздри Мики ударил душный запах гари, и перед его глазами, как прозрачная завеса, заколебалось голубоватое облачко. Потом из щели между двумя стволами выползла, завиваясь в клубы, густая

струя сизого дыма, а непонятный рев раздавался все ближе и становился все более зловещим. Тут Мики наконец увидел, что за спутанными еловыми ветками мечутся желтые языки пламени, которые быстро пожирают смолистую сухую древесину. Еще через десять секунд над кучей взметнулся столб огня высотой в двадцать футов, и Жак Лебо поднял ружье, готовясь стрелять.

Хотя Мики знал, что огонь несет ему смерть, он не забывал и про Лебо. Инстинкт, в минуты опасности наделявший его поистине лисьей хитростью, подсказал ему, откуда взялся огонь. Этого беспощадного врага наслал на него человек, который стоит перед лазом и ждет. А потому Мики, подобно лисе, сделал именно то, чего Лебо никак не предвидел. Он быстро пополз в глубину завала, продираясь сквозь спутанные макушки, добрался до снежной толщи и принялся прокапывать себе выход с быстротой, которая не посрамила бы настоящую лису. Наружную полудюймовую ледяную корку он разбил зубами и через мгновение выбрался из сугроба по ту сторону пылающих стволов, которые загораживали его от Лебо.

Пламенем была охвачена уже вся куча, и Лебо в недоумении отступил на несколько шагов в сторону, чтобы заглянуть за огромный костер. В ста ярдах он увидел Мики, который со всех ног улепетывал туда, где начиналась густая чаща.

Подстрелить его ничего не стоило, и Лебо побился бы об заклад на что угодно, что с такого расстояния он не промахнется. Траппер не торопился. Он был намерен покончить с ненавистной собакой одним выстрелом. Лебо спокойно прицелился, но в то мгновение, когда он спускал курок, ветер, как плеткой, хлестнул его по глазам струей едкого дыма, и в результате пуля просвистела в трех дюймах над головой собаки. Этот пронзительный визг был для Мики новым звуком, но он узнал грохот охотничьего ружья, а что такое ружье, ему было отлично известно. Траппер, который продолжал стрелять в него сквозь колеблющуюся завесу дыма, видел только смутную серую полосу, стремительно приближающуюся к чаще. Лебо успел выстрелить еще три раза, и Мики, ныряя в непроходимый ельник, вызывая залаял. Последняя пуля Лебо взрыла снег у его задних лап, и он скрылся из виду.

Пережитые минуты смертельной опасности не заставили Мики уйти от хребта Джексона. Наоборот, из-за

охоты, которую устроил за ним человек, он только крепче привязался к этим местам. Теперь ему было о чем думать, кроме утраты Неевы и своего одиночества. Лиса возвращается и с любопытством рассматривает бревно ловушки, которое чуть было ее не придавило. Вот так и Мики испытывал теперь непреодолимое влечение к охотничьей тропе Лебо. До сих пор запах человека пробуждал в нем только какие-то смутные воспоминания, теперь же этот запах превратился в предупреждение о вполне реальной и конкретной опасности. И Мики радовался этой опасности. Она давала пищу его хитрости и сноровке. И капканы Лебо манили его неодолимо и властно.

Убежав от своего горящего логова, Мики описал широкий полукруг и вышел к тому месту, где лыжня Лебо сворачивала к болоту. Там он спрятался и внимательным взглядом проводил удаляющуюся фигуру Лебо, когда тот полчаса спустя прошел мимо его убежища, возвращаясь домой.

С этого дня Мики бродил возле охотничьей тропы Лебо как серый беспощадный призрак. Он двигался бесшумно и осторожно, все время держась начеку и помня обо всех опасностях, которые могли ему угрожать; оставаясь невидимым и неуловимым, точно сказочный волкооборотень, он следовал по пятам за Лебо, когда траппер обходил капканы. И с такой же настойчивостью мысли Лебо постоянно обращались к «этой проклятой собаке», которая превратилась для него в настоящий бич. Два раза в течение следующей недели Лебо удавалось на мгновение увидеть Мики. Три раза он слышал его лай. И дважды пытался выследить пса, но оба раза, измученный и обозленный, был вынужден отправиться восвояси, так и не разделившись со своим врагом. Застать Мики врасплох ему никак не удавалось. Мики больше не трогал приманок в кекеках. Он не прикоснулся даже к целой кроличьей тушке, которой Лебо рассчитывал его соблазнить. Не трогал он и кроликов, которые попали в капкан и уже замерзли. Но все существа, которые он находил в капканах Лебо еще живыми, Мики считал своей законной добычей. Чаще всего это были птицы, белки и кролики. Но, после того как попавшая в капкан норка больно укусила его за нос, он начал душить подряд всех норок, безнадежно портя их шкурки. Он устроил себе логово в другой куче бурелома, и инстинкт подсказал ему, что не следует ходить туда прямым путем, протапывая тропу, которая всем бросается в глаза.

День и ночь Лебо, человек злой и жестокий, строил планы, как покончить с Мики. Он разбрасывал отравленные приманки. Он убил лань и начинил стрихнином ее внутренности. Он ставил всякие хитрые ловушки и клал в них мясо, сваренное в кипящем жиру. Он построил себе тайник из елового и кедрового лапника и просиживал в нем с ружьем долгие часы, выжидая, не покажется ли неуловимый пес. Но Мики по-прежнему оставался победителем в их жестокой войне.

Однажды Мики обнаружил в одном из капканов большого пекана. Он хорошо помнил свою летнюю встречу с таким же пеканом и таску, которую ему задал тот Учак. Но в этот вечер, когда он увидел второго Учака, в его сердце не пробудилась жажда мести. Обычно в сумерки он уже забирался в свое логово, но на этот раз его терзало ощущение такого неизбывного одиночества, что он продолжал бродить по лесу. Он томился по дружескому общению с другим живым существом. Эта тоска пожирала его, точно лихорадка. Он не чувствовал голода, не хотел охотиться. Им владела только эта неутоленная потребность, это желание обрести какого-нибудь товарища.

И вот тут-то он наткнулся на Учака. Возможно, это даже был его летний знакомец. Но если это было так, то, значит, Учак вырос, как вырос сам Мики. Учак не пытался вырваться из стальных челюстей капкана, а сидел неподвижно, без всякого волнения ожидая решения своей судьбы. Его пышный блестящий мех был великолепен. Учак показался Мики очень теплым, мягким, каким-то уютным. Он вспомнил Нееву, сто одну ночь, которые они проспали бок о бок, и почувствовал к Учаку дружескую симпатию. Тихонько повизгивая Мики подошел поближе. Он предлагал Учаку дружбу. Тоска, снедавшая его сердце, была так мучительна, что он рад был бы найти товарища даже в былом своем враге, лишь бы кончилось это невыносимое одиночество.

Учак не издал в ответ ни звука и не пошевелился. Сжавшись в пушистый шар, он внимательно следил за тем, как Мики подползает к нему на животе все ближе.

Внезапно Мики опять превратился в прежнего щенка. Он вилял хвостом, бил им по снегу и тявкал, словно говоря:

«Давай забудем нашу ссору, Учак! Будем друзьями. У меня отличное логово под вывороченными деревьями, и я добуду для тебя кролика».

А Учак по-прежнему не шевелился и хранил полное безмолвие. Наконец Мики подобрался так близко, что мог бы потрогать Учака лапой. Он подполз к нему еще немного и сильнее застучал хвостом.

«И я вызволю тебя из капкана,— возможно объяснял он Учаку.— Этот капкан поставил двуногий зверь, которого я ненавижу».

Вдруг с такой молниеносной быстротой, что Мики не успел опомниться, Учак прыгнул вперед, насколько позволила цепь капкана, и набросился на него. Зубами и острыми как бритва когтями он раздирал нежный собачий нос. Несмотря на это, боевой задор не пробудился в Мики, и он, наверное, просто ушел бы, но тут зубы Учака впились в его плечо. С рычанием Мики попытался вывободиться, но Учак не ослабил хватки. Тогда клыки Мики сомкнулись на шелковистом затылке пекана. Когда он их разжал, Учак был уже мертв.

Мики пошел прочь, не испытывая никакого торжества. Он одолел врага, но победа не принесла ему удовлетворения. Мики, молодой одичавший пес, испытывал то же чувство, которое нередко сводит с ума людей. Он был один в огромном пустом мире — чужой для всех. Он изнывал от желания предложить кому-нибудь свою дружбу и убеждался, что все живые существа либо боятся его, либо ненавидят. Он был отщепенцем, бродягой без рода и племени. Конечно, он не сознавал всего этого, но им тем не менее овладело безысходное уныние.

Мики не стал возвращаться к себе в логово. Он присел на задние лапы посреди небольшой поляны, прислушивался к звукам ночи и смотрел, как в небе зажигаются звезды. Луна вставала рано, и когда над темными вершинами всплыл ее огромный красноватый диск, словно полный таинственной жизни, Мики задрал морду и тоскливо завыл. Когда чуть позже он вышел на большую гарь, там было светло как днем, так что за ним бежала его тень и все предметы вокруг тоже отбрасывали тени. И тут к нему с ночным ветром донесся звук, который он уже много раз слышал прежде.

Сначала он был очень далеким, этот звук, и слышался в ветре как эхо, как отзвук неведомых голосов. Уже сотню раз Мики слышал его — охотничий клич волчьей стаи. С тех пор как волчица Махигун располосовала ему плечо в дни, когда он был еще доверчивым щенком, Мики всегда уходил в сторону, противоположную той, где раздавался голос волчьей стаи. Он испытывал к этому го-

лосу почти ненависть. И все же это был голос его далеких предков, и он пробуждал в его душе странное, неодолимое волнение. И вот теперь оно властно заглушило в нем страх и ненависть. Далекий клич обещал ему общество существ, похожих на него. Там, откуда доносились волчий голоса, его дикие сородичи бежали стаями, они бежали по двое и по трое, они были товарищами. Мики задрожал всем телом и испустил ответный вой, а потом еще долго тихонько поскуливал.

Однако прошел час, а ветер больше не доносил до него волчьих голосов. Стая повернула на запад, и ее вой затих в отдалении. Озаренные ярким светом луны, волки пробежали мимо хижины метиса Пьерро.

У Пьерро остался ночевать путешественник, направлявшийся в форт О'Год. Он увидел, как Пьерро перекрестился и зашептал слова молитвы.

— Это бешеная стая, мосье,—объяснил Пьерро.— Они кесквао уже с новолуния. В них вселились бесы.

Он чуть-чуть приоткрыл дверь хижины, и они ясно слышали дикие завывания. Когда Пьерро захлопнул дверь, его лицо выражало суеверный страх.

— Иногда зимой волки становятся такими... кесквао — бешеными,—сказал он, вздрогнув.— Три дня назад их в стае было двадцать, мосье. Я сам их видел и считал их следы. Но за эти дни те, кто сильнее, успели разорвать и сожрать тех, кто послабее. Слышите, как они беснуются? Объясните, мосье, почему это так? Почему зимой волки заболевают бешенством, когда для этого нет обычных причин — ни жары, ни испорченного мяса? Вы не знаете? Ну, так я скажу вам, в чем тут дело. Это не настоящие волки, а оборотни. В их тела вселились бесы и не оставят их, пока они все не погибнут. Волки, взбесившиеся во время зимних вьюг, мосье, всегда погибают. Вот что самое удивительное — они всегда погибают.

А стая бешеных волков от хижины Пьерро повернула на восток к большому болоту, где на деревьях белели крестообразные зарубки, которыми Жак Лебо отмечал границы своего охотничьего участка. Луна освещала четырнадцать серых теней. Конечно, суеверная выдумка Пьерро может вызвать только улыбку, но тем не менее никто пока еще не может точно объяснить, почему в глухие зимние месяцы той или иной волчьей стаями иногда овладевает настоящее безумие. Возможно, все начинается с того, что в такой стае оказывается «дурной»

волк. Известно, что «дурная» ездовая собака набрасывается на своих товарищей без всякого повода и кусает их, так что все они постепенно заражаются ее болезнью, и недавно еще дружная упряжка превращается в скопище злобных и опасных зверей. Вот почему опытный каюр предпочитает поскорее избавиться от такой собаки — убивает ее или прогоняет в лес.

Волки, которые ворвались в охотничьи угодья Лебо, были красноглазыми и тощими. Бока у всех были располосованы, а у некоторых в пасти клубилась кровавая пена. Они бежали не так, как бегут волки, когда они гонятся за добычей. Они косились друг на друга со злобой и недоверием, трусливо поджимали хвосты и были свирепы и беспричинны, — их беспорядочные бешеные вопли совсем не походили на басовый охотничий клич стаи, идущей по следу. Едва они отделились от хижины Пьерро настолько, что он перестал слышать их вой, как один из них случайно задел соседа тощим серым плечом. Второй волк обернулся и с молниеносной быстротой «дурной» собаки в упряжке вонзил клыки в шею первого. Если бы ночной гость Пьерро мог увидеть их в эту минуту, он и без объяснений понял бы, почему за три дня их стало уже не двадцать, а четырнадцать.

Эти два волка свирепы сцепились, а остальные двенадцать остановились, осторожно подобралась к месту схватки и сомкнулись вокруг дерущихся тесным кольцом, точно зеваки, упивающиеся дракой двух пьяных. Из их полуоткрытых пастей капала слюна, они хранили угрюмое молчание — только щелкали зубы да изредка слышалось глухое жадное повизгивание. И вот произошло то, чего они ждали, — один из дерущихся упал. Противник опрокинул его на спину, и наступил конец. Двенадцать волков сомкнулись над ним и разорвали его в клочья, как и рассказывал Пьерро. После этого оставшиеся в живых тринадцать волков побежали дальше по охотничьему участку Лебо.

После часа нерушимой тишины Мики вновь услышал их голоса. За это время он уходил от леса все дальше и дальше. Большая гарь осталась позади, и теперь он бежал по открытой равнине, пересеченной крутыми грядами каменистых холмов и прорезанной у дальнего конца широкой рекой. Равнина казалась менее угрюмой, чем лес, и ощущение одиночества томило Мики не так сильно, как час назад.

И вот над равниной пронесся волчий вой.

Второй раз за эту ночь Мики не бросился убежать, а застыл в ожидании на вершине скалы, венчавшей небольшой холм. Она была такой узкой, что рядом с ним лишь с трудом могла бы уместиться другая собака. Внизу во все стороны простиралась снежная равнина, призрачно-белая в свете луны и звезд. Мики почувствовал неодолимое желание ответить своим диким родичам. Он задрал морду так, что его черный нос указывал прямо на Полярную звезду, и из его горла вырвался протяжный вой. Однако вой этот был очень тихим, потому что, несмотря даже на гнетущее ощущение одиночества, Мики помнил про осторожность и не хотел выдавать своего присутствия. Больше он не издал ни звука, а когда волки приблизились, все его тело напряглось, мышцы вздулись буграми, а в горле заклокотало еле слышное рычание, совсем не похожее на призывный клич. Он почувствовал, что приближается опасность. В волчьих голосах он уловил то злобное безумие, которое заставило Пьерро перекреститься и пробормотать молитву против волков-оборотней. Мики же молиться не стал, а только распластался на камне.

И тут он увидел волков. Они смутными тенями быстро приближались к нему, отрезая его от леса. Внезапно они остановились, и голоса их стихли: сгрудившись, волки обнюхивали его свежий след. Потом они ринулись в сторону холма, на котором он притаился, и вой, вырвавшийся из их глоток, стал еще более безумным и свирепым. Через несколько секунд они достигли холма и проскочили мимо скалы — все, кроме одного. Но этот огромный серый волк кинулся вверх по склону прямо к добыче, которую остальные еще не успели заметить. При его приближении Мики глухо зарычал. Снова ему предстояла упоительная смертельная схватка. И вновь кровь огнем растеклась по его жилам, а страх развеялся, точно дым костра на ветру. Если бы только за его спиной стоял Неева, чтобы было кому разделаться с врагами, которые попробуют подобраться к нему сзади!

Мики вскочил и прыгнул навстречу волку. Их зубы, встретившись, лязгнули, и волк на горьком опыте убедился, что челюсти этого врага оказались сильнее его челюстей; еще миг — и он в предсмертных судорогах покатился вниз по склону с перекушенным горлом. Однако его тут же сменило другое серое чудовище. Этого волка Мики схватил за горло, едва его голова возникла над гребнем холма. Острые клыки расплосовали мох-

натую шкуру, как сабельный удар, и кровь из разорванной артерии фонтаном ударила вверх. Второй волк покатился вниз вслед за первым, но тут на Мики обрушилась вся стая, и он оказался погребенным под копошащейся массой их тел.

Если бы их было двое или трое, они расправились бы с Мики так же быстро, как он с первыми двумя волками. Но в первый момент его спасла многочисленность беснующихся врагов. На ровном месте его разорвали бы в клочья, как старую тряпку, но вершина скалы была не больше обеденного стола, и на несколько секунд волки, подмявшие его под себя, не могли понять, куда он девался, и кусали своих соседей. Обезумевшая стая пришла в иступленную ярость, и, забыв о Мики, волки начали драться между собой. А Мики, опрокинутый на спину, придавленный к камню, кусал навалившиеся на него тела.

Потом в его ляжку впились острые клыки, и он почувствовал невыносимую боль. Клыки продолжали беспощадно смыкаться, но тут, как раз вовремя, на вцепившегося в него волка напал другой волк, и тот разжал челюсти. Затем Мики почувствовал, что катится с обрыва вниз, а за ним сорвалась половина оставшихся в живых волков.

Боевой задор в душе Мики тотчас угас, и в нем заговорила та лисья хитрость, которая уже не раз выручала его в минуту опасности, когда зубы и когти оказывались бессильными. Он вскочил на ноги, едва достигнув земли, и сразу же помчался через равнину к реке. Когда стая заметила его бегство, их от него отделяло уже около семидесяти шагов. В погоню за ним бросилось только восемь волков. Перед нападением их было тринадцать, но теперь пятеро валялись у подножия холма мертвые или умирающие. Двух убил Мики, а с остальными тремя расправились их собственные товарищи.

В полумиле впереди находились скалистые береговые обрывы, и Мики как-то провел там ночь в узком туннеле под грудой огромных камней. Он прекрасно помнил этот тесный проход, обещавший спасение. Только бы добраться до этих камней и нырнуть в туннель! А там он встанет у входного отверстия и по одному прикончит всех своих врагов, потому что нападать там на него они смогут только по очереди и в одиночку. Но он придумал этот план, не взяв в расчет настигавшего его могучего волка, самого свирепого и быстрого из всей бе-

зумной стаи,— этого волка можно было бы вполне заслуженно назвать Вихрем. Он серой молнией обогнал своих менее быстроногих товарищей, и Мики услышал за самой своей спиной его хриплое дыхание, когда до берега было еще далеко. Даже Хелей, отец Мики, не мог бы бежать стремительней своего молодого сына, но Вихрь все-таки нагонял его. Вскоре морда гигантского волка почти поравнялась с бедром Мики. Тот напряг все силы и немного вырвался вперед. Но затем со зловещим и безжалостным упорством Вихрь отыграл это преимущество и начал постепенно обгонять Мики, намереваясь вцепиться ему в горло.

Груда камней находилась шагах в ста пятидесяти от них и немного правее. Но, повернув вправо, Мики угодил бы прямехонько в пасть Вихря, а если бы ему и удалось увернуться, враг все равно настиг бы его прежде, чем он успел бы нырнуть в туннель и встать в боевую позицию у входа,— это Мики понимал прекрасно. Остановиться и принять бой значило бы тут же погибнуть, потому что сзади приближались остальные волки.

Еще десять секунд — и они достигли берегового обрыва. На самом его краю Мики повернулся и прыгнул на Вихря. Он чувал свою смерть, и вся его ненависть обратилась на волка, который его нагнал. Они покатались по земле. В трех шагах от обрыва челюсти Мики впились в горло Вихря, и тут на них накинута стая. Сила инерции увлекла их вперед. Они ощутили под собой пустоту и рухнули вниз. Мики упрямо продолжал сжимать зубами горло врага. Они несколько раз перевернулись в воздухе, а потом его тело сотряс страшный удар. Мики повезло — он упал на Вихря. И все же, хотя тело огромного волка смягчило его падение словно подушка, Мики был оглушен и не сразу пришел в себя. Только минуту спустя он, пошатываясь, поднялся на ноги. Вихрь лежал неподвижно. Он разбился насмерть. Немного поодаль валялись еще два мертвых волка, которые не сумели вовремя остановиться.

Мики посмотрел вверх. На фоне звезд высоко над своей головой он разглядел край обрыва. По очереди обнюхав трех мертвых волков, Мики захромал вдоль подножия скал, но вскоре заметил широкую щель между двумя большими камнями. Он забрался туда, лег на снег и принялся зализывать раны. Оказалось, что на свете есть вещи похуже капканов Лебо. Как знать, не отыщется ли что-нибудь и похуже людей!

Немного погодя Мики положил большую голову на передние лапы. Постепенно звезды словно потускнели, а снег посерел — он заснул.

Глава XV

В излучине речки Трех Сосен, затерянной в лесах между Гудзоновым заливом и бассейном Шаматтавы, стояла хижина траппера Жака Лебо. Во всех этих краях не нашлось бы человека хуже Лебо, если только не считать его давнего соперника Анри Дюрана, который охотился на лисиц милях в ста севернее. Лебо, великан с тупым, угрюмым лицом и крохотными зелеными глазками, говорившими только о жестокости и бездушии, был отпетым негодяем. Индейцы в своих хижинах и типи понижали голос, упоминая его имя, и добавляли, что он — суший дьявол.

По злой прихоти судьбы Лебо сумел обзавестись женой. Если бы она была сварливой бой-бабой, такой же свирепой и злобной, как он сам, возможно, их брак по-своему оказался бы удачным. Но жена Лебо меньше всего походила на бой-бабу. Ее кроткое лицо все еще хранило следы редкостной красоты, несмотря на то, что щеки ее стали бледными и худыми, а в глазах застыл вечный страх. Муж сломил ее, превратил в покорную, безвольную рабыню, которая трепетала перед ним. Лебо считал, что жена такая же его собственность, как и его собаки. У них было двое детей, но один ребенок умер, и когда несчастная женщина думала, что и второй может умереть, в ее темных глазах вспыхивал былой огонь.

— Нет, нет! Ты не умрешь! Клянусь, ты не умрешь! — иногда вскрикивала она, крепче прижимая к себе малютку. Именно в эти минуты по ее щекам разливался румянец, глаза загорались, и можно было догадаться, что прежде она была не только красива, но и горда. — Придет день... — говорила она. — Придет день... — но никогда не доканчивала фразы, не решаясь поделиться своими надеждами даже с младенцем.

Иногда она позволяла себе помечтать — ведь она была еще совсем молода. Именно об этом она думала, пока, наклонясь к маленькому треснувшему осколку зеркала, расчесывала черные блестящие волосы, которые, когда она их распускала, падали ниже колен. Пусть ее

красота поблекла, но волосы оставались прежними. Впрочем, в ее глазах и лице еще жили отблески прошлого, и несомненно, Нанётта могла бы еще расцвести, если бы судьба избавила ее от невыносимой жизни, на которую ее обрекал Лебо.

Она еще несколько минут продолжала наклоняться к зеркальцу, но тут снаружи снег заскрипел под тяжелыми шагами.

И сразу же лицо Нанетты совсем погасло. Лебо накануне отправился обходить капканы, и ей дышалось свободнее, но теперь он возвращался, и она оледенела от страха. Уже два раза он заставлял ее врасплох перед зеркалом и набрасывался на нее со свирепой руганью: нашла время плясать на себя, лучше бы занялась выделкой шкур! А второй раз он, кроме того, ударил ее так, что она отлетела к стене, и вдребезги разбил зеркало,—ей удалось подобрать только небольшой надтреснутый осколок, который она могла целиком закрыть своей маленькой ладонью. Теперь она берегла этот осколок как драгоценное сокровище и твердо решила сохранить его, укрыв от глаз мужа. Услышав шаги Лебо, она поспешно спрятала зеркальце в тайнике и торопливо заплела пышные волосы в толстую косу. Ее глаза заволокла обычная пелена испуга и страшных предчувствий. Тем не менее, когда Лебо вошел, она взглянула на него почти с надеждой. Но он вернулся домой в самом черном настроении. Швырнув на пол принесенные шкурки, он поглядел на жену и угрожающе прищурился.

— Этот пес опять побывал там,—проворчал он, кивая на шкурки.—Погляди, как он испортил пекана! Да к тому же обобрал все приманки и повалил кекеки. Черт побери, я с ним посчитаюсь! Искромсаю на мелкие кусочки, как только изловлю, а изловлю я его завтра. А сейчас давай ужин, а потом берись за дело. Зашей шкурку пекана, где этот пес ее порвал, а шов хорошенько затри жиром, чтобы Макдоннел не заметил, что она подпорчена, когда я отвезу меха на фабрику. Разрази меня бог, опять эта девчонка разоралась! Почему она у тебя всегда вопит, когда я прихожу домой? Ну-ка, отвечай!

Вот так Лебо поздоровался с женой. Он швырнул лыжи в угол, потоптался, отряхивая снег с сапог, а потом отрезал кусок жевательного табака от темной плит-

ки, лежавшей на полке над плитой. Потом он вышел во двор, а Нанетта уныло и безнадежно начала собирать ему ужин.

Лебо направился к обнесенному частоколом навесу, где он держал своих собак. Лебо любил хвалиться, что ни у кого от Гудзонова залива до самой Атабаски не найдется таких свирепых упряжных псов. Анри Дюран, живший на сто миль северней, оспаривал у него эту славу, откуда и пошло их соперничество. Лебо давно мечтал выдрессировать такого боевого пса, который на новогоднем празднике в фактории Форт О'Год в клочья растерзал бы собаку Дюрана. К этому Новому году он готовил могучего пса, которому дал кличку Нёте — убийца. Он намеревался поставить на Нете все свои наличные деньги, чтобы раз и навсегда посрамить хвастуна Дюрана. И теперь он подозвал к себе именно Нете.

Пес подошел к хозяину глухо рыча, и впервые на лице Лебо отразилось что-то вроде радости. Это рычание доставляло ему большое удовольствие. Ему нравилось смотреть, как в глазах Нете загорается красный коварный огонь, нравилось слышать, как угрожающе щелкают зубы пса. Он, не жалея дубинки, выбил из Нете все чувства, кроме злобы и свирепости, и превратил собаку в четвероногое подобие самого себя. Он сделал из Нете настоящего дьявола. Вот почему Лебо твердо рассчитывал, что его пес без труда разделается с прославленным бойцом Дюрана.

Лебо посмотрел на Нете и самодовольно крикнул. — Ты хорошо выглядишь, Нете! — злорадствовал он. — Я так и вижу, как из шеи дюрановского ублюдка брызнет кровь, когда ты вонзишь в нее эти клыки! А завтра я устрою тебе проверку — самую лучшую! Я спущу тебя на одичавшую собаку, которая грабит мои кекеки и рвет в клочья моих пеканов. Я изловлю ее, и ты будешь с ней драться и справишься с ней, а уж тогда тебе нипочем будет дворняга мосье Дюрана. Понял, Нете? Завтра у тебя будет проверка.

Глава XVI

Пока траппер разговаривал со своей собакой, в десяти милях к западу Мики крепко спал в логове под большой кучей бурелома, от которой до охотничьей тропы Лебо было не более полумили.

На рассвете Лебо вышел из хижины и, взяв с собой Нете, отправился к своим капканам, и примерно в тот же час Мики выбрался из-под поваленных стволов, полный непонятного беспокойства. Всю ночь ему снились первые недели, которые он провел в лесах после того, как потерял хозяина,— те дни, когда он был неразлучен с Неевой. Эти сны нагнали на него тоску, и, глядя как ночной сумрак медленно тает под лучами зари, Мики тихонько поскуливал, точно ему хотелось пожаловаться на свое одиночество.

Если бы Лебо мог увидеть «этого проклятого пса» в ту минуту, когда его озарил свет негреющего солнца, он, пожалуй, утратил бы веру в победу Нете. Ведь Мики, хотя ему от роду было только одиннадцать месяцев, успел вырасти в настоящего гиганта. Он весил шестьдесят фунтов, но из этих шестидесяти фунтов на бесполезный жир не приходилось ничего. Его тело было поджарым и мускулистым, как у волка. Когда он бежал, на его массивной груди буграми вздувались тугие мышцы. Неутомимые ноги он унаследовал от своего отца Хелея, могучего гончего пса, а его челюсти дробили кости карибу с такой же легкостью, с какой Лебо мог бы раздробить их при помощи камня. Он прожил на свете всего одиннадцать месяцев, но восемь из них он прожил в лесах. И эта дикая жизнь закалила его, она подвергла его всевозможным жестоким испытаниям без скидки на возраст, научила борьбе за существование, научила охотиться и защищаться, научила сначала думать, а потом уж пускать в ход клыки. Силой он не уступал Нете, который был вдвое старше его, но его сила сочеталась с удивительной хитростью и стремительностью, тогда как Нете был лишен этих качеств — их в нем ничто не воспитало. Суровая школа дикой природы хорошо подготовила Мики к этому дню, которому суждено было стать роковым для него и для Нете.

Когда солнце зажгло лес холодным белым пламенем, Мики затрусил к охотничьей тропе Лебо. Он вышел на то место, где Лебо проходил накануне, и подозрительно втянул в ноздри человеческий запах, который еще держался в следах лыж. Мики уже успел привыкнуть к этому запаху, но по-прежнему испытывал к нему недоверие. И все-таки, хотя запах Лебо был ему отвратителен, его неодолимо влекло к капканам траппера. Этот запах внушал ему необъяснимый страх, и тем не менее он не находил в себе сил уйти от него. Трижды за

последние десять дней он видел самого человека: однажды ничего не подозревавший Лебо прошел всего в десяти шагах от того места, где притаился Мики.

Вот и теперь Мики побежал прямо к болоту, где Лебо ставил свои капканы. Там водилось очень много кроликов, и именно они чаще всего забирались в кекеки Лебо — в маленькие шалаши из лапника, которые траппер строил, чтобы приманку не заносило снегом. Кроликов было множество, и они выводили Лебо из себя: при каждом обходе он обнаруживал кролика в двух из каждых трех капканов, которые ставил для поимки ценных пушных зверей. Однако в местах, где изобилуют кролики, водятся также пеканы и рыси — вот почему Лебо, хотя он и проклинал расплодившихся кроликов на чем свет стоит, все-таки продолжал ставить ловушки именно в этом болоте. А теперь, помимо этой длинной чумы, его начала допекать одичавшая собака.

Лебо, предвкушая расправу с ненавистным псом, торопливо шагал по снегу, сверкающему блесками утреннего солнца, а за ним на поводке из сыромятного ремня бежал Нете. Когда Лебо и Нете подошли к болоту, Мики в трех милях к западу от них обнюхивал первый кекек.

Накануне утром он убил пекана именно тут, но теперь кекек был пуст — исчез даже колышек для приманки, и не было заметно никаких признаков спрятанного капкана. Пробежав четверть мили, Мики осмотрел второй кекек и обнаружил, что он тоже пуст. Это сбilo его с толку, и он направился к третьему кекеку, но, прежде чем приблизиться к шалашику, несколько минут недоверчиво нюхал воздух. Следов человека тут оказалось особенно много. Снег был плотно утоптан, а запах Лебо так сильно ударил ему в ноздри, что на мгновение Мики представилось, будто траппер прячется где-то совсем рядом. Потом Мики сделал несколько осторожных шагов вперед, заглянул в отверстие шалашика и увидел припавшего к земле большого кролика, который смотрел на него круглыми испуганными глазами. Мики заподозрил какую-то опасность и остановился. Ему очень не понравилась поза Вапуза, старого кролика. Другие кролики, которых он находил в кекеках Лебо, либо бились в капкане, либо лежали вытянувшись, почти замерзнув насмерть, либо болтались в волосяной петле. Но этот Вапуз сидел, сжавшись в теплый пушистый комок. Дело в том, что этого кролика Лебо из-

ловил руками в дупле упавшего дерева и привязал ремешком к колышку, а потом расставил чуть поодаль от него целое гнездо капканов и засыпал их снегом.

Мики подходил к губительной ловушке все ближе и ближе, несмотря на то, что ощущения надвигающейся опасности становились все сильнее. Вапуз, словно замороженный его медленным, неотвратимым приближением, сидел неподвижно, как каменный. И тут Мики прыгнул. Его челюсти сомкнулись на спине кролика, и в тот же миг раздался лязг стали, и его заднюю лапу сдавил капкан. С рычанием Мики уронил кролика и повернулся. Щелк! Щелк! Щелк! Два капкана захлопнулись впустую, но третий защемил его переднюю лапу. С той же стремительностью, с какой он только что схватил кролика, с той же яростью, с какой накануне он убил пекана, Мики стиснул зубами этого нового беспощадного врага. Его клыки скрипнули на холодной стали. Он в буквальном смысле слова содрал капкан с лапы, так что снег вокруг заалел от брызнувшей крови. Мики иступленно извернулся, чтобы освободить и заднюю лапу. Однако капкан держал ее крепко. Мики грыз его, пока из пасти у него не полилась кровь. Он все еще продолжал эту неравную борьбу с холодной сталью, когда из ельника, в двадцати шагах от шалашика, вышли Лебо и Нете.

Траппер остановился. Он тяжело дышал, а его глаза горели злорадством — он еще в двухстах шагах от кекека услышал лязганье цепи, удерживавшей капкан.

— Ага, попался! — прохрипел Лебо, дергая поводок Нете. — Он попался, Нете! Проклятый разбойник, с которым ты должен разделаться. Сейчас я спущу тебя с поводка, и тогда... Куси, куси его!

Мики перестал грызть капкан и замер, не спуская с них глаз. Когда опасность стала явной, его страх перед этим человеком исчез бесследно. Теперь им владели только ярость и жажда боя. Инстинктивно он разобрался в истинном положении вещей: его врагами были человек и пес, а не эта холодная штука, схватившая его за ногу. Он все вспомнил так, словно это случилось вчера: ему уже доводилось видеть человека с дубинкой в руке. А Лебо тоже сжимал в руке увесистую дубинку. Но Мики не испугался. Его пристальный взгляд был устремлен на собаку. Спущенный с поводка Нете застыл в десятке шагов от кекека — щетинистая шерсть у него на загривке встала дыбом, все тело было напряжено.

Мики услышал голос человека:

— Хватай его, Нете! Куси его!

Мики ждал не шевелясь. Суровые уроки, преподанные ему лесной жизнью, научили его выжидать, наблюдать и пускать в ход хитрость. Он распластался на брюхе, положив нос между передними лапами. Его губы чуть-чуть приподнялись, слегка приоткрыв клыки. Но он не рычал, и только в неподвижных глазах горели два огонька. Лебо был поражен. Его вдруг охватило новое возбуждение, и он даже забыл о своем намерении отомстить этому псу за испорченные шкурки. Ему никогда не приходилось видеть, чтобы попавшие в капкан рысь, лиса или волк вели себя таким образом. И он еще не встречал собаки с такими глазами, как эти глаза, неподвижно смотревшие на Нете. Лебо даже дышать перестал.

Шаг за шагом, дюйм за дюймом подбирался Нете к своей жертве. Расстояние между ними все сокращалось: десять шагов, восемь, шесть. Мики не шелохнулся, даже ни разу не моргнул. С тигриным рыком Нете кинулся на него.

И тут произошло чудо — так, по крайней мере, показалось Жаку Лебо. С быстротой, настолько молниеносной, что траппер почти не уловил этого движения, Мики проскочил под брюхом Нете на всю длину цепи, удерживавшей капкан, повернулся и вцепился Нете в горло. Все это не заняло и пяти секунд. Собаки упали в снег, а Лебо крепче сжал дубинку в руке и смотрел на них как замороженный. Он услышал хруст сжимающихся челюстей и понял, что это сжимаются челюсти дикого пса; он услышал рычание, которое медленно превратилось в болезненный хрип, и понял, что это хрипит Нете. Лицо траппера побагровело. Глаза его налились кровью. Его переполняло неистовое возбуждение. Он уже смаковал верную победу над давним соперником.

— Вот дьявол! Он совсем загрыз Нете! — пробормотал Лебо, задыхаясь. — Нет, такой собаки я еще не видел. Я его не убью, а возьму живьем, и он раздерет в клочья хваленую собаку Анри Дюрана. В Форте О'Год он покажет этому ублюдку... Черт подери...

Нете почти уже перестал хрипеть, и, подняв дубинку, Лебо подбежал к собакам. Продолжая сжимать зубы на горле Нете, Мики краешком глаза заметил приближение новой опасности. Он отпустил врага и рванулся в сторону, пытаясь увернуться от спускающейся

дубинки. Это удалось ему лишь отчасти — дубинка задела его по плечу, и он был сбит с ног. Однако Мики тотчас вскочил и прыгнул на Лебо. Траппер умел орудовать дубинкой. Всю свою жизнь он совершенствовался в этом умении и теперь, внезапно повернув руку, ударил Мики по голове сбоку с такой силой, что у него из пасти и ноздрей брызнула кровь. Он был оглушен и полуослеп. Новый прыжок — и новый удар дубинкой. Мики услышал смех Лебо, полный свирепой радости. Дубинка в третий, в четвертый, в пятый раз валила его на землю, и Лебо перестал смеяться, а в его глазах появилось что-то вроде страха. В шестой раз траппер промахнулся, и клыки Мики сомкнулись на его груди. Они разодрали толстую куртку и рубаху, точно папиросную бумагу, и располосовали кожу Лебо. На десять дюймов выше — и они впились бы в горло траппера, но глаза Мики были залиты кровью, и он плохо рассчитал прыжок. Перепуганный насмерть Лебо отчаянно завопил.

— Нете! Нете! — кричал траппер, бестолково размахивая дубинкой.

Нете не отозвался. Возможно, в эту минуту он понял, что чуть было не погиб из-за жестокости своего хозяина. А вокруг был дикий лес, распахивавший перед ним врата свободы. Когда Лебо снова позвал Нете, тот, оставляя кровавые следы, улепетывал в чащу. Больше траппер его не видел. Возможно, Нете пристал к какой-нибудь волчьей стае — ведь он сам был на четверть волком.

Лебо некогда было глядеть ему вслед. Он снова взмахнул дубинкой и снова промахнулся. На этот раз его спасла чистая случайность. Цепь завязалась узлом, и Мики был отброшен на снег в тот самый миг, когда траппер уже ощутил горячее дыхание собаки на своей шее, в непосредственной близости от сонной артерии. Мики шлепнулся на бок. Прежде чем он успел подняться, дубинка начала молотить по его голове, вбивая ее в снег. У него потемнело в глазах. Встать на ноги он уже не мог. Он лежал оглушенный и слушал над собой задыхающийся, ликующий голос человека. Лебо радовался своей победе и, несмотря на свою душевную тупость, не мог унять дрожи, которая сотрясала его при мысли, что его чуть было не настигла смерть, не дотянувшаяся до его горла всего на два звена цепи.

Под вечер Нанетта, жена Лебо, увидела, что ее муж вышел из леса, волоча что-то за собой по снегу. Когда она услышала проклятья, которыми траппер осыпал одичавшую собаку, в ее душе сразу зародилась жалость к ней. Когда-то, еще до рождения первого ребенка, у Нанетты была собака, к которой она очень привязалась. Собака в свою очередь питала к ней преданную любовь, но Лебо так жестоко обращался с четвероногим другом жены, хоть немного скрашивавшим ее безрадостное существование, что Нанетта сама отвела свою любимицу подальше в лес. И та, как теперь Нете, предпочла опасности свободной жизни в лесу свирепым побоям траппера. Вот почему Нанетта сочувствовала псу, грабившему капканы ее мужа, и надеялась, что он избежит участи, которую готовил ему траппер.

Когда Лебо подошел ближе, Нанетта увидела, что он тащит за собой волокушу, сооруженную из четырех жердей, и, разглядев прикрученный к этим жердям живой груз, она вскрикнула от ужаса.

Лапы Мики были растянуты между жердями и привязаны так крепко, что он не мог пошевелиться. Его шея была стянута веревкой, также привязанной к поперечине, а его морду Лебо обмотал сыромятным ремнем, соорудив намордник, который не под силу было бы разорвать даже медведю. Лебо спеленал Мики таким образом, пока тот еще не пришел в себя после избиения. Нанетта глядела на окровавленную собаку, не в силах сказать ни слова. Она много раз видела, как Лебо избивал ездовых собак своей дубинкой, но такое зрелище ей представилось впервые. Голова и плечи Мики представляли собой смерзшуюся кровавую массу. Потом Нанетта увидела его глаза. Их взгляд был устремлен прямо на нее, и она отвернулась, опасаясь, как бы муж не заметил выражения ее лица.

Лебо втащил волокушу в хижину, распрямился и, потирая руки, с торжеством созерцал распростертого на полу Мики. Нанетта поняла, что траппер в прекрасном настроении, и молча ждала какого-нибудь объяснения.

— Черт побери! Видела бы ты, как он совсем было загрыз Нете! — восторгался Лебо. — Да-да! Ты и глазом не успела бы моргнуть, как он уже схватил его за горло. И два раза чуть-чуть не прокусил горло и мне, да только я вовремя успел угостить его дубинкой. Господи! От

собаки Дюрана только клочья полетят, когда они встретятся в Форте О'Год. Я побьюсь с кем-нибудь об заклад, что он покончит с хваленым дюрановским бойцом прежде, чем секундная стрелка на часах фактора успеет два раза обежать циферблат. Такой зверюги я еще не видел! Пригляди за ним, Нанетта, а я пойду построю для него отдельную загородку. Если посадить его к другим собакам, он их всех растерзает.

Мики проводил Лебо взглядом до двери хижины, а потом сразу же опять посмотрел на Нанетту. Она подошла и нагнулась к нему. В ее глазах блеснули слезы. Мики глухо зарычал, но рычание тут же замерло у него в горле. Он в первый раз видел перед собой женщину и тотчас почувствовал, что это существо разительно отличается от двуногого зверя, который избил его и связал. Сердце в его искалеченном, израненном теле вдруг замерло: Нанетта заговорила с ним! Он никогда еще не слышал таких звуков — ласковых, тихих, сочувственных. А потом — чудо из чудес! — она опустилась рядом с ним на колени и погладила его по голове.

Это прикосновение пробудило в Мики древний забытый инстинкт, родившийся в те далекие времена, когда собачьих пород еще не существовало и другом первобытного человека была просто «собака», которая играла с его детьми и получала еду из рук женщины. В нем вновь проснулась собачья преданность всему человеческому роду.

А женщина подбежала к плите, вернулась с тазиком теплой воды и мягкой тряпочкой и принялась смывать кровь с его головы, что-то приговаривая ласковым голосом, полным жалости и любви. Мики закрыл глаза. Он перестал бояться. Из его груди вырвался судорожный вздох. Ему хотелось высунуть язык и лизнуть худые нежные руки, которые облегчали его боль и дарили ему спокойствие. И тут случилось совсем непонятное: проснувшаяся малышка села в своей колыбели и принялась что-то весело лепетать. Мики растерянно слушал эти новые звуки, эту весеннюю песенку жизни. Она совсем покорила его: хотя он и не отдавал себе в этом отчета, однако он открыл глаза и тихонько взвизгнул.

Женщина радостно засмеялась — этот смех был для нее самой почти так же нов и непривычен, как для Мики. Она подбежала к колыбели и вернулась к Мики; держа дочку на руках, снова опустилась на колени рядом с ним, а малышка при виде большой живой игруш-

ки на полу протянула к ней ручонки и начала от восторга брыкать ножками в крохотных мокалинах, ворковать, смеяться и подпрыгивать. Мики весь напрягся, стараясь вырваться из своих уз, чтобы потыкаться носом в это удивительное маленькое существо. Он забыл про боль. Покрытое синяками и ранами тело как будто перестало ныть. Он уже не замечал, что задние лапы у него совсем отнялись — так туго они были стянуты ремнями. Эти два чудесные существа подчинили себе все его чувства и инстинкты.

Нанетта в эту минуту превратилась в настоящую красавицу. Она догадалась, что происходит с Мики, и ее сердце радостно забилося. Она на мгновение забыла про Лебо. Ее глаза блеснули, как звезды. Бледные щеки зарумянились. Посадив малышку на пол, она продолжала отмачивать теплой водой запекшуюся, смерзшуюся корку крови на голове Мики. Если бы в Лебо сохранилась хоть искра человечности, то он не мог бы не расстрогаться, увидев ее сейчас, — такой материнской любовью, такой добротой светилось все ее существо, когда она ненадолго вырвалась из-под гнета вечного страха. И Лебо действительно вошел — так тихо, что она не сразу его заметила, и он почти минуту простоял, наблюдая за тем, как она разговаривает с Мики, полусмеясь, полуплача, а малышка болтает ножками, весело лепечет и всплескивает ручонками от радости.

Толстые губы Лебо растянулись в насмешливой и злой ухмылке. Он свирепо выругался. Нанетта вздрогнула, словно ее ударили.

— Вставай, дурища! — рявкнул он.

Она послушно встала и попятилась, прижимая девочку к груди. Мики заметил эту перемену, и в его глазах, снова устремленных на Лебо, зажегся зеленоватый огонь. Он злобно, по-волчьи, зарычал.

Лебо повернулся к Нанетте, которая стояла у окошка, по-прежнему держа ребенка на руках. Румянец еще не исчез с ее щек, глаза не погасли, а перекинутая через плечо толстая коса отливала шелком в лучах заходящего солнца. Это была прелестная картина, но она не успокоила злобы Лебо.

— Если ты попробуешь и из этого пса сделать котеночка, как тогда из Мину́, то я с тобой...

Он не договорил и только погрозил огромным кулаком, а его лицо исказилось от бешенства. Но Нанетта

и без слов поняла, что он имеет в виду. Он избивал ее постоянно, но память об одном ударе не оставляла ее ни днем, ни ночью. И она думала о том дне, когда у нее хватит сил и мужества добраться до фактории Форт О'Год и рассказать фактору об этом ударе — о том, как два года назад Жак Лебо ударил ее по груди, когда она кормила своего первенца; у нее тогда пропало молоко, и малютка захирел и умер. Да, она расскажет об этом, когда найдет безопасное убежище для себя и для дочки, а в этих краях только фактор в Форте О'Год в сотне миль от их хижины имел достаточно власти, чтобы огрadyть ее от мести мужа.

К счастью, Лебо не мог догадаться, о чем она думала в эту минуту. Удовлетворившись одним только грозным предупреждением, он нагнулся над Мики и поволок его из хижины во двор, к сколоченной из жердей большой клетке, в которой он прошлой зимой держал двух живых лисиц. Он надел на шею Мики цепь длиной в десять футов и прикрепил другой ее конец к одной из жердей. Только после этого он втащил своего пленника в клетку и освободил его от ремней, перерезав их ножом.

Но Мики и после этого продолжал лежать неподвижно, пока в его онемевших, полуобмороженных лапах медленно восстанавливалось кровообращение. Наконец он, шатаясь, поднялся на ноги, и только тогда Лебо, удовлетворенно усмехнувшись, ушел в хижину.

Теперь для Мики начались мучительные дни — дни неравной борьбы с человеком-зверем, который во что бы то ни стало хотел превратить его в своего послушного раба.

— Я сломя твой нор, вот увидишь! — говорил Лебо, подходя к его клетке с хлыстом и дубинкой. — Ты еще будешь ползать передо мной на брюхе, а когда я велю тебе драться, ты будешь драться, как сам дьявол!

Клетка была маленькой — такой маленькой, что Мики не удавалось увертываться от ударов хлыстом и дубинкой. Они доводили его до иступления, и злобная душонка Лебо ликовала, когда Мики бросался на жерди, не дававшие ему добраться до его мучителя, и яростно грыз их, брызгая кровавой пеной, как взбесившийся волк. Лебо уже двадцать лет занимался подготовкой псов для призовых драк, и таков был его метод дрессировки. Именно так он воспитывал Нете, пока не сломил его духа, и мы видели, чего он этим добился.

Три раза Нанетта смотрела в окошко на эту беспощадную неравную схватку между человеком и собакой. И на третий раз она разрыдалась, спрятав лицо в ладонях. Когда Лебо вошел и увидел, что Нанетта плачет, он подтащил ее к окну и заставил посмотреть на Мики, который весь в крови валялся замертво на полу клетки. Обычно Лебо занимался дрессировкой Мики по утрам, перед тем как отправиться обходить свои капканы. Из этих обходов он возвращался только к вечеру следующего дня. Не успевал он скрыться из виду, как Нанетта выбегала из дома, бросалась к клетке и бесстрашно просовывала руки между жердями. И Мики забывал про своего мучителя. Как бы ни был он избит — а иногда у него не хватало сил встать и он почти ничего не видел, — он подползал к решетке и нежно лизал эти ласковые руки. Вскоре Нанетта начала приносить с собой малышку, закутанную в меха, точно маленький эскимос, и Мики повизгивал от радости, вилял хвостом и не знал, как еще выразить свою любовь к ним обоим.

Шла вторая неделя его плена, когда случилось нечто чудесное. Лебо отправился осматривать капканы, но на дворе бушевала метель, и Нанетта побоялась выйти к Мики с девочкой. Но она все-таки подошла к клетке, отодвинула засов на дверце, преодолевая страх, и... отвела Мики в хижину! Она старалась не думать о том, что произойдет, если Лебо догадается о ее проделке.

При одной мысли об этом ее била дрожь.

И все-таки Нанетта продолжала забирать Мики в хижину при каждом удобном случае. Как-то раз Лебо заметил на полу кровь, и у нее сердце оборвалось, когда он уставился ей в глаза подозрительным взглядом. Однако у нее хватило присутствия духа придумать правдоподобную ложь.

— Я порезала палец, — сказала она и, отойдя к плите, незаметно для мужа действительно поранила ножом палец.

Когда она отошла от плиты, Лебо, недоверчиво поглядевший на ее руки, увидел, что один из пальцев обмотан окровавленной тряпичей. После этого Нанетта, уведя Мики в клетку, всегда внимательно осматривала комнату.

Часы, которые Мики проводил в хижине с Нанеттой и малышкой, были для него часами ничем не омраченного счастья. Осмелев, Нанетта как-то оставила его в комнате на всю ночь, и, лежа рядом с колыбелью маленькой

Нанетты, Мики не спускал глаз с ее матери. Было уже очень поздно, когда Нанетта наконец кончила хлопотать у плиты и приготовилась лечь спать. Надев длинную мягкую ночную рубашку, она села возле Мики, распустила свои чудесные волосы и принялась расчесывать их на ночь. Волосы рассыпались по ее плечам, почти касаясь пола, и Мики, приняв их за какую-то странную одежду, даже тявкнул от изумления. Затем Нанетта кончила расчесывать волосы, и Мики с любопытством следил, как ее ловкие пальцы быстро заплетают их в две толстые косы.

После этого Нанетта вынула дочку из колыбели, положила ее на свою сколоченную из жердей кровать, задула свечку и тоже улеглась в постель, и Мики всю ночь пролежал без движения, чтобы не разбудить их.

Утром, когда Нанетта открыла глаза, она увидела, что Мики задремал на полу около кровати, положив голову на одеяло возле спящей малютки.

Нанетта затопила плиту и вдруг, сама не зная почему, начала тихонько напевать. Лебо должен был вернуться только поздно вечером, и он никогда не узнает, какой праздник она решила тайком от него устроить для себя, девочки и собаки. Ведь нынче был день ее рождения! Ей исполнилось двадцать шесть лет, но у нее было ощущение, будто она прожила целый век. Восемь лет из этих двадцати шести она была женой Лебо! Но сегодня он ушел, и они втроем на славу отпразднуют этот день. Вот почему все утро в хижине царило радостное настроение, и все трое были очень счастливы.

Давным-давно, когда Нанетта еще не была даже знакома с Лебо, индейцы, жившие по соседству с ее родителями, дали ей за ее звонкий и мелодичный голос имя Тента Пенаш, что значит «Певчая Птичка». И в это утро, занимаясь приготовлениями к праздничному пиру, Нанетта пела не умолкая, а в окно светило солнце, Мики весело повизгивал и стучал хвостом по полу, малышка ворковала и смеялась, и никто из них не вспоминал про Лебо. Вечная тревога и страх исчезли из души Нанетты, и она снова превратилась в ту милую и хорошенькую девушку, про которую Высокий Кедр, старик индеец из племени кри, говорил, что она сплетена из цветов. Наконец великолепный обед был готов, и, к великому удовольствию малышки, Нанетта заставила Мики сесть на стул, придвинутый к столу. Мики чувствовал себя в этом положении очень неловко, и вид у него был

такой растерянный, что Нанетта смеялась до тех пор, пока на ее длинных темных ресницах не повисли слезы. Тут Мики, обидевшись, прыгнул на пол, а она подбежала к нему, обняла его за шею и так упрашивала, что он скрепя сердце опять взгромоздился на стул.

После обеда Нанетта тщательно уничтожила все следы веселого пиршества и заперла Мики в клетке. Она сделала это немного раньше, чем собиралась вначале, и к счастью. Потому что едва она привела все в порядок, как из леса вышел Лебо в сопровождении Дюрана, своего давнего приятеля и соперника, который жил в ста милях севернее, почти на краю Голых Земель. Дюран уже отослал свои шкуры и собак в Форт О'Год со знакомым индейцем, а сам на санях, запряженных двумя собаками, поехал навестить родственника, жившего на юго-западе от хребта Джексона. Погостив там, он отправился в Форт О'Год и повстречал Лебо на его охотничьей тропе.

Все это Лебо сообщил Нанетте, пока она растерянно смотрела на Дюрана,—его можно было бы принять за близнеца ее мужа, только он был намного старше. Она давно свыклась с тупой жестокостью, написанной на лице Лебо, и все-таки Дюран показался ей чудовищем. Ей даже стало страшно, и она обрадовалась, когда Лебо увел гостя из хижины.

— Сейчас я покажу тебе зверя, который запросто разделается с твоими собачками. Вот как нынче твой вожак задавил кролика,— хвастал Жак Лебо.— Я тебе уже рассказывал о нем, а теперь посмотри своими глазами.

И он захватил с собой хлыст и дубинку.

В этот день Мики кидался на хлыст и дубинку, как тигр, так что Дюран, не сумев сдержаться, воскликнул вполголоса:

— Господи! Настоящий дьявол!

Нанетта, увидев в окошко, что происходит, застонала. Но тут же в ее груди вспыхнуло пламя гнева. В ней пробудилось все то, что Лебо старался уничтожить побоями и издевательствами,— смелость, гордость, сила воли. Словно оковы спали с ее души.

Она отвернулась от окошка, стремглав выбежала из хижины и по снегу бросилась к клетке. Впервые в жизни она восстала на Лебо и осыпала ударами руку, которая сжимала дубинку.

— Зверь! — кричала она.— Я не позволю! Слышишь? Я не позволю!

Лебо ошеломленно застыл на месте. Неужели это Нанетта, его безгласная рабыня? Вот эта женщина, пылающая негодованием, глядящая на него с выражением, которого он никогда еще не видел в женских глазах? Нет! Не может быть! В нем закипела бешеная ярость, и он одним движением мощной руки отшвырнул ее в снег, а потом с ругательством отодвинул засов на дверце клетки.

— Теперь я его убью! Убью! — В бешенстве он почти визжал. — И заставлю тебя изжарить его сердце и съесть, чертовка! Я покажу тебе! Я...

Он потянул за цепь, вытащил Мики из клетки и взмахнул дубинкой. Еще мгновение — и он размозжил бы голову пса, но Нанетта успела заслонить Мики. Лебо от неожиданности выпустил дубинку. Но он тут же пустил в ход свои тяжелые кулаки — удар в плечо снова отбросил Нанетту в снег. Лебо прыгнул к ней, его пальцы вцепились в густые мягкие волосы. И тут...

Дюран предостерегающе закричал, но его предупреждение опоздало. Мики, натянув цепь до предела, серой молнией отмищения и возмездия метнулся на грудь Лебо. Нанетта услышала, как лязгнули его сомкнувшиеся клыки, увидела, как Лебо попятился и тяжело упал навзничь, ударившись затылком о сучковатое бревно. Все поплыло перед ее глазами, она через силу поднялась на ноги и с отчаянным криком, шатаясь побежала в хижину.

Когда Дюран собрался с духом и, опасливо косясь на Мики, подошел к телу Лебо, Мики не рванулся вперед, натягивая цепь. Он как будто понял, что его враг мертв, повернулся и ушел в клетку. Там он лег, положил голову на лапы и устремил на Дюрана пристальный взгляд.

А Дюран посмотрел на неподвижное тело своего приятеля, на красное пятно, расплывающееся под его затылком, и снова пробормотал:

— Господи! Настоящий дьявол!

В хижине Нанетта судорожно рыдала, прижимая к себе дочку.

Глава XVIII

Бывают случаи, когда смерть потрясает, но не причиняет горя. Так было и с Нанеттой Лебо. На ее глазах роковая случайность принесла гибель ее мужу, но, не-

смотря на всю свою кротость и доброту, она не жалела о нем и не оплакивала его. Смерть настигла его, как воздаяние за его необузданную жестокость. И Нанетта — не столько из-за себя, сколько из-за дочери — невольно испытывала облегчение при мысли, что судьба освободила их обеих от власти бессердечного тирана.

Дюран, столь же мало склонный к чувствительности, как и покойный Лебо, не стал зря тратить времени. Он даже не счел нужным спросить Нанетту, а без лишних разговоров выдолбил в мерзлой земле яму и закопал в ней тело своего бывшего соперника. Впрочем, Нанетта была скорее благодарна ему за то, что он взял эти хлопоты на себя: Лебо ушел из ее жизни, ушел навсегда. Она могла больше не опасаться побоев, не опасаться за своего ребенка, а это было для нее важнее всего.

Мики неподвижно лежал в углу своей тюрьмы, сколоченной из толстых жердей. Его томило тягостное недоумение. Но он не сделал почти ни одного движения после того, как стремительным прыжком сбил с ног своего мучителя. Он даже не зарычал, когда Дюран оттащил тело Лебо подальше от клетки. Им овладела гнетущая и всепоглощающая тоска. Он не вспоминал об ударах, которые обрушил на него траппер, о дубине, которая чуть было не размозжила ему голову. Он не замечал, как ноет его избитое тело, не обращал внимания на жгучую боль в кровоточащих деснах и в глазах, по которым Лебо полоснул хлыстом. Он думал только о Нанетте. Почему она убежала с таким громким криком, когда он прыгнул на грудь двуногого зверя? Ведь тот набросился на нее, чтобы растерзать, и растерзал бы, если бы он, Мики, не кинулся ей на помощь так стремительно, что цепь чуть не вывихнула ему шею. Ну, так почему же она убежала и не возвращается?

Он тихонько заскулил.

Солнце зашло, и ранний вечер северного края уже окутывал леса густым сумраком. Из этого сумрака перед клеткой Мики возникло лицо Дюрана. Мики с самого начала инстинктивно вспылал к охотнику на лисиц такой же ненавистью, какую он питал к Лебо, потому что между Дюраном и траппером существовало большое сходство — лица обоих были проникнуты одинаковой угрюмой свирепостью, которая была главной чертой характера и того и другого. И все-таки Мики не зарычал,

когда Дюран начал внимательно его разглядывать. Он даже не шевельнулся.

— Уф! Дьявол! — сказал Дюран с дрожью в голосе.

Потом он засмеялся. Это был негромкий злорадный смех, kloкотавший где-то в глубине его черной густой бороды, и у Мики по спине пробежал холодок.

Затем Дюран повернулся и ушел в хижину.

При его появлении Нанетта встала. Она была бледна как полотно, но в больших темных глазах горел новый огонь. Нанетта еще не оправилась от потрясения, вызванного внезапной трагической смертью Лебо, но выражение ее лица уже стало иным. Этого огня не было в ее глазах, когда Дюран вошел в эту хижину вместе с Лебо меньше трех часов назад.

И теперь он поглядел на нее со смутным беспокойством — перед ним с девочкой на руках стояла совсем другая Нанетта. Ему стало не по себе. Когда муж обругал ее при нем, он только захохотал, а теперь у него не хватало духа смотреть ей в глаза — почему бы это? Черт! И как он раньше не заметил, что она настоящая красавица?

Дюран заставил себя преодолеть смущение и заговорил о деле, которое в эту минуту интересовало его больше всего.

— Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса, — сказал он. — Так я его заберу.

Нанетта ничего не ответила. Она смотрела на него затаив дыхание. Дюран, решил, что она просто не слышала, и хотел повторить свои слова, но тут ему вдруг пришло в голову, какую ложь следует пустить в ход.

— Вы ведь знаете, что мы с ним договаривались устроить бой между его псом и моим на новогоднем празднике в Форте О'Год? — сказал он, тяжело переминаясь с ноги на ногу. — Для этого-то Жак... то есть ваш муж... и дрессировал одичавшую собаку. Ну, и чуть я увидел, как этот дьявол грызет жерди, так сразу понял, что он придушит моего пса, как лисица кролика. Ну, и мы договорились, что я куплю у него этого пса за две серебристые лисицы и десять рыжих — шкурки у меня с собой в саях.

Правдоподобность этой выдумки придала Дюрану уверенность. Упоминание о шкурках казалось ему очень убедительным, а Жак не мог явиться сюда и сказать, что он все это выдумал. И Дюран закончил свою речь, внутренне торжествуя:

— Ну вот, значит, он мой. Я отвезу его на фабрику и выставлю там против любой собаки или волка. Шкурки вам сейчас отдать, сударыня?

— Он не продается! — сказала Нанетта, и огонь в ее глазах запылал еще сильнее. — Это моя собака. Моя и моей дочки. Вы поняли, Анри Дюран? Он не продается.

— Да... — пробормотал растерявшийся Дюран.

— А когда вы доберетесь до Форте О'Год, мосье, вы сообщите фактору о том, что Жак умер, и о том, как он умер. И попросите, чтобы за мной и малышкой кого-нибудь сюда прислали. А до тех пор мы останемся здесь.

— Ладно... — пробормотал Дюран, птясь к двери.

Ему и в голову не приходило, что Нанетта способна на такую твердость и решительность. Он с недоумением вспомнил, как Жак Лебо ругал ее и бил. Ему же она внушала страх. Дюран, подобно большинству невежественных людей, был суеверен, а огромные, сверкающие на бледном лице глаза, пышные волосы, прижатый к груди ребенок придавали Нанетте сходство с изображением богоматери, которое он как-то видел, и он испугался.

Выскочив во двор, Дюран снова подошел к клетке, где сидел Мики.

— Что же, пес, — сказал он негромко, — она не желает тебя продавать. Она хочет оставить тебя себе, потому что ты бросился к ней на выручку и убил моего друга Жака Лебо. Поэтому мне придется забрать тебя без ее согласия. Скоро взойдет луна, и тогда я накину тебе на голову петлю, привязанную к палке, и придушу тебя так быстро, что она ничего не услышит. А раз дверь клетки останется открытой, то как она сумеет догадаться, куда ты делся? И ты будешь драться с другими собаками в Форте О'Год — ах, как ты будешь драться! Душе Жака Лебо будет приятно с того света поглядеть на тебя.

Дюран ушел в дальний конец вырубki, где он оставил свои сани и собак, и стал ждать там восхода луны.

Мики по-прежнему лежал неподвижно. В окне хижины светился огонек, и он не спускал тоскливого взгляда с этого светлого пятна, а его горло подергивалось, словно он беззвучно скулил. Теперь весь его мир сосредоточивался в комнате за этим окном. Женщина и маленькая девочка заслонили от него все остальное. Он хотел только одного — всегда быть с ними.

А в хижине Нанетта думала о Мики и о Дюране. В ее ушах вновь звучали многозначительные слова охотника на лисиц: «Вам надо бы поскорее избавиться от этого пса». Да, все жители лесного края скажут то же самое, и к ним, несомненно, присоединится сам фактор, когда он услышит, что произошло. Ей надо бы поскорее избавиться от этого пса! А почему? Потому, что он поспешил к ней на помощь и бросился на Жака Лебо, ее мужа? Потому, что благодаря ему случай вырвал ее из лап жестокого зверя, утратившего всякий человеческий облик? Потому, что он рванулся, натягивая цепь до предела, и маленькая Нанетта не лишилась матери, как лишилась старшего братика, и будет расти теперь среди радости и смеха, а не в страданиях и слезах? Пусть другие думают, что хотят, но она-то твердо знает, что Лебо погиб по собственной вине. Ей вспомнилось все, что Лебо рассказывал про одичавшего пса: как тот день за днем грабил его капканы, как отчаянно сопротивлялся, когда был наконец пойман. И вдруг в ее памяти особенно ясно всплыла фраза, как-то мимоходом сказанная траппером: «Он — настоящий дьявол, но он не волк. Нет, это собака, и не индейская — когда-то у нее был белый хозяин».

У нее был хозяин!

Нанетта даже вздрогнула. Когда-то у этого пса был хозяин — добрый, заботливый хозяин. Вот и у нее самой была светлая молодость, когда цвели цветы и пели птицы. Она попыталась представить себе прошлое Мики, но, конечно, ее предположения несколько не были похожи на действительность. Как могла она догадаться о том, что меньше года назад Мики, неуклюжий щенок, приплыл с Чэллонером с еще более далекого Севера, и о том, что между ним и черным медвежонком Неевой возникла небывалая дружба после того, как они свалились с челнока Чэллонера в быстрины и чуть не погибли среди порогов? И о всех дальнейших приключениях, которые превратили Нееву во взрослого медведя, а Мики — во взрослого одичавшего пса. Но и не зная ничего, Нанетта чувствовала, что его прошлое не может быть обычным, и не сомневалась, что его к ней привела сама судьба.

Она тихонько встала, чтобы не разбудить девочку, и открыла дверь. Луна только-только выплыла из-за леса, и в ее смутном сиянии Нанетта подошла к клетке.

Она услышала радостное повизгивание, сунула руки между жердями и почувствовала теплый язык, который принялся их нежно лизать.

— Нет, нет никакой ты не дьявол,— негромко сказала Нанетта, и ее голос странно зазвенел.— Ты спас меня, ты спас мою девочку. А дьяволы никогда никого не спасают.

И Мики, словно поняв ее слова, уронил израненную, покрытую рубцами голову на ее ладонь.

Притаившись на опушке, Дюран внимательно следил за происходящим. Он увидел светлый прямоугольник, когда Нанетта отворила дверь, увидел, как она прошла к клетке, и не спускал глаз с ее темного силуэта, пока она не скрылась в хижине. Тогда он, посмеиваясь, вернулся к своему костру и начал прикреплять ремennую петлю к длинной палке. Его хитрость и эта петля на палке должны были сэкономить ему двенадцать отличных лисьих шкурок, и он самодовольно хихикал, раздумывая у тлеющих углей о том, как легко провести женщину. Нанетта сдуру отказалась от шкурок, а Жак... Жак мертв и не призвет его к расчету. Ему, можно сказать, повезло, что Жак так удачно упал—на сучковатое бревно. Да уж, удача привалила крупная. Он выставит этого пса против какой-нибудь знаменитой собаки, поставит на него всю свою наличность—и наживет целое состояние.

Дюран дождался, чтобы огонек в хижине погас, и только тогда снова направился к клетке. Мики услышал его шаги. А потом и увидел—еще вдалеке, потому что луна светила необыкновенно ярко и было светло как днем. Дюран знал все собачьи повадки. И использовал свои знания, в отличие от Лебо, который умел только пускать в ход дубинку и хлыст. Поэтому он подошел к клетке решительным шагом, не скрываясь, и как будто случайно сунул конец палки между жердями. Затем он без всяких видимых опасений прислонился к клетке и начал говорить спокойно и небрежно. Он держался совсем не как Лебо, и Мики, внимательно оглядев его, снова уставился на темный квадрат окошка. Тогда Дюран очень тихо и осторожно начал приводить в исполнение свой коварный план. Мало-помалу он просунул палку в клетку так, что петля повисла прямо над головой Мики. Этим хитрым приспособлением, которое индейцы называют «вагун», Дюран орудовал с большой ловкостью: на своем веку он изловил таким способом немало лисиц

и волков, а один раз так даже и медведя. Мики, совсем окоченевший от холода, не почувствовал, как ременная петля тихонько легла вокруг его шеи. Он не заметил, что Дюран вдруг весь подобрался и уперся ногой в бревно, к которому были снизу прибиты жерди клетки.

Внезапно Дюран резко откинулся назад, и Мики показалось, что на его шее сомкнулся стальной капкан. У него сразу перехватило дыхание. Он отчаянно забился, стараясь высвободиться, но не мог ни залаять, ни завизжать. Дюран, перехватывая палку, начал неторопливо подтягивать его к жердям, а потом, по-прежнему упираясь ногами в бревно, рванул изо всей силы. Когда он затем опустил загун, Мики рухнул на утоптаный снег, как мертвый. Через десять секунд Дюран уже крепко стягивал ремнем его сомкнутые челюсти. Взяв Мики на руки, Дюран понес его к саням — дверь клетки он оставил открытой. Нанетта, рассуждал он, глупа и не догадается о том, что произошло на самом деле, а решит, будто пес удрал в леса.

Дюран не собирался превращать Мики в раба с помощью дубинки, чего безуспешно добивался Лебо. Хотя безжалостностью он не уступал покойному трапперу, тупым его назвать было нельзя, и он немного разбирался в психологии животных. Конечно, сама по себе она его не интересовала, однако, в отличие от Лебо, он не стал бы мучить собаку только для того, чтобы потешить свою жестокость. Вот почему Дюрану и в голову не пришло тащить Мики по снегу за санями, как это сделал Лебо, злорадно распяливший Мики на самодельной волокуше. Наоборот, прежде чем отправиться в путь, Дюран уложил своего пленника в сани поудобнее и накрыл его теплым одеялом. Впрочем, он не позабыл проверить, надежно ли держатся ремни на морде Мики и крепко ли привязан конец его цепи к передку саней.

Убедившись, что все в порядке, Дюран погнал своих собак на восток в направлении к Форту О'Год. Если бы Жак Лебо мог в эту минуту увидеть своего бывшего приятеля, он без труда понял бы, почему Дюран так весел. По своим наклонностям Дюран был азартным игроком и траппером стал только для того, чтобы раздобывать деньги для заключения очередных пари. Последние шесть лет его собаки неизменно выходили победителями на больших состязаниях, которые в канун Нового года устраивались на факториях Форт О'Год. Однако на этот раз он не был уверен в успехе. Опасался он вовсе не

Жака Лебо с его Нете, а метиса, жившего на озере Ред-Бёлли. Собака Гра́уза Пьета (так звали метиса), которую он намеревался выставить на состязания, собственно говоря, была наполовину волком. Вот почему Дюран готов был отдать за одичавшего пса Лебо две серебристые шкурки и десять рыжих, хотя за такую цену можно было бы купить пять хороших собак. И сейчас, когда он заполучил пса бесплатно, а Нанетта осталась ни с чем, Дюран себя не помнил от радости. Теперь волку Грауза Пьета придется туго! Его уверенность в Мики была так велика, что он намерен был поставить на него не только всю свою наличность, но и полностью использовать кредит, которым располагал в фактории.

Когда Мики пришел в себя, Дюран сразу же остановил собак, потому что придавал этой минуте большое значение. Нагнувшись над санями, он заговорил — не злобно, как Лебо, но ласково и дружески, а потом даже погладил голову пленника рукой в толстой рукавице. Мики это сбило с толку — ведь разговаривала с ним не Нанетта, а мужчина. Смущало его и теплое уютное гнездо, в котором он лежал. Поверх одеяла Дюран набросил еще и медвежью шкуру. Незадолго перед этим он совсем замерз, и его лапы онемели, а теперь ему было тепло и хорошо. Смутно ощущая все это, Мики не пошевелился. И Дюран расплылся в самодовольной улыбке. Он решил, что ему не следует в эту ночь продолжать путь, и остановился на ночлег всего лишь милях в пяти от хижины Нанетты. Он развел костер, вскипятил кофе и поджарил большой кусок мяса. Мясо он нарочно жарил медленно, насадив его на самодельный деревянный вертел, и весь воздух вокруг был полон соблазнительного аппетитного запаха. Своих собак Дюран привязал в пятидесяти шагах от костра, но сани придвинул почти к самому огню и внимательно следил за тем, какое впечатление на Мики производит аромат жаркого. Мики не доводилось чують подобного благоухания с тех далеких дней, когда он щенком путешествовал с Чэллонером, и вскоре Дюран заметил, что он облизывается, и услышал, как легонько щелкают его зубы. Дюран усмехнулся в густую бороду. И решил подождать еще четверть часа. Тогда он снял мясо с вертела, разрезал кусок пополам и одну половину отдал Мики. И Мики с жадностью съел угощение.

Анри Дюран был очень неглуп!

В последние дни декабря все человеческие следы на пространстве в десять тысяч квадратных миль вокруг Форта О'Год вели к тамошней фактории. Приближался уске пиппун — праздник Нового года, и в Форт О'Год из типи и хижин со всеми своими семьями собирались трапперы и охотники, чтобы продать добытые шкуры и несколько дней повеселиться в большом обществе. Этот праздник мужчины, женщины и дети предвкушают в течение долгих месяцев, полных тяжелого труда. У жены траппера нет соседок, с которыми она могла бы посудачить в редкие минуты досуга. Охотничий участок ее мужа — это маленькое королевство, куда нет доступа никому, и вокруг на много миль не найдется ни одной живой души. Вот почему женщины особенно любят уске пиппун. Их дети быстро находят себе товарищей и целыми днями играют, а мужья в компании приятелей отдыхают от тягот зимней охоты. В течение этой недели возобновляются старые знакомства и заводятся новые. Именно здесь происходит обмен накопившимися новостями — тот-то умер, те-то поженились, у тех-то родился еще один ребенок. Из уст в уста передаются правдивые рассказы о лесных трагедиях, которые вызывают ужас, горе и слезы, а также о смешных или счастливых событиях. В первый и единственный раз за все семь месяцев зимы лесной народ собирается вместе. Индейцы, метисы, белые дружно веселятся, не обращая внимания на различия в цвете кожи или в верованиях.

На этот раз в Форте О'Год предполагалось устроить пиршество на вольном воздухе, и уже завершались приготовления к тому, чтобы целиком зажарить туши нескольких больших карибу. К тому времени, когда Анри Дюран приблизился к фактории, к ней с востока, с юга, с запада и с севера уже сбегались десятки троп, плотно утопанных людьми и собаками. В этом году из лесов на сотне саней прибыло более трехсот мужчин, женщин и детей, а с ними — полтысячи собак.

Дюран добрался до фактории на день позже, чем рассчитывал, но это время он не потратил зря: Мики, правда все еще в наморднике, послушно бежал за санями, к которым был привязан одним тонким сыромятным ремнем. Под вечер, на третий день после того, как он покинул хижину Нанетты, Дюран свернул с накатанной дороги к домику Андре Рибб, который занимался тем, что снаб-

жал обитателей фактории свежим мясом. Андре сильно досадовал на задержку приятелей, но тем не менее продолжал их ждать. Индеец, которого Дюран послал в Форт О'Год со шкурами, оставил у Андре прославленного дюрановского пса. Теперь Дюран и Рибо заперли Мики в пустой хижине, а сами отправились на факторию, до которой было меньше мили.

Ночевать в хижину они не вернулись. Вокруг было полное безлюдье, но с наступлением сумерек чуткие уши Мики начали улавливать странные и непонятные звуки, которые становились все громче по мере того, как темнота сгущалась. Это были звуки праздника на фактории — отдаленный гул человеческих голосов, к которому примешивался вой и лай сотен собак. Мики еще никогда не приходилось слышать ничего подобного, и он долго лежал, припав к полу и насторожив уши. Потом он встал перед окном, точно человек, упершись передними лапами в тяжелую раму. Хижина Рибо была построена на пригорке над замерзшим озером, окаймленным густым кустарником. Над темными вершинами кустов Мики увидел красноватое зарево — это вокруг фактории пылали десятки огромных костров. Он заскулил, прыгнул на пол и отошел от окна. Потянулись нескончаемые часы ожидания. Хотя эта хижина была куда более приятным приютом, чем клетка Лебо, Мики спал беспокойно, и ему снились Нанетта и ее дочка.

Дюран и Рибо вернулись только в следующий полдень. Они принесли свежего мяса, и Мики с жадностью на него накинулся, потому что сильно проголодался. Дюран и Рибо говорили с ним весело и поглаживали его. Мики принимал их ласки равнодушно, но без злобы. На вторую ночь его снова оставили в хижине одного. Дюран и Рибо явились на заре с небольшой клеткой, сколоченной из тонких березовых жердей. Открыв дверцу клетки, они вплотную придвинули ее к двери хижины и с помощью куска мяса заманили в нее Мики. Дверца тотчас была опущена, и он оказался в плену. Клетка уже была установлена на широких санях, и Мики, едва взошло солнце, очутился в Форте О'Год.

Праздник там был в самом разгаре — в этот день жарились туши карибу и устраивались поединки между самыми знаменитыми собаками. Еще задолго до того, как они приблизились к фактории, Мики услышал нарастающий гул. Он никак не мог понять, что это такое, и, вскочив, застыл в настороженной позе. На людей, которые

ташили сани с его клеткой, он не обращал ни малейшего внимания. Он глядел поверх их голов, и Дюран ликующе прицмокнул, услышал, как Мики глухо зарычал и щелкнул зубами.

— Да, он им всем покажет! — усмехнулся он. — Как он будет драться!

Они шли по берегу озера, огибая занесенный снегом мысок. И внезапно перед ними открылся Форт О'Год, расположенный на высоком берегу. Мики от неожиданности даже перестал рычать, и его зубы с лязгом сомкнулись. На мгновение сердце в его груди замерло. До этой минуты его мир включал лишь шестерых людей, а теперь без всякой предварительной подготовки он увидел их сотню, две сотни, три сотни — навстречу Дюрану с его клеткой бежала толпа любопытных. И еще Мики увидел волков — их было несметное множество. Но тут его клетка очутилась среди густой толпы вопящих мужчин и мальчишек. Затем к ним начали присоединяться женщины с младенцами на руках. И тут клетка остановилась. Мики увидел совсем рядом другую клетку, а в ней зверя, очень похожего на него самого. Возле клетки стоял высокий смуглый мужчина в лохматой шапке. Он сильно смахивал на пирата. Это и был Грауз Пьет, соперник Дюрана.

Он посмотрел на Мики с презрительной улыбкой и что-то насмешливо сказал окружавшим его людям, среди которых было много индейцев и метисов. В ответ раздался громкий хохот.

Дюран побагровел.

— Смейтесь, смейтесь! — вызывающе крикнул он. — Только помните, что Анри Дюран приехал сюда не шутки шутить.

И он потрянул перед Граузом Пьетом двумя серебряными шкурками, а потом вытащил и десять рыжих.

— Ну-ка, поставь на кон столько же, Пьет! — заявил он во всеуслышание. — А у меня таких есть еще целая сотня.

Намордник с Мики сняли, и он принялся нюхать воздух. Запахов было много — знакомых и незнакомых. Пахло людьми, собаками, жарящимся мясом — этот запах доносился от пяти огромных костров, над которыми медленно поворачивались гигантские вертела с тушами карибу. Каждый вертел был толщиной с ногу взрослого мужчины, и вращать их предстояло еще десять часов. Поединок собак должен был предшествовать пиршеству.

Больше часа возле клеток не смолкал оглушительный хор голосов. Любители держать пари оценивали качества бойцов и договаривались о ставках, а Грауз Пьет и Анри Дюран совсем охрипли, осыпая друг друга презрительными насмешками. Затем толпа начала понемногу редеть. Теперь возле клеток вместо мужчин и женщин собралась орава чумазых ребятишек. Только тогда Мики смог хорошенько разглядеть зверей, которые по одному, по двое, а то и целыми группами были привязаны к деревьям на опушке. И его ноздри наконец уловили различие в запахе и сообщили ему, что это не волки, а такие же собаки, как он сам.

Прошло много времени, прежде чем он снова посмотрел на своего соседа — помесь волка и собаки. Он подошел к самой решетке и потянул воздух носом. Сосед повернул к нему узкую хищную морду. Мики вспомнил волка, с которым он дрался не на жизнь, а на смерть над крутым обрывом. И он инстинктивно зарычал, оскалив зубы. Сосед свирепо огрызнулся в ответ. Анри Дюран радостно потер руки, а Грауз Пьет негромко засмеялся.

— Как они будут драться! — сказал Дюран.

— Волк будет драться, это верно, — ответил Грауз Пьет. — Но вот ваша собака, мосье, брякнется на спину, как трусливый щенок, едва дело дойдет до драки.

Чуть позже Мики увидел перед своей клеткой еще одного человека. Это был Макдоннелл, фактор, шотландец по происхождению. Он поглядел на Мики и на его соседа с каким-то сожалением. Десять минут спустя, вернувшись в маленькую комнату, служившую ему конторой, он сказал молодому человеку, который дожидался его там:

— Я был бы рад запретить эту забаву, но у меня нет на это права. Да и они просто увезут свои шкуры куда-нибудь еще. Собачьи бои устраиваются в Форте О'Год уже лет пятьдесят, и это стало традицией. По правде говоря, я не вижу, чем, собственно, собачьи драки хуже матчей профессиональных боксеров, которые сейчас в такой моде в Соединенных Штатах. Разница только та...

— что тут поединок кончается смертью, — закончил молодой человек.

— К сожалению, да. Чаше всего одна из собак погибает.

Молодой человек выколотил пепел из своей трубки.

— Я люблю собак,— сказал он просто.— И на моей фактории, Мак, я никаких драк не потерплю. Разве что драться будут люди. И на нынешнюю драку я смотреть не пойду, потому что могу ненароком и убить кого-нибудь.

Глава XX

Было два часа пополудни. Туши на вертелах почти зажарились. Еще немного — и можно будет начать пир. Но прежде предстоял поединок Мики и его соперника.

Около трехсот человек сомкнулось тесным кольцом вокруг большой клетки из березовых жердей. К ней с двух сторон были вплотную придвинуты две маленькие клетки. Возле одной из них стоял Анри Дюран, возле другой — Грауз Пьет. Теперь они уже не обменивались насмешками. Их лица застыли в угрюмом напряжении. На них были устремлены триста пар глаз, триста пар ушей ждали, когда будет подан сигнал.

И вот Грауз Пьет подал его.

Быстрым движением Дюран поднял дверцу малой клетки и ткнул Мики в спину палкой с развилиной на конце. Мики одним прыжком очутился в большой клетке. Почти в то же мгновение туда вскочил боец Грауза Пьета, носивший кличку Таао — Длинный Клык. Противники заняли свои позиции на арене.

Но в следующую секунду Дюран чуть было не застонал от разочарования. Поведение Мики в этот момент объяснялось непривычностью обстановки. Если бы он встретился с Таао в лесу, то сразу же забыл бы обо всем остальном и приготовился бы драться с ним, как это было с Нете, а еще раньше — с волками. Но теперь он меньше всего думал о драке. Его вниманием всецело завладели бесчисленные лица, заворуженно смотревшие на него. Мики разглядывал их, поворачивая морду то в одну сторону, то в другую. Быть может, он надеялся увидеть Нанетту и малышку или даже Чэллонера, своего первого, настоящего хозяина. На Таао же, к вящему ужасу Дюрана, Мики после первого взгляда вовсе перестал обращать внимание. Он подошел к самой решетке и просунул морду между жердями. Грауз Пьет насмешливо захохотал. Затем Мики начал неторопливо обходить клетку, не спуская взгляда с кольца безмолвных лиц. Таао стоял в центре клетки; его налитые кровью глаза неотрывно следили за каждым движением Мики.

То, что делалось снаружи, Таао не интересовало. Он знал, что от него требуется, и был хорошо обучен своему делу. Дюран с замирающим сердцем смотрел, с какой неумолимой уверенностью Таао поворачивается на месте так, чтобы иметь возможность в любую секунду броситься на Мики. Щетинистая шерсть на его загривке стояла дыбом.

Но вот Мики остановился, и Дюран решил, что все его радужные надежды пошли прахом: без предупреждения, даже не зарывав, Таао прыгнул. С губ Грауза Пьета сорвался торжествующий крик. Зрители ахнули, а по спине Дюрана прошла ледяная дрожь. Но в следующее мгновение все замерло. Таао должен был сразу покончить с Мики — в этом не сомневались ни Грауз Пьет, ни Дюран. Но прежде чем челюсти Таао успели сомкнуться, за какую-то тысячную долю секунды Мики преобразился в живую молнию. Движением настолько быстрым, что человеческий глаз был почти не способен его уловить, сын Хелея повернулся навстречу Таао. Их пасти встретились. Раздался зловещный хруст, и в следующий миг они, сцепившись, покатались по полу. Ни Грауз Пьет, ни Дюран не могли разобрать, что происходит. Об остальных зрителях и говорить нечего. Были забыты даже пари — Форт О'Год еще не видывал такой драки.

Шум ее донесся до склада фактории. Там на крыльце стоял молодой гость фактора и смотрел в сторону большой клетки. Он слышал рычание, лязг клыков. Его губы сурово сжались, а в глазах запылал гневный огонь. Внезапно он глубоко вздохнул.

— Черт бы их всех подрал! — сказал он негромко и, сжав кулаки, медленно пошел к клетке.

Пока он пробирался сквозь толпу зрителей, драка кончилась так же внезапно, как началась. Таао неподвижно лежал в центре клетки с прокушенным горлом. И Мики, казалось, тоже был при последнем издыхании. Дюран открыл дверцу, накинул ему на голову веревочную петлю и вытащил его из клетки. Мики с трудом поднялся на ноги. Он был весь в крови и почти ослеп. Тело его покрывали раны, из пасти капала кровавая пена. При виде этого зрелища у молодого человека вырвался крик ужаса. И тут же он снова закричал изменившимся голосом:

— Да не может быть! Мики... Мики... Мики...!

Этот зов, раздавшийся словно в неизмеримом отдалении, прорвался в сознание Мики сквозь туман мучительной боли.

Он узнал этот голос! Голос, живший во всех его снах, голос, которого он ждал, который все время искал, зная, что когда-нибудь непременно найдет его. Голос Чэллонера, его хозяина.

Мики взвизгнул и припал к земле, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть сквозь багровую муть, застилавшую глаза. Он был весь в ранах, может быть, он умирал, но все-таки он застучал хвостом по земле, показывая вновь обретенному хозяину, что узнал его. И тут, к величайшему изумлению зрителей, Чэллонер упал на колени рядом с собакой и обхватил ее руками, а Мики израненным языком принялся лизать ему руки, лицо, одежду.

— Мики... Мики... Мики...

На плечо Чэллонера тяжело опустилась ладонь Дюрана. Чэллонер вздрогнул, как от прикосновения раскаленного железа, и мгновенно вскочил на ноги.

— Он мой! — крикнул Чэллонер, поворачиваясь к Дюрану и стараясь сдержать бешенство. — Он мой! Ты... ты... изверг!

Тут, вне себя от негодования, он окончательно утратил власть над собой, размахнулся и изо всей силы ударил Дюрана в челюсть. Дюран упал как подкошенный. Чэллонер нагнулся над ним, но Дюран не шевелился. Тогда молодой человек в ярости повернулся к Граузу Пьету и зрителям. Мики прижался к его ногам, и, указывая на него, Чэллонер сказал громко, так, чтобы его услышали все:

— Это моя собака. Я не знаю, как она попала к этому негодяю. Но она — моя. Вот посмотрите сами. Видите, она лижет мне руки? Ну-ка, пусть он подставит ей пальцы! И еще посмотрите на ее ухо. Другого такого не сыщется на всем Севере. Мики пропал почти год назад, но по этому уху я его узнаю хоть из десяти тысяч собак. Эх! Если бы я только знал...

Ведя за собой Мики на веревке, которую Дюран успел накинуть на шею израненному псу, Чэллонер проложил себе путь через толпу и пошел к Макдоннеллу. Он сообщил фактору о том, что произошло, и рассказал ему о событиях прошлой весны — о том, как Мики и медвежонок, связанные одной веревкой, свалились с его челнока в быстрину и исчезли в пене, громоздившейся на порогах. Кончив свой рассказ и предупредив фактора,

что Дюран, наверное, явится к нему с какими-нибудь выдумками, он ушел в хижину, где временно остановился, когда приехал в Форт О'Год.

Час спустя Чэллонер сидел у себя в хижине, положив голову Мики к себе на колени, и разговаривал с ним. Он промыл его раны и остановил кровь, так что Мики теперь видел все совершенно ясно. Его глаза были устремлены на лицо хозяина, а хвост непрерывно стучал по полу. Ни человек, ни пес не слышали праздничного шума, доносившегося снаружи,— ни громких мужских голосов, ни веселых детских воплей, ни женского смеха, ни собачьего лая. Чэллонер с нежностью смотрел на Мики и говорил:

— Мики, старина, ты ведь ничего не забыл, верно? Конечно, ты тогда был долговым несмышлеником, но ты все равно ничего не забыл, ведь так? Помнишь, я обещал отвезти тебя и медвежонка к моей сестричке? Помнишь? Я еще рассказывал тебе, какая она хорошая, и говорил, как она будет тебя любить. Ну, так я рад, что вы тогда свалились в реку и я не смог взять вас с собой. Я вернулся домой, Мики, но только там все как-то изменилось. А уж она-то и вовсе стала другой. Дело в том, что она вышла замуж и обзавелась двойней! Слышишь, старина? Я приезжаю, а у меня уже двое сосунков-племянников! Где уж ей тут было бы возиться с тобой и с медвежонком! Согласен? И все остальное тоже стало каким-то не таким. Три года в здешних северных краях, где зимой за удовольствие дышать платишь обмороженными легкими, наверное, очень меня изменили. Недели не прошло, Мики, как меня потянуло обратно. Вот так-то, сэр. Я дни считал, когда я снова вернусь сюда. И уж теперь я отсюда не уеду, Мики. Ты отправишься со мной на новую факторию, куда меня назначили. С этого дня мы компаньоны, приятель. Понимаешь, компаньоны!

Глава XXI

Поздно вечером Макдоннелл прислал за Чэллонером мальчишку. Большой пир в Форте О'Год подошел к концу. Когда посланец фактора постучал в дверь хижины, Чэллонер как раз начал раздеваться, готовясь лечь

спать. Выслушав мальчишку, Чэллонер посмотрел на часы. Одиннадцать часов! Зачем он вдруг в такое время понадобился фактору? Мики уютно растянувшийся на полу возле печки, недоумевающе смотрел, как его вновь обретенный хозяин зачем-то опять натягивает только что снятые сапоги. За часы, которые прошли после смертельной схватки с Таао, Мики успел несколько оправиться. Помогла ему и мазь, которую хозяин положил на его раны.

— Наверное, этот негодяй Дюран что-нибудь затевает,— проворчал Чэллонер, поглядев на Мики.— Ну, если он рассчитывает снова заполучить тебя в свои лапы, Мики, то у него ничего не выйдет. Я тебя никому не отдам!

Мики застучал хвостом по полу и подполз к хозяину, глядя на него с немым обожанием. Они вместе вышли из хижины.

В небе среди бесчисленных звезд плыла бледная серебряная луна. Большие костры, на которых днем жарились карibu, все еще ярко пылали. Вдоль лесной опушки мерцали угли десятков маленьких костров. В их красноватых отблесках можно было различить смутные силуэты типи и палаток, в которых размещались на ночлег триста мужчин, женщин и детей, собравшихся в Форте О'Год на новогодний праздник. Фактория уже затихла. Только кое-где еще мелькали человеческие фигуры. Даже собаки уgomонились после нескольких часов веселья и обжорства.

Направляясь к жилищу фактора, Чэллонер прошел совсем рядом с большими кострами, над которыми еще висели толстые бревна, служившие вертелами. Мики обнюхал обглоданные кости. Только они и остались от пяти огромных туш, еще недавно подрумянивавшихся на этих вертелах. Люди и собаки съели все до последнего кусочка, и факторию окутало сытое безмолвие Мутая— лесного божества, способного заснуть только после обильного ужина.

В комнате фактора горела лампа, и Чэллонер в сопровождении Мики прямо вошел в дом. Макдоннелл сидел, угрюмо попыхивая трубкой. Обветренное лицо фактора казалось встревоженным, и он смотрел не на Чэллонера, а на Мики.

— Ко мне заходил Дюран,— сказал Макдоннелл.— Он очень зол на вас. Боюсь, это плохо кончится. И зачем вы только его ударили!

Чэллонер пожал плечами и набил трубку табаком из кисета, который протянул ему фактор. Он ничего не ответил.

— Видите ли... вы не совсем представляете себе положение,— продолжал Макдоннелл.— Последние пятьдесят лет в Форте О'Год в это время обязательно устраивались собачьи бои. Это стало традицией. Вот почему, хотя я здесь уже пятнадцать лет, я даже не пытался принимать никаких мер против этого. Я глубоко убежден, что после такой попытки половина наших охотников начнет возить добытые меха на другие фактории. Я говорю это для того, чтобы вы поняли, почему все симпатии тут на стороне Дюрана. Даже Грауз Пьет, его постоянный соперник, твердит ему, что он будет дураком, если спустит вам такую штуку. Дюран утверждает, что эта собака принадлежит ему.

Макдоннелл указал на Мики, который лежал у ног Чэллонера.

— Он лжет,— спокойно ответил Чэллонер.

— Он говорит, что купил пса у Жака Лебо.

— Значит, Лебо продал ему собаку, которую объявил своей, не имея на то никакого права.

Макдоннелл немного помолчал, а потом сказал другим тоном:

— Но я вас попросил зайти ко мне не из-за этого. Дело в том, что Дюран сегодня вечером рассказал мне страшные вещи... Вы ведь, кажется, хотели завтра выехать к Оленьему озеру, на свою факторию?

— Да, я думаю отправиться прямо с утра.

— В таком случае не могли бы вы сделать небольшой крюк к хребту Джонсона? Я бы послал с вами кого-нибудь из моих индейцев с упряжкой. Вы потеряете на этом около недели, но все равно успеете догнать свои упряжки намного раньше, чем они доберутся до Оленьего озера, а меня бы вы очень выручили. Там случилось... даже не знаю, как сказать.— Он снова посмотрел на Мики и невольно прошептал: — Черт побери!

Чэллонер молча ждал. Ему показалось, что по плечам фактора пробежала судорожная дрожь.

— Я бы поехал сам,— сказал наконец Макдоннелл.— Так было бы лучше всего, Чэллонер, но с моим обмороженным легким в такую зиму об этом нечего и думать. А поехать туда необходимо. Ведь я...— его глаза неожиданно вспыхнули,— ведь я знал Нанетту Лебо,

когда она была еще маленькой девочкой. Пятнадцать лет назад это было. Она выросла у меня на глазах, Чэллонер. Не будь я женат, я, наверное, влюбился бы в нее. Вы с ней знакомы, Чэллонер? Вы когда-нибудь ее видели?

Чэллонер покачал головой.

— Чудесная девушка,— пробормотал Макдоннелл в густую рыжую бороду.— Она жила с отцом по ту сторону хребта Джексона. Потом он умер — замерз, когда вздумал ночью пересечь озеро Ред-Ай. Я всегда думал, что Жак Лебо воспользовался тем, что она осталась одна, и принудил ее выйти за него замуж. Но, может быть, она не знала, каков он на самом деле, или просто от горя не отдавала себе отчета в своих поступках. Но, как бы то ни было, они обвенчались. В последний раз я видел ее пять лет назад. Правда, до меня доходили кое-какие слухи, но я не всему верил. Например, у меня просто в голове не укладывалось, что Лебо и вправду способен зверски избивать ее без всякого повода. Я не поверил, когда мне рассказали, будто он как-то волочил ее за волосы по снегу, так что она чуть не умерла. Мне думалось, что все это досужие выдумки. Ведь до их хижины отсюда далеко — семьдесят миль. Но теперь я убедился, что он был даже хуже, чем о нем говорили. Дюран только что побывал там и сегодня вечером рассказал мне всю правду, чтобы сохранить собаку у себя.

Макдоннелл на минуту умолк, снова посмотрел на Мики, а потом продолжал:

— Так вот, Дюран говорит, что Лебо поймал эту собаку в капкан, забрал к себе и начал всячески избивать и мучить, готовя ее для новогоднего боя. Когда Дюран по дороге сюда завернул к ним, пес так ему понравился, что он его купил. Лебо начал дразнить пса, чтобы показать товар лицом, но тут вмешалась Нанетта. Лебо набросился на жену, сбил ее с ног, начал душить, и неизвестно, чем бы это кончилось, если бы не собака. Дюран говорит, что пес бросился на Лебо и загрыз его. Вот что произошло. Про Нанетту Дюран рассказал только потому, что испугался, как бы я не приказал застрелить собаку, когда услышу про смерть Лебо. Вот потому-то я вас и прошу побывать там. Выясните, что произошло, и если Нанетте Лебо нужна будет помощь, помогите ей. А индейца я с вами посылаю, чтобы он проводил ее в Форт О'Год.

Макдоннелл был сдержан, как все шотландцы, и не-
легко было бы отгадать, взволнован он или нет. Гово-
рил он тихим, спокойным голосом, однако по его пле-
чам вновь пробежала та же странная конвульсивная
дрожь. Чэллонер уставился на него, как пораженный
громом.

— Вы хотите сказать, что Мики... что этот пес за-
грыз человека?

— Да. Во всяком случае, так утверждает Дюран. По
его словам, пес расправился с Лебо, как сегодня с со-
бакой Грауза Пьета...— Заметив, что Чэллонер медлен-
но перевел взгляд на Мики, фактор добавил: — По прав-
де сказать, собака Грауза Пьета заслуживала такой уча-
сти куда меньше, чем Лебо. Если хотя бы половина то-
го, что говорил про него Дюран, правда, то туда ему
и дорога. Ну, так как же, Чэллонер? Может быть, вы не
считаете за труд сделать крюк, побывать у Нанетты...

— Я поеду,— перебил его Чэллонер и положил ла-
донь на голову Мики.

Еще полчаса Макдоннелл рассказывал Чэллонеру
все, что знал про Нанетту Лебо. Когда наконец Чэлло-
нер встал, фактор проводил его до двери.

— Остерегайтесь Дюрана,— предупредил он.— Этой
собакой он дорожит больше, чем своим сегодняшним
выигрышем, а говорят, что он поставил на него всю
свою наличность. Грауз Пьет заплатил ему порядочные
деньги, но они весь вечер провели вместе как закадыч-
ные друзья. Мне это не нравится. Так что будьте поос-
торожнее.

Выйдя с Мики в озаренное луной безлюдье, Чэлло-
нер на мгновение остановился, и Мики, воспользовав-
шись этим, тотчас положил передние лапы ему на грудь.
Собачья морда оказалась почти на одном уровне с под-
бородком Чэллонера.

— Помнишь, как ты свалился с челнока в воду, дру-
жище? — негромко спросил Чэллонер.— Помнишь, как
вы с медвежонком тихонько сидели на носу, а потом
вдруг подрались и слетели в речку над самыми порога-
ми? Помнишь? А ведь и меня тогда чуть было не затя-
нуло на камни. Вот я и решил, что вам обоим пришел
конец. Хотел бы я знать, что случилось с медвежонком...

Мики взвизгнул в ответ, извиваясь всем телом.

— И вот говорят, будто ты с тех пор успел убить
человека,— добавил Чэллонер с видимым сомнением.—
Теперь я отвезу тебя к жене этого человека. Вот какие

дела. Я отвезу тебя к ней, и если она скажет, что тебя надо убить...

Он опустил лапы Мики на землю и направился к своей хижине. На крыльце Мики глухо зарычал. Чэллонер засмеялся и распахнул дверь. Они вошли. Рычание Мики стало свирепым и угрожающим. Уходя, Чэллонер оставил лампу гореть и только привернул фитиль. Теперь в ее тусклом свете он увидел, что у стола сидят Анри Дюран и Грауз Пьет. Чэллонер вывернул фитиль. В хижине стало заметно светлее, и он кивнул безмолвной паре.

— Добрый вечер. Час слишком поздний, чтобы ходить по гостям, как вам кажется? — произнес он спокойным голосом.

На невозмутимом лице Грауза Пьета ничего не отразилось, и Чэллонеру вдруг показалось, что он очень похож на толстого моржа. Глаза Дюрана горели злобой. На его подбородке виднелась большая опухоль — памятка о кулаке Чэллонера. Мики, весь напрягшись и продолжая глухо рычать, заполз под нары. Дюран указал на него.

— Мы пришли за собакой, — сказал он.

— Я ее не отдам, Дюран, — ответил Чэллонер с равнодушной небрежностью.

На самом же деле их появление в его хижине встревожило его и даже испугало. Отвечая Дюрану, он прикидывал, зачем Граузу Пьету понадобилось сопровождать своего соперника. Оба они были силачами, и оба слыли отпетыми негодьями. Инстинктивно он встал так, что небольшой стол оказался между ним и его непрошеными гостями.

— Я готов признать, что сегодня днем повел себя неправильно, — сказал он. — У меня не было никаких оснований поднимать на вас руку, Дюран. Вы ведь не могли знать, как обстоят дела, и я приношу свои извинения. Тем не менее этот пес принадлежит мне. Я потерял его неподалеку от хребта Джексона, и если Жак Лебо поймал его в капкан, а потом продал вам, то он распоряжался собакой, которая ему не принадлежала. Однако, чтобы вы не понесли ущерба, я готов возместить вам те деньги, которые вы за него отдали. Сколько это?

Пока он говорил, Грауз Пьет встал, а Дюран тяжело оперся на стол прямо против Чэллонера. Глядя на его мощные плечи, Чэллонер только удивлялся тому, что

днем ухитрился сбить такого великана с ног одним ударом.

— Нет, он не продается,— негромко сказал Дюран. Казалось, голос застревал у него в горле — такой он был исполнен ненависти. Сухожилия на руках, судорожно вцепившихся в крышку стола, вздулись узлами.

— Мосье, мы пришли за этим псом. Отдадите вы его нам по-хорошему?

— Я верну вам те деньги, которые вы за него заплатили, Дюран. И даже добавлю.

— Нет. Это моя собака. Отдадите вы ее мне... сейчас же?

— Нет!

Едва Чэллонер произнес это короткое слово, как Дюран всей тяжестью налег на стол. Чэллонер не ожидал такого быстрого нападения и был застигнут врасплох. С ревом, полным ярости и ненависти, Дюран набросился на него, и они оба упали на пол, увлекая за собой стол вместе с лампой. Фитиль затрещал и погас. В хижине стало совсем темно — только в окно струился смутный лунный свет. Чэллонер ждал совсем другого. Он полагал, что Дюран сначала попробует добиться своего с помощью угроз, и, понимая, что с ними двумя он голыми руками справиться не сможет, рассчитывал тем временем незаметно отойти к нарам — под подушкой у него лежал револьвер. Но теперь думать об этом было поздно. Навалившись на него, Дюран старался в темноте нащупать его горло. Чэллонер вскинул руку, чтобы зажать шею великана, как в тисках, и услышал, что Грауз Пьет оттаскивает стол в сторону. В следующее мгновение они попали в пятно лунного света, и Чэллонер увидел, что над ними наклоняется темный силуэт. Он успел зажать голову Дюрана под мышкой, однако и тот сумел одной рукой вцепиться ему в горло. Тут Грауз Пьет что-то крикнул Дюрану на индейском наречии, которого Чэллонер не знал. Он напряг все силы и оттащил своего противника в темноту, подальше от лунного пятна. Толстая шея Дюрана затрещала. Грауз Пьет снова спросил что-то на непонятном наречии. Чэллонер сжал шею противника как мог сильнее, и Дюран ничего не ответил.

Тут на них всем весом навалился Грауз Пьет и тоже начал нащупывать горло Чэллонера. Его толстые пальцы сначала было запутались в бороде Дюрана, но потом нашли то, чего искали. Силач мог бы задушить

Чэллонера за десять секунд, но его пальцы так и не сомкнулись. Неожиданно Грауз Пьет громко закричал. В этот крик, закончившийся почти стоном, вплелся лязг больших клыков и треск рвущейся куртки. Дюран услышал все это и, отчаянным усилием вырвавшись из хватки Чэллонера, вскочил на ноги. Чэллонер с быстротой молнии кинулся к нарам и тотчас повернулся к своим врагам, сжимая в руке револьвер.

Все произошло удивительно быстро — с того момента, когда опрокинулся стол, прошло не более минуты. Но теперь, когда опасность миновала, Чэллонера охватил ужас — он вспомнил, какое зрелище открылось ему, когда он днем подошел к большой клетке, в которой дрались Мики и Таао... Неужели сейчас, в темной хижине...

Он услышал стон и шум падения тяжелого тела.

— Мики! — закричал он. — Сюда, Мики! Сюда!

Уронив револьвер, Чэллонер бросился к двери и широко ее распахнул.

— Ради бога, уходите! — крикнул он. — Убирайтесь отсюда, пока целы!

Мимо него в темноте метнулась грузная фигура. Он догадался, что это Дюран.

Тогда он прыгнул назад во мрак хижины, на ощупь нашел загривок Мики и начал оттаскивать пса от его жертвы, хрипло повторяя:

— Мики! Мики! Мики!

Затем Чэллонер увидел, как Грауз Пьет подполз к двери, с трудом поднялся на ноги — его фигура четко вырисовывалась на фоне звездного неба — и, пошатываясь, побрел прочь. Тут напряженные мышцы Мики под руками Чэллонера расслабились, и пес растянулся на полу. Выждав еще минуту-другую, Чэллонер закрыл дверь и зажег запасную лампу. Он поднял перевернутый стол, поставил на него лампу и поглядел на Мики. Пес лежал неподвижно, опустив голову на передние лапы. Он смотрел на Чэллонера виноватыми, молящими глазами.

Чэллонер протянул к нему руки:

— Мики!

В одно мгновение Мики вскочил, и его лапы очутились на груди хозяина. Обняв его за шею, Чэллонер оглядел пол, на котором валялись обрывки меховой куртки.

— Мики, старина! Спасибо за своевременную помощь, — сказал он весело.

На следующее утро Чэллонер отправил трое саней с четырьмя своими помощниками на северо-запад, туда, где на Оленьем озере, в устье Кокрэна, находилась его новая фактория, а сам час спустя покинул факторию Макдоннелла и с одними легкими санями, запряженными пятью собаками, повернул прямо на запад, к хребту Джонсона. Вместе с ним отправился один из индейцев, служивших у Макдоннелла, — ему было поручено отвезти Нанетту Лебо в Форт О'Год. Ни Дюрана, ни Грауза Пьета он больше не видел и согласился с Макдоннеллом, который высказал предположение, что негодяи, несомненно, поспешили убраться восвояси после того, как их попытка отнять Мики силой окончилась столь неудачно для них. Вероятно, поспешность, с какой они покинули Форт О'Год, объяснялась еще и тем обстоятельством, что в этот день туда должен был прибыть отряд северо-западной королевской конной полиции, направлявшийся на Йоркскую факторию.

Только в самую последнюю минуту перед отъездом Чэллонер вывел Мики из хижины и привязал его к своим саням. Когда Мики увидел пятерых упряжных собак, сидевших на снегу, он весь напрягся и свирепо заворчал. Однако, услышав спокойный голос Чэллонера, он быстро понял, что перед ним не враги, и проникся к ним презрительной снисходительностью, которая затем сменилась даже благожелательным интересом. Собаки эти отличались большим добродушием — их привезли с юга, и в них не было капли волчьей крови.

В течение прошедших суток на долю Мики выпало столько необыкновенных и неожиданных событий, что он не мог прийти в себя еще долго после того, как они покинули Форт О'Год. В его мозгу вертелась карусель странных, волнующих картин. Все, что происходило до того, как он попал в руки Жака Лебо, отодвинулось куда-то далеко-далеко. И даже воспоминание о Нееве было почти вытеснено впечатлениями от событий в хижине Нанетты и в Форте О'Год. Его сознание было переполнено образами людей, собак и множества новых непонятных вещей. Лесной мир, к которому он привык, внезапно сменился миром Жака Лебо, Анри Дюрана и Грауза Пьета — миром двуногих зверей, которые били его дубинками и заставляли драться не на жизнь, а на

смерть. Он отплатил им как мог. И теперь он был все время настороже, опасаясь, как бы они не нажились на него из засады. Образы в его мозгу предупреждали его, что эти двуногие звери прячутся повсюду. Ему казалось, что их не меньше, чем волков в лесу, — ведь он видел, как они толпились вокруг большой клетки, в которой он дрался с Таао. В этом враждебном, пугающем мире был только один Чэллонер, одна Нанетта, одна малышка. А все остальное сливалось в хаос смутной неуверенности и неясных угроз. Дважды, когда помощник Макдоннелла нагонял их, Мики оборачивался со свирепым рычанием. Чэллонер, который все время внимательно следил за ним, прекрасно понимал его душевное состояние.

Из всех образов, теснившихся в памяти Мики, один был удивительно ясным и заслонял все остальные — даже самого Чэллонера. Это был образ Нанетты. Мики как будто чувствовал прикосновение ее ласковых рук, слышал ее тихий, задушевный голос, чуял запах ее волос и одежды, запах женщины, заботливой, доброй хозяйки. Малышка же казалась ему неотъемлемой частью Нанетты и словно сливалась с ней в одно. Конечно, Чэллонер не мог догадаться об этих мыслях Мики, и потому что-то в поведении собаки оставалось ему непонятным и сбивало его с толку. Вечером, когда они остановились на ночлег, Чэллонер долго сидел у костра, стараясь воскресить беззаветную дружбу тех дней, когда Мики был щенком. Но это удалось ему только отчасти. Мики как будто что-то тревожило. Он все время беспокойно отходил от костра, поворачивал голову на запад и нюхал воздух. И каждый раз при этом тихонько и жалобно повизгивал.

Чэллонер не мог понять, в чем дело, и поэтому, ложась спать, на всякий случай привязал Мики возле палатки крепким сыромятным ремнем. После того как Чэллонер ушел в палатку, Мики еще долго сидел насторожившись под елкой, к которой его привязали. Было часов десять, и в лесу стояла такая тишина, что треск рассыпающихся в костре угольков казался Мики шелканьем хлыста. Его глаза были широко открыты, уши стояли торчком. Чуть в стороне от костра он различал темное пятно — это, закутавшись на индейский манер в толстые одеяла, спал помощник Макдоннелла. Поодаль, свернувшись калачиком, в снегу спокойно спали ездовые собаки. Луна почти достигла зенита, и милях в двух от стоянки

выл волк, задрав морду к золотистому диску. Этот вой, словно отдаленный зов, окончательно взбудоражил Мики. Он повернулся в ту сторону, откуда доносился протяжный клич. Ему хотелось ответить. Ему хотелось запрокинуть голову и воззвать к лесу, к луне, к звездному небу. Но он только щелкнул зубами и посмотрел на палатку, в которой спал Чэллонер. Наконец Мики растянулся на снегу, но тотчас же приподнял голову и продолжал прислушиваться.

Луна начала спускаться к западному горизонту. Костер совсем догорел, и во мгле лишь тускло поблескивали гаснущие угли. На часах Чэллонера стрелки миновали полночь, но Мики по-прежнему бодрствовал, и владевшее им волнение становилось все более непреодолимым. Наконец он почувствовал, что не может больше противиться властному зову, звучавшему в ночи, и перегрыз ремень. Его звала Нанетта, Нанетта вместе с малышкой.

Отойдя от елки, Мики обнюхал угол палатки Чэллонера. Его спина виновато выгнулась, хвост уныло повис. Он чувствовал, что предает хозяина, которого ждал так долго, которого постоянно видел во сне. Конечно, он не отдавал себе ясного отчета в том, что собирался сделать, но им вдруг овладела глубокая тоска. Он вернется. Где-то в глубине его мозга пряталось смутное убеждение, что он обязательно вернется. Но сейчас... сейчас он должен ответить на этот зов.

Мики крадучись скользнул в лес, припадая к земле и с осторожностью лисицы обходя спящих собак. Только когда стоянка осталась далеко позади, он выпрямился и серой стремительной тенью в голубоватых лучах луны понесся на запад.

В движениях Мики не было ни нерешительности, ни колебаний. Его раны не болели, и он бежал ровной, размашистой рысью, словно молодой, полный сил волк. Вспугнутые кролики бросались в сторону, но он не замедлял бега, и даже пронзительный запах пекана не заставил его свернуть с пути. Безошибочное чувство направления вело его через болота и густые чащи, через замерзшие озера и речки, через открытые равнины и лесные пожарища. Один раз он остановился, чтобы напиться из полыньи там, где быстрый ручей не замерзал и в самые лютые морозы, но через несколько секунд уже бежал дальше. Луна спускалась все ниже и ниже и, наконец, исчезла за горизонтом. Звезды начали бледнеть

и гаснуть — маленькие растворялись в молочной дымке, большие тускнели. Лесной мир окутала призрачная снежная мгла.

За шесть часов — от полуночи до рассвета — Мики пробежал тридцать шесть миль. Потом он остановился. Улегшись в снегу рядом с большим камнем на вершине холмистой гряды, он смотрел, как рождается день. Открыв пасть, он старался отдышаться, пока по восточному краю неба разливалось тусклое золото зимней зари. Затем из-за зубчатой кромки леса, точно отблеск пушечного залпа над крепостной стеной, вырвались первые яркие солнечные лучи. Тогда Мики поднялся на ноги и оглядел свой мир, облачающийся в чудесный утренний наряд. Позади него, в пятидесяти милях от этой гряды, лежал Форт О'Год, впереди, в двадцати милях, — хижина Нанетты. И он начал спускаться по склону в сторону хижины.

По мере того как расстояние между ним и хижинкой сокращалось, им вновь начинала овладевать беспокойная тоска, похожая на ту, которая томила его накануне возле палатки Чэллонера. Но в чем-то она была иной. Он бежал всю ночь напролет. Он покорился властному зову. А теперь, когда цель была уже совсем близка, его охватил страх. Он не знал, какой прием ждет его в хижине. Ведь Нанетта позволила увести его... Может быть, он ей больше не нужен?

Мики замедлил шаг. Часа через три его чуткие ноздри уловили запах дыма. До хижины Нанетты и малышки оставалось не более полумили. Но Мики не побежал напрямик, а по-волчьи описал большой полукруг и осторожно подкрался к маленькой вырубке, на которой несколько недель назад ему открылся новый мир. Вот клетка из березовых жердей, сколоченная Жаком Лебо, чтобы держать его в неволе. Дверца клетки была открыта. Ее открыл Дюран, чтобы тайком увести его. Мики увидел утоптаный снег на том месте, где он прыгнул на грудь своего мучителя. И заскулил.

Он посмотрел на дверь хижины. Она тоже была приотворена, но он не заметил внутри никакого движения. Однако обоняние заверило его, что в хижине живут. К тому же из трубы валил дым. Мики, понурившись, побрел через вырубку. Всем своим видом он выражал смиренную мольбу о прощении. Он словно просил Нанетту не прогонять его, даже если он в чем-нибудь провинился перед ней.

Мики приблизился к двери и заглянул внутрь. Комната была пуста. Нанетты в ней не было. Но тут его уши стали торчком, а тело напряглось — он услышал веселое воркование. Оно доносилось из колыбели. Мики судорожно вздохнул, негромко взвизгнул, постукивая когтями, прошел по половицам и заглянул в колыбель. Там лежала малышка. Мики тихонько лизнул маленькую ручонку горячим языком — всего один раз, а потом опять глубоко вздохнул и растянулся на полу.

Затем Мики услышал шаги. В хижину вошла Нанетта с одеялами в руках. Она отнесла их в чуланчик, вернулась в комнату и только тут увидела Мики. Она вздрогнула и остановилась как вкопанная. Но через секунду, негромко вскрикнув, она уже кинулась к нему, и он снова почувствовал ее руки на своей шее. Тогда он заскулил, как щенок, и сунул морду ей под мышку, а Нанетта смеялась сквозь слезы, а малышка в колыбели радостно попискивала и высоко задирала ножки, обутое в крохотные мокасины.

«Ао-у тап-ва-мукун» («Когда уходит злая беда, приходит счастье») — гласит поговорка индейцев кри. А для Нанетты смерть ее мужа стала избавлением от самой злой беды. Теперь, когда ей уже не приходилось ежеминутно опасаться тяжелых кулаков и дубинки, она вся словно расцвела. Загнанное, боязливое выражение исчезло из ее темных глаз. Теперь они сияли и лучились. К ней вернулась ее юность, освобожденная от невыносимого гнета. Нанетта была счастлива. Она радовалась тому, что с ней — ее дочка, она радовалась свободе, радовалась солнцу и звездам и с надеждой смотрела в будущее.

Вечером, когда она перед сном распустила волосы, Мики тихонько подошел к ней. Ему нравилось тыкаться носом в эти мягкие пушистые кудри, нравилось класть голову ей на колени и прятаться за их блестящим поломом. А Нанетта крепко обняла его, как обнимала дочку. Ведь это Мики невольно послужил причиной того, что она снова обрела жизнь, надежду, радость. Гибель Лео была справедливым воздаянием, и повинен в ней был только он сам.

А на следующий вечер, когда Нанетта причесывалась перед сном, в хижину вошел Чэллонер, и когда он увидел ее сияющие глаза и волну шелковистых кудрей, у него словно земля ушла из-под ног, и он понял, что вся его прошлая жизнь была только прологом к этой минуте.

После того как в хижине Нанетты Лебо появился Чэллонер счастье Мики стало уже совсем безоблачным. Он, разумеется, не анализировал, почему ему так хорошо, и ничего не опасался в будущем. Мики жил только настоящим, а в этом настоящем три существа, которых он любил сильнее всего на свете, были вместе, были рядом с ним, а больше ему ничего не требовалось. И тем не менее где-то в глубинах его памяти, надежно хранившей все важнейшие события, которые ему довелось пережить, таился образ Неевы, черного медвежонка. Мики не забыл Нееву, своего друга, своего брата, дравшегося бок о бок с ним, когда они встречали опасных врагов. И время от времени ему вспоминалась холодная, занесенная снегом пещера у вершины каменистого холма, пещера, в которой Неева погрузился в таинственный беспробудный сон, почти не отличимый от смерти. Но жил Мики настоящей минутой. Дни шли за днями, а Чэллонер все еще не покидал вырубки, да и Нанетта не уехала в Форт О'Год с помощником Макдоннелла. Индеец вернулся один и передал фактору письмо от Чэллонера, в котором сообщалось, что девочка кашляет и Нанетта боится пускаться в дальний путь, пока стоят такие морозы. Кроме того, он просил прислать ей некоторые припасы.

Хотя в первых числах января действительно ударили лютые морозы, Чэллонер по-прежнему жил в палатке на опушке, шагах в ста от хижины, и Мики то навещал своего первого хозяина, то отправлялся в гости к Нанетте. Это были самые счастливые дни в его жизни. Ну, а Чэллонер...

Мики видел все, что происходило, но понять смысл происходящего он был не способен. Прошла неделя, затем вторая, и в глазах Нанетты появилось особое сияние, которого Мики никогда прежде в них не замечал. Изменился и ее голос — он стал каким-то особенно задушевным и милым.

А потом настал день, когда Мики, лежавший возле колыбели, поднял голову и увидел, что его хозяин обнимает Нанетту и что-то говорит ей, а ее лицо озаряет невыразимая радость. Мики смотрел на них с недоумением. Это недоумение возросло еще больше, когда Чэллонер отошел от Нанетты, нагнул над колыбелью и нежно взял малышку на руки, а Нанетта вдруг закрыла

лицо ладонями и расплакалась. В горле Мики поднялось глухое рычание, но в это мгновение Чэллонер свободной рукой притянул к себе Нанетту, она обняла его и малышку и что-то говорила сквозь слезы. Мики не понимал ее слов — он вообще ничего не понимал, но он чувствовал, что сейчас не время рычать или бросаться к ней на помощь. Его охватило необъяснимое радостное возбуждение, но он сдерживал его и только смотрел во все глаза. Минуту спустя Нанетта опустилась на колени и крепко обняла его за шею, как только что обнимала Чэллонера, а Чэллонер приплясывал с малышкой на руках и весело ей что-то растолковывал. Потом и он сел на пол рядом с Мики.

— Мики, старина! Я теперь семейный человек, слышишь? — торжественно объявил он.

Мики попытался понять — и не смог.

Вечером за ужином Чэллонер и Нанетта болтали и смеялись, как двое счастливых ребяташек. Мики не спускал с них глаз, все еще стараясь разобраться, что с ними происходит, — и не понимал.

Перед тем как уйти в свою палатку на опушке леса, Чэллонер обнял Нанетту и поцеловал ее, а она прижала ладошку к его щеке, засмеялась и чуть было снова не расплакалась от радости.

И тут Мики понял: к обитателям хижины пришло счастье, только и всего.

Теперь, когда в его мире окончательно воцарились радость и спокойствие, Мики снова занялся охотой. Вновь он услышал властный призыв лесных троп и начал уходить от хижины все дальше и дальше. Он опять обследовал капканы Лебо. Но они давно захлопнулись, и некому было ставить их заново. Мики почти утратил свою былую недоверчивую осторожность. Он потолстел и больше уже не чуял надвигающейся опасности в каждом порыве ветра. На третью неделю пребывания Чэллонера в хижине, в тот самый день, когда внезапно потеплело и два месяца лютых морозов подошли к концу, Мики в добрых десяти милях от хижины наткнулся на ловушку, которую Лебо поставил, рассчитывая, что в нее попадет рысь. Это было бревно, подвешенное так, что оно должно было упасть, стоило только дернуть приманку. Но никто не прикоснулся к куску мяса, и оно промерзло насквозь и стало твердым как камень. Мики из любопытства обнюхал приманку. Он больше ничего

не опасался. Он уже не ощущал повсюду присутствия постоянной неведомой угрозы. И вот Мики куснул приманку. Потом с силой рванул — и бревно с грохотом упало ему на спину. Чудом его позвоночник остался цел. Почти сутки, превозмогая боль, Мики вновь и вновь пытался выбраться из-под бревна, придавившего его к земле. В конце концов ему это удалось. Еще накануне, когда потеплело, начал падать мягкий снежок, который быстро занес все лесные тропы. Мики полз по нетронутой белой пелене, оставляя за собой широкий след, точно выдра в прибрежном иле. Задние лапы у него отнялись, хотя хребет и не был перебит. Но он слишком долго пролежал под тяжелым бревном, чтобы это могло пройти безнаказанным, — вся задняя часть туловища у него была словно парализована.

Мики пополз по направлению к хижине, но каждое движение вызывало мучительную боль, и он полз так медленно, что за час удалился от бревна меньше чем на четверть мили. До наступления ночи он прополз меньше двух миль! Мики забился под куст и пролежал под ним до зари, а потом и весь следующий день. Когда занялось новое утро (шли уже четвертые сутки с того момента, как он отправился на эту роковую охоту), Мики почувствовал, что боль в спине как будто уменьшилась. Однако стоило ему проползти несколько шагов, как силы совсем его покидали. И тут ему вдруг улыбнулась удача — после полудня он наткнулся на тушу карибу, полуобглоданную волками. Мясо замерзло, но Мики принялся грызть его с жадностью. Потом он заполз под кучу валежника и пролежал там десять дней между жизнью и смертью. Если бы не туша карибу, конечно, Мики погиб бы. Но каждый день, а иногда и через день он с трудом подползал к ней и проглатывал несколько кусочков мяса. Прошло почти две недели, прежде чем ноги снова начали служить ему. На пятнадцатый день он припелелся к хижине.

Едва Мики вышел на вырубку, как его охватило ощущение беды. Хижина стояла на прежнем месте. Она как будто была совсем такой, как пятнадцать дней назад. Но над трубой не вился дымок, а окна заросли густым слоем пушистого инея. Снег вокруг хижины был белым, как чистая простыня, и его белизну не нарушал ни единый след. Мики нерешительно направился к двери. И там тоже не было следов. Ветер намел у порога высокий сугроб. Мики взвизгнул и заскребся в дверь. Ему

ответила только тишина. Из хижины не донеслось ни единого звука.

Мики вернулся в лес и начал ждать. Он ждал до вечера и время от времени подходил к двери и вновь обнюхивал ее, проверяя, не ошибся ли он. С наступлением темноты он вырыл ямку в снегу возле двери и пролежал в этом логовище всю ночь. Наконец занялся серый и унылый рассвет. Но из трубы не повалил дым, и за бревенчатыми стенами по-прежнему царила нерушимая тишина. Тогда Мики наконец понял, что Чэллонер, Нанетта и малышка покинули хижину.

Однако он не потерял надежды. Он перестал слушать под дверь — теперь он ждал, что знакомые голоса донесутся до него откуда-нибудь из леса, и то и дело обводил взглядом опушку. Он даже отправился на розыски и обследовал лес то с одной стороны хижины, то с другой, тщетно принюхиваясь к нетронутomu снегу и ловя ветер чуткими ноздрями. Под вечер, уныло опустив хвост, он затрусил в чашу, чтобы поймать на ужин кролика. Поев, он вернулся к хижине и улегся спать в ту же ямку возле двери. Третий день и третью ночь он тоже провел возле хижины и в эту третью ночь услышал волчий вой, далеко разносившийся под чистым звездным небом. И впервые за все это время Мики завыл — тоскливо и жалобно. Он вовсе не отвечал волкам — он звал хозяина, Нанетту и малышку, и в его голосе слышались горе и тоскливая безнадежность.

Никогда еще Мики не ощущал себя таким одиноким. И его собачьему мозгу представлялось, будто все, что он видел и чувствовал в течение последних недель, было сном, а теперь он очнулся и вновь обнаружил вокруг себя все тот же враждебный лесной мир, полный опасностей и неизбежного одиночества, — мир, где нет дружбы, а есть только нескончаемая, отчаянная борьба за существование. Инстинкты, притупившиеся было за время его пребывания в хижине, вновь обрели силу и остроту. Теперь его опять ни на минуту не оставляло волнующее ощущение постоянных опасностей, которые грозят тому, кто бродит по лесу в одиночку, к нему вернулась осторожность, и на четвертый день он уже крался по вырубке, как волк.

На пятую ночь он не лег спать в ямке у двери, а ушел в лес и в миле от хижины отыскал подходящую для ночлега кучу бурелома. До утра его мучили тревожные сны. Но ему не снились Чэллонер, Нанетта и малышка

или драка в Форт О'Год и все то новое и непонятное, что он там видел. Нет, во сне он бродил у каменистой вершины холма, занесенной глубоким снегом, и забирался в темную, безмолвную пещеру. Вновь он старался разбудить своего брата и товарища по летним странствованиям — Нееву, черного медведя, ощущал теплоту его тела и слышал, как тот сонно ворчит, не желая просыпаться. А потом он вновь пережил во сне схватку среди кустов черной смородины и вместе с Неевой улепетывал во весь дух от разъяренной медведицы, которая вторглась в их овражек.

Внезапно Мики проснулся — он весь дрожал, его мышцы были напряжены. Он зарычал, и в темноте его глаза горели, как два огненные шарика. В черной яме под перепутанными ветками он тихонько и призывно заскулил, а потом долго прислушивался, не ответит ли Неева.

Еще целый месяц после этой ночи Мики рыскал вблизи хижины. И каждый день он хотя бы один раз обследовал вырубку, а иногда забегал туда и ночью. Но тем не менее его мысли все чаще занимал Неева. Начало марта ознаменовалось тики-свао — большой оттепелью. Целую неделю солнце ярко сияло в безоблачном небе. Воздух стал теплым, снег проваливался под ногами, а на южных склонах холмов сугробы быстро таяли, растекаясь стремительными журчащими ручейками, или миниатюрными лавинами обрушивались вниз на дно оврагов. Мир был проникнут новым радостным возбуждением — близилась весна. И в душе Мики начала медленно пробуждаться новая надежда, рождавшаяся из новых впечатлений и нового зова инстинктов, — он вдруг почувствовал, что Неева должен вот-вот проснуться.

Эта мысль возникала у него, словно подсказанная кем-то со стороны. Об этом пели ему ручейки, которые, журча, пробирались по снегу и с каждым днем становились все шире и глубже, об этом шептал ему теплый ветер, совсем не похожий на свирепые леденящие ветры зимы, об этом говорили ему обновленные весенние запахи леса и сладкое благоухание оттаивающей земли. И он испытывал неодолимое возбуждение, он слышал зов, он знал: Неева должен вот-вот проснуться.

Мики ответил на зов — остановить его можно было бы, только пустив в ход силу. Однако он не побежал к

холму Неевы прямо, так, как побежал из лагеря Чэлло-нера к хижине, где жила Нанетта с малышкой. Тогда он твердо знал, куда и зачем бежит,—тогда его влекла ясная и легко достижимая цель. Но теперь манящий зов не воплощался в реальные образы. Вот почему, направившись на запад, первые два-три дня Мики петлял по лесу и часто подолгу задерживался на одном месте. Затем он вдруг решительно побежал прямо вперед и не останавливался, пока на рассвете пятого дня не достиг опушки — перед ним расстилалась широкая безлесная равнина, которую пересекала гряда холмов. Мики сел и долго смотрел на равнину.

Когда он продолжил путь, образ Неевы в его мозгу с каждым шагом становился все более четким и ясным. Ему уже казалось, будто он ушел от этой гряды всего только накануне. Холмы тогда были засыпаны снегом и землю окутывали серые страшные сумерки. А теперь сугробов почти не осталось, солнце светило ярко, а небо снова было голубым. Мики продолжал уверенно бежать к знакомому холму — он не забыл пути. Особого волнения он не испытывал, потому что утратил ощущение времени. Он спустился с этого холма вчера, а сегодня возвращается туда, что здесь особенного?

Мики направился прямо к пещере, вход в которую уже освободился от снега, сунул голову в отверстие и понюхал воздух. Ну и лежебока же этот черный лентяй! Подумать только — он все еще спит! Мики чувствовал запах Неевы, а прислушавшись, уловил даже звук его дыхания.

Перебравшись через снежный вал, который намело в устье прохода, Мики уверенно прыгнул в темноту пещеры. Он услышал негромкое сонное фыркание, а потом глубокий вдох и тут же чуть было не споткнулся о Нееву, который, как оказалось, за зиму сменил постель. Неева снова фыркнул, и Мики взвизгнул. Он ткнулся мордой в новый весенний мех Неевы и ощупью добрался до его уха. Всего-то один день прошел! И он прекрасно помнил все, что было накануне! Поэтому он укусил Нееву за ухо и негромко залаял — Неева всегда прекрасно понимал этот басистый отрывистый лай.

«Проснись же, Неева! — словно говорил он. — Проснись! Снег растаял, и погода прекрасная. Ну, проснись же!»

И Неева сладко потянулся и широко, от всей души зевнул.

Мешэба, старый индеец кри, сидел на залитом солнцем камне на южном склоне холма, откуда была хорошо видна вся долина. Мешеба, которого когда-то, в давние-давние дни, соплеменники прозвали Великаном, был очень стар. Он родился так давно, что в книгах факторий Компании Гудзонова залива год его рождения не значился.

Его лицо сморщилось и побурело, как старая оленья кожа, а прямые волосы, обрамлявшие смуглые впалые щеки, достигали плеч и были белы как снег. Руки у него были худые, и даже нос казался худым — это была худоба глубокой старости. Но его глаза все еще блестя, как два темных драгоценных камня, и зоркость их оставалась прежней, нисколько не уменьшившись за без малого девяносто лет.

Сидя на теплом камне, Мешеба внимательно оглядывал долину. В четверти мили за его спиной стояла старая хижина, в которой он жил один. Зима была долгой и холодной, а потому, радуясь наступлению весны, старый Мешеба взобрался на холм, чтобы погреться на солнышке и посмотреть на пробуждающиеся леса. Уже около часа его взгляд блуждал по долине словно взгляд старого, умудренного опытом сокола. В дальнем конце долины темнел старый лес из елей и кедров, между ним и холмистой грядой простирались ровные луга, еще покрытые тающим снегом, среди которого проглядывали ширящиеся пятна буровато-зеленой прошлогодней травы. С того места, где сидел Мешеба, ему был хорошо виден крутой холм, далеко вдававшийся в равнину в ста ярдах от него. Холм этот сам по себе не интересовал старого индейца, но он заслонял от его взгляда значительную часть долины.

Весь этот час Мешеба просидел неподвижно, посаывая черную трубку, из которой вился еле заметный сизый дымок. За это время он успел увидеть немало всякого зверья. В полумиле от его холма из леса вышло небольшое стадо карибу, а потом скрылось в кустарнике совсем неподалеку от него. Но старый индеец не почувствовал былого охотничьего азарта, а к тому же в хижине у него хранился достаточный запас свежего мяса. Затем он заметил вдалеке безрогого лося, такого нескладного и забавного в своем весеннем безобразии, что пергаментные губы Мешебы на мгновение раздвинулись в

веселой улыбке, и он негромко и одобрительно хмыкнул, — несмотря на свой возраст, Мешеба полностью сохранил чувство юмора. Потом он увидел волка и два раза лисицу, а теперь его взгляд был устремлен на орла, парившего высоко над его головой. Орел представлял собой легкую мишень, но старый индеец ни за что на свете не стал бы стрелять в гордую птицу: они были давними знакомыми, и из года в год, когда наступала весна, Мешеба видел этого орла в солнечном небе. Поэтому он одобрительно хмыкнул, радуясь, что Уписк не погиб во время зимних холодов.

— Мы оба прожили долгую жизнь, Уписк, — пробормотал он, — и, наверное, нам суждено умереть вместе. Мы много раз встречали весну, и скоро для нас должна навеки настать черная, непроглядная зима.

Индеец медленно отвел глаза от орла, и его взгляд случайно упал на крутой холм, заслонявший от него часть долины. Внезапно его сердце сильно забилося, он вынул трубку из рта и уставился на холм неподвижным взглядом каменной статуи.

На плоском уступе, залитом солнечным светом, не более чем в ста шагах от него, стоял молодой черный медведь. В ласковых лучах полуденного солнца весенний мех медведя блестел как полированное черное дерево. Но ошеломило Мешебу вовсе не внезапное появление медведя. Нет, старый индеец с изумлением уставился на другого зверя, который стоял рядом с Вакайо, — это был не другой медведь, а... огромный волк. Медленным движением старик поднял худую руку и протер глаза в полной уверенности, что они его обманывают. За восемьдесят с лишним лет, которые он прожил в лесах, Мешеба ни разу не видел, чтобы волк и медведь дружили. Природа создала их заклятыми врагами, и они с рождения питают друг к другу неутолимую ненависть. Вот почему Мешеба некоторое время думал, что у него мутится в глазах. Но потом он убедился, что действительно стал свидетелем чуда; второй зверь повернулся к нему боком, и у старика не осталось никаких сомнений — это и в самом деле был волк! Широкогрудый, крупнокостый, он доставал Вакайо, медведю, до плеча. Огромный волк, лобастый и...

Сердце Мешебы снова забилося сильнее — он посмотрел на хвост таинственного зверя. У волка весной хвост бывает большим и пушистым, а у этого зверя шерсть на хвосте была короткой и плотно прилегала к коже!

— О-о! — пробормотал Мешеба еле слышно. — Это собака!

Он начал тихонько отодвигаться назад, — со стороны могло бы показаться, будто он съеживается, сохраняя полную неподвижность. Его ружье было прислонено к камню сзади, так, что он не мог до него сразу дотянуться.

А в ста шагах от старого индейца на уступе стояли Неева и Мики и шурились от яркого солнца. Позади них темнело входное отверстие пещеры, в которой Неева проспал все зимние месяцы. Мики никак не мог разрешить одну непонятную загадку. Ему казалось, что он оставил Нееву спать в пещере только вчера, — долгая, тяжкая зима, которая принесла ему столько испытаний, отодвинулась куда-то вдаль, словно ее и вовсе не было. И вдруг оказалось, что Неева за это короткое время ужасно вырос. Дело в том, что все четыре месяца, которые Неева проспал, он продолжал расти и был теперь в полтора раза больше, чем осенью. Если бы Мики умел говорить на языке кри и если бы Мешеба дал ему время изложить свои сомнения, он, вероятно, произнес бы примерно такую речь:

«Видите ли, мистер индеец, — сказал бы он, — этот медвежонок и я подружались, еще когда мы были совсем малышами. Человек по фамилии Чэллонер связал нас одной веревкой, когда Неева — вот этот самый медведь — был не больше вашей головы... Как мы царапались и кусались, пока не узнали друг друга по-настоящему! Ну, а потом мы свалились в реку и с тех пор бродили по лесу вместе, как братья. За лето у нас было много разных приключений, и смешных и опасных, а когда настали холода, Неева отыскал вон ту дыру в земле и проспал, бездельник, всю зиму! Про то, что мне довелось пережить за эту зиму, я говорить не стану, хотя много всякого было! Ну, а как потеплело, я почувствовал, что Неева, пожалуй, выспался и пора бы ему, лежебоке, продрать глаза. Вот я и вернулся сюда. Теперь мы опять вместе. Только... объясните мне, пожалуйста, одно: почему Неева такой большой?»

Возможно, Мики изложил бы свои мысли как-нибудь иначе, но, во всяком случае, в этот момент они были заняты именно неожиданным превращением Неевы из маленького медвежонка в большого медведя. Впрочем, Мешеба, вместо того чтобы выслушивать его объяснения, все равно потянулся бы за ружьем. А Неева тем временем, подняв коричневый нос, нюхал ветер и вскоре уло-

вил в нем какой-то неизвестный ему запах. Из всех троих только Неева в эту минуту ничему не удивлялся. Когда он четыре с половиной месяца назад погрузился в спячку, Мики был рядом с ним, и сегодня, когда он проснулся, Мики по-прежнему был рядом с ним. А они с Мики и до этого много раз засыпали бок о бок и, просыпаясь, вместе встречали новый день. Ведь Неева и не подозревал, что они не виделись четыре с половиной месяца: ему представлялось, что с того времени, как он заснул, прошла всего одна ночь.

И Нееву теперь тревожил только непонятный запах, который доносил до него теплый ветерок. Инстинктивно он почувствовал в этом запахе какую-то угрозу и решил, что на всякий случай им будет полезнее убраться куда-нибудь подальше от этого подозрительного места. Поэтому он затрусил прочь, предупредив Мики тревожным «уф!». И когда Мешеба выглянул из-за камня, рассчитывая на легкий выстрел, он увидел, что странная пара исчезает среди деревьев. Почти не целясь, он поспешно выстрелил им вслед.

Грохот выстрела и зловещий свист пули вызвали как у Неевы, так и у Мики множество страшных воспоминаний; Неева, прижав уши и выгнув спину, припустил своим особым галопом, и почти милую Мики приходилось всерьез напрягать силы, чтобы не отстать от приятеля. Затем Неева остановился, тяжело переводя дух. Он ведь ничего не ел почти треть года, а кроме того, ослабел от долгой неподвижности, и такая пробежка чуть было не прикончила его. Прошло несколько минут, прежде чем он оправился настолько, что сумел фыркнуть. Мики использовал эти минуты на то, чтобы тщательно обнюхать Нееву от морды до хвоста. По-видимому, результат этого осмотра вполне его удовлетворил: кончив его, он залихватисто затыкал п, забыв про то, что он уже совсем взрослый, принялся в неумемном восторге прыгать вокруг Неевы.

«Зимой мне было очень трудно и грустно одному, и я страшно рад, что мы опять вместе,— говорили его буйные прыжки.— Ну, чем мы сейчас займемся? Пойдем поохотимся?»

Видимо, Неева думал о том же самом, так как он повернулся, деловито спустился в долину прямо к небольшому болотцу и начал разыскивать съедобные корни и траву. Роясь в земле, он добродушно похрюкивал, сов-

сем как тогда, когда был маленьким медвежонком. И Мики, рыскавший поблизости, почувствовал, что долгие месяцы одиночества и правда остались позади.

Глава XXV

Мики и Неева — особенно Неева — не видели ничего странного в том, что они снова были вместе и что их дружба осталась такой же, какой была. Хотя за месяцы зимней спячки Неева сильно вырос, его воспоминания и образы, жившие в его мозгу, не изменились. Ему не пришлось пережить ни одного из тех ошеломительных событий, которые выпали этой зимой на долю Мики, а потому именно Неева воспринял возобновление их прежних отношений как нечто само собой разумеющееся. Он продолжал усердно разыскивать съедобные корни, как будто этих четырех с половиной зимних месяцев и вовсе не было, а когда несколько утолил первый голод, то совсем как прежде оглянулся на Мики, словно спрашивая, что они будут делать дальше. И Мики тоже вернулся к прежним привычкам с такой легкостью, как будто их разлука продолжалась не больше недели. Возможно, он попытался растолковать Нееве, что произошло с ним за эту зиму. Ему, конечно, хотелось рассказать своему другу о том, при каких странных обстоятельствах он встретил Чэллонера, своего первого хозяина, и как опять его потерял. И о том, как он познакомился с Нанеттой и ее дочерью, маленькой Нанеттой, и как провел с ними несколько недель и полюбил их больше всего на свете.

Вот почему его тянуло на северо-восток — туда, где стояла хижина, в которой прежде жила Нанетта с малышкой, и именно к этой хижине он потихоньку вел Нееву в первые полмесяца их возобновившихся совместных странствований. Вперед они продвигались медленно, главным образом потому, что весенний аппетит Неевы был поистине неутолим, и девять десятых своего бодрствования молодой медведь посвящал насыщению, в невероятных количествах пожирая съедобные корни, набухающие почки и траву. А Мики в течение первой недели не раз совсем отчаивался и решал навсегда бросить охоту: как-то он поймал пять кроликов, а Неева съел из них четырех и захрюкал, свинья эдакая, требуя еще!

Если Мики не переставал дивиться обжорству Неевы год назад, когда он был еще щенком, а Неева — маленьким медвежонком, то теперь он даже потерял способность, удивляться, потому что, когда дело доходило до еды, Нееву можно было сравнить только с бездонным колодезцем. А в остальном он полностью сохранил свой добродушный нрав, и они по-прежнему часто затевали веселую возню, хотя теперь силы их были далеко не равны — Неева весил чуть ли не вдвое больше, чем Мики. Он очень быстро научился пользоваться своим преимуществом в весе: уловив момент, он внезапно наваливался на Мики, прижимал его к земле всей тяжестью своего толстого мохнатого тела и обхватывал передними лапами, так что Мики не мог пошевелиться. Иногда Неева, сжав Мики в могучем объятии, перекатывался с ним на спину, и оба рычали и рывкали, словно вели борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта игра очень нравилась Мики, хотя верх в ней в буквальном смысле слова всегда оставался за Неевой, но потом в один прекрасный день они затеяли возню на краю обрыва и в конце концов свалились на дно оврага лавиной мелькающих медвежьих и собачьих лап. После этого Неева надолго оставил привычку кататься по земле, торжествуя победу над беспомощным противником. Впрочем, если Мики надоедало играть, ему достаточно было куснуть Нееву своими длинными клыками, и медведь тотчас отпускал его и быстро вскакивал с земли — к зубам Мики он питал самое глубокое уважение.

Однако больше всего Мики любил, когда Неева затевал драку, встав на задние лапы, словно человек. Вот тогда они оба отводили душу. Зато его по-прежнему выводила из себя манера Неевы среди бела дня залезать на дерево и устраиваться там спать.

Начиналась уже третья неделя их странствований, когда они наконец добрались до хижины Нанетты. Она осталась точно такой же, какой Мики видел ее в последний раз, и когда они с Неевой оглядели вырубку, притаившись за кустами, его хвост уныло повис. Над трубой не поднимался дым, и не было заметно никаких других признаков жизни. Только стекло в окошке было теперь разбито — возможно, какому-нибудь любопытному медведю или росомaxe захотелось узнать, что находится внутри заброшенного человеческого жилья. Мики подошел к окошку, встал на задние лапы, сунул морду в дыру и понюхал воздух. Запах Нанетты еще не исчез, но

стал еле различимым. А больше там ничего от нее не осталось. Комната была пуста, если не считать плиты, стола и грубо сколоченной скамьи. Все остальное исчезло.

Еще около получаса Мики не отходил от хижины и то и дело вставал у окна на задние лапы, пока Нееву наконец не разобрало любопытство и он не последовал примеру приятеля. Неева тоже уловил слабый запах, еще таившийся в хижине, и долго принюхивался. Чем-то этот запах напоминал тот, который его ноздри уловили, когда он, только что покинув берлогу, стоял с Мики на залитом солнцем уступе. И все-таки это были разные запахи: запах в хижине казался менее навязчивым и далеко не таким противным.

Целый месяц Мики не желал уходить из окрестностей хижины. Его удерживало тут смутное, но властное чувство, которое он не был способен понять, а тем более проанализировать. Некоторое время Неева добродушно мирился с необъяснимым капризом приятеля. Потом ему надоело бродить по одним и тем же местам: рассердившись, он обиженно ушел и три дня странствовал в одиночестве. Мики вынужден был во имя дружбы последовать за ним. Время созревания ягод — начало июля — застало их на границе области, где родился Неева, в шестидесяти милях к северо-западу от хижины.

Но это было лето бебе как ам геда — лето засух и пожаров, а потому ягод было совсем мало. Уже в середине июля леса начало окутывать сероватое дрожащее марево. В течение трех недель не выпало ни одного дождя. Даже ночи были жаркими и сухими. Каждый день все факторы в этих местах обводили окрестности тревожным взглядом, а к первому августа служащие на факториях индейцы принялись систематически обходить ближние леса, проверяя, не занялся ли где-нибудь пожар. Лесные жители, еще не покинувшие свои хижины и типи, были начеку и днем и ночью. Утром, в полдень и на закате они влезали на высокие деревья и вглядывались в мутное, колышущееся марево — не клубится ли над чащей дым? День за днем дул ровный и устойчивый юго-западный ветер. Он был сухим и жгучим, словно приносился в северные леса из раскаленных экваториальных пустынь. Ягоды засыхали на кустах, рябина сморщилась и завяла, не успев созреть. Ручьи иссякали, болота превращались в унылые торфяные пустоши, а листья на тополях уже не шуршали весело на ветру, а безжизненно свисали с ве-

ток. Лесным жителям лишь раз в тридцать — сорок лет доводится видеть, как тополиные листья свертываются в сухие трубочки и облетают, спаленные безжалостным летним солнцем. Такое увядание листьев индейцы называют кискевахун — предупреждение об опасности. Вянувшие листья предупреждают не только о возможной гибели в бушующем море огня, но и о том, что зимой дичи и пушного зверя будет мало, а именно это самая страшная беда для охотников и траперов.

Пятое августа застало Нееву и Мики на большом высушающем болоте. В низинах духота была особенно невыносимой. Друзья брели по краю глубокой черной рытвины, которая всего месяц назад была руслом полноводной речки, а теперь производила такое же гнетущее впечатление, как и сама эта тягостная жара. Неева высунул длинный красный язык, а Мики дышал так тяжело, что бока у него вздымались и опадали, словно кузнечные мехи. Солнца не было видно, потому что его лучи не могли пробиться сквозь зловещий багровый туман, затягивавший небо и сгущавшийся с каждым часом. Мики и Неева находились во впадине, к тому же густо поросшей кустами, и потому не сразу заметили возникшую над лесом черную тучу. Туда до них не доносился раздававшийся в нескольких милях от болота громовой топот копыт и треск веток, ломающихся под напором тяжелых тел,— это спасались от смертоносного огня лоси, карибу и другие травоядные. Но друзья ничего не подозревали и продолжали неторопливо брести через пересохшее болото. День уже начинал клониться к вечеру, когда они наконец выбрались из низины и поднялись по еще зеленому склону холма. До этих пор ни Нееве, ни Мики не приходилось сталкиваться с ужасами лесного пожара — они вообще не имели ни малейшего представления о том, что это такое. Тем не менее едва они добрались до вершины, как сразу же поняли, что происходит. В их мозгу и в мышцах пробудился инстинкт, родившийся из опыта, накопленного тысячами прошлых поколений: окружающий мир находился во власти искутао — огня! На востоке, на юге, на западе леса скрывала непроницаемая пелена, подобная ночной тьме, а к противоположному краю болота, из которого Неева и Мики только что вышли, уже подбирались первые языки пламени.

Теперь, когда они поднялись на холм, они почувствовали палящее дыхание ветра, дувшего с той стороны. И вместе с ветром до них донесся глухой низкий рев,

напоминавший далекий грохот водопада. Медведь и собака застыли на месте, пытаясь сообразить, что происходит, пытаясь осознать, какая реальная угроза скрывается за смутным предостережением инстинкта. Неева, как все его сородичи, был близорук и не видел ни дыма, надвигавшегося на них темным смерчем, ни огня, подползающего к болоту. Но, в отличие от зрения, обоняние у него было отличное: его нос сморщился гармоникой, и он даже раньше, чем Мики, понял, что надо бежать со всех ног, спасаясь от гибели. А Мики, зоркостью не уступавший ястребу, стоял не двигаясь, как замороженный.

Рев стал громче. Теперь он, казалось, надвигался на них со всех сторон. Но пепел, первый предвестник приближающего огня, а затем дым налетели на них с юга. Только тогда Мики с жалобным, растерянным визгом повернулся и побежал. Однако роль вожака теперь играл Неева — Неева, чьи предки на протяжении неисчислимых веков десятки тысяч раз убегали от огненной смерти. В эту минуту острота зрения была ему ни к чему. Он и так знал, что следует делать. Он знал, какая опасность надвигается на него сзади и с боков, знал, где лежит единственный путь к спасению. Обоняние и все остальные чувства твердили ему, что вокруг — смерть. Дважды Мики пытался повернуть на восток, но Неева, упрямо прижав уши к голове, продолжал бежать на север. Трижды Мики останавливался, намереваясь встретить лицом к лицу настигающую их опасность, но Неева ни разу даже не замедлил бега. Прямо на север... на север... на север — к плоскогорьям, к большим озерам и рекам, к открытым равнинам.

Они бежали не одни. Мимо, обгоняя их с быстротой ветра, промчался большой карибу. «Беги быстро, быстро, быстро! — кричал инстинкт Неевы. — Но не надрываясь! Карибу бежит быстрее огня, но его сил хватит ненадолго, он упадет, и огонь сожрет его. Беги быстро, но не надрываясь!»

И Неева продолжал бежать своей обычной переваливающейся рысью, не убыстряя шага.

Их дорогу пересек лось. Он спотыкался и хрипел так, словно ему перерезали горло. Его бока были сильно обожжены, и, обезумев от боли, он вырвался из хватки огня, надвигавшегося с запада, только для того, чтобы слепо ринуться в стену пламени на востоке.

Позади них по обеим сторонам огонь бушевал с неумолимой яростью. Маленькие зверьки пытались укрыть-

ся от этого беспощадного врага в привычных убежищах — в дуплах, под кучами валежника, среди густых древесных ветвей, в норах, — но смерть настигала их и там. Кролики, куницы, пеканы, норки, горностаи, совы гибли, не издавая ни звука, и только барсуки жалобно кричали, как маленькие дети.

Огонь ревел, словно океан в бурю, смолистые вершины елей и кедров мгновенно вспыхивали гигантскими факелами. Пожар неся по хвойным лесам, как ураган, и спастись от него бегством было невозможно никому — ни зверю, ни человеку. Для тех, кого настигали огненные валы, оставалась только одна надежда, воплощавшаяся в безмолвном крике, который словно оглашал горящие леса: «Вода! Скорее, скорее к воде!» Только вода обещала спасение, обещала жизнь, и каждое озеро превращалось в приют самых разных зверей: в грозный час общей гибели исконная вражда, кровожадность, ненависть, страх — все это было забыто, и дикие обитатели глухих дебрей жались друг к другу, как братья.

К такому-то озеру и привели Нееву инстинкт и чутье, которые становились все острее по мере того, как огненная стена постепенно настигала беглецов. Мики же, наоборот, совсем растерялся, все его чувства притупились, ноздри были полны только запаха огня, и он следовал за Неевой со слепой покорностью. Пожар уже бушевал на западном берегу озера, и вода буквально кишела разным зверьем. Озеро было не очень большим и совсем круглым. Его поперечник не превышал двухсот ярдов. Почти на самой его середине собрались лоси и карibu. Их было десятка два. Некоторые плавали, но большинство просто стояло на дне, и над водой виднелись только их рогатые головы. Вокруг беспорядочно плавали другие животные, чьи ноги были покорежены, — вернее, они даже не плавали, а только еле-еле загребали лапами, чтобы не утонуть. У самой воды, где Неева и Мики на мгновение остановились, топтался большой дикобраз. Он сердито фыркал и хрюкал, словно ругая всех и вся за то, что ему не дали спокойно пообедать. Секунду спустя он вошел в воду. В нескольких шагах дальше по берегу пека и лисица припали к песку возле самой воды, словно им не хотелось мочить свой драгоценный мех и они намерены были прыгнуть в озеро только в самую последнюю минуту, когда их уже опалит жгучее дыхание огненной смерти. И тут, словно вестница этой смерти, на берег с трудом выбралась вторая лисица,

с которой ручьями стекала вода,— она только что переплыла озеро, так как на противоположном берегу уже колыхалась сплошная стена пламени. Но если эта лисица рассчитывала найти спасение на восточном берегу, то старый медведь, который был вдвое больше Неевы, по видимому, не разделял ее надежды: во всяком случае, он, с треском вырвавшись из кустов, стремглав кинулся в озеро и поплыл прямо к западному берегу. На мелководье бродили, барахтались, плавали куницы, красноглазые горностаи, норки, кролики, белки, суслики и всевозможные мыши. Наконец Неева медленно вошел в воду и очутился среди зверьков, которыми еще недавно с большим удовольствием закусил бы. Но теперь он не обращал на них ни малейшего внимания.

Мики следовал за своим другом, пока вода не дошла ему до шеи. Тогда он остановился. Огонь был уже совсем близко и мчался к озеру со стремительностью скаковой лошади. Из-за вершин еще целых деревьев на озеро обрушилось черное облако дыма и пепла. Через несколько минут все было поглощено непроницаемым жарким мраком, в глубинах которого начали раздаваться дикие, пронзительные звуки: лосенок отчаянно звал мать, а она отвечала ему испуганным мычанием, тоскливо выл волк, в ужасе таякала лисица, и, заглушая все остальные голоса, исступленно кричали две гагары, чье гнездо исчезло в огне.

Кашляя от густого дыма, чувствуя на морде опаляющий жар пламени, Неева фырканием позвал Мики и повернул к середине озера. Мики ответил ему коротким визгом и поплыл за своим большим черным братом, касаясь мордой его бока. На середине озера Неева последовал примеру тех, кто добрался туда раньше него, и почти перестал работать лапами. Однако костлявый Мики, которого не поддерживал на поверхности толстый слой жира, не мог просто лечь на воду, как это сделал его приятель, и продолжал плавать, описывая круги около Неевы. Потом ему в голову пришла удачная мысль, и, приблизившись к медведю вплотную, он оперся на его плечо передними лапами.

К этому времени озеро уже было опоясано огнем со всех сторон. Языки пламени взвивались высоко в воздух над смолистыми вершинами. От рева огня можно было оглохнуть, и все остальные звуки тонули в нем. Жар был нестерпимым: в течение нескольких ужасных минут Мики казалось, что он вдыхает не воздух, а огонь. Нее-

ва каждые две-три секунды окунал голову в воду, но инстинкт мешал Мики последовать его примеру. Подобно волку, лисе, пекану и рыси, он скорее умер бы, чем погрузился бы в воду с головой.

Огонь унесся дальше так же быстро, как налетел, и его оглушительный рев вновь превратился в отдаленный рокошущий гул, но от зеленых деревьев по берегам озера остались только черные, обугленные скелеты.

Уцелевшие звери медленно подплывали к черным, дымящимся берегам. Из тех, кто искал спасения в озере, выжило не больше половины. Многие погибли, и в том числе все дикобразы, никуда не годные пловцы.

Возле берега жар по-прежнему был нестерпимым, и тлеющие угли не угасали еще очень долго. Весь остаток дня и всю ночь спасшиеся звери провели на мелководье, но ни один хищник не напал на беззащитного соседа. Общая беда уравнила и примирила их всех.

Перед рассветом пришло неожиданное облегчение. Начался сильный ливень, и когда первые лучи солнца пробились сквозь серые тучи, в озере и на его берегах виднелись только трупы погибших животных. Те, кому удалось уцелеть, вернулись в свои опустошенные леса, и в их числе были Мики с Неевой.

Глава XXVI

Еще много дней после Большого Пожара Мики продолжал покорно следовать за Неевой. Места, которые он так хорошо знал прежде, превратились в черную, безжизненную пустыню, и он понятия не имел, в какой стороне следует искать уцелевшие леса. Если бы это был обычный небольшой пал, Мики, конечно, и сам сумел бы без большого труда выбраться из царства золы и пепла, но этот пожар опустошил многие сотни квадратных миль, и половина зверей, укрывшихся от огня в озерах, и реках, была теперь обречена на голодную смерть.

Но в эту половину не входили ни Неева, ни все его сородичи. С той же уверенностью, с какой он во время пожара нашел спасительное озеро, черный медведь выбрал теперь кратчайший путь к границе гари. На этот раз он направился на северо-запад, ни на шаг не отклоняясь от прямой линии. Если они наткнулись на озеро, Неева обходил его по берегу и продолжал путь точно напротив того места, с которого он начал обход. Он шел

и шел вперед, не только днем, но и ночью, лишь изредка останавливаясь, чтобы перевести дух, и на рассвете второго дня Мики еле волочил ноги — он устал даже больше своего друга.

Впрочем, судя по всему, они уже добрались до тех мест, где сила пожара начинала уменьшаться. Там и сям среди гари зеленели болотца, рощицы, полосы травы, пощаженные огнем. В этих оазисах среди черной пустыни Нееву и Мики ждал сытный завтрак, потому что вся окрестная дичь сбегалась под защиту уцелевших деревьев, которые, вероятно, вставали из огненного моря, как островки. Однако впервые за все время их знакомства Неева не прельстился изобилием еды и не пожелал остаться у гостеприимного болотца. И на шестой день от озера, в котором они спаслись от огня, их отделяла уже добрая сотня миль.

Теперь пожарище осталось позади, и они очутились в прекрасном краю могучих лесов, широких равнин и сотен озер и рек. Невысокие гряды холмов, пересекавшие равнины, были отличными охотничьими угодьями. Изобилие водных потоков, струившихся между холмами и соединявших озера в одну огромную цепь, спасло эти края от засухи, от которой так пострадали более южные области страны.

Мики и Неева остались в этих благодатных местах и через месяц снова стали толстыми и позабыли недавние невзгоды.

Затем, как-то в начале сентября, они наткнулись у болота на странное сооружение. Сначала Мики подумал, что это хижина, но только он никогда еще не видел таких маленьких хижин. Незнакомое сооружение было не намного больше, чем та клетка из жердей, в которую его запирал Лебо, однако тут вместо жердей были толстые бревна, скрепленные между собой так искусно, что никто не мог бы их разбросать. Между бревнами оставались широкие щели, а с одной стороны зияло большое отверстие, по-видимому, заменявшее дверь. Из непонятного сооружения доносился сильный запах испорченной рыбы. Мики этот запах показался на редкость противным, но Неева просто упивался им и не пожелал уйти от этого места, несмотря на все попытки Мики увести его. В конце концов, негодуя на низменные вкусы своего друга, Мики обиженно отправился на охоту один. Однако прошло еще довольно много времени, прежде чем Неева осмелился просунуть в отверстие голову и плечи.

Там стояло такое рыбье благоухание, что его маленькие глазки заблестели от восторга. Он осторожно шагнул вперед,— теперь он был уже со всех сторон окружен бревнами. Однако ничего не случилось. Неева увидел аппетитную кучу рыбы, сваленной позади тоненькой наклонной жерди. Чтобы достать рыбу, надо было навалиться на жердь. Он неторопливо придвинулся к ней, налег на нее грудью, и...

Бум!

Неева оглянулся как на выстрел. Отверстие, через которое он сюда вошел, исчезло. Надавив на жердь, он освободил подъемную дверь из толстых бревен, подвешенную над входом, и теперь оказался в плену. Однако Неева сохранил полное спокойствие и хладнокровие, возможно потому, что щели между бревнами были очень широкие и он надеялся протиснуться сквозь одну из них наружу. И вот, несколько раз потянув ноздрями воздух, он принялся лакомиться рыбой. Это занятие настолько его увлекло, что он даже не заметил, как из густого ельника в нескольких шагах от ловушки выглянул индеец, посмотрел на него и сразу же снова скрылся.

Полчаса спустя этот индеец вышел на вырубку, где стояли только что выстроенные дома новой фактории. Индеец направился прямо к зданию склада. Там, в конторе, где на полу лежал пушистый меховой ковер, какой-то мужчина разговаривал с женщиной и нежно держал ее за руки. Увидев их, индеец снисходительно усмехнулся. В окрестностях фактории Лак-Бен эту парочку не называли иначе как сакехевавин — влюбленные. Он был среди гостей на их свадьбе — они создали на нее всех ближних и дальних соседей и устроили настоящий пир.

Когда индеец вошел, женщина приветливо улыбнулась ему. Она была настоящей красавицей. Ее глаза сияли, на щеках играл легкий руменец. Индеец дружески улыбнулся в ответ.

— Мы поймали медведя, — сказал он. — Только это напао (самец), а не медведица с медвежонком, Нанетта. Чэллонер улыбнулся.

— Ну и не везет же тебе, Нанетта! — сказал он. — А я-то думал, что раздобыть для тебя медвежонка будет очень просто. И вот вместо этого — взрослый медведь! Придется выпустить его, Мотэг. Шкура у него в такое время года никуда не годится. Хочешь пойти с нами, Нанетта, и посмотреть, как мы его освободим?

Она кивнула и весело рассмеялась:

— Да, конечно! Это будет очень интересно — бедняга, наверное, совсем перепугался.

Чэллонер шел впереди с топором в руке, за ним Нанетта. Мотег завершал шествие, на всякий случай держа ружье наготове. В ельнике Чэллонер осторожно срубил несколько веток, чтобы Нанетта могла без помех рассмотреть клетку и пленного медведя. Около минуты она затаив дыхание глядела на Нееву, который теперь в сильном возбуждении метался по своей тюрьме. Вдруг Нанетта вскрикнула, и ее пальцы больно сжали руку Чэллонера. Прежде чем он сообразил, что происходит, Нанетта раздвинула ветки и выбежала из ельника.

Возле ловушки лежал Мики, не покинувший друга в час беды. Он старался прокопать ход под нижним бревном и успел так измучиться, что ничего не слышал и не чуял. Нанетту он заметил, только когда она была в десяти шагах от него. Мики присел на задние лапы, в горле у него встал комок, мешая ему дышать. Несколько секунд он сохранял неподвижность, не спуская с Нанетты пристального взгляда. Затем, восторженно взвизгнув, он прыгнул к ней. Чэллонер с испуганным воплем выскочил из ельника, занеся топор над головой. Но прежде чем топор опустился, Мики уже обнимался с Нанеттой, а Чэллонер уронил от удивления свое оружие и громко ахнул:

— Мики!

Мотег с удивлением смотрел, как новый фактор и его жена радостно гладят и тискают непонятного дикого зверя, в которого он, не задумываясь, выстрелил бы, если бы неожиданно встретился с ним на лесной тропе.

От радости Нанетта и Чэллонер совсем забыли про медведя в ловушке. Да и Мики, ошалевший от восторга при виде своего хозяина и хозяйки, тоже забыл про приятеля. Однако когда Неева напомнил им всем о себе, испустив громкое «уф!», Мики молнией бросился к бревнам, обнюхал нос Неевы, просунутый между бревнами, и отчаянно завилял хвостом, стараясь объяснить медведю, какое произошло чудо.

Чэллонера внезапно осенила невероятная догадка. Он медленно приблизился к огромному черному зверю в ловушке. С каким медведем мог подружиться Мики, как не с медвежонком, которого он поймал почти полтора года назад? Чэллонер перевел дух и внимательно осмотрел странных друзей. Мики ласково лизал корич-

невый нос, просунутый между бревнами! Чэллонер жестом подозвал к себе Нанетту и кивком указал на Мики с Неевой. Помолчав минуту, он сказал:

— Это тот самый медвежонок, Нанетта. Ну, тот, о котором я тебе рассказывал. Я прошлой весной застрелил его мать и связал его с Мики одной веревкой. Значит, они с тех пор так и не расставались! Теперь понятно, почему Мики убежал от нас тогда в хижине. Он вернулся к своему медведю!

Если вы отправитесь на север от Лепаса по реке Рэт или Гра́ссбери, а потом спуститесь по Оленьей реке в Оленьё озеро и поплывете вдоль его восточного берега, вы рано или поздно доберетесь до Кокрана и до фактории Лак-Бен. Это одно из самых красивых мест во всем северном крае. На факторию Лак-Бен привозят меха триста охотников и трапперов. И все они, а также их жены и дети прекрасно знают историю «ручного медведя с Лак-Бен», любимца и баловня красивой жены фактора.

Этот медведь носит блестящий ошейник и бродит на свободе в обществе гигантского пса. Ни один охотник, встретившись с ним, и не подумает выстрелить в него. Впрочем, медведь этот стал таким большим и толстым, что разлюбил далекие странствования. А потому в этих местах действует неписанный закон, запрещающий ставить медвежьи капканы и ловушки ближе пяти миль от фактории. Дело в том, что больше чем на пять миль этот медведь в леса не углубляется. Когда же наступают холода, а с ними и время долгого сна, медведь забирается в глубокий уютный погреб, который вырыли для него под складом. И зимними ночами там же, привалившись к теплому боку друга, спит и пес Мики.

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА

Глава I

Неподалеку от сурового северного берега озера Верхнего, где вечно бушуют ветры, к югу от Каминистикани, хотя и не южнее Рейни-ривер, в глухих лесах прятался райский уголок который был «сущим адом».

Во всяком случае, так назвала его героиня нашей повести, когда однажды она, не выдержав, сквозь слезы жаловалась самой себе на свою тяжкую судьбу. Правда, тогда у нее еще не было Питера, но и когда он появился, ад все равно остался адом.

Однако посторонний наблюдатель, если бы он в этот чудесный весенний день тридцатого мая поднялся на лысый Гребень Крэгга, ни за что не догадался бы, что в открывшемся перед ним раю таится ад. Зимой он увидел бы простирающиеся на сотню квадратных миль занесенные снегом леса, болота и речные долины, где в темной оправе из елей, кедров и сосен там и сям поблескивают закованные в лед озера; он увидел бы перед собой край буранов и глубоких сугробов, край людей, чья кровь горяча от вечной борьбы с дикой природой и от неиссякаемой радости побед над ней.

Но теперь была весна — и такая, какой канадский Север не видел уже много лет. Еще три дня назад шли теплые ливни, а потом на землю хлынули золотые, полетному жаркие солнечные лучи. От морозного дыхания зимы не осталось и воспоминания, согрелось даже дно самых глубоких и черных трясин. На севере, на юге, на

востоке и на западе лесные дебри закипали новой жизнью, и на смену весне уже спешило лето. Оранжевые, зеленые и черные хребты убегали в неведомую даль, точно волны гигантского моря, а между ними лежали долины и болота, озера и речки, и всюду звучала смешливая песенка струящейся воды, всюду веяло благоуханием первых цветов, всюду раздавались веселые голоса птиц и лесного зверья.

Упомянутый выше рай расстился под Гребнем Крэгга — сочные луга тянулись до самых берегов Прозрачного озера, и над этим океаном буйных трав островками поднимались тополиные и березовые рощицы, перемежавшиеся темными ельниками. Цветы распустились на две недели ранее положенного срока, луга источали ароматы, более обычные для конца июня, чем для мая, и среди бархатистой зелени древесных ветвей уже появлялись первые гнезда.

На краю ельника, распластавшись, лежал Питер. В его сердце жила страсть к приключениям, и в этот день он предпринял дерзкую экскурсию, на какие еще ни разу не решался за всю свою коротенькую жизнь. Впервые он в одиночестве отправился к Прозрачному озеру, до которого от дома было около полумили, храбро исследовал желтую полоску пляжа, еще хранившую следы ног его хозяйки, и смело затыкал на безграничный простор мерцающего озера и на белых чаек, которые кружили у него над головой, высматривая выброшенную на берег рыбу. Питеру исполнилось три месяца. Еще вчера он был робким щенком, и все вокруг казалось ему огромным, непонятным и страшным; сегодня же он рискнул в одиночку спуститься по тропинке к озеру, он тывкал, но никто не посмел выйти с ним на бой, и его сердце исполнилось великим мужеством и столь же великим любопытством.

Вот почему на обратном пути он остановился на опушке густой поросли бальзамических елей и припал к земле, устремив жадный взгляд блестящих глазенок в густую лесную тень, стараясь угадать, какие тайны кроются в этих неведомых мрачных глубинах. Этот лесок рос в небольшой круглой впадине, и ружейная пуля могла бы легко пронзть его из конца в конец, но Питеру он казался бесконечным, как сама жизнь. И что-то манило его войти туда.

Любопытство и нерешительность боролись в душе щенка, но он и не подозревал, что от победы того или

иного — храбрости или трусости — зависит не только его собственное собачье будущее, но и другие более важные судьбы — судьбы людей, мужчин и женщин, и даже еще не рожденных детей. Некогда стакан вина погубил целое царство, гвоздь решил исход жесточайшей битвы, а из-за женской улыбки были разрушены дома тысяч людей. Вот так пустячные предметы и события порой влияют на ход человеческой жизни, но Питер не знал об этом и не догадывался, что наступила его минута.

В конце концов он поднялся и твердо встал на все четыре лапы. Его никак нельзя было назвать красивым щенком — этого Питера Pied-Bot, Питера-Хромулю, как назвал его Веселый Роджер Мак-Кей (который жил у болота в кедровнике), когда подарил Питера девушке. Был он дворняжкой, да к тому же весьма неказистой. Его отец, боевой эрдельтерьер самых голубых кровей, как-то удрал с псарни, влюбившись в большелопую и добродушную канадскую гончую. Так на свет появился Питер. В три месяца на его мордочке уже топорщились свирепые баки, унаследованные от отца-эрделя, уши у него были большие и обвислые, хвост узловатый, а длинные неуклюжие лапы — такими тяжелыми и нескладными, что они то и дело заплетались, и он тыкался носом в землю. При первом взгляде на него человек испытывал жалость, вскоре переходившую в горячую симпатию. Пусть Питер был некрасив, но зато в его жилах смешалась кровь двух прекраснейших собачьих пород. Впрочем, в некоторых отношениях такая смесь напоминала смесь нитроглицерина с оливковым маслом или динамита и селитры с молоком и медом.

Когда Питер шагнул в черную тень, его сердечко отчаянно забилося, и он старательно проглотил слюну, словно в горле у него стоял комок. Но решение его было бесповоротно. Что-то неотвратимо влекло его вперед, и он подчинился этому неслышному зову. Над ним медленно сомкнулся непроницаемый сумрак, и вновь шутница-судьба избрала самое нехитрое орудие, чтобы потом с его помощью творить радость и горе в человеческой жизни.

Когда тьма поглотила Питера, его уши стали торчком и жесткая шерсть на загривке вздыбилась. Но он не залаял, как лаял сегодня на берегу озера и среди зелени лугов. Дважды он оглянулся через плечо на чуть брезжащий позади солнечный свет, который с каждым

его шагом становился все более тусклым. Но и это неясное пятно, говорившее о том, что путь к отступлению открыт, поддерживало мужество Питера, которое стало быстро убывать в нарастающем мраке. Однако когда он оглянулся в третий раз, сзади была уже только тьма! На мгновение в его горле, мешая дышать, поднялся тугой комок, а глаза превратились в два огненных кружка — с таким напряжением он вглядывался в темноту. Даже его хозяйка, которая не страшилась почти ничего на свете, пожалуй, тоже остановилась бы тут в безотчетном испуге. А Питеру казалось, что солнце внезапно погасло совсем. Мохнатые лапы хвойных деревьев над его головой сплетались в единый непроницаемый полог. Зимой сюда не проникал снег, а летом даже самые яркие солнечные лучи превращались здесь в призрачный сумрак.

Питер думал теперь только о том, как бы убраться отсюда восвояси, но тут он стал различать в окружающей тишине незнакомые и непонятные звуки. Самым непонятным и самым жутким было шипение, которое раздавалось то в отдалении, то совсем близко и сопровождалось странным пощелкиванием, от которого кровь стыла в жилах. Дважды после этого над ним возникала тень огромной совы, и он припадал к земле, чувствуя, что комок в горле растет и становится все более тугим. Потом Питер услышал среди сплетения веток над его головой мягкое движение больших оперенных тел, и тогда он медленно и осторожно повернулся на животе, решив как можно скорее выбраться на луг, где по-прежнему сиял день. И в этот миг его сердце сжалось от невыразимого страха: перед ним на пути, который вел к дневным просторам, горели два пронзительно-зеленых огонька.

Не рассудок и не опыт, а инстинкт подсказал Питеру, что эти два зеленых кружка, светящиеся в темноте, не предвещают ему ничего хорошего. Правда, он не знал, что его собственные выпученные глаза казались в этом темном тоннеле не менее страшными, и главное, он не знал, что распространяет вокруг себя нечто наводящее смертельный ужас — запах собаки! Зеленые глаза продолжали смотреть на него, и его неуклюжие лапы подогнулись, спина словно переломилась пополам, и он упал в мягкую хвою, ожидая гибели. Но тут зеленые огоньки погасли. Потом зажглись снова, но уже подальше. Опять погасли. А когда вспыхнули в третий раз, то

были похожи уже не на кружки, а на две светящиеся точки. Питер ощутил невероятное торжество. Инстинкт, унаследованный от предков-эрделей, сказал ему, что неведомый враг обратился в бегство. И Питер победоносно тьякнул.

На этот звук мрачная чаша, полная затаившихся тварей, ответила жуткими шорохами в перепутанных ветвях, непонятным ропотом шепчущихся голосов, зловещим шелканьем клювов, которые могли разодрать тощее тельце Питера на мелкие клочки. В глубине леса раздался сильный треск и насмешливое бормотание дикобраза, а потом вопросительный вопль: «У-уу-уух!» Питеру сначала даже показалось, что это кричит человек. И он вновь, дрожа, припал к толстому хвойному ковру: его сердце отчаянно билось о ребра, баки стали дыбом от смертельного страха. Затем наступила тревожная, наводящая ужас тишина, и в этом ледяном безмолвии Питер тщетно вертел головой, стараясь увидеть хотя бы отблеск исчезнувшего солнечного дня. И вдруг, принося с собой надежду, до него долетел новый шепот, тихий и неясный, но совсем не похожий на прежние звуки. Где-то еле слышно журчала вода. Питеру было знакомо это дружелюбное журчание. Он не раз играл на гальке, песке и камнях там, где оно рождалось. Мужество вернулось к нему, он поднялся и пошел туда, откуда доносился этот звук. Что-то подсказывало ему, что ступать надо очень осторожно, но неуклюжие толстые лапы упрямо разъезжались и он несколько раз падал носом в хвою. Наконец он добрался до ручейка, который плескался и играл на обнаженных древесных корнях — такой узенький, что высокий человек без труда перешагнул бы через него. И тут Питер увидел впереди свет. Он пустился бегом и вскоре выбрался на луг, где под синим солнечным небом по-прежнему благоухали цветы, зеленела трава и весело пели птицы.

Питер забыл пережитый страх. Комок в горле исчез, сердце вернулось на обычное место, и щенок уже неколебимо и яростно верил, что успел победить всех на свете. Он оглянулся на темный проход под еловыми ветками, из которого выбегал смешливый ручей, и неторопливо затрусил прочь, вызываясь огрызаясь. На безопасном расстоянии он остановился и посмотрел по сторонам. За ним никто не гнался, и это подтверждало, что он совершил великий подвиг. Питер весь раздулся от гордости; воинственно упершись передними лапами в

землю, он выгнул спину и залился самым грозным своим лаем. Он лаял, скреб лапами землю, рвал траву острыми щенячьими зубами — и все-таки никто не посмел выйти из темной чащи в ответ на его вызов.

Задрав голову и поставив уши торчком, Питер неторопливой рысцой взбирался по склону, впервые за всю свою трехмесячную жизнь пылая желанием задать кому-нибудь трепку — все равно кому. Он стал другим, и теперь ему уже было мало грызть палки или камни и трепать кроличью шкурку. Когда Питер выбрался из впадины, он остановился и, глядя вниз, громко тьякнул — ему уже почти хотелось вернуться в эти темные заросли и разогнать всех их обитателей. Потом он повернулся к Гребню Крэгга, и его боевой задор внезапно угас, а задранный хвост опустил, так что узловатый кончик коснулся земли.

Ярдах в четырехстах от него из райской ложбины, которая переходила в расселину, разделявшую два отрога Гребня, поднимался белый дымок. Увидев дым, Питер тут же расслышал и стук топора. Его пробрала дрожь, но он все-таки пошел на этот стук. Он был еще слишком мал, чтобы ненавидеть по-настоящему, и к тому же унаследовал кроткое добродушие своей матери, но тем не менее каждый раз, когда Питер слышал стук этого топора, в его смысленной головенке зрели тревожные мысли и он чувствовал приближение опасности. Ведь стук этот был для него неразрывно связан с похожим на кошку остролицым человеком, у которого по верхней губе тянулась полоска рыжей щетины, а один глаз никогда не открывался. И Питер научился бояться одноглазого гораздо больше, чем он боялся призрачных чудовищ, скрытых в черной пропасти леса, куда он сегодня так отважно вошел.

Однако совы, дикобраз и убежавшая от него лиса с горящими глазами научили Питера чему-то, чего он еще не знал накануне, и, подойдя к краю ложбины, щенок не прильнул к земле, а остался стоять на своих кривых лапах и смело устремил взгляд вперед. По ту сторону ложбины, у западного отрога, среди высоких кедров, ярко-зеленых тополей и белоствольных берез виднелась бревенчатая хижина. Это был прелестный уголок. Между тем местом, где остановился Питер, и хижинкой простирался бархатистый зеленый ковер, усеянный цветами и источающий аромат фиалок и дикой жимолости, а над ним звенело птичье пение. Через лужайку бежал ручеек

и исчезал в скалистой расселине, а на его берегу стояла хижина, увитая диким виноградом. Но настороженные глаза Питера не видели этой красоты, его уши не слышали ни птичьих трелей, ни болтовни рыжей белки, которая расположилась на пне по соседству. Он смотрел туда, где позади хижины на лесной опушке поднималась большая белая скала, похожая на гигантский гриб, а слышал он только удары топора, хотя и напрягал слух, стараясь уловить, не раздастся ли голос, который он любил больше всего на свете.

Не услышав этого голоса, он подавил желание заскулить, спустился к ручейку, перешел его вброд и тихонько подкрался к хижине, приглядываясь и прислушиваясь, готовый при первом признаке опасности пуститься наутек. Он хотел позвать девушку обычным визгливым тьяканьем, но угроза, таившаяся в стуке топора, заставила его отказаться от этого намерения. У задней стены хижины, где дикий виноград разросся особенно густо, Питер давно уже вырыл себе тайник, и теперь он нырнул в него, точно испуганная крыса в нору. Потом осторожно просунул щетинистую мордочку сквозь зеленый занавес и огляделся, проверяя, безопасно ли будет вернуться домой и много ли у него шансов получить ужин.

Но тут его сердце радостно забилося: сегодня топором стучала девушка, а не мужчина!

В нескольких шагах у большой поленницы сверкнули на солнце ее каштановые волосы, и когда она повернулась к хижине, Питер успел разглядеть ее бледное лицо. Он уже готов был броситься к ней, шалея от восторга, но его удержал ужасный голос, который всегда внушал ему невыразимый страх.

Из хижины вышел мужчина в сопровождении женщины. Мужчина был долговязым и тощим, а его лицо походило на череп. Едва он показался в дверях, Питер понял, что в этот день он был даже злее обычного. Тот, кто подошел бы к нему в эту минуту, неминуемо заметил бы, что от него разит виски. Уголки губ у него пожелтели от табака, который он постоянно жевал, а когда он мотнул головой в сторону девушки с блестящими кудрями, в его единственном глазу засветилось жестокое торжество.

— Муни обещал отвалить за нее семьсот пятьдесят долларов, когда начальство заплатит ему за шпалы, и дал мне пятьдесят долларов задатка,— объявил он.—

Не задарма же я ее десять лет кормил, бездельницу. А как будет ближе к свадьбе, я из него и тысячу выжму.

Женщина ничего не ответила. Она была отучена возражать, а тем более настаивать на своем. Каждая черта безобразного лица, каждая линия костлявой фигуры одноглазого говорили о беспощадной жестокости. Женщина давно была сломлена и порабощена. Ее лицо казалось безжизненным. Глаза потускнели, сердце отупело от постоянной боли, руки заскорузли и искривились от тяжелой работы, которой замучил ее безжалостный негодяй. Но даже Питер, притаившийся под домом, как мышь, понимал, что эти двое непохожи друг на друга. Он не раз видел, как девушка и женщина плакали, обнявшись. А когда он тихонько подходил к женщине, ее пальцы порой ласково гладили его и она давала ему поесть. Но он почти никогда не слышал ее голоса, если мужчина был где-нибудь поблизости.

Мужчина откусил кусок табачной жвачки.

— А сколько ей лет, Лиз? — спросил он вдруг.

И женщина ответила неестественным, придушенным голосом:

— Двенадцатого ей сравнялось семнадцать.

Мужчина сплюнул.

— Придется Муни выложить тыщонку. Мы же ее десять лет кормили, а Муни по ней с ума сходит. Ничего, раскошелится!

— Джед... — Голос женщины стал почти звонким. — Джед... нехорошо эдак-то...

Мужчина захохотал. Он широко разинул рот, и на солнце блеснули пожелтевшие клыки. Девушка опустила топор и, повернув голову, посмотрела на пару в дверях.

— Нехорошо? — гоготал мужчина. — Нехорошо? Ты мне то же самое десять лет твердишь насчет тайной продажи виски, а я продавал и продаю. Верно? И это твое слово не помешает нам с Муни договориться насчет свадьбы... если, конечно, Муни раскошелится на тыщонку. — Тут он повернулся к жене и занес руку, словно для удара. — А если ты ей скажешь... если хоть вот на столечко меня выдашь, я тебе все кости переломаяю! Раз-рази меня на этом месте, если не так. Поняла? Ничего ей не скажешь?

Сутулые плечи женщины сгорбились еще больше.

— Я не скажу, Джед... право слово.

Мужчина хрипло хмыкнул и опустил занесенную руку.

— Ну смотри, а не то тебе не жить,— пригрозил он.

Девушка бросила топор на землю и пошла к ним. Она была худенькой и стройной, а гордо вскинутая голова и упрямый подбородок свидетельствовали о том, что одноглазому еще не удалось превратить ее в забитое и покорное существо, подобное его жене. На ней было надето вылинявшее ситцевое платье, обтрепанное по швам и с подрезанными рукавами, так что ее тонкие белые руки были открыты выше локтя. Ее чулки пестрели штоккой и заплатками, а старые башмаки совсем прохудились.

Однако Питеру, который с обожанием созерцал ее из своего тайника, она казалась прекраснейшим в мире созданием. Правда, Веселый Роджер говорил то же самое, да и большинство мужчин (как, впрочем, и женщин) согласилось бы, что эта худенькая девочка была красива красотой, способной долго противостоять горестям и физическим мукам. Глаза у нее были синие, как фиалки, в которые Питер так недавно уткнулся носом. А ее чудесные волосы, пока она колола дрова, выбились из плена, в котором их держала выцветшая лента, и рассыпались по плечам. При виде этих густых каштановых кудрей, достигавших талии, даже в единственном глазу Джеда Хокинса порой вспыхивало восхищение. Но и тогда он продолжал ее ненавидеть, и не раз его костлявые пальцы злобно вцеплялись в эти сверкающие кудри, но лишь очень редко ему удавалось вырвать у Нейды крик боли. И теперь, когда она увидела лютую злобу на лице одноглазого, ее гордое сердце не дрогнуло, хотя по телу и пробежал холодок.

И все же эта вечная пытка уже начинала сказываться на ней. В синих глазах застыла тревога, лицо утратило краски, побледнело и осунулось, а яркие алые губы свидетельствовали не о здоровье и счастье, но лишь оттеняли бледность щек, напоминая об исчезнувшем румянце.

Она остановилась перед Джедом Хокинсом на таком расстоянии, что он не мог дотянуться до нее.

— Я же говорила тебе, чтобы ты больше никогда не смел поднимать на нее руку! — вскричала она, с трудом сдерживая ярость, а ее синие глаза метали в него молнии ненависти и презрения.— Если ты ударишь ее еще хоть раз, то... то будет плохо! Раз уж тебе надо кого-

нибудь бить, бей меня. Я выдержу. А она... погляди сам! Ты сломал ей плечо, ты ее искалечил — и как это тебя еще земля носит!

Мужчина в бешенстве сделал шаг вперед. Где-то в самой глубине своего существа Питер ощутил нечто новое и незнакомое. Желание без оглядки бежать от этого человека вдруг исчезло. Худая маленькая грудь напряглась, а за ней горло, и щенок издал рычание — правда, такое тихое, что человеческий слух не мог его уловить. У себя в тайнике Питер злобно оскалил острые зубы.

Однако мужчина не нанес удара и не протянул руку, чтобы схватить Нейду за шелковистые кудри. Он засмеялся придушенным смешком и отвернулся, пожав плечами.

— Я ведь не ударил ее, Нейда, верно? — сказал он и скрылся за углом хижины.

Девушка взяла женщину за руку. Злость исчезла из ее глаз, но она вся дрожала.

— Я его предупредила, что будет, и он теперь не посмеет тебя и пальцем тронуть, — мягко сказала Нейда. — А не то ему придется плохо. Уж я об этом позабочусь. Я донесу в полицию. Я покажу им все тайники, где он прячет виски. Я... я засажу его в тюрьму, пусть мне потом не жить!

Исхудалые пальцы женщины стиснули руку Нейды.

— Нет, нет, и не думай об этом, — произнесла она умоляюще. — Когда-то он был со мной ласков, давным-давно это было, Нейда. Джед, он не такой уж и злой, это все виски виновато. Не доноси на него, Нейда. Слышишь, не доноси!

— Я же тебе обещала, что не донесу, если он перестанет тебя бить. Пусть дерет меня за волосы, коли ему нравится. Но если он ударит тебя...

Она судорожно вздохнула и тоже скрылась за углом хижины.

Питер подождал, прислушиваясь. Потом он скользнул тайной дорожкой под пологом дикого винограда и увидел, что Нейда быстро идет по направлению к расщелине, прорезающей Гребень. Он последовал за ней так тихо, что она заметила его присутствие, только когда уже пробиралась по каменной россыпи среди скал по ту сторону отрога. С радостным криком девушка схватила щенка и прижала его к груди.

— Питер, Питер, где же это ты разгуливал? — спросила она.— Я тебя повсюду искала, и Роджер тоже... то есть мистер Веселый Роджер.

Питер почувствовал, что его обняли еще крепче, и расслабленно повис на руках хозяйки, которая тем временем добралась до прятавшейся среди скал группы карликовых бальзамических елей. Это был их «уголок», и Питер давно понял, что должен свято хранить его секрет. Тут Нейда устроила для себя тайный приют, и теперь она опустилась на кучу еловых веток и усадила перед собой Питера, придерживая его за передние лапы. В ее глазах зажегся новый свет, и они сверкали, как звезды. Щеки ее разрумянились, алые губы полуоткрылись, но Питер, который в конце-то концов был только собакой, не мог постигнуть, какой красивой она стала. Однако он понял, что произошло какое-то событие, и из всех сил старался понять, какое именно.

— Питер, он опять приходил сюда сегодня — мистер Роджер, мистер Веселый Роджер,— зашептала девушка, и ее щеки порозовели еще больше.— И он сказал мне, что я очень хорошенькая!

Она глубоко вздохнула и посмотрела через скалы туда, где в долине чернел лес. Ее пальцы под косматыми лапами Питера сжались так сильно, что он тихонько заворчал.

— И он спросил меня, можно ли ему потрогать мои волосы... Подумай только, Питер, он спросил меня об этом! А когда я сказала «да», он только чуть-чуть к ним прикоснулся, точно боялся чего-то, и сказал, что они чудесные и что я должна за ними хорошенько ухаживать!

Питер заметил, что на горле у нее забились жилки.

— Питер... он сказал, что не обидел бы меня ни за что на свете, что он скорее даст отрубить себе руку! Вот что он сказал. А потом сказал, что если я позволю, он хотел бы меня поцеловать...

Она снова обняла Питера.

— А... а я сказала ему, что, наверное, это можно, потому что он мне нравится и никто другой меня никогда не целовал и... и, Питер, он меня не поцеловал! А когда он уходил, он был как-будто не в себе — лицо у него стало совсем белое... И с той минуты у меня внутри все время что-то поет. Я не знаю, что это, Питер, но оно тут!

Помолчав немного, она прошептала:

— Знаешь, Питер, хорошо бы мистер Веселый Роджер увез нас с тобой отсюда далеко-далеко.

Тут она сжала губы, нахмурилась и, посадив Питера рядом с собой, вновь посмотрела через долину на темный лес, в глубине которого пряталась хижина Веселого Роджера.

— Почему он не хочет, чтобы люди знали, что он там живет, а, Питер? — произнесла она задумчиво. — Он поселился в старой лачуге, где в ту зиму помер индеец Том... то есть умер, — поправилась она. — И я обещала, что никому не скажу. Он говорит, что это тайна и что о ней знаем только ты, я да миссионер на Быстром ручье. До чего же мне хочется как-нибудь прибрать у него в хижине!

Питер тем временем принялся обнюхивать щели между камнями и не видел, как синие глаза вдруг сердито засверкали. Девушка смотрела на свои рваные башмаки, на штопанные-перештопанные чулки, на жалкое вылинявшее платье, и ее пальцы судорожно сжались в кулачки.

— Я бы так и сделала... Я бы уехала отсюда куда глаза глядят и не вернулась бы никогда, если бы не она... Она теперь обходится со мной хуже ведьмы, только это все Джек Хокинс виноват. Я ведь помню...

Внезапно она вскочила на ноги и вызывающе потрянула головой, так что ее волосы солнечным облачком взметнулись под порывом ветра.

— Когда-нибудь я его убью! — крикнула она темному лесу по ту сторону долины. — Да, убью!..

Глава II

Нейда шла за Питером. Уже давно в ее измученной душе зрела буря, хотя до сих пор только Питер бывал свидетелем грозových вспышек. Но в этот день она не сумела промолчать и тихим, бесчувственным голосом рассказала Веселому Роджеру (чужаку, поселившемуся в лесной чаще) о том, как десять с лишним лет назад ее родители умерли от какой-то заразной болезни, и о том, как Джек Хокинс и его жена обещали заботиться о ней за три чернобурые шкурки, которые ее отец добыл незадолго до начала морового поветрия. Все это она слышала от женщины — ведь самой ей в то время было всего шесть лет. Рассказывая Веселому Роджеру о том,

что было дальше, она не осмелилась поднять на него глаза и поэтому не видела, как все больше темнело его лицо. Но он громко хмыкнул. У него была такая привычка, однако Нейда только недавно познакомилась с ним и не знала, что это означает. Вот тогда-то он и попросил разрешения потрогать ее волосы, и его большая ладонь на мгновение с женской ласковостью коснулась ее головы.

Воспоминание об этом прикосновении все еще согревало ее сердце. Оно давало ей новое мужество и не изведанную прежде радость — такие же, какие подарила Питеру его недавняя победа над невидимыми чудовищами. Питер теперь ничего не боялся, и Нейда тоже. Они вошли в узкое ущелье, загроможденное скалами. Тут Питер внезапно застыл на месте, опустив нос к земле, потом его ноги напряглись, и девушка впервые услышала, как он рычит. Она остановилась, прислушиваясь, и вскоре до нее донесся тихий звук, словно кто-то скреб камнем о камень. Нейда перевела дух, выпрямилась, и Питер, взглянув вверх, увидел, что ее губы полуоткрылись, а глаза засверкали. Затем она нагнулась и подобрала с земли тяжелый сук.

— Пойдем туда, Питер,— шепнула она.— Это один из его тайников.

Сознание, что она больше не боится, пьянило Нейду, как пьянило оно и Питера, чье сердечко быстро забилося, когда он последовал за хозяйкой. Ступали они очень осторожно — девушка шла на цыпочках, а у Питера на лапах были мягкие подушечки,— и когда они вышли на песчаную площадку между двумя огромными скалами, Джед Хокинс, который копался в песке, стоя на коленях спиной к ним, даже не повернул головы. Еще накануне и Питер и Нейда, если бы они вот так наткнулись на него, поспешили бы незаметно улизнуть, потому что Джед был занят своим черным делом и тому, кто ему помешал бы, непоздоровилось бы. Джед выгреб из-под скалы кучу песка, достал из ямы большую бутылку и принялся наполнять шесть грязных кожаных фляг. Затем он прервал эту работу и приложился к бутылке. Щенок и девушка слышали, как виски забулькало у него в глотке.

Нейда постучала дубинкой по скале, и Джед стремительно обернулся. Когда он увидел, что перед ним, его лицо побелело от бешенства. Вскочив на ноги, он стиснул огромные кулаки, его желтые зубы оскалились.

— Ах ты чертова шпионка! — хрипло крикнул он. — Будь ты женщиной, ты не ушла бы отсюда живой!

Девушка даже не вздрогнула, не побледнела. Наоборот, ее щеки вспыхнули румянцем, и Хокинс увидел в ее глазах торжествующую радость. Презрительно искривив губы, Нейда сказала с насмешкой:

— Будь я женщиной, Джед Хокинс, ты бы сразу задал стрекача!

Он шагнул к ней.

— Ты бы задал стрекача, — повторила она, глядя прямо ему в лицо и крепче сжимая сук. — Ты ведь бьешь только женщин, малых детей да щенят, которые еще не умеют кусаться. Ты трус, Джед Хокинс, подлый, бесчестный трус и торговец краденым виски, — и как это тебя еще земля носит!

Даже Питер почувствовал, что произошло что-то сверхъестественное: самый воздух между скалами застыл, словно вот-вот должен был взорваться гигантский динамитный заряд или обрушиться мир. Питер, забыв все на свете, смотрел на свою хозяйку, такую тоненькую и маленькую, впервые готовую без страха встретить будущее, и его преданное собачье сердце угадало смысл происходящего: широко расставив большие лапы, он встал перед Джедом Хокинсом и зарычал на него.

Бутлегер¹ на мгновение растерялся. Последние месяцы он старался не задевать Нейду, чтобы она вела себя смирно и ничего не заподозрила, пока Муни не заплатит ему обещанных денег. А потом — потом он отведет ее к Муни, и тот уж пускай сам ее обламывает, рассуждал Джед. И вот как она отплатила ему теперь за его мягкость! Она в грош его не ставит, подглядывает за ним, ругает в глаза — дармоедка, которую он десять лет кормил и поил!

Он уже не думал о ее красоте. Ее следовало хорошенько проучить, выдрать ей волосы, задать ей такую таску, чтобы на ней места живого не осталось, — тогда небось прикусит язык! Хокинс рванулся к девушке, и Питер отчаянно залаял, увидев, что Нейда замахнулась дубинкой. Но она опоздала на одно мгновение. Хокинс вышиб сук из ее пальцев, и его правая рука погрузилась в пышные мягкие локоны.

¹ Б у т л е г е р — человек, занимающийся тайной продажей спиртных напитков.

Тут словно цепь распалась в душе Питера. Он почувствовал, что появился на свет ради этого дня, ради этого часа, ради этой минуты. Весь мир теперь свелся для него к одной узкой полоске — к полоске кожи на ноге бутлегера между штаниной и башмаком. Он прыгнул. Его белые зубы, острые как иглы, впились в облюбованное местечко. И Джед Хокинс с диким воплем выпустил волосы Нейды. Питер услышал его крик и еще крепче стиснул зубы на щиколотке единственного существа, которое он ненавидел. Весь ужас того, что последовало, понял не столько Питер, сколько Нейда. Хокинс нагнулся, его сильные пальцы сомкнулись на тонкой шее Питера, и щенок, вдруг утратив способность дышать, словно собрался бросить камень.

В тот миг, когда его рука выпрямилась и тело Питера взлетело в воздух, Нейда с криком бросилась к бутлегеру. Ее дубинка опустилась на его лицо, и тут же раздался глухой и какой-то хрустящий стук — это нескладное тельце Питера ударилось о скалу. Когда Нейда обернулась, она увидела, что Питер извивается в песке — его спина и задние лапы были, по-видимому, сломаны, но он не взвизгнул, не заскулил и, не спуская с нее блестящих глаз, силился подползти к ней. Только Веселый Роджер знал, что мать Питера погибла, спасая жизнь женщине, и, наверно, в эту минуту ее дух проснулся в сердце Питера, потому что, не замечая мучительной боли, он думал только об одном: дотащиться до ног девушки и умереть, защищая ее от врага. Он не понимал, что его искалеченное тельце при каждом отчаянном усилии продвигается вперед не более чем на дюйм, но Нейда догадалась об ужасной правде и со стоном, которого не вырвали бы у нее никакие побои Хокинса, бросилась к щенку, упала на колени и бережно подхватила его на руки. Затем, поднявшись, девушка с быстротой молнии повернулась к Джеду Хокинсу.

— За это я тебя убью! — задыхаясь, крикнула она. — Убью! Помяни мое слово.

Ее удар на несколько секунд ослепил единственный глаз бутлегера, но теперь он кинулся на нее, и Нейда пустилась бежать, напрягая все силы. Позади раздавались тяжелые шаги ее преследователя, хрустел песок, рассыпались камешки, и девушку охватил мучительный страх, но она боялась не за себя, а за Питера. Постепенно Хокинс отстал, ругаясь и проклиная судьбу, которая лишила его одного глаза.

Нейда стремглав выбежала из ущелья на простор лугов, ее волосы развевались, руки сжимали тельце Питера. Щенок заскулил тихо и жалобно; Нейда вдруг вспомнила, что точно так же плакал ребенок — умиравший пятимесячный младенец. Из ее груди вырвался мучительный крик, так как она решила, что Питер тоже умирает. Спотыкаясь, она продолжала бежать в сторону черной стены леса, прижимала лицо к мордочке Питера и со слезами повторяла его имя:

— Питер... Питер... Питер...

А Питер, который даже и в эту минуту был бесконечно счастлив, потому что чувствовал ее любовь и слушал звук ее голоса, высунул язык и благодарно лизнул ей щеку. Нейда громко всхлипнула.

— Не бойся, Питер,— шептала она.— Не бойся, маленький... Он тебя больше не тронет, а мы уйдем за ручей в хижину мистера Роджера. И тебе там будет хорошо. Тебе там будет очень хорошо...

Она судорожно зарыдала, и ее сердце, переполненное материнской нежностью, словно разорвалось в ее груди. А щенок, инстинктивно чувствуя всю силу этой сроднившей их любви, крепче прижался колючей мордочкой к ее щеке, тихонько повизгивая. Он не боялся умереть, пока его держали эти теплые ласковые руки.

— Не плачь, маленький,— уговаривала Нейда.— Не плачь, Питер. Скоро все будет хорошо... да, хорошо...

Она снова всхлипнула, рыдания душили ее, и она больше не сказала ни слова, пока они не добрались до опушки дремучего леса.

Тут Нейда взглянула на Питера и увидела, что он закрыл глаза. И вдруг ей почудилось какое-то сходство между его щетинистой мордочкой и бледным личиком умиравшего младенца.

— Я тебя выхожу, Питер. Мистер Роджер тебя вылечит,— шепнула она.

Но она знала, что говорит неправду,— никто уже не мог помочь Питеру. Она глядела на неподвижную мордочку щенка, и ее сердце сжималось от тягостного предчувствия неизбежной утраты: ведь у Питера был сломан хребет и он умирал — умирал у нее на руках. Но Нейда продолжала быстро бежать по сумрачной лесной тропе — она хотела добраться до хижины Веселого Роджера за ручьем у болота, пока сердце Питера еще не остановилось. Она не надеялась, что Роджер может спасти Питера, но ей казалось, что и щенку и ей станет немного лег-

че, если рядом будет Веселый Роджер. Ведь эта весна была первой радостной весной в ее жизни, ибо знакомство с человеком, тайно поселившимся в лесной хижине, скрасило ее безрадостное существование, пробудило в ней надежду, и они с Питером считали, что лучше его нет никого на свете.

Когда Нейда добралась до брода через Быстрый ручей, от которого до хижины оставалось еще добрых полмили, она совсем запыхалась и выбилась из сил. Вода в ручье мчалась стремительно, почти вровень с берегами; Нейда вспомнила, как Веселый Роджер предупреждал ее, что начался разлив, и ее глаза расширились от страха. Она поглядела на Питера: он беспомощно и неподвижно висел на ее руках. Нейда глубоко вздохнула и решилась. Она знала, что даже в разлив в самом глубоком месте ей здесь будет только по пояс; но слишком уж бешеным было течение.

Она прижала губы к мохнатой мордочке Питера, поцеловала его и шепнула:

— Мы переберемся на ту сторону, Питер. Мы ведь не боимся, маленький? Мы переберемся, обязательно переберемся...

Нейда храбро шагнула вперед — вода закружилась у ее щиколоток, у колен, у бедер. Потом вода достигла ее талии, и словно какие-то невидимые руки поднялись к ней со дна, схватили, потянули за собой — Нейда удержалась на ногах лишь ценой отчаянного усилия, но течение продолжало упорно тащить ее. И вот, когда девушка уже почти добралась до спасительного берега, случилось то, чего она опасалась. Нейда почувствовала, что теряет равновесие, и едва успела пробормотать какие-то слова одобрения Питеру, как ноги ее окончательно утратили опору. Что-то сильно ударило ее в бок, Нейда, придерживая Питера одной рукой, беспомощно взмахнула другой — и ее пальцы сомкнулись на сучке, торчавшем, точно ручка, над черным скользким бревном, которое обрушил на нее ручей.

— Все хорошо, Питер! — крикнула Нейда, хотя и знала, что они вот-вот утонут. — Все хоро...

Внезапно она с головой ушла под воду, а с ней и Питер, которого она продолжала судорожно прижимать к груди.

Думала она не о себе, а только о Питере. Почему-то она не боялась, хотя обычно зрелище бурных весенних разливов внушало ей робость. Вода гремела над ней, под

ней и всюду вокруг; в ее ушах стоял оглушающий хриплый рев, и все же она не испытывала привычного страха.

Пока этот черный хаос душил ее, в ее мозгу по-прежнему рождались слова ободрения Питеру, которые она уже не могла произнести вслух; одной рукой она держала щенка, а другой цеплялась за сучок, сиюсья приподняться над водой. Питер перестал быть для нее просто собакой — ведь он бросился на ее защиту и отдал за нее жизнь!

Внезапно какая-то сила подбросила ее кверху — большое бревно повернулось, возвращаясь в устойчивое положение, из которого его на минуту вывел ее вес. На краю заводи, где вода кружила, но уже не мчалась неудержимо вперед, на поверхности показались каштановые волосы Нейды. потом ее побелевшее лицо, и последним судорожным усилием девушка положила мокрое тельце Питера на бревно. Всклипывая, Нейда пыталась вздохнуть поглубже. Мокрое пряди залепили ей глаза, и она ничего не видела. Силы совсем ее оставили, ей никак не удавалось добраться на бревно рядом с Питером, а потом, когда она немного приподнялась, сук склонявшегося над водой дерева оторвал ее от бревна, точно могучая рука.

Вскрикнув, она попробовала схватить Питера, но он исчез, исчезло и бревно, а сук вцепился ей в волосы, как нередко вцеплялся в них Хокинс, и несколько секунд течение раскачивало ее тело, так, что содрогалось все дерево.

Но боли Нейда не ощущала; смигнув воду с глаз, она увидела ниже по течению широкую тихую заводь, где теперь колыхалось бревно. Однако Питера на нем не было. И вдруг сердце замерло у нее в груди, глаза широко раскрылись, и в изумлении перед невероятностью свершившегося чуда она забыла, что висит на волосах в бурлящем потоке, а скользкие руки течения бьют ее, хватают и стараются увлечь на дно. Она увидела Питера! Он был в дальнем конце заводи и плыл к берегу! Несколько секунд она была уверена, что зрение ее обманывает. Наверное, это течение несет его труп. Ведь Питер не мог плыть! Но... но голова его была поднята над водой... он продвигался к берегу... он бил лапами...

Нейда отчаянно рванулась. Что-то подалось. Голову ей словно обожгло, и течение потащило ее дальше. В заводи она поплыла, преодолевая слабость, и вскоре ее ноги коснулись дна. Она протерла глаза, почти рыдая

от невыразимого страха и невыразимой надежды. Питер уже выбрался из воды. Он кое-как всполз на берег и съехался в мокрый комок, но он смотрел на нее! Его глаза блестели, они искали ее. Нейда побрела к нему. Только теперь, когда все осталось позади, она поняла, до чего обессилела. В голове у нее что-то беспрерывно кружилось, к горлу подступала тошнота, все вокруг плыло перед глазами, и ее уже не удивляло, что Питер жив, а не умер. До берега оставалось всего несколько футов, но силы совсем оставили Нейду, она опустилась в воду и, ползком добравшись до Питера, снова взяла его на руки и прижала к мокрой, судорожно вздымающейся груди.

Солнце лило на них свои лучи, не затененное ни единой веточкой, вода, еще так недавно певшая песнь смерти, теперь опять журчала весело и дружески, кругом щебетали птицы и совсем рядом на стволе рябины резвились две рыжие белки. Потемневшие от воды волосы Нейды снова посветлели на солнце и начали завиваться в крупные кольца; высохли и жесткие баки Питера. Через полчаса глаза девушки уже сияли светом надежды и щеки ее окрасил румянец.

— Мы уже почти высохли, Питер, и можем пойти к мистеру Веселому Роджеру,— шепнула она весело.

Нейда встала, встряхнула лишь чуть влажными волосами, взяла Питера на руки... и вздрогнула, потому что он жалобно заскулил.

— Он тебя вылечит, Питер,— сказала она, чтобы утешить щенка.— И нам у него будет хорошо.

Взгляд Нейды был устремлен вперед, в пронизанную солнцем лесную зелень. Пение птиц и вся окружающая красота наполняли ее душу неизъяснимой радостью, а прикосновение мягкой земли к ее босым ногам, казалось, сулило чудесную, неизвестную ей дотоле свободу.

— Цветы! — негромко воскликнула она.— Цветы, и птицы, и солнце! Питер...— Она умолкла на миг, словно прислушиваясь к дыханию света и жизни вокруг.— Ну, нам пора идти к мистеру Веселому Роджеру,— сказала она затем.

Нейда еще раз встряхнула волосами, и они засияли вокруг ее лица, будто ореол. Синева ее глаз стала еще синее, а румянец на щеках еще алее, когда она свернула на еле заметную тропинку, которая вела к хижине, где Веселый Роджер прятался от людских глаз.

В старой лачужке индейца Тома, построенной на травянистой поляне неподалеку от Быстрого ручья, раздавался веселый мужской смех. В этот предвечерний час последнее солнечное золото лилось в распахнутую дверь хижины, сложенной из тополевых бревен. И как солнечные зайчики на пестрой тополевой древесине, этот смех словно озарял тут все вокруг — тут, на краю огромного болота, которое простиралось далеко на север и на запад. Это был особый смех — не буйный или насмешливый, но звонкий и чарующий своей искренностью. Он был очень заразителен и мог разогнать тьму самой хмурой ночи. Он рассеивал страх, и если в болоте старого индейца Тома и вправду водились черти, то, заслышав его, они, конечно, улепетывали во все лопатки. И не раз, как могли бы засвидетельствовать обитатели многих типи и хижин далеко отсюда, перед этим смехом отступала сама смерть.

В последний вечер мая, о котором мы ведем рассказ, человек, умевший так смеяться, стоял, облокотившись о грубо сколоченный стол. Это был Роджер Мак-Кей, более известный как Веселый Роджер, разбойник, разыскиваемый всеми патрулями королевской северо-западной конной полиции к северу от Водораздела¹.

Но тот, кто увидел бы его в эту минуту в золотом ореоле солнечных лучей, не поверил бы, что перед ним скрывающийся преступник, а тем более преступник, который, по слухам, творил в северном краю неслыханные бесчинства. Он был не особенно высок ростом, крепкий, как наливное яблоко, и такой же румяный. Было что-то детское в его круглом розовом лице, в ясных серых глазах, в льняных, коротко подстриженных волосах и в пухлости его обнаженных по локоть рук. Веселый Роджер выглядел упитанным и благодушным. Фигура его была округлой в каждой своей линии, однако тот, кто назвал бы его толстяком, ошибся бы. Очень ошибся бы, как могли подтвердить многие люди, встречавшиеся с ним на лесных тропах. Его лицо не носило никаких следов порочности, и он ничем не походил на гонимого преступника; разве что сторонний наблюдатель сосредоточил бы свое внимание только на пистолете, который

¹ Водораздел — общее название хребтов, отделяющих бассейн Великих озер от Гудзонова залива.

висел на поясе, обвивавшем его не слишком стройный стан. Если бы не этот пистолет, Веселый Роджер производил бы впечатление не просто безобидного малого, но человека, самой судьбой предназначенного всюду приносить дух бодрости и доброжелательства. Что до его возраста, то ему было двадцать пять лет, о чем он, впрочем, избегал упоминать.

На первый взгляд в хижине не было ничего, что могло бы рассмешить даже самого заядлого весельчака, не говоря уж о разбойнике, за чью голову была назначена награда,—если только это не был аппетитный запах готовящегося ужина. На маленькой плите в дальнем углу поджаривались две куропатки, а из сломанного носика кофейника подымались клубы ароматнейшего пара. В открытой духовке ждали своей очереди шесть горячих печеных картофелин в хрустящей золотисто-коричневой корочке.

Веселый Роджер, посмеиваясь и потирая руки, отошел от стола и в третий раз направился к низкой полке в дальнем углу. Там он осторожно приподнял кипу старых газет; в открывшейся коробке что-то зашуршало, раздался протестующий писк, и над краем появилась мордочка бурой мышки, которая устремила на Роджера вопросительный взгляд двух блестящих глаз-бусинок.

— Вот плутовка! — радовался Роджер. — До чего же храбрая плутовка!

Он приподнял газеты повыше и снова принялся рассматривать диковинку, на которую случайно наткнулся полчаса назад. В мягком гнездышке лежало четверо крохотных мышат, еще совсем голеньких и слепых. Едва он опустил газеты, как мать прошуршала назад к ним, и было слышно, как она попискивает, успокаивая малышей,—она как будто говорила им, что этого человека можно не бояться: она его хорошо знает и он ни за что не причинит им никакого зла. А Веселый Роджер, вернувшись к столу, вновь расхохотался, и смех его разнесся над долиной ручья, одетой золотом заката, так что с вершины высокой ели на самом берегу ему задорным стрекотом ответила голубая сойка.

Однако на самом деле этот смех был вызван не только видом четырех голеньких мышат в гнезде из газетных клочков. В этот день к веселому и беззаботному искателю приключений вдруг пришло счастье — ему стоило только протянуть руку, и счастье навсегда осталось бы с ним. Но он не протянул руки... потому, что был раз-

бойником, и еще потому, что во всем следовал собственному строгому кодексу чести. Роджер Мак-Кей не верил в бога, но он поклонялся природе: все ее проявления, ее жизнь, самый воздух, которым он дышал, были теми страницами, из которых слагалась книга его веры. И когда солнце начало спускаться за вершины высочайших деревьев, он прочел на этих страницах, что поступил как глупец, когда отвернулся от самого лучшего подарка, который могла ему сделать жизнь,— отвернулся только потому, что прихоть судьбы превратила его в нарушителя людских законов и обрекла на скитания. Вот почему теперь его душа пела и смеялась.

Он твердо верил, что полчаса назад принял непоколебимое решение. Он заставил себя забыть про нарушенный закон и про облаченных в красные мундиры служителей этого закона, которые неотступно шли по его следу. Но им и в голову не придет искать его здесь, на самой границе цивилизации, а время, заверил он себя в эту минуту оптимизма, укроет его надежной завесой забвения. Завтра он снова отправится за Гребень Крэга и...

Перед его умственным взором встало грустное лицо с широко открытыми синими глазами, вновь в неярких лучах солнца заблестели каштановые кудри и алые губы, запинаясь, произнесли: «Вы меня не обидите, если поцелуете, мистер Веселый Роджер... если вам этого хочется!»

Он подробно рассказал про это ясноглазой мышкематери, которая то и дело выглядывала из своей коробки.

— А ты чересчур уж любопытна, плутовка,— сообщил он ей.— И к тому же настоящая пиратка, суший капитан Кидд: ты съела мой сыр, изгрызла ремешки моих лыж и утащила у меня носок для своего гнезда. Мне следовало бы поймать тебя в мышеловку или отстрелить тебе голову. Но я этого не делаю. Я позволяю тебе спокойно жить... и растить детей. И, миссис Кидд, тебе я обязан замечательной мыслью. Да-да! Ты сказала мне, что я имею право завести собственное гнездо,— и я его заведу! А хозяйкой в нем будет самая милая, самая красивая девушка на свете, которая только по ошибке не родилась цветком! Вот так, миссис Кидд. А если явятся полицейские ищейки...

И тут вдруг радужные дали затуманились, и на лице Веселого Роджера появилось выражение, которое бывает у человека, когда он не боится взглянуть правде в глаза и знает, что загнан в угол и должен защищаться.

Солнце заходило, ужин стыл на столе, а это облако, омрачившее светлую картину, становилось все мрачнее, превращалось в темную тучу, оледенившую его сердце. Он отошел от стола к открытой двери; его пальцы медленно сжались в кулаки, и он спокойно и неторопливо оглядел свой мир. Перед ним простиралась глухая лесная чаща, кое-где еще пронизанная угасающими отблесками заката. Вот это и был его мир — весь его мир. Здесь он родился и здесь когда-нибудь умрет. Он любил и понимал этот мир, чей могучий дух говорил с ним всегда — днем и ночью, при солнечной погоде и в бурю. Но теперь он безмолвствовал. И Веселый Роджер, погружившись в задумчивость, не слышал насмешливой брани, которой осыпала его голубая сойка с пламенеющей вершины высокой темной ели.

Тут внутри него поднялось что-то более сильное, чем эгоистическое желание счастья, и его угрюмо сомкнутые губы прошептали с тихим, но яростным вызовом:

— Она совсем маленькая девочка. А я... я разбойник, и меня ждет тюрьма... Ведь рано или поздно они меня изловят, я знаю!

Он отвернулся от закатного неба и шагнул в сумрак своей хижины. В газетах шуршала маленькая мать, и на мгновение губы Веселого Роджера искривились в грустной улыбке.

— Нельзя! — сказал он. — Нельзя — и все тут, миссис Кидд. Ей и так живется несладко, а со мной будет еще хуже. Этого ведь не избежать. Никак не избежать, миссис Кидд. Но я рад, чертовски рад, что она разрешила мне поцеловать себя, если я этого захочу! Только подумать, миссис Кидд! Если я захочу... О господи!

И, обнаружив комическую сторону даже в своей трагедии, Веселый Роджер усмехнулся и нагнулся над сковородкой с куропатками.

— Если я захочу! — повторил он. — Да я бы жизнью заплатил, лишь бы поцеловать ее хотя бы один раз! Но дело так обернулось, миссис Кидд, что...

Веселый Роджер вдруг умолк и весь напрягся. Жизненный опыт научил его одному: выживает самый приспособленный — но самым приспособленным он оста-

ся, только пока выживает. И он всегда был начеку. Он умел думать быстро, слух у него был острый, а мышцы в каждой своей клеточке хранили настороженность. И теперь, не поворачивая головы, он знал, что в дверях у него за спиной кто-то стоит. Об этом ему сказали легкий шорох, тень, возникающая на стене, еще чуть позолоченной закатом, чей-то устремленный на него взгляд, чье-то безмолвное и неподвижное присутствие. Такого предупреждения было достаточно. Роджер подцепил куропатку на вилку, перевернул ее, громко рассмеялся... и внезапно с быстротой молнии повернулся к двери, уже держа свой кольт сорок четвертого калибра на уровне груди незванного гостя.

И сразу же рука с пистолетом опустилась.

— Ах черт...

Он растерянно глядел в глаза, отвечавшие ему таким же растерянным взглядом.

— Нейда! — с трудом выговорил он. — А я-то думал... я думал... — Он сделал судорожное движение губами, подыскивая правдоподобное объяснение. — Я думал, что это медведь.

В первую минуту он не заметил, что ситцевое платье тоненькой воспитанницы Джеда Хокинса промокло насквозь. Синие глаза девушки испуганно блеснули. Щеки горели лихорадочным румянцем. Какие-то невысказанные слова застыли на полураскрытых губах, а волосы падали на плечи растрепанной волной. Однако Веселый Роджер ничего не замечал — недавние счастливые грезы, внезапность ее появления и ее красота заслонили от него все остальное. Но тут он внезапно увидел и другое. Последний луч заката блеснул в ее волосах потому, что они были влажными, платье облепляло ее, а вокруг ее рваных башмаков растекались маленькие лужицы. Само по себе это его не особенно удивило бы, так как, чтобы попасть сюда, она должна была перейти вброд ручей. Но его поразило выражение ее лица и руки, крепко прижимающие к груди Питера, щенка, которого он ей подарил.

— Нейда, что случилось? — спросил он, кладя пистолет на стол. — Ты упала в ручей?

— Нет. Питеру плохо, — сказала она с рыданием в голосе. — Мы наткнулись на Джеда Хокинса, когда он выкапывал свое виски... Он совсем взбесился, схватил меня за волосы, и Питер укусил его... а... а он схватил Питера

и бросил его о камень... Он совсем изувечен! Мистер Веселый Роджер...

Девушка протянула ему щенка. Веселый Роджер взял щетинистую мордочку в ладони, а потом осторожно перехватил расшибленное тельце, и Питер тихонько заскулил. Девушка судорожно всхлипывала, но ее глаза, когда она на миг перевела взгляд со щенка на пистолет, были сухими.

— Будь у меня револьвер, я бы его убила! — крикнула она.

Веселый Роджер опустился на колени и нагнулся над Питером. Его лицо стало серым и холодным.

— Он схватил тебя за волосы?

— Я... я нечаянно сказала про это, — прошептала она, наклоняясь над его плечом. — Я не хотела. И мне совсем не было больно. А вот Питеру...

Роджер ощутил у себя на шее влажное прикосновение ее локонов.

— Скажите, мистер Веселый Роджер, он сильно покалечен?

Веселый Роджер с женской бережностью ощупал хрупкое тельце Питера. И Питер чуть слышно повизгивал, испытывая невыразимое облегчение оттого, что его касались эти пальцы. Он больше не боялся ни Джеда Хокинса, ни боли, ни смерти. Собаки понимают счастье очень просто. И для Питера было невыразимым блаженством лежать вот так, забывая терзавшую его боль, потому что над ним наклонялось лицо любимой хозяйки, а ласковые пальцы Веселого Роджера трогали его, неся ему исцеление. Он заскулил, когда Веселый Роджер нащупал место перелома, и вскрикнул совсем как маленький ребенок, когда внезапно что-то хрустнуло и кость встала на место, но даже и в эту минуту он повернул голову так, чтобы горячим язычкомлизнуть дружескую руку. А Веселый Роджер тем временем давал указания девушке, которая быстро отыскивала подходящую тряпку, разорвала ее на узкие полоски, и уже через десять минут правая задняя нога Питера была перебинтована так туго, что стала неподвижной и бесполезной, точно деревяшка.

— У него было вывихнуто бедро и сломана голень, — объяснил Веселый Роджер, закончив перевязку. — Теперь все хорошо, и через три недели он будет бегать по-прежнему.

Он осторожно поднял Питера и сделал ему постель на нарах из собственного одеяла. Потом все с тем же странным серым лицом повернулся к Нейде.

Она стояла вполоборота к двери и смотрела прямо на него. И Веселый Роджер увидел в ее глазах то самое чудо, которое утром посулило счастье его измученной бурями душе. Глаза Нейды были синее самых синих фиалок, какие только ему доводилось видеть, и он знал, что ее бесхитростное сердце не станет скрывать тайны, о которой говорят эти глаза. Он отдал бы все на свете, лишь бы обнять ее, и он знал, что для этого ему стоит только протянуть к ней руки, но их сковало другое, более сильное чувство. На щеках Нейды пылал румянец, и Роджеру казалось, что нигде в мире не найдется красавицы, равной этой тоненькой девушке в старом платье и худых башмаках,— такая неземная радость озаряла ее лицо, обрамленное влажной волной кудрей, которые чуть блестели в свете угасавшего дня.

— Я знала, мистер... Роджер, что вы его вылечите! — сказала она, и в ее голосе зазвенела гордость за него, вера и обожание.— Я знала это!

В горле Веселого Роджера встал какой-то комок, и, отвернувшись к плите, он начал тыкать вилкой в хрустящую корочку печеных картофелин. Не оборачиваясь, он сказал ей:

— Ты пришла как раз к ужину, Нейда. Мы поедем, а потом я провожу тебя до Гребня.

Питер не спускал глаз с Роджера и девушки. Нога уже не болела, лежать на одеяле Веселого Роджера было тепло и уютно, и, положив щетинистую мордочку на передние лапы, он внимательно следил за каждым движением этих двух людей, без которых не мог бы жить. Он слушал негромкий звонкий смех, который ему случалось слышать очень редко — ведь Нейда смеялась так, только когда бывала счастлива; он смотрел, как она потряхивает волосами в свете лампы, которую зажег Веселый Роджер, и успел заметить, что в эту минуту Роджер, возившийся у плиты, бросил на нее взгляд, полный глубочайшей любви, но тотчас отвел глаза, едва она обернулась. Как ни был Питер смышлен, он ничего не понял, но он чувствовал во всем этом ту радость, какую ощущал всегда, когда они встречали Веселого Роджера: сияло ли тогда солнце, или день был непогожий и хмурый. За свою коротенькую жизнь он много раз видел горе и слезы Нейды, видел, как она вся съеживалась и старалась куда-

нибудь спрятаться, когда раздавалась гнусная ругань мужчины и хриплый голос женщины в той, другой хижине. Но в обществе Веселого Роджера этого не случилось никогда. У него было два глаза, он не бранился и не таскал Нейду за волосы — поэтому Питер любил его всем сердцем. И он знал, что его хозяйка тоже любит Веселого Роджера — ведь она сама ему об этом говорила; в ее глазах, когда она глядела на Веселого Роджера, не было грусти, и только с ним она смеялась тихо и звонко, вот как сейчас, в эту минуту.

Веселый Роджер сидел за столом, а Нейда стояла позади него, раскрасневшись от восторга: ей было позволено налить ему кофе! А потом она тоже села к столу, и Веселый Роджер начал подкладывать ей лучшие куски куропатки и старался сохранять спокойную невозмутимость, когда смотрел на очаровательное личико напротив. Нейда же и не думала прятать синего сияния радости в своих глазах. Немногими светлыми часами, которые выпали ей в жизни, она была обязана Веселому Роджеру, пришельцу, три месяца назад поселившемуся в хижине индейца Тома. Она любила его так же бесхитростно, как Питер. И не думала этого скрывать.

— Нейда,— сказал Роджер,— тебе ведь семнадцать лет...

— Мне пошел восемнадцатый год,— быстро поправила она.— Семнадцать мне сравнялось полмесяца назад!

— Да, тебе пошел восемнадцатый год,— повторил он.— И скоро явится какой-нибудь молодой человек, увидит тебя, женится на тебе...

С уст Нейды сорвалось что-то вроде тихого стона. Веселый Роджер увидел, как дрогнули ее губы, какими испуганными стали глаза, и на мгновение решимость почти оставила его.

— Куда вы уезжаете, мистер Веселый Роджер?

— Я? Да нет, я не думаю уезжать — по крайней мере пока. А вот ты уедешь отсюда, когда выйдешь замуж... в один прекрасный день.

— Я не выйду замуж! — с жаром возразила она.— Я ненавижу всех мужчин. Всех, кроме вас, мистер Веселый Роджер. А если вы уедете...

— Так что же будет, если я уеду?

— Я убью Джеда Хокинса!

И Нейда невольным движением протянула маленькую руку к большому пистолету, забытому на углу стола.

— Я убью его, если вы уедете,— повторила она угрожающе.— Он замучил свою жену, искалечил ее... Если бы не она, я бы давно убежала. Но я обещала ей, и я останусь... пока что-нибудь не переменится. А если вы уедете... теперь...

Она всхлипнула, уголки ее губ опустились, и Веселый Роджер, вскочив, пошел за кофейником, хотя его чашка была еще наполовину полна.

— Я не уеду, Нейда,— сказал он с притворным смехом.— Я обещаю... честное слово, провалиться мне на этом месте! Я не уеду, пока ты мне не позволишь.

И тут Питер, почувствовав что-то неладное, затаивал со своего ложа, а когда Веселый Роджер вернулся с кофейником, глаза Нейды поблагодарили его за обещание радостным взглядом. Стоя позади нее, он сделал вид, что подливает ей кофе, хотя она даже еще не притронулась к своей чашке, и тут вновь заметил, как влажны ее волосы.

— Так что же случилось, когда ты переходила ручей, Нейда? — спросил он.

Она начала рассказывать, и, услышав свое имя, Питер настороженно приподнял щетинистую мордочку. Ему было видно лицо Веселого Роджера, на котором недоумение сменилось испугом, а потом быстрой улыбкой. Когда же Нейда умолкла, Роджер наклонился к ней в светлом круге, отбрасываемом лампой, и сказал:

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что обещала, Нейда. Если Джед Хокинс еще раз поднимет на тебя руку, или схватит тебя за волосы, или даже просто пригрозит тебе, непременно скажи мне об этом, хорошо?

Нейда молчала в нерешительности.

— А не то я возьму назад свое слово и не останусь здесь,— добавил он.

— Ну, раз так... то обещаю,— сказала она.— Если он меня ударит, я вам скажу. Но я боюсь... то есть боюсь... не за себя, а только за Питера. Джед Хокинс наверняка его убьет, если я возьму его домой, мистер Роджер. Можно, он останется у вас? И... ах, если бы и мне можно было остаться...

Последние слова она пробормотала еле слышно, и тут же краска бросилась ей в лицо. Однако Веселый Роджер уже опять отошел к плите, так, словно не видел, как она покраснела, и словно не расслышал последней фразы, поэтому смущение Нейды быстро рассеялось.

— Конечно, пусть Питер остается здесь,— ответил он через плечо, но в сердце у него другой, неслышный ей голос стонал: «Я бы отдал все на свете, лишь бы и ты могла тут остаться!»

Полчаса спустя, доедая свою порцию куропатки, Питер уголком глаза следил за Веселым Роджером и Нейдой, которая собралась уходить. Было уже темно, и Роджер спустил только сетку от комаров, а дверь закрывать не стал; Питер слышал, как постепенно затихали их шаги в густом лесном мраке. Луна еще не взошла, и под сводом сосен и елей все было черно, как в аду. Кругом царила мертвая тишина, и безмолвие этого первого ночного часа нарушал лишь звук их собственных шагов да шум воды в ручье. Душа Веселого Роджера ликовала — теплая маленькая рука Нейды лежала в его руке, ее пальчики крепко держались за его большой палец, и так он вел ее по невидимой тропе. Когда он остановился, отыскивая путь, Нейда оказалась так близко от него, что ее щека прижалась к его плечу, и, немного наклонившись, он слегка коснулся губами ее волос. Но в темноте ему не было видно ее лица, всю дорогу до брода его сердце отчаянно билось.

Потом он рассмеялся странным негромким смехом, совсем не похожим на обычный смех Веселого Роджера.

— Я постараюсь не дать тебе вымокнуть во второй раз, Нейда,— сказал он.

Пальцы девушки по-прежнему не выпускали его большого пальца, точно она боялась потеряться в чернильной тьме, окутывавшей их со всех сторон. Она опять прильнула к нему, и Веселый Роджер должен был напрячь всю свою волю, чтобы тут же не сжать ее в объятиях и не признаться в своей любви.

— Я не боюсь... то есть не боюсь вымокнуть,— услышал он ее шепот.— Вы такой большой и сильный, мистер Роджер...

Он осторожно высвободил свой палец и подхватил Нейду на руки так, чтобы даже в самом глубоком месте вода до нее не достала. Сперва руки Нейды еле касались его плеч, но когда Роджер дошел до глубокого места и она почувствовала, как он борется с течением, девушка теснее сжала руки, и они обвили шею Роджера теплым милым кольцом. Наконец он благополучно опустил ее на землю на другом берегу, и она глубоко, с облегчением вздохнула. Потом она нащупала в темноте его руку, и снова ее пальчики обхватили его большой палец, и Весе-

лый Роджер, мокрый насквозь, повел ее к расселине в Гребне Крэгга, а из-за вершин восточного леса показался верхний край луны.

Глава IV

Для Питера, оставшегося в пустой хижине, время ожидания тянулось бесконечно. Веселый Роджер, уходя, задул лампу, а когда взошла луна, ее свет не проник в темную комнату, так как дверь выходила на запад, а занавески на обоих окнах были плотно задернуты. Однако через открытую дверь щенок видел, как ночной мрак сначала побледнел и как потом повсюду внезапно разлилось нежное сияние, рассеявшее тьму и населившее мир вокруг таинственными тенями, которые казались живыми, хотя и были беззвучны. В эту ночь светила великолепная полная луна, а Питер любил такую луну, хотя за свою трехмесячную жизнь он видел ее всего лишь несколько раз. Она завораживала его куда больше солнца, потому что солнце всходило всегда при свете и ему никогда не доводилось видеть, чтобы солнце пожирало тьму, как это делает луна. Эта тайна преисполняла его благоговением, но нисколько не пугала. Правда, ему были не совсем понятны странные безмолвные тени, которые переставали существовать, едва он принимался их обнюхивать; несколько сбивало его с толку и еще одно наблюдение — птицы почему-то не летали и не пели при лунном свете, хотя при дневном свете они и летали и пели. Но едва это непонятное нечто, пожирающее тьму, выплывало на небо, как в самой глубине его существа просыпалось что-то древнее, полученное в наследство от предков, и кровь быстрее бежала по жилам, а неверные бледные лучи манили к себе, звали тихо и незаметно красться все вперед и вперед, напрягая зрение и слух, чтобы увидеть и услышать то, чего он еще никогда не видел и не слышал.

Теперь Питера окружал мрак хижины, но его взгляд был прикован к открытой двери, и долгое время он прислушивался, не раздадутся ли шаги возвращающихся Роджера и Нейды. Он дважды пробовал подползти к краю нар, но при каждом движении его тело пронзала такая острая боль, что после второй попытки он отказался от своего намерения. Вскоре он услышал, как за стенами хижины просыпается Ночной народ. Они были очень осторожны, эти ночные создания, не то что веселые суще-

ства, приветствующие зарю счастливой песней,— ведь большинство из них обладало острыми клыками и длинными когтями, и были это разбойники лесных дебрей, всегда готовые наброситься на добычу. Питер знал и это, потому что в нем жил опыт многих поколений северных собак, от которых он происходил. Где-то вдалеке завыл волк, и что-то сказало Питеру, что это воет не собака. Затем ближе протрубил лось, и тот же инстинкт объяснил ему, что он слышит голос великана медведя, хотя он никогда в жизни не видел ни единого медведя. Питер еще ни разу не встречал ни бесшумно ступающих, зорких и ночью хищников — лисиц, рысей, куниц, норок и горностаев,— ни круглоглазых крылатых убийц, кружащих среди древесных ветвей, однако тот же опыт предков предупреждал его, что они бродят сейчас там, за дверью, среди теней, в этом смутном серебристом мерцании. И вдруг наглядный пример доказал ему, что все это — правда. На поляну перед дверью хижины выпрыгнул крольчонок, еще совсем маленький, и принялся щипать траву, но тут по воздуху промчался когтистый, кривоклювый метательный снаряд, и Питер услышал предсмертный вопль крольчонка, которого сова унесла на вершину высокой ели. Но все равно Питера неудержимо тянуло выйти на лунный свет — он ничего не боялся.

Но вот его ожидание пришло к концу. Он услышал шаги, и вскоре из желтоватой лунной дымки возник Веселый Роджер. На пороге он молча остановился и посмотрел на запад, туда, где небо над вершинами деревьев сверкало звездами. Питер готов был уже радостно тявкнуть, но не тявкнул. Веселый Роджер молчал как-то странно, шагов Нейды не было слышно, и Питер принюхался, проглотил вставший в горле комок и почувствовал в воздухе предвестие чего-то важного. Затем Веселый Роджер вошел в хижину, сел возле стола, не зажигая лампы, и Питер долго-долго смотрел на смутное пятно в темноте, прислушиваясь к звуку дыхания, а потом не выдержал и заснул.

Веселый Роджер очнулся от своей задумчивости. Он встал, чиркнул спичкой, но тут же задул огонек, подошел к Питеру, сел рядом с ним и принялся тихонько его гладить.

— Питер,— сказал он вполголоса,— пожалуй, нам с тобой предстоит одно дело. Ты сегодня его начал... а я должен буду довести до конца. Нам придется убить Джеда Хокинса!

Питер прильнул к ласковой ладони.

— Может быть, я и преступник, может быть, мое место в тюрьме,— продолжал в темноте Веселый Роджер,— да только до этого вечера я никого не убивал и убивать не хотел. А вот теперь — хочу. Если Джед Хокинс ее хоть пальцем тронет, мы его убьем! Понимаешь, Хромуля?

Он встал, и Питер услышал, что он начал раздеваться. Затем Роджер уложил Питера на одеяле на полу, а сам растянулся на нарах, и на долгое время в хижине воцарилось что-то более тягостное, чем ночной мрак,— так, по крайней мере, казалось щенку, который ждал, прислушивался, по-своему, по-собачьи, мечтая о возвращении Нейды, и не мог понять, почему она вдруг забыла о нем. А в желтоватых лучах луны бесчинствовал Ночной народ, и смутный светлый сумрак был полон стремительного бега, ужаса смерти, а Веселый Роджер спал, а волк завыл совсем близко, а ручей, не смолкая, журчал свою вечную песню. В конце концов веки Питера сомкнулись, и через порог в безмолвие хижины, где пахло человеком и собакой, заглянул красноглазый горноста́й.

После этой первой ночи миновало много дней, прежде чем Питер снова увидел Нейду. Прошли проливные дожди, ручей разлился, и каждый раз, когда Веселый Роджер переправлялся через бурный поток, чтобы добраться до Гребня Крэгга, он рисковал жизнью. Все это время Питер не видел никого, кроме Роджера. К концу второй недели кость срослась, и щенок начал бегать, но хромота осталась, и его след всегда можно было отличить от любого другого по своеобразному отпечатку правой задней ноги.

За эти две недели болезни Питер очень повзрослел. Теперь он научился понимать Веселого Роджера не только с помощью глаз и ушей, но и с помощью особого инстинкта, развитию которого способствовала его смышленность. За две недели вынужденной неподвижности этот инстинкт приобрел необычайную остроту, и под конец Питер уже умел догадываться о настроении Веселого Роджера по одному звуку его приближающихся шагов. Все это время щенок изо всех сил старался постигнуть смысл таинственной перемены в своей судьбе. Он знал, что Нейда исчезла, и чувствовал, что каждый новый день все больше отдаляет ее от него, но он чувствовал также, что Веселый Роджер видится с ней, и когда тот возвращался в хижину, в Питере каждый раз пробуждалась тоскливая надежда, что с ним возвращается и Нейда.

Однако постепенно мысли о Нейде начали сменяться мыслями о Веселом Роджере, и вскоре этот человек стал для него самым главным и самым любимым на свете. А Веселый Роджер за эти дни научился находить в обществе Питера и в их растущей взаимной привязанности утешение и отвлечение от тяжелых мыслей. Питер был свидетелем и тех часов, когда хижина светлела от голоса и смеха Веселого Роджера, и тех часов, когда его лицо становилось угрюмым, а в глазах появлялся суровый рассеянный взгляд, смысла которого Питер не мог разгадать. И вот в эти-то часы, когда сердце щенка разрывалось от великой любви к Веселому Роджеру, тот рассказывал Питеру то, чего не открывал еще ни одному человеку.

Как-то в сумерках, вернувшись весь мокрый после переправы через ручей, он сообщил Питеру:

— Нам бы следовало уйти отсюда, Питер. Нам бы следовало сложить сегодня же все пожитки и ночью убраться подальше. Видишь ли... иногда я сам себя боюсь, Хромуля. Ради нее я могу и убить. Ради нее я готов умереть. Я бы бросил все на свете и пошел бы в тюрьму, если бы там со мной была она. А это опасное желание, Питер, потому что ей быть с нами нельзя. Никак нельзя, дружок. Она ведь не знает, почему я поселился тут. Она ведь не знает, что меня давно уже разыскивает полиция — им, конечно, и в голову не придет, что Веселый Роджер Мак-Кей прячется так близко от населенных мест. Если же я ей признаюсь, она решит, будто я даже хуже Джеда Хокинса, и, конечно, не поверит, что действовал я смекалкой, а не пистолетом и что я в жизни не убил и не ранил ни одного человека. Нет, она мне не поверит, Питер. А хуже всего то, Хромуля, что она... она меня любит. Во всем на меня полагается и хоть завтра пошла бы со мной к отцу Джону. Я знаю это. Вижу, чувствую, и я...

Его пальцы стиснули загривок щенка.

— Питер,— прошептал он в сгущающейся мгле,— я не верю в того бога, в которого верят многие люди, мне хватает цветов, птиц, деревьев, неба — всего, что вокруг, и всем этим я клянусь, что не сделаю ее несчастной, Питер. Клянусь, понимаешь?

И всю ночь Питер слышал, что Роджер не спит и спокойно ворочается на нарах.

Однако утром он принялся петь, пока готовил завтрак, и голос его был таким же веселым, как солнечные лучи, разлившиеся по лесу. Для Питера эта смена наст-

роений была неразрешимой загадкой. Сколько раз он видел, как угрюмый и унылый Роджер вдруг вскакивал и принимался бодро насвистывать или петь, а однажды он объяснил Питеру:

— Я беру пример с солнца, Хромуля. Оно ведь светит, даже когда его заслоняют от нас тучи и мы его не видим. А смех еще никогда не вредил человеку.

В этот день Веселый Роджер не ходил за ручей.

Глава V

Только когда пошла третья неделя, Питер наконец увидел Нейду. К этому времени он уже провожал Роджера до брода и ждал там — иногда по несколько часов, — пока его товарищ и хозяин не возвращался с Гребня Крэгга. Но часто Веселый Роджер оставался с Питером у брода и, растянувшись на краю лужайки, которую они нашли там, принимался читать какую-нибудь из своих старинных книжечек в красных переплетах — как было известно Питеру, он очень дорожил этими книгами. Щенок часто пытался понять, что интересного могло прятаться между выцветшими крышками переплета, и умей он читать, то прочел бы следующие заглавия: «Маргарита Анжуйская», «История Наполеона», «История Петра Великого», «Цезарь», «Колумб — великий путешественник» и так далее, — всего двадцать томов, которые Веселый Роджер раздобыл, ограбив почту за два года до описываемых событий, и которые он ценил не меньше собственной жизни.

В этот день, когда они лежали на полянке в дремотной июньской тишине, Веселый Роджер решил наконец удовлетворить любопытство, написанное на мордочке Питера и блесевшее в его глазах.

— Видишь ли, Хромуля, — начал он виновато, — мне до смерти хотелось почитать что-нибудь, и я прикинул, что у почтальона что-нибудь да найдется — газета, например. Вот я и остановил почту, почтальона связал и увидел эти вот книжки. И, честное слово, больше я ничего не взял — во всяком случае, в тот раз. Их двадцать штук, и весят они вместе девять фунтов, и за последние два года мне пришлось пройти с ними не меньше пяти тысяч миль. Но все равно я не сменял бы их, даже предложи мне кто-нибудь золота, сколько я вешу — а это не так уж мало! Я назвал тебя Питером потому, что так называли в юности Петра Великого. Сказать по правде, я чуть было не окрестил тебя Христофором Колумбом.

Как-нибудь потом, Питер, мы доставим эти книжки тому человеку, которому они были адресованы. Я дал себе такое слово. Ведь украсть книги — словно душу у кого-нибудь украсть. И я их только взял почитать. Адрес их хозяина я записал — он живет на самом краю Голых Земель. Как-нибудь мы возьмем да и доставим книги по принадлежности.

Внезапно Питер утратил интерес к этим объяснениям, и Роджер, проследив направление его взгляда, увидел, что на другом берегу ручья стоит Нейда и смотрит на них. Питер тотчас узнал ее и задрожал всем телом, но тут Веселый Роджер с радостным смехом схватил его под мышку и бросился с ним в ручей. Потом он добрых пять минут стоял в сторонке и смотрел на встречу Питера и Нейды; он слушал восторженное повизгивание щенка, лизавшего лицо и руки девушки, видел следы слез на щеках Нейды, и его собственные глаза подозрительно заблестели. Для Питера три недели были бесконечно длинным сроком, но в своей обожаемой маленькой хозяйке он не смог углядеть никаких перемен. Все осталось прежним — и пышные локоны, в которые можно было уткнуть нос, и ласковые руки, и нежный голос, и пьянящее тепло ее тела, когда она крепко прижала его к груди. Он не понял, что на ней надеты новые башмаки и новое платье, что ее алые губы словно поблекли, лицо побледнело, а тоскливое выражение уже больше никогда не исчезало из глаз.

Но Веселый Роджер видел и этот взгляд, и растущую бледность — он наблюдал их уже больше двух недель. И вечером, когда Нейда ушла за Гребень Крэгга, а он вновь переплыл ручей, держа Питера на руках, на его лице застыло суровое и мрачное выражение, которое Питер начал замечать все чаще. И когда они сидели в сумерках на пороге хижины, Веселый Роджер сказал:

— Скоро все станет ясно, Питер. Я жду, что вот-вот что-то случится. Она что-то скрывает от нас. И боится за меня. Это-то мне понятно. Но я узнаю, в чем дело, — и скоро. А тогда, Хромуля, мы, пожалуй, убьем Джеда Хокинса и уйдем на Север.

Мрачные предчувствия, звучавшие в голосе и словах Роджера, словно окутали хижину на долгие дни, и Питер все более остро ощущал пугающее приближение чего-то таинственного и неотвратимого. Он быстро рос, становился сильнее и сметливее, и в нем уже начали развиваться те благоразумие и сообразительность, которые впоследст-

вии сыграли такую важную роль в его жизни. Инстинкт, не менее могучий, чем разум (а может быть, это и был разум), подсказывал ему, что его хозяин постоянно и напрасно ожидает чего-то. Тот же инстинкт открыл ему, что этого неизвестного события следует опасаться. Теперь он уже не бросался очертя голову исследовать загадки и тайны. Он выбирал окольный путь и заставлял таинственное врасплох. На смену щенячьему любопытству и безрассудности пришли умение и хитрость. Он легко постигал новое, а слово Веселого Роджера стало для него законом, и достаточно ему было услышать распоряжение один или два раза, как оно становилось частью его жизненного опыта. Но если в мозгу Питера развивались наблюдательность и сметка его отца-эрделя, то его тело складывалось по образу и подобию его могучей, быстрой и кроткой матери-гончей. Его ноги утрачивали былую нескладность и неуклюжесть. Узлы на хвосте скрылись под слоем мышц. Его крупная голова, щетинившаяся свирепыми баками, казалось, пока перестала расти, чтобы дать время нескладному худому туловищу догнать ее. И хотя всего несколько недель назад его огромные лапы вечно заплетались и спотыкались, теперь они научились ступать уверенно и бесшумно.

И с недавних пор Питер, услышав приближающиеся шаги, уже не бросался навстречу с веселым лаем, пока не убеждался, что это действительно идет Веселый Роджер. Такое поведение могло показаться странным, если принять во внимание, что пять недель, которые протекли с того вечера, когда Нейда принесла Питера с Гребня Крэгга, в окрестностях хижины не появлялось ни одного человека, кроме Роджера и Нейды. Но прирожденная осторожность росла и крепла в душе щенка с каждым днем. Затем как-то под вечер Питер сделал неожиданное открытие. Они с Веселым Роджером возвращались с рыбной ловли, которой занимались ниже по ручью, и едва Питер вышел из леса на вырубку, как учуял незнакомый запах. Он поспешно начал расследование и обнаружил тот же запах всюду вокруг хижины, а особенно силен он был возле двери. Питеру все было ясно. Тут побывал какой-то неизвестный ему человек: он несколько раз обошел хижину, открывал дверь и даже заходил внутрь — Питер учуял его следы на половицах. Он попытался сообщить Веселому Роджеру о случившемся: весь ошетинился, заскулил и начал внимательно вглядываться в темную чашу. Роджер осмотрел поляну вместе с ним, но не

заметил никаких следов и сказал, принимаясь чистить рыбу для ужина:

— Наверное, нас навестила росوماха, Хромуля. Негодяйка думала чем-нибудь поживиться, пока хозяев нет дома.

Но Питер не успокоился. Ночью он спал вполглаза. Знакомые звуки вдруг обрели новый смысл. Весь следующий день его тяготили непонятные предчувствия. Вторжение неизвестного запаха в их мир пугало его и сердило. Собачья логика подсказывала ему, что произошло посягательство на права его хозяина, а он, как того требовал закон его племени, был защитником этих прав.

На четвертый день после появления незнакомого запаха Веселый Роджер задержался у Гребня Крэгга дольше обычного. Питер, который в этот день охотился в одиночку, вернулся домой перед закатом. С недавних пор у него появилась новая привычка: прежде чем выйти на открытое место, он сначала несколько мгновений принюхивался и прислушивался. И теперь, когда он осторожно высунул нос из-за ствола ели ярдах в двадцати от хижины, его сердце внезапно забилося от жгучего волнения. Дверь хижины была открыта. А возле двери, внимательно оглядываясь по сторонам, стоял незнакомый человек. Он был совсем не похож на Джеда Хокинса, как немедленно решил Питер: высокий, в широкополой шляпе, в полосатых брюках, заправленных в сапоги, и в куртке с какими-то металлическими штучками, которые блестели в последних лучах солнца. Питер не имел ни малейшего представления о королевской северо-западной конной полиции. Но он все равно почуял опасность и замер. Все время, пока незнакомец осматривался, держа руку на расстегнутой кобуре, Питер стоял совершенно неподвижно. Только когда неизвестный вошел в хижину и притворил за собой дверь, Питер тихонько отступил в лесную тень. А потом бесшумно, как лисица, он прокрался через кусты к тропинке и побежал по ней к броду, которого не мог миновать Веселый Роджер, возвращаясь с Гребня Крэгга.

Когда Веселый Роджер вышел на берег, до темноты оставалось еще полчаса. Против обыкновения, Питер не бросился встречать его у самой воды. Он продолжал сидеть, прижав уши и как будто совсем не радуясь хозяину. Необходимость постоянно быть начеку приучила Веселого Роджера замечать самые, казалось бы, ничтожные мелочи. Он заговорил с Питером, погладил его и пошел

по тропинке по направлению к хижине. Питер угрюмо поплелся за ним, но через несколько секунд остановился и опять сел. Веселый Роджер удивился.

— В чем дело, Питер? — спросил он. — Тебя опять напугала росوماха?

Питер тихонько взвизгнул, но уши его были по-прежнему прижаты, а в глазах, устремленных на тропу позади хозяина, горели красные огоньки. Роджер повернулся и пошел дальше, пока не скрылся за поворотом тропинки. Там он остановился и поглядел назад. Питер не последовал за ним и продолжал сидеть на прежнем месте. Веселый Роджер коротко перевел дух и вернулся к Питеру. Целую минуту он простоял, наблюдая за ним и прислушиваясь, и все это время в глазах Питера, устремленных в сторону хижины, не гасли красные огоньки. Глаза Роджера тоже вспыхнули, и, внезапно опустившись на колени рядом с Питером, он тихонько произнес над его прижатым ухом:

— Ты говоришь, что это не росوماха, Питер? Верно?

Зубы Питера щелкнули, и он заскулил, по-прежнему глядя прямо перед собой.

Глаза Веселого Роджера блеснули холодным блеском, он вскочил, быстро и бесшумно скользнул под прикрытие деревьев, под которыми уже сгушался сумрак, и пальцы его сжали большой пистолет. Теперь Питер последовал за ним, и Роджер, описав дугу, вышел к хижине у той стены, в которой не было окон. Там Веселый Роджер снова встал на колени рядом с Питером и прошептал:

— Жди здесь, Хромуля. Понял? Жди здесь.

Он ласково нажал ладонью на его спину, и Питер понял. Затем, пригибаясь, Роджер с кошачьей мягкостью подбежал к глухой стене хижины. Присев на корточки, он осторожно выглянул из-за угла и осмотрел дверь. Она была закрыта. Потом он покосился на окна. На западном занавески были подняты, как он их поднял, но на восточном...

Лукавая улыбка тронула уголки его рта. Эти занавески он всегда плотно задергивал. Одна из них оставалась опущенной и теперь, но другая была чуть-чуть приподнята, так что человек, прятавшийся в хижине, мог следить за тропинкой.

Роджер отодвинулся от угла и беззвучно усмехнулся. Ловушка была устроена бесстрашно и умно, а это сказа-

ло ему о многом. В хижине кто-то прятался, и он готов был голову прозакладывать, что прячется в ней Кассиди, упрямый ирландец из отряда «М». Роджер не раз и прежде думал, что проследить его здесь, на самой границе цивилизации, способен только Кассиди, и никто другой. И вот Кассиди явился сюда — Кассиди, который упорно, как волк, три года шел по его следу, гнал его через все Голые Земли, проплыл за ним до верховий Маккензи и весь путь назад, который дрался с ним, голодал и замерзал, как и он, но так его и не арестовал. В глубине души Веселый Роджер питал к Кассиди симпатию. Они долго играли и продолжали играть в захватывающую игру: победа в этой игре стала для обоих целью жизни. И вот теперь Кассиди поджидает его в хижине, не сомневаясь, что добыча у него в руках и вот-вот войдет в ловушку.

Веселый Роджер знал, что дело может обернуться трагически, но тем не менее ему было смешно. Три раза за последние полтора года он оставлял Кассиди в дураках, и этому охотнику за людьми приходилось с трудом выбираться из паутины, которую он сам хитро сплетал для своей жертвы. И вот то же произойдет в четвертый раз! Кассиди это будет чертовски неприятно!

Вознося в душе молитву, чтобы Питер остался смирно сидеть на месте, Веселый Роджер снял башмаки и бесшумно, как ласка, подобрался к двери. Потом медленно, дюйм за дюймом, приподнялся и распластался у стены возле самой дверной щели. Затаив дыхание, он прислушался. Ему казалось, что он стоит бесконечно долго, но изнутри не доносилось ни звука. Он догадывался, что делает сейчас Кассиди: смотрит в узкий просвет между занавеской и подоконником. Но догадываться еще не значит знать, а любой просчет мог оказаться роковым — ведь в хижине ждал Кассиди с пистолетом в руке.

Внезапно до его ушей донеслось легкое поскрипывание: мужские шаги, приглушенные, но все же ясно различимые... Человек шел от окна к двери. На полдороге шаги замерли, а потом прозвучали ближе к окну, выходящему на запад. Однако наблюдатель, очевидно, не предполагал, что его жертва может появиться с той стороны, так как после секундной паузы он возвратился туда, откуда ему была видна тропа. На этот раз Веселый Роджер твердо знал, что Кассиди стоит, прильнув к окну, спиной к двери, и каждая мышца в теле лесного бродяги напряглась для молниеносного броска. Еще миг — дверь распахнулась, и наблюдатель, отпрянув от окна, увидел

прямо перед собой темное дуло пистолета Веселого Роджера.

После того как его хозяин стремительно распахнул дверь, Питер еще несколько секунд пролежал там, где ему было велено лежать, изо всей мочи напрягая глаза, так что они чуть не вылезли на лоб. Он услышал голоса, потом звонкий раскат смеха — это засмеялся Веселый Роджер — и, не в силах дольше сдерживаться, осторожной рысцой затрусил к открытой двери хижины. Там на стуле сидел незнакомец в широкополой шляпе и сапогах, его руки были крепко связаны у него за спиной. А Веселый Роджер в последнем отблеске дня сновал по хижине, упаковывая заплечный мешок.

— Мне бы следовало убить тебя, Кассиди, — говорил он с торжествующим смешком. — Ты не даешь мне ни минуты покоя. Куда бы я ни отправился, ты обязательно рано или поздно являешься туда, хотя, насколько мне помнится, я ни разу тебя не приглашал. И теперь, когда подвернулся такой случай, мне следовало бы убрать тебя с моей дороги и посадить над тобой цветочки. Да только духу не хватает. А к тому же ты мне нравишься. Может, когда ты наконец бросишь гоняться за мной, из тебя и выйдет отличная ищейка. Но покуда, Кассиди, тебе не хватает тонкости. Тонкости тебе не хватает. — И Роджер снова расхохотался.

— Просто тебе везет, как черту, — пробурчал Кассиди.

— Ну, если так, то будем надеяться, что мне не перестанет везти! — ответил Веселый Роджер. — А теперь послушай-ка, что я скажу, Кассиди. Давай побьемся об заклад, как мужчина с женщиной: если в следующий раз ты меня опять не сцапаешь, если я возьму над тобой верх, кончишь ты гоняться за мной?

Глаза Кассиди блеснули в полумраке.

— Если ты улизнешь от меня в следующий раз, я подам в отставку!

Голос Веселого Роджера стал серьезным:

— Я верю тебе, Кассиди. Ты всегда играл честно. А теперь, если я развяжу тебе руки, ты дашь мне два часа форы?

— Ладно, — ответил Кассиди.

В темноте уже трудно было различить его худое лицо.

Веселый Роджер зашел ему за спину. Щелкнул раскрытый нож. Потом Роджер взял мешок и направился к двери. На пороге он остановился.

— Погляди на свои часы, Кассиди, чтобы не ошибиться и не выйти раньше, чем пройдут полных два часа.

— Я дам тебе два часа и пять минут,— сказал Кассиди.— Думаешь уйти на север, Веселый Роджер?

— Думаю уйти в леса,— ответил разбойник.— Я иду туда, где путешествовать не так-то легко и просто, Кассиди. Ну, прощай...

Он ушел, направляясь прямо на север и не стараясь приглушить свои шаги. Но, углубившись в чащу, он повернул на юг и переплыл ручей, держа Питера под мышкой. Они прошли по равнине почти милю, когда Веселый Роджер наконец заговорил, обращаясь к Питеру:

— Кассиди думает, что уж теперь-то я уйду в северные края, Хромуля. Но мы его надуем. Я так и думал, что чего-нибудь в этом роде не миновать, и теперь мы идем к дальнему отрогу Гребня Крэгга, где скалы так накинаны, что в них сам черт заплутается. Ведь ничего другого нам не остается, дружок! Не можем же мы бросить ее сейчас. Никак не можем!

Голос Веселого Роджера прервался. Помолчав немного, разбойник нагнулся и погладил Питера.

— Если бы не ты, Питер, Кассиди на этот раз меня сцапал бы... Одно мне непонятно, Питер, почему господе бог забыл наделить собак речью?

Питер тявкнул в ответ, и они растаяли в ночном мраке.

Глава VI

Холодный туман пригасил было сияние звезд, но пока Веселый Роджер и Питер шли по равнине между ручьем и Гребнем Крэгга, он постепенно рассеялся.

Они не торопились, потому что Мак-Кей полагался на слово Кассиди. Он знал, что рыжеволосый охотник за людьми не нарушит обещания: он просидит в хижине индейца Тома полных два часа и еще пять минут. С каждой уходящей секундой торжествующая радость в душе Веселого Роджера угасала и сменялась привычной тоской одиночества и злостью на судьбу, которая сделала из Кассиди врага вместо друга. Но зато какого врага!

Роджер нагнулся и погладил косматую голову Питера.

— И почему только власти не поручили ловить нас кому-нибудь другому! — проворчал он.— Кому-нибудь,

кто ненавидел бы нас и кого мы могли бы возненавидеть! Ну зачем им понадобилось назначать Кассиди — честнейшего в мире человека, хоть он и носит полицейский мундир? Вот мы и не можем нанести ему удар в спину, Хромуля, не можем разделаться с ним, даже если нам самим придется туго. А если он когда-нибудь упрячет нас в тюрьму и увидит, как мы сидим за решеткой, ему это будет нож острый, я знаю. И все-таки он это сделает, Питер, если сумеет. Это же его долг. А Кассиди честный человек, против этого не поспоришь.

Перед ними за равниной встала темная стена Гребня, и Веселый Роджер умолк, вглядываясь в темноту на востоке. Там в миле от них, за расселиной, точно глубокая борозда, рассекавшей Гребень, стояла хижина Джеда Хокинса, безмолвная и сумрачная в слабом свете звезд. А в хижине была Нейда. Он чувствовал, что она сидит у своего окошка, глядит в ночной мрак, думает о нем, и его неодолимо тянуло пойти туда. Но он повернул на запад.

— Мы ведь не можем рассказать ей, что случилось, дружок, — сказал он, повинаясь голосу благоразумия. — Пусть пока думает, будто мы ушли отсюда. Если Кассиди решит поговорить с ней, ее синие глаза могут нечаянно выдать нас, а потому лучше будет, чтобы она не знала, что мы прячемся в скалах Духовки. Ну, да авось она не попадется на глаза Кассиди. И наверное, так оно и будет, Хромуля, потому что, сдается мне, судьба хочет, чтобы перед уходом мы приструнили Джеда Хокинса.

Годы одиночества приучили его разговаривать вслух с существами, которые не могли ему ответить. Но даже во мгле Роджер чувствовал, что Питер по-своему понимает его.

Камни под ногами путников делались все крупнее, их становилось все больше, потому они пошли медленнее, и все равно иногда спотыкались. Но несмотря на темноту, они легко находили дорогу. Прежде Питер не раз дивился, зачем его хозяин так подробно исследует угрюмое нагромождение скал у дальнего конца Гребня. В этом бесплодном каменном лабиринте они не встречали ни единой живой твари, не видели ни единого стебелька травы. Все там было неприветливым, мертвящим и враждебным, словно застывшим в последней злой судороге. Теперь во мраке это ощущение еще усиливалось, и Питер старался держаться поближе к хозяину. Они поднима-

лись все выше, пробираясь между хаотических нагромождений камней, кружа по обрывам, находя правильный путь больше наугад, но тем не менее неуклонно взбираясь вверх, к звездам. Больше Роджер Мак-Кей не заговаривал с Питером. Каждый раз, когда утесы не заслоняли неба, он искал в вышине на его темном фоне одинокий пик, который в мерцании звезд приобретал жуткое сходство с гигантским могильным камнем — это была их путеводная вежа. Они долго карабкались так среди скал, и Веселому Роджеру казалось, что шляпки гвоздей в подошвах его башмаков скрежещут о каменистую почву как-то особенно громко и зловеще. Но наконец они приблизились к вершине.

Они остановились на узкой песчаной площадке, со всех сторон укрытой громадами скал, и Роджер расстелил там свои одеяла. Потом он вышел из черной тени, такой густой, что мириады звезд, сверкавших над их головами, казались совсем близкими. Он опустился на камень и закурил, размышляя над тем, что принесет ему грядущий день и все другие дни, которые за ним последуют. Нигде в мире он не мог бы найти настоящий покой — разве после того, как его руки ощутят холод железных прутьев тюремной решетки и роковая игра будет сыграна до конца.

Сердце Веселого Роджера было свободно от разъедающей горечи злобы и жажды мести. Поэтому даже его заклятые враги — полицейские — стали называть Мак-Кея прозвищем, которое дали ему обитатели лесных дебрей. Он не питал ненависти к конной полиции. Как ни странно, эти блюстители закона даже нравились ему своим неоспоримым мужеством и заглавием. И к закону он тоже не испытывал ненависти. Скорее он посмеивался над его гордым величием, ибо закон с глубочайшей серьезностью придавал важность всяким пустякам — ему самому, например. Служители этого закона, казалось, не знали ни сна, ни отдыха, пока не вешали человека или не сажали его за решетку, и их не интересовало, насколько горячо этот человек любит людей и жизнь. А Веселый Роджер любил и людей и жизнь. В глубине души он считал, что не совершил никакого преступления, восстановив справедливость, когда ее нельзя было восстановить иными средствами. Но он не отрицал, что закон он при этом нарушил. И он любил жизнь. Любил звезды, безмолвно сиявшие над его головой в эту ночь. Ему нравились даже безжизненные скалы вокруг, потому что они говорили

его воображению о захватывающей и буйной жизни нашей планеты в дни ее юности. Нравился ему и исполненный жуткого величия могильный пик в вышине. Но больше всего он любил людей.

Однако даже больше их, больше собственной жизни и всего, что она сулила ему, он любил синеглазую девушку, которая пришла к нему из унылой хижины Джеда Хокинса.

Позабыв о своих преследователях, позабыв обо всем на свете, кроме нее, он наконец вернулся в тюремный мрак своего убежища под скалами, и, после того как Питер выкопал себе уютную ямку в песчаном ковре, оба крепко уснули.

Проснулись они на рассвете. Но и в тот день, и в следующие два они покидали свой приют только ночью, да и тогда не выходили за пределы окружающих скал. Роджер называл это место Духовкой, и оно вполне заслуживало такое название в полуденные часы и во вторую половину дня.

Тут было жарко — так жарко, что издали казалось, будто это нагромождение белых скал плавится и тает в раскаленном мареве июльского солнца. Веселый Роджер заверил Питера, что сюда не сунется ни человек, ни зверь — разве что сумасшедший или совсем уж несмышленная тварь. Тем, кто смотрел на их временное укрытие с зеленой равнины между Гребнем и лесом, оно вряд ли могло показаться особенно заманчивым. В незапамятные времена земля в видимом раздражении извергла из своих недр этот каменный хаос, и Веселый Роджер сообщил Питеру, что, по его мнению, Провидение в ту минуту, несомненно, пеклось именно о них, хотя оно задумало и осуществило извержение за сотню-другую тысячелетий до их появления на свет.

К вечеру третьего дня Веселый Роджер решил, что настало время действовать.

Весь день солнце с безоблачного неба палило по скалам Духовки из всех своих орудий. И даже теперь, на закате, над ними еще плавал и курился невыносимый зной. Огромные каменные массы накалились и обжигали кожу при случайном прикосновении, а воздух между их серо-белыми стенами казался густым и горячим, как дым.

Хотя с равнины Духовка и выглядела суровой и не привлекательной, тот, кто, не испугавшись солнечных ожогов, рискнул бы взобраться на господствовавший над

ней утес, который вздымался на сотню футов вверх у конца Гребня, был бы вознагражден за свои старания. Внизу, уходя к дремучему лесу, простирались зеленые и золотистые луга, усеянные сверкающими озерами, которые нередко были обрамлены темной бархатистой зеленью сосен, кедров и елей. На полпути между подножием Духовки и этим пиком прятался скрытый от всех глаз тайник, который отыскиали для себя Веселый Роджер и Питер.

Как ни накалялись окружающие скалы, там всегда веяло прохладой подземных пещер. Два огромных утеса сомкнули над ним свои плечи, точно два сказочных великана, образовав узкий сводчатый проход в человеческий рост высотой, куда не проникали солнечные лучи.

Когда Питер освоился с окружающей мертвенностью, он решил, что им тут живется не хуже, чем в хижине индейца Тома. Днем он с удовольствием валялся на мягком песке, а вечером наслаждался тихим уединением их неприступной крепости. Он, разумеется, не понимал, что означало их бегство от Кассиди, но, руководимый инстинктом, охранял их убежище с неизменной бдительностью. Охранял от всех существ на свете.

От всех, кроме Нейды. Не раз он принимался тихо скулить, тоскуя по ней, почти как сам Роджер. И в этот третий вечер, когда жаркое июльское солнце уже почти касалось зубчатой полоски западного леса, Питер и его хозяин с одинаковой жадностью глядели на восток, туда, где за стеной Гребня Крэгга укрывалось жилище Джеда Хокинса.

— Мы скажем ей все сегодня,— объявил наконец Роджер Мак-Кей с задумчивой решимостью.— Мы рискуем и расскажем ей все.

Щетинистые баки Питера, торчавшие по сторонам его морды, как маленькие веники, сочувственно задергались, и он завилял хвостом, разметая песок. Питер, без сомнения, был величайшим лицемером, потому что неизменно притворялся, будто понимает все, что ему говорят, даже в тех случаях, когда не понимал ничего. И Веселый Роджер, не отводя взгляда от серой стены у выхода из их приюта, продолжал:

— Мы должны быть с ней честными, Хромуля. Скрывать от нее правду — преступление хуже убийства. Если бы она не была таким ребенком, Питер! Но ведь она еще маленькая девочка, самая милая и чистая душой, и нель-

зя ее дольше обманывать, как бы мы ни любили ее, Питер. А мы ее любим, Питер, больше всего на свете.

Питер лежал не двигаясь и наблюдал за непривычно угрюмым лицом Веселого Роджера.

— Мне придется сказать ей, что я грабитель с большой дороги,—добавил Роджер после недолгого молчания.—И она этого не поймет, Питер. Не сумеет понять. Но все равно я ей скажу. И сделаю это сегодня же. А потом... думаю, мы очень скоро отправимся на Север, Хромуля. Если бы не Джед Хокинс...

Он поднялся с песка и сжал кулаки.

— Все-таки нам следовало бы убить Джеда Хокинса перед уходом. Так было бы безопаснее для нее,—докончил он.

Забыв про Питера, Роджер вышел из их убежища и стал подниматься по каменной осыпи, пока не взобрался на верх громадной скалы. Там он остановился и устремил взор на необъятную глушь Севера. Перед ним на сотню... на пятьсот... на тысячу миль раскинулся его край. Да, там был его дом — от Гудзонова залива до Скалистых гор, от Водораздела до арктической тундры, и там он жил полной жизнью, следуя только своему собственному кодексу. Он знал, что любит жизнь так, как не многим дано ее любить. Он поклонялся солнцу, луне и звездам — всему этому миру, где было так хорошо жить, хотя ему самому непрерывно грозила гибель.

Но теперь, когда он стоял, озаренный лучами заходящего солнца, его сердце исполнилось безысходной тоской. На мгновение ему улыбнулось счастье, и поэтому он лгал — лгал тем, что молчал. Он не сказал приемной дочери Джеда Хокинса, что он разбойник и пришел в эти обжитые места, рассчитывая, что тут королевская конная полиция не догадается его искать. И сегодня вечером он, вероятно, увидит ее в последний раз в жизни. Он скажет ей правду. Он скажет ей, что его разыскивает полиция всего канадского Севера. И в эту же ночь он отправится с Питером к Голым Землям, лежащим отсюда за тысячу миль. Он знал, что не отступит от принятого решения, знал, даже несмотря на то, что темная полоса леса растаяла, заслоненная бледным девичьим лицом с васильковыми глазами и каштановыми кудрями, полными солнечного блеска,—лицом, дорожке которого для него не было ничего. Да, он был уверен в себе, как ни искушало его это видение. Он был разбойником, за ним гналась полиция, но...

Питера продолжала тревожить мрачность хозяина. Когда смерклось и в долине сгустилась мгла, Мак-Кей начал выбираться из скалистого лабиринта. Через час они уже осторожно шли по темной расселине, рассекавшей Гребень. В хижине горел огонь, но окошко Нейды было темным. Питер припал к земле, повинуясь ладони Роджера, которая предостерегающе легла на его спину.

— Я пойду один,— сказал Роджер.— Жди меня тут.

Питеру казалось, что он ждал в темноте очень долго. Он не слышал тихого «тук-тук-тук», когда пальцы его хозяина легко забарабанили по стеклу темного окошка. Но и Роджер не услышал никакого ответа на свой сигнал, только в соседней комнате кто-то продолжал говорить глухим, монотонным голосом. Он простоял под окном Нейды полчаса, время от времени вновь постукивая по стеклу. Наконец дверь внутри комнаты открылась, и на фоне светлого прямоугольника появилась фигура Нейды.

Мак-Кей снова тихонько постучал по стеклу, и девушка быстро захлопнула дверь. Через секунду она была уже у чуть приоткрытого окошка.

— Мистер... Роджер,— прошептала она,— это вы?

— Да,— ответил он, отыскав в темноте ее руку.— Это я.

Рука девушки была совсем ледяной, и пальцы сжали его руку так, словно Нейда была чем-то испугана. Питер, устав ждать, тихонько подкрался к ним и услышал почти беззвучный, срывающийся шепот Нейды. Что-то в ее тоне и в напряженном ответе Веселого Роджера приковало его к месту, и он насторожил уши, чутко вслушиваясь в ночь. Он простоял так несколько минут, а потом шепот у окошка смолк, и он услышал, что его хозяин осторожно уходит. Когда они добрались до расселины, Веселый Роджер заговорил, не подозревая, что Питер был у самого окна. Оглянувшись на бледное пятно света, он сказал, обращаясь не столько к Питеру, сколько к самому себе:

— Что-то произошло там сегодня вечером. Она не захотела ответить мне, что именно. Но все равно я почувствовал что-то неладное. Жаль, я не видел в темноте ее лица.

Роджер зашагал по лугу и, словно спохватившись, что ничего не объяснил Питеру, снова заговорил:

— Сегодня она не могла уйти, Хромуля, но она придет к нам в ельник завтра к вечеру. Делать нечего, надо ждать.

Роджер пытался говорить бодрым тоном, но оттого, что он твердо решил во всем признаться Нейде и уйти из этих мест, этот срок казался ему невыносимо длинным. Почти всю ночь он расхаживал по прохладным лугам, а потом долго сидел в душистой глубине густого ельника, где у Нейды был тайник. Питер вскоре обнаружил скрытый от Роджера густой тенью небольшой узел, который был весь пропитан теплым и милым запахом Нейды. Узелок был спрятан под кустом и тщательно укрыт лапником и травой. Уходя из ельника, Мак-Кей никак не мог понять, почему Питер последовал за ним, только повинуясь его настойчивому оклику.

В Духовку они вернулись, когда уже начало светать, и первую половину дня Веселый Роджер проспал в своем убежище. Под вечер они в последний раз поужинали там. Затем Мак-Кей взобрался почти к самому пику и закурил трубку, ожидая той минуты, когда удлинившиеся всеренние тени скажут ему, что настало время идти на место свидания.

Он перевел взгляд на тайник под утесами, чтобы посмотреть, что поделявает Питер. Но ложбинка в песке была пуста и Питера нигде не было видно.

Глава VII

Питер отправился разгадывать тайну узелка, который он нашел в ельнике.

У подножия кряжа, там, где зелень равнины вступала в неравный бой с раскаленным боком Духовки, он остановился и долго медлил. Блестящие глаза щенка под жесткими кудряшками внимательно оглядывали и небо и землю; потом, слегка прихрамывая — эта ковыляющая походка навсегда осталась напоминанием о жестокости Джеда Хокинса, — он затрусил в ту сторону, где находилась хижина бутлегера.

Приближаясь к каменистому ущелью, где он так мужественно защищал Нейду и где Джек Хокинс переломал ему кости, Питер подумал о бутлегере и злобно прижал уши. И вдруг в то самое мгновение, когда Питер инстинктивно замер, прислушиваясь, из ущелья вышел

Джед Хокинс, держа в одной руке темную бутылку, а в другой — тяжелую дубинку. Его единственный глаз свирепо поблескивал в красноватом свете заходящего солнца. Поравнявшись с камнем, за которым прятался Питер, бутлегер замедлил шаги, и его худая небритая физиономия расплылась в злорадной усмешке. Питер оскалил зубы и весь напрягся. Хокинс пошел дальше, но Питер продолжал лежать, неподвижно, выжидая, чтобы бутылка, дубинка и мужчина скрылись из виду.

Он глухо ворчал, когда продолжил свой путь. В его сердце пылало жгучее пламя ненависти. Затем он повернулся и нырнул в ельник, клином вдававшийся в луга. Несколько секунд спустя Питер выбрался на крохотную полянку, где какая-то пичуга весело распевала свою вечернюю песню.

Питер шел вдоль самой опушки, по брюхо утопая в лютиках и огнецветях, а его лапы давили спелые ягоды земляники, которая алела повсюду. Потом он с виноватым видом пробрался сквозь ширму молоденьких елок и увидел Нейду, которая вытирала пальцы, покрасневшие от земляничного сока. Ее алые губы тоже были вымазаны соком, а когда она с радостным криком поманила Питера к себе, он заметил, что к ее раскрасневшейся щеке прилип кусочек ягоды. Но Нейда уже не смотрела на Питера и вся ее тоненькая фигурка трепетала от непонятного ему волнения: девушка оглядывалась по сторонам, ожидая увидеть Веселого Роджера.

Питер подошел к ней, положил голову ей на колени и, поглядев вверх, сквозь щетинистые брови увидел под волной каштановых кудрей лиловатый синяк там, где накануне не было никаких следов ушиба. Руки Нейды притянули его поближе, она прижалась подбородком к его голове, и ее густые блестящие волосы опутали его со всех сторон. Питеру ее волосы нравились почти так же, как Веселому Роджеру, — он закрыл глаза и удовлетворенно вздохнул, нежась в их душистой тени.

— Питер, — прошептала она, — знаешь, я боюсь увидеться с ним сегодня. Я ведь обещала ему... ты помнишь, я обещала сказать ему, если Джед Хокинс ударит меня еще раз. А он ударил! Видишь этот синяк? Если Веселый Роджер узнает, он его убьет. Мне нужно придумать что-нибудь... сказать неправду...

Питер завозился у нее на коленях, показывая, что это ему очень интересно, и его сильный хвост застучал по

земле. Нейда замолчала, и он слышал и чувствовал, как бьется ее сердце совсем рядом с ним. Потом Нейда подняла голову и посмотрела туда, где, по ее расчетам, должен был показаться между елками Веселый Роджер. Питер, шутившийся от удовольствия, не заметил и не почувствовал перемены, происшедшей с ней за этот день,— в ее синих глазах появился новый блеск, щеки горели румянцем и вся она трепетала от тревожного волнения. Даже Питеру не открыла она своей тайны и продолжала ждать, прислушиваясь, не идет ли Роджер, а когда наконец раздались его шаги и он вышел из-за елочек, краска на ее щеках могла бы соперничать с алым соком земляники на кончиках ее пальцев. Веселый Роджер, едва взглянув на нее, увидел то, чего не видел Питер. Никогда еще, даже во сне, он не видел Нейду такой красивой, никогда еще она не глядела на него таким взглядом, никогда еще ее алые губы не говорили ему так много, не произнося ни единого слова. И тут же он заметил лиловый синяк, полуприкрытый каштановой прядью, а потом небольшой узел позади нее под кустом шиповника. Но он вновь перевел взгляд на синяк.

— Джед Хокинс тут ни при чем,— сказала Нейда, догадываясь о его мыслях.— Это его жена. А ее вы убить не можете,— добавила она с некоторым вызовом.

Роджер заметил, как судорожно дернулось ее горло, и понял, что она солгала. Но тут Нейда сняла голову Питера со своих колен и вскочила на ноги. Она стояла перед Веселым Роджером на этой лесной прогалинке, где шелковистая трава пестрела фиалками, лютиками и красной земляникой, и он подумал, что теперь она выглядит не маленькой девочкой, а взрослой девушкой. Позади над их головами запела пичуга, но Нейда не слышала ее звонкой песенки. Жаркий румянец на ее щеках вдруг сменился прежней бледностью, стиснутые руки задрожали, но синева в ее глазах, когда она поглядела на Веселого Роджера, оставалась такой же ясной, как синева неба.

— Я больше не вернусь к Джеду Хокинсу, мистер Роджер,— сказала она.

Легкий ветерок приподнял прядь на ее лбу, совсем открыв след жестокого удара, и Нейда увидела в глазах Веселого Роджера тот холодный стальной блеск, который всегда пугал ее. Он стиснул кулаки, и, положив ладонь ему на руку, Нейда почувствовала под материей вздувшиеся тугие бугры его мышц, твердых, как древе-

сина березы. И, несмотря на страх, она ощутила гордость при мысли, что стоит ей сказать слово — и он убьет того, кто ее ударил. Она тихонько провела рукой по его локтю, ее глаза потемнели, уголки губ жалобно вздрагнули, и, посмотрев ему прямо в лицо, она повторила:

— Я больше туда не вернусь.

Веселый Роджер понял, что означал узелок под кустом шиповника. Он встретил ее решительный взгляд, и ему показалось, что его сердце сейчас разорвется. Он попытался ослабить напрягшиеся мышцы. Он попытался улыбнуться. Он попытался собраться с духом, чтобы открыть ей все. А Питер, усевшись в гуще фиалок, смотрел на них во все глаза и старался понять, что происходит.

— И куда же ты пойдешь? — спросил Веселый Роджер.

Пальцы Нейды добрались почти до его плеча. Они нервно мяти бумагею его рубашки, но она ни на мгновение не опустила глаз, и Роджер прочел в них ответ до того, как она сказала:

— Я пойду с вами и с Питером.

Роджер отпрянул от нее с придушенным криком, походившим на всхлипывание. Он отвел взгляд и попробовал смотреть на Питера, но бледное лицо Нейды, дрожащие губы, широко открытые чудесные глаза и волосы, которыми играл ветерок, заслоняли от него все. Это была уже не маленькая девочка, которой «пошел восемнадцатый год», — для Роджера Мак-Кея это была единственная женщина на земле.

— Тебе нельзя идти с нами! — воскликнул он с отчаянием. — Я пришел, чтобы сказать тебе все. Я недостоем твоего доверия. Я ведь совсем не тот, за кого ты меня принимаешь. Я обманывал...

Он умолк в нерешительности, но заставил себя продолжать:

— Ты возненавидишь меня, Нейда, когда узнаешь правду. Ты считаешь Джеда Хокинса плохим человеком. Но в глазах закона я еще хуже. Меня разыскивает полиция. Я скрываюсь уже несколько лет. Вот почему я пришел сюда и укрылся в хижине индейца Тома... возле которой повстречал тебя. Я думал, что тут меня не найдут, но они напали на мой след. Вот почему мы с Питером прятались в скалах у конца Гребня. Я... я разбойник. Я совершил много такого, что закон считает преступле-

нием, и скорее всего я умру от пули или в тюрьме. Я хотел бы, чтобы все было по-другому, но что толку в сожалениях! Я бы жизнь отдал за то, чтоб сказать тебе, что у меня на сердце. Но я не могу. Это будет не по-честному.

Роджер недоумевал, почему ее взгляд несколько не изменился, когда он открыл ей правду. Ее щеки вновь порозовели, губы стали еще алее — его слова как будто совсем не удивили и не испугали ее.

— Разве ты не понимаешь, Нейда? — вскричал он. — Я плохой человек. Меня разыскивает полиция. Я беглец, я прячусь от полиции...

Нейда кивнула.

— Я знаю, мистер Роджер, — ответила она спокойно. — Я слышала, как вы давным-давно рассказывали об этом Питеру. И мистер Кассиди приходил к нам на другой день, после того как вы с Питером убежали из хижины индейца Тома, а я проводила его к отцу Джону, и он рассказал мне про вас очень много и еще больше отцу Джону... И я вас стала еще больше уважать, мистер Роджер, и хочу уйти отсюда с вами и с Питером.

— Уважать?! — ахнул Роджер. — Меня?

Она снова кивнула.

— Мистер Кассиди — ну, этот полицейский — сказал то же самое, что вы только что сказали. Он сказал, что вы всегда поступаете по-честному, даже когда грабите. Он сказал, что постарается арестовать вас, если сумеет, но только ему будет очень жаль. Он сказал, что хотел бы иметь такого друга, как вы. И Питер вас очень любит. И я... — Ее щеки запылали. — Я пойду с вами и с Питером, — закончила она решительным тоном.

Тут маленькое происшествие пришло на помощь совсем растерявшемуся Роджеру: Питер, рыскавший в густой траве, вспугнул огромного кролика, и они, как горный обвал, пронеслись по ельнику под звонкий лай Питера, то и дело срывавшийся на визгливое щенячье тявканье. Веселый Роджер отвернулся от Нейды и стал смотреть им вслед. Но он ничего не видел. Он знал, что настала минута самого рокового решения в его жизни. За годы отчаянных приключений и странствий он не раз встречался лицом к лицу со смертью. Он голодал. Он замерзал в снежных пустынях. Он выходил победителем из жестоких схваток со стихией, зверем и человеком. Но он ни разу не изведал ничего равного борьбе, которая шла теперь в его душе. Его сердце стучало, мысли неслись хаотическим вихрем, он тщетно старался совладать с со-

бой, и все это время, пока его глаза смотрели вслед кролику и Питеру, давно скрывшимся из виду, голос Нейды за его спиной повторял, что она пойдет с ним и с Питером. За эти секунды он понял, что не устоит, и от продуманного плана действий не осталось ничего. Он признался во всем, но та, кого он обожал, нежная и чистая, как лесной цветок, упрямо хотела разделить его судьбу. И все в нем кричало: «Обернись, протяни к ней руки, не разлучайся с ней, пока будешь свободен и жив!»

И все же он сопротивлялся этому властному призыву, по крупице собирая благоразумие и чувство долга, а Нейда глядела на него широко открытыми, детскими прекрасными глазами и впервые догадывалась о терзаниях, разрывавших сердце этого человека, который был разбойником, но для нее — лучшим из людей. Когда Веселый Роджер повернулся к ней, его лицо постарело и стало серым, как камень, глаза потускнели и в голосе была глухая безнадежность.

— Тебе нельзя идти с нами, — сказал он. — Нельзя! Из этого не получится ничего хорошего. Я не смогу заботиться о тебе, когда попаду в тюрьму. А мне ее не миновать!

Много раз, когда она говорила о Джеде Хокинсе, он видел в ее глазах синее пламя. Теперь оно вновь в них вспыхнуло, и руки Нейды сжались в кулачки.

— Нет! — крикнула она. — Этого не будет. Я не дам, чтобы вы попали в тюрьму. Только позвольте мне пойти с вами и с Питером. — Она шагнула к нему. — А если я останусь здесь, Джек Хокинс продаст меня в жены человеку, который поставляет шпалы железной дороге. Да, продаст. Я прежде вам про это не говорила, потому что боялась, как бы вы не сделали чего-нибудь отчаянного. Но оно так и будет, если вы не позволите мне пойти с вами и с Питером. Мистер Роджер, ну, пожалуйста...

Ее пальцы опять прокрались к его плечу. Синие глаза, в которых отражалась вся ее смелая, благородная душа, были совсем близко от его глаз, но тут же они затуманились, в них блеснули слезы.

— Я пойду за вами всюду, — шептала она. — Мы спрячемся, и нас никогда не найдут. Я буду так счастлива, так счастлива, мистер Роджер... А если вы меня не возьмете, мне легче умереть...

Она тихо плакала, положив голову ему на грудь, обхватив его шею худенькими руками, а Веселый Роджер с жадностью скупца ловил каждое слово, срывавшееся с

ее губ вперемешку со всхлипываниями. И внезапно буря в его сердце улеглась, колебания кончились, на смену им пришли радость и счастливое, гордое сознание новой ответственности. Обняв Нейду, он повернул к себе ее лицо и в первый раз поцеловал нежные алые губы, которые по какой-то непонятной причине судьба вверила ему с этого дня.

Все еще не разжимая объятий, все еще чувствуя на шее ее руки, он сказал негромко:

— Ты пойдешь с нами, девочка. Пойдешь со мной и с Питером и навсегда останешься с нами. А уйдем мы сегодня же вечером.

Когда Питер вернулся на полянку, его хозяин стоял там один, а Нейда уже шла по золотящемуся в закатном свете большому лугу к расселине в Гребне Крэгга, которая вела к хижине Джеда Хокинса. Однако Питер нашел на поляне совсем не того Веселого Роджера, которого оставил там всего полчаса назад, с которым прятался среди скал. Роджер Мак-Кей, стоявший перед ним на фоне оранжевого неба, больше не был нарушителем закона и отщепенцем. Он молчал, но все его существо пело от счастья, так гармонизировавшего с бесконечной прелестью этого летнего вечера. На всей земле не нашлось бы человека, с которым он согласился бы поменяться местами, и он не отдал бы своего счастья за счастье всех остальных людей в мире, вместе взятых. Он заговорил, а Питер, высунув красный язык, свернулся у его ног и принялся слушать.

— Она меня любит, любит, любит,— повторял Роджер, так что в конце концов Питер насторожил уши, силясь понять, что могло бы означать это слово.

Тут Веселый Роджер заметил Питера, рассмеялся и нагнулся к нему, а на его лице блаженное выражение боролось с недоумением.

— Она пойдет со мной... с нами! — воскликнул он с мальчишеским восторгом. — Вмешалась судьба, Хромуля, и она пойдет с нами. Мы уйдем сегодня вечером, как взойдет луна. И... Питер, Питер! Мы сразу пойдем к миссионеру, и он нас обвенчает, а потом мы отправимся на поиски такого места, где нас никто и никогда не разыщет. Пусть за нами гонится полиция, но нас любят, Хромуля. И мы постараемся быть достойными этого. Слышишь, Питер?

Он расправил плечи и повернулся к западу. Потом подхватил узелок Нейды и нырнул в ельник, а Питер за-

трусил за ним. Они быстро прошли по темнеющим лугам и, добравшись до Духовки, вскоре были уже в своем убежище под плечами двух сказочных великанов. Там еще чуть брезжил свет, и, воспользовавшись этим, Роджер Мак-Кей быстро собрал свои пожитки, а потом благоговейно развязал узел Нейды и с нежностью уложил ее вещи в свой заплечный мешок. Все это время он что-то негромко говорил, и Питеру казалось, что его хозяин напевает какую-то песню.

Когда совсем смерклось, они выбрались из скал на луга и через полчаса уже миновали расселину и укрылись в чернильно-черной тени большой скалы в нескольких десятках шагов от хижины Джеда Хокинса. Тут после восхода луны к ним должна была присоединиться Нейда.

Кругом стояла глубокая тишина, и Питер, понимавший, что нарушать ее не следует, улегся на землю, поглядывая то на освещенное окно хижины, то на смутный силуэт своего хозяина. Он чувствовал, что где-то в отдалении собирается гроза. Ее дыхание уже ощущалось в воздухе, хотя в небе еще не было ни единого облачка и только чуть заметная сизая дымка заставляла тускнеть сияние звезд. Веселый Роджер считал про себя минуты, оставшиеся до восхода луны. Ему чудилось, что прошли часы, но вот наконец на востоке показался ее золотистый край. Вскоре все кругом наполнилось тенями. Предметы обретали странные, непривычные формы. Как далекие сигнальные огни, замерцали вершины скал. Черные сосны, ели и кедры теперь отливали серебром. А луна поднималась все выше, ее бледные лучи лились в долины и на луга, танцевали на верхушках деревьев, преображая давно знакомый пейзаж, превращая его в сказочную страну.

Веселый Роджер не спускал глаз с огонька в хижине и напрягал слух, ожидая, что вот-вот раздадутся легкие шаги.

Но по-прежнему все было тихо. Лампа продолжала спокойно гореть. Дверь оставалась закрытой. Он слышал только шелест поднявшегося ветра, крики ночных птиц да завывание старого волка, который всегда выл на луну в болотной чаще за лачугой индейца Тома.

Веселого Роджера охватила тревога. Луна давно взошла, а он по-прежнему ждал — полчаса, три четверти часа, час... Нейда все не шла. Его тревога росла, и он начал осторожно пробираться ближе к хижине, прячась

в тени Гребня, пока не оказался в кедровнике у заднего крыльца. Питер шел за ним по пятам, бдительно следя за тем, чтобы ненароком не наступить на сухую ветку. Они приблизились к хижине, и тут Роджер Мак-Кей ясно расслышал тихие протяжные стоны.

Он прокрался к окну и заглянул внутрь.

На полу возле стула сидела, скорчившись, жена Джеда Хокинса. Она стонала, раскачиваясь из стороны в сторону, прижав к худой груди костлявые руки, и смотрела на открытую дверь. И вдруг Веселый Роджер понял, что, кроме плачущей старухи, в хижине никого нет. Его оледенил страх, и еще прежде, чем страх этот принял конкретную форму, Роджер уже вбежал в хижину. Женщина уставилась на него покрасневшими от слез безумными глазами, но стонать перестала и медленно разжала руки. Веселый Роджер нагнулся к ней и невольно вздрогнул, заметив дикий ужас, исказивший ее морщинистое лицо.

— Где Нейда? — спросил он зло. — Скажи мне, где она?

— Нет ее, нет, нет, — забормотала старуха, снова стискивая руки на груди. — Джек увел ее... за железную дорогу... к Муни. О господи!.. Я хотела ему помешать, да где там... Он поволок ее за собой и сегодня выдаст ее за Муни, поставщика шпал... продаст этому злобному дьяволу, зверю...

Она захлебнулась от рыдания, застонала и снова принялась раскачиваться. Мак-Кей схватил ее за плечо.

— Где живет Муни? — крикнул он. — Говори скорее!

— Тысячу... тысячу долларов он обещал, если получит ее в жены, — глухо и нараспев сказала она. — Вот та тропа ведет прямо к его дому. За железной дорогой. В миле отсюда. А может, в двух. Я его отговаривала, а он и слушать не стал... не стал...

Веселый Роджер больше не слышал ее голоса. Он стремглав бежал через вырубку, и Питер мчался за ним. Они выбрались на тропу, и Веселый Роджер побежал еще быстрее. Он напрягал память, вспоминая, что именно Нейда говорила ему про Джеда Хокинса и поставщика шпал. Два часа назад на полянке среди елей он не обратил внимания на ее слова, решил, что вечный страх перед Джедом Хокинсом внушил ей мысль, будто тот задумал выдать ее замуж насильно — слишком уж это было бы чудовищно... У него вырвался хриплый крик: Хокинс и Нейда уже давно должны были дойти до жилища Му-

ни — Нейда во власти этих негодяев, в уединенной хижине, где никто не придет к ней на помощь...

Питер, бежавший позади, заскулил, услышав хриплый стон Роджера. А в небе над ними по-прежнему светила луна, но теперь все чаще по ее бледному диску проносились темные облака и время от времени раздавался глухой рокот далекого грома. Внезапно луну заволокла черная туча, и Роджер с Питером продолжали бежать в полной тьме. Потом так же внезапно мрак рассеялся, луна вновь выплыла из-за тучи, озарив дорогу... и Роджер вдруг встал как вкопанный, его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

К ним навстречу, пошатываясь и рыдая, шла Нейда. Ее волосы растрепались и рассыпались по плечам и груди, платье было разорвано, и в ярком лунном свете там, где рукав был оторван, белело обнаженное плечо. Она увидела Роджера, который протягивал к ней руки, и с криком — никогда еще Питер не слышал, чтобы подобный крик срывался с ее губ, — кинулась к нему. В ее глазах, сухих, горящих, огромных, Роджер прочел трагический ужас, но это было не то, чего он ждал. Он прижал ее к груди, почувствовал прикосновение ее горячих губ.

— Он... он отвел тебя к Муни?

Роджер почувствовал, как по ее телу прошла дрожь.

— Нет! — задыхаясь, сказала она. — Я отбивалась... всю дорогу. Он тащил меня, бил, порвал мне платье, а я все отбивалась. Там дальше... на дороге... он решил, что я обессилела, и повернулся... а я ударила его камнем. И он упал, и лежит теперь там... на спине...

Она не договорила. Веселый Роджер отодвинул ее от себя на длину руки. Луну опять закрыла туча, и Нейда не видела его лица. Он сказал глухо и яростно:

— Нейда, иди скорее к миссионеру. — Он сделал над собой усилие, стараясь говорить спокойно. — Возьми с собой Питера и иди. Ты успеешь добраться туда до грозы. А я пойду поговорить с Джедом Хокинсом с глазу на глаз. Потом я приду за тобой, и миссионер нас обвенчает.

Луна выплыла из-за тучи, и он увидел на лице Нейды радостную улыбку. Страх исчез, в глазах играли золотые огоньки. Он снова привлек ее к себе и поцеловал, а ее пальцы гладили его лицо, и она тихо и счастливо смеялась.

Но Роджер настойчиво повторил, что ей надо идти.

— Поторопись, девочка, — сказал он. — Поторопись, а не то тебя застигнет гроза.

Нейда ушла, негромко кликнув Питера, а Мак-Кей быстро зашагал дальше по тропе, ни разу не оглянувшись и думая только о том, как он рассчитается в эту ночь с двумя гнуснейшими негодяями. Он испытывал незнакомое ему прежде желание убивать. Еще немного — и он разделяется с Хокинсом и Муни, как Хокинс разделялся с Питером. Нет, убивать он их не станет, но искалечит их, переломает им все кости, чтобы они надолго запомнили этот урок!

И тут во вновь наступившей тьме он обо что-то споткнулся. Он остановился и, когда облако пронеслось, увидел на земле у своих ног лицо Джеда Хокинса. Оно было страшно искажено, единственный глаз был закрыт. Хокинс не шевелился, а возле его затылка лежал камень, брошенный Нейдой.

Веселый Роджер угрюмо усмехнулся — волей судьбы первая половина его работы была ему облегчена. Но бить человека, лежащего без сознания, он не мог. Роджер пунул неподвижное тело.

— Вставай, мерзавец! — сказал он. — Я переломая тебе кости, как ты переломал их Питеру и этой бедной старухе! Вставай!..

Джед Хокинс не пошевелился. Его тело казалось обмякшим. Роджер стоял и смотрел на него, и с каждой секундой его глаза расширялись, а взгляд делался все более растерянным. Снова стало темно. Но теперь это был чернильный, непроницаемый мрак, словно над миром захлопнулась подвальная дверь. С запада донесся сильный раскат грома. Верхушки деревьев испуганно зашептались. Но Веселый Роджер слышал только стук собственного сердца. Он опустился на колени и начал ощупывать тело Джеда Хокинса. Даже Питер не уловил бы в эту минуту звука его дыхания.

Он выпрямился, и ночная тьма, в это мгновение застывшая в безмолвии, услышала единственное хриплое слово, сорвавшееся с его губ:

— Мертв!

Жаркая ярость в его душе сменилась ледящим ужасом, сердце налилось свинцовой тяжестью, он задыхался. Джед Хокинс был мертв! Тело его стыло на темной тропе. Он превратился в бездыханный труп, и ветер, предвестник бури, стenal и причитал над ним, а одинокий волк на болоте выл особенно тоскливо, будто чуял мертвеца.

Ногти Роджера Мак-Кея впились в ладони. Если бы он убил эту гадину в человеческом облике, если бы мстителем был он сам, он не испытывал бы этого жуткого всепроникающего страха, который теперь сковал его во мраке. Но он опоздал. Джеда Хокинса убила Нейда. Нейда, чья душа в этот день распустилась от дуновения счастья, как цветок, лишила жизни своего приемного отца. А закон Канады не признавал никаких смягчающих обстоятельств, когда дело касалось убийства.

Холодная дрожь пробежала по телу Роджера, оледенила его пальцы, и бессознательно он всхлипнул сквозь стиснутые зубы, как ребенок. Раскаты грома становились все громче и ближе, в них чудилась угроза, беспощадное обещание неотвратимой и тяжелой расплаты. Роджер почувствовал удар ветра, и в тот же миг что-то мягко ткнулось в его ногу и раздалось недоуменное повизгивание. Это был Питер — Питер вернулся к нему в ту минуту, когда он больше всего нуждался в ободрении. Застонав, Мак-Кей снова опустился на колени и притянул Питера к себе.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Питер, она убила его. Но нельзя, чтобы она об этом узнала. Мы должны скрыть это от всех...

Он умолк, и Питер почувствовал, что тело его вдруг окаменело. Веселый Роджер долго казался таким же безжизненным, как человек, лежавший навзничь на тропе возле него. Потом он, порывшись в кармане, нашел карандаш и старый конверт. На конверте в темноте, такой густой, что он не видел собственной руки, он написал: «Джеда Хокинса убил я», а потом полностью подписался: «Веселый Роджер Мак-Кей».

Затем он подsunул конверт под тело Джеда Хокинса так, чтобы на него не попал дождь и чтобы в уликах не было недостатка, накрыл лицо мертвеца своей курткой.

— Мы должны это сделать, Питер, — сказал он новым, незнакомым голосом и встал на ноги. — Мы должны это сделать... ради нее. Мы скажем ей, что догнали Джеда Хокинса и прикончили его.

К нему вернулись обычный ум, хитрость и осторожность. Он оттащил труп бутлегера на другое место, повернул его лицом вниз, отбросил подальше роковой камень и взрыхлил ногами землю, чтобы создать видимость драки

Когда он кончил и вернулся к Питеру, то, как ни черн было у него на душе, в голосе его звучало торжество.

— Возможно, мы не всегда поступали хорошо, Хромуля,— сказал он,— но сегодня мы, пожалуй, искупили некоторые свои грехи. И если нас повесят, что, возможно, рано или поздно случится, нам думается, будет легче оттого, что сделали мы это ради нее. А, Хромуля?

На несколько мгновений из-за туч показалась луна и осветила смертельно бледное лицо Веселого Роджера. На его губах играла странная холодная улыбка, а глаза глядели прямо перед собой — глаза человека, который принес себя в жертву ради той, которая была ему дороже всего на свете.

Когда Роджер, пройдя три мили, добрался до выруб-ки, на краю которой у самого леса стояла хижина миссионера, луна по-прежнему лишь изредка выглядывала из-за черных туч. Гроза еще не разразилась и словно накапливала силы, чтобы с бешенством обрушиться на мир. Гром глухо ворчал, и редкие вспышки молний свидетельствовали о том, что небесные стихии притаились в засаде.

Вырубка скрывалась под покровом непропицаемой тьмы, в которой светилось единственное желтое пятно — окно в хижине миссионера. Застыв, точно каменное изваяние, Веселый Роджер несколько минут смотрел на этот светлый квадрат. Его сердце было мертво, дух сломлен, мечты развеялись, как дым. Теперь ему остался только рассудок, твердая решимость выполнить задуманное и любовь, которая из источника радости стала источником смертной муки. Он глядел прямо перед собой, сознавая, что у него нет выбора. Никакого. И никакой надежды. Ничто не могло изменить случившегося. Перед ним был только один путь.

Когда человек жертвует жизнью ради родины или во имя великой любви, в этом есть непередаваемое величие и мощь. Вот почему у Веселого Роджера нашлись силы пересечь темную вырубку, постучать в дверь и войти в освещенную комнату, где его ждали Нейда и седенький старичок миссионер.

Тревога и страх на лице Нейды тотчас сменились счастливой улыбкой, и, не замечая странной перемены в своем любимом, она бросилась к нему, как тогда на тропе. Веселый Роджер обнял ее, но на этот раз нежно и бережно, точно ребенка, которому он боялся причинить боль. Губы, коснувшись ее щеки, были холодны, как лед, и Нейда испуганно посмотрела ему в глаза. И опять, как тогда на тропе, Веселый Роджер отстранил ее и по-

вернулся к миссионеру. Холодно и сурово он рассказал ему о том, что произошло с Нейдой в этот вечер, о том, как Джед Хокинс попытался осуществить свой жестокий план и продать ее Муни. Потом он вытащил из внутреннего кармана маленький кожаный бумажник и протянул его старичку.

— Тут почти тысяча долларов,— сказал он.— Это мои деньги. Я даю их вам для Нейды. Оставьте ее у себя, позаботьтесь о ней, и, может быть, потом...

Нейда обеими руками вцепилась в его локоть. Ее глаза стали огромными. По лицу разлилась бледность, и она прерывающимся голосом сказала:

— Я пойду с вами. Я пойду с вами... и с Питером!

— Нет,— сказал он.— Теперь это невозможно. Я уйду один, Нейда. Я догнал Джеда Хокинса... и убил его.

Над хижинной раздался оглушительный удар грома, и пол под их ногами задрожал. Веселый Роджер указал на дверь в перегородке и попросил:

— Отец Джон, оставьте нас с ней вдвоем... на одну минуту...

Старичок миссионер, сжимая в руке бумажник, кивнул и вышел в соседнюю комнату. Закрывая за собой дверь, он увидел, что Роджер Мак-Кей протянул руки к Нейде, и она бросилась в его объятия. И тут разразилась буря. На крышу обрушились потоки дождя. Стихии сорвались с узды, гром гремел не переставая, и ночь казалась еще чернее от белесых вспышек молний. Миссионер стоял в темноте, прислушиваясь к реву бури,— маленький седой старик, видевший на своем веку много человеческих трагедий, умевший только жалеть и молиться. И сейчас он просил бога просветить его. Минуты шли. Пять... Десять... Вдруг рев бури на мгновение сделался еще оглушительнее, но тут же стал прежним, и старичок понял, что входная дверь открылась и закрылась.

Он заглянул в соседнюю комнату. Нейда лежала, скорчившись, на полу, рассыпавшиеся каштановые пряди скрывали от его взгляда ее лицо и руки. Питер стоял у двери. Миссионер подошел к девушке, наклонился к ней и, ласково обняв за плечи, попробовал утешить ее: он говорил ей, что надо уповать на милосердие божье, а вокруг хижины гремела гроза...

Веселый Роджер Мак-Кей, наклонив голову навстречу ударам бури, уходил все дальше от хижины, где осталось его сердце. Он шел на Север.

Дверь, за которой исчез его хозяин, захлопнулась перед носом Питера, и он напрасно ждал, не раздадутся ли за ней снова знакомые шаги,— до его слуха доносился лишь шум дождя да грохот грома. Незнакомое чувство жгло его, заставляло дрожать, разливалось огнем по жилам. Говорят, собака иногда распознает неслышное приближение смерти, и тот же самый инстинкт подсказывал Питеру, что в эту ночь случилось нечто страшное, и теперь оно пряталось в ночной буре, мучило его; Питер заскулил и повернулся к Нейде.

Обхватив голову руками, рыдая безудержно, как ребенок, она лежала там, где упала, когда Веселый Роджер поцеловал ее в последний раз и исчез за дверью. Рядом с ней на коленях стоял старик миссионер, гладил худой рукой ее волосы, шептал ей слова ободрения и утешения, а за стенами хижины бушевали дождь и ветер, оконные рамы стучали, откликаясь на жуткие голоса, которые выли и стонали среди древесных вершин.

Рыдания Нейды терзали Питера, и все же у него было только одно желание — догнать того, кто ушел. Он не умел рассуждать, и ему представлялось, что это Джед Хоккинс трясет окна невидимыми руками, что это он стучит в дверь порывами ветра и наполняет ночной мрак ужасом и угрозами. Он ненавидел человека, который остался лежать на тропе, подставляя безжизненное лицо потокам дождя. Питер не только ненавидел его, но и боялся, а потому ему казалось, что Нейда плачет на полу из-за этого же страха. Отец Джон гладил ее по плечу и говорил ей какие-то непонятные слова. Питеру хотелось подойти к ней. Ему хотелось, чтобы Нейда опять крепко обняла его, как в те дни, когда она изливала ему свои горести. Но больше всего ему хотелось догнать хозяина и быть с ним.

Питер подошел к двери и прижал нос к щели над порогом. Он почувствовал, что буря яростно ломится в нее, его ноздри заполнил влажный туман. Но ветер не принес с собой запаха Веселого Роджера Мак-Кея. Питер начал царапать дверь, а потом повернулся и с бьющимся сердцем вопросительно посмотрел на Нейду и миссионера.

Ему было четыре с половиной месяца, но он провел их в лесной глуши, а последние недели постоянно находился в обществе Веселого Роджера, вот почему его ум

развился не по возрасту. Конечно, он был не в силах понять, что его хозяин — преступник в глазах закона, но вечная настороженность, необходимость прятаться и быть всегда начеку научили его очень многому. Он инстинктивно чувствовал, что сегодня вечером случилось что-то опасное. Самый воздух был наполнен этой опасностью. Он вдыхал ее запах. Она пронизывала раскаты грома, вспышки небесного огня, могучие удары ветра, от которых содрогалась хижина и дребезжали окна. И Питер смутно сознавал, что во всем виноват мертвец, оставшийся там, на дороге, что из-за этого человека его хозяйка плачет, а хозяин ушел и не возвращается. Он чувствовал, что должен был пойти с Веселым Роджером в таинственную черноту бури и вместе с ним драться с тем единственным, кого он ненавидел всем сердцем, — с мертвецом, который лежал там в густом мраке под черной стеной леса.

Миссионер утешал Нейду, но за долгие годы врачевания чужих горестей его голос утратил силу и убежденность.

— Господь простит его, дитя мое. В своем неизреченном милосердии бог простит Роджера Мак-Кея, ибо он убил Джеда Хокинса, спасая тебя. Но люди его не простят. Служители закона искали его за былые проступки, а теперь он прибавил к ним еще и то, что закон называет убийством. Но бог рассудит иначе. Он заглянет в его сердце, в сердце человека, который пожертвовал собой...

Нейда злобно стряхнула с себя ласковую руку миссионера, и Питер в свете лампы увидел, что лицо ее смертельно побледнело.

— Мне все равно, как рассудит бог! — гневно вскричала она. — Бог был сегодня несправедлив. Мистер Роджер рассказал мне все: сказал, что он разбойник и что мне не следует выходить за него замуж. А я сказала — нет! Я люблю его и буду скрываться вместе с ним. И мы условились сегодня вечером прийти к вам, чтобы вы нас обвенчали, но тут ваш бог позволил Джеду Хокинсу силком вытащить меня из дома, потому что он продал меня человеку, который живет за железной дорогой... И бог допустил, чтобы мистер Роджер догнал Джеда и убил его! Он несправедлив, ваш бог! Да, да, да! Ведь мистер Роджер научил меня, что такое радость, и я любила его, и он меня любил... Бог жесток, раз он позволил ему убить Джеда Хокинса!..

Голос ее прервался от муки. Питер заскулил, глядя, как миссионер помог Нейде подняться, увел ее в спальню и зажег там лампу. Питер тихонько прокрался туда вслед за ними. И когда миссионер ушел, оставив их наедине с их горем, Нейда словно только теперь заметила щенка и протянула к нему руки.

— Питер,— прошептала она,— Питер...

Минуты шли, а Питер слушал, как колотится сердце Нейды. Она прижимала его к груди, и он смотрел на ее прекрасное бледное лицо, на вздрагивающие губы, на синие глаза, прикованные к квадрату окошка, за которым чернела ночь. Буря ненадолго стихла. Но эта тишина была зловещей, а прерывало ее только тиканье стенных часов, таких же старых и усталых, как сам миссионер. И Нейда, примостившаяся на краешке кровати отца Джона, была уже непохожа на прежнюю юную девушку, которой «пошел восемнадцатый год». В этот день на полянке в ельнике, где благоухал жасмин, а в траве прятались фиалки и алая земляника, она стала взрослой. В этот час она впервые в жизни почувствовала себя счастливой. Она слушала, как Веселый Роджер рассказывал ей о том, что она уже давно знала,— что он разбойник и скрывался здесь от полиции, которая все это время разыскивала его на Севере. Он убеждал ее, что недостойн ее любви и будет последним негодяем, если не расстанется с ней. А в ее душе росла ликующая сила. Она сделала свой выбор раз и навсегда без колебаний и страха. И вот теперь, пока она смотрела невидящим взглядом на стекла в струйках дождевой воды, та же сила проснулась в ней, но еще более могучая, чем в часы счастья,— тоска по любимому и отчаянное желание найти выход из роковой ловушки.

В ее памяти пронеслась вся прожитая ею жизнь: тяжкие, мучительные годы, проведенные в хижине Джеда Хоккинса и его забитой покорной жены; зимние и летние месяцы, которые казались ей веками беспросветной тоски и одиночества, потому что ее единственным другом на земле был лес. Буря вновь застучала в окно, а Нейда вспоминала тот день, когда несколько месяцев назад она случайно обнаружила убежище Роджера Мак-Кея. С той поры он стал для нее всем и она жила словно в раю. Он стал для нее отцом, матерью, братом, а теперь — и это было важнее всего — возлюбленным. Но в этот самый день, когда он впервые обнял ее, когда они были так сча-

стливы, Джед Хокинс задумал привести в исполнение свой черный замысел, и Веселый Роджер убил его!

Вскрикнув, Нейда вскочила на ноги так стремительно, что Питер шлепнулся на пол. Он растерянно уставился на нее, приоткрыв пасть. Девушка прерывисто дышала. Вся ее тонкая фигурка сотрясалась от дрожи. Внезапно Питер увидел, что ее глаза вспыхнули, а по щекам разлился жаркий румянец. Она нагнулась к нему и зашептала, стараясь, чтобы ее не услышал миссионер:

— Питер, все это не так. Джеда Хокинса и следовало убить. Так ему и надо, Питер... Питер, ну и пусть за ним гонится полиция. Мы все равно пойдем с ним. Пойдем, слышишь?

Нейда бросилась к окну, и Питер смотрел, как она начала его открывать, задыхаясь и судорожно шепча:

— Мы пойдем с ним, Питер! Пойдем... что бы нам ни грозило... даже смерть!..

Осторожно, дюйм за дюймом, она приоткрыла окно. В комнату ворвалась буря. Порыв ветра задул лампу, но как раз в этот миг Нейда увидела, что на стене висит нож в эскимосских ножнах.

Она на ощупь отыскала его, зажала в руке и выскользнула из окна на размокшую землю. Питер одним прыжком догнал ее. Темнота сомкнулась вокруг них, но они отыскиали тропу, ведущую на Север,— в такую ночь Веселый Роджер не мог пойти напрямик через лес. До них донесся голос миссионера, который окликал их из окошка. Но тут раздался такой раскат грома, что земля у них под ногами содрогнулась и буря заревела с утроенной силой. Небо рассекли ослепительные вспышки молний. Деревья застонали и затрещали, хлынул дождь, но Нейда продолжала бежать по тропе, крепко сжимая нож — свою единственную защиту от ужасов, таящихся во мраке,— а рядом с ней, не обгоняя ее ни на шаг, бежал Питер.

Но видел он ее, только когда вспыхивала молния: ее мокрые волосы растрепались, мокрое платье облепило тело, широко раскрытые глаза были устремлены вперед. Когда же свет молнии сменялся густой тьмой, Питер слышал спотыкающийся топот ее ног, тяжелое дыхание, а иногда свистящий шелест — это ветка хлестала ее по лицу или по груди. Дождь смыл запах его хозяина, но он знал, что они бегут, чтобы догнать Веселого Роджера. Ему хотелось поторопиться, кинуться вперед со всех

ног, но он перебарывал это желание, потому что Нейда спотыкалась, тяжело дышала, а ее лицо во вспышках небесного огня было таким белым и странным. Что-то подсказывало Питеру, что Нейде во что бы то ни стало надо догнать Веселого Роджера. И он боялся, что она остановится. Он пытался залаять, подбодрить ее, как он лалял, когда они бегали наперегонки по зеленым лугам за Гребнем Крэгга. Но ему мешал дождь. Дождь бил его по спине, как злые руки, плескал ему в глаза воду из луж и забивался в глотку, стоило ему открыть пасть. Зато он старался держаться поближе к Нейде, и она иногда ощущала прикосновение его шершавого бока.

В эти первые минуты, когда Нейда бросилась догонять возлюбленного, она слышала только один голос — голос собственного сердца, всего своего существа, голос, который, заглушая грохот грома и вой ветра, гнал ее вперед, безжалостно заставлял преодолевать усталость и слабость. Веселый Роджер ушел всего за полчаса до того, как они с Питером бросились его догонять. И она должна догнать его — догнать как можно скорее, прежде чем лес успеет его поглотить, прежде чем он уйдет навсегда из ее жизни.

Стена мрака впереди не пугала Нейду. Когда ветки хлестали ее по лицу и цеплялись за волосы, она отводила их и, спотыкаясь, бежала дальше. Дважды она налетала на поваленные деревья, выбиралась из путаницы сучьев, вся исцарапанная, и со стоном подзывала Питера, крепко сжимая в руке тяжелые ножны. Казалось, стихии в диком разгуле ополчились именно против нее, издеваясь над беспомощностью своей жертвы, злобно радуясь живой игрушке, которая посмела бросить им вызов. Питер еще никогда не слышал такого грома. Он сотрясал землю под его лапами. Его раскаты не смолкали ни на мгновение, молнии вспыхивали, словно залпы скорострельных орудий, и в конце концов, не выдержав ярости ветра и дождя, Нейда без сил упала на землю, шаря руками в поисках Питера.

Питер прижался к ней, мокрый и дрожащий. Его теплый язык нашел ее ладонь, а Нейда, крепко обняв его, поникла, и ее кудри смешались с грязью и намокшей хвоей. Питер слышал ее тяжелое дыхание... И тут все переменялось. Гром ушел на восток, а с ним и молнии. Ветер в вершинах деревьев стонал все тише и вскоре смолк, а ливень сменился теплым дождиком. Июльская

гроза унеслась так же внезапно, как и налетела. Нейда с трудом поднялась на ноги и побрела дальше.

Вместе с бурей улеглось и смятение в ее мыслях, иго страха и растерянности спало с ее рассудка. Она начала рассуждать спокойно, а вместе со спокойствием пришли надежда, уверенность и новые силы. Она знала, что Веселый Роджер идет по этой тропе: другой тропы, ведущей на Север через дремучий лес, тут не было. За полчаса он не мог уйти далеко. А вдруг он укрылся от ярости бури под каким-нибудь большим деревом? В ее сердце вспыхнула радость. Ведь если так, значит, он совсем-совсем близко! Нейда остановилась, глубоко вздохнула и позвала его. Она трижды повторила свой зов, но услышала в ответ только повизгивание Питера. Через несколько минут она опять позвала его, как могла, громче. И снова из мрака впереди не донеслось ответа.

Тропа спустилась в ложбину, и под ногами Нейды зачавкала болотная грязь. Девушка проваливалась в нее по лодыжки, оступалась в глубокие лужи, где вода доходила Питеру до брюха. Только через четверть часа они наконец выбрались на твердую землю. К этому времени уже умчалась последняя туча. Дождь прекратился. Гром глухо рокотал где-то далеко-далеко. Угасли последние вспышки зарниц, и деревья тихо шептались, словно радуясь тому, что буря миновала. Нейда и Питер слышали над головой и повсюду вокруг журчание воды и шелест падающих капель: плакали намокшие ветки, побулькивали лужи, лепетали ручейки, разлетаясь брызгами под их ногами. В просвете между облаками выглянула луна.

— Мы догоним его, Питер,— жалобно сказала Нейда.— Теперь мы его догоним. Он ведь, наверное, где-нибудь совсем близко...

И Питер замер, прислушиваясь, не ответит ли Роджер Мак-Кей на ее зов.

Над их головами плыла полная луна июльских ночей, и ярость бури была уже забыта. Она исхлестала и затопила лес, но теперь каждое дерево было очищено от гнили и праха, был умыт каждый цветок и каждая травинка. От земли поднималось благоухание молодой зелени, дурманивший дух мхов и прелой хвои, и в чистом воздухе чуть слышно веяло ароматом смолы и неуловимо пряным дыханием мохнатых ветвей, которые сплетались в бесконечные пологи и сверкающие завесы. Казалось, могучий лес был полон трепета невидимой и таин-

ственной жизни — бесшумной, но пульсирующей, дышащей, впивающей целительный бальзам освеженного воздуха в успокоении, которое пришло на смену грому и молниям, реву ветра и ливня. Луна, словно повелительница, по чьей воле свершилось все это, глядела вниз с властным торжеством. Ни пыль, ни туман, ни дым лесного пожара не затеняли ее сияния, и в лесу было светло, как на рассвете. Лунные лучи золотыми и серебряными полосами ложились на деревья, отбрасывая густую тень туда, куда они не могли проникнуть, и разливаясь озерами там, где лесная кровля пропускала их потоки. Тропа, уходящая на Север, мерцала серебром, рассекая лес от неба до земли.

На мокрой земле виднелись четкие следы Веселого Роджера, а на полянке, которую расчистил какой-то охотник, чтобы поставить шалаш, Веселый Роджер остановился передохнуть после бури... и пошел дальше. На эту полянку через три часа после того, как они покинули хижину миссионера, вышли Нейда и Питер.

Они шли медленно; в лунном свете девушка казалась бесплотной тенью. На полянке они остановились, и сердце Питера тоскливо сжалось, когда его хозяйка вновь позвала Веселого Роджера. Это был уже не крик, а рыдание. У Нейды больше не осталось сил. Она еле держалась на ногах, ее лицо осунулось и побледнело от усталости, стиснутые губы и застывший взгляд говорили о мучительном отчаянии. Ей больше не на что было надеяться, и она знала это, когда, упав на землю, с рыданием позвала того, чьи следы так ясно отпечатались на тропе, уходя дальше в лесной сумрак.

— Питер, у меня нет сил идти,— простонала она.— Нет... сил... идти...

Нейда прижала руки к груди. Питер увидел, как блеснули в лунном свете костяные ножны эскимосского ножа, увидел, что ее губы что-то беззвучно шепчут, но он не расслышал ни своего имени, ни какого-нибудь слова. Питер заскулил и медленно двинулся вперед, обнюхивая тропу. Он ясно различил запах Веселого Роджера, и его пронизала радостная дрожь. Он оглянулся, тихо повизгивая, уговаривая свою хозяйку встать.

— Питер! — позвала она.— Питер!

Он вернулся к ней. Нейда вынула нож из ножен, и в ее руке сверкнула холодная сталь. Глаза Нейды блестели, она схватила Питера, притянула его к себе, и он услышал, что часто и прерывисто стучит ее сердце.

— Питер, Питер! — бормотала она. — Если бы ты только умел говорить! Если бы ты мог догнать мистера Роджера и сказать ему, что я здесь, что он должен вернуться...

Ее руки конвульсивно сжались, и Питер почувствовал, что она вся встrepенулась.

— Питер, — шепнула она, — ты это сделаешь?

Несколько секунд она, казалось, не дышала. Потом Питер услышал, как она вскрикнула, словно придумав что-то. Державшие его руки разжались, и в желтоватом свете луны блеснул нож.

Питер ничего не понял, но он знал, что должен внимательно следить за каждым движением своей хозяйки. Она наклонила голову, и почти просохшие волосы заблестели под луной. Ее пальцы утонули в растрепавшихся локонах, и Питер увидел сверкание ножа, услышал, как он поскрипывает, а потом увидел, что Нейда держит в руке отрезанную прядь. Он был совсем сбит с толку. А Нейда бросила нож, зачем-то оторвала длинный лоскут от повисшего лохмотьями платья и тщательно завернула в него отрезанный локон. Затем она, вновь притянув Питера к себе, привязала лоскут с локоном ему на шею, потом оторвала еще несколько узких полосок ситца и намотала их вокруг его шеи так туго, что ему стало трудно дышать.

И все это время она говорила с ним взволнованным, прерывающимся голосом, так что кровь быстрее побежала в жилах Питера, а его возбуждение росло и росло. Кончив, Нейда поднялась на ноги и, покачиваясь, как тени деревьев, падавшие на поляну, указала в сторону залитой лунным светом тропы.

— Вперед, Питер! — негромко сказала она. — Быстрее! Беги за ним, Питер, догони его, приведи обратно! Мистера Роджера... Веселого Роджера... Вперед, Питер! Вперед!

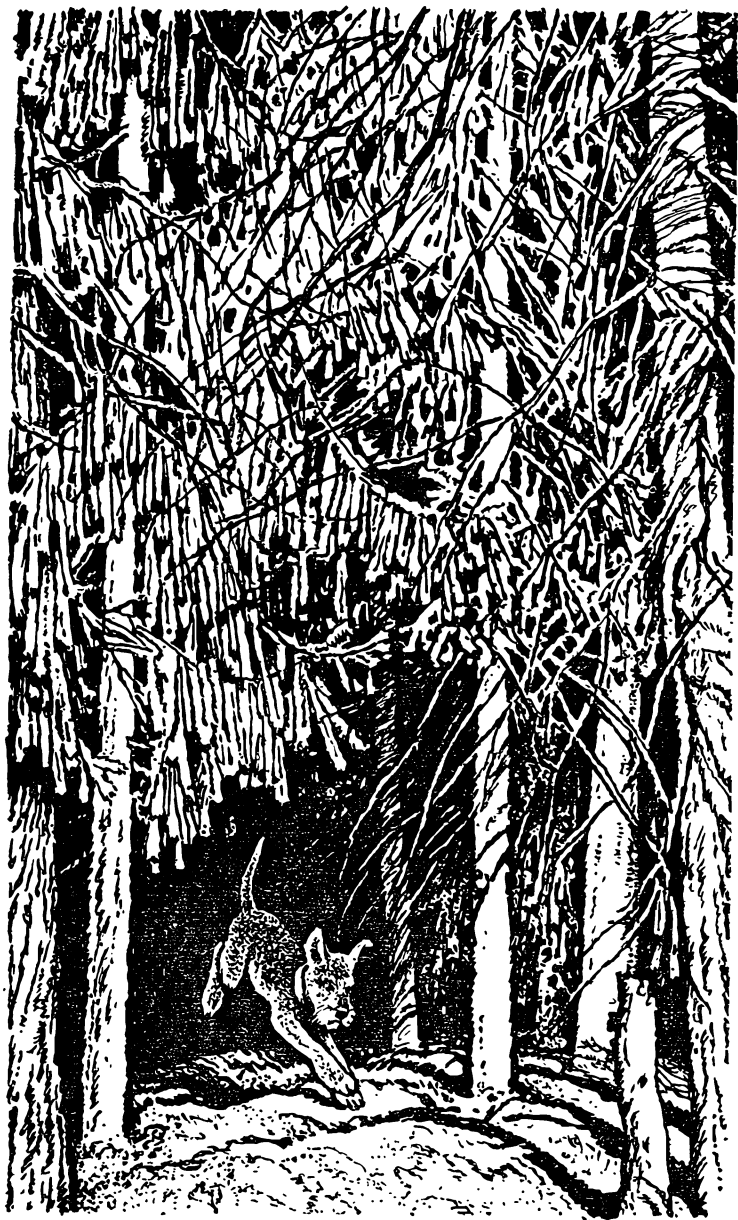
Питер не знал такой команды. Но он начал понимать, чего от него хотят. Он обнюхал следы Веселого Роджера, быстро поднял голову и увидел, что хозяйка им довольна. Она торопила его. Он продолжал обнюхивать следы, уходя все дальше, а Нейда подбодряла его и повторяла: «Скорее, скорее!».

Инстинкт и сообразительность подсказывали ему, что он должен что-то сделать, и внутри у него все восторженно напряглось. Нейда хотела, чтобы он ушел. Она

хотела, чтобы он догнал Веселого Роджера, и повесила ему на шею тряпочку, которую он должен отнести Веселому Роджеру. Он радостно и возбужденно тявкнул и неторопливой рысцой побежал по тропе. Это была бессознательная проверка. Но Нейда не окликнула его. Он насторожил уши, ожидая приказа вернуться, но хозяйка молчала. И он возликовал. Он не ошибся! Он не бросил Нейды. Не убежал от нее. Она сама хотела, чтобы он побежал вдогонку за Веселым Роджером.

Ночь поглотила Питера. Он слился с серебристыми потоками ее лунного света, с ее прихотливыми тенями, с ее тишью и тайной, с ее смутным ожиданием. Он знал, что буря принесла с собой много бед, и по-прежнему ощущал близость трагедии в этом ночном мире, по которому он бежал. Он не напрягал всех сил и все же продвигался вдвое быстрее, чем прежде с Нейдой. Он помнил об осторожности, время от времени останавливался, чтобы прислушаться, и хотя ему этого очень хотелось, ни разу не взвизгнул от нетерпения. Теперь, когда Питер остался один в лесу, все его существо чутко воспринимало биение скрытой жизни вокруг. Он знал, что Ночной народ дремучей чащи не спит. На мягких когтистых лапах, на бесшумных крыльях, остря клыки и клювы, крались во мраке хищники. Они тенями скользили в лунных аркадах леса или парили меж деревьев, поджидая добычу, готовясь пожрать существа слабее себя. Питер знал об этом. И опыт и инстинкт предостерегали его. Вот почему все время, пока он бежал по следу Роджера Мак-Кея, он вглядывался в сумрак, нюхал воздух и оскаливал зубы.

Но его переполняла не только жажда приключений. В нем жило ощущение ответственности своей миссии, хотя то, что человек снисходительно называет разумом животных, было здесь ни при чем. Это ощущение ответственности возникало потому, что шею его туго обматывали линялые лоскутки. Они были как бы частью его хозяйки, частью ее души, чем-то очень для нее важным и доверенным ему. И сейчас вся его осторожность, все его мужество нужны были Питеру для того, чтобы охранять эти лоскутки, пока они не окажутся в руках Роджера Мак-Кея. А охранять значило драться. Это был закон, которому следовало множество поколений его диких предков. Вот почему он прислушивался и принимался, и кровь все быстрее струилась в его жилах, пока он бежал по следу. Он заворчал и с кошачьей стремитель-

ностью обернулся на легкий шелест, но это просто выпрямилась ветка, которую во время бури прижал соседний сук. Над тропой впереди мелькнула серая молния, и Питер глухо зарычал. Это была рысь. Питер замер, а потом осторожно обогнул лунное пятно, в котором на мгновение возникла лесная разбойница, вооруженная двадцатью кривыми кинжалами.

Теперь, когда щенок остался в лесу один и присутствие человека, человеческие шаги и его запах уже не отгоняли диких тварей, он замечал, что ночная жизнь леса надвигается на него все ближе. Серые совы больше не хранили безмолвия, когда он пробежал мимо: они шипели и зловеще щелкали сильными клювами. Он слышал легкие шорохи; в кустах, где тайно пробирались мелкие зверюшки, он услышал drobный топот неуклюжих ног и почувствовал острый запах: это дикобраз отправился в полночь перекусить тополиной корой. Потом тропа кончилась, и запах Веселого Роджера повел его прямо через лес, полный лунных потоков и озер, смутных теней и черных провалов мрака. Теперь он вторгся в самое сердце владений Ночного народа. Он услышал волчий вой, полный тоски одиночества и смертельной угрозы; он уловил противный запах лисицы, которая выслеживала добычу, старательно держась так, чтобы ветер дул ей в морду; в минуту полного затишья из черного провала впереди до него донеслось щелканье зубов и хруст — это куница, сверкая глазами, доедала куропатку. А клювы щелкали все более злобно, серые тени проносились над самой его головой, и он слышал предсмертные крики беззащитных зверюшек — писк лесной мыши, крик дневной птицы, проснувшейся в чьих-то острых зубах, вопль кролика, схваченного одним из серых воздушных пиратов. И вдруг прямо перед собой в центре лунного озера Питер увидел чудовище. Это была огромная медведица с двумя толстыми медвежатами, которые кувыркались и боролись друг с другом в голубоватом свете. Питер никогда не видел медведей и не знал, что такое медведь. Но медведица, которая внезапно вытащила бурый нос из прохладной рыхлой земли, где она искала сладкие корни, знала, что такое собака. Она на своем веку видела много собак, слышала их лай и знала, что они всегда сопровождают человека. Поэтому она потянула ноздрями воздух и испустила громкое «вуф!», которое подействовало на медвежат, как удар хлыста. Они бросились к матери, получили по оплеухе, показавшей им,

куда надо бежать, и все трое, треща валежником, исчезли в темноте.

Несмотря на сжимавший его сердце страх, Питер не удержался и торжествующе тьякнул. Как приятно было, что именно в ту минуту, когда его мужество начало слабеть, при виде его пустилось наутек такое чудовище! И Питер побежал дальше с победоносным видом, высоко задрав хвост.

Еще через милю в новом озерце лунного света он увидел тушу зарезанной волком косули. Сам волк, насытившись, уже ушел, и теперь две огромные совы терзали остатки его пиршества. Это были самец и самка, настоящие Гаргантюа¹ совиного племени. Когда Питер внезапно возник перед ними, они с угрюмой злобой взмыли в воздух; их когти и клювы были красны от крови, а тупой мозг преисполнен ненасытной жадности. Питер к этому времени разучился бояться сов. Правда, в шелканье их клювов, особенно когда оно доносилось из темноты, было что-то зловещее, но эти птицы никогда не нападали на него и предпочитали улетать с его дороги. Поэтому, когда они уселись на темной ели прямо над его головой, это не мешало ему обнюхать мертвую косулю. От запаха свежего мяса в нем проснулся голод. Он начал грызть мягкий бок, распоротый волком; время от времени он глухо ворчал, еловно объявляя себя хозяином туши, и это ворчание доносилось до вершины ели.

В ответ раздался шум крыльев, и в лунных лучах мелькнула одна сова, а за ней и другая. Несколько мгновений совы бесшумно парили над Питером, точно серые призраки. Затем с быстротой камня, пущенного из пращи, самец пронизал серебристую дымку и кинулся на Питера. Они перекатились через тушу, и в первое мгновение Питер был совсем оглушен ударами мощных крыльев и острого клюва, долбившего его затылок. Крылатый Гаргантюа промахнулся, не сумел сразу схватить свою жертву когтями и теперь пытался обессилить ее, не поднимаясь в воздух. Он бил и терзал Питера крыльями и клювом. И вдруг его когти впились в тряпицы на шее щенка. Мгновенно ужас и растерянность Питера сменились боевой яростью. Он извернулся и вонзил зубы в перья, такие густые и мягкие, что ему никак не удавалось отыскать под ними уязвимое место. Питер рвал мяг-

¹ Гаргантюа — сказочный великан, действующее лицо романа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

кий покров на пушистой груди, рыча и царапаясь передними лапами. Потом острые когти, прорвав ситец, погрузились в его шею, но тут же челюсти Питера сомкнулись на лапе противника. Он сжал зубы — щелкнув, порвалось сухожилие, затрещала кость, и сова, хрипло зашипев от боли и страха, напрягла все силы, чтобы освободиться. Могучие крылья достигали в размахе пяти футов, и раненый Гаргантюа приподнял было Питера в воздух, но его когти запутались в тряпках, и оба они вновь рухнули на землю, сплетаясь в один клубок. Питер почти не сознавал, что произошло дальше, он чувствовал только одно — ему грозит смерть. Он закрыл глаза и продолжал дробить и выворачивать зажатую в зубах лапу. Крылья оглушительно хлопали над самой его головой, железный клюв рвал его тело, и поляна вокруг уже была забрызгана кровью. Наконец что-то подалось. Раздался жуткий вопль, не похожий на обычные крики зверей и птиц, могучий Гаргантюа взлетел и упал на ель, ломая сухие ветки.

Питер с трудом поднялся на ноги, все еще держа в зубах совиную лапу. Он наполовину ослеп, все его тело было, казалось, изодрано в клочья и кровоточило, но, заглушая боль и страх, пришло упойтельное сознание, что он победил. Опасаясь нового нападения, Питер прильнул к земле, напрягая мышцы, готовый ко всему, но нападения не последовало. Было слышно, как его искалеченный враг бьется и шипит среди веток. Питер медленно пятился, не отводя глаз от поля недавнего боя, и повернулся, чтобы отправиться дальше по следу Веселого Роджера Мак-Кея, только когда от роковой поляны его отделила стена мрака.

Недавний хвастливый задор прошел. Поединок с Гаргантюа был достаточным наказанием за самоуверенность, и теперь Питер крался между темными стволами, точно осторожная лиса. Он крепко-накрепко запомнил, что внушает страх вовсе не каждому обитателю леса: ведь щелкающие клювы и бесшумные серые тени, на которые он легкомысленно не обращал внимания, оказались опаснейшими врагами. Жестокий урок был полезным и своевременным. Щенок инстинктивно понимал, что спастся почти случайно, и боль от ран мучила его меньше, чем пережитый ужас неравного боя, хотя он и вышел из него победителем. Но это был разумный страх, а не трусость. Раньше темные силуэты сов были для него простой принадлежностью ночной темноты, и он испытывал к ним

только равнодушные, теперь же он возненавидел их и злобно оскаливал зубы, стоило серой тени пролететь у него над головой.

Питер был сильно изранен. По спине и бокам у него тянулись глубокие царапины, а последний удар когтистой лапы разодрал его плечо до кости. Из ран текла кровь, один глаз заплыл, и все вокруг сливалось в единое смутное пятно. Инстинкт, осторожность и жгучая боль во всем теле подсказывали Питеру, что ему следует укрыться в густом кустарнике и подождать утра. Но его подгоняло воспоминание о настойчивом приказе хозяйки, тряпичный ошейник и совсем свежий запах Веселого Роджера, чьи следы уходили вперед и вперед по лунным коридорам и темным пещерам леса.

Уже занимался июльский рассвет, когда Питер, ковыляя, поднялся на обрывистую каменистую гряду и увидел по ту ее сторону небольшую долину. Как раньше Нейда, обессилев, не смогла сделать больше ни шагу, так теперь и он готов был сдаться. После драки с совой он пробежал несколько миль, его раны запеклись и воспалились, так что каждое движение причиняло ему сильную боль. Поврежденный глаз не открывался, а затылок там, где Гаргантюа бил его клювом, тупо и мучительно ныл. Питеру показалось, что от затянутой утренним туманом долины его отделяет огромное расстояние, и, распластавшись на земле, он принялся вылизывать горячим языком рану на плече. Он устал, был измучен болью, и его угнетало ощущение, что продолжать путь бесполезно. Питер вновь поглядел вниз на долину и жалобно заскулил.

И тут до его ноздрей внезапно донесся запах, непохожий на влажную сырость тумана. Пахло дымом! Сердце Питера забилось быстрее, и, принудив себя встать, он побрел на запах.

На лужке, скрытом двумя скалами, отходившими от кряжа под прямым углом, он нашел Веселого Роджера. Сначала он увидел еле тлеющие угли костра, а потом и своего хозяина. Веселый Роджер спал. Его обветренное, странно осунувшееся лицо было обращено к небу. Появление Питера не разбудило Мак-Кея. Что-то в выражении его лица заставило щенка удержаться от веселого повизгивания. Он тихонько подошел к Роджеру и лег рядом. Как ни осторожно было это движение, спящий пошевелился. Его рука приподнялась и расслабленно легла поперек спины Питера. Словно подчиняясь воле и отчаянному призыву девушки, оставшейся в лесу, так да-

леко отсюда, пальцы слепо сжали тряпки, повязанные на шее Питера,— весть, которую он нес своему хозяину.

Солнце уже давно поднялось высоко, озарив лесной пейзаж, а Питер и его хозяин продолжали спать.

Глава IX

Веселый Роджер проснулся потому, что Питер заворочался. Еще в полудремоте, не открывая глаз, он вдруг вернулся к действительности, которая на несколько часов была заслонена снами. Все его тело ныло. Шея затекла. Он лежал, как бревно, на жесткой земле. Потом к нему вернулись воспоминания обо всем, что произошло накануне, и он впервые заметил присутствие Питера.

Приподнявшись, Роджер в изумлении уставился на щенка. Собственно говоря, в том, что Питер удрал из хижины миссионера и догнал его, не было ничего особенного. Любой верный пес сделал бы то же. Но Мак-Кей растерялся от неожиданности и в первый момент почувствовал даже что-то вроде досады. Словно Питер сознательно нарушил возложенный на него долг. Когда накануне Мак-Кей шагал под потоками дождя через лес, он думал о Питере только как о звене, соединяющем его с той, кого он любил. Он как будто поручил Нейду Питеру, поручил ему охранять и беречь ее и напоминать ей о нем. Он находил некоторое утешение в том, что ради Нейды пожертвовал верным другом. А Питер так его предал!

Питер словно отгадал негодование и гнев Мак-Кея, в глазах которого не появилось знакомой улыбки. Он не пошевелился и продолжал лежать, распластавшись на земле, уткнув нос между передними лапами. Эта поза выражала признание своей вины, смиренное ожидание заслуженной кары. И все же в глазах, блескующих за завитками жесткой шерсти, Веселый Роджер прочел мольбу о прощении.

Мак-Кей молча протянул руку — этого было довольно: в одно мгновение Питер очутился у него на груди. Ведь их сердца соединяла настоящая любовь, и Веселый Роджер сказал голосом, прерывавшимся не то от смеха, не то от рыдания:

— Хромуля, чертенок ты эдакий! Ах ты чертенок...

Его пальцы наткнулись на тряпичный ошейник Питера, и он вздрогнул, сообразив, что это лоскутки, оторван-

ные от платья Нейды. Увидев, что хозяин наконец-то понял, какую важную весть он принес, Питер стал внимательно следить за каждым его движением. Мак-Кей развязал узелок, и яркое, словно умытое вчерашней грозой солнце заиграло на каштановой пряди.

Теперь из груди Веселого Роджера вырвалось настоящее рыдание, и Питер увидел, что хозяин прижимает блестящие волосы к лицу, что по его широким плечам пробегает непонятная дрожь, а глаза наполняются влагой, непохожей на дождевую.

— Радость моя! — бормотал Роджер. — Эх, почему я не малый ребенок, Хромуля! Никогда еще... никогда в жизни у меня еще не было такого желания заплакать!

В его глазах стояли слезы, а губы вздрагивали, но Питер прочел на лице хозяина радость. Мак-Кей поднялся на ноги и поглядел на юг — туда, откуда он ушел навстречу ночной буре. В его воображении возникла картина: он видел, как Нейда в хижине отца Джона привязывает на шею Питеру прядь своих волос и открывает перед ним дверь, за которой бушует гроза, зная, какую радость доставит Веселому Роджеру ее прощальный привет. Этот залог вечной любви и верности.

Он отгадал только малую часть правды. И Питер, по какой-то нелепой ошибке природы лишенный дара речи, напрасно отбегал к тропе, стараясь объяснить хозяину, что Нейда тоже пошла за ним, не боясь бури, и ждет его в глубине леса.

Но Мак-Кей видел мысленным взором только тускло освещенную комнату в хижине миссионера — и ничего больше.

Он прижал к губам шелковистую прядь, еще хранившую дождевую влагу, а потом ревнивым движением скупца разгладил ее, перевязал веревочкой и спрятал в сумку из мягкой оленьей кожи. Он собирал валежник для костра, а сердце его пело — ведь теперь он был не один.

Они поели и пошли дальше. Дни следовали за днями, а они все шли и шли. Настал август, они были уже далеко на севере и все продолжали идти по бескрайним дебрям, дремавшим в сонной тишине «месяца первых полетов» — месяца, когда птенцы учатся летать, а дремучие леса погружены в тихий сон.

Дни слагались в недели, и наконец перед нашими путниками открылся бассейн Оленьего озера.

На востоке лежал Гудзонов залив, к западу простирались темные боры и извилистые реки северного Саскачевана¹, а на севере — еще дальше на севере — их манили пустынные равнины и не нанесенные на карты дебри вокруг озер Атабаска, Невольничьего и Большого Медвежьего. Туда-то они и продвигались медленно, но неуклонно.

Леса и болота на их пути временно обезлюдели. Хижины охотников и трапперов, индейские типи стояли пустые и покинутые. Нигде под деревьями не курились дымки костров, на утренней и на вечерней заре не раздавался собачий лай, охотничьи тропы зарастали травой, топоры трапперов смолкли, и все было охвачено великим безмолвием, которое, казалось, пульсировало и билось, точно огромное сердце — сердце дикой природы, сбросившей на время узы, которые наложил на нее человек.

Для обитателей леса это была пора каникул, летнего праздника. Они растили детенышей, их мех сейчас никуда не годился и мясо тоже. Вот почему люди — мужчины, женщины, дети — вместе с собаками на время ушли из лесов к факториям Компании Гудзонова залива, разбросанным по границам этих северных дебрей. Еще две-три недели — и они вернутся. Снова закурятся дымки над хижинами, смуглые дети будут играть у входов в типи. Десять тысяч лесных жителей — белых, индейцев, метисов — по двое, по трое, целыми семьями вернутся к своим извечным занятиям в диком краю, который раскинулся от Гудзонова залива до западных гор, от Водораздела до Ледовитого океана.

Но пока природа была еще свободна, и этой свободой была насыщена звенящая лесная тишина. Ведь наступили дни, когда волк играл с волчатами и не выл, когда рысь сонно потягивалась и не торопилась на охоту, — дни, занятые заботами о потомстве, ночи дремотных шорохов, красноватой полной луны, журчания обмелевших ручьев, которым снились ливни и весенние разливы. И все это — ленивое жужжание насекомых, шелестящие вздохи древесных вершин, приглушенные голоса зверей и птиц — сливалось в тихий вибрирующий шепот, словно природа обрела новую речь, пока человек временно отсутствовал.

¹ Саскачеван — одна из провинций Канады.

Для Веселого Роджера это была сама жизнь. Ее дыхание поднималось к нему от прохладной земли. Он слышал его и над собой и повсюду кругом, хотя многие другие люди не слышали бы ничего—только всеохватывающее гнетущее безмолвие.

Как-то вечером Мак-Кей разбил лагерь на берегу озера Бернтвуд. Почти у самых его ног струилась широкая речка глубиной в иных местах по щиколотку, а в иных и по колено. Она журчала и пела на отмелях и у завалов—там, где в мае и июне бешено неслась, пенясь от ярости. После утомительного дневного перехода по жаркому лесу Питер следил за хозяином сонными глазами. С тех пор как они ушли от цивилизованных мест, он вырос и стал шире в плечах. Тяготы пути, необходимость раздобывать себе пищу и отстаивать свою жизнь в непрерывной борьбе превратили щенка во взрослого пса. В свои полгода он был покрыт рубцами, силен и ловок и в любую минуту готов к нападению и защите. Глаза, полуприкрытые, как у эрделя, колечками жесткой шерсти, светились бдительной настороженностью и постоянно обращались назад: Питер никак не мог понять, почему тоненькая синеглазая девушка, которую они оба так любят и без которой так скучают, все еще не догнала их. И его все время томило смутное недоумение, почему хозяин не остановится и не подождет ее.

Изменился и Веселый Роджер. В нем было бы трудно узнать розовощекого обитателя хижины на берегу Быстрого ручья, который целыми днями весело распевал, хотя и знал, что ищейки закона идут по его следу. Он похудел от безостановочной ходьбы, его лицо стало серьезным. Но ясные глаза по-прежнему хранили жадное любопытство и любовь к жизни—над этим не могло возобладать даже горе, которое непрерывно точило его сердце, пока они шли вперед, все приближаясь и приближаясь к Голым Землям.

В оранжевом сиянии закатного солнца Питер увидел, что его хозяин достает свое сокровище.

Он давно привык к этим минутам и ждал их. Несколько раз в течение дня и уж обязательно вечером Веселый Роджер повторял все тот же ритуал. Питер подобрался ближе к хозяину, который сидел, прислонившись к валуну, и замер в предвкушении. Когда Веселый Роджер вынимал ревниво оберегаемый сверточек, до Питера всегда доносился милый, чуть различимый запах—запах его хозяйки. Мак-Кей осторожно развернул

тряпочку и несколько секунд держал в руке прядь каштановых волос — прощальный привет Нейды перед вечной разлукой. А Питер снова задумался над тем, почему они не вернутся туда, где осталась сама девушка, которая была ведь лучше своих волос. Веселый Роджер, замечая его тревогу и недоумение, много раз пытался объяснить ему, что произошло. Питер изо всех сил старался понять, но не понимал. А во сне он всегда возвращался к любимой хозяйке — бегал за ней, играл с ней, защищал ее, слышал ее голос, чувствовал ласковое прикосновение ее рук. И его собачье сердце тосковало по ней не меньше, чем сердце Веселого Роджера. Однако когда он просыпался, они продолжали свой путь — на север, а не на юг. Питер не мог постичь эту непонятную тайну, как не мог рассказать о тех минутах, когда Нейда в отчаянии и слезах послала его по следу Веселого Роджера, чтобы он привел назад того, кого она любит и будет любить вопреки всем законам мира — нарушенным и соблюденным.

В эту ночь у озера Бернтвуд Питер слышал, как его хозяин во сне звал Нейду. Но на заре они опять пошли на север.

Все эти дни и недели, пока они шли по жарким августовским лесам, Мак-Кей упорно спорил с невидимым собеседником, отстаивая свой кодекс. Правосудие может его настигнуть — и, пожалуй, настигнет. Его могут повесить — и, пожалуй, повесят. Но правосудие так и не узнает, каким был человек, которого оно послало на виселицу. В этом-то и была трагическая ирония. Какое дело закону до его бережной любви к маленьким детям, беспомощным женщинам и старикам? Закон только посмеется над правилами, которым он всегда следовал, и издевательски захихикает, если он посмеет сказать, что он не такой уж плохой человек. Ведь закон считает его преступником, убийцей Джеда Хокинса, и семьсот полицейских разыскивают его, чтобы представить правосудию живым или мертвым.

Но такой ли уж он плохой человек?

Как-то вечером он попробовал обсудить этот вопрос с Питером.

— Если я преступник, Хромуля, так моя ли это вина? — спросил он. — Может, дело тут во всем этом... — широким жестом он обвел темнеющую стену леса. — Я родился под открытым небом в точно такую же ночь. Мать, когда была жива, не раз говорила мне, что в ту ночь бы-

до полнолуние и луна словно смотрела на нее со своей высоты и разговаривала с ней будто живая. С тех пор я и полюбил луну, и солнце, и лес, и все прочее. Вот потому-то я не верю в законы, придуманные людьми. Оттого, Хромуля, и вышли у меня неприятности с полицией. Когда я видел, что от их законов толку нет, я все улаживал по-своему. Пожалуй, слишком я любил деревья, цветы, солнечный свет, ветры да бури. И бродил где хотел. А по пути много чего натворил. И очень мне это нравилось, Хромуля... Вот и оказался я преступником!

Питер услышал негромкий смех хозяина, в котором не было ни страха, ни сожалений.

— Все началось с договорных денег¹,— продолжал он, наклоняясь к Питеру, словно тот с ним спорил.— Видишь ли, Хромуля, это было племя Желтой Птицы. Я ее знал совсем мальчишкой. Были у нее две длинные черные косы, а лицо почти такое же красивое, как у моей матери. Они были подругами, и я любил Желтую Птицу, точно добрую волшебницу из сказки. И так ее и называл. Знаешь, Питер, детская любовь — это самая верная любовь в мире, и человек хранит ее до конца своих дней. Много лет спустя после смерти матери, когда я уже вырос, побывал в Монреале, Оттаве и Квебеке, я решил навестить племя Желтой Птицы... А они голодали, Хромуля. Слышишь? Умирали с голоду!

Голос Мак-Кея из задумчивого и нежного стал суровым и резким.

— Была зима,— продолжал он.— Самый разгар зимы. И морозы стояли лютые. Даже лисицы и волки спрятались. Осенью рыба ловилась плохо, снегопады разогнали дичь, и индейцы мерли с голоду. Когда я увидел Желтую Птицу, Хромуля, у меня прямо сердце оледенело. Она совсем истаяла. Только глаза остались да косы. Две длинные блестящие косы и глаза — темные, большие, глубокие, точно два озера. Вот ты никогда небось не видел, дружок, чтобы индианка плакала. У них этого не водится. Но когда эта добрая волшебница моего детства увидела меня, она застыла на месте, покачиваясь от слабости, а из ее темных глаз по худым щекам текли слезы. Она вышла замуж за Быстрого Оленя.

¹ Договорные деньги — деньги, которые правительство Канады обязалось выплачивать индейским племенам за отобранные у них земли.

У них было трое детей, и вот двое умерли в одну неделю. Быстрый Олень лежал при смерти. И Желтая Птица совсем обессилела и хотела только одного: умереть вместе с мужем. И вот тут-то пришел я... Питер! — Веселый Роджер наклонился, чтобы лучше видеть собаку в сгущающемся сумраке, и его глаза блеснули. — Вот, Питер, рассуди, плохо ли я тогда поступил. Они мне рассказали, что произошло. Местный торговец был отпетый негодяй, а новый правительственный агент по делам индейцев оказался того же поля ягода. Они скоро спелись. Агент выслал причитавшиеся племени договорные деньги и тут же тайком закупил несколько ящиков дешевого виски и отправил их торговцу. Через пять дней все деньги перекочевали в карман торговца. А тут наступила зима. И все пошло как нельзя хуже. Когда я добрался до них и разузнал, в чем дело, восемнадцать человек из шестидесяти уже умерло, а остальные еле волочили ноги. Знаешь, Хромуля, какой-нибудь мой прадед наверняка был пиратом! Я ушел и вернулся через три дня с санями, полными продовольствия и теплой одежды — ее на всех хватило. Господи, как бедняги набросились на еду! Я опять ушел и через неделю привез продовольствия еще больше. К Желтой Птице вернулась ее красота. Быстрый Олень окреп и становился сильнее с каждым днем. Все племя оправилось от беды — смотреть на них было одно удовольствие! Я кормил их так два месяца. А потом холода кончились. Вернулась дичь. Я доставил им еще запасов — и удрал. Вот так я стал разбойником, Хромуля.

Роджер засмеялся, и Питер услышал в темноте, что он весело потирает руки.

— Хочешь знать, как все это вышло? — спросил МакКей. — Видишь ли, я навестил подльца торговца и по милости судьбы застал его одного. Сперва я оттузил его хорошенько, а потом приставил ему к горлу нож и заставил написать записку, что он, дескать, должен уехать внезапно по срочному делу на юг, а лавку в свое отсутствие поручает мне. После этого я посадил его на цепь в землянке, которую никто, кроме меня, не мог бы отыскать. И стал хозяйничать в лавке, Хромуля. И еще как! Трапперы тогда обходили свои капканы и ко мне редко кто заглядывал. А я кормил и одевал мое племя целых два месяца. Кормил, пока они не растолстели... И глаза Желтой Птицы снова заблестели, как звезды. А потом я привел Таракана — такое у него было прозвище — на-

зад в лавку, которая сильно-таки опустела, отчитал его, оттузил на прощанье еще раз... и убрался восвояси.

Мак-Кей встал. На черном бархате неба зажглись первые звезды. И Питер услышал, как его хозяин глубоко и радостно вдохнул душистый воздух.

Потом он опять заговорил:

— С той зимы, Питер, за мной гоняется конная полиция. И чем больше они за мной гоняются, тем больше я даю им для этого поводов. Я избил до полусмерти Бодена, почтальона, который оскорбил одну женщину, когда ее муж — мой хороший друг — был в отсутствии. А Боден взял да и присвоил деньги, которые вез, и все свалил на меня. Ну, тогда я и в самом деле ограбил почту, а зачем, ты знаешь! И с тех пор я много чего натворил. Но моим оружием всегда были только кулаки, и я ни разу не пускал в ход ни пистолета, ни ножа, если, конечно, не считать того случая с Тараканом. А самое смешное во всем этом, Хромуля, что я и Джеда Хокинса не убивал. Может, я когда-нибудь и расскажу тебе, что случилось тогда на дороге, когда вы с Нейдой ушли. Ну, а пока...

Он умолк, и Питер почувствовал, что его хозяин вздрогнул. Затем Веселый Роджер неожиданно нагнул-ся к нему.

— Питер, трех женщин мы будем любить до могилы, — прошептал он. — Мою мать — только она давно умерла. Нейду — только ее мы больше никогда не увидим... — Его голос на мгновение прервался. — И... и Желтую Птицу. С тех пор, как я накормил ее племя, прошло пять лет! Наверное, родились уже новые дети. Знаешь что, дружок, пойдем и посмотрим!

Глава X

На другой день Веселый Роджер и Питер пошли на северо-запад — туда, где жило племя Желтой Птицы. Они шли медленно, соблюдая величайшую осторожность, и Питер все яснее понимал, что по какой-то неведомой причине им надо постоянно быть начеку. Он заметил, что его хозяин всякий раз настораживается, когда за деревьями раздается какой-нибудь звук — хруст валежника, неясный шелест кустов или стук оленьих копыт. Инстинкт, однако, подсказывал ему, что прячутся они от людей.

Он еще не забыл, как они спаслись от Кассиди и несколько дней скрывались среди лабиринта раскаленных скал, которые Веселый Роджер окрестил Духовкой. Хозяин вел себя теперь так же, как в те дни. Он не смеялся, не пел, не свистел, а разговаривал шепотом. Костры он разводил теперь такие маленькие, что Питер вначале только диву давался. Не стрелял он и дичи, хотя ее немало попадалось на их пути, а ставил с вечера силки и ловил рыбу в ручьях. На ночлег они устраивались, отойдя не меньше чем на полмили от того места, где стряпали ужин на крохотном костре. И Питер спал чутким сном, готовый вскочить при малейшем шорохе. Не раз его тихое предостерегающее ворчание будило Роджера, который сразу просыпался, уже хватаясь за пистолет.

Собственно говоря, Мак-Кей вовсе не был уверен, что пустит пистолет в ход, если при таком пробуждении увидит перед собой красный полицейский мундир. В его душе по-прежнему шла борьба. Он анализировал свое положение со всех точек зрения, но как бы он ни рассуждал, вывод всегда был один и тот же. Если он будет арестован, правосудие не станет утруждать себя, карая его за возвращение индейцам их законных денег, за ограбление почты или за прочие мелкие его преступления. Его повесят за убийство Джеда Хокинса. И служители закона не поверят ему, даже если он скажет правду, — а ее он никогда не скажет. Много раз воображение рисовало ему эту невероятную картину — настолько невероятную, что, несмотря на всю ее мрачность, Роджер находил в ней повод для угрюмой улыбки. Даже Нейда поверила, что он убил ее приемного отца. Хотя на самом деле убила его она. И правосудие повесит Нейду, если правда будет когда-нибудь открыта.

Мысленно он вновь и вновь переживал события той роковой ночи у Гребня Крэгга, когда, казалось, он уже стоял на пороге счастья — когда миссионер должен был обвенчать их с Нейдой. А потом... темная дорога, рыдающая девушка, которая, шатаясь, брела ему навстречу в разорванном платье, ее прерывающийся шепот, когда она рассказывала, как Джек Хокинс тащил ее по лесу к хижине Муни, как ей удалось вырваться, ударив его камнем, попавшимся ей под руку в темноте. Поверила ли бы полиция ему, заведомому преступнику, если бы он рассказал правду о том, что произошло дальше? О том, как он бросился за Джедом Хокинсом, чтобы разделатъ-

ся с ним, и увидел, что он лежит мертвый там, где его оставила Нейда? Поверила ли бы она ему, если бы в минуту слабодушия он признался, что взял на себя вину девушки, которую любил? Нет, ему не поверили бы! Слишком хорошо он подделал все улики. Если бы он рассказал правду о том, что произошло на дороге между Гребнем Крэгга и хижинной Муни, его бы только называли подлым лжецом и трусом.

Именно эта мысль и служила главным утешением Веселому Роджеру — мысль о том, что он хорошо подделал все улики против себя и ни Нейда и никто другой никогда не узнает правды. Его любовь к синеглазой девушке, которая доверилась ему, даже зная, что он разбойник, была вечной и непреходящей, как любовь к покойной матери.

— Умереть за нее будет совсем нетрудно, — сообщил он Питеру результат своих размышлений, не сомневаясь, что конец будет именно таков.

Эта мысль его не пугала. Он твердо решил бороться за свою жизнь и свободу, пока хватит сил. Но, хорошо зная упорство королевской северо-западной конной полиции, он понимал, что исход его поединка с ней может быть только один. Однако Роджер Мак-Кей не отчаивался, несмотря на пережитую трагедию и на мысль о неизбежном еще более трагическом завершении своей жизни. Наяву и во сне его поддерживало и утешало воспоминание о девушке, которая была готова разделить с ним его скитания и в последний час умоляла его взять ее с собой, какие бы невзгоды ни ждали их впереди. Она знала, что он преступник, за которым гонится полиция, но это не оттолкнуло ее. И даже то, что он убил человека — пусть негодяя, недостойного жить, но все же человека, — не уничтожило ее доверия к нему. И в тысячный раз Веселый Роджер с отчаянием думал, не ошибся ли он, оттолкнув Нейду, отказавшись от ее любви и верной дружбы, когда она хотела уйти с ним наперекор всему.

День за днем, пока они шли в те края, где жило племя Желтой Птицы, он боролся с собой и постепенно, подавив гнетущие сомнения, убедил себя, что поступил правильно. Он не дал эгоизму взять верх в своей душе и не позволил Нейде стать женой разбойника. Он ничем не связал ее. Ее ждет новая жизнь и, возможно, новое счастье. Он не погубил ее, и эта мысль послужит ему утешением даже в тот серый предрассветный час, ког-

да закон заставит его поплатиться за не совершенное им преступление.

Порой на смену горю и тоске приходит странное успокоение, знакомое только тем, в чьей душе пожар страстей гаснет, не находя более пищи. И вот теперь, когда наши путники пошли на северо-запад к берегам озера Уолластон, именно такое успокоение снизошло на Веселого Роджера. Правда, оно больше походило на боль, на тихую, вечно ноющую боль, но зато оно принесло ему новое единение с природой, с солнцем, с деревьями, цветами, плодоносящей землей — со всем тем, что всегда было ему так дорого, а теперь стало вечным источником утешения и поддержки в самые черные часы.

После того как Веселый Роджер решил навестить племя Желтой Птицы, он больше не торопился. Теперь он старался вообразить, будто Нейда идет с ними, и это удавалось ему так хорошо, что Питер был совсем сбит с толку, пытаясь понять, с кем разговаривает его хозяин.

Их неспешное путешествие, постоянная настороженность и общение с хозяином, который держался с ним как с товарищем, с равным, чрезвычайно развили умственные способности Питера, и он старался показать себя достойным такой дружбы и доверия. Благодаря правильному обучению, дополненному инстинктом, он знал теперь лес и лесную жизнь во многих отношениях даже лучше, чем его хозяин. И вместе с тем Веселый Роджер медленно, но верно внушал ему, что существует огромное различие между охотой для пропитания и бессмысленными убийствами ради забавы.

— Все живое, чтобы жить, должно иногда убивать, и тут уж ничего не поделаешь, Питер, — втолковывал ему Веселый Роджер. — Но совсем другое дело, если ты убиваешь без всякой необходимости. Видишь вон то дерево, которое обвил хмель? Хмель душит дерево, и со временем оно засохнет. Но хмель ни в чем не виноват, потому что иначе он жить не может. Правда, я вырву этот хмель с корнем, так как дерево, на мой взгляд, важнее хмеля. В таких случаях поступаешь, как подсказывает тебе совесть. Нам с тобой надо жить, и поэтому сегодня мы ужинаем молодыми куропатками. Видишь ли, Питер, тут все решает необходимость. Тебе это понятно?

Этих объяснений Питер не понимал, но он был наблюдателен и умел быстро соображать. Он скоро зару-

бил себе на носу, что разорять гнезда — непростительное преступление. Он чувствовал, что его немилосердно стыдят, когда он для забавы нападает на существо слабее себя. Правда, в этом он так и не разобрался и в подобных случаях поглядывал на хозяина, ожидая от него какого-нибудь указания. В августе подрастающие крольчата очень доверчивы, и Питер мог бы душить их десятками, но теперь он кидался за ними в погоню, только когда бывал по-настоящему голоден или же по приказанию Веселого Роджера. Этот этап в воспитании Питера был очень интересен его хозяину. Разбойник не придерживался взгляда тех натуралистов, которые считают себя единственными разумными существами в мире. Он верил, что Питер наделен не только великолепными инстинктами и смышленостью, но и способностью рассуждать, а он помогает этой способности развиваться. Вот это-то и занимало его.

На привале, когда Роджер не спал и не занимался воспитанием Питера, он обычно читал какой-нибудь из красных томиков исторических сочинений, которые позаимствовал, остановив почту у границы Голых Земель. Он уже знал их почти наизусть. Больше всего ему нравились жизнеописания Наполеона, Маргариты Анжуйской¹ и Петра Великого, и когда он сравнивал свои беды с трудностями, из которых эти люди выходили победителями, он испытывал прилив бодрости и уверенности. Если природа была его богом и священным писанием, а Нейда — путеводной звездой, то эти зачитанные книжечки, написанные человеком, который давно уже умер, были его собеседниками и наставниками. Они рассказывали ему о великих самопожертвованиях, доблести и подвигах, о верности, чести и предательствах и о страшных трагедиях, к которым неизменно приводят неудержимое честолюбие и эгоизм. Он извлекал из прочитанного уроки для себя. И сообщал Питеру свои умозаключения. Особенно ему нравилась неустрашимая Маргарита Анжуйская, и однажды его сердце восторженно забилося, когда голос с печатной страницы шепнул ему, что Нейда — такая же Маргарита, только в сто раз лучше, потому что она не принцесса и не королева.

¹ Маргарита Анжуйская (1429—1482) — английская королева, жена Генриха VI, по происхождению французка; во время междоусобных войн Алой и Белой розы возглавляла партию сторонников короля.

— Видишь ли, разница в том,—объяснил он Питеру,—что Маргарита жертвовала собой, боролась и готова была умереть ради короля, а наша Нейда — ради бедняка, за которым гонится полиция. Вот почему Нейда куда выше Маргариты,—добавил он.— Маргарита ведь шла на такие жертвы не только для того, чтобы спасти своего мужа, но и чтобы остаться королевой, а Нейде нужны только мы с тобой. И вот тут-то мы последуем примеру Петра Великого,—закончил он с невеселым смешком,—и не позволим ей губить себя.

И так день за днем шли к речкам Уолластона — в страну, где жили Желтая Птица и ее племя.

В первых числах сентября они перебрались через Гейки и вышли на западный берег Уолластона. Листва берез уже отливала золотом, а в шелесте осин слышались тревожные шепоты осени. Тополя желтели, рябина алела тяжелыми гроздьями, а в прохладных сырых чащобах бархатисто чернели спелые сочные ягоды дикой смородины. Веселый Роджер особенно любил это время года, а Питер впервые в жизни знакомился с сентябрем. Днем еще было жарко, однако по ночам воздух бодряще пощипывал, и Питер уловил новую резкую ноту в голосах обитателей леса. По ночам вновь начали завывать волки. Гагары забыли семейные радости и хрипло кричали под луной. Кролики выросли и утратили детскую доверчивость, а совы словно глубже уходили в ночной мрак и выслеживали добычу особенно хитро. Веселый Роджер знал, что люди уже возвращаются к своим хижинам и охотничьим участкам, и стал еще осторожнее. Он внимательно смотрел по сторонам, не поднимается ли где-нибудь к небу дымок, прислушивался к каждому звуку, и его начали одолевать тревожные мысли: мало ли что могло случиться с племенем Желтой Птицы за пять долгих лет! Еще одна голодная зима или какая-нибудь повальная болезнь могла погубить почти все племя, а горстка оставшихся в живых разбрелась кто куда... А вдруг Желтая Птица умерла?

Три дня он медленно шел по извилистому берегу озера и наконец набрел на индейские помосты для вылова рыбы. Его с новой силой охватили зловещие предчувствия: люди давно ушли отсюда, земля была испещрена медвежьими следами, а у берега, куда выбрасывались рыбы внутренности, расхаживали два черных

медведя — толстые, разъевшиеся; они нисколько не встревожились, увидев человека и собаку.

Однако на другой день к закату они вышли на песчаную косу, где в белом песке возились индейские ребята. Они играли и смеялись, и с ними играла и смеялась высокая худощавая женщина в юбке из мягкой оленьей кожи, с двумя черными глянцевитыми косами, которые, когда она бежала, металась у нее за плечами, точно два толстых каната. Веселый Роджер и Питер увидели ее в ту минуту, когда она убегала от детей в сторону противоположную той, где они стояли. Но вот она внезапно повернулась, бросилась прямо к ним и с испуганным криком остановилась в двух шагах от Мак-Кея. Питер внимательно следил за происходящим. Он увидел, что испуг в темных глазах женщины сменился удивлением, потом она прерывисто вздохнула, и тут Веселый Роджер крикнул:

— Желтая Птица!

Он медленно подошел к ней, еще не веря, что годы так мало ее изменили, и Желтая Птица радостно протянула к нему руки, а Питер, не понимая, что, собственно, происходит, подозрительно косился на смуглых индейских ребятшек, которые тихонько их окружили. Потом из-за ивняка вышла девочка, и Питер был совсем сбит с толку, потому что он увидел еще одну Желтую Птицу — та же стройная гибкая фигура, те же сияющие глаза, хотя она и была даже моложе Нейды. Питер не знал, что это Солнечная Тучка, дочь Желтой Птицы. Но он тут же почувствовал к ней симпатию, такую же, какую внушила ему ясноглазая женщина, которая держала его хозяина за руки. Желтая Птица позвала, девочка подошла к матери, и Веселый Роджер расцеловал ее в обе щеки. Затем они пошли по берегу к стойбищу, а дети во главе с Солнечной Тучкой бросились вперед, чтобы первыми сообщить новость, и Питер бежал рядом с Солнечной Тучкой.

Питеру еще не приходилось слышать, чтобы из человеческой груди вырывался такой вопль, какой испустил Быстрый Олень, муж Желтой Птицы и вождь племени, когда он поздоровался с Веселым Роджером. Это был старинный боевой клич индейцев кри, а то, что произошло вечером, и вовсе привело Питера в неистовое возбуждение. Пылали огромные костры, вокруг них пело, плясало, смеялось и пировало все племя под нестройное завывание полусотни сивашских собак. Собаки эти Пите-

ру не понравились, но он не стал затевать драку, потому что ему хотелось лежать рядом с Солнечной Тучкой, сунув нос в ее ласковую смуглую руку.

В этот вечер, сидя у большого костра возле типи Быстрого Оленя, Роджер впервые за много недель чувствовал себя счастливым. То и дело он поглядывал на Желтую Птицу. За пять лет она почти не изменилась. Ее глаза блестели глубоким блеском, зубы были белее молока, а на щеках играл такой же темный румянец, как и на щеках Солнечной Тучки. Все это неопровержимо свидетельствовало о том, что ей жилось хорошо и спокойно. Любовался он и Солнечной Тучкой, которая была в полной мере наделена нежной красотой северных индианок. С неменьшим удовольствием смотрел он и на Быстрого Оленя — их счастье было и его счастьем. То же счастье светилось в глазах всех мужчин, женщин и детей, которых он видел вокруг. Быстрый Олень сообщил ему, что три зимы подряд охота была на редкость удачной, а в это лето они заготовили столько рыбы, что им ее хватит на всю зиму, даже если снова настанут черные дни. Их племя стало теперь богатым: у них есть много теплых одеял, хорошей одежды, типи, ружей и саней да еще несколько редкостных диковинок в придачу. В этот же вечер Желтая Птица и ее муж с гордостью показали Веселому Роджеру два из этих новых сокровищ — швейную машину и граммофон! И на берегу озера Уолластон, в шестистах милях от Гребня Крэгга, он слушал «Матушку Макри», «Четки» и другие грустные и веселые песенки.

А поздно ночью, когда становище уснуло, Роджер еще долго сидел у погасшего костра с Желтой Птицей и Быстрым Оленем, рассказывал им о том, что произошло с ним на границе населенных мест. Он был рад излить сердце, и хотя его слушал и Быстрый Олень, исповедовался он Желтой Птице, зная, что ее чуткое сердце полно сочувствия. Тихим голосом, которому, как голосам всех ее соплеменниц, была присуща особая мелодичность, она расспрашивала его про Нейду, и ее тонкие пальцы нежно поглаживали каштановую прядь, которую доверил ей Роджер. Потом она сказала:

— Я дала имя твоей девушке. Она — У-Ми, Голубка.

Что-то в ее голосе заставило Быстрого Оленя вздрогнуть.

— Голубка, — повторил он.

— Да, У-Ми, Голубка, — кивнула Желтая Птица. Она

не смотрела на них. Ее фигура застыла в неподвижности, а в глазах плясали отблески костра. Не попросив у Роджера разрешения, она спрятала волосы Нейды у себя на груди.— У-Ми, Голубка,— повторила она, глядя вдаль.— Так ее зовут, потому что голубка летит быстро, прямо и верно. Через леса, озера и реки летит голубка. Она не устает. Не замедляет полета. Она всегда летит домой.

Быстрый Олень бесшумно поднялся на ноги.

— Пойдем! — шепнул он Веселому Роджеру.

Желтая Птица не оглянувшись на них и не сказала ни слова. Быстрый Олень взял Веселого Роджера за локоть и потянул за собой. В его глазах был почтительный испуг.

— Сегодня ночью ее дух навестит У-Ми,— сказал он с благоговением.— Он побывает в тех местах, о которых ты нам рассказывал, побывает в сердце твоей девушки, а завтра утром расскажет тебе через Желтую Птицу, что случилось и что может случиться.

Быстрый Олень уже лег, а Веселый Роджер продолжал стоять у зарослей ивняка, глядя на Желтую Птицу, которая сидела неподвижно, точно каменное изваяние. Ему стало немного не по себе. Он не был суеверен, но зато верил в силу внушения и самовнушения. «Если у тебя хватит убеждения и упорства, то может сбыться все, чего ты захочешь»,— не раз говорил он себе. И он знал, что Желтая Птица обладает именно таким убежденным упорством и передающейся из поколения в поколение неколебимой верой в силу духов. Роджер твердо знал, что сам он не обладает никакими сверхъестественными способностями, но таинственное безмолвие ночи нашептывало ему, что, быть может, мозг Желтой Птицы наделен какими-то таинственными свойствами, которые утратил цивилизованный человек, выйдя из первобытного состояния, и благодаря этим свойствам ей, быть может, удастся и в самом деле совершить то, что ему представляется чудом. Чего не бывает на свете! Опустившись на песок, Роджер продолжал наблюдать за Желтой Птицей, а Питер свернулся у его ног.

Мак-Кей видел, как в тусклом свете звезд чуть блещут ее волосы, но ее лицо и неподвижная фигура были погружены в глубокую тень. Становище спало. Даже собаки затихли и зарылись в песок; тлеющие угли костров погасли. Прошел час, другой, веки Веселого Роджера словно налились свинцом, и он уснул, привалившись спиной к песчаному холмику, насыпанному детьми. Ему снилось, будто он летит по воздуху с Желтой Птицей. Она

неслась вперед с быстротой стрелы, а он отставал и, наконец, в испуге закричал, чтобы она подождала — он вот-вот упадет. Собственный крик разбудил его. Он открыл глаза и увидел, что в сером небе занимается заря. Разбуженный Питер тыкался носом в его руку. Быстрый Олень лежал рядом на песке и крепко спал. Становище было по-прежнему погружено в сонное безмолвие. Вздвогнув, Мак-Кей посмотрел на типи Желтой Птицы.

Индианка все еще сидела на прежнем месте, и казалось, что за всю ночь она так ни разу и не пошевелилась. Роджер с трудом поднялся на ноги. Когда он бесшумно подошел к Желтой Птице, она подняла голову и посмотрела на него. Ее волосы и длинные ресницы поседели от росы. Лицо осунулось и побледнело, а глаза стали такими огромными, что он даже испугался. Желтая Птица казалась очень утомленной. Ее плечи устало поникли.

Она вздохнула и чуть-чуть вздрогнула.

— Садись, Никева, — прошептала она, прижимая кося к груди, словно чтобы согреться.

Она провела тонкой рукой по глазам и поежилась.

— Все хорошо, Никева, — сказала она тихо. — Я летала через облака туда, где живет У-Ми, Голубка. Я увидела, что она плачет на лесной тропе. Я шепнула ей, что придет счастье — долгое счастье для Никевы и для Голубки. Это счастье не может погибнуть. Его нельзя убить. Люди в красной одежде, которые служат Великому Белому Отцу, не смогут его погубить. Вы будете жить — ты и она. И встретитесь. И с вами будет счастье. Вот что я узнала, Никева. Вы встретитесь и будете счастливы.

— Но где, когда? — прошептал Веселый Роджер, нервно поддаваясь волнению.

Желтая Птица опять провела рукой по глазам и наклонила голову так, что Мак-Кей видел только ее влажные от росы волосы.

— В Далеком Краю, Никева, — ответила она.

И снова подняла на него большие таинственные глаза.

— Но где же это, Желтая Птица? — спросил он с внезапным страхом. — Ты думаешь, там? — И он указал на серое небо у них над головами.

— Нет, счастье ждет вас в жизни, а не в смерти, — медленно проговорила индианка. — Не в Надзвездной стране, а... а в Далеком Краю. — Ее голова снова устало

поникла.— Я не знаю, Никева, где это. Большое белое облако закрыло мне путь. Но где-то этот край есть. Я найду его. И скажу тебе... и Голубке.

Желтая Птица поднялась и, пошатываясь от усталости, вошла в типи. Веселый Роджер проводил ее взглядом и услышал, как она тяжело опустилась на постель из одеял.

Потом он еще очень долго смотрел на восток, где в алом свете зари таяли утренние туманы, и старался разобраться в своих чувствах. Наконец у него за спиной раздалась легкие шаги, и к нему подошел Быстрый Олень. Роджер спросил:

— Ты когда-нибудь слышал про Далекий Край?

Быстрый Олень покачал головой, и оба они продолжали молча смотреть на красный шар восходящего солнца.

Питер очень обрадовался, когда стойбище проснулось. Люди разговаривали, смеялись, разводили костры, а он с нетерпением ждал появления Солнечной Тучки. Наконец она вышла из типи Желтой Птицы, протирая глаза, и вдруг, заметив его, улыбнулась ему белозубой улыбкой. Они побежали к озеру, и Питер, виляя хвостом, смотрел, как Солнечная Тучка умывается, войдя по колени в прохладную воду. Это был для него счастливый день. Питер был совсем не похож на индейских собак, и поэтому Солнечной Тучке и ее товарищам очень нравилось играть с ним. Однако даже в самый разгар веселых забав Питер не забывал поглядывать в ту сторону, где находился его хозяин.

А Веселый Роджер почти забыл про Питера. Он пытался отогнать мысли, которые внушило ему пророчество Желтой Птицы. Он напоминал себе, что верить в ее колдовство нелепо и ничего хорошего из этого не выйдет, однако ему хотелось верить, и он был достаточно честен с собой, чтобы признать это. Против воли он проникся новой надеждой. Но она несла с собой волнения и страх, потому что в нем росло безотчетное убеждение, что слова Желтой Птицы могут сбыться. Он заметил, что Быстрый Олень как-то по-особенному сдержан. Вождь вполголоса объяснял что-то остальным индейцам. Становище затихло, но в нем закипела работа, и солище еще только-только поднялось, когда на песчаной косе не осталось других типи, кроме жилища Желтой Птицы.

Только когда коса опустела, Желтая Птица наконец вышла из типи. Она увидела еду, поставленную у входа. Она увидела пустоту там, где стояли жилища ее соплеменников, и следы их лодок на влажном песке у воды. Затем она повернула бледное лицо и усталые глаза к солнцу и распустила косы, так что волосы окутали ее, как плащ, и рассыпались по песку, когда она села перед парусиновым типи, ставшим теперь приютом духов.

Племя разбило новое становище в двух милях от прежнего места, но Быстрый Олень и Роджер вернулись в лесок на мысу всего в полумиле от косы. Они видели, как Желтая Птица вышла из типи. Они следили за ней больше часа, после того как она опустилась на песок. А потом Быстрый Олень издал гортанный звук и жестом показал, что им следует уйти. Веселый Роджер заспорил — нельзя же оставить Желтую Птицу без всякой защиты. В здешних местах полно медведей. Да и встреча с человеком не всегда бывает безопасной в лесных дебрях. Но бронзовое лицо Быстрого Оленя было исполнено гордого спокойствия.

— Желтая Птица колдует только с добрыми духами,— заверил он Мак-Кея.— Злых духов она отгоняет. А добрые духи уберегут ее от любой опасности. Вот почему, Никева, с той голодной зимы мы живем так хорошо!

Он сказал это на языке кри, и Мак-Кей ответил ему на том же языке. Они повернулись и зашагали к новому стойбищу. На полпути их встретили Солнечная Тучка и Питер. Ей понравилось, как накануне Роджер поздоровался с ней, и теперь, вложив смуглые пальцы в его руку, она подставила ему щечку, а потом побежала вперед, и Питер кинулся за ней, весело твякая на ее мокасины.

А Веселый Роджер сказал:

— Эх, почему я не твой брат, Быстрый Олень, а Нейда — не сестра Желтой Птицы! У нас было бы много таких дочерей! — И он тоскливо посмотрел вслед Солнечной Тучке.

Когда он произносил эти слова, Желтая Птица сидела, опустив голову на грудь и закрыв глаза. В ее руке была зажата мягкая прядь каштановых волос. Весь день и всю ночь Желтая Птица прижимала эту прядь к своей груди, веря, что ее душа полетит к У-Ми и отыщет ее. Еду, которую ей оставили, она закопала и плотно утоптала в землю. Два дня она ничего не ела, и два дня Мак-

Кей и Быстрый Олень, наблюдавшие за одиноким типом на песчаной косе, не видели там никаких признаков жизни.

Однако на третье утро перед входом поднялся дым от сырых веток, брошенных в огонь.

Быстрый Олень глубоко вздохнул. Это был сигнальный дым.

— Она кончила колдовать, — сказал он, делая знак Роджеру. — Она зовет тебя. Иди!

Сумрачное выражение исчезло с его смуглого лица: он тосковал без Желтой Птицы, а теперь она должна была скоро вернуться к нему. Веселый Роджер быстро шел по песку. Он снова убеждал себя, что все это выдумки и он идет на зов сигнального дыма, только чтобы не обидеть Желтую Птицу и ее мужа. Однако его сердце забилось сильнее, потому что надежда на невозможное заглушала здравый голос разума.

Желтая Птица вышла к нему, только когда он был уже в нескольких шагах от типи. И Роджер, ахнув, остановился как вкопанный. Индианка изменилась почти до неузнаваемости: ее распущенные волосы сохранили прежний темный блеск, но лицо посерело, осунулось и стало почти таким, каким оно было в дни голода. Желтая Птица не ела и не спала двое суток, но в ее темных глазах горел лихорадочный огонь торжества, и Мак-Кей почувствовал, что заражается ее волнением.

Желтая Птица протянула ему обе руки.

— Я видела Голубку, мы были с ней вместе, — сказала она. — Она спала, положив голову мне на грудь. Я узнала много тайн, Никева, — все, кроме одной. Духи не сказали мне, где надо искать Далекий Край. Но он не в Надзвездной стране. Ты отыщешь его живой, а не мертвый. Вот что они мне сказали. И ты не должен возвращаться туда, где живет Голубка. Там все темно. Нет, ты должен идти все вперед и вперед и искать Далекий Край. Ты его найдешь. И найдешь Голубку, а с ней и счастье. Тебе это удастся, Никева. Но мое сердце упрекает меня за то, что я не могу сказать тебе, где искать эту неизвестную землю. Когда я приблизилась к ней, ее закрыли золотые и серебряные облака, и я слышала только пение птиц и голоса духов, которые говорили, что ты найдешь путь туда, если будешь все время искать его, Никева. Я рада.

Каждое слово, которое произносил музыкальный голос Желтой Птицы, пробуждало в груди Веселого Род-

жера непонятную надежду. Он знал, что это нелепо, он понимал, что сторонний наблюдатель улыбнулся бы и назвал все это глупостями, но ему хотелось надеяться, и он надеялся.

Лицо его прояснилось и ожило, как и лицо Желтой Птицы. Он посмотрел по сторонам, на озаренные солнцем лес и озеро, и внезапно взмахнул рукой.

— Я отыщу это место, Желтая Птица! — воскликнул он. — Отыщу твой Далекий Край! А потом, — он повернулся и сжал в ладонях тонкую руку индианки, — а потом мы вместе с Нейдой вернемся к тебе, Желтая Птица, — закончил он.

И он почтительно коснулся губами смуглых пальцев, точно рыцарь, приветствующий свою даму.

Глава XI

Мак-Кей гостил у племени Желтой Птицы и был счастлив. Он словно вернулся после долгой разлуки в родную семью. Желтая Птица относилась к нему с материнской нежностью. Быстрый Олень любил его, как брата. Когда Мак-Кей подходил к старикам и заводил с ними разговор, их суровые морщинистые лица смягчались; ребятишки ходили за ним по пятам, а Солнечная Тучка на утренней и на вечерней заре неизменно подставляла ему щечку для поцелуя. Впервые за долгие годы Мак-Кею казалось, что он обрел надежное пристанище. Стояла теплая тихая осень, солнечные дни и звездные ночи завораживали надеждой, убаюкивали тревогу. Роджер откладывал свой уход со дня на день, а Быстрый Олень настойчиво уговаривал его остаться с ними навсегда.

Но Желтая Птица не присоединялась к его просьбам, и взгляд ее темных глаз оставался непроницаемым. Она как будто чего-то ждала, чего-то опасалась.

И наконец то, чего она ждала и боялась, произошло.

Была темная тихая ночь, но в этой тишине чудилось что-то гнетущее. Она была подобна живому существу, которое то замирало в неподвижности, то бесшумно крадось куда-то между темными облаками и черной землей. Мрак пронизывала смутная тревога, ночная духота казалась порождением скрытых скованных сил, которые тжились вырваться на волю.

Ветра не было, но облака стремительно неслись по небу.

Верхушки деревьев были неподвижны, и все же они шелестели и перешептывались.

Лес окутывала тяжкая, тревожная дремота, и в его безмолвии словно таилось безмолвие смерти.

На белом песке у маслянисто-черных вод Уолласто-на темнели типи племени Желтой Птицы. Закопченные дымом костров, побуревшие от непогоды, они казались часовыми на берегу огромного озера. За ними в ивняке спали собаки. Оттуда время от времени доносилось тревожное повизгивание, судорожные вздохи, лязганье зубов. Зарывшиеся в песок спящие псы беспокойно перебирали лапами. Так же беспокойно спали и их хозяева в типи. Мужчины, женщины, дети в тяжелом полусне ворочались с боку на бок, просыпались, а когда вновь засыпали, их начинали мучить кошмары.

Желтая Птица лежала на своем одеяле, широко раскрыв глаза, и пристально глядела на серое пятно дымового отверстия. Ее муж спал. Солнечная Тучка разметалась на постели, и ее коса упала на грудь матери. Тонкие пальцы Желтой Птицы машинально поглаживали шелковистые волосы. Она вспоминала — вспоминала те далекие дни, когда еще не встретила Быстрого Оленя, когда белая женщина была ее самой любимой подругой, а маленький сын этой женщины называл ее «моя волшебница».

И хотя ее мучили тяжелые предчувствия, Желтая Птица невольно улыбнулась своим воспоминаниям, потому что это были светлые дни. Но потом ее мысль обратилась к тому времени, когда маленький мальчик, став взрослым, спас ее племя от голодной смерти — спас ее, Солнечную Тучку и Быстрого Оленя. С тех пор им постоянно улыбалась удача. Духи были добры к ним. Они сохранили ей молодость, дали красоту Солнечной Тучке, вернули силу Быстрому Оленю и сделали все племя счастливым. И всем этим они были обязаны человеку, который спит сейчас под открытым небом на берегу, скрывающемся преступнику, разбойнику, маленькому товарищу дней ее юности — Веселому Роджеру Мак-Кею.

Она продолжала прислушиваться и глядеть на серое пятно дымохода, но теперь духи нашептывали ей другие мысли, и ее глаза в темноте испуганно расширились. Духи упрекали ее. Они говорили, что это из-за нее в ту голодную зиму Роджер Мак-Кей ограбил и чуть не убил торговца. Он сделал это, чтобы ее племя, ее близкие и она сама могли жить. Но то, что он сделал, зажгло кровь

Никевы, ее «маленького белого брата, который вырос», и вот теперь он бродит по лесам один со своей собакой, а хранители закона в красной одежде выслеживают его. Они ищут его потому, что он не раз нарушал их закон, но главное потому, что хотят покарать его за убийство.

Желтая Птица села на постели, стиснув в руке тугую косу Солнечной Тучки. Она вспоминала, как спрашивала духов о том, что ждет в будущем Никеву, ее белого брата. И духи сказали ей, что он убил плохого человека и поступил правильно.

Они обещали ей, что он не будет больше страдать и что в Далеком Краю он найдет белую девушку Нейду, счастье и покой. Желтая Птица верила в духов. И не сомневалась в том, что они говорили с ней. Она твердо знала, что все это должно сбыться — ведь духи не лгут! Тем не менее тягостная духота ночи будила в ней смутную тревогу. Она привстала, вслушиваясь в шепот леса над типи. Но ничего не могла разобрать — казалось, что сразу шепчется много людей. И Желтую Птицу охватил беспричинный страх.

Она хотела было разбудить Быстрого Оленя, но отдернула уже протянутую руку и вместо этого осторожно отодвинула косу Солнечной Тучки. Потом она встала с постели — так тихо, что муж и дочь не очнулись от беспокойной дремоты, вышла из типи и огляделась, стараясь понять причину своей тревоги.

Духота и снаружи была такой же гнетущей. Несколько секунд Желтая Птица всматривалась в небо, ища признаков грозы и не находя их. Облака неслись быстро, но они были светлыми, и там и сям между ними мерцали звезды. Вдали не раздавалось рокотания грома. Не было и ветра. Тут сердце Желтой Птицы вдруг на мгновение перестало биться, и руки ее судорожно прижались к груди — она поняла! Это духи сделали ночь такой тягостной для того, чтобы она проснулась! Это было предостережение! Откуда-то надвигается опасность! И грозит она белому человеку, который спит тут на берегу.

Желтая Птица бросилась искать его, бесшумно ступая смуглыми босыми ногами по мягкому песку. Облака поредели, звезды засверкали ярче, и она сочла это знаком: духи облегчают ей поиски, и, значит, она рассудила верно.

В эту ночь Веселый Роджер расстелил свои одеяла на песке возле плоской плиты отполированного водой песчаника. Он дремал. Но Питер не спал, его глаза бди-

тельно поблескивали в темноте. Мускулистые лапы были готовы к прыжку. Зевая, он не поскуливал и не лязгал зубами, как индейские собаки.

Постоянное общение с человеком, вынужденным скрываться от других людей, научило Питера осторожности, обострило все его чувства. Гнетущая тишина и неподвижность ночи внушили непонятную тревогу и ему: в них скрывалась какая-то неясная угроза, и Питер следил за каждым движением своего беспокойно ворочающегося хозяина, настораживаясь каждый раз, когда тот произносил во сне знакомое имя.

Но вот Мак-Кей позвал Нейду так, словно девушка стояла совсем рядом, он протянул руку — и она ударилась о камень. Его глаза открылись, и, медленно приподнявшись, он сел на песке. Небо очистилось от облаков, и в бледном свете звезд Веселый Роджер увидел, что около него кто-то стоит. Сначала он решил было, что это Солнечная Тучка, так как Питер весь потянулся к ней. Но, взглядевшись получше, узнал Желтую Птицу. Ее красивые глаза смотрели на него пристальным и странным взглядом. Он вскочил, подошел к ней и взял ее за руку. Рука была холодна как лед. Он почувствовал, что Желтая Птица дрожит всем телом. Внезапно она поглядела мимо него в темноту:

— Слушай, Никева!

Ее пальцы впились в его ладонь. В наступившей тишине он уловил стук ее сердца.

— Я слышу это уже в третий раз! — прошептала индианка. — Никева, тебе надо уходить!

— Но что ты слышишь?

Она покачала головой.

— Я не знаю. Но только опасность близка. Я видела ее тень над нашим типи, и о ней мне говорили ночные голоса. Она близко. Она подбирается осторожно и тихо. Она очень близко. Слушай, Никева! Ты слышал плеск?

— Это утка ударила крылом по воде, Желтая Птица!

— А это? — Ее пальцы сжались еще сильнее. — Слышишь? Точно дерево трется о дерево.

— Гагара закричала где-то вдалеке, Желтая Птица! Она выпустила его руку.

— Никева, сделай, как я говорю! — умоляюще сказала она на языке кри. — Духи напитали эту ночь тревогой. Я не могла заснуть. Солнечная Тучка стонет и ворочается во сне. Быстрый Олень что-то шепчет. Ты звал

Нейду, У-Ми, когда я подошла к тебе. Я знаю: опасность близко. Совсем близко. И грозит она тебе.

— Но ведь раньше ты говорила, что меня теперь ждут счастье и покой, Желтая Птица! — напомнил Роджер. — Ты сказала, что духи обещали, будто полиция меня не поймает и в каком-то Далеком Краю я найду Нейду. Или духи отреклись от своих прежних слов, потому что ночь сегодня выдалась душная?

Желтая Птица вглядывалась в темноту.

— Нет, они говорили правду, — прошептала она. — Только они хотели рассказать мне еще о многом, но почему-то не могли. Когда они хотели показать мне Далекий Край, где ты найдешь Голубку, его всякий раз заслоняло облако. А теперь они говорят мне, что опасность вон там, на озере. — Внезапно она схватила его за локоть. — Никева! Неужели ты и теперь не слышал?

— Рыба выпрыгнула из воды, только и всего, Желтая Птица.

Вдруг Питер глухо заворчал, и, повернувшись к нему, Мак-Кей увидел, что и он вглядывается в темноту, окутывающую озеро.

— В чем дело, Хромуля? — спросил он.

Питер опять заворчал.

Роджер погладил холодные пальцы, лежавшие на его локте.

— Иди ляг, Желтая Птица. У меня только один враг — полицейские в красных мундирах. А они не рыщут по лесам темной ночью.

— Нет, они гонятся за тобой, — возразила она. — Я не вижу их, но я слышала — они совсем близко. — Ее пальцы опять сжали его руку. — Очень близко! — повторила она.

— Просто ты устала, Желтая Птица, и тебе чудится бог весть что! — ответил он, вспомнив, как двое суток она не спала и не ела, чтобы лучше слышать голоса духов. — Никакой опасности нет. Просто в такую душную ночь трудно спать, и ты боишься, сама не зная чего.

— Это духи меня разбудили, — стояла она на своем. — Никева, они ничего не забывают. Они не забыли, как ты нашел нас в ту зиму, когда мы все умирали от голода и болезни, когда я боялась, что Солнечная Тучка закроет глаза, чтобы уснуть, и больше никогда их не откроет. Они не забыли, как в ту зиму ты грабил факторию, чтобы спасти нас от смерти. А раз они помнят все это, они не

могут солгать! Я первая прокляла бы их тогда. Но они не лгут.

Мак-Кей молчал. Убежденность Желтой Птицы снова подействовала на него. А индианка, не глядя ему в лицо, продолжала мелодичным голосом:

— Ты сейчас уйдешь, Никева, и мы свидимся не скоро. Не забывай того, что я тебе говорила. И верь. Где-то ссть Далекий Край — так сказали духи. Там ты найдешь У-Ми, Голубку, и счастье. А если ты вернешься туда, где оставил Голубку, когда бежал от полицейских в красных мундирах, то не найдешь ничего, кроме черноты и опустошения. Верь мне, и все будет хорошо. Но если ты не поверишь...

Она внезапно умолкла.

— Ты слышал, Никева? Это не утка била крылом, не гагара кричала, и не рыба плеснула в озере! Это плеснуло весло!

Роджер наклонил голову и прислушался.

— Да, это весло, — согласился он, и собственный голос показался ему чужим. — Наверное, кто-нибудь из твоих соплеменников возвращается в стойбище, Желтая Птица.

Она шагнула вперед и протянула к нему руки. Ее волосы и глаза бархатисто блестели в свете звезд. Полуоткрытые губы дрожали.

— Прощай, Никева! — шепнула она.

Вдруг, опустив руки, она стремительно побежала к своему типи и вскоре вышла оттуда в сопровождении Быстрого Оленя. Веселый Роджер молча смотрел, как они подошли к самой воде, прислушиваясь, пройдет ли незнакомая лодка мимо или повернет к берегу. Лодка приближалась медленно и осторожно. Над водой вырисовывался ее смутный силуэт, но с каждой минутой он становился все более четким, и наконец Мак-Кей разглядел, что в ней сидят двое. Быстрый Олень, войдя по колени в воду, окликнул лодку.

Ему ответил голос, при звуке которого Мак-Кей, как подстреленный, упал на песок рядом с Питером, а Питер оскалил зубы и зарычал. Затем, повинувшись прикосновению руки хозяина, он скользнул за ним в тень, и Веселый Роджер достал из-под куска парусины свой заплечный мешок и бесшумно просунул руки в лямки, продолжая наблюдать и слушать.

Когда снова раздался тот же голос, он усмехнулся и шепнул:

— Хромуля, это Кассиди! Он нас-таки выследил, рыжий лис!

В его глазах запрыгали веселые огоньки, и Питер решил было, что его хозяин смеется. Веселый Роджер приставил ладони рупором ко рту и крикнул громко и отчетливо:

— Э-эй, Кассиди? Это ты, Кассиди?

Питер, задохнувшись, прислушался. Он чувствовал, что на них надвинулась ужасная опасность. Ни с озера, ни с берега не доносилось ни звука. После оклика Веселого Роджера повсюду воцарилась мертвая тишина.

Затем вновь прозвучал тот же голос, и каждое слово прорезало темноту с четкостью ружейного выстрела:

— Да, это Кассиди. Капрал Теренс Кассиди из отряда «М» королевской северо-западной конной полиции. Это ты, Мак-Кей?

— Да, это я! — отозвался Веселый Роджер. — А наш договор еще в силе, Кассиди?

— В силе!

На берегу мелькнула какая-то тень, и снова прозвучал голос:

— Берегись, Мак-Кей! Если ты пошевелишься, я буду стрелять!

С пистолетом в руке Кассиди бросился к тому месту, где только что были Веселый Роджер и Питер, но там валялся лишь кусок парусины. Индеец, проводник Кассиди, подошел к нему, и они долго стояли неподвижно, прислушиваясь, не хрустнет ли где-нибудь ветка. Быстрый Олень остановился возле них, а затем к нему присоединилась и Желтая Птица, чьи глаза горели от волнения, как угли. Кассиди оглянулся на нее: он был поражен ее красотой, но выражение ее лица ему не понравилось. Ирландец бросился назад к воде и внезапно остановился как вкопанный, с растерянным возгласом: его лодка исчезла со всем снаряжением!

Позади него в сумраке звездной ночи раздался звонкий смехок, и Желтая Птица скрылась в своем типи.

А из тумана над водой донесся далекий голос Веселого Роджера Мак-Кея:

— Всего хорошего, Кассиди!

Конец фразы был заглушен вызывающим собачьим лаем.

У себя в типи Желтая Птица притянула к теплой груди темноволосую головку Солнечной Тучки и с сияющей улыбкой взглянула вверх, на отверстие дымохода, через

которое к ней пришло предостережение духов. И вновь до нее донесся далекий крик:

— Всего хорошего, Кассиди!

Глава XII

Веселый Роджер скользил в лодке Кассиди по темной, чуть мерцающей воде Уолластона, ритмично работая веслом, и ночной воздух казался ему бодрящим напитком. Здесь не чувствовалась гнетущая духота. Отражения звезд колебала легкая рябь, потому что поднялся ветер. И любовь к приключениям вновь проснулась в крови Мак-Кея. Он смеялся, налегая на весло, и на время забыл о том, что он разбойник, преследуемый полицией, и что, лишившись Нейды, он утратил все, ради чего стоило жить. В его смехе звучала прежняя веселая беззаботность — ему очень нравилась шутка, которую он сыграл с Кассиди. Он словно видел, как Кассиди, охваченный пламенем бешенства, даже еще более огненным, чем его волосы, с руганью мечется по берегу в поисках лодки.

— Мы с ним неразлучны, — объяснял Веселый Роджер Питеру. — Куда я, туда и Кассиди. Видишь ли, дело обстоит так: давным-давно Кассиди дали, как это у них называется, задание. А задание было примерно такое: «Изловить Роджера Мак-Кея живым или мертвым!». И с тех пор Кассиди его выполняет. Но ему никак не удастся схватить меня, Хромуля. Всегда он на одну минуту опаздывает!

Но хоть Веселый Роджер и смеялся, в его сердце жило одно желание, в котором он не признавался даже самому себе. Ему не раз представлялся случай убить Кассиди, а Кассиди не раз мог убить его. Но ни тот, ни другой не воспользовались подобной возможностью. Они вели честную игру, как подобает настоящим людям, и Веселый Роджер, убедившись в благородстве своего преследователя, начал испытывать к нему что-то вроде дружеского чувства — подчас ему хотелось подойти к Кассиди и крепко пожать ему руку. Тем не менее он всегда помнил, что на земле у него нет врага беспощаднее капрала Кассиди, который долгие месяцы и годы гнался за ним по Голым Землям, за Полярным кругом, вниз по реке Макензи и вверх по ней — неутомимый преследователь, не раз почти настигавший его на протяжении десяти-

ти тысяч миль, которые они проделали по глухим дебрям Севера. Вместе играя в эту захватывающую игру, они преодолевали самые смертоносные опасности, какими грозит эта суровая страна. Они голодали и мерзли, и не раз позади них простиралась тысяча миль пустоты, и сама смерть казалась лучше того, что могло ждать их впереди. Но даже и в этой пустыне, когда тоска одиночества начинала граничить с безумием, ни тот, ни другой не сдавался. Игра не кончалась: Кассиди продолжал погоню, а Веселый Роджер Мак-Кей отстаивал свою свободу.

Теперь, плывя на северо-восток, Веселый Роджер вспоминал о договоре, который они заключили много недель назад у Гребня Крэгга, когда он снова взял над Кассиди верх и тот поклялся выйти в отставку, если опять упустит его при следующей встрече. Кассиди, конечно, сдержит слово, и что-то подсказывало Роджеру, что в эту ночь начался последний акт драмы, разыгрываемой двумя актерами. Он снова усмехнулся, представляя себе, как развиваются дальше события на берегу. Кассиди именем закона требует у Быстрого Оленя лодку и снаряжение, а тот с величавым достоинством вождя всячески тянет время. Роджер не сомневался, что успеет уйти от рыжеволосой ищейки по крайней мере на милю, прежде чем погоня возобновится. А озеро Уолластон, достигавшее шестидесяти миль в длину и тридцати в ширину, предлагало ему немало укромных уголков, которые могли послужить безопасным убежищем.

Поднявшийся юго-западный ветер благоприятствовал намерениям Мак-Кея, и он принялся грести с меньшей осторожностью и большей энергией. В течение двух часов он, руководствуясь звездами, плыл точно на восток, а потом повернул на север. На рассвете показался лес противоположного берега, и солнце еще не успело взойти, как Мак-Кей вытащил лодку на песок у оконечности мыса, откуда открывался вид на все озеро.

Удобно устроившись в тени густых елей, Веселый Роджер и Питер весь день высматривали своего врага. Но на тихих просторах Уолластона нигде не было видно ни единой лодки. Только в туманный час перед наступлением сумерек Мак-Кей разжег наконец костер и приготовил ужин из запасов Кассиди: он знал, что в ясную погоду дым заметен с гораздо большего расстояния, чем лодка. Но хотя он и принял эту меру предосторожности,

он не сомневался, что уже может спокойно возвратиться к племени Желтой Птицы.

— Видишь ли, Хромуля,— объяснил он Питеру, закуривая трубку,— Кассиди думает, что мы во все лопатки улепetyваем на Север. Он отправится к верхнему концу озера, а оттуда по Блэк-ривер к озеру Поркьюпайн. Это обширный край — ведь мы с Кассиди никогда не стеснялись расстояниями в наших прежних прогулках. Так вернемся к Желтой Птице, Питер? И к Солнечной Тучке.

Питер в ответ застучал хвостом по земле, но Веселый Роджер уже усомнился в разумности своего решения. Он хотел вернуться назад — вместе с темнотой на него нахлынула тоска одиночества. Только у Желтой Птицы мог он искать сочувствия, только она горевала вместе с ним из-за того, что он потерял Нейду. Когда он был с ней, его не томило отчаяние, ее голос внушал ему надежду, а она, всем сердцем желая ему счастья, обещала, что все его беды кончатся и на смену мраку придет свет. Он уже спустился к воде, где маленькие волны набегали на крупную гальку, но что-то удержало его, и он вернулся туда, где на куче лапника было растелено его одеяло. Он лег, но еще долго смотрел перед собой в темноту и никак не мог уснуть.

Он забыл о Кассиди и думал теперь только о Желтой Птице. Прежние сомнения, опиравшиеся на доводы рассудка, сменились желанием поверить, с которым он не хотел бороться. За годы, проведенные в лесах, он наслышался всяких рассказов о странных способностях индейских шаманов. Его мать была убеждена в том, что мысль обладает особой силой, и учила этому сына, а ему, поклоннику природы, нетрудно было поверить ей.

«Думай о чем-нибудь, верь, что это сбудется,— и это непременно сбудется»,— повторяла она. То же говорила и Желтая Птица. Так, может быть, это правда? Вдруг и в самом деле ее мысль встретилась с мыслью Нейды и даже проникла в будущее, чтобы указать ему путь? Он ничего не видел и не слышал вокруг — ему уже казалось, что происшествие прошлой ночи служит доказательством необычного дара Желтой Птицы. Ведь она предупредила его о приближении опасности! Не колеблясь и не сомневаясь! Она ничего не видела и не слышала, но пришла к нему полная уверенности. Она знала, что Кассиди близко!

Роджер сел, сердце его бешено билось. Да, да, конечно, это доказательство! Желтая Птица дала ему это до-

казательство невольно. Ею двигала только забота о его безопасности, ее любовь к нему. И тут же, как ни соблазнительно было поверить в столь простое объяснение, он вновь усомнился. Если бы Желтая Птица велела ему немедленно вернуться к Нейде, он поверил бы ей неколебимо и тотчас же пустился бы в путь. Но она запретила ему это и предсказала, что его возвращение принесет ему только отчаяние и горе. Она уговаривала его идти неведомо куда и искать фантазию, небылицу — несуществующий Далекий Край, о котором ей сказали несуществующие духи. И вот в этом Далеком Краю, если он до него доберется, он найдет Нейду и вечное счастье. Нет, если поразмыслить трезво, он пытается поверить в какой-то первобытный миф! Быть может, у Желтой Птицы и есть какие-то особые способности, но они очень ограничены. И верить всему, что она говорит, уноситься на крыльях суеверия и воображения за пределы реального — значило уподобиться невежественному дикарю.

Веселый Роджер вновь растянулся на своем одеяле, еще раз повторяя этот последний неопровержимый довод. Однако когда он наконец уснул, на сердце у него было непривычно легко. Ему приснилась Нейда. Они опять были вместе, но почему-то Желтая Птица все время следила за ними, и они никак не могли ускользнуть от нее. Они бежали по полянам в ельнике, по землянике и по фиалкам — он бежал позади Нейды и видел, как выются по ветру ее каштановые кудри.

Но как ни быстро они бежали, где бы ни прятались, Желтая Птица не отставала от них. Всюду они встречали взгляд ее темных глаз, и в конце концов, смеясь над собственным смущением, он остановил Нейду возле пригорка, заросшего белыми, голубыми и желтыми цветами, обнял ее и целовал, а Желтая Птица смотрела на них из-за куста шиповника в двадцати ярдах от них. Поцелуй этот был настолько реален, настолько реальным было прикосновение теплых рук Нейды к его шее, что он проснулся с радостным криком... и увидел, что небо порозовело.

Несколько секунд он сидел, не в силах разобраться, где сон, а где явь. Потом позвал Питера и спустился с ним к озеру.

Весь этот день Питер чувствовал в хозяйне какую-то перемену. Веселый Роджер не разговаривал с ним, не свистел и не смеялся, а почти все время сидел неподвижно и на лице его было непонятное застывшее выраже-

ние. Он в последний раз давал бой своему желанию вернуться к Гребню Крэгга. Предсказания и предостережения Желтой Птицы теперь никак на него не влияли. Он думал только о Нейде. Она ждет его там и с радостью последует за ним в его скитаниях, готовая жить и умереть с ним, деля его горе и радость. И раз десять он уже собирался было отправиться в обратный путь. Но тут же перед его мысленным взором вставало другое видение: вечное бегство, необходимость прятаться, голод, холод, бесконечные невзгоды, а потом неизбежная, как восход солнца, тюрьма, а может быть, и виселица.

Только к вечеру Питер увидел на лице хозяина прежнее выражение — он снова стал Веселым Роджером, и этот Веселый Роджер сказал:

— Вот мы и решили, Хромуля. Назад возвращаться нам нельзя. Пойдем-ка на Север и перезимуем на краю Голых Земель. Это такие просторы! И если Кассиди явится туда...

Он мрачно пожал плечами.

Через час, когда солнце уже сильно клонилось к западу, они отправились в путь.

Два дня Роджер и Питер неторопливо плыли вдоль восточного берега озера Уолластон. Мак-Кей не сомневался, что правильно угадал, как будет рассуждать Кассиди, строя планы новой погони. Кассиди, конечно, отправится вдоль западного берега, а потом через озеро Хатчет и вверх по Блэк-ривер, так как прежде его противник, когда опасность была близка, всегда уходил прямо на Север. Сам же Веселый Роджер решил не спеша пробираться вдоль восточного берега Уолластона, чтобы потом по рекам Броше и Тивьязе уйти от погони на северо-восток. В таком случае с каждым часом расстояние, отделяющее их от Кассиди, будет увеличиваться, и, выждав достаточно времени, они с Питером спокойно доберутся до Голых Земель.

Питер — и только Питер — замечал великолепие окружающей природы, когда под вечер третьего дня они медленно плыли под самым берегом, приближаясь к прозрачному потоку, который зовется ручьем Хромого Лося. До заката оставалось еще два часа. Стояла полная тишь, и воды Уолластона застыли сверкающим зеркалом. И все же тихий воздух чуть покусывал осенним холодком, а лес на холмистых берегах уходил вдаль красными и золотыми волнами, окутанный сентябрьской туманной дымкой, похожей на дымок пудры, слетевшей

с пуховки. Этому вечеру было суждено навеки врезаться в память Питера — этого заката он не забыл до конца своих дней.

Но ничто не предвещало опасности: глаза Питера видели только чудеса окружающего мира, уши слышали только дремотные голоса леса, а нос чуял только благоухание смолы и запахи спелых ягод. Прямо перед ними за белой полосой береговых песков тянулась невысокая гряда холмов, где лиловатая зелень хвойных деревьев перемежалась алыми пятнами рябины и полосками огнецвета, пламеневшего в лучах заходящего солнца.

Из этого райского уголка до них по мере приближения доносились только птичьи голоса да болтовня рыжих белок. Громко кричала сойка, а между первой и второй — более высокой — грядой стая ворон взволнованно кружила над черной медведицей и ее полувзрослыми медвежатами, которые лакомились ягодами рябины. Но запах медведей не доносился до Питера, он не слышал их фыркания, и далекие вороны интересовали его куда меньше, чем тайны приближающегося берега.

Со своего места на носу лодки Питер оглянулся на хозяина. Лицо и глаза Веселого Роджера оставались тусклыми. Береговые леса не манили его, как Питера. Там, как и всюду, его ждала только пустота, неизбежное одиночество, хаос погибших надежд, разбитые мечты. Он утратил любовь к жизни. Он больше не видел красоты. Солнце стало другим. Небо тоже. Мысль о бескрайности лесных дебрей теперь угнетала его, а не радовала, как прежде.

Питер ясно чувствовал перемену в хозяине, хотя и не понимал ее причины. Как Веселый Роджер больше не видел вокруг себя прежнего мира, так и Питер больше не видел прежнего Веселого Роджера.

Они пристали к косе, где песок был мягче ковра. Питер выскочил из лодки. Пара чибисов стремительно бросилась от него поперек косы. Он насторожил треугольные уши, и тут его нос уловил весьма интересный запах: по песку недавно прошел дикобраз. Хриплый голос сойки звучал теперь совсем близко, как и мелодичное цоканье белки.

Питер почувствовал глубокое удовлетворение. Ведь это было воплощением жизни, а он, в отличие от хозяина, любил жизнь по-прежнему. Питер смело направился туда, где за ивняком, молодыми березками и алыми поло-

сами огнецвета начинался лес. Тут недавно прошел дождь, и все запахи были свежими и приятными.

Он отыскал куст черной смородины, усыпанной сочными глянцевыми ягодами, и начал их ошипывать. Суслик, считавший этот куст своей собственностью, недовольно пискнул и сердито посмотрел на собаку из-под мохнатого листа папсротника. Питер завилял хвостом — долгое общение с хозяином научило его добродушию. Он дружески тявкнул.

И тут до его ушей донесся звук, от которого напряглись все его мышцы:

— Руки вверх, Мак-Кей!

Питер оглянулся. Между ним и берегом стоял человек. Он сразу узнал его. Это его запах он впервые почувал у хижины индейца Тома, это от него убегал его хозяин, это его голос они слышали три ночи тому назад у типа Желтой Птицы. Теренс Кассиди, капрал королевской северо-западной полиции!

В двадцати шагах от Кассиди стоял Мак-Кей с заплечным мешком на спине и с веслом в руке. Кассиди с мрачной улыбкой держал его под прицелом. На мгновение все они застыли в незабываемой живой картине. Кассиди был без фуражки, и его рыжие волосы горели на солнце. Он раскраснелся, в голубых ирландских глазах сверкала яростная радость: наконец-то после долгих лет их рискованная игра завершилась. Последний ход сделал он — и выиграл.

Почти минуту после оклика Мак-Кей стоял неподвижно. И Кассиди не повторял приказа: он понял, что его противник оглушен неожиданностью, и готов был дать ему время прийти в себя. Потом Веселый Роджер судорожно вздохнул. Его плечи поникли. Мешок соскользнул на землю. Он выпустил весло и медленно поднял руки над головой. Кассиди негромко засмеялся.

Еще несколько дней назад Мак-Кей спокойно усмехнулся бы ему в ответ, воздавая должное противнику даже в час своего поражения. Но теперь он был другим.

И Кассиди теперь тоже представлялся ему другим. Не храбрецом, свято выполняющим свой долг, не благородным противником, которого он был бы рад назвать другом даже в самый разгар их поединка. Теперь он видел в Кассиди палача. На него ополчился весь мир, и вот, когда он дошел до последнего предела отчаяния, безжалостная судьба поручила Кассиди нанести ему смертельный удар.

Он послушно поднял руки, но его душил слепой гнев. В глазах у него потемнело. В эту минуту он не думал о законе, ни о смерти, ни о свободе. Несчастная жизнь всего случившегося привела его в бешеное состояние жаждать одного — мести. Пистолета Кассиди навешенного на его грудь, он просто не замечал. Он не заметил бы сейчас и тысячи пистолетов. С воплем он схватился за кобуру.

В последнюю секунду Кассиди разгадал его намерение и крикнул:

— Стой! Ради бога, остановись, а то я выстрелю!

Даже Питер почувствовал, что эти секунды чреватой страшной угрозой — трагедией, смертью. Питеру было знакомо это ощущение — он испытал его, когда вцепился в ногу Джеда Хокинса, чтобы спасти Нейду.

В ту кратчайшую долю секунды, которая понадобилась Питеру для прыжка, палец капрала Кассиди успел лечь на спусковой крючок, так как Мак-Кей уже почти вытащил пистолет из кобуры. Кассиди прицелился ему в плечо — он не хотел его убивать.

Питер ударил его всем телом в тот момент, когда он выстрелил, и Мак-Кей услышал, как пуля просвистела мимо его уха. Он выхватил пистолет. Питер, все крепче сжимавший зубы, услышал второй выстрел и понял, что стреляет его хозяин. Третьего выстрела не последовало. Кассиди тяжело осел на землю, и у него вырвалось что-то вроде смешка — только это был не смешок. Он перекатился на бок, придавив Питера.

Веселый Роджер продолжал стоять, сжимая пистолет и глядя перед собой застывшим взглядом. Питер кое-как выбрался из-под навалившегося на него тела и теперь недоуменно поглядывал то на хозяина, то на человека, который распростерся на песке, точно гигантский паук. Затем Мак-Кей очнулся. Он бросил пистолет, словно что-то ненужное и страшное, и, с криком подбежав к Кассиди, нагнулся над ним.

— Кассиди... Кассиди... — повторял он. — Господи, да я же не хотел! Кассиди, дружище...

В его голосе было такое страдание, что Питер перестал рычать. Мак-Кей приподнял Кассиди за плечи и откинул рыжие волосы. Он ничего не видел вокруг себя. Он убил Кассиди. Убил! Он стрелял, чтобы убить, и знал свою меткость. Наконец-то он стал тем, чем давно хотел видеть его закон, — убийцей! И жертвой оказался Кассиди — человек, который с начала и до конца играл честно,

ни разу не пустил в ход подлого приема и теперь лежит мертвым на белом песке потому, что не воспользовался своим преимуществом и не подстрелил его сразу же. Он хрипло выругал себя и, посмотрев на лицо Кассиди, вдруг увидел, что глаза ирландца были открыты, губы кривились от боли, но усмехались.

— Я рад, что ты сделал это сдуру, — сказал он. — Мне не хотелось бы менять о тебе мнение, Мак-Кей. Но вот стрелок ты паршивый!

По его телу прошла судорога, улыбка исчезла, и, сдерживая стон, он сказал:

— Может... ты хочешь помочь мне, Мак-Кей? Если да, то в полумиле отсюда выше по ручью есть хижина. Я слышал стук топора... Видел дым... А тебя я не виню. Ты честный противник... и быстрый... а вот стрелок... паршивый... До чего же... паршивый...

Он попытался ухмыльнуться в лицо Веселому Роджеру и безжизненно повис у него на руках.

Веселый Роджер всхлипывал. Без слез, глухо, как плачут мужчины. Он разорвал рубашку Кассиди и увидел на груди под правым плечом сквозную рану. Он сбегал за водой, попробовал привести раненого в чувство, и все это время Питер слышал те же странные звуки, словно его хозяин задыхался. Потом Мак-Кей, встав на четвереньки, взвалил тело Кассиди себе на спину, выпрямился и, пошатываясь, пошел с ним к ручью. Там он увидел узкую тропку и побрел по ней не останавливаясь, пока не оказался на маленькой вырубке, где Кассиди заметил дымок. Там стояла хижина, и оттуда к нему навстречу вышел старик в сопровождении девушки.

Питер тихонько взвизгнул, потому что ему показалось, что позади человека с белыми волосами и бородой идет Нейда. Та же стройная тоненькая фигурка, те же каштановые кудри и тот же... Но нет, это была не Нейда. Девушка была постарше. Выше ростом. И ее лицо, когда она увидела окровавленную ношу Роджера, побелело.

— Я застрелил его, — задыхаясь, сказал Мак-Кей. — Бог свидетель, я этого не хотел. Боюсь, что...

Он умолк, страхась высказать вслух свое опасение, что Кассиди умер или умирает. Несколько секунд он ничего не видел, кроме укоризненных глаз девушки. Старик помог ему внести раненого в дом. Только когда ирландец был уложен на койку, Мак-Кей вдруг заметил, что ослабел, точно ребенок, и понял, чего ему стоило пройти этот путь с тяжелой ношей на спине. Он устало

опустился на стул, а старый траппер хлопотал около Кассиди.

Он слышал, что девушка называет старика дедушкой. Ее страх прошел, и она сновала по хижине, готовя воду, повязки и подушки, а когда ее взгляд падал на белое лицо Кассиди, в нем появлялась нежность. Мак-Кей продолжал сидеть неподвижно, видя, что его помощь пока не нужна. Но когда раненый тихо застонал, Роджер встал и подошел к койке.

— Пуля прошла навывлет,— сказал старик.— Хорошо, что ты не пользуешься разрывными пулями, приятель!

Кассиди глубоко вздохнул. Его веки задержались и медленно поднялись. Девушка как раз наклонялась над ним, и Кассиди увидел только ее лицо и каштановые кудри.

— Он не умрет? — робко спросил Веселый Роджер.

Старик молчал. Но Кассиди, чуть-чуть повернув голову, ответил слабым голосом:

— Не беспокойся, Мак-Кей! Не умру...

Веселый Роджер наклонился к Кассиди, заслонив от него девушку. Он осторожно взял раненого за руку.

— Мне жаль, что так вышло, старина,— прошептал он.— Ты победил — по-честному победил. И я не уйду далеко. Я буду тут, когда ты встанешь на ноги. Даю тебе слово.

Кассиди слабо улыбнулся, но тут же застонал и закрыл глаза. Девушка оттолкнула Роджера от койки.

— Да уж не уходите далеко! И подождите, чтобы он выздоровел,— сказала она, и ее горящие мрачным огнем глаза вызвали в его памяти глаза Нейды, когда она в хижине индейца Тома призналась ему, что Джек Хоккинс ее ударил.

В этот вечер Веселый Роджер устроился на ночлег возле устья ручья. И в течение трех дней он почти все время проводил в хижине старого Робера Барона и его внушки Жизели. Кассиди бредил. Он постоянно упоминал Веселого Роджера. И Жизель, которая не отходила от него ни днем, ни ночью и почти совсем не спала, в конце концов решила, что Мак-Кей и Кассиди — старые неразлучные друзья. Тем не менее она не соглашалась, чтобы Веселый Роджер сменил ее у постели больного. На третий день она отправила его за бинтами и лекарствами в факторию, до которой было шестьдесят миль.

Веселый Роджер и Питер вернулись через трое суток к вечеру. Окна хижины ярко светились, и Мак-Кей за-

глянул в одно из них. Кассиди сидел на постели, прислонясь к подушкам. Он совсем не был похож на умирающего, а рядом с ним на ковре из медвежьей шкуры сидела девушка. Что-то сжало горло Веселого Роджера. Он тихонько положил свои покупки на крыльцо и постучал. Когда Жизель открыла дверь, Роджер с Питером уже скрылись в темноте.

На следующее утро Мак-Кей подстерег старого Робера и сказал ему:

— Мне что-то не сидится на одном месте. Я вернусь через две недели. Передайте это Кассиди, ладно?

Десять минут спустя он уже плыл вдоль берега Уолластона и потом семь дней переезжал от устья одного ручья к другому, нигде подолгу не оставаясь. Питер замечал, что с каждым днем он все больше худеет. Голос хозяина совсем утратил былую веселость, он редко улыбался и никогда не смеялся. Питер старался понять, что произошло, и Мак-Кей разговаривал с ним, но не так, как прежде.

— Мы могли бы прикончить его и навсегда от него избавиться,— сказал он однажды, когда они с Питером грелись у костра, потому что вечер был холодный.— Могли-то могли, а не сделали этого, как не взяли с собой Нейду. И мы вернемся к нему. Я сдержу свое слово. Мы вернемся, Питер, и пусть нас потом повесят!

Веселый Роджер мрачно умолк, прикидывая, сколько еще у него осталось времени.

На десятый день он отправился в обратный путь и к вечеру двенадцатого дня вытащил лодку на песок в устье ручья Хромого Лося. Сам не зная почему, он, прежде чем пойти к хижине старика Барона, взглянул на свои часы. Было четыре часа. Он вернулся на два дня раньше, чем обещал, и это было ему приятно. Его сердце странно сжималось. Он верил в Кассиди — конечно, ирландец объявит, что они сыграли вничью, и отпустит его еще раз попытать счастья в пустынных просторах. Такой человек, если он честно бьется об заклад, не отступает от условий. Ну, а если нет...

Веселый Роджер остановился и разрядил свой пистолет. Он, во всяком случае, больше стрелять не будет.

Неяркие лучи осеннего солнца лились в открытую дверь хижины. Мак-Кей, подходя, услышал смех Жизели. Она что-то говорила. Затем раздался мужской голос, а издали донесся стук топора. Старый Робер занимался обычным делом. Жизель и Кассиди были дома.

Мак-Кей поднялся на крыльцо и кашлянул, чтобы оповестить о своем приходе. Но, заглянув в комнату, он остановился на пороге как вкопанный.

Теренс Кассиди сидел в большом кресле. Жизель стояла позади, обнимая его за шею, и нежно его целовала.

Тут Кассиди увидел их с Питером.

— Входи-ка! — крикнул он так громко, что Жизель вздрогнула. — Да входи же, Мак-Кей.

Веселый Роджер вошел, и Жизель выпрямилась; ее щеки пылали, в глазах отражался закат. Теренс Кассиди, опираясь на ручки кресла, наклонился вперед и широко ухмыльнулся.

— А ты проиграл, Мак-Кей! — воскликнул он. — Выиграл-то я!

С этими словами он взял девушку за руку и вытащил ее из-за кресла.

— Ну-ка, Жизель, сдержи свое обещание: докажи ему, что выиграл я.

Жизель медленно подошла к Веселому Роджеру, ее щеки были алее вечернего неба, глаза смущенно улыбались. Веселый Роджер ждал, ничего не понимая. Внезапно руки Жизели обвились его шею, она чмокнула его в щеку, кинулась к креслу, упала на колени и спрятала лицо на груди Кассиди, который со смехом протянул Роджеру обе руки.

— Роджер Мак-Кей, знакомься: моя супруга, миссис Кассиди, — сказал он, и Жизель подняла на Роджера сияющие глаза

Он по-прежнему растерянно молчал.

— Здесь вчера побывал миссионер из Броше и обвенчал нас, — услышал он голос Кассиди. — И помог мне написать прошение об отставке. Мы оба выиграли, старина. Я тебе очень благодарен за эту пулю: она принесла мне счастье. И вот тебе на этом моя рука, Мак-Кей.

Полчаса спустя Веселый Роджер возвращался по тропке к лодке; в его глазах стояли слезы, а сердце преисполнилось радостных надежд. Желтая Птица оказалась права. Разве не это пророчила она ему в ту ночь? А если так, то, наверное, сбудется и все остальное.

Он вновь поверил в возможность счастья, вновь почувствовал любовь к жизни, и пока он шел по тропинке в сопровождении Питера, его губы шептали имя Нейды, а мысли обращались к предсказанию Желтой Птицы, что

когда-нибудь, где-то в неизвестном месте они найдут то же счастье, которое уже нашли Жизель и Кассиди.

До ушей Питера доносился отдаленный стук топора, щебет птиц и цоканье белок, но слышал он только голос хозяина, прежний голос, веселый голос — голос, который он научился любить у Гребня Крэгга в дни фиалок и земляники, когда Нейда составляла весь его мир.

Глава XIII

Целью странствий Мак-Кея по-прежнему был лес, вдавшийся на сотню миль в Голые Земли. Три года назад он построил себе там хижину и в течение долгой зимы добывал лисьи шкурки. И теперь его манила не только хижина, но и охота на лисиц. Нужда гналась за ним по пятам. Деньги, которые он захватил с собой, покидая Гребень Крэгга, кончились, припасы тоже, а сапоги и одежда были все в заплатах из оленьей кожи.

У озера Сноуберд, куда он добрался через неделю после того, как расстался со счастливым Кассиди, ему улыбнулась удача. Два траппера как раз вернулись сюда на свой охотничий участок из Форт-Черчилля. Один из них заболел, и его товарищу нужен был помощник, чтобы построить хижину для зимовки. Мак-Кей пробыл с ними десять дней, и когда он пошел дальше на север, его заплечный мешок раздулся от припасов, на ногах у него были новые сапоги, а одежда стала более теплой.

Когда он добрался до своей укромной хижины в тысяче миль от Гребня Крэгга, была уже середина октября. В хижине все оставалось таким же, как три года назад. За это время в нее никто не входил. Чугунная печурка только и ждала, чтобы ее затопили. Позади нее лежали сухие дрова. На столе стояли жестяные тарелки, а к потолку, подальше от мышей и горностаев, были подвешены на сыромятных ремнях свертки с запасными одеялами и одеждой, с той далекой весны, когда он их тут оставил, казалось, прошли века. Он приподнял половицу — капканы, тщательно смазанные жиром карибу, лежали на своем месте. Полчаса Веселый Роджер сновал по хижине, доставая другие спрятанные вещи. Из разных тайников он извлек жестяную лампу, бидон с керосином и свечи, и к тому времени, когда спустилась ночь, в печурке уже весело ревел огонь, посылая в трубу снопы искр, единственное окошко хижины уютно светилось,

а старый кофейник булькал и шипел, точно радуясь возвращению хозяина.

На рассвете Роджер начал готовиться к охотничьему сезону. В течение двух дней он убил трех карибу и запаса мясом на всю зиму. Затем он нарубил дров, приготовил отравленную приманку и наметил места для капканов.

Первого ноября по северной стране пронеслось ледяное дыхание зимы. И дальше к югу осень уже умирала. Последние ягоды рябины висели на оголившихся ветках, сморщенные и подмороженные, по ночам мороз сковывал землю, голос леса изменился, и ветры несли грозное предупреждение всем людям и зверям между Гудзоновым заливом и Большим Невольничьим озером, между Водоразделом и Ледовитым океаном. Семь лет назад, как помнил весь этот край, зима наступила со смертоносной внезапностью, сразу начались лютые холода, а с ними такой голод, какого Север не видел уже несколько десятков лет.

Но в этом году зима предупредила о своем приходе. Первую весть о ней сообщили ночные ветры, которые разносили над черными лесами ледяной запах айсбергов. Луна вставала красной и заходила тоже красной, и красным бывало восходящее солнце. Крик гагар смолк на месяц раньше срока. Диким гусям еще полагалось кормиться на Когалуке и по берегам Баффинова залива, а они уже летели на юг; бобры укрепляли стены своих хаток и укладывали молодые осинки и ольху поглубже на дне, чтобы не умереть с голоду, если ледяной покров будет толще обычного. На востоке, на западе, на севере и на юге, в охотничьих хижинах и в волчьих логовах знали, что идет зима, и зима тяжелая. Кролики сменили серые шубки на белые. Лоси и карибу начали сбиваться в стада. По ночам залиристо лаяли лисицы, надвигающийся голод побуждал волков собираться в стаи, а в небе, озаренном красной луной, летели и летели на юг косяки гусей.

Весь ноябрь и весь декабрь Веселый Роджер и Питер вставали за два часа до рассвета и трудились, не зная отдыха, целый день напролет. Лисиц было так много, что Мак-Кею не хватало ни капканов, ни приманки. Десятого декабря он отправился в факторию, расположенную на девяносто миль южнее — он вез с собой двести сорок лисьих шкурок. Веселый Роджер изготовил сани и упряжь для Питера. Сани они тащили вместе и через три дня

уже добрались до фактории. А на четвертый день пустились в обратный путь с новыми припасами и тысячью долларов наличными.

Ударили морозы, завывали метели, но Мак-Кей продолжал ставить капканы и в начале февраля снова отправился в факторию.

На обратном пути их застиг Черный буран. Север не скоро его забудет! Это тогда замерзло все племя сарки у озера Дубонт — в живых не осталось никого. Деревья промерзли насквозь и лопались с треском, похожим на пушечный выстрел. Буран уничтожил всех зверей и птиц на границе Голых Земель от озера Абердин до Коппермайна. Реки промерзли до дна, а мужчина, выходя из хижины за дровами и водой, обвязывался веревкой, чтобы не заблудиться в слепящей лавине ветра и снега. И когда он уже не мог противостоять ее ледяной ярости, жена, остававшаяся в хижине, изо всех сил тянула веревку, стараясь помочь ему.

Черный буран застиг Мак-Кея и Питера к западу от озера Артиллери и к югу от реки Телон и вынудил их закопаться. Они находились в области, где самая толстая ветка, торчавшая над снегом, была не толще большого пальца Мак-Кея. Весной на здешних равнинах, заросших сочной травой, паслись карибу, но зимой, когда тут завывала арктическая буря, эти места превращались в сущий ад.

Веселый Роджер увидел большой сугроб, наметенный у огромного валуна. Сугроб этот не уступал по ширине сельской церкви и был почти так же высок, а его поверхность под постоянным воздействием ветра и ледяной крупы стала твердой, как камень. Веселый Роджер с помощью ножа прорезал в корке узкую дверь и принялся выгребать через нее более мягкий снег, пока не выкопал пещеру величиной в половину своей хижины. Вскоре его собственное тепло и тепло Питера так нагрело эту уютную комнатку, что он мог сбросить доху.

В эту первую ночь бурана Питеру казалось, что все люди мира вопят и рыдают в черном мраке снаружи. Веселый Роджер время от времени закуривал трубку, хотя курение в темноте не доставляло ему особого удовольствия. Вьюга не внушала ему страха — наоборот, он, как ни странно, чувствовал себя спокойно и уверенно. Ветер завывал и бился об сугроб, но внутрь проникнуть не мог. Он лишь наметал больше снега, который делал убежище еще более теплым и безопасным. Эта дикая ярость

была не только устрашающей, в ней чудилось что-то нелепое, и Питер слышал, как его хозяин тихонько посмеивается в темноте. С тех пор как в теплые дни осени они в последний раз повстречали рыжего Кассиди и хозяин застрелил его на белом берегу Уолластона, Питер все чаще слышал этот смех.

— Видишь ли,— начал Мак-Кей, на ощупь отыскивая курчавую шею Питера,— дела у нас идут все лучше и лучше. Я даже начинаю верить, что слова Желтой Птицы сбудутся и мы еще будем счастливы с Нейдой. Что скажешь, Хромуля? Не отправиться ли нам весной к Гребню Крэгга?

Вместо ответа Питер заерзал под ласковой рукой, а на сугроб с визгом обрушился новый порыв ветра.

Пальцы Веселого Роджера стиснули загривок Питера.

— Значит, мы пойдем туда,— объявил он, словно сообщая Питеру неожиданную новость.— Я теперь поверил Желтой Птице. Поверил — и все. Это ведь не было просто гаданье. И она не колдовала, как колдуют индейские шаманы. Ради тебя и меня она закрылась у себя в типи и три дня ничего не ела — это же должно было помочь, верно? Как, по-твоему?

Питер фыркнул и лязгнул зубами, показывая, что он все понял.

— Ведь многое из того, что она нам говорила, уже сбылось,— убеждал себя Веселый Роджер.— Против этого не поспоришь, Хромуля. Она предупредила, что за нами гонится Кассиди — так оно и вышло. Она сказала, что духи обещали ей уберечь нас от тюрьмы. Мы уже думали, что все пропало, когда он держал нас под прицелом на берегу, а мы спаслись и подстрелили его, и это была не просто удача. А потом мы отнесли его в хижину, и внучка траппера стала его выхаживать. Кассиди взял да и влюбился в нее... и женился на ней. Получается, что Желтая Птица и тут была права. Ну как ей не поверить? А она говорила, что все у нас кончится хорошо, мы вернемся к Нейде и будем счастливы.

Трубка Роджера светилась в темноте алым пятнышком.

— Вот что! — сказал Мак-Кей.— Зажгу-ка я спиртовую лампочку. Что-то нам не спится. И я хочу покурить в свое удовольствие. А что за радость курить, когда не видишь дыма? Жаль, что собаки не умеют курить, Питер. Ты, бедняга, даже не знаешь, что значит хорошая трубочка в такой вот час.

Порывшись в тюке, Мак-Кей достал спиртовую лампочку — ее резервуар был полон и надежно завинчен. Питер слушал, как хозяин возится в темноте. Затем чиркнула спичка, желтый огонек озарил лицо Веселого Роджера, и Питер радостно взвизгнул — было очень приятно вдруг увидеть хозяина. Через мгновение маленькая лампочка уже отбрасывала на белые стены их убежища голубоватый свет. Зрачки Веселого Роджера от долгого пребывания в темноте расширились, и глаза его казались черными. Колючая щетина покрывала щеки и подбородок. И все же он излучал бодрость, словно назло буре, бушевавшей снаружи. Воткнув лыжу¹ в снежную стену, он, как на столик, поставил на нее лампочку и дружески подмигнул Питеру. А потом со вздохом удовлетворения задымил трубкой и, поднявшись на ноги, оглядел их приют.

— Неплохо, верно? — осведомился он. — Стоит нам захотеть, и мы нароем себе здесь сколько угодно комнат, а, Питер? Будут у нас и гостиные, и спальни, и библиотека — и ни единого полицейского на миллион миль вокруг. Вот что самое приятное во всем этом, Хромуля, — конной полиции мы тут можем не опасаться. Им и в голову не придет разыскивать нас под сугробом в этой богом забытой тундре. Ведь так?

Эта мысль доставила Роджеру большое удовольствие. Он расстелил одеяла на снежном полу, уселся на них лицом к Питеру и продолжал с гордым смешком:

— Мы оставили их в дураках, Хромуля. Мир не так уж велик, когда приходится прятаться, но тут нас никто не разыщет, ищи он хоть миллион лет. Вот если бы нам удалось отыскать такой же безопасный уголок, где могла бы жить и женщина... И если бы с нами была Нейда...

За последние недели Питер не раз видел тот огонь, который вспыхнул сейчас в глазах Веселого Роджера. Этот огонь и странная дрожь в голосе хозяина говорили ему больше, чем слова, которые он тщетно пытался понять.

— А она будет с нами! — яростно dokonчил Мак-Кей и, сжав кулаки, наклонился к Питеру. — Мы, Хромуля, сделали большую ошибку и не скоро догадались об этом. Нам нелегко будет расстаться с нашим Севером, да только придется. Может, добрые духи Желтой Птицы подразумевали как раз это, когда они говорили про Далекий

¹ Индейские лыжи гораздо короче и шире европейских и имеют овальную форму. На них по снегу не скользят, а ступают.

Край, где мы с Нейдой найдем счастье. Далеких Краев на земле полным-полно, Питер, и весной, как только сойдет снег, чтобы можно было идти, не оставляя следов, мы вернемся к Гребню Крэгга, заберем с собой Нейду и отправимся туда, где закон нас никогда не разыщет. Например, в Китай. Там живут люди с желтой кожей... Ну, да нам-то что? Лишь бы она была с нами! И вот еще...

Внезапно он умолк. Насторожился и Питер. Оба они повернулись к узкой дыре, уже наполовину засыпанной снегом, которую Мак-Кей прорезал в ледяной корке сугроба вместо двери. Они привыкли к вою метели. Питер теперь не вздрагивал от ее пронзительного визга и почти человеческих стенаний. Но тут вдруг раздался звук, не похожий на все прежние. Это был голос. Не призрачный голос ветра, а настоящий человеческий голос, и прозвучал он так близко, что даже Веселый Роджер почувствовал что-то вроде страха. Ему показалось, что у самого их сугроба кто-то громко выкрикнул какое-то имя. Но второго зова не последовало. Ветер затих, и снаружи на мгновение воцарилось безмолвие.

Веселый Роджер засмеялся немного вымученно.

— А хорошо, что мы не верим в привидения, Питер, не то бы мы подумали, что там, за стеной, бродит волк-оборотень! — Он набил трубку и кивнул: — Имеется еще Южная Америка. У них там все есть: и самые большие в мире реки, и самые высокие горы, и такие просторы, что даже волк-оборотень нас там не разыщет. Ей там понравится, Хромуля! Ну, а если она предпочтет Африку или, скажем, Австралию, а может, острова Южных Морей... Это еще что такое?

Питер подпрыгнул словно ужаленный, а Веселый Роджер застыл, как индеец. Потом он вскочил на ноги и недоуменно посмотрел на Питера:

— Что это было, Хромуля? Ветер, каков бы он ни был, не может стрелять из ружья, верно?

Питер тыкался носом в рыхлый снег, засыпавший дверь их убежища. Он глухо ворчал. Глаза за жесткими кудряшками яростно засверкали, и он посмотрел на Роджера, прося разрешения разбросать этот снег и выбраться в воющую тьму. Мак-Кей медленно выбил пепел из трубки и сунул ее в карман.

— Мы пойдем посмотрим, — сказал он странным голосом. — Но это же неразумно, Питер. Ветер — и только. Людей там быть не может. И то, что мы слышали, не было выстрелом. Ветер...

Двумя-тремя движениями Мак-Кей разгреб снег — отверстие находилось с подветренной стороны, — и когда он наполовину высунулся из него, то почти не почувствовал ветра.

Но над сугробом по-прежнему мчалась лавина бури, и он не слышал ничего, кроме ее воя. И ничего не видел — даже собственную вытянутую руку.

— За нами столько гонялись, что мы стали какими-то сверхчувствительными, — заметил он, заползая обратно в голубоватый круг света и кивая Питеру. — Пора и на боковую, дружок. А для сна лучше места не найти: свежего воздуха хоть отбавляй, и ни тебе комаров, ни мух, а уж о полиции и говорить нечего — скоро мы вообще забудем, какой у них вид. Если ты согласен, выпьем холодного чайку, перекусим...

Он не закончил. На мгновение ветер чуть стих, словно собираясь с силами. И то, что Мак-Кей услышал теперь, заставило его вскрикнуть, а Питер залаял. Из черноты ночи до них донесся женский голос! Как ни был Роджер поражен и ошеломлен, он сразу понял, что это не ветер и не обман усталого слуха. Он прозвучал совершенно ясно, этот женский голос, который пронесся над тундрой, призывая на помощь, и тут же замер, слился с воем метели. И тем не менее Мак-Кей усомнился. Женщина — здесь? Он судорожно сглотнул и попробовал усмехнуться. Женщина... в буран, в тысяче миль от ближайшего селения! Нет, это невозможно.

Но смех у него не получился, а сердце сжалось от тревоги. В бледном свете спиртовки было видно, как широко раскрылись его глаза.

Он взглянул на Питера. Пес, весь вытянувшись, стоял у отверстия. Он дрожал.

— Питер!

Питер помахал хвостом и повернул щетинистую морду к хозяину. Веселый Роджер не раз видел этот предостерегающий взгляд своего четвероногого товарища. Снаружи кто-то был! Или Питера, как и его самого, буран свел с ума?

И вопреки доводам рассудка Веселый Роджер решил отправиться на поиски. Он надел лыжи и поставил лампочку так, чтобы ее свет был виден со стороны тундры. Потом он выполз через дыру. Питер последовал за ним.

Словно разъяренный их дерзостью, буран обрушился на них из-за сугроба. Они слышали пронзительный скрип ледяной крупы, проносившейся над их головами мириа-

дами дробинок. Ветер доставал до них даже в их убежище и бросал им в лицо колючую снежную пыль. Перед ними в стонущем мраке простиралась тундра. Питер посмотрел вверх, ничего не увидел, но все же понял, откуда брались жуткие стоны, которые он слышал весь печер: это ветер хлестал по сугробу.

Веселый Роджер напрягал слух, но слышал только завывания бурана, разыгравшегося над тысячемильными просторами тундры. Потом пришло одно из тех кратких затиший, когда вьюга, казалось, собиралась с силами и вой ее постепенно замирал, точно скрип колес быстро удаляющейся гигантской колесницы. Затем на миг наступила полная тишина, а с севера уже снова послышался могучий рокот, возвещавший новый взрыв.

И в этом затишье опять раздался крик — настолько ясный, что Мак-Кей уже не мог долее сомневаться, — а вслед за ним выстрел. Голос действительно был женский. Насколько Веселый Роджер мог судить, крик доносился из крошечной тьмы прямо перед ним, и он закричал в ответ. А потом в сопровождении Питера бросился туда. Новая лавина ветра ударила им в спину и потащила вперед, точно пену на гребне волны. От неожиданности Веселый Роджер пошатнулся и упал на колени; в эту секунду он заметил еле видный огонек своей лампочки у входа в снежную пещеру и ясно осознал, что ему грозит смерть, если он не сумеет разглядеть в темноте это бледное пятнышко. Он опять закричал... второй раз... третий. И, втянув голову в плечи, пошел дальше в темноту.

Внезапно ему в голову пришла безумная мысль, и он забыл про лампочку, пещеру и грозившую ему гибель. В этой сумасшедшей сумятице ветра и снега он слышал человеческий голос. Больше он в этом не сомневался. И голос был женский! А вдруг кричала Нейда? Вдруг она отправилась следом за ним, решив во что бы то ни стало отыскать его и разделить с ним его судьбу? Его сердце мучительно забилося. Какая еще женщина могла идти по его следу через тысячемильную пустыню тундры? Он начал звать ее:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

И рядом с ним залаял невидимый Питер.

Черный буран поглотил их. Свет лампочки растворился во мраке. Но Веселый Роджер не оглядывался. Он брел вперед вслепую, считал шаги и звал Нейду. Дважды ему чудился ответный крик — и каждый раз казалось,

что этот призрачный голос совсем близко. Тут ветер ударил ему в спину с особенной силой, он обо что-то споткнулся и растянулся на снегу. Его рука нащупала предмет, о который он споткнулся. Это был не снег. Его пальцы коснулись чего-то мягкого и пушистого. Мужская шуба! Вот пуговицы, пояс и... бородатое лицо.

Мак-Кей встал и выпрямился во весь рост. Ветер опять унесся дальше в тундру, оставив позади себя мгновение тишины. И Роджер крикнул:

— Нейда! Нейда! Нейда!..

Ответ раздался так близко, что он даже вздрогнул, но кричал не один человек, а два... нет, три, и один голос был голосом испуганной, измученной женщины. Мак-Кей продолжал звать, а голоса отвечали все ближе, и, наконец, в нескольких шагах перед ним возникло смутное движущееся пятно. Он пошел к этому пятну, пошатываясь под тяжестью человека, которого подобрал в снегу. Теперь он разглядел двух человек, волочивших сани, за которыми, всхлипывая и задыхаясь, брела третья фигура.

— Я нашел кого-то! — крикнул Веселый Роджер. — Вот он...

Мак-Кей уронил свою ношу, и конец его фразы заглушили вопли метели. Но женщина позади саней услышала его, и он вдруг смутно увидел ее возле себя — она склонялась над человеком у его ног, всем телом заслоняя лежащего от ветра, и называла имя, которое он не мог разобрать в завывании бурана. Но на его сердце легла свинцовая тяжесть: он понял, что это не Нейда. Он положил бесчувственное тело на сани, не сомневаясь, что человек уже мертв. Женщина что-то говорила ему, но ее слабый голос тонул в визге вьюги, и он не разобрал, что ему хрипло крикнул один из мужчин, который пошатывался при каждом шаге, с трудом отвоеванным у ветра, и Веселый Роджер понял, что этот человек совсем обессилел и готов лечь в снег и умереть, лишь бы не идти дальше.

— Тут совсем рядом! — крикнул он. — Доберетесь?

Они расслышали его слова. Женщина уцепилась за его локоть. Мужчины потянули сани, а Веселый Роджер схватил свободную постромку между ними и повернулся навстречу бурану, недоумевая, почему они отправились в такой путь без собак. Казалось, прошла вечность, прежде чем впереди замаячило бледное пятнышко света. Пос-

ледные пятьдесят шагов они брели как будто навстречу непрерывному пулеметному огню. Но наконец сугроб укрыл их от ветра.

Мак-Кей помог им по очереди пролезть в выкопанное им убежище. На несколько минут он полуослеп и различал землистые лица и закутанные фигуры тех, кого он спас, словно сквозь мутную пелену. Человека, которого он нашел в снегу, он положил на свою постель, и девушка (теперь он разглядел, что она была еще совсем молоденькая) с плачем бросилась к нему. Тут зрение вернулось к Веселому Роджеру, и в тот же миг он вздрогнул и еле устоял на ногах, словно рядом взорвался динамитный заряд.

Девушка откинула меховой капюшон и с рыданием прижалась к неподвижно лежащему человеку, зовя: «Отец, отец!» Она была совсем не похожа на Нейду. Ее темные волосы были закручены в тугой узел, и она была старше. Она казалась очень некрасивой — во всяком случае, в эту минуту. Ее щеки были обморожены, глаза опухли и заплаыли. Но Веселый Роджер не смотрел на нее, он глядел только на ее отца и чувствовал, что вот-вот задохнется. Тот был уже немолод — лысый, с седой бородой и офицерскими усами. И он был жив — его глаза были открыты, а посиневшие губы пытались позвать девушку, которая, совсем ослепнув от снега, все еще думала, что он умер. Но он был одет в форменную меховую шинель королевской северо-западной конной полиции!

Мак-Кей медленно отвернулся, смахнул с глаз тающий снег и посмотрел на остальных двух. Один из них устало скорчился у снежной стены. Ему было на вид не больше тридцати лет, но и он выглядел совершенно измученным. Второй лежал у самой дыры, не в силах подняться. На обоих были шинели и на поясах висели кобуры.

Молодой человек у стены попробовал встать, но не смог и виновато улыбнулся Мак-Кею.

— Огромное спасибо, старина, — пробормотал он, с трудом шевеля растрескавшимися губами. — Я Портер... из отряда «Н»... сопровождал полковника Тэвиша в Форт-Черчилль... Тэвиша и его дочь. Плохим я оказался проводником, верно? — Он приподнялся. — У нас в багаже есть коньяк. Может, дать... им? — И он кивнул в сторону девушки и седобородого мужчины на одеялах.

Веселый Роджер ничего не ответил. Он молча выполз наружу и ощупью нашел сани. Он услышал, что Питер последовал за ним, и, оглянувшись, в голубоватом свете лампочки увидел бескровное лицо Портера, который ждал у входа, чтобы помочь ему втащить тюк. Мак-Кей попытался взять себя в руки. Всего четверть часа назад он усмехался, думая о полиции. Ему казалось, что никогда еще у него не было более надежного убежища и никогда еще он не был так недосыгаем для служителей закона. Он никак не мог прийти в себя. Полицейские не гнались за ним. Они его не выследили, даже не наткнулись на него случайно. Нет, он сам бросился в темный хаос вьюги и притащил их к себе! Кто бы мог подумать, что судьба способна сыграть с ним такую скверную шутку!

Потом его смятение немного улеглось, и он принялся резать ремни, удерживавшие тюки на санях. Участок отряда «Н», говорил он себе,— это область, прилегающая к озеру Атабаска. Он никогда не слышал ни о Портере, ни о полковнике Тэвише, а так как Тэвиш просто ехал в Форт-Черчилль, то и он и его эскорт вряд ли намеревались ловить по пути преступников, и в частности Веселого Роджера Мак-Кея. Вот его шанс. Ведь попытка скрыться от них во время бурана была не просто отчаянным риском — это была верная гибель.

На санях лежало только два тюка, и он передал их Портеру в отверстие. Несколько минут спустя он уже подносил фляжку с коньяком к губам седобородого полковника, а девушка внимательно рассматривала его — опухоль вокруг ее глаз постепенно спадала. Тэвиш сделал судорожный глоток, и его рукавица легла на локоть девушки.

— Я чувствую себя прекрасно, Джо,— пробормотал он.— Прекрасно...

Он посмотрел на Мак-Кея, а потом обвел взглядом снежные стены пещеры. Его глаза смотрели из-под кустистых бровей пронизательно и сурово. Они пристально следили за Мак-Кеем, который дал девушке глотнуть коньяку, а затем передал фляжку Портеру.

— Вы спасли нам жизнь,— сказал Тэвиш более твердым голосом.— Я не понимаю, что произошло. Помню только, что споткнулся и не мог встать. Я шел за санями, Портер и Брео тащили их, а Джозефина, моя дочь, лежала, укрытая одеялами. Что было потом...

Он умолк, и Веселый Роджер объяснил, как было дело. Он кивнул в сторону Питера — вот чья это заслуга. Пес всячески показывал, что снаружи кто-то есть. Ну, они и решили пойти посмотреть. Его зовут Джон Каммингс. Он ставит капканы на лисиц, и буран застиг его в пятидесяти милях от хижины. Он отправился в путь без собак, потому что у него только один тук.

Брео, второй спутник Тэвиша, уже оправился и внимательно слушал его. Мак-Кею было достаточно одного взгляда на его смуглое худое лицо, чтобы понять, что в этой компании только Брео по-настоящему знает Север. Он глядел на Веселого Роджера как-то странно. А потом, словно спохватившись, мотнул головой и начал растирать снегом обмороженные щеки. Портер сбросил меховую шинель и теперь распаковывал один из тюков. Он и девушка, казалось, были измучены меньше своих спутников. Джозефина смотрела на Портера. Потом она перевела взгляд на Роджера. Опухоль совсем исчезла, и оказалось, что глаза у нее большие и очень красивые. Она улыбнулась Мак-Кею дружеской, открытой улыбкой. Он подумал, что характер у нее, по-видимому, сильный и трусливой плаксой ее никак не назовешь. Это было сразу видно.

— Нам всем было бы полезно съесть горячего супу,— сказала она.— Как вы думаете?

В ее глазах была благодарность, которую она не пыталась облечь в слова. Роджеру она очень понравилась. А Питер тихонько подошел к ней сзади и смотрел, как она по примеру Брео оттирает щеки бородатого человека снегом.

— В другом вьюке есть спиртовая плитка,— сказал Брео, не сводя жесткого, прищуренного взгляда с лица Мак-Кея.— Да, простите, как вас зовут?

— Каммингс... Джон Каммингс.

Брео ничего не ответил. Веселый Роджер почувствовал смутную тревогу, которая продолжала расти. Они выпили бульону и съели по лепешке. В маленькой каморке стало жарко, и девушка сняла меховую шубу. Ее лицо уже не было бледным, глаза блестели, а голос стал счастливым, потому что они нашли жизнь и тепло там, где ждали смерти. Портер держался с Роджером дружески, словно разговаривал со старым товарищем. Он объяснил, что произошло. Негодяи-проводники бросили их — сбежали в начале бурана, забрав обе упряжки и одни сани. А они брели вперед, надеясь найти сугроб,

чтобы укрыться от вьюги. Но тундра здесь ровна, как стол. Они стреляли, а мисс Тэвиш кричала не потому, что они рассчитывали найти здесь помощь, а потому, что хватились отставшего Тэвиша. Просто смешно, заключил Портер, что подобное могло случиться с полковником Тэвишем, который слывет в конной полиции железным человеком.

Тэвиш сдержанно усмехнулся. Все они были в хорошем настроении, за исключением, пожалуй, Брео. Он ни разу не засмеялся и даже не улыбнулся. Однако Веселый Роджер заметил, что остальные слушают его с особым вниманием. Однако в нем было что-то непонятное и неприятное — во всяком случае, девушка сразу перестала смеяться, услышав его голос, и ее губы сурово сжимались. Мак-Кей скоро понял, почему она и Портер улыбались так счастливо, — дважды он замечал, как они украдкой брались за руки. А когда они смотрели друг на друга, их глаза ясно говорили о том, какое чувство ими владеет. Но Брео был непонятен Мак-Кею. Он не знал, что Брео считался лучшей ищейкой отряда «Н» между берегами Атабаски и Ледовитым океаном и что в области Трех Рек, раскинувшейся на две тысячи миль, его называли «Шингус» — «Хорек»...

Первой уснула девушка, прижавшись щекой к плечу отца. Брео-Хорек завернулся в одеяло и задышал глубоко и размеренно. Портер еще курил трубку, нежно поглядывая на спящую Джозефину Тэвиш. Он с гордостью улыбнулся и шепнул Мак-Кею:

— Она моя невеста. Скоро свадьба.

Веселому Роджеру захотелось крепко пожать ему руку.

Он кивнул, и что-то сдавило ему сердце.

— Я вас понимаю, — сказал он. — Когда я услышал в темноте ее голос... я вспомнил про одну девушку... там, на юге.

— На юге? — переспросил Портер. — Но почему? Если вы ее любите, то почему она там, а вы здесь?

Мак-Кей пожал плечами. Он и так уже сказал лишнее. Но они с Портером не знали, что Брео лежит приоткрыв глаза и внимательно слушает.

Веселый Роджер поднял руку, словно в вое бури ему почудился какой-то новый звук.

— Буран кончится не раньше чем через два-три дня. Ложитесь-ка спать, Портер. А я пока выкопаю комнату для мисс Тэвиш. Боюсь, она ей понадобится, — мы вряд

ли скоро уйдем отсюда. Работа это нетрудная, а время проходит незаметнее.

— Я вам помогу,— предложил Портер.

Они работали около часа, орудуя вместо лопат лыжами Мак-Кея. И весь этот час Брео не смыкал глаз. Когда он смотрел на Роджера Мак-Кея, его губы кривила странная улыбка. Наконец Портер улегся спать. Тогда Хорек встал и потянулся. Мак-Кей уже закончил вторую комнату и принялся копать тоннель, который должен был служить другим выходом. Брео подошел к нему и взял лыжу, брошенную Портером.

— Я, пожалуй, тоже поработаю,— сказал он.— Что-то мне не спится, Каммингс.

Он принялся отгрести снег.

— И давно вы живете в этих краях? — спросил он.

— Третью зиму. Тут много рыжих лисиц, а иногда попадаются даже серебристые и черно-бурые.

Брео неопределенно хмыкнул.

— Так, наверное, вы знакомы с Кассиди,— небрежно произнес он, не глядя на Мак-Кея.— С капралом Теренсом Кассиди. Это ведь его округ.

Веселый Роджер продолжал копать.

— Да, я его знаю. Мы встречались прошлой зимой. Такой рыжий. Хороший человек. Мне он нравится. А вы с ним знакомы?

— Мы вместе начинали службу,— ответил Брео.— Но ему не везет. Он три года гоняется за неким Мак-Кеем. Его прозвали Веселым Роджером. Веселый Роджер Мак-Кей... Слышали о нем?

Веселый Роджер кивнул.

— Кассиди рассказывал мне про него, когда ночевал в моей хижине. Он, по-моему, ничего человек.

— Кто? Кассиди или Веселый Роджер?

— Оба.

Впервые Хорек посмотрел прямо на своего собеседника. У него были странные глаза: непроницаемые, вечно прищуренные, словно он тщательно прятал свои мысли. Мак-Кею показалось, что они видят его насквозь. Его пронизала холодная дрожь — предчувствие опасности, более губительной, чем буран.

— А вы не знаете, где его можно найти, этого Веселого Роджера?

— Нет.

— Дело в том, что он думает, будто убил на юге одного человека. Ну, так он ошибся. Тот выжил. Если

вдруг встретитесь с ним, расскажите ему об этом. Ладно?

Веселый Роджер сунул голову и плечи в удлиняющийся тоннель.

— Расскажу.

Он знал, что Брео лжет. И знал, что за узенькими щелочками этих глаз прячется лисья хитрость.

— Скажите ему также, что власти думают простить ему ограбление торговца — ведь с тех пор прошло уже больше пяти лет.

Веселый Роджер выбрался из тоннеля с кучей снега на лыже.

— Ладно, передам ему и это, — сказал он, улыбаясь такой неуклюжей ловушке. — Вы, Брео, никак думаете, что я держу гостиницу для бездомных разбойников?

Брео улыбнулся. Это была неприятная улыбка, и Веселый Роджер успел заметить ее, оглянувшись. Когда он вернулся, выбросив снег, Брео сказал:

— Видите ли, нам известно, что этот Веселый Роджер зимует где-то в здешних местах. А Кассиди говорит, что на юге есть девушка...

Голова Веселого Роджера исчезла в тоннеле.

— ...которая очень хотела бы повидать его, — докончил Брео.

Когда Мак-Кей вылез из тоннеля, Хорек спокойно закуривал трубку.

— Да, помню... Кассиди рассказывал мне и про девушку, — сказал Веселый Роджер. — Он сказал, что когда-нибудь... поймает этого... человека, потому что он захочет увидеться со своей девушкой. Значит, если я встречу Веселого Роджера Мак-Кея и пошлю его на юг, я помогу полиции. Верно, Брео? А награда за его поимку назначена? Будет мне от этого какая-нибудь выгода?

Брео глядел на него в тусклом свете спиртовой лампочки, выпускал клубы табачного дыма, и загадочная улыбка кривила его тонкие губы.

— Как воеет вьюга! — сказал он. — Мне кажется... Каммингс, что буран усиливается.

Внезапно Брео протянул руку к Питеру, который сидел возле лампочки, не спуская настороженных глаз с незнакомца.

— Хорошая у вас собака, Каммингс. Сюда, Питер! Сюда! Питер! Питер!

У Роджера перехватило дыхание. Он ведь ни разу не произносил вслух кличку Питера с той минуты, как в его убежище появились спасенные им люди.

— Питер... Питер...

Хорек ласково улыбался. Но Питер даже ухом не повел. Он словно не видел протянутой к нему руки. Его взгляд оставался недоверчивым и вызывающим. Роджер еле удержался, чтобы не обнять его. Хорек засмеялся.

— Прекрасная собака, Каммингс, прекрасная! Мне нравятся собаки, которые хранят верность одному человеку, и нравятся люди, которые хранят верность одной собаке. А Веселый Роджер именно таков, как вы сами убедитесь, если когда-нибудь его повстречаете. Странствует с одной собакой. С эрделем по кличке Питер. Странная кличка, верно?

Он повернулся ко входу в соседнюю комнату и потянулся, высоко поднимая длинные руки.

— Попробую-ка я опять прилечь, Каммингс. Спокойной ночи. Царица небесная, как воет ветер!

— Да, ночь бурная,— согласился Мак-Кей.

Когда Брео ушел, Веселый Роджер поглядел на Питера, а сердце его бешено стучало в груди. Он прислушивался к вою ветра. Буран несясь над тундрой с еще большей яростью, и глаза Мак-Кея блеснули холодно и зло. На этот раз ему не вырваться из хватки закона. Бегство означало верную смерть. И Брео это знал. Да, он оказался в ловушке, которую сам же соорудил. Конечно, если Брео догадался, кто он такой... А Брео несомненно догадался. Оставалось только одно — драться.

Мак-Кей сходил в первую комнату за своим тюком и одеялами. Он не смотрел на Брео, но знал, что прищуренные глаза полицейского следят за каждым его движением. Лампа в первой комнате продолжала гореть, но когда Роджер расстелил одеяла в новой спальне, он задул свою лампочку. Потом бесшумно проковырял дырку в снежной перегородке. Прежде чем проткнуть указательным пальцем оставшуюся ледяную корочку, он выждал десять минут. Прильнув глазом к отверстию, он увидел Брео. Хорек, сидя на своей постели, наклонился к Портеру, который спал возле него. Он потрогал Портера за плечо.

Веселый Роджер расширил дырочку еще на дюйм и напряг слух. Тэвиш и его дочь продолжали спокойно спать. Портер приподнялся, но Брео предостерегающе

сжал его руку и кивнул в сторону второй комнаты. Портер понял и промолчал. Брео наклонился к самому его уху и что-то тихо зашептал. До Мак-Кея доносилось только невнятное бормотание. Однако он ясно разглядел, как Портер переменялся в лице. Глаза молодого человека расширились, он взглянул в сторону внутренней комнаты и протянул руку, намереваясь разбудить Тэвиша и девушку.

Однако Хорек остановил его:

— Не торопитесь. Пусть себе спят.

Только эти слова и расслышал Мак-Кей. Портер и Брео продолжали шептаться. На красивом лице Портера было то же радостное возбуждение, что и на смуглой физиономии Брео. Веселый Роджер продолжал наблюдать за ними, пока Брео не погасил лампу. Тогда он бесшумно залепил дырку снегом и ошупью нашел в темноте голову Питера.

— Они думают, что мы у них в руках, дружок,— прошептал он.— Вот что они думают.

Около часа Веселый Роджер и Питер пролежали не шевелясь. Но они не спали. Когда миновал этот час, Веселый Роджер подполз на четвереньках к дверному отверстию и прислушался. В соседней комнате все четверо дышали спокойно и ровно. Тогда он принялся ошупывать внешние стены, пока не обнаружил сыпучего снега.

— Это-то нам и нужно,— шепнул он не отходившему от него Питеру.— Мы проведем их, дружок. А придется — будем драться.

Он принялся ввинчиваться головой, плечами, торсом в мягкий снег. Постепенно он буравил себе выход, раскачиваясь, чтобы утрамбовать снег по бокам нового отверстия; он уходил в сугроб все глубже, проделывая круглый тоннель фута в два в поперечнике. Через час он добрался до внешней корки с наветренной стороны сугроба. Корку эту, толстую, как зеркальное стекло, он ломать не стал, а несколько минут пролежал, отдыхая и прислушиваясь к свисту ветра снаружи. В узкой норе было тепло и уютно, и Веселый Роджер начал задремывать. С усилием открыв глаза, он выбрался назад в свою комнату. Замаскировав вход в тоннель снежными комьями, он завернулся в одеяло и спокойно уснул.

Теперь в тихой глубине сугроба бодрствовал только Питер. И Питер разбудил Веселого Роджера в час, когда за низкими тучами начинала заниматься заря. Мак-

Кей почувствовал, как Питер завозился, и открыл глаза. В его комнатке брезжил как-то свет, и он привстал. За снежной стенкой снова горела лампа. Оттуда доносились шорохи и тихий неясный шепот. Мак-Кей выковырял затычку из дырочки и, расширив ее, опять приник к ней.

Брео и Тэвиш спали, но Портер сидел на своем одеяле, а рядом с ним примостилась девушка. Волосы ее теперь не были уложены в узел и рассыпались по плечам. Широко открытые глаза были устремлены на отверстие, соединявшее комнаты. Мак-Кею было видно, что ее рука лежит на локте Портера. Тот что-то шептал ей, наклонившись к ней так близко, что его губы касались ее волос, и хотя Веселый Роджер не мог расслышать ни слова, он знал, почему глаза Портера блестят так возбужденно: молодой полицейский рассказывал Джозефине Тэвиш, кем оказался их спаситель. Он увидел, как она вдруг нахмурилась, услышал ее возмущенный шепот, но Портер прижал палец к губам девушки и кивнул в сторону ее спящего отца. Потом его рука легла на ее плечи, и Мак-Кей увидел, как их губы слились в долгом поцелуе. Затем девушка быстро отодвинулась и вновь легла рядом с отцом. Портер закутал ее в одеяло и улегся на своей постели возле Брео.

Веселый Роджер догадывался, что произошло. Девушка проснулась и, испугавшись темноты, разбудила Портера, чтобы он зажег лампу. Портер воспользовался этим случаем, чтобы сообщить ей об интересном открытии Брео и чтобы поцеловать ее. Мак-Кей поглаживал жесткую шерсть на загривке Питера и прислушивался. Воя метели не было слышно, и он подумал, что буран, вероятно, стихает.

То и дело он заглядывал в дырочку. Примерно через полчаса после того, как Портер вновь уснул, он увидел, что Джозефина Тэвиш не спит. Она сидела на своей постели. Потом тихонько встала на колени и наконец поднялась на ноги. Наклонившись над Портером и Брео, девушка убедилась, что не разбудила их, и прокралась к отверстию, ведущему в его комнату.

Роджер быстро растянулся на своем одеяле, прижав к себе Питера.

— Тихо, дружок, тихо! — шепнул он.

Светлое пятно отверстия исчезло — девушка стояла там, прислушиваясь, спит ли он. Роджер принялся похрапывать, но, закрывая глаза, успел заметить, что Джо-

зефина Тэвиш идет прямо к нему. Вот она нагнулась над ним. По его лицу и рукам скользнули мягкие пряди волос. Девушка тихо опустилась на колени, поглаживая Питера, и осторожно дернула Роджера за плечо.

— Веселый Роджер! — позвала она шепотом. — Веселый Роджер Мак-Кей.

Он открыл глаза и увидел прямо над собой ее лицо.

— А? — спросил он еле слышно. — Что случилось, мисс Тэвиш?

Она прерывисто вздохнула и судорожно сжала его плечо. Наклонившись почти к самому его лицу, она прошептала чуть слышно:

— Вы... вы не спите?

— Нет.

— Ну, так слушайте: если вы Веселый Роджер Мак-Кей, то уходите, скорее уходите. Когда проснется Брео, вы должны быть уже далеко. По-моему, вьюга улеглась... ветра совсем не слышно... Ведь если утро застанет вас здесь...

Она отпустила его плечо. Веселый Роджер нащупал в полумраке ее руку, и она ответила ему крепким дружеским пожатием.

— Я бесконечно благодарна вам за то, что вы сделали, — прошептала она. — Но закон... и Брео... беспощадны.

Джозефина исчезла так же быстро и бесшумно, как вошла. Мак-Кей следил за ней в дырочку, пока девушка снова не улеглась рядом с отцом.

Он притянул Питера поближе.

— Опять нам придется бежать, Хромуля! — шепнул он. — Попробуем рискнуть.

Мак-Кей быстро и бесшумно взялся за дело. Через четверть часа его вещи были упакованы, а вход в тоннель открыт. Тогда он прошел в соседнюю комнату, где Джозефина Тэвиш лежала, широко открыв глаза. Она приподнялась, и Веселый Роджер знаками показал ей, о чем он хотел бы ее попросить. Можно ему взять кое-что из их багажа? Она кивнула. Он порылся в тюке, а когда выпрямился, девушка с изумлением уставилась на пачку старых газет в его руке — ее отец вез их торговцу в Форт-Черчилль. Но его жадный и виноватый взгляд объяснил ей все, и она улыбнулась ему, беззвучно шепча слова благодарности. Возле двери Веселый Роджер оглянулся. И тут Джозефина показалась ему настоящей красавицей — такой свет был в ее глазах, когда она

вся потянулась к нему, словно желая ободрить его перед трудной дорогой. Внезапно она прижала ладонь к губам и послала Веселому Роджеру прощальный благодарный поцелуй.

Когда мгновение спустя Мак-Кей полз по тоннелю, слыша позади дыхание Питера, его сердце радостно пело. Ему опять пришлось бежать от представителей власти, но ему помогла, ему желала счастья благородная девушка.

Веселый Роджер проломил ледяную корку в конце тоннеля и выбрался в тундру, над которой занимался хмурый зимний день. Небо было затянуто тяжелыми тучами, но ветер стих. На несколько часов наступило затишье, ознаменовавшее начало второго дня Черного бурана.

Взвесив все их шансы на спасение, Мак-Кей негромко засмеялся.

— Вьюга скоро опять заплещет, Хромуля,— сказал он.— Лучше всего нам будет свернуть на юг, к лесу, благо до него здесь миль двенадцать.

Он обогнул сугроб и зашагал вперед по прямой линии от первого отверстия, которое он выкопал в сугробе. А из комнаты, выкопанной разбойником, который спас им жизнь, Джозефина Тэвиш смотрела вслед серым силуэтам человека и собаки, пока они не слились с серо-белой землей и серо-белым небом зимней тундры.

Глава XV

Пробиваясь на юг сквозь метель, Мак-Кей прошел миль двадцать на юг от большого сугроба в сердце тундры. Сутки он переживал буран в низкорослом ельнике, который окаймляет безлесные равнины, простирающиеся до Ледовитого океана. Он был уверен, что тут ему ничто не грозит: ветер и снег сразу же заматали его следы. На второй день он отправился к своей хижине, выбирая кратчайшее направление. Буран по-прежнему свирепствовал над тундрой, но среди деревьев его сила уменьшалась. Мак-Кей не сомневался, что стоит метели утихнуть, и полицейский патруль легко разыщет его хижину. Портер и Тэвиш его не беспокоили. Но он знал, что от Брео ему не уйти. Уж Брео учует его хижину! А поэтому он хотел побывать в ней раньше, опередив полицейских.

На вторую ночь он никак не мог уснуть. Его рассудком овладело какое-то лихорадочное безумие: мысли беспорядочно метались, словно сказочный волк-оборотень, рыщущий в поисках добычи. Они не слушались его и не давали ему спать, хотя он изнемогал от усталости. Он вспоминал последние годы своей жизни, вспоминал, сколько раз ему удавалось спастись от полиции и как теперь он едва не попал к ней в руки. Воображение, точно безжалостный следователь, показывало ему, что сеть стягивается все туже и что в следующий раз ему уже не спастись. А потом, точно смягчившись, оно вдруг перенесло его на зеленый луг под синим небом у Гребня Крэга — к Нейде.

Теперь это казалось сном. Неужели все это действительно было? Спокойные месяцы на границе населенных мест, где он встретил Нейду и она полюбила его, а когда он признался ей, что он разбойник и скрывается от полиции, захотела разделить с ним его жизнь. Он закрыл глаза и перенесся в последний грозовой вечер, который провел у Гребня Крэга. Он вновь был в хижине старичка миссионера, за окном сверкали молнии, грохотал гром, а он обнимал Нейду, чувствовал прикосновение ее губ, смотрел в глаза, полные отчаяния и мольбы. Потом он увидел, что она, скорчившись, лежит возле стула и спутанные волосы скрывают от него ее побелевшее лицо — такой он увидел ее в ту последнюю минуту, когда в нерешительности оглянулся, перед тем как распахнуть дверь и скрыться в бурном мраке ночи.

Мак-Кей со стоном вскочил на ноги, отгоняя видения, и подбросил хвороста в костер. Он крикнул Питеру то, что уже столько раз говорил и ему и себе:

— Если бы мы взяли ее с собой, Хромуля, это было бы убийство! Хуже убийства!

Он оглянулся на вихри снега, крутящиеся в свете его костра, и прислушался к плачу ветра среди деревьев. За кругом света во все стороны уходила пелена снега. Мороз достигал сорока градусов. И Мак-Кей тоскливо обрадовался, что сейчас с ним нет Нейды.

Он плотнее закутался в одеяло, устался на огонь и начал мечтать о несбыточном. Среди языков пламени возникало лицо Нейды — призрачное, очень юное, почти: детское лицо, но в ее глазах светилась вся сила ее любви. Веселый Роджер заворуженно смотрел на огонь, и ему уже чудилось, что его мечты претворяются в действительность: Нейда была рядом с ним, ее глаза гово-

рили о любви, мужестве и верности. Он обнимал ее, чувствовал ласковое прикосновение ее волос и губ, тепло ее рук, обвивающих его шею. Он даже слышал, как бьется ее сердце, но тут посреди костра вдруг возникло лицо Желтой Птицы. Он увидел большие глаза индианки, она что-то говорила ему. Пламя вилось у ее кос, ее губы двигались, а потом она исчезла, но медленно, словно вознеслась вместе с дымом костра к черному небу.

Питер услышал крик своего хозяина. Веселый Роджер вскочил, сбросил одеяла и принялся расхаживать взад и вперед, пока не протоптал в снегу глубокую тропинку. Он понимал, что это сонный бред, что было бы безумием в него поверить — и все-таки верил, потому что хотел верить. Потому что неизбывное отчаяние вновь сменилось исчезнувшей было надеждой. Черный хаос в его душе рассеялся. В конце концов он присел на корточки и зажал в ладонях колючую морду Питера.

— Хромуля, ведь она говорила, что все кончится хорошо! — воскликнул он совсем другим голосом. — Желтая Птица это говорила, верно? В старые времена ее сожгли бы, как колдунью, потому что она говорит, будто может послать свой дух куда захочет и видеть то, чего другие люди не видят. Пусть это не так, а мы с тобой все равно будем в это верить. — Он рассмеялся. — Будем верить, что они обе побывали здесь сегодня, — продолжал он. — И Нейда, и Желтая Птица. Я верю, потому что во всем этом есть свой смысл!

Веселый Роджер выпрямился, и Питер увидел на губах хозяина знакомую улыбку, когда тот, запрокинув голову, стал смотреть на снежные вихри, проносящиеся над темным пологом еловых ветвей. Завывание бури уже не казалось Мак-Кею зловещим и насмешливым — теперь ему чудились в нем ободряющие голоса, которые требовали, чтобы он не отступал от принятого решения.

И он сказал, широко раскинув руки:

— Питер, мы пойдем назад, к Нейде!

Наступил рассвет, но вокруг ничего не переменилось. Только темнота стала не такой густой. Глаз теперь различал закутанные в иней стволы, а в смутной сумятице в вышине вырисовывались острые верхушки елей.

Когда Веселый Роджер отправился дальше к своей хижине, в нем кипело волнение, согревавшее его и разгонявшее усталость после бессонной ночи. Ему казалось, что вьюга начинает стихать и в воздухе потеплело, однако над безжизненной равниной ветер по-прежнему с

ревом гнал снежные смерчи, а термометр показывал сорок один градус ниже нуля. Но Веселому Роджеру чудилось, что полный колючей ледяной пыли воздух уже не обжигает так, как прежде, и там, где вчера он видел только кривые приземистые елки, засыпанные снегом, теперь в белесом свете дня вновь возникал пейзаж, исполненный дикой сумрачной красоты, и не хватало только солнца, чтобы все вокруг оделось невообразимым великолепием. Однако солнце так и не показалось. Впрочем, Мак-Кей этого не заметил: его мысли были заняты Нейдой и планами возвращения к ней, домой.

— Вот именно домой! — сказал он Питеру, который трусил за ним по лыжне. — Отсюда до Гребня Крэга тысяча миль — тысяча миль снега, льда и бог знает чего еще. Но мы доберемся туда.

Теперь Веселый Роджер твердо знал, что он будет делать. Ему казалось, что он выздоровел от тяжелой болезни. Он натворил глупостей. Ему давно следовало спокойно обдумать свое положение. Да, конечно, у Гребня Крэга, на границе цивилизованных мест, его может ждать петля, но ведь мрачная тень виселицы всюду следует за ним по пятам. Он всегда убегает от кого-то, будь то Кассиди, Брео, Тэвиш или еще кто-нибудь, облаченный в красный мундир королевской северо-западной конной полиции. И так будет до самого конца. А когда этот конец настанет, когда они все-таки схватят его, то будет лучше, если это случится у Гребня Крэга, а не здесь, у края Голых Земель.

А кроме того, оставалась безотчетная, нелепая надежда, что вместе с Нейдой он все-таки сумеет отыскать тот таинственный, безопасный и счастливый приют, тот Далекий Край, о котором говорила Желтая Птица, обещая, что там «все кончится хорошо». Мак-Кей не был по-настоящему суеверен и в глубине души относился к колдовству Желтой Птицы весьма скептически, но сейчас он цеплялся за ее слова, как утопающий цепляется за соломинку. Он черпал энергию в этой надежде и наперекор рассудку верил Желтой Птице. Он убеждал себя, что многие ее предсказания уже сбылись. Разве не Желтая Птица предупредила его в ту душную ночь о приближении Кассиди? И, наверное, ее добрым духам он обязан тем чудом, которое произошло у ручья Хромого Лося! И они же предсказали то, что случилось в тундре. Ну, а в таком случае почему бы не предположить, что и все остальное тоже сбудется?

Впрочем, Мак-Кей предпочитал меньше думать на эти темы. Его гнало вперед одно желание, заслоняющее все остальное,— он хотел вновь увидеть Нейду наяву, а не во сне, вновь обнять ее, поцеловать, как в былые дни, почувствовать легкое прикосновение ее волос к лицу и вновь услышать от нее клятву в вечной любви, которую она дала ему в тот далекий вечер в хижине миссионера. Ну, а потом... его не очень тревожило, что будет потом. Пусть приходит Хорек-Брео, или Портер, или кто-нибудь еще в красном мундире конной полиции, которая неумолимо преследует его. Если игра кончится так, он будет доволен.

Когда Веселый Роджер сделал привал, чтобы вскипятить чаю и съесть чего-нибудь горячего, он попытался растолковать Питеру эту новую цель своей жизни.

— Самое главное — благополучно добраться туда... — начал он, а в голове у него роились планы.

И Мак-Кей, завтракая разогретой лепешкой с куском жирной грудинки, продолжал объяснять Питеру, на что он теперь надеется. Веселый и уверенный тон хозяина пробуждал в Питере радостное волнение. Этот тон сулил всякие приключения, и баки Питера грозно топорщились, глаза блестели, а хвост бодро стучал по снегу.

Веселый Роджер даже тихонько засмеялся.

— Сейчас февраль, — сказал он. — К концу марта мы будем там. У Гребня Крэга, Хромуля!

И они пошли дальше, торопясь добраться до хижины прежде, чем в четыре часа дня ночной мрак окутает их толстым одеялом. Веселым Роджером вдруг овладело странное ощущение: он по-новому осознал, как бесконечно пустынен окружающий мир. Словно повязка спала с его глаз, и он постиг истину: все утратило для него значение, кроме Нейды. Только для нее он жил. Ведь там, далеко-далеко, она простирала к нему руки и умоляла его беречь себя. Единственный человек в мире, которому он нужен! Ему вспомнилась одна из потрепанных книжечек, лежавших в его заплечном мешке, — в ней рассказывалось о Жанне д'Арк. И он подумал, что в синеглазой девушке, которую он оставил у Гребня Крэга, живет тот же великий дух и несокрушимая верность, которые вели французскую героиню.

— И я иду к ней. Иду!

Это последнее слово он произнес вслух, почти прокричал в знак того, что их ничто не остановит. И Питер залаял в ответ.

Но как они ни торопились, темнота застигла их еще в пути. Когда начало смеркаться, метель заметно утихла — по-видимому, буран истощил свои силы. Веселый Роджер понимал, что это означает. Утром небо прояснится, и Хорек-Брео вместе с Портером и Тэвишем покинет гостеприимный сугроб.

Весь его опыт и знание лесной жизни Севера подгоняли его. Как ни странно, он всем сердцем желал, чтобы вьюга продолжала бушевать. Ему надо было успеть кое-что сделать, пока она еще длится. И каждый раз, когда затишье кончалось и над тундрой снова принимался свистеть и завывать ветер, а вершины елок — скрипеть и гнуться, его это радовало. В сгущающемся мраке они вышли к невысокому длинному холму, который тянулся наискось через открытую тундру к лесу, где стояла их хижина. Они добрались до нее через час. Веселый Роджер открыл дверь и, пошатываясь, перешагнул порог. На мгновение он прислонился к стене, вдыхая чуть более теплый воздух. Дышал он с присвистом и вдруг с удивлением заметил, что совсем измучен. Он услышал, как Питер тяжело упал на пол.

— Устал, Хромуля?

Он с трудом заставил разомкнуться свои потрескавшиеся губы.

Питер в ответ постучал хвостом по половицам. Этот стук совпал с одним из тех затиший, которые внушали Веселому Роджеру такую тревогу.

— Еще бы два часа метели, — пробормотал он, облизывая губы. — А не то...

Он стянул рукавицы и нащупал спички, думая о Брео. Он боялся только его. Если буран уже кончился, Хорек конечно, отыщет хижину и его след.

Мак-Кей зажег жестяную лампу на столе и, вспомнив, что экономия ему больше ни к чему, поставил в дальних углах хижины по свече из медвежьего сала. Небольшая комнатуха была теперь ярко освещена. Но свет не озарил ничего особенно интересного — стол, сколоченный им самим, стул, старую железную печурку да одеяло на нарах, которым он накрыл остальное свое имущество. За печкой лежали сухие дрова, и через пять минут рев пламени в жестяной трубе присоединился к вою ветра, опять поднявшегося снаружи.

Не обращая внимания на усталость, Веселый Роджер хлопотал у стола и печки. Едва в комнате потепле-

ло, он сбросил верхнюю одежду и начал готовить настоящий пир.

— Будем считать, что сейчас рождество, Хромуля, и поставим на стол все, что у нас есть. И съедим всю банку маринованных слив, вместо того чтобы взять всего шесть штук. Сегодня мы можем ни в чем себе не отказывать!

Даже Питер был поражен бездумной расточительностью хозяина. Через час они пообедали, и Мак-Кей завершил трапезу двумя кружками горячего кофе. Он почувствовал себя отдохнувшим и откинулся на стуле, позволяя себе еще несколько минут покурить трубку. Питер, объевшийся мяса карибу, растянулся на полу, думая вздремнуть. Но ему не спалось. Он никак не мог понять, что происходит с его хозяином. Тот вдруг встал, надел тяжелую доху и шапку, а трубку сунул в карман. Потом всунул руки в ремни заплечного мешка, вскинул его на спину и, к вящему недоумению Питера, вылил полбутыли керосина на сухие дрова позади раскаленной печки и поднес к ним зажженную спичку. Питер растерянно тявкнул: одним пинком хозяин опрокинул печурку на пол!

Полчаса спустя, когда Питер и Веселый Роджер у вершины холма оглянулись назад, над угрюмым хаосом северной пустыни, которую они покидали, поднимался огненный столб. Со стороны тундры налетал бешеный ветер, бросая им в глаза колючую снежную пыль. И все-таки Веселый Роджер продолжал смотреть.

— Хорошо горит! — пробормотал он в меховой воротник. — Через полчаса все выгорит дотла. И если ветер продержится еще два часа, Брео тут ничего не найдет — ни хижины, ни следов, одни сугробы.

Мак-Кей зашагал вниз по склону холма. Он шел прямо на юг, придерживаясь открытой тундры, где снежные вихри сразу же заносили след его лыж. Теперь темнота его не тревожила. Перед ним простирались просторы тундры, но чуть западнее начинался лес. Два раза Мак-Кей сбивался с пути и выходил к опушке ельника, но тут же возвращался в тундру, следя за тем, чтобы ветер дул ему точно в спину. Он не знал, сколько времени шел так. Потом принялся отсчитывать шаги, отмеряя полмили, милю... И опять начинал считать, пока наконец ему не стало казаться, что на какие-нибудь пятьсот шагов он тратит неимоверно много времени и усилий. В ноге точно заныл зуб: это было предвестие лыжной судороги.

Мак-Кей ухмыльнулся окружающему мраку. Он знал, что это означает — предупреждение такое же грозное, как первая судорога, сводящая ногу пловца. Если он попробует идти дальше, то скоро ему придется ползти на четвереньках.

Он быстро повернул к лесу. По его расчетам, с той минуты, когда он поджег хижину, прошло около трех часов. Через полчаса (теперь он продвигался медленнее, стараясь шагать не столь размашисто) он добрался до опушки. Удача и здесь его не покинула, о чем он немедленно сообщил Питеру: они оказались в густом ельнике. Мак-Кей снял лыжи, которые здесь только мешали, и углубился в чащу. Там было гораздо теплее, а ветер не проникал туда вовсе.

Веселый Роджер развязал заплечный мешок и вытащил из него сухой смолистый сук, который захватил из хижины. От первой же спички сук запылал, как факел, и осветил их убежище на десяток шагов. Мак-Кей набрал валежника и срубил елку — брошенная в костер, она будет тлеть до утра. Когда факел догорел, костер уже был разведен. Веселый Роджер разгреб снег и, завернувшись в одеяло, залез вместе с Питером в глубину большой кучи лапника, которую он навалил на толстый ковер опавшей хвои.

Елка всю ночь потихоньку горела. В тундре еще долго завывал ветер. Но потом он утих, и мир охватило великое безмолвие. Ни одно живое существо не осмелилось выбраться из своего убежища в первые часы после прекращения бурана. Небо постепенно прояснялось. Между тучами кое-где замелькали звезды. Но Веселый Роджер и Питер, спавшие мертвым сном, ничего не знали об этих переменах.

Глава XVI

Прошло много часов, и наконец Питер разбудил Роджера — сначала он обнюхал еще тлеющие угли костра, а потом встревожился и потыкался носом в лицо хозяина. Мак-Кей сел, сбросив с себя лапник, и увидел, что верхушки елей освещены солнцем. Он протер глаза и посмотрел еще раз. Потом достал часы — было десять часов утра. Он взглянул в сторону тундры и увидел, что она ослепительно сверкает в солнечных лучах. Веселый Роджер уже давно не видел настоящего солнца, и они

с Питером побежали к краю тундры, до которого было шагов сто. Веселому Роджеру захотелось кричать во весь голос. Белая равнина перед ним до самого горизонта сияла нестерпимым блеском, а небо над ней было таким же чистым и синим, как над Гребнем Крэгга.

Мак-Кей вернулся к костру, распевая. И Питер вдруг вспомнил то далекое время, когда его хозяин часто так распевал. Это было в хижине индейца Тома, где за ручьем виднелся Гребень Крэгга,— до того, как Теренс Кассиди вынудил их искать другое убежище, в те счастливые дни, когда к ним приходила Нейда и они отправлялись на свидания с ней у Гребня, когда серая мышка-мать счастливо жила со своими мышатами в коробке на их полке. Питер совсем забыл то время, но теперь вдруг все вспомнил. Его хозяин опять стал прежним Веселым Роджером.

В это тихое ясное утро песня Мак-Кея разносилась на милю вокруг. Но он больше ничего не боялся. Как ебюга словно обновила мир, так солнце рассеяло уныние в его душе. Оно обещало счастье. Удача была на его стороне. Жизнь была на его стороне. Природа, которую он так любил, снова раскрывала ему свои объятия, и он пел, словно от Нейды его отделяла всего лишь миля, а не тысяча миль.

Когда после завтрака они снова тронулись в путь, Веселый Роджер расхохотался при мысли о том, как Брео ищет его след, уничтоженный ветром, снегом и огнем. Это было не по силам никакому человеку, даже Хорьку.

Весь первый день их пути на юг солнце сияло в небе с восхода до заката. Ни единое облачко ни разу не омрачило его блеска. И настолько потеплело, что Веселый Роджер отбросил меховой капюшон и поднял уши своей шапки. А ночью в небе загорелись мириады звезд.

После этих первых суток надежды Веселого Роджера и его собаки переросли в неколебимую уверенность. Питер знал, что они идут на юг, куда ему всегда хотелось вернуться, и каждый вечер у костра Мак-Кей отмечал карандашом на листке бумаги, сколько они прошли за день и сколько еще им остается пройти. Он уже ни в чем не сомневался. Он и не думал о том, что у Гребня Крэгга что-нибудь могло перемениться: Джед Хокинс был убит, а Нейда осталась у старичка миссионера, которому он ее поручил. И он беззаботно предвкушал радость их встречи. Единственной угрозой был Брео и дру-

гие ишейки закона. Но если он их перехитрит, то увидится с Нейдой.

Они неуклонно шли на юго-запад, пока не добрались до Телона, а оттуда в метель и лютые морозы направились через дикие леса, не нанесенные ни на одну карту, к замерзшим речкам озера Дубонт. За первые три недели они только один раз приблизились к человеческому жилью — Веселый Роджер свернул к небольшому индейскому стойбищу купить мяса карибу и мокасины для Питера. Потом на пути к озеру Годс они дважды останавливались в хижинах трапперов.

В начале марта они добрались до бассейна Потерянного озера; теперь до Гребня Крэгга оставалось триста миль.

И вот там Питер учуял под мягким снежком мерзлые куски оленьего мяса — отравленную приманку для волков, которую разбросал Буало, траппер-француз. Веселый Роджер уже разложил костер и начал разогревать олений жир, собираясь испечь лепешку, когда к нему подполз Питер, волоча задние ноги, уже парализованные действием стрихнина. В одно мгновение Мак-Кей влил весь теплый растопленный жир в горло Питеру и, поспешно разогрев новую порцию, закатил ему и вторую дозу, так что в конце концов Питер срыгнул отравленное мясо.

Полчаса спустя Буало, который мирно обедал у себя в хижине, удивленно вскочил на ноги: дверь без стука распахнулась, и порог перешагнул незнакомец с бледным, перекошенным лицом, держа на руках безжизненное тело собаки.

И долго после этого тень смерти витала над охотничьей хижинкой француза. Для Буало, хотя он горячо сочувствовал собрату-трапперу и жалел, что из-за его приманки случилась такая беда, Питер тем не менее был «всего-навсего собакой». Но когда он увидел, как дрожат широкие плечи незнакомца, склонившегося над парализованным псом, и услышал, какого горя исполнены бессвязные слова, срывающиеся с побелевших губ, он почувствовал даже некоторый страх. Питер лежал как мертвый, и Веселый Роджер вдруг обхватил руками его неподвижное тело и, прижав лицо к жестким кудряшкам на шее, начал просить его открыть глаза, не умирать. Буало перекрестился, ощупал Питера и принялся растолковывать Мак-Кею, что собака жива, что ее сердце бьется ровно и сильно, а паралич, вызванный ядом, как

будто начинает проходить. Мак-Кей посмотрел на француза, как на чудотворца. Он выпустил Питера из объятий, отодвинулся и, стоя на коленях возле нар, молча наблюдал, как Буало, заняв его место, вливает Питеру в горло теплое консервированное молоко. Вскоре глаза Питера открылись, и он глубоко вздохнул.

Буало оглянулся и пожал плечами.

— Он хорошо дышит, мосье... Яд уже перестал действовать. Ваша собака не умрет.

Мак-Кей ошеломленно поднялся на ноги. Он пошатнулся и тут только почувствовал, что лицо у него мокро от слез. Из его груди вырвался смех, похожий на рыдание, он отошел к окну и уставился, ничего не видя, на белый лес за окном. Он не раз встречался со смертью лицом к лицу, но никогда еще ее присутствие не навредило на него такого ужаса, как в этот час, когда она совсем близко подступила к Питеру, верному товарищу его скитаний.

Когда он отвернулся от окна, Буало уже укутал Питера в одеяло и укрыл его медвежьей шкурой. Но прошло много дней, прежде чем Питер совсем оправился от изнурительной болезни, которую вызвало у него отравление.

Весна рано пришла на Север в этом году. К югу от Оленьего озера снег начал сходить во второй половине марта, а в первую неделю апреля на реках уже таял лед. Дули юго-западные ветры, и Буало повторял, что такой теплоты в это время года тут еще никогда не бывало. К концу первой недели апреля Питер совсем окреп, и Мак-Кей снова отправился в путь.

Часть зимнего снаряжения он оставил в хижине Буало и теперь путешествовал налегке, рассчитывая добраться до Гребня Крэгга прежде, чем новорожденная «луна гусяного перелета» пойдет на ущерб. Однако Питер в первые дни быстро уставал, и пока краснота по ободку его глаз не исчезла совсем, Веселый Роджер вынужден был умерять свое нетерпение, так что «луна гусяных перелетов» уже сменилась майской «лягушачьей луной», когда они наконец спустились по последнему склону Водораздела и оказались среди лесов и озер Южной Канады.

Роджер был так рад, что ему уже казалось, будто не беда, а милость судьбы задержала его в пути для того, чтобы он вернулся «домой» в самый разгар весны. Всю-

ду вокруг слышалась таинственная музыка обновления и пробуждения жизни. Ею дышали и небо, и солнце, и благоуханная земля, по которой ступали его ноги, и одетые первой зеленой дымкой деревья, и щебет птиц, вернувшихся с юга. Его приятельницы сойки снова кричали хрипло и весело, ссорясь и хвастая в теплых солнечных лучах; над полянами мелькал черный атлас вороньих крыльев; дятлы, сорокопуты и ореховки летали взад и вперед, хлопотливо занимаясь устройством гнезд; куропатки пировали, склевывая набухшие тополиные почки, а в золотой час заката он услышал песню первой малиновки.

И до Гребня Крэгга оставался один день пути!

Эту последнюю ночь Веселый Роджер просидел у костра, куря трубку и лишь изредка задремывая. Чуть только небо начало сереть, он уже отправился в путь, шагая так быстро, что Питер, против обыкновения, бежал не впереди него, а сбоку, и еще задолго до полудня они увидели впереди горную грядку, за которой лежало болото индейца Тома, луга Нейды и Гребень Крэгга.

В полдень Веселый Роджер вышел к перевалу. Он тяжело дышал, потому что ему не терпелось поскорее увидеть знакомые места и он взбирался по обрывистому склону почти бегом. Но вот, еле переводя дух, он устремил жадный взгляд на знакомую долину и не сразу понял, что означает открывшийся перед ним вид. А в следующую минуту сердце оборвалось у него в груди.

У его ног всюду, насколько хватало глаз — на восток, на запад и на юг, — простиралась черная пустыня пожара. Огонь добрался до подножия гряды, на гребне которой стоял Веселый Роджер, и там, где он бушевал, нельзя было заметить ни единого признака весны, развернувшей свое величие у него за спиной.

Мак-Кей посмотрел туда, где стояла хижина индейца Тома. На месте лесного болота виднелись теперь только тысячи черных пней и обугленных стволов, оставшихся от дремучей чащи елей, кедров и сосен, где по ночам были волки.

Он искал глазами лес ниже по течению Быстрого ручья, где прежде стояла хижина старичка миссионера и где в своих мечтах он встречал Нейду. Но вместо этого леса он увидел черный, унылый пустырь.

Тогда он перевел взгляд на Гребень Крэгга и увидел встающие из-за его лысой бесплодной вершины обугленные стволы — знаки гибели и опустошения, уродующие весеннюю синеву небес.

У него вырвался крик, полный отчаяния и ужаса,— сбылось пророчество Желтой Птицы! На этот раз он вспомнил, как она говорила, что у Гребня Крэгга его ждет только чернота и что там он не найдет Нейды. В его ушах словно звучал музыкальный голос индианки, вновь и вновь повторяющий эти слова.

Застонав, Мак-Кей как безумный сбежал в долину и, не выбирая пути, торопливо зашагал напрямик через завалы и груды золы. Питер с трудом поспевал за ним. Через полчаса они добрались до того места, где стояла хижина миссионера, и увидели пепелище, на котором валялись черные головни. От тропы не осталось и следа. Прежний райский уголок исчез, погубленный пожаром, мрачное клеймо которого неизгладимо легло на землю.

Питер слышал всхлипывающие звуки в горле своего хозяина. Он и сам понимал, что случилась какая-то беда; он осторожно нюхал воздух, зная, что они вернулись домой,— и все-таки это был не дом! Он инстинктивно поглядел на Гребень Крэгга, и Веселый Роджер, заметив, что Питер пристально смотрит на расселину, за которой стояла хижина Джеда Хокинса, внезапно воспрянул духом. Возможно, пожар туда не добрался, и, значит, Нейда там, а может быть, и отец Джон...

Мак-Кей пошел к расселине. До нее было около мили, и с каждым шагом его надежда угасала, так как он видел вокруг все больше свидетельств того, какой огненный океан захлестывал склоны Гребня. Они пересекли луг, где когда-то в молодом ельнике цвели фиалки и аллея земляника. Когда они спустились в неглубокую ложбину, Питер вновь услышал всхлипывающий звук и вдруг узнал это место: прежде здесь была полянка, где они с хозяином встречали Нейду. И тут Питер, забыв про хозяина и про осторожность, опрометью бросился к расселине, разделявшей Гребень Крэгга пополам.

Веселый Роджер тоже побежал, и когда расселина осталась позади, ноги у него подкашивались от нечеловеческого напряжения и страха. Задохнувшись, он вскрикнул от радости и прислонился к скале. Впереди расстилась та же черная пустыня, что и позади, но хижина Джеда Хокинса уцелела! Огонь подкрался к самому ее порогу и погас!

Мак-Кей пошел к прежнему жилищу Нейды и у закрытой двери увидел Питера. пес стоял неподвижно, словно чем-то встревоженный. Веселый Роджер толкнул

дверь, и в лицо ему пахнуло сыростью. Хижина была пуста. Ее наполнял могильный сумрак.

Мак-Кей заставил себя переступить порог. Топоча лапками, кинулась в щель тощая лесная крыса, зашелетели обрывки бумаги, и все погрузилось в безмолвие смерти. Дверь комнатухи, где спала Нейда, была открыта, и он прошел туда. Его взгляд упал на голые доски кровати — больше ничего в комнате не было.

Веселый Роджер бродил по хижине точно оглушенный, а Питер бесшумно следовал за своим хозяином. Они вышли наружу, и Веселый Роджер вдруг увидел, что в отдалении над пустыней пожарища что-то угрюмо торчит. Это был крест, наспех сколоченный из двух молодых деревьев, — пламя обуглило их, но крест остался стоять, черный и зловещий.

Он медленно сжал кулаки: под этим крестом покоились останки Джеда Хокинса, гнусного негодяя, погубившего его жизнь.

Мак-Кей вернулся в хижину и вошел в комнату Нейды, затворив за собой дверь. Питер остался снаружи сторожить и очень долго просидел на крыльце, не слыша в хижине ни единого звука.

Когда хозяин вышел к нему, его лицо было бледно и сурово. Веселый Роджер посмотрел в ту сторону, где прежде темнел лес, через который он бежал в грозовую ночь к хижине Муни. Теперь леса не было и в помине, но тропа сохранилась, и Мак-Кей узнал тот поворот, где лежал мертвый Джек Хокинс. Еще полмили — и они вышли к железной дороге. По-видимому, здесь пожар достигал наибольшей силы — в черных далях, освещенных заходящим солнцем, не было заметно не только признаков жизни, но и ни одного уцелевшего деревца.

И вдруг Веселого Роджера охватил страх, который был ужаснее отчаяния, терзавшего его до этой минуты. Вокруг него простиралось черное кладбище — пожар пожрал тут все. А что, если Нейде и миссионеру не удалось спастись? Этот страх стал еще сильнее, когда солнце зашло и на землю опустилась темнота, принося с собой сырой холод и тяжелый запах гари.

На обратном пути к хижине Мак-Кей не разговаривал с Питером. В первой комнате на подоконнике стояла лампа, а за плитой лежали дрова. Веселый Роджер молча затопил плиту, подрезал фитиль в лампе и зажег ее. А Питер, точно испугавшись призраков минувшего, забился в угол и лежал там без движения. Мак-Кей не стал

ужинать и не закурил; он долго сидел не шевелясь, потом взял одеяла, прошел в комнатку Нейды и расстелил их на кровати. Он задул лампу и улегся, глядя в окно, через которое на Нейду столько ночей смотрела луна.

Эта ночь тоже была лунной. Небо на востоке посветлело, а вскоре из-за зубчатого отрога выглянула луна, озарив унылое пожарище и залив комнату мягким сиянием. Небо было ясным, и ни единое облачко не заслоняло круглый диск полной луны, которая, казалось, улыбалась в окошко, не зная, что Нейды тут больше нет и она напрасно освещает голые стены. Веселый Роджер вдруг понял, почему Нейда любила луну больше солнца. Лунные лучи отгораживали ее от всего мира, и Роджеру почудилось, что он видит тоненькую фигурку сидящей на постели девушки, слышит стук ее сердца, различает ее лицо и тонкие руки, простертые к луне. Сколько раз Нейда рассказывала ему о том, как она здороваается с ночным светиллом и ищет взглядом улыбающееся лицо Лунного Человека, ее небесного друга, товарища ее игр!

На мгновение Роджеру стало легче, но тут луна, словно заметив чужого в этой маленькой комнате, скрылась за облако, и все вокруг потемнело. Однако облако пронеслось, и вдруг Веселый Роджер увидел Лунного Человека. Никогда еще он не видел его так ясно, хотя Нейда не раз с очаровательной наивной верой рассказывала ему, как она дружит с Лунным Человеком, и объясняла, какие разные выражения бывают у его лица: иногда он выглядит больным, а иногда — здоровым; порой он счастливо улыбается, а порой смотрит грустно и сурово, мучимый каким-то таинственным горем, о котором она ничего не знает.

«Стоит мне посмотреть на Лунного Человека, и я всегда знаю, будет ли у меня легко на сердце или тяжело, — говорила она. — Он не забудет сказать мне об этом, даже если небо затянуто тучами и ему редко-редко удастся выглянуть в щелочку. И он очень много знает про вас, мистер Веселый Роджер, потому что я ведь ему обо всем рассказываю».

Мак-Кей осторожно встал с кровати и вышел в соседнюю комнату, а оттуда на крыльцо, и Питер с недоумением смотрел на фигуру своего хозяина, темную и неподвижную, как обгорелые стволы кругом, и даже взглянул на небо, стараясь понять, что увидел там Веселый Роджер. Но там не было ничего нового — все это он уже

видел сотни раз: бесчисленные звезды, плывущую между ними царицу-луну, прозрачные, похожие на паутину, облачка и безмолвие — великое тихое безмолвие, точно сладкий сон, когда морда лежит на коленях у хозяина.

Потом Питер услышал, как Веселый Роджер негромко сказал:

— Вот видишь, Желтая Птица говорила правду. Она ведь предупреждала, что тут все будет черно. Так оно и есть. И значит, мы разыщем Нейду там, где она обещала, — в Далеком Краю, в стране, которая лежит за лесами и болотами, там, где мы никогда не бывали, хотя и прошли немало тысяч миль по диким просторам. Там люди по воскресеньям сидят в душных церквях, и они будут смеяться над нами, Хромуля, потому что мы на них не похожи. Там мы разыщем Нейду. Отсюда ее прогнал пожар, и она ждет нас теперь в каком-нибудь поселке.

Он говорил твердо и убежденно, и тоскливое выражение исчезло с его лица, повернутого к светлому небу.

Потом он добавил:

— Сегодня мы не будем спать, Питер. Мы пойдем дальше вместе с луной.

Полчаса спустя две одинокие фигуры — человека и собаки — исчезли в направлении ближайшего поселка, до которого было миль пятнадцать. Луна смотрела им вслед и как будто одобрительно улыбалась.

Глава XVII

Из хижины Мак-Кей сначала пошел к большому утесу неподалеку от расселины, и Питер услышал, как с губ его хозяина сорвался смех, который не был смехом. Но он не поднял курчавую морду, а только тихонько заскулил. Он никак не мог понять, что, собственно, произошло и почему прежний дом так неузнаваемо изменился. Весь день, весь вечер и с тех пор, как взошла луна, он пытался разобраться в этом. Он знал, что вернулся в родные места, но тут не было зеленой травы, а бесчисленные деревья превратились в обугленные пни. Вырубку уже не окружали дремучие леса. А там, где они с Нейдой бегали наперегонки среди цветов, Гребень Крэга был теперь совсем голым, и от опаленной земли тянуло тяжелым мертвым запахом. Все это по-своему, по-собачьи он еще мог осмыслить, но одно оставалось совершенно непонятным: почему в хижине не было Нейды, почему она не ждала их здесь, хотя мир и переменялся.

Он сел, и Веселый Роджер снова услышал тоскливое поскуливание. В этом собачьем горе человек нашел некоторое утешение: было существо, которое разделяло с ним его отчаяние. И он ласково потрепал своего товарища рукой, почерневшей от сажи.

— Питер, вот с этого утеса, с этого самого места, на котором мы теперь стоим, я в первый раз увидел ее. Давно это было,— сказал он, стараясь придать бодрость охрипшему голосу.— А помнишь ельник вон там? Ты сидел у нее на коленях, маленький такой несмышлениш, запутался лапами в ее волосах и так сердито ворчал, что я тебя услышал еще издали. И тут я наступил на сучок, а она оглянулась, и я опять подумал, какая она красавица — совсем еще девочка, глаза как синие цветы, волосы блестят на солнце, а на щеках следы слез. Она плакала, Хромуля, из-за этого негодяя, который лежит вон там под крестом. Помнишь, как ты затыкал на меня, когда я подошел к вам, Питер?

Питер завил хвостом.

— То было началом,— сказал Роджер.— А это, кажется, конец. Но...— Он сжал кулаки, и его тень на скале гневно метнулась.— Но мы найдем ее, прежде чем наступит конец,— продолжал он вызывающе.— Мы найдем ее, Хромуля, даже если нам придется искать по поселкам прямо на глазах у полиции.

Он зашагал по каменистому склону, и стук его сапог гулко отдавался в окружающей мертвенной тишине. Мак-Кей снова пошел по тропе, которая вела к хижине Муни за извилистой железнодорожной линией, уходившей от Форт-Уильяма на восемьдесят миль в леса. Эта железнодорожная линия называлась «П.Д.В.» — «Порт Артур — Дулут — Вестерн». Но путь так и не был доведен до Дулута, и некоторые остряки расшифровывали эти буквы так: «Путаница, Дикость, Воровство». Не раз Веселый Роджер смеялся над всякими нелепостями, о которых рассказывала ему Нейда. Например, с поездом, проходившим здесь лишь два раза в неделю, всегда ездила ремонтная бригада; летом и осенью машинист и кондукторы собирали ягоды по лесам и ставили капканы, а как-то даже затравили медведя и гнали за ним чуть ли не до самого озера Уайтфиш, а поезд тем временем стоял посреди чистого поля и ждал. Поезд она прозвала Пушечным ядром, потому что он однажды прошел за сутки шестьдесят девять миль. Но когда в эту ночь Веселый Роджер в сопровождении Питера выбрался на железно-

дорожное полотно, ему не хотелось смеяться. Узкая темная насыпь, словно горестная строка из трагедии, уходила во мрак, теряясь в жутком море черноты.

Снова человек и собака остановились, вспоминая о том, что здесь было прежде. Питер опять заскулил, и что-то толкало его залаять на луну, как он часто лаял на нее, смеша Нейду, в дни, когда был еще беззаботным щенком.

Но хозяин пошел дальше, и Питер покорно поплелся сзади, ступая по неровным шпалам. Кругом тянулся черный хаос, а над головой простиралось озаренное лунной луной небо, и во всем был оттенок какой-то жуткой нереальности. Серебро и золото лунных лучей не могло осветить черного пепелища, и хотя в вышине путники ясно видели даже самые легкие облачка и самые далекие звезды, вокруг них там, где прежде шумели полные жизни леса, была мрачная пустота. Только две стальные полосы поблескивали в лунном сиянии да обугленные стволы угрюмо рисовались на фоне звездного неба.

Питер страдал не из-за того, что ничего не видел вокруг — его угнетало и мучило отсутствие знакомых звуков и запахов. И, весь насторожившись, он ждал, что вот-вот случится какая-то беда. Много ночей он бежал вот так рядом с хозяином во время их бесконечных скитаний, и бывало, что луна и звезды не светили совсем, так что они находили дорогу ощупью. Но всегда внизу, вокруг и наверху он чувствовал присутствие жизни. А вот в эту ночь жизни не было нигде — он не ощущал ее запаха, не слышал зова ночных птиц, шелеста совиных крыльев, плеска уток, крика гагар. Он напрасно напрягал слух, надеясь услышать хруст валежника и шепот ветра в ветвях. Его чуткий нос не улавливал ни мускусного запаха норки, ни резкой вони лисицы, ни чуть заметного запаха куропатки, кролика или толстого дикобраза. И ниоткуда не доносилось никаких звуков — ни волчьего воя, ни дробного постукивания тяжелых рогов лося о молодые деревца, ни даже лая собаки какого-нибудь траппера.

Земля молчала, и в ее молчании было что-то жуткое. Питеру даже казалось, что страшное и невидимое существо старается приглушить шаги его хозяина. Мак-Кей, который тоже замечал все, что так смущало Питера, в отличие от него, понимал причину гнетущей тишины, и его постепенно охватывал страх. Полное отсутствие какой-либо жизни вокруг показывало, насколько опустошителен был пожар. Ведь ни люди, ни животные не вернулись сюда, хотя пожар, судя по всему, случился еще прошлой

осенью, около полугода назад. Сожженный край превратился в могилу, и глубокая кладбищенская тишина показывала, что пепелище простирается на многие мили.

И с этой мыслью пришла ужасная догадка, что в подобном огненном море неминуемо должно было погибнуть много людей. Ведь огонь обрушивался на них с внезапностью приливной волны, проносился по лесам с быстротой призового скакуна, и только это узенькое железно-дорожное полотно было ненадежной спасительной нитью. Во многих местах люди могли избежать гибели только чудом. А в смолистых хвойных лесах, среди которых жила Нейда, пожар, конечно, бушевал с наибольшей силой. И, борясь с ледяным ужасом, сковывавшим его сердце, Мак-Кей вспомнил про седого старичка миссионера, отца Джона, в хижине которого укрылась Нейда в ту далекую грозовую ночь, когда Джед Хокинс лежал мертвый на тропе, уставя единственный невидящий глаз в темное небо, раздираемое вспышками молний. Отец Джон тогда обещал ему позаботиться о Нейде, и теперь Мак-Кей твердил себе, что миссионер, конечно, сумел спасти ее от огненной смерти, которая накатывалась на них, как лавина. Он говорил себе, что иначе быть не может. Он даже выкрикнул эти слова, и Питер, услышав его голос, подбежал и ткнулся мордой в ногу хозяина.

Но страх не исчез. Наоборот, он все больше терзал Веселого Роджера. Мак-Кею дважды в его жизни довелось бежать наперегонки со смертью во время лесного пожара. Но те пожары не шли ни в какое сравнение с этим. Веселому Роджеру вдруг показалось, что он слышит рев огня, что корчащаяся в пламени земля содрогается у него под ногами, что над головой у него, рассыпая искры, проносятся горящие головни, а все вокруг затянуто смрадным дымом. Всего несколько часов назад он видел место, где прежде стояла хижина отца Джона — и там и вокруг были только уголь и зола. Что, если огонь застал их врасплох и им некуда было бежать?..

Он крикнул, не находя сил смириться с неизбежным: — Этого не может быть, Питер! Не может! Они добрались до железной дороги... или до озера... и мы найдем их в каком-нибудь поселке.

Он остановился и вгляделся в лунный сумрак слева. То, что он там увидел, заставило его спуститься с насыпи, под которой тянулась канава, наполовину заполненная жидкой черной грязью. Это были остатки хижины заготовщика шпал — куча обгоревших бревен, разметенная

ветром зола. Даже здесь, у самой железнодорожной насыпи, огонь пожрал все.

Мак-Кей опять перебрался через канаву, утонув по колено в грязи, и пошел дальше. Он напрягал все душевные и физические силы, чтобы отогнать от себя безумие. Вновь и вновь он повторял вслух, что Нейда и миссионер спаслись, что он отыщет их в одном из поселков. Про полицию он и не вспоминал. Какая разница, что случится с ним? Лишь бы ему удалось найти Нейду, убедиться, что она жива, прежде чем его настигнет погоня или он попадет в засаду. Тем не менее он сознавал, что ему следует соблюдать осторожность, хотя он и готов был рисковать чем угодно, только бы увидеть Нейду.

Они шли по путям около часа, а луна, заходившая на западе, словно обернулась, чтобы еще раз посмотреть на них. Позади них, когда они оглядывались, зияла черная бездна, а впереди, там, куда падали лунные лучи, маячили смутные тени и даже можно было что-то рассмотреть. Дважды они замечали за мертвыми стволами серебряный блеск озер и около мили шли вдоль речки, слушая ее дружелюбное журчание. Но даже и здесь, где вода готовилась приветствовать жизнь, жизни не было и следа.

Прошел еще час, и Веселый Роджер с бьющимся сердцем все упорнее напрягал зрение, стараясь рассмотреть, что кроется в сумраке перед ним. До ближайшего поселка оставалось около мили — до поселка с лесопильней, деревянными плоскими горами опилок, с аккуратными деревянными домиками и лавкой, где лес подступал к самым дверям. Конечно же, обитатели поселка отстояли его от огня, и там он найдет Нейду с миссионером. Ведь отец Джон часто посещал этот поселок румяных голубоглазых финнов-переселенцев.

Но они шли и шли, а лая собак по-прежнему не было слышно, и ни один огонек не разрывал непроницаемую стену мрака. Вот наконец они миновали поворот и мост над узенькой речкой. Мак-Кей знал, что отсюда он мог бы добросить камень до первого дома поселка. Минуту спустя он окаменел на месте, ахнув от ужаса: поселка не было. На фоне лунного неба не вырисовывалось ни единого дома, ни единого живого дерева. Там, где стояла лавка и маленькая церковь, выкрашенная белой краской, глаз не различал ничего, кроме все той же смутной тьмы.

Веселый Роджер опять спустился с насыпи и долго стоял прислушиваясь, так что Питер боялся пошевелиться. Затем, приставив руки рупором ко рту, Веселый Род-

жер громко закричал, и Питер испуганно вздрогнул. Но на крик не отозвался никто — только глухое эхо прокатилось во мраке. От поселка не осталось и следа. Даже горы опилок огонь сровнял с землей.

Веселый Роджер вновь поднялся на насыпь и зашагал дальше, хрипло и тяжело дыша. Здесь побывала смерть — смерть внезапная и беспощадная. И если такая судьба постигла финский поселок, если эти сильные женщины и еще более сильные мужчины не смогли отстоять от огня свои дома, то что же могло произойти в хижине, где жили старичок миссионер и Нейда?

Мак-Кей забыл, что рядом бежит Питер. Он думал только об одном: найти хоть одного живого человека. То и дело он пускался бегом и замедлял шаг лишь для того, чтобы немного отдышаться и прислушаться. И вот во время одной из таких передышек Питер первым расслышал живой звук: откуда-то издалека доносился собачий лай.

Через полмили они увидели темный силуэт хижины, вокруг которой не вставали вопросительные знаки обгорелых стволов. В окнах не светилось ни единого огонька, но из-за хижины снова донесся собачий лай, и Веселый Роджер бросился туда. Под его подошвами теперь не шуршала зола, и он понял, что наткнулся на первый оазис жизни в этой спаленной пустыне. Он забарабанил кулаками по двери и вскоре услышал, как заскрипела кровать под тяжелым мужским телом, а потом раздался женский голос... Мак-Кей постучал еще раз, и в окне мелькнул огонек зажженной спички. Заскрипел засов, дверь открылась, и Веселый Роджер увидел перед собой мужчину в ночной рубашке, с грубым насупленным лицом и жесткой бородой. В руке он держал лампу.

— Прошу прощения, что разбудил вас,— сказал Веселый Роджер,— но я всю зиму провел на севере и вот вернулся к друзьям, а тут, кроме гари, ничего нет. Вы первый, кого я могу о них спросить.

— А где они жили-то? — пробурчал бородач.

— У Гребня Крэгга.

— Господи боже ты мой! — донесся из глубины комнаты голос женщины.

— У Гребня Крэгга было самое пекло, да еще поздней ночью,— объяснил мужчина.

Веселый Роджер уцепился за косяк, чтобы устоять на ногах.

— Так, значит...

— Там мало кто спасся,— пробурчал бородач, слово желая поскорее избавиться от непрошеного гостя и снова лечь спать.— Если это вы про Муни, так он сгорел. И Робсон, и швед Джейк, и вся семья Адамсов — никто живым оттуда не выбрался...

— Нет-нет,— перебил Веселый Роджер, в чьем сердце надежда боролась с отчаянием,— я хотел узнать у вас про отца Джона, миссионера, и про Нейду Хокинс... которая жила у него... а может быть, у своей приемной матери в хижине Хокинса.

Мужчина покачал головой и привернул фитиль лампы.

— Ни про девушку, ни про старую ведьму, ее мамашу, я ничего не знаю,— ответил он.— А вот миссионер — так он спасся и ушел куда-то в поселки.

— Один или с девушкой?

— Никакой девушки с ним не было,— опять донесся женский голос, и кровать заскрипела так, что Питер насторожил уши.— Отец Джон побывал у нас на второй день, как пожар кончился, и сказал, что хоронит мертвых. Нейды Хокинс с ним не было. И он не говорил, кто погиб, а кто спасся, да только...

Муж повернулся к ней, и она умолкла.

— Что вы знаете? — спросил Веселый Роджер, переступая порог.

— Знать-то я не знаю,— ответила женщина,— а только думаю, что она не спаслась. Ведь старуха, жена Хокинса, попала в огонь, когда бежала к озеру.

Бородач взялся за дверь, явно собираясь ее захлопнуть.

— Ради бога, погодите,— умоляюще сказал Веселый Роджер, упираясь в дверь плечом.— Ведь кто-то же спасся с Гребня Крэгга и из окрестностей?

— Половина, а то и меньше,— ответил бородач.— Я же вам говорю, что там было настоящее пекло. И хуже всего то, что огонь добрался туда в глухую ночь. А двигался он побыстрее курьерского поезда. У нас здесь расчищено двадцать акров и хижина стоит в самой середке, а все-таки мне бороду опалило, а ей волосы. И руки мы себе пообожгли. А свиньи все от жара передохли. Может, хотите заночевать здесь, приятель?

— Нет, я пойду дальше,— сказал Роджер, леденев от ужаса.— А далеко еще до конца гари?

— Миль с десять будет. Пожар там и начался, ветер дул со стороны следующего поселка.

Роджер попятился, дверь затворилась. Когда они поднялись на насыпь, он увидел, что свет уже погас, а вскоре и лай собаки замер далеко позади. Теперь Мак-Кей ощущал невероятную усталость. Надежда больше не поддерживала его, и начинало сказываться утомление двух бессонных ночей: он шел медленно, все чаще спотыкаясь о неровные шпалы. Однако он упорно гнал от себя мысль, что Нейда умерла; он так часто повторял. «Не может быть, не может быть», что эти слова звучали в его ушах, словно припев какой-то песни. А перед его глазами маячило бледное, худое лицо миссионера, который поклялся заботиться о Нейде и заходил в хижину бородатого поселенца один!

Они шли еще два часа и наконец добрались до леса, не пострадавшего от огня. Веселый Роджер расстелил одеяло под густой елью, и там они дождались рассвета. Питер растянулся на земле во всю длину и уснул, но Веселый Роджер долго сидел, прислонясь к стволу, и только когда небо начало бледнеть, ненадолго забылся в беспокойной дремоте. Его разбудило щебетание проснувшихся птиц, и он умылся в холодной воде ручья поблизости. Питер недоумевал: хозяин не развел костра, не покормил его!

Они ночевали неподалеку от поселка и пришли туда на заре. Во всех домах еще спали, и только из одной трубы в ясное утреннее небо подымался дымок. Дверь этой хижины распахнулась, на крыльцо вышел молодой человек, зевнул, потянулся и посмотрел вверх, прикидывая, какой обещает быть погода. Затем он направился в бревенчатую конюшню, и Веселый Роджер пошел за ним туда. В отличие от бородача молодой человек приветствовал его дружеской улыбкой.

— Доброе утро! — сказал он. — Раненько же вы поднялись...

Тут он заметил сажу на одежде и сапогах Веселого Роджера и землистую бледность его лица.

— Вы только что пришли сюда? — спросил он сочувственно. — Оттуда?

— Да, оттуда. Я давно не был в этих местах и пытаюсь узнать, удалось ли спастись моим друзьям. Вы знаете отца Джона, миссионера, который жил у Гребня Крэгга?

Молодой человек кивнул.

— Знаю, — ответил он. — Он хоронил моего брата три года назад. Если вы ищете его, так он жив и здоров. Че-

рез неделю после пожара он перебрался в Форт-Уильям — а было это в сентябре, восемь месяцев назад.

— А с ним не было девушки, Нейды Хокинс? — спросил Веселый Роджер, стараясь не выдать волнения, с каким он ожидал ответа.

Молодой человек покачал головой.

— Нет, он был один. Он ночевал у меня по пути в Форт-Уильям и ничего не говорил про девушку, которую звали бы Нейда Хокинс.

— А о других он говорил?

— Он был очень измучен и совсем убит случившимся несчастьем. По-моему, он вообще никого не упоминал.

Тут молодой человек заметил, что лицо Веселого Роджера посерело еще больше, и увидел отчаяние, которое тому не удалось скрыть.

— Но через наш поселок прошло немало девушек, спасшихся от пожара. И с родными и поодиночке, — сказал он ободряюще. — А как выглядела Нейда Хокинс?

— Она была совсем девочка. Я ее так и называл, — ответил Веселый Роджер холодным, мертвым голосом. — Ей восемнадцать лет, она очень красивая. У нее синие глаза и каштановые волосы, которые вьются и всегда падают ей на лоб. Вы бы ее не забыли, если бы увидели хоть один раз.

Молодой человек ласково положил руку на плечо Мак-Кея.

— Здесь она не проходила, — сказал он. — Но, может быть, вы найдете ее где-нибудь еще. Не хотите ли позавтракать со мной? У меня ночует один человек. Он идет как раз в те края, откуда вы сейчас пришли. Он кого-то разыскивает и, может, узнает от вас что-нибудь полезное. Он думает побывать у Гребня Крэгга.

— У Гребня Крэгга? — повторил Веселый Роджер. — А как его зовут?

— Брео, — ответил молодой человек. — Сержант Брео из королевской северо-западной конной полиции.

Веселый Роджер отвернулся и погладил шею лошади, которая терпеливо ждала утренней порции овса. Но когда его ладонь легла на шелковистую шерсть, он ничего не почувствовал. Сердце его налилось свинцом, и он ответил не сразу. Потом он сказал:

— Большое спасибо, но я уже позавтракал, а сейчас я иду в леса на северо-запад, к Рейни-ривер. И лучше не

говорите этому Брео про меня, а то он подумает, что я хотел от него что-то утаить. Но... Если вы любили своего умершего брата... вы поймете, что мне сейчас тяжело разговаривать с чужими людьми.

Молодой человек опять дружески положил ему руку на плечо.

— Я все понимаю,— сказал он,— и от души надеюсь, что вам удастся ее отыскать.

Они молча пожали друг другу руки, и Веселый Роджер поспешил уйти подальше от хижины, над трубой которой курился первый дымок.

Три дня спустя в городок Форт-Уильям пришел человек с собакой, который искал спасшихся от пожара миссионера, некоего отца Джона, и молодую красивую девушку по имени Нейда Хокинс. Он зашел сперва в старинную миссию, под защитой крепких стен которой еще в прошлом веке торговцы выменивали меха у индейских охотников. Отец Августин, глубокий старец, беседовавший с неизвестным, после его ухода сказал, что тот, наверное, болен, а может быть, даже и помешан.

И действительно, Веселого Роджера томило такое отчаяние, что оно граничило с безумием. Он уже не верил, что Нейде удалось спастись от огня, хотя и не нашел никаких прямых доказательств ее смерти. Впрочем, последнее не имело большого значения, так как во время сентябрьского пожара многие пропали без вести, и, хотя был уже май, о их судьбе никто ничего не знал. Зато он всюду слышал, что отцу Джону удалось спастись, что его видели здесь, и видели одного.

Отец Августин, кроме того, сказал ему, что в сентябре отец Джон провел несколько дней у них в миссии, намереваясь затем отправиться на север, куда-то к озеру Пошкокаган.

Питеру и его хозяину нельзя было мешкать в Форт-Уильяме. Веселый Роджер Мак-Кей не сомневался, что Брео уже напал на их след и идет по нему с кровавым упорством хорька — недаром же он получил такую кличку. Поэтому Мак-Кей пополнил свои запасы в маленькой лавчонке, рассчитывая, что Брео не сразу догадается наводить здесь о нем справки, и отправился через лес на север, к Пошкокагану. Он думал, что через пять-шесть дней найдет отца Джона и узнает от него всю правду, какой бы страшной она ни была.

Тягостное отчаяние хозяина сказалось и на Питере. Он не понимал слов, но чувствовал, что случилась неправимая беда, и теперь в его повадках появилось что-то волчье, и он утратил прежнюю веселость. Его зрение и чутье были постоянно настороже, и он подозрительно прислушивался к малейшему шороху. А по ночам, когда они кончали ужинать возле крохотного костра, разведенного где-нибудь в глухой чаще, Питер дремал лишь вполглаза, готовый при малейшей тревоге вскочить на ноги.

После той ночи, когда они зашли в хижину борода-того поселенца, лицо Веселого Роджера осунулось и посерело. Не раз он обдумывал, как он поступит в ту неизбежную минуту, когда его наконец настигнет Брео, охотник за людьми. После того как он покинул Форт-Уильям, он принимал меры предосторожности больше по привычке, подчиняясь смутному инстинкту самосохранения, и встреча с Брео его теперь почти не пугала. Ему вовсе не хотелось оттягивать конец. Игра была долгой, интересной и захватывающей, но теперь он устал, и без Нейды будущее представлялось ему беспросветно унылым. Если она умерла, то и ему больше незачем жить. Эта мысль несла с собой какое-то странное успокоение, и он крепким узлом завязал ремешки своей кобуры. Когда Брео догонит его, этот узел яснее всяких слов скажет, что он сдается добровольно.

Мак-Кей и Питер шли по глухим дебрям к озеру Пошкокаган, а кругом ликовала и цвела прекрасная весна. От холодного дыхания зимы не осталось и помина, и теплое лето вступило в свои права на месяц раньше срока. Но Веселый Роджер впервые в жизни не замечал красоты обновленной земли. Первые цветы не радовали его, как бывало. Он больше не останавливался, чтобы полной грудью вдохнуть сладостный воздух, напоенный ароматом смолы. Он слушал птичье пение, но прежние струны не отзывались в его душе, и музыка разлившихся речек оставляла его холодным. В крике гагар ему чудился вопль неизбежного одиночества, а вокруг его глаза видели только безжизненную пустыню.

Так он в конце концов добрался до речки Бернтвуд, впадающей в озеро Пошкокаган. И когда день начал клониться к вечеру, они с Питером услышали доносившийся из лесной чащи стук топора.

Они осторожно и бесшумно пошли на этот стук и вскоре у речной излучины посреди небольшой вырубки

увидели хижину. Она была построена совсем недавно, и из трубы шел дым. Топор продолжал стучать немного в стороне, за еловой и березовой порослью. Мак-Кей и Питер свернули туда и почти сразу наткнулись на дровосека. Веселый Роджер вскрикнул — перед ним был отец Джон.

Несмотря на пережитую трагедию, седенький старичок словно помолодел с тех пор, как Веселый Роджер видел его в последний раз. Он уронил топор, и удивление на его лице сменилось радостью, когда он увидел, кто перед ним.

— Мак-Кей! — воскликнул он, протягивая руки. — Друг мой!

Он заметил, как переменился Веселый Роджер, заметил печать отчаяния на его лице, и радость в его взгляде сменилась сочувствием и жалостью. Их руки встретились в крепком пожатии, но они молчали — говорили только взгляды. Наконец миссионер сказал:

— Вы знаете? Вам кто-нибудь сказал?

— Нет, — ответил Веселый Роджер, опуская голову. — Мне никто не говорил. — Он думал о Нейде и о ее смерти.

Отец Джон крепче сжал его руку.

— Неисповедимы пути господни, — произнес он тихо. — Роджер, вы не убили Джеда Хокинса.

Веселый Роджер тупо смотрел на него, не зная, что сказать.

— Да, да, вы его не убивали, — повторил отец Джон. — В ту самую ночь, когда вы думали, что бросили его на тропе мертвым, он благополучно вернулся к себе домой. Но несколько дней спустя он, пьяный, отправился в скалы, оступился и разбился насмерть. Бедняжка его жена пожелала, чтобы его похоронили неподалеку от хижины...

Но Веселый Роджер думал не о Брео-Хорьке и не о том, что виселица ему больше не грозит. Голос отца Джона доносился словно откуда-то издалека:

— Мы говорили про это всем, кто отправлялся на Север, надеясь, что в конце концов кто-нибудь найдет вас и вы вернетесь. И она ждала, ждала все дни и ночи...

Кто-то шел к ним от хижины — девичий голос звонко пел песню. Лицо Мак-Кея стало серее, чем пепел костра.

— Господи! — прошептал он хрипло. — Я думал... я думал, она погибла в пожаре.

Только теперь отец Джон понял, почему так изменился Веселый Роджер.

— Да нет же, она жива! — воскликнул он. — На другой день после пожара я отправил ее в эти места с проводником-индейцем напрямик через леса. А позже я оставил для вас письмо в комитете помощи погорельцам в Форт-Уильяме. Я думал, что вы первым долгом зайдете туда.

— И вот только туда-то я и не зашел! — воскликнул Веселый Роджер.

Нейда остановилась на краю вырубки, потому что из чащи на звук ее голоса выскочил какой-то странный зверь: собака, курчавая, как эрдель, с лапами гончей и тощим мускулистым телом лесного волка. Питер прыгнул на нее, как прыгал, когда был щенком, и с губ Нейды сорвался рыдающий крик:

— Питер! Питер! Питер!..

Услышав этот крик, Веселый Роджер выпустил руку отца Джона и бросился к вырубке.

Нейда стояла на коленях, обнимая косматую голову Питера, и растерянно смотрела на березовую поросль: оттуда выбежал человек и вдруг замер, словно ослепленный лучами заходящего солнца. И, ощущая ту же непереносимую слабость, она выпустила Питера и протянула руки к серой фигуре на опушке. Ее душили слезы, она хотела что-то сказать и не могла произнести ни слова. Минуту спустя к вырубке подошел отец Джон и осторожно выглянул из-за куста шиповника; он увидел обнявшуюся пару, вокруг которой бешено прыгал Питер, достал носовой платок, вытер глаза и тихонько побрел за топором, который уронил возле свежей поленницы.

Голова Роджера гудела, и в течение нескольких минут он не слышал даже заливистого лая Питера, потому что весь мир слился в судорожные вздохи Нейды и тепло ее прикосновения. Он ничего не видел, кроме повернутого к нему лица и широко открытых глаз. Да и лицо Нейды он видел словно сквозь серебристый туман и словно во сне чувствовал ее руки на своей шее — сколько раз он видел такие сны у ночных костров далеко на Севере! Вдруг Нейда вскрикнула, и он очнулся.

— Роджер... ты сейчас... меня задушишь, — прошептала она, с трудом переводя дыхание, но сама не разжала рук.

Только тогда он сообразил, что причиняет ей боль, и немножко отодвинулся, не отводя глаз от ее лица.

Если бы в эту минуту он мог увидеть себя таким, каким увидел его отец Джон, когда он вышел из леса, каким видела его сейчас Нейда, то гордость, радость и мужество бесследно улетучились бы из его сердца. С тех пор как они с Питером вышли к Гребню Крэгга, он ни разу не брился, и теперь его щеки покрывала жесткая щетина, давно не стриженные волосы были взлохмачены, глаза налились кровью от долгой бессонницы и вечного гнетущего отчаяния.

Но Нейда ничего этого не замечала. А может быть, эти свидетельства тоски и горя казались ей прекрасными. Теперь перед Веселым Роджером стояла уже не прежняя маленькая девочка. Нейда повзрослела, очень повзрослела, как показалось Мак-Кею. Она выросла, а непослушные кудри были теперь уложены в прическу. Заметив эти перемены, Мак-Кей ощутил что-то вроде благоговейного ужаса. Да, перед ним была не маленькая девочка с Гребня Крэгга, а незнакомая красавица. Это чудо преобразования свершилось всего за один год, и Роджер был испуган; наверное, Джек Хокинс не посмел бы ударить эту новую Нейду, и он боялся снова обнять ее.

Но в тот миг, когда его руки медленно разжались, он увидел то, что одно осталось прежним,— сияние ее глаз, смотревших на него с такой же любовью и доверием, как когда-то в хижине индейца Тома, когда пиратка миссис Кидд шуршала и пищала среди газет на полке, а Питер, весь перебинтованный, смотрел на них с нар, освещенных закатным солнцем. И пока он стоял в нерешительности, Нейда первая опять обняла его и положила голову ему на грудь, смеясь и плача, а подошедший отец Джон ласково погладил ее по плечу, улыбнулся Мак-Кею и побрел к хижине. Некоторое время после его ухода Веселый Роджер стоял, прижимая лицо к волосам Нейды, и оба молчали, слушая, как бьются рядом их сердца. Потом Нейда протянула руку и нежно погладила его по щетинистой щеке.

— Больше я не позволю вам убегать от меня, мистер Веселый Роджер,— сказала она, как говорила когда-то маленькая Нейда, но теперь в ее голосе появилась новая решительность и уверенность.

И когда Мак-Кей поднял голову, он увидел вокруг оза-ренный солнцем мир, который всегда любил.

Все следующие дни Питер замечал, что в хижине на берегу Бернтвуда царит какое-то странное волнение. И хотя ничего не происходило, но все равно было такое чувство, словно вот-вот что-то случится. На другой день после того, как они пришли на Бернтвуд, хозяин словно забыл о его существовании. Нейда, правда, замечала его, но и она как-то переменилась, а отец Джон усердно хлопотал по хозяйству вместе с индейцами — мужем и женой, которые жили у него. Бледное худое лицо миссионера освещала загадочная улыбка — она особенно дразнила любопытство Питера и заставляла его быть начеку. Непонятные поступки окружавших его людей приводили беднягу в полное недоумение. На третье утро Нейда не вышла из своей спальни, Веселый Роджер ушел в лес без завтрака, и отец Джон сидел за столом один, с ласковой улыбкой поглядывая на закрытую дверь комнаты Нейды. Даже Усимиска, Молодой Листок, чернокошая индианка, которая убирала дом, была какой-то странной, когда входила к Нейде, а Мистус, ее муж, пыхтя и отдуваясь, натаскал полный дом еловых веток.

Веселый Роджер расхаживал по лесу один, неистово дымя трубкой. Его била нервная дрожь, и он не мог совладать со своим волнением. Он встал еще на заре, и с тех пор ему никак не удавалось взять себя в руки.

Он чувствовал себя слабым и беспомощным. Но это была слабость и беспомощность неизмеримого счастья. Мечтая о встрече с Нейдой, он рисовал себе прежнюю девочку в рваном платье и худых башмаках, запуганную жестоким обращением приемного отца, — беззащитную маленькую девочку, которую он должен любой ценой охранять и оберегать от зла и бед. Ему и в голову не приходило, что за эти полгода, проведенные у отца Джона, «девочка, которой пошел восемнадцатый год», станет совсем взрослой.

Он пытался вспомнить, что именно говорил ей накануне вечером: что он остался разбойником, которого преследует закон, и так будет всегда, какую бы образцовую жизнь он ни начал вести теперь; что она находится на попечении отца Джона и ей не следует любить его — пусть она возьмет назад свою клятву, она будет гораздо счастливее, если просто забудет о тех днях у Гребня Крэгга.

«Ты же теперь совсем взрослая,— сказал он, подчеркивая последнее слово.— И самостоятельная. Я тебе больше не нужен».

А Нейда молча посмотрела на него, точно читая у него в душе, потом вдруг рассмеялась, тряхнула головой так, что волосы рассыпались по плечам, и повторила те самые слова, которые сказала ему давным-давно: «Без вас... я умру... мистер... Веселый Роджер»,— а потом повернулась и убежала в хижину. С той минуты он ее больше не видел.

И с той минуты его словно била лихорадка, и руки у него дрожали, когда он вынул часы и увидел, как быстро идет время.

А Питер в хижине прижимал нос к щели под дверью Нейды и слушал, как она ходит у себя в комнате, но двери она так и не открыла. Тут случилась новая загадочная вещь: Усимиска, ее муж и отец Джон убрали стены мохнатыми ветками, так что Питеру показалось, будто он опять попал на поляну в ельнике у Гребня Крэга — тем более что пол они усыпали травой и цветами.

Отчаявшись понять, что все это означает, Питер улегся под крыльцом и грелся на теплом майском солнышке, пока хозяин не вернулся из леса. А потом началось и во все непонятное. Вслед за Веселым Роджером он вошел в хижину и увидел, что Мистус и Молодой Листок чинно сидят на стульях, а отец Джон стоит за маленьким столиком, на котором лежит раскрытая книга; он смотрел на часы, когда они входили, и ласково кивнул им. Тут Питер совершенно ясно разглядел, что его хозяин судорожно сглотнул, словно у него что-то застряло в горле. Его чисто выбритые щеки стали белыми как мел. Впервые в жизни Питер видел, чтобы его хозяин так боялся, и он тихонько зарычал из-под еловых веток, ожидая, что в открытой двери вот-вот появится страшный враг.

Отец Джон постучался в дверь Нейды.

Потом он возвратился к своему столику, а когда ручка двери медленно повернулась, его хозяин опять сглотнул и сделал шаг в сторону. Наконец дверь открылась, и они увидели Нейду. Веселый Роджер тихо ахнул — так тихо, что Питер еле-еле его услышал,— и протянул к ней руки.

Это была не та Нейда, которая встретила их на вырубке у хижины отца Джона, а прежняя Нейда — девушка с Гребня Крэгга, та, с которой Веселый Роджер расстался в грозовую ночь. Ее волосы были распущены, как в те дни, когда она играла с Питером на лугах и среди скал, ее свадебный наряд был ветхим и выцветшим, потому что она надела старенькое платье, которое было на ней в ту страшную ночь, когда она послала Питера вслед за своим возлюбленным, а маленькие ножки были обуты в разбитые и изорванные башмаки, в которых она бежала за ним по лесной тропе. Отец Джон смотрел на нее с недоумением, но в глазах Веселого Роджера вспыхнула такая радость, что Нейда обняла его и поцеловала.

Потом, вся розовая, она встала рядом с Мак-Кеем перед отцом Джоном, который взял в руки открытую книгу, и, потупив глаза под длинными ресницами, вдруг перехватила растерянный взгляд Питера. Она тихонько поманила его пальцем и положила руку ему на голову. Отец Джон начал говорить, и Питер, задрав морду, внимательно слушал. Веселый Роджер смотрел прямо перед собой на еловую гирлянду на стене позади миссионера, но его голова была гордо поднята и страх исчез с его лица. А Нейда стояла совсем рядом с ним, так что ее голова касалась его плеча и ее пальчики сжимали его большой палец, как в ту счастливую ночь, когда они вместе шли по лугу у Гребня Крэгга.

Питер так ничего и не понял, но вел себя чинно и достойно. Когда все это кончилось и отец Джон, поцеловав Нейду, тряс руку его хозяина, Питер оскалил зубы и чуть было не зарычал, потому что увидел, как Нейда беззвучно заплакала, точно в те далекие дни, когда он был маленьким щенком. Но теперь ее синие глаза были широко открыты и она не спускала их с Веселого Роджера, щеки разругались, а губы чуть-чуть вздрагивали. И вдруг вместе со слезами пришла улыбка, а Веселый Роджер отвернулся от отца Джона и обнял ее. Тогда Питер завилял хвостом и выбежал на залитую солнцем вырубку, потому что там на пеньке сидела рыжая белка и насмешливо цокала.

Потом Нейда и его хозяин вышли из хижины и пошли через вырубку к молодой поросли, в которой они в день своего прихода слышали топор отца Джона.

Нейда села на поваленный ствол, и Мак-Кей сел рядом, не выпуская ее руки. Пока они шли по вырубке, он

не сказал ни слова и, казалось, был не в силах разомкнуть губ и теперь.

Не спуская глаз с травы, зеленеющей у них под ногами, Нейда спросила очень тихо:

— Мистер... Веселый Роджер... вы рады?

— Да,— ответил он.

— Рады, что я теперь... ваша жена?

Мак-Кей вместо ответа глубоко вздохнул и, подняв голову, Нейда увидела, что он смотрит в бездонную синеву над вершинами елей.

— Что я ваша жена,— повторила она и потерлась щекой о его плечо.

— Да, я рад,— ответил он.— Так рад... что мне страшно.

— Ну, если вы рады, то поцелуйте меня еще раз.

Веселый Роджер притянул Нейду к себе, сжал ее лицо в ладонях и крепко поцеловал в губы. Когда он отпустил ее, она посмотрела на него глазами, полными счастья, а потом, отстранившись, сказала требовательно:

— Вы больше не будете убегать от меня?

— Нет!

— Значит, мне больше нечего желать в жизни,— продолжала Нейда, опять прильнув к нему.— Мне ведь, кроме вас, ничего не нужно!

Веселый Роджер ничего не ответил и только чувствовал, как тихо бьется ее сердце рядом с ним, и слушал звонкий птичий щебет. И оба они были очень счастливы. Но тут Питер, которому стало скучно, неторопливо отправился исследовать солнечные глубины леса.

И, услышав эти осторожные, крадущиеся шаги, словно говорившие о том, что впереди его ждут опасности, Веселый Роджер переменился в лице. Ладонь Нейды ласково прижалась к его щеке.

— Вы меня очень любите?

— Больше жизни,— ответил он, следя за тем, как Питер принахаживается к легкому южному ветерку.

Ее палец нежно коснулся его губ.

— И я буду с вами... всегда и повсюду?

— Да, всегда и повсюду.— Но его глаза смотрели на уходящий вдаль дремучий лес и видели худое безжалостное лицо человека, который шел по его следу. Лицо Брео-Хорька.

Он обнял Нейду и прижал ее головку к своей груди.
— Только бы ты никогда об этом не пожалела,— сказал он, по-прежнему глядя на лес.

— Нет-нет, я никогда не пожалею! — негромко воскликнула она.— Пусть нам придется скитаться без приюта, и голодать, и отбиваться от полиции... и умереть. Я ни о чем не пожалею, пока буду с вами!

Он молчал, прижимая губы к мягким каштановым волосам, и Нейда начала рассказывать ему то, что он уже слышал от отца Джона: как она бежала за ним по лесу в грозу, когда он ушел из хижины миссионера у Гребня Крэгга. А Веселый Роджер, в свою очередь, рассказал ей, как Питер разбудил его на рассвете и он нашел ее подарок, который спас его от отчаяния и безумия, и как на берегу Уолластона он отдал этот подарок на хранение Желтой Птице.

Они бродили по душистому весеннему лесу, и целый час Нейда расспрашивала его про Желтую Птицу и Солнечную Тучку. Так она постепенно узнала, что в детстве он называл Желтую Птицу доброй волшебницей, а когда вырос, стал ради нее преступником. Когда он кончил рассказывать, глаза Нейды блеснули и она часто дышала.

— Когда-нибудь мы побываем там вместе! — шепнула она.— Я так горжусь тобой, мой Роджер! И я уже люблю Желтую Птицу... и Солнечную Тучку тоже. Когда-нибудь мы навестим их, хорошо?

Веселый Роджер кивнул, и грызущий страх в его сердце исчез — так он был счастлив.

— Да, мы побываем там. Я видел такой сон, и он поддержал меня, когда мне грозила смерть...

Потом он рассказал ей про Кассиди, с которым он расстался на другом берегу Уолластона в хижине старого траппера и его внуки Жизели, где рыжий капрал конной полиции нашел свое счастье.

Время шло незаметно, и только под вечер они вернулись в хижину. Нейда опять заперлась у себя в комнате и вышла, только когда свадебные яства, состряпанные Усимиской, уже стояли на столе.

И Веселый Роджер снова тихо ахнул, когда увидел ее,— так она преобразилась. Опять перед ним была новая, взрослая Нейда — от волос, красиво уложенных на голове, до изящных туфель на маленьких ножках. Руки, когда-то покрытые синяками, были теперь белоснеж-

ными, и вся ее изящная красота настолько поразила Мак-Кея, что он только тупо смотрел на Нейду, пока она не подбежала к нему и не чмокнула его в щеку так громко, что Питер наострил от неожиданности уши. Потом Нейда поцеловала отца Джона и принялась весело хозяйничать за свадебным столом.

И теперь она уже не смущалась, произнося его имя, много раз смело называла его Роджером, а дважды с застенчивым лукавством сказала даже «мой муж», и во время этого блаженного обеда Роджер Мак-Кей, закаленный невзгодами северный бродяга, не спускал полных обожания глаз со своей жены и не уставал дивиться своему счастью.

Но и в этот безмятежный час где-то в самом дальнем уголке его мозга пряталось тревожное воспоминание о Брео-Хорьке.

Глава XIX

Когда сгустились сумерки и в вышине высыпали звезды, он рассказал о своих опасениях отцу Джону.

Нейда кликнула Питера и ушла к себе, а отец Джон, обратив бледное лицо к бескрайнему великолепию небес, беззвучно шептал слова благодарственной молитвы, и вот тогда-то Веселый Роджер тихо положил руку на его плечо.

— Отец Джон,— сказал он,— какая прекрасная ночь!

— Ночь света и благодати,— ответил миссионер.— Взгляните на звезды. Они словно живые и, ликуя, ниспосылают вам свое благословение.

— И все же... мне страшно.

— Страшно?

Отец Джон взглянул на Мак-Кея и увидел, что его глаза устремлены куда-то за стену леса.

— Да, страшно — за нее.

И Мак-Кей коротко рассказал миссионеру о том, что произошло зимой в тундре, и о том, как он чуть было не попал в руки Брео, когда, вернувшись к Гребню Крэгга, искал там их с Нейдой.

— Он идет по моему следу,— закончил Веселый Роджер.— И, наверное, скоро доберется сюда.

Миссионер ласково положил руку на его локоть.

— Вы не убили Джеда Хокинса, сын мой, и это было главным утешением Нейды — и моим — все эти меся-

цы. Она думала о вас днем и ночью и верила, что вы снова увидите.

— Она мне дороже жизни — тысячи жизней, если бы они у меня были,— прошептал Мак-Кей.— Если что-нибудь случится... теперь...

— Да, если случится то, чего вы опасаетесь, что тогда? — спросил отец Джон проникновенным голосом.— Что произойдет, Роджер? Вы не убивали Джеда Хоккинса. И если правосудие заставит вас заплатить за то, что оно считает нарушением закона, так ли уж велика будет цена?

— Тюрьма, отец Джон. Возможно, пять лет тюрьмы. Миссионер негромко засмеялся и возвел глаза к сияющим звездам.

— Пять лет! — повторил он.— Сын мой, неужели пять лет большая плата за то сокровище, которое вы сегодня поклялись беречь и лелеять? Пять коротеньких лет, всего только пять. А она будет ждать вас, гордиться теми самыми вашими поступками, которые привели вас в тюрьму, и строить планы на те многие светлые годы, которые начнутся, когда кончатся эти пять коротеньких лет. Будет ждать, становясь все лучше и краше. Роджер, неужели это такая уж большая жертва, такая уж непомерная цена. Пять лет... а потом спокойствие, любовь, счастье навек! Скажите сами, Роджер!

Мак-Кей попытался ответить, но его голос прервался:

— Но как же она, отец Джон...

— Да, да, я знаю, что вы хотите сказать,— мягко перебил его миссионер.— Я уговаривал ее, приводил те же доводы, какие привели бы и вы, Роджер. Я взывал к ее рассудительности. Я объяснял, что ваше возвращение грозит вам тюрьмой, и, по странному совпадению, я тоже называл пять лет. Но она была упряма, Роджер, очень упряма и не хотела ничего слушать. И это она первая задала те вопросы, которые я задавал вам сейчас. «Что такое пять лет? — спрашивала она, опровергая мою логику.— Что такое пять лет, десять, даже двадцать, если я буду знать, что потом мы будем вместе?» Да, она была очень упрямой, Роджер. Так велика ее любовь к вам.

Мак-Кей что-то пробормотал и умолк, глядя на звезды невидящими глазами.

— А после этого, после того, как я уступил ее упрямству, она стала строить планы, как мы — она и я — поселимся вблизи того места, где будет ваша тюрьма, и как

каждый день вы будете получать от нее весточку — о ней и о вашем сыне...

— Сыне, отец Джон?

— Таковы были ее мечты, Роджер.

С придушенным криком Роджер закрыл лицо руками. Миссионер на мгновение умолк, а потом продолжал почти шепотом:

— Я много лет прожил в лесной глуши, Роджер, и мне открывались сердца многих людей. Но любовь Нейды — самое большое чудо, какое только мне довелось увидеть за всю мою жизнь. А ведь мне уже скоро будет семьдесят лет. Понимаешь ли ты это, сын мой? И разве не черпаешь ты в этом радость и бесстрашие?

Миссионер не стал дожидаться ответа, а медленно побрел к хижине, оставив Роджера наедине со звездами. И как прежде их сияние озаряло лицо отца Джона, так теперь оно озарило черты Мак-Кея, дышавшие глубокой решимостью. Ради Нейды, ради их будущего сына он не хотел приносить ту жертву, о которой говорил отец Джон. Но теперь, после разговора с миссионером, она уже не казалась такой страшной, как раньше. Теперь это была уже не трагедия, а только недолгая разлука — ведь они будут ждать его, Нейда и их сын... Вдруг он услышал шорох и, оглянувшись, увидел Нейду, которая в свете звезд показалась ему еще более стройной и прекрасной.

— Я сказал ему, — шепнул Нейде отец Джон, возвратившись в хижину. — И теперь мысль о тюрьме не будет его пугать — и из-за него самого и из-за вас.

И Нейда вышла к нему тихая и серьезная, а в ее улыбке, когда она протянула к нему руки, была новая зрелая мудрость и почти материнская нежность.

Роджер решился заговорить, только когда Нейда прильнула к его плечу и он совсем близко увидел ее глаза под длинными ресницами.

— То, что сказал мне отец Джон... это правда? — спросил он.

— Правда, — прошептала она.

Ее пальцы прокрались к его щеке, а Роджер, которому было довольно одного этого слова, прижался губами к ее пушистым волосам, и в этой полной гармонии душ они слушали тихие шепоты ночи.

— Роджер... — сказала наконец Нейда.

— Что, моя Неева?

— А что это слово значит, Роджер?

— Оно значит «возлюбленная», «жена».

— Тогда оно мне нравится. Но больше всего мне нравится, когда ты говоришь...

— Моя жена.

— Да... Я чувствую себя такой счастливой, Роджер! Твоя... жена. Это лучшие в мире слова. Это... и еще...

Она спрятала лицо у него на груди.

— И еще слово «мать»,— закончил он.

— Да,— сказала Нейда дрожащим голосом.— Моя мама, Роджер... я ее не помню. Но она мне часто снилась. И я всегда тосковала по ней. Как, наверное, чудесно, когда у тебя есть мать!

— Но, наверное, еще чудеснее быть матерью, Нейда.

— Послушай! — перебила его Нейда.

— Это поет Усимиска.

— Любовную песню?

— Да, на языке индейцев кри.

Нейда подняла голову и посмотрела на него.

— С тех пор как мы поселились здесь, весь этот чудесный мир вокруг обещал мне песню, Роджер. И когда ты вернулся, он запел и теперь все время поет — каждый час дня и ночи. Ты когда-нибудь думал, Роджер, расстаться со всем этим, уйти в один из больших городов, о которых мне столько рассказывал отец Джон?

— А тебе этого хотелось бы, Нейда?

— Побывать там — да, но не жить. Я хочу всегда жить в лесах, Роджер, где мы познакомились с тобой.

Она привстала на цыпочки и поцеловала его.

— Я хочу жить возле Желтой Птицы и Солнечной Тучки... Ну, пожалуйста, мистер Веселый Роджер! И отец Джон поедет с нами. И мы будем так счастливы там все вместе: Желтая Птица, Солнечная Тучка, Жизель и я... Ай!

Роджер внезапно обнял ее так крепко, что она невольно вскрикнула.

— Но прежде нам, наверное, придется расстаться, Нейда. Правда, ненадолго. Что такое пять лет, когда перед нами вся жизнь? Ничего... И они пройдут быстро...

— Да, они пройдут быстро,— повторила Нейда так тихо, что он с трудом расслышал ее слова.

Но он ясно расслышал рыдание, которого она не сумела сдержать. Правда, она тотчас же попробовала улыбнуться, и Роджер, зная, что так ей будет легче, сделал вид, будто ничего не заметил.

Вот так, пока в хижине их терпеливо ждали отец Джон и Питер, Нейда с Роджером под звездным небом обдумывали свое будущее.

Глава XX

Воскресенье выдалось удивительно ясное и тихое. Над Бернтвудом поднялось золотое теплое солнце, звонко распевали птицы, и когда отец Джон вышел на заре из хижины, воздух показался ему необыкновенно душистым и свежим. Он очень любил эти ранние часы пробуждения природы, сонные шорохи еще сумрачного леса и особую тишину, в которой звуки разносятся удивительно далеко.

В это утро он услышал собачий лай, хотя собака была по крайней мере в миле от него, и Питер, который его сопровождал, немедленно поставил уши торчком. Миссионер не в первый раз замечал эту вечную готовность Питера встретить опасность, настороженность, с которой он то и дело нюхал воздух, и постоянную бдительность его глаз и ушей. Мак-Кейобъяснил ему, почему Питер стал таким. Но теперь, пока они с Питером спускались к заводу, отец Джон как-то по-новому воспринял все это. Ночь напролет миссионер, забыв о словах надежды и утешения, которые сам же произносил так недавно, раздумывал об угрозе, нависшей над Мак-Кеем,— угрозе страшной и неотвратимой.

И все же... пять лет — это такой короткий срок! Любое пятилетие его собственной жизни теперь, когда он вспоминал их, казалось не длиннее пяти минут. Восемь пятилетий назад он впервые увидел ту девушку с милым лицом, которая стала для него всем миром, как Нейда для Роджера, и хотя с тех пор, как он ее потерял, прошло тридцать лет, время пронеслось так быстро, что ему порой чудилось, будто всего несколько часов назад он держал ее в объятиях и слышал ее голос. Однако будущие пять лет, в отличие от прошедших, были вечностью, и отец Джон думал о них с тоской, глядя в зеркало заводи, в котором отражалось небо, розовевшее над верхушками сосен.

Пять лет! А ведь он уже старик. Для него это время ожидания будет невыносимо долгим и тягостным. Но Роджер и Нейда так молоды! И эти пять лет, когда они будут вспоминать про них потом, покажутся им совсем

коротенькими. Отец Джон продолжал размышлять о долгой жизни, которую он прожил, и о том недолгом сроке, который ему еще осталось прожить, и им все сильнее овладевало яростное желание оградить эти пять лет от оскверняющего вторжения закона — и не только ради Нейды и Роджера Мак-Кея, но ради себя. На закате своей печальной жизни он обрел радость и утешение в их любви, и мысль о том, как безжалостное и заблуждающееся правосудие расправится с этой любовью, пробуждала в нем гнев и протест, которые более приличествовали бойцу, чем смиренному служителю божьему.

Миссионер тщетно боролся с этим, как он считал, греховным чувством. А когда позднее за завтраком он смотрел на счастливые лица Нейды и Роджера, его томил стыд, словно он обманул их. И он не мог избавиться от тайного страха и тревоги, которые грызли его сердце.

Миссионеру казалось, что весь этот день любое произнесенное им слово было ложью — например, когда он читал проповедь окрестным жителям, собравшимся в молельне, которую они помогли ему построить. Миссионер говорил на языке кри и по-английски; он говорил о благодати надежды и о том, что в каждом несчастье можно найти свою светлую сторону. Мак-Кей слушал его, сжимая руку Нейды, и был преисполнен умиротворения. Если бы в эту минуту в открытую дверь вошел Брео, он встретил бы полицейского спокойно, потому что отец Джон убедил его в необходимости такой жертвы.

Позднее, когда прихожане разошлись и они опять остались одни, отцу Джону пришлось вновь выслушать историю Желтой Птицы, потому что Нейда не устала расспрашивать про индианку. Однако миссионер впервые узнал, какую нравственную поддержку черпал Веселый Роджер в ее пророчествах.

— Конечно, это было глупо, — с виноватым видом признался Мак-Кей, хотя и видел по глазам Нейды, что она свято уверовала в колдовские способности Желтой Птицы. — Я знал, что обманываю себя, но мне от этого стало легче.

— Нет, вовсе не глупо! — заспорила Нейда. — Желтая Птица приходила ко мне, теперь я это знаю. И ей все было известно наперед.

— Веру никогда не следует называть глупостью, — мягко сказал отец Джон. — Желтая Птица верила, и это

главное. Она ни в чем не сомневалась, она верила, а это, возможно, придает мысли особую силу. Я верую в могущество мысли, дети мои. Я верую, что наступит день, когда она откроет нам даже тайну самой жизни. За сорок с лишним лет, прожитых мною в лесных дебрях, я видел немало странных вещей, и среди них не последнее место занимают замечательные способности людей, еще сохраняющих единство с природой. Мне кажется, Роджер, что Желтая Птица дала тебе много полезных советов. Не приходило ли тебе в голову...

Миссионер умолк, понимая, что говорит все это под влиянием все той же безотчетной тревоги, почти страха.

— Что вы хотели спросить, отец Джон? — сказала Нейда, наклоняясь к нему.

— Это только праздное любопытство, моя дорогая, и вы лишь посмеетесь надо мной. Я подумал, не приходило ли в голову Роджеру, что таинственный Далекий Край, который пригрезился Желтой Птице, — это просто какая-нибудь страна за пределами Канады. Ну, например, Соединенные Штаты.

Он говорил почти против воли и сразу же заметил, что Нейда уловила скрытый смысл его слов. Ее глаза широко раскрылись. Их синева потемнела, и Роджер, когда она повернулась к нему, увидел, что ее пальцы стиснули оборку платья.

— Или, скажем, Китай, Африка, Южные Моря, — засмеялся он, вспомнив свои мечты. — Да любая страна подальше отсюда!

Губы Нейды полураскрылись, она словно хотела что-то сказать, но промолчала, сжимая руки на коленях, а когда все-таки заговорила, миссионер понял, что она не решилась произнести вслух то, о чем думала на самом деле.

— Я очень люблю Желтую Птицу и когда-нибудь скажу ей об этом, — сказала Нейда.

Следует упомянуть, что с тех пор как Питер пришел с хозяином к Бернтвуду, ему все время казалось, будто он потерял что-то очень важное: занятый своим счастьем Мак-Кей почти не обращал на него внимания, да и Нейда теперь не возилась и не играла с ним, как в прошлые дни. Он лежал в стороне, изнывая от одиночества, но тут Нейда вдруг подбежала к нему и позвала за собой в частый ельник. Питер затаивал от восторга, как

шенок, а Нейда даже не взглянула ни на мужа, ни на отца Джона. Однако миссионер все же успел заметить выражение ее лица.

— Я был неосторожен,— сказал он, тяжело вздохнув.— Я поступил нехорошо, ибо теперь ей по моей вине захочется бежать с вами туда... на юг. Она поверила Желтой Птице, потому что Желтая Птица помогла вам вернуться к ней. Она верит...

— Я ведь тоже верил,— ответил Роджер, глядя на стену зеленых елок.

— Да... и все же вам лучше остаться. Счастье не приходит без искупления. Такова воля божья.

Веселый Роджер встал и посмотрел на юг.

— Это большое искушение, отец Джон. Я не знаю, хватит ли у меня сил расстаться с ней. Если бы Брео подождал хоть несколько месяцев! Но теперь...

Он медленно пошел туда, где за завесой из еловых ветвей скрылись Нейда и Питер. Отец Джон смотрел ему вслед, и на его губах дрожала улыбка. В глубине души он понимал, что он трус и что эти молодые люди сильнее его духом. Они были счастливы, потому что он ложными доводами внушил им веру в будущее, и они смирились с неизбежным, и вот теперь он сам в минуту слабости подверг их искушению. Он глядел им вслед; он не раскаивался в этом — наоборот, с его души спала большая тяжесть.

Несколько минут в сердце миссионера длилась борьба простых человеческих чувств и того отречения от себя, которого требовала проповедуемая им религия. Он никогда еще не испытывал такого состояния. В нем вдруг проснулась надежда. Пять лет были долгим сроком для него. Он снова и снова возвращался к этой мысли, а она привела за собой и другую: инстинкт самосохранения — это первый закон существования и, следовательно, не может быть греховным. Так отец Джон про себя отсекся от всего, что говорил раньше, хотя его спокойное улыбающееся лицо не выдавало этого, когда час спустя Нейда и Роджер вернулись в хижину с охапками первых цветов.

Щеки Нейды разругались, а глаза были синими, как пучок фиалок, который она приколотла у себя на груди.

Отец Джон почувствовал, что Веселого Роджера больше не угнетает сознание своей беспомощности перед лицом неотвратимой опасности — в его глазах, когда

он смотрел на Нейду, светилась неколебимая уверенность.

Когда наступил вечер, Питер оказался единственным свидетелем весьма таинственного события. Он сидел у Нейды в комнате. И Нейда была совсем такой, как раньше: она сжимала в ладонях его курчавую морду и болтала с ним. Но тут вдруг Питеру вспомнился некий узел, потому что Нейда очень тихо, словно боясь, что ее подслушивают невидимые уши, сложила на столе всякие вещи и связала их в узел, но уже другой. Этот узел она спрятала у себя под кроватью, как тот, первый,— под кустом шиповника на маленькой прогалине среди густого ельника под Гребнем Крэга.

Отец Джон лег в этот вечер рано. Его мысли были заняты Брео: до ближайшей фактории Компании Гудзона залива всего двенадцать миль, а полицейский, разумеется, сначала побывает там и уж потом отправится от хижины к хижине в поисках своей жертвы.

И вот вскоре после полуночи миссионер тихонько встал и при свете свечи написал записку Нейде о том, что ему нужно побывать на фактории и он не стал их будить, так как решил уйти еще до рассвета. Нейда прочла эту записку Мак-Кею, когда они сели завтракать.

— Он так часто делает,— объяснила Нейда.— Ему нравится ночной лес в лунном свете.

— Но ведь сейчас новолуние,— заметил Роджер.

— Правда...

— И когда отец Джон уходил, небо затянули тучи и было темно, хоть глаз выколи.

— Ты слышал, как он уходил?

— Да. И видел его лицо, когда он зажег свечу, чтобы написать эту записку. Вид у него был встревоженный.

— Роджер, о чем ты?

Мак-Кей подошел к ней сзади и, перегнувшись через спинку стула, поцеловал мягкие волосы и недоумевающие глаза своей жены.

— Это значит, женушка, что отец Джон отправился на факторию, чтобы навести справки о Брео. Это значит, что в глубине души он хотел бы, чтобы мы до конца последовали совету Желтой Птицы. Ведь он, по его мнению, разгадал, что такое Далекий Край. Это мир, лежащий за нашими лесами,— мир, такой огромный, что, если понадобится, мы можем уехать от конной полиции хоть за десять тысяч миль. Вот почему он отправился на факторию в такую ночь.

Нейда обхватила руками его шею и тоненьким, взволнованным голоском сказала:

— Роджер, мой узелок готов. Я собрала его вчера и спрятала под кровать.

Он обнял ее еще крепче:

— И ты готова пойти со мной... куда угодно?

— Да, куда угодно.

— На край света?

Прижатая к его груди взлохмаченная головка попыталась кивнуть.

— И оставить отца Джона?

— Да. Ради тебя. Но я думаю... когда-нибудь потом... он к нам придет.

Ее пальцы коснулись его щеки.

— Только, Роджер, пусть там, на краю света, тоже будут большие и прекрасные леса.

— Или пустыня, где им и в голову не придет нас искать,— засмеялся он.

— Пустыня мне, наверное, понравится, Роджер

— А необитаемый остров?

Она снова кивнула:

— Мне всюду понравится, если мы будем вместе.

— В таком случае... мы уедем,— сказал он, стараясь говорить спокойно, хотя его охватила радость, жаркая, как пламя. И почти невозмутимо он продолжал: — Но это означает, Нейда, что тебе придется отказаться почти от всего, о чем ты мечтала. От этих лесов, которые ты любишь, от отца Джона, от Желтой Птицы, Солнечной Тучки...

— Я мечтаю только об одном,— перебила она нежно.

— А ведь пять лет прошли бы очень быстро,— продолжал он.— Да и почему меня обязательно должны приговорить к пяти годам тюрьмы, а не к четырем или даже трем? И тогда мы могли бы спокойно жить в стране, которую так любим. Я с радостью останусь и сам сдамся полиции, если благодаря этому мы сможем быть счастливы.

— Я мечтаю только об одном,— повторила она, поглаживая его щеку.— Всегда быть с тобой, Роджер. И куда бы ты меня ни увез, я все равно буду самой счастливой женщиной в мире.

— Женщиной! — рассмеялся он.— Для меня ты навсегда останешься маленькой девочкой, которую я встретил у Гребня Крэга.

И внезапно, крепко прижав ее к себе, он крикнул с гневным вызовом:

— Мне легче лишиться жизни, чем потерять ее, Нейду,— маленькую девочку с распущенными волосами и земляничным пятном на носу, девочку, которая так свято верила в Лунного Человека! И я буду любить ее до конца моих дней.

Тем не менее весь этот день, пока они ждали возвращения отца Джона, Веселый Роджер вновь и вновь убеждался, насколько с тех пор Нейда переменилась. Однако эта перемена его тоже радовала и приводила в восторг. Нейда уже не была робкой, запуганной сироткой, которая потянулась к нему, пожалуй, только потому, что он был большим и сильным и мог ее защитить. Нет, теперь она любила его как подруга, равная ему во всем, а не потому, что чего-то боялась и чувствовала себя беспомощной. И с не меньшим восторгом он заметил еще одно: теперь он все больше начинал полагаться на нее, и когда они обсуждали свои планы, ее спокойная решимость и обдуманное суждение придавали ему новые силы и уверенность. Поглядев на ее волосы, уложенные в прическу, он сказал:

— Когда ты такая, ты моя Маргарита Анжуйская. А когда ты их распускаешь, ты снова становишься маленькой Нейдой с Гребня Крэгга. И... и я не понимаю, за что судьба дала мне такое счастье!

Весь этот день и Питер пытался по-своему осмыслить, что же произошло с Нейдой за месяцы их разлуки. Прикосновение ее руки по-прежнему радовало его, и все-таки он замечал какую-то перемену. Когда она прижималась щекой к его щеке и начинала с ним разговаривать, ее голос звучал даже нежнее, чем в те дни, но все-таки чего-то не хватало — их прежнего товарищеского равенства, хотя этого Питер понять не мог. Однако к новой Нейде он проникся яростным обожанием, которое было еще сильнее его прежней любви к ней. Теперь ему довольно было лежать, уткнувшись носом в ее туфлю или оборку платья. Но когда под вечер она ушла к себе в комнату и вскоре выбежала оттуда, распустив волосы и подхватив их вылинявшей лентой, привезенной с Гребня Крэгга, он запрыгал вокруг нее, заливаясь радостным лаем, и Нейда в ответ на его вызов пустилась с ним наперегонки через вырубку.

Вся раскрасневшаяся, она подбежала затем к Веселому Роджеру и, запыхавшись, упала в его объятия.

И вдруг сквозь облако ее растрепавшихся кудрей Мак-Кей увидел, что из леса кто-то вышел. Это был отец Джон. Он на мгновение остановился, а потом, пошатываясь, побрел к ним — казалось, он вот-вот упадет.

Нейда услышала, как Роджер судорожно вздохнул, почувствовала, как сжались его руки, и, оглянувшись, тоже увидела миссионера. Вскрикнув, она вырвалась от Мак-Кея и бросилась к старику.

Отец Джон тяжело оперся на ее плечо, и тут к ним подбежал Мак-Кей. Лицо миссионера было искажено усталостью, он задыхался, но, держась за сердце, он все-таки попытался улыбнуться им.

— Я торопился,— сказал он, силясь говорить спокойно.— И совсем запыхался.

Он перевел дух и посмотрел на Веселого Роджера.

— Роджер... я торопился... чтобы сказать вам... Брео совсем близко. Я опередил его на полмили или на милю.

Он взял побледневшее лицо Нейды в ладони и посмотрел на нее сквозь сгущающийся сумрак.

— Слишком поздно... я понял, что ошибся... дитя мое,— сказал он совсем спокойно.— Вам нельзя ждать Брео. Уходите! Времени терять нельзя. Если Брео не собьется с пути в темноте, он будет здесь через несколько минут. Быстрее!

Нейда молчала, пока они шли к хижине. Но что-то в ее упрямо вздернутом подбородке и откинутой голове сказало Роджеру, что она готова ко всему и не боится.

В хижине их встретила Усимиска, и Нейда что-то быстро шепнула ей. Было видно, что они обо всем договорились заранее,— Усимиска принесла из кухни набитый заплечный мешок, а Нейда появилась из своей комнаты с узлом в руке.

Она остановилась перед Мак-Кеем и миссионером, тяжело дыша от волнения.

— Больше ничего не надо делать!— воскликнула она.— Здесь все, что нам может понадобиться.

На мгновение она забыла обо всем, кроме отца Джона, и, обняв его, подняла на него глаза, в которых не было слез.

— Вы же приедете к нам? — прошептала она.— Вы обещаете?

Миссионер тоже обнял ее и прижался лицом к ее лицу.

— Молю бога, чтобы это сбылось,— произнес он тихо.

Руки Нейды конвульсивно сжались, и в эту секунду перед дверью хижины раздалось предостерегающее рычание.

— Питер! — вскрикнула Нейда.

Отец Джон задул лампу.

— Бегите, дети мои! — приказал он. — Быстрее! В двадцати шагах ниже заводи спрятан челнок. Вчера по моей просьбе его оставил там один из приходивших сюда индейцев. Роджер... Нейда...

Он на ощупь нашел в темноте их руки.

— Да будет на вас благословение божье! Отправляйтесь на юг... Прямо на юг. А теперь — скорее! Мне кажется, я слышу шаги...

Он толкнул их к двери. Нейда схватила узел, а Роджер — мешок. Внезапно миссионер заметил, что рядом стоит Питер, и, нагнувшись, крепко схватил его за загривок.

— Прощайте... — прошептал он хрипло. — Прощайте... Нейда... Роджер...

Нейда, всхлипнув, ответила из темноты:

— Прощайте, отец Джон!

Миссионер и Питер напряженно прислушивались, пока шаги тех, кого они любили, не затихли в ночной тьме.

Питер взвизгнул и попытался вырваться, но отец Джон захлопнул дверь.

— Тебе лучше остаться здесь, Питер, — попробовал он объяснить. — Лучше будет, если ты останешься со мной, для тебя же. Ведь они уедут очень далеко и поселятся в стране, где ты можешь зачахнуть и умереть. Да и в челноке для тебя нет места. Будь же умником, Питер, и останься со мной... со мной...

И Усимиска, которая неподвижно стояла в темноте, услышала, как отец Джон, ощупью искавший лампу, засмеялся странным, придушенным смехом.

Глава XXI

Хижина осветилась. Сначала вспыхнул желтоватый огонек спички, а потом загорелась лампа, и как только из темноты возникло восковое лицо отца Джона, Питер завизжал, заскулил и принялся царапать дверь.

Усимиска — Молодой Листок — стояла неподвижно, точно статуя, и, казалось, не дышала, хотя ее большие темные глаза были устремлены на отца Джона.

Прочитав в ее упорном взгляде испуганный вопрос, старичок с торжеством улыбнулся.

— Все хорошо, Усимиска,— сказал он вполголоса на языке кри.— Они ушли, и их не поймают. Занимайся своими делами так, словно ничего не произошло. Брео с минуты на минуту будет здесь.

Миссионер расправил плечи, словно собирая все свои силы и мужество, а потом подозвал Питера и начал утешать собаку, чьи хозяин и хозяйка бежали сейчас в темноте к заводу.

— Они уже добрались до завода,— сказал он и сел, поглаживая колючую морду Питера.— Они, наверное, как раз спустились к заводу, а Брео вышел на вырубку с противоположной стороны. Роджер должен легко найти челнок: он ничем не прикрыт и до него точно двадцать шагов. Я думаю, он его уже нашел и еще через минуту они отчалят. А по берегам Бернтвуда растет густой лес, и ночью никто не рискнет пуститься за ними в погоню пешком.

Внезапно он крепче сжал руки, и Усимиска, исподтишка наблюдавшая за ним, заметила, что его лицо просветлело.

— Они уже плывут,— воскликнул он ликующе,— а Брео еще не пересек вырубку!

Миссионер встал и принялся расхаживать по комнате, а Питер опять начал тоскливо обнюхивать дверь. Усимиска, предусмотрительная в минуту опасности, как все ее соплеменники, задернула занавески на окнах, и отец Джон одобрительно улыбнулся. Ему была неприятна мысль, что Брео, человек-ищейка, может тайком подсматривать за ним в окно. Расхаживая по комнате, он продолжал прислушиваться, не раздадутся ли шаги Брео. Питер, вздохнув, перестал царапать дверь и уселся у порога комнаты Нейды.

Отец Джон остановился возле него и положил ладонь ему на голову.

— Может быть, мы еще поедem к ним,— сказал он больше самому себе.— Когда-нибудь, когда они найдут безопасное убежище далеко отсюда.

Миссионер вдруг почувствовал, что Питер у него под рукой весь напрягся, а Усимиска предостерегающе вскрикнула. Потом она негромко запела на кухне, принимаясь чистить кастрюли и сковородки, уже начищенные до блеска, и продолжала петь, когда дверь хижины распахнулась. На пороге стоял Брео, ищейка.

Внезапность его появления удивила даже Питера, который не слышал никаких шагов снаружи. Полицейский стоял так несколько секунд, его худое острое лицо четко рисовалось на фоне ночного мрака, а загадочные глаза, прищуренные и все же острые, как буравчики, обводили хижину пронизательным взглядом, от которого ничто не могло ускользнуть.

В его позе чудилась смертельная угроза, и Питер глухо заворчал. Он тотчас узнал этого человека. Он видел его в сугробе посреди тундры и сразу проникся к нему недоверием, а потом они с хозяином убегали от него в самый разгар Черного бурана. Питер соображал быстро — в своем роде так же быстро, как сам Брео. И без каких-либо логических рассуждений он понял, что появление этого человека предвещает беду, и связал с ним непонятное исчезновение Веселого Роджера и Нейды.

Брео молча кивнул. Потом он увидел Питера, и его губы искривились в улыбке. Улыбка эта была почти дружеской и все же производила неприятное впечатление. Она говорила о характере этого человека, о его беспощадности, упорстве и умении добиваться своего. Он казался воплощением сурового и безжалостного рока.

Брео снова кивнул и протянул руку.

— Питер! — позвал он. — Поди-ка сюда, Питер!

Питер дернул ушами, но не тронулся с места. Однако острый взгляд Брео уловил и это легкое движение.

— Все еще хранит верность одному человеку! — заметил он, входя в хижину и останавливаясь перед миссионером. — Где Мак-Кей, преподобный отец?

Брео не закрыл за собой двери, и Питер не замедлил этим воспользоваться. Усимиска увидела, как он в два прыжка оказался за порогом, но не позвала его, а продолжала внимательно слушать. Брео повторил свой вопрос:

— Где Мак-Кей, преподобный отец?

Питер в темноте снаружи услышал голос полицейского, потому что на мгновение остановился, отыскивая свежий след Нейды и Роджера. Это был очень простой след — прямо к заводу, а оттуда двадцать шагов вниз по течению к маленькой галечной косе. На этой косе была ясно видна борозда от лодки, и тут следы кончались.

Питер заскулил, вглядываясь в черный тоннель между стенами леса, где чуть слышно журчала и булькала

вода на пути к еще более темной и густой чаще. Он по брюхо вошел в воду, почти решившись плыть вдогонку за хозяевами, помедлил, прислушиваясь, и не услышал ни голосов, ни плеска весла.

Но ведь он знал, что Нейда и Веселый Роджер должны быть где-то совсем близко!

Питер выбрался на косу и пошел вниз по течению реки, внимательно нюхая воздух и то и дело останавливаясь, чтобы прислушаться. Иногда он ловил в воздухе запах своих хозяев, но он тратил слишком много времени на частые остановки и потому челнок был все время впереди.

С кормы этого челнока Мак-Кей еле различал в слабом свете звезд, кое-где пробивавшемся сквозь ветки, бледное лицо Нейды.

Он беззвучно засмеялся от радости.

— Наконец-то моя мечта сбылась, Нейда,— прошептал он.— Ты со мной. И мы отправляемся в совсем другой мир. Там нас никто не найдет. Никто, кроме отца Джона, когда мы пошлем ему весточку. Ты не боишься?

Она ответила чуть дрогнувшим голосом:

— Нет, не боюсь. Только тут очень темно...

— Еще две-три ночи, и нам опять будет светить луна — твоя луна, и Лунный Человек будет нам улыбаться. Я понимаю, каково приходится Лунному Человеку, когда он томится по ту сторону земли и не может тебя увидеть, Нейда!

Она ничего не ответила, и Роджер наклонился вперед, вглядываясь в смутное пятно ее лица.

Тут он услышал вздох, похожий на всхлипывание.

— Я о Питере,— пробормотала она, предупреждая его вопрос.— Роджер, ну почему мы не взяли с собой Питера?

— Наверное, это мы зря,— ответил он и даже на мгновение перестал грести.— Но, пожалуй, для Питера так будет лучше. Он вырос в лесах и никакой другой жизни не знает. А там, куда мы попадем...

— Я понимаю. А потом отец Джон привезет его к нам?

— Да. Он обещал. Питер приедет к нам вместе с отцом Джоном.

Нейда обернулась и поглядела в непроницаемый мрак перед ними. Он был таким густым, что казалось,

будто челнок вот-вот упрется в стену. И вода, журчавшая у бортов, казалась черной, как смола.

— Мы въезжаем в большое болото за кедровником,— объяснил Веселый Роджер.— Тут можно играть в жмурки, не завязывая глаз, верно? Ты хоть что-нибудь видишь?

— Дальше носа челнока ничего, Роджер.

— Ну-ка, переберись поближе ко мне, только осторожно,— сказал он.

Нейда послушалась.

— Теперь медленно повернись лицом к носу и прислони голову к моим коленям.

Нейда сделала и это.

— Так уютнее,— прошептала она,— устраиваясь поудобнее.— Гораздо уютнее.

Роджер перегнулся, чуть не вывихнув позвоночник, и отыскал в темноте ее щеку, которую и поцеловал.

— Я опасался, что ты не заметишь какой-нибудь ветки над водой,— объяснил он, когда выпрямился.— Ты могла бы больно ушибиться.

Они помолчали, и Роджер вновь начал медленно и ритмично работать веслом. Потом Нейда лукаво спросила:

— Ты ведь думал только про ветки, Роджер, и про то, что они могут меня ушибить?

— Ну конечно,— ответил он со смешком.

— А раз так, то мне сидеть очень неудобно,— пожаловалась она.— Уж лучше я выпрямлюсь, и пусть ветки выколют мне глаза!

Однако она не привстала, а только осторожно, чтобы не помешать ему грести, коснулась его лица.

— Ты тут!— промурлыкала она, словно успокаиваясь.— Я решила на всякий случай проверить: здесь такая темнота!

И в этом непроницаемом мраке, вслепую пробираясь по водному лабиринту, они были счастливы. Мак-Кей внимательно глядел вперед, но ничего не видел, и каждое его движение было легким и точным, словно в танце. То же ощущение охватило и Неиду. Ночь уже не пугала ее. Ведь они были вместе— и вместе, забыв страх, отправлялись навстречу неведомому, таинственному и манящему будущему. А ночь надежно укрывала их. Самая ее тьма была приветливой и дышала надеждой. Роджер еще два раза опускал руку, ища лицо Неиды, и она прижимала ее к губам, спокойная и счастливая.

Они продвигались по болоту очень медленно, потому что из-за темноты Роджер греб еле-еле, осторожно выбирая путь. Он часто въезжал в кусты или упирался в топкий берег, и Нейде не раз приходилось зажигать спички, чтобы помочь ему выбраться из ветвей упавшего дерева. Роджеру очень нравились эти мгновения, когда во мраке вдруг вырисовывалось ее лицо, и дважды он без всякой надобности просил ее зажечь спичку, чтобы подольше ею любоваться.

Но в конце концов Роджер почувствовал, что челнок вошел в течение; вскоре после этого вершины деревьев поредели, стало чуть светлее, и он понял, что они приближаются к концу болота. Полчаса спустя оно осталось позади, над их головами виднелось чистое небо, а за бортом весело журчала быстрая вода.

Нейда выпрямилась; и было уже так светло, что Веселый Роджер увидел даже блики звездного света в ее волосах. Разглядел он и милую гримаску на ее лице, хотя она и пробовала улыбнуться.

— Ой! — воскликнула она. — Нога совсем затекла! Я не могу шевельнуться!

— Мы сейчас подыщем подходящее место и разонемся, — ответил Мак-Кей, взглянув на часы при свете последней спички. — Мы обогнали Брео по крайней мере на два часа — ведь другого челнока ему взять негде.

Веселый Роджер начал вглядываться в берег и вскоре увидел справа белую полоску песка. Там они полчаса отдыхали.

Потом они отправились дальше, и Мак-Кей уже был готов благословлять болото: ведь теперь оно было преградой на пути Брео!

— Не думаю, что он сумеет пробраться через него без лодки, даже если догадается, куда мы направились, — объяснил он Нейде. — И значит, нам ничто не грозит.

Его голос звенел веселым торжеством, которое сменялось бы ледяным отчаянием, если бы он мог заглянуть в непроницаемую тьму там, где Бернтвуд петлял по болоту, или в еще более густой мрак, окутывавший трясину по его берегам.

Через трясину, с трудом находя путь между бочагами и гнилыми корягами, которые в темноте казались жуткими чудовищами, бежал Питер.

А по Бернтвуду медленно, но уверенно плыл человек, ловко отталкиваясь от илистого дна длинным шестом, которому послушно подчинялся легкий плот из двух стянутых проволокой кедровых стволов, без труда проходивший там, где еще совсем недавно скользил челнок.

Человеком этим был Брео-ищейка.

— Болота ему не одолеть! — с торжеством повторил Мак-Кей. — Даже если он догадается, что мы поплыли сюда, болота ему не одолеть, Нейда!

— Но он ведь и не догадается! — возразила Нейда с такой же уверенностью. — Отец Джон направит его на ложный след.

А позади них в смоляном мраке болота, порой раздвигая узкие губы в мрачной улыбке и вперяясь в тьму широко открытыми, круглыми, как у совы, глазами, плыл на своем плоту Брео.

Глава XXII

Питер, мокрый, облепленный грязью, упрямо бежал через топь, потому что все время чувствовал где-то поблизости непонятное, беззвучное присутствие Брео.

Порой чуть заметный ветерок, словно поднятый крыльями бабочки, доносил до его ноздрей запах Брео, но чаще теплый воздух оставался совсем неподвижным. Всякий раз этот запах приходил откуда-то спереди, и в конце концов Питер решил, что Брео должен быть там же, где Нейда и Роджер. Однако их запаха он не чувствовал, и это сбивало его с толку. Иногда он оказывался у черной воды протоки, но неизменно опаздывал на несколько секунд и не успевал увидеть во мраке тень Брео или услышать легкий плеск его шеста.

Он бежал вперед среди неясных теней и непонятных всхлипывающих звуков, от которых кровь стыла в его жилах, хотя он давно уже привык ничего не бояться. Теперь его не пугало злобное шипение сов. Он не останавливался и не сворачивал с пути, заслышав злое щелканье клювов. Удары когтей по коре и тихий хруст валежника были ему теперь не в новинку, и он не обращал на них внимания, поглощенный одним желанием: поскорее догнать своих хозяев. Совсем другое пугало теперь Питера и зажигало красные огоньки в его глазах: маслянистое чавканье жирной грязи, которая пыталась

засосать его, хриплый смешок трясины, вцеплявшейся в него точно живое существо, кашлявшей и плевавшейся, когда он вырывался из ее хватки.

Грязь залепляла Питеру глаза, и порой он не видел даже темноты, но все-таки продолжал бежать вперед. И наконец, опять оказавшись у протоки, он услышал новый звук — тихий и мерный плеск шеста в руках Брео.

Питер побежал быстрее, потому что земля под его лапами стала тверже, и вскоре догнал человека на плоту. Он слышал его дыхание и даже разглядел на фоне черной стены леса чуть менее темную движущуюся тень.

Но запаха Нейды или Веселого Роджера не было, и поэтому привычная осторожность не позволила Питеру выдать свое присутствие. Он не стал обгонять Брео, а держался вровень с ним или чуть позади, но так, чтобы все время слышать плеск. То и дело он поднимал нос и принюхивался, надеясь вот-вот обнаружить присутствие тех, кого хотел разыскать во что бы то ни стало.

На рассвете они выбрались из болота, а когда Брео причалил к косе, где несколько часов назад отдыхали Нейда и Веселый Роджер, на востоке уже занималась заря.

Брео очень устал, но, увидев следы на песке, он усмехнулся почти добродушно. Он был в хорошем настроении. Однако об этом трудно было бы догадаться постороннему наблюдателю. В лесных дебрях Брео слыл человеком без сердца. Он был наделен охотничьим инстинктом лисы или волка, безжалостным упорством ласки и неуклонно следовал букве закона, не зная сострадания, не делая исключений ни для кого. Во всяком случае, его считали таким, а если в нем и крылось какое-то благородство, то по его холодным, прищуренным глазам, тонким губам и злому, насмешливому лицу догадаться об этом было нельзя. Начальство считало его безотказным автоматом, который настигнет преступника, даже если все до него потерпели неудачу.

Но в это утро, испытывая ломоту во всем теле после ночного плавания на плоту, Брео, глядя на предательские следы, усмехался, а потом и громко рассмеялся. Он потянулся так, что хрустнули кости. У него не было привычки разговаривать с самим собой, но думал он следующее:

«Вот здесь, у этого камня, сидел Веселый Роджер

Мак-Кей. Отпечаток только один. Значит, его жена сидела у него на коленях: вот следы ее каблуков. На ней туфли, а не мокасины».

Усмехнувшись еще раз, он снял с плота свой казенный рюкзак.

«Можно не торопиться,— думал он.— Теперь они от меня не ускользнут. Они считают, что провели меня,— и ошибаются. А это всегда кончается плохо. Всегда».

Когда Брео бывал совсем один, он порой давал себе чуть-чуть воли, словно на краткий срок отпуская арестанта. Например, он свистел. И довольно мелодично, точно вспоминал о каких-то былых счастливых минутах. А когда он принялся поджаривать грудинку и бросил в кипящую воду горсть сушеного картофеля, он напевал песню, тоже довольно приятно — даже для таких внимательных ушей, как уши Питера.

Ибо Питер, подкравшись сквозь кусты, лежал теперь всего шагах в двадцати от Брео и жадно вдыхал запах грудинки.

Питер знал повадки волков и лисиц, но Брео он не знал и не мог догадаться, почему тот вдруг засвистел громче и почему его песня стала более звонкой. Несколько минут спустя Брео, не оглянувшись на Питера, позвал спокойно и деловито:

— Сюда, Питер! Завтрак готов!

Питер даже пасть открыл от удивления. А Брео повернулся к нему, ухмыляясь во весь рот, и продолжал звать его самым дружеским образом. Не выдержав, Питер вскочил, готовый драться или бежать.

Брео бросил ему жирный кусок грудинки, который держал в руке. Грудинка упала в двух шагах от носа Питера, а он был ужасно голоден. Восхитительный запах одурманил его, заставив забыть про осторожность. Несколько секунд он боролся с собой, потом стал тихонько продвигаться вперед и вдруг, молниеносно схватив грудинку, сразу ее проглотил.

Брео весело рассмеялся, и его лицо, освещенное солнцем, не показалось Питеру лицом врага.

За первым куском последовал второй, потом третий, и вскоре Брео уже пришлось поджаривать новую порцию.

«Это тебе в счет того, что ты сделал тогда в тундре,— думал он.— Если бы не ты...»

Брео даже не стал додумывать эту мысль до конца. А на Питера он больше не обращал ни малейшего внима-

ния. Он знал собак даже, пожалуй, лучше, чем людей, и ничем не показал Питеру, что на самом деле очень им интересуется. По-прежнему посвистывая и напевая, Брео вымыл посуду, вновь приладил рюкзак на плоту и поплыл дальше по течению.

Питер, так и не вышедший из кустов, был тем не менее не только удивлен, но и почувствовал себя покинутым. Ведь этот человек оказался вовсе не врагом, а теперь он его бросил, как прежде хозяин и хозяйка. Он заскулил, и Брео еще не скрылся из виду, как Питер был уже на косе и сразу учуял запах Нейды и Веселого Роджера. Брео нарочно оставил у воды большой кусок слипшегося сушеного картофеля, и Питер проглотил его с такой же жадностью, как раньше грудинку. А потом, как и рассчитывал Брео, побежал вслед за плотом.

Брео не торопился, но и не делал остановок. В его неторопливом, неуклонном продвижении вперед было что-то почти механическое, хотя он знал, что челнок может плыть почти втрое быстрее его плота. Он внимательно всматривался в берега. До полудня Брео трижды замечал следы привала и посмеивался, вспоминая сказку про зайца и черепаху. Сам он задерживался возле этих стоянок не больше двух-трех минут и тотчас отправлялся дальше.

Питера приводили в недоумение размеренно-спокойные движения человека из тундры. Он следил за ними, и его все больше и больше завораживало их неизменное однообразие. Вверх-вниз, вверх-вниз поднимался и опускался длинный шест, высокая фигура ритмично покачивалась, от плотика расходились две маленькие волны да в воздухе плыли колечки дыма из трубки преследователя. Брео не оглядывался. И тем не менее он замечал все. Пять раз за утро он видел Питера, но не позвал его и ничем не выдал, что знает о его присутствии.

В полдень он причалил к берегу, чтобы приготовить обед; разведя костер и достав сковородку, он выпрямился и тем же уверенным тоном позвал:

— Эй, Питер, Питер! Иди-ка сюда, приятель!

И Питер пришел. Борясь с инстинктом, который требовал от него осторожности, он сначала высунул голову из кустов и посмотрел на Брео. Тот, не обращая на него никакого внимания, начал резать грудинку. Когда божественный запах жарящегося мяса достиг ноздрей Питера, он тихонько подобрался ближе и с глубоким вздохом растянулся на земле.

Брео услышал этот вздох.

— Что, опять проголодался, Питер? — спросил он небрежно.

Но у него уже давно для этой минуты была припасена жареная грудинка, оставшаяся от завтрака. Он начал рвать ее на части и бросать кусочки Питеру, а сам думал:

«Зачем я это делаю? Пес мне ни к чему. Он будет только мешать и поедать мои запасы. Но это по-честному. Долги надо платить, а он помог спасти меня в тундре».

Вот так Брео, человек, не знавший милосердия, ищейка закона, определил положение. И он поджарил для Питера пять ломтиков грудинки.

Теперь Питер бежал за плотом, не скрываясь. Под вечер Брео убил косулю, и за ужином они с Питером вволю наелись свежего мяса. Недоверчивость Питера была окончательно побеждена, и он позволил Брео погладить себя. Прикосновение этой руки не особенно понравилось Питеру, но он вежливо терпел, и Брео пробормотал одобрительно, хотя его резкий голос не смягчился:

— Однолюб!

В этот день Питер несколько раз чувствовал запах Нейды и Роджера там, где они выходили на берег, и к вечеру окончательно уверился, что Брео приведет его к ним. Вот почему он и дальше шел за Брео.

На следующий день они увидели брошенный челнок — беглецы пошли на юг пешком через лес. Брео обрадовался, так как ему очень надоело работать шестом. Вечером взошел молодой месяц, и при виде этого узенького серпа Питер почувствовал отчаянное желание кинуться вперед и догнать тех, кого он искал. Однако другой, более могучий инстинкт заставил его остаться с Брео.

В эту ночь Брео спал на своем ложе из кедровых веток как убитый. Но за час до рассвета он уже был на ногах и развел костер, а с первыми лучами зари они отправились в путь. Теперь полицейский не смотрел по сторонам в поисках следов, понимая, что это бесполезно. Но он знал намерения Мак-Кея и шел быстро, прикидывая, что Нейда за то же время пройдет вдвое меньше. В три часа дня он добрался до гряды высоких холмов и на вершине одного из них остановился.

Питера снедало нетерпение, и он утрачивал доверие к Брео. Не то чтобы он начал его опасаться, но в тече-

ние всего дня до него ни разу не донесся запах Нейды или Веселого Роджера, и постепенно Питер приходил к выводу, что ему следует заняться их розысками самому.

Брео заметил его возбуждение и понял его причину.

«А за псом стоит понаблюдать,— подумал он.— У него есть чутье и инстинкт, которых нет у меня. Да, это будет полезно. Мак-Кей и его жена где-то близко. Возможно, они шли даже медленнее, чем я предполагал, и еще не перебрались через эти холмы, а может быть, они уже там, на равнине. В таком случае я рано или поздно увижу дым костра».

В течение часа он глядел на равнину в бинокль, ожидая, что где-нибудь за деревьями поднимется струйка дыма. Не выпуская из виду и Питера, который рыскал ниже по склону, описывая все более широкие круги. И вдруг ярдах в двухстах от него Питер как-то странно завертелся на краю лужайки. Он принялся обнюхивать землю, ловил носом воздух, бегал взад и вперед. Затем без колебаний направился на юго-запад.

В мгновение ока Брео вскочил на ноги, подхватил рюкзак и бросился к лужайке. Там на мягкой земле он что-то увидел и с угрюмой улыбкой на тонких губах тоже зашагал прямо на юго-запад.

След, найденный Питером, был трех-четырёхчасовой давности и в сумерках вывел его к пешеходной тропе, которая на много миль южнее оканчивалась у одной из факторий Компании Гудзонова залива. На этой тропе, протоптанной не одним поколением обитателей лесных дебрей, оставили свои отпечатки и тяжелые сапоги Роджера Мак-Кея. Теперь Питер все яснее чуял знакомый запах, но осторожность, воспитанная лесной жизнью, не позволяла ему бежать быстро, хотя его снедал огонь нетерпения.

Вновь наступила темнота, а потом выплыл месяц, уже более яркий, чем накануне, и осветил им путь.

Глава XXIII

Заря постепенно разгоралась над тихими водами реки Уиллоубед, там, где покидая дремучие хвойные леса, она вьется среди серебристых березовых рощ в долине Нельсона. Над землей курился легкий душистый туман, поднимаясь к прозрачному небу, которое обещало про-

буждающейся природе новый ясный день. В этой легкой дымке защебетала первая пташка, сначала робко и неуверенно, а потом все смелее и громче. Однако только когда туман начал рассеиваться, пушистая певунья совсем очнулась от сна и с березовой ветки, нависавшей над водой, полились звонкие трели.

Она то и дело поглядывала вниз, словно удивляясь, почему такая тишина и неподвижность царят там, где на закате происходило столько удивительных вещей и звенела песня, совсем непохожая на ее собственные. Но теперь на ее песенку никто не ответил. Шалаш из еловых и кедровых веток сверкал от росы, на месте веселого костра чернели остывшие угли, и, взъерошив перья, пичужка излила свое торжество в утреннем гимне.

В шалаше Нейда слушала его сквозь дремоту. Она лежала, уютно пристроив голову на руке Роджера, и ей казалось, что песня звучит где-то в отдалении. Она улыбнулась, и губы ее дрогнули, словно и во сне она была готова вступить в состязание с маленькой певицей. А потом песня унеслась совсем вдаль, Нейда ее уже больше не слышала и снова недолго погрузилась в глубокое забытие, как вдруг ее разбудило что-то непонятное.

Очнулась она не сразу, но наконец открыла глаза. Голова ее уже не лежала на руке Роджера. Он сидел боком к ней и не смотрел на нее. «Наверное, час уже поздний», — подумала Нейда, увидев, что лицо мужа озарено утренним солнцем. Она улыбнулась, села и со счастливым смехом встряхнула волосами.

— Роджер... — начала она.

И онемев, широко раскрыв глаза: рядом с Роджером был Питер! Но не поэтому у Нейды перехватило дыхание и в сердце острой иглой вонзился страх.

На бревне, которое Роджер накануне притащил из чащи, сидел, глядя на них, худой человек с острым лицом. На его губах играла странная улыбка, и Нейда сразу поняла, что это Брео.

Несколько секунд он продолжал сидеть неподвижно и молча, и все же ей стало жутко. Нейда решила, что глаза у него нечеловеческие, а губы похожи на сложенные вместе лезвия двух ножей. Его улыбка — вернее, полуулыбка — не была веселой, а только злорадной. При взгляде на Брео никому и в голову не пришло бы, что он любит шутить.

Полицейский кивнул:

— Доброе утро, Веселый Роджер Мак-Кей. И... доброе утро, миссис Мак-Кей. Простите, что я вторгаюсь в ваше уединение, но долг есть долг. Я Брео, сержант королевской северо-западной конной полиции.

Мак-Кей облизнул губы. Брео заметил это, и его улыбка стала шире.

— Я понимаю, что вам сейчас нелегко,— сказал он.— Но скажите спасибо Питеру. Это он привел меня к вам.

Брео встал и небрежно направил на Веселого Роджера свой пистолет.

— Будьте так добры, подойдите поближе, Мак-Кей,— сказал он, побрякивая наручниками, которые держал в левой руке.

Роджер встал, а с ним и Нейда, которая обеими руками вцепилась в его локоть.

— Это лишнее, Брео,— сказал Роджер.— Я не буду сопротивляться.

— Ну все-таки так будет надежнее! — возразил Брео, и его глаза блеснули.— Протяните, пожалуйста, руку...— Браслет щелкнул на запястье Веселого Роджера.— Я ведь Брео, а не Теренс Кассиди,— усмехнулся полицейский.— И никогда напрасно не рискую. Никогда!

Он молниеносно наклонился, и второй браслет щелкнул на руке Нейды. Брео отступил и с той же усмешкой оглядел своих пленников.

— Вот теперь все в порядке,— посмеивался он.— Теперь вам не удастся ускользнуть от меня.— Он спрятал пистолет и отвесил Нейде низкий поклон:— Как вам нравится семейная жизнь, миссис Мак-Кей?

Роджер побледнел; даже Нейда не была так бледна.

— Трус! — сказал он тихо и внятно.— Подлый, жалкий трус! Ты намерен оставить мою жену в кандалах?

— Вот именно,— ответил Брео.— Я не намерен спускать вам те хлопоты, которые вы мне доставили. Я считаю, что каждый человек должен платить свои долги, будь то мужчина или женщина. Да к тому же вы наверняка наплели ей кучу всяких небылиц.

— Это неправда! — гневно крикнула Нейда.— Вы...

— Ну-ну, договаривайте,— добродушно ободрил ее Брео.— Договаривайте, миссис Мак-Кей. Если не подвертывается подходящее слово, я могу вам подсказать.

Он помолчал, раскуривая трубку.

— Видите ли, я не вполне точно следую служебным инструкциям, когда нахожусь в обществе столь добрых друзей,— насмешливо извинился он.— Другими словами, вы оба закоренелые преступники. Кассиди представил против вас множество самых веских улик. Он говорит, Мак-Кей, что вас надо повесить сразу же, как только вы попадете к нам в руки. Он предупреждал меня, чтобы я был осторожнее: вы ночью перережете мне горло и глазом не моргнете, представсья вам только случай. А я человек ценный. Начальству без меня никак не обойтись.

Мак-Кей молчал, крепко сжав губы.

— Теперь, когда вы лишены возможности сопротивляться, я собираюсь вам кое-что рассказать,— объявил Брео.— А заодно разведу костер. Надо же нам позавтракать. Мы с Питером голодны, как волки. Хороший пес, Мак-Кей. Он спас нас в тундре. Вы рассказывали об этом миссис Мак-Кей?

Брео не стал ждать ответа и, насвистывая, поджег березовую кору, которую он подложил под сухие кедровые ветки, собранные Роджером накануне.

— Там-то и начались мои неприятности, миссис Мак-Кей, в Голых Землях,— продолжал он, не глядя на Роджера.— Видите ли, нам троим — полковнику Тэвишу, Портеру (который стал теперь его зятем) и мне — представилась неповторимая возможность погибнуть мученической смертью и навеки войти в историю конной полиции. Но дело испортили этот тупица, ваш супруг, и Питер. Ну, с Питера взятки гладки, он все-таки только собака. Но злой умысел Мак-Кея сомнению не подлежит. Он самым дерзким образом помешал нам стать мучениками: разыскал нас в темноте и увел к себе в сугроб. Не слишком-то благородный поступок — как, по-вашему? Ну, полковник Тэвиш — большая шишка, а Портер — его зять, да и мисс Тэвиш была спасена заодно с нами. Вот они и решили, что так этого дела оставить нельзя.

Брео не смотрел на них — с невыносимой медлительностью он подкладывал хворост в костер.

— Ну и...— Он выпрямился и повернулся к ним.— Ну и на меня был возложен крайне неприятный долг разыскать вас, Мак-Кей, и вручить вам отпущение всех ваших прошлых грехов на веки вечные, аминь. Вот оно.

Брео вытащил из кармана конверт с внушительными печатями и протянул его не Мак-Кею, а Нейде.

Ни Нейда, ни Роджер не взяли конверта. На губах Брео по-прежнему играла насмешливая улыбка, его глаза-буравчики глядели на них холодно и весело, и в первую минуту они не усомнились, что это еще одна его злобная шуточка. Потом Нейда схватила конверт и вскрыла его, а Мак-Кей смотрел на Брео, веря и не веря.

Нейда вскрикнула, и этот крик, в котором слезы мешались с радостью, открыл ему правду. Стиснув в руке драгоценную бумагу, Нейда спрятала лицо на груди мужа, а Брео, улыбаясь во весь рот, подошел к ним сзади, и Мак-Кей услышал, как щелкнул замок наручников.

— Кроме того, мне поручено передать вам кучу всяких глупостей,— сказал полицейский, вернувшись к констру.— Во-первых, этот рыжий бездельник Кассиди просил сообщить вам, что он строит для вас на вырубке дом в четыре комнаты и что к вашему приезду дом будет уже готов. Во-вторых, скво, по имени Желтая Птица, и краснокожий, который назвался Быстрым Оленем, велели сказать, что вас всегда ждут в их типи. А хорошенькая девчонка, которую зовут Солнечная Тучка, посылает вам столько поцелуев, сколько листьев в лесу...

Брео перевел дух и усмехнулся, не поднимая головы. Поэтому он не заметил, какими сияющими глазами смотрит на него Нейда.

— Но самая смешная штука вышла с младенцем,— продолжал он, готовясь резать грудинку.— Они его ждут в самом скором времени (я говорю про жену Кассиди). И уже выбрали ему имя. Роджер — если родится мальчик, и Нейда — если это будет девочка. Они просили передать вам это. Дураки, правда? Совсем поглупели от счастья...

И тут Франсуа Брео, испытавшему за свою жизнь немало самых странных и страшных приключений, довелось узнать нечто совсем для него новое. Без всякого предупреждения его вдруг принялись душить две тонкие руки, ему запрокинули голову, и к его узким, сухим губам на мгновение прижались теплые нежные губы.

— Черт возьми! — воскликнул он, уронил грудинку и, вскочив на ноги, пошатнулся точно подстреленный.— Черт... меня... возьми!

Он схватил свой рюкзак и скрылся в молодом ельнике, даже не оглянувшись. Завтрак ждал, ждали Нейда, Веселый Роджер и Питер, но Франсуа Брео так и не вернулся. Он был странным, загадочным человеком, суровым и безжалостным охотником за людьми, не знающим, что такое страх. Но теперь он трусливо бежал в чащу — бежал от двух алых губок, которые его поцеловали.

Вот так Брео впервые в жизни явился вестником радости, а не горя, и маленькая певица на вершине березы, словно почувствовав, какое счастье воцарилось внизу, залилась ликующей песней.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 5

ГРИЗЛИ.

Повесть.

Перевод

В. Неделина

Глава I. Король и его владения . . .	7
Глава II. Незваные гости	11
Глава III. Первая встреча	15
Глава IV. Планы охотников	21
Глава V. Мусква	25
Глава VI. Тэр убивает карibu . . .	32
Глава VII. Брюс уточняет факты . .	40
Глава VIII. Мать Мусквы	46
Глава IX. Поединок	52
Глава X. Через горы	58
Глава XI. Брюс и Ленгдон на месте побоища	65
Глава XII. В неведомую страну . . .	67
Глава XIII. Пипунескус	76
Глава XIV. Появление собак	81
Глава XV. Попался	90
Глава XVI. Приручение Мусквы . . .	96
Глава XVII. Тэр собственной персоной	104
Глава XVIII. Великодушие сильного .	109
Глава XIX. Последняя схватка . . .	113
Глава XX. «Прощай, Мусква!» . . .	116
Глава XXI. Мусква ищет своего друга	119

КАЗАН.

Повесть.

Перевод

Н. Дехтеревой

Глава I. Удивительная встреча . . .	127
Глава II. На Север	131
Глава III. Мак-Криди возвращает долг	135

Глава IV. На воле	141
Глава V. Нападение	150
Глава VI. Казан знакомится с Джоанной	155
Глава VII. Сквозь пургу	164
Глава VIII. Великие перемены . . .	169
Глава IX. Трагедия на Скале Солнца .	174
Глава X. Лесной пожар	181
Глава XI. Всегда вдвоем	188
Глава XII. «Красная смерть»	196
Глава XIII. По дорогам голода . . .	202
Глава XIV. Право клыка	208
Глава XV. Поединок под звездами . .	211
Глава XVI. Голос крови	214
Глава XVII. Сын Казана	221
Глава XVIII. Воспитание Ба-Ри . . .	225
Глава XIX. Вторжение	230
Глава XX. Вражда	235
Глава XXI. Выстрел на песчаной отмели	243
Глава XXII. Методы Сэнди Мак-Тригера	248
Глава XXIII. Вмешательство профессора Мак-Джила	253
Глава XXIV. Одна во мраке	256
Глава XXV. Конец Сэнди Мак-Тригера	260
Глава XXVI. Пустой мир	265
Глава XXVII. Зов со Скалы Солнца .	267

БРОДЯГИ СЕВЕРА.

Повесть.

Перевод

И. Гуровой 273

В ДЕБРЯХ СЕВЕРА.

Роман.

Перевод

И. Гуровой 439

Кервуд Д.

К 36 Гризли. Казан. Бродяги Севера. В дебрях Севера: Пер. с англ. / Ил. Л. Т. Кузнецова.— М.: Правда, 1991.— 640 с., ил.

ISBN 5—253—00450—5

Создатель этой книги Джеймс Оливер Кервуд (1878—1927) родился и прожил большую часть своей жизни в штате Мичиган, у канадской границы. В молодости работал журналистом, редактором, а потом начал писать. Страстный охотник, натуралист и путешественник, Кервуд подолгу бродил в глухих и малонисследованных местах Северной Канады, хорошо знал и любил этот суровый край. Природе Канады и жизни четвероногих обитателей канадского Севера посвящены его лучшие произведения.

К $\frac{4703040100-2528}{080(02)-91}$ 2528—91

84.7 США

Литературно-художественное издание

Кервуд Джеймс Оливер

БРОДЯГИ СЕВЕРА

Редактор
Г. Ф. Фролова

Оформление художника
А. И. Неровного

Художественный редактор
В. В. Масленников

Технический редактор
К. И. Заботина

ИБ 2528

Подписано к печати с готовых матриц 20.12.90.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
Усл. печ. л. 33,60. Усл. кр.-отт. 34,02. Уч.-изд. л. 36,30.
Тираж 500 000 экз. (2-й завод: 250 001—500 000).
Заказ № 10098. Цена 5 руб.

Набрано и сматрицировано в ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции типографии
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП, А-137, Москва, улица «Правды», 24.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени
типографии издательства «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

5 руб.

